

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2022. № 480. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 480. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.;
А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –

Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); N. Glushchenko, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate Professor; S. Vo-
robeyov, PhD in Biology, Senior Researcher; A. Glazunov, Dr. of
Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina, Dr. of Philo-
logy, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology; V. Zinoviev, Dr.
of History, Professor; D. Katunin, PhD in Philology, Associate
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of Tomsk
State University Publishing House; T. Portnova, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical
Literature Publishing House; A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathemat-
ics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova,
PhD in Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin,
PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr.
of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr.
of Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Александрова К.С. Как менялся подход к переводу «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык	5
Галькова А.В. Особенности эстетической рефлексии в мемуарно-автобиографической прозе А.Н. Бенуа	13
Моргунова О.В. Репрезентация семантики слов общественный и социальный в толковых словарях русского языка	23
Незнамова А.Ю. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А.С. Пушкина	34
Степовая В.И., Третьяков Е.О. Отражение современности в переводческой интерпретации комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» Алистера Битона	39

ФИЛОСОФИЯ

Соломко Д.В., Соколов С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспекты компенсаторного механизма культуры	48
Шишкин В.В. Снятие проблемы совместимости детерминизма со свободой воли	57

ИСТОРИЯ

Алексеев Д.В. Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции	63
Алексеев Т.В. Альтернативы развития оружейного производства в России петровского периода (конец XVII – первая четверть XVIII в.) в отечественной историографии	73
Аристов С.В., Аристова В.Н. Роль коммуникации в процессе выживания узников нацистских концлагерей	84
Афанасьев А.Л. Трезвенное движение как реформистское в период «выбора пути» в России в 1907–1914 гг.	92
Воропанов В.А. Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики	99
Ли Л. Начальный этап русско-китайских культурных взаимодействий	107
Миронов В.В. Европейское общество в условиях пандемии. Мониторинг СМИ и Копенгагенская школа безопасности	114
Рагозин Г.С. Консервативное прочтение австрийской идентичности в сочинениях Фридриха фон Генца и Адама Мюллера фон Ниттердорфа (1816–1832 гг.)	123
Савельева А.С. Материалы по бронзолитейному производству эпохи палеометалла в долине реки Кия и новые данные элементного состава бронз из могильника Шестаково I	132
Сушко А.В., Петин Д.И. Чекист, фронтвик, публицист: к биографии Бориса Антоновича Янковского	142
Расколец В.В., Костерев А.Г., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники: научный вклад в развитие профильных отраслей	149
Чуркин М.К. Практики адаптивного поведения чиновников Переселенческого управления МВД в контексте экспедиционной повседневности конца XIX – начала XX вв.	162
Шереметьева Д.Л. Интервью премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского как исторический источник (30 июня 1918 – 22 ноября 1919 г.)	169

CONTENTS

PHILOLOGY

Alexandrova K.S. The change of approach to English translations of Alexander Pushkin's <i>A Journey to Arzrum</i>	5
Galkova A.V. Features of aesthetic reflection in the memoirs and autobiographical prose of Alexandre Benois	13
Morgunova O.V. Semantics of <i>obshchestvennyy</i> and <i>sotsial'nyy</i> : Representation in Russian explanatory dictionaries	23
Neznamova A.Iu. The epithet "Italian" in Alexander Pushkin's literary, journalistic and epistolary works	34
Stepovaya V.I., Tretyakov E.O. Reflection of modernity in the translation interpretation of Nikolai Gogol's comedy <i>The Government Inspector</i> by Alistair Beaton	39

PHILOSOPHY

Solomko D.V., Sokovikov S.S., Neveleva V.S. Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture	48
Shishkin V.V. Determinism and free will: Removing the problem of compatibility	57

HISTORY

Alekseev D.V. The digitalization of the European migration policy in the context of the securitization of migration	63
Alekseev T.V. Development alternatives for arms production in Russia during the reign of Peter the Great (the late 17th – first quarter of the 18th centuries) as reflected in Russian historiography	73
Aristov S.V., Aristova V.N. The role of communication in the survival of Nazi concentration camp prisoners	84
Afanasev A.L. The reformist character of the temperance movement in Russia in the "path choice" period in 1907–1914	92
Voropanov V.A. Judges of provincial general jurisdiction courts in Western Siberia in the first half of the 19th century: Formal qualitative characteristics	99
Li L. The initial stage of Russian-Chinese cultural interactions	107
Mironov V.V. European society in a pandemic. Media monitoring and the Copenhagen Security School	114
Ragozin G.S. Conservative approach towards the Austrian identity in works by Friedrich von Gentz and Adam Müller von Nitterdorf (1816–1832)	123
Savelieva A.S. Materials of bronze foundry of the Paleometal Epoch in the Kiya River valley and new data about elemental composition of bronzes from the Shestakovo I burial ground	132
Sushko A.V., Petin D.I. Chekist, participant in hostilities, publicist: To the biography of Boris Antonovich Yankovsky	142
Raskolets V.V., Kosterev A.G., Kim M.Yu. Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering: Scientific contribution to the development of specialized industries	149
Churkin M.K. Practices of adaptive behavior of officials of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs in the context of expeditionary everyday life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries	162
Sheremeteva D.L. Interviews with Pyotr Vologodsky, prime minister of the anti-Bolshevik governments, as a historical source (30 June 1918 – 22 November 1919)	169

ПЕДАГОГИКА

Астафьев Н.В., Куклева Г.А. Обучение биатлонистов различной спортивной квалификации знаниям правил стрельбы и умениям их применять: мнение экспертов	180
Володина О.В. Опыт-экспериментальная работа по реализации методической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования	187
Емельянова Я.Б. Повышение межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний переводчика в процессе обучения иностранным языкам	207
Казаква О.А., Фрик Т.Б. Жанроориентированная методика обучения письменной речи на русском языке как иностранном (на примере жанра «рекомендательное письмо»)	217
Пешков В.Ф. Пролонгированное действие методик физкультурно-оздоровительных занятий на мужчин пожилого возраста	227
Makarova O.Yu., Kazakova U.A., Gorbunova D.V. Development of professional tolerance in medical students through professionally-oriented foreign language training	236

ПРАВО

Васильев С.А. Трансформация конституционно-правовых отношений в условиях внедрения современных технологий	244
Князьков А.С., Ведрентцева С.В. Проблемы криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом	250
Малышева О.А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации	262

PEDAGOGICS

Astafiev N.V., Kukleva G.A. Training of biathletes of different sports qualifications in the knowledge and application of shooting rules: Expert opinion	180
Volodina O.V. Experimental work on the implementation of the methodological model of fostering personal intellectual culture in undergraduate pedagogical students by means of foreign-language education	187
Emelyanova Ya.B. Increasing interlingual mobility of the translator's linguacultural knowledge in the teaching of foreign languages to trainee translators	207
Kazakova O.A., Frik T.B. The genre-based Approach to teaching writing in Russian as a foreign language (on the example of the recommendation letter genre)	217
Peshkov V.F. Prolonged effect of methods of physical culture and health classes on elderly men	227
Makarova O.Yu., Kazakova U.A., Gorbunova D.V. Development of professional tolerance in medical students through professionally-oriented foreign language training	236

LAW

Vasiliev S.A. Transformation of constitutional and legal relations in the context of the introduction of modern technologies	244
Knyazkov A.S., Vedrentseva S.V. Problems of criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method	250
Malysheva O.A. On a new vector of professional training of an investigator in the conditions of digital transformation	262

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1(73)
doi: 10.17223/15617793/480/1

Как менялся подход к переводу «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык

Ксения Сергеевна Александрова¹

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, kseniaalexandrova@yandex.ru

Аннотация. Представлен сравнительный анализ пяти переводов «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык. Исследование разделено на пять частей, помимо введения и заключения: сравнение общего подхода и формальных различий, обзор расхождений в переводе топонимов и этнонимов, часть, посвященная экзотизмам и передаче прямой речи, анализ более сложных лексических нюансов и крупных синтаксических конструкций, а также указание на ряд неточностей и расхождений с оригинальным текстом. Автор делает выводы о том, как менялся со временем подход к переводу этого произведения.

Ключевые слова: Пушкин, переводы, «Путешествие в Арзрум», путевая проза, сравнительный анализ

Для цитирования: Александрова К.С. Как менялся подход к переводу «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина на английский язык // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/480/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/1

The change of approach to English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzum*

Ksenia S. Alexandrova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kseniaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The author compares five English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzum* that we know now. These are works made by Birgitta Ingemanson (1974), Ronald Wilks (1998), David and Ludmila Matthews (2003), Nicholas Pasternak Slater (2013), and Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (2016). Four of these translations (the latter ones) have not been included into the latest bibliography of English translations and studies of Pushkin's works (1999). The growing number of translations may indicate an increasing interest to *A Journey to Arzum*. This study aims to detect the translators' strategies (the level of domestication or foreignization) and their approach to Pushkin's work; to mark the mistakes and inaccuracies, stylistic features, lexical and syntactic peculiarities of translations and differences between them and between them and the original text. The study also shows how the translators' approach to *A Journey to Arzum* changed over time. By pointing out all these we can conclude which type of audience suits each translation most and what the general tendency is. In the article the author gives basic information about these translations and their authors and analyze the examples according to the following sections: formal distinctions and main difference in the approaches; toponyms and ethnonyms; exoticisms and direct speech; stylistic peculiarities of the translations (where the author analyzes bigger, complicated, most stylistically expressive fragments of the text and variations in translating names and titles, along with noting syntactic peculiarities). The majority of inaccuracies the author has found come from David and Ludmila Matthews' translation. At the same time this work is the easiest to perceive for broad (especially non-academic) audience or readers that are not well familiar with Russian and Caucasian culture of that period (foreign-language quotes are translated as well as many exoticisms etc.). The other translators tend to save accurately the specificities of Pushkin's text and local peculiarities. The author states that, in general, earlier translators chose domestication as a strategy while the later ones preferred foreignization. The highest degree of foreignization in addition to tendency towards maximal figurativeness of the text is observed in Richard Pevear and Larissa Volokhonsky's version. The latter characteristic sometimes does not clearly match the lucidity of Pushkin's style. Birgitta Ingemanson with rare exceptions shows quite a good balance at this point in her translation. It is also interesting to mention that Nicholas Pasternak Slater tries to correct Pushkin's own inaccuracies. The author concludes that all the translations are done properly. Ingemanson's, Wilks', Pasternak Slater's and Pevear and Volokhonsky's versions are distinguished by a very accurate and thorough approach. However, Matthews' translation is good and unique in terms of accomplishing a specific purpose – being understandable by common readers. This way it serves to the popularization of *A Journey to Arzum* among the English-speaking audience.

Keywords: Pushkin, translations, *A Journey to Arzum*, *The Journey to Erzurum*, travel prose, comparative studies

For citation: Alexandrova, K.S. (2022) The change of approach to English translations of Alexander Pushkin's *A Journey to Arzrum*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/1

Введение

«Путешествие в Арзрум» – ярчайший образец путевой прозы А.С. Пушкина и самое большое его произведение, написанное в жанре путешествия. Считается, что произведения Пушкина довольно тяжело переводить на иностранные языки, в том числе и на английский. Однако постоянно появляются переводы и исследования его художественного творчества. К сожалению, документальные и критические (нехудожественные, non-fiction) произведения Пушкина до сих пор не были предметом такого живого интереса. Стоит обратить более пристальное внимание на документальную прозу, которая не доставляет столько трудностей в переводе из-за отсутствия особенностей строения стихотворного или просто художественного текста, относительно небольшого количества изобразительно-выразительных средств, простоты, «сухости» и ясности, сообразной с английским языком. Давно назрела потребность посмотреть, как это отразилось на переводах «Путешествия в Арзрум» – одного из наиболее заметных произведений Пушкина в этом жанре, можно ли проследить в них основные тенденции и каковы они, менялся ли подход к переводам со временем.

Насколько нам известно, на английский язык «Путешествие в Арзрум» было переведено пять раз и до сих пор эти переводы не подвергались подробному анализу (за исключением кратких отзывов и упоминаний в различных исследованиях) и не сравнивались между собой. При этом четыре из них не вошли в последнюю полную библиографию переводов произведений Пушкина на английский язык и англоязычных исследований, посвященных им [1] (три вышли после ее издания; еще один, вероятно, также был опубликован, когда библиография уже была в печати, но в этом случае утверждать однозначно нельзя). Учитывая, что указанные переводы сделаны в последние двадцать лет (два последних – фактически в последние семь лет), а до этого «Путешествие в Арзрум» долгое время не переводили вообще, можно констатировать возросший интерес переводчиков (и, возможно, аудитории) к произведению и потребность в анализе проделанной работы. Все это обосновывает необходимость заполнить существующее белое пятно и сделать анализ, сравнение и выявление стадийно-хронологических особенностей основных тенденций актуальными.

Первый перевод был выполнен Биргиттой Ингемансон во время ее работы над диссертацией в Принстонском университете и опубликован в 1974 г. [2] известным американским издательством «Ardis», специализирующимся на переводах русской литературы и посвященных ей исследованиях. Интерес к путевой прозе Пушкина пробудился у англоязычных исследователей как раз в 1970-х гг. В это и последующее десятилетия вышло довольно много работ, связанных с «Путешествием в Арзрум», что серьезно повысило степень изученности произведения, до сих пор не

привлекавшего внимания. Конечно, Ингемансон сыграла огромную роль в изучении путевой прозы Пушкина, поскольку ей принадлежат не только первый перевод «Путешествия», но и комментарии к нему, а также первые его исследования [3, 4].

Второй перевод вышел в 1998 г. [5] и имеет британское происхождение. Он издан в популярной серии Penguin Classics вместе с «Повестями Белкина» и другими произведениями. Его выполнил известный переводчик классической русской литературы Рональд Уилкс, предисловие к изданию написал литературный критик Джон Бэйли, тогда профессор Оксфордского университета.

Третий перевод тоже издан в Великобритании, его подготовили Дэвид и Людмила Мэтьюз для полного собрания сочинений русского поэта (том с «Путешествием в Арзрум» вышел в 2003 г. [6]).

Четвертый перевод издан не так давно – в 2013 г. [7]. Он опубликован вместе с переводом «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, при этом информация о нем не указана ни на обложке, ни в кратких аннотациях. Автор перевода – племянник Б.Л. Пастернака Николаас Пастернак Слейтер. Предисловие к изданию написал профессор Оксфордского университета Эндрю Кан. В предисловии о Пушкине говорится мало, он представлен лишь в русле его влияния на Лермонтова.

Последний на сегодняшний день перевод «Путешествия в Арзрум» опубликован совсем недавно. Он издан в 2016 г. [8] вместе с другими произведениями с подзаголовком «The Complete Prose of Alexander Pushkin», хотя в действительности этот том не является полным собранием пушкинской прозы. Его осуществила известная пара переводчиков – Ричард Пивер и Лариса Волохонская.

Первый перевод «Путешествия в Арзрум» был хорошо принят аудиторией (об этом вспоминала сама Б. Ингемансон), до сих пор активно используется исследователями, поэтому острой необходимости в новых переводах не было. Тем не менее за довольно небольшой срок вышло четыре новых перевода. Все они даже при первом рассмотрении имеют довольно яркие особенности и даже отличаются друг от друга. Интересно выявить, в чем именно заключаются эти различия.

Формальные отличия и общая разница в подходе

Первое, что бросается в глаза, – это разные варианты названия: «A Journey to Arzrum» в переводе Б. Ингемансон, «A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign» у Р. Уилкса, «The Journey to Erzurum During the Campaign of 1829» в переводе Д. и Л. Мэтьюз, «A Journey to Arzrum During The 1829 Campaign» у Н. Пастернака Слейтера и «Journey to Arzrum During the Campaign of 1829» у Р. Пивера и Л. Волохонской.

Конечно, сохранение заголовка в изначальном виде делает понимание содержания при первом знаком-

стве более полным. Возможно, вариант Ингемансон обусловлен желанием упростить эту довольно громоздкую конструкцию, чтобы облегчить восприятие и запоминание, сделать его более лаконичным с целью популяризации произведения (это был первый перевод, а значит, неспециалисты в большинстве своем совсем ничего не знали об этой работе Пушкина).

Много вопросов вызывает использование разных артиклей (или же их отсутствие) в переводе заглавия. Изменение оттенков смысла, порожденное этим различием, по-разному представляет путешествие Пушкина (как особенное, неповторимое, конкретное при определенном артикле, как рядовое, «одно из» – при неопределенном и еще более общее понятие, вид путешествия – в отсутствии артикля, что может смотреться странно в полном заголовке, где указан год). Безусловно, на восприятие заглавия влияют и разные варианты названия города, выбранные переводчиками («Arzrum» созвучно использованному Пушкиным, Erzurum – современное и, соответственно, более понятное). Как мы увидим, последний вариант предпочли только Мэтьюз, чей перевод как раз наиболее адаптирован для восприятия неподготовленным англоязычным читателем.

Если говорить о формальных отличиях, можно отметить то, что в переводах используются разные системы транслитерации (например, «Belov and Oryol» [6. Р. 478] у Мэтьюз, «Belyov and Oryol» [5. Р. 133] у Уилкса, «Belev and Orel» у Ингемансон [2. С. 15], Пастернака Слейтера [7. Р. 145], Пивера и Волохонской [8. Р. 363]. В этом плане показательно, как передано турецкое название гермафродита: у Уилкса [5. Р. 166] и Пастернака Слейтера [7. Р. 173] – «Khoss»; у Пивера и Волохонской – «Hoss» [8. Р. 391]; у Мэтьюз – «foss» [6. Р. 512]; у Ингемансон – «Xoss» [2. Р. 70].

Содержание глав у Ингемансон, Уилкса, Пастернака Слейтера, Пивера и Волохонской оформлено, как у Пушкина – отдельными предложениями; у Мэтьюз – через точку с запятой.

Ингемансон, Уилкс, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская сохраняют французские отрывки текста, тогда как у Мэтьюз сразу приведен английский перевод. То же касается и других языков (например, латыни), если речь идет не о стихотворном тексте. Сведения о медицинском состоянии гермафродита и его ответ на вопрос о кастрации у Ингемансон, Уилкса, Пастернака Слейтера, Пивера и Волохонской приведены в тексте на латыни, а у Мэтьюз – на английском. Все авторы используют разные переводы литературных текстов («Илиада», «Стамбул гяуры нынче славят...», названия «Горе от ума», цитаты из Корана и т.д.).

Ингемансон, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская, как и Пушкин, первую главу начинают с многозначия в отличие от Уилкса и Мэтьюз. У всех переводчиков сохранены авторские примечания и добавлены собственные комментарии (последнее – за исключением Мэтьюз). Перевод Пивера и Волохонской снабжен словарем местных (кавказских) понятий.

Все это, конечно, кардинальным образом не меняет смысл, но в комплексе с другими деталями влияет на восприятие.

Топонимы и этнонимы

Отдельно можно сказать о том, как авторы переводят топонимы и этнонимы. Такого рода отличия начинают проследиваться с самого заглавия произведения, в котором фигурирует название города. Все переводчики, кроме Мэтьюз, выбрали максимально приближенное по звучанию к использованному Пушкиным «Арзрум» – Arzrum. Мэтьюз же остановился на более современном названии. В этом плане показателен перевод места, где Пушкин говорит о правильном и неправильных вариантах. У Ингемансон [2. Р. 79], Уилкса [5. Р. 172], Пивера и Волохонской [8. Р. 395]: «Arzrum (incorrectly called Arzerum, Erzrum, Erzron)». У Мэтьюз: «Erzurum (incorrectly called Arzerum, Erzrum, Erzron)» [6. Р. 517]. У Пастернака Слейтера: «Arzrum (wrongly called Arzerum, Erzrum, Erzron)» [7. Р. 177]. Как видим, первые трое сделали совершенно одинаковый перевод, вариант Пастернака Слейтера отличается лишь использованием «wrongly», тогда как у Мэтьюз ключевой посыл изменен (правда, он не вступает в прямое противоречие с тем, что мы видим у других переводчиков).

Часть различий, связанных с топонимами и этнонимами, тоже влияет на восприятие текста, пусть и не так сильно. Уже упомянутую тенденцию к упрощению можно видеть, например, в переводе названия «Военная Грузинская дорога»: «The Georgian Military Highway» у Ингемансон [2. Р. 20], «The Georgian military highway» у Уилкса [5. Р. 136], «The Georgian Military Road» у Мэтьюз [6. Р. 482], «the Georgian Military Highway» у Пастернака Слейтера [7. Р. 147], «the Georgian military highway» у Пивера и Волохонской [8. Р. 363]. Среди этнонимов отметим следующий пример: «Tartar bathhouse attendant» у Ингемансон [2. Р. 38] и Уилкса [5. Р. 148], «Tatar bath-attendant» у Мэтьюз [6. Р. 490] и Пастернака Слейтера [7. Р. 157] и «Tatar bath attendant» у Пивера и Волохонской [8. Р. 375]. Здесь пары «road-highway» и «Tartar-Tatar» представляют чуть более архаичный и немного более современный вариант соответственно, однако в случае с первой парой не столько этимологически (этимология «highway» проследивается довольно глубоко), сколько в расхожем понимании, к тому же road – более общее понятие.

Больше русского колорита придает сохранение оригинального звучания названий. Например, у Ингемансон – «I went by to visit Goryachie Vody...» [2. Р. 9], у Уилкса – «From Georgiyevsk I went to visit Goryachiye Vody...» [5. Р. 135], у Мэтьюз – «I proceeded to the warm springs of the Goryachie Vody...» [6. Р. 481], у Пастернака Слейтера – «I took a trip out of Georgiyevsk to the Hot Springs...» [7. Р. 147], у Пивера и Волохонской – «From Georgiyevsk I went to see Hot Springs...» [8. Р. 365]. В последних двух вариантах переводчики сделали буквальный перевод, тогда как Мэтьюз прибегли к своеобразной «расшифровке» названия. С одной стороны, этот ход помогает достигнуть и сохранения звучания, и смысловой ясности, с другой стороны рассчитан, скорее, на неподготовленную аудиторию.

Такой же техники Мэтьюз придерживаются и в передаче более образных топонимов. Например, «Rapid Beam (Beshenaya Balka)» [6. Р. 487] у Мэтьюз, «Furious Gorge» [2. Р. 29] у Ингемансон, «Frenzied Gorge» [5. Р. 141] у Уилкса, «Raging Gorge» [7. Р. 152] у Пастернака Слейтера и «Furious Gully» [8. Р. 370] у Пивера и Волохонской. То, что в этом случае большинство переводчиков предпочли отказаться от сохранения фонетического своеобразия русской речи, обусловлено, скорее всего, именно яркой образной характеристикой исходного названия.

Стоит также остановиться на повторении неточностей, допущенных самим Пушкиным, а именно ошибок в воспроизведении грузинской лексики (подробнее о том, как повторялись, исправлялись или усугублялись эти ошибки в русских собраниях сочинений, см. [9]). Ингемансон сохраняет пушкинское «Tbilis-kalar», поясняя, как и Пушкин, прямо в тексте, что это значит «Hot City» [2. Р. 39]. Мэтьюз же избегают «опасного» словосочетания, заменяя его на «The name itself...» и также поясняя, что название переводится как «Hot Town» [6. Р. 495]. Практически идентичны варианты Пивера и Волохонской («Its very name (Tbilis-kalar) means "Hot City"» [8. Р. 377]) и Уилкса («Its very name (Tbilis-kalar) means Hot City» [5. Р. 150]), они не делают никаких исправлений. Пастернак Слейтер также, по сути, делает буквальный перевод пушкинского текста («Its very name (Tbilis-kalak) means 'hot city'» [7. Р. 159]), но, как мы видим, в его варианте исправлена ошибка, которая в первую очередь бросается в глаза, – «kalar – kalak». Добавлять окончания именительного падежа и как-то избавляться от дефиса, в этом случае не характерного для грузинского языка, никто из переводчиков не стал.

Экзотизмы и прямая речь

Особый интерес представляют понятия, прочно связанные с местными реалиями и не всегда имеющие прямой перевод. Например, для перевода существительного «оказия» [10. Р. 418] Ингемансон [2. Р. 20], Уилкс [5. Р. 136] и Мэтьюз [6. Р. 482] использовали довольно точно отражающее смысл «opportunity»; Пастернак Слейтер [7. Р. 148] сделал выбор в пользу фонетического соответствия, оставив «okaziya»; вариант Пивера и Волохонской («occasion» [8. Р. 365]), с одной стороны, совмещает оба этих преимущества, с другой стороны, может показаться не таким точным, как «opportunity» (хотя, конечно, грань очень тонкая и во многом это дело вкуса).

Показательны решения, которые находят переводчики для обозначения средств транспорта. Пушкинское «коляски, брички, кибитки...» [10. С. 418] у Ингемансон переведено как «carriages, brichkas, and the hooded carts...» [2. Р. 20], у Уилкса – «barouches, brichkas and covered wagons...» [5. Р. 136], у Мэтьюз – «the carriages, the britzkas, the covered wagons...» [6. Р. 482], у Пастернака Слейтера – «coaches and carriages, and the covered wagons...» [7. Р. 148], у Пивера и Волохонской – «carriages, britzkas, kibitkas...» [8. Р. 366]. Как мы видим, одни и те же слова могут быть

выбраны для разных понятий (например, «carriages» у Ингемансон, Мэтьюз и Пивера и Волохонской – это коляски, у Пастернака Слейтера – брички). Только Пивер и Волохонская сохраняют слово «кибитка», при этом все, за исключением Пастернака Слейтера, оставили «брички». Только Пивер и Волохонская оставляют в своем переводе «арба» (в этом месте «двухколесные арбы» [10. С. 418] – «two-wheeled arbas» [8. Р. 366]), тогда как у остальных – «cart» (в этом месте у Ингемансон [2. Р. 20] и Пастернака Слейтера [7. Р. 148] – «two-wheeled carts», у Мэтьюз – «bullock carts» [6. Р. 482], у Уилкса – «two-wheeled bullock carts» [5. Р. 136]). Как видно, у Мэтьюз отсутствует информация о том, что арбы двухколесные, зато (как и у Уилкса) появилось дополнение о том, что они запряжены волами (чего нет у Пушкина).

Значительное место в произведении занимают ориентализмы (подробнее см.: [11, 12]). Остановимся на некоторых из них. Использованное у Пушкина «черкесский чекмень» [10. С. 415] переведено у Ингемансон [2. Р. 16], Уилкса [5. Р. 133], Мэтьюз [6. Р. 479], Пивера и Волохонской [8. Р. 363] как «Circassian jacket», а у Пастернака Слейтера – «Circassian chekmen» [7. Р. 145]. Часто переводчики отказываются от использования экзотизмов, чтобы не затруднять понимание текста. Пастернак Слейтер в этом случае старается сохранять своеобразие местных понятий (что мы видим по предыдущему примеру). Но в этом нет четкой системы. В аналогичной ситуации (перевод слова «бурка») читаем: у Ингемансон [2. Р. 25] и Уилкса [5. Р. 139] – «felt cloak», у Мэтьюз [6. Р. 484] и Пастернака Слейтера [7. Р. 150] – просто «cloak», у Пивера и Волохонской [8. Р. 368] – «burka».

Максимально отказываются от тактики сохранения экзотизмов Мэтьюз. Например, когда все остальные оставляют оригинальное название вина («“chikhir” wine» [2. Р. 29] у Ингемансон, просто «chikhir» у Уилкса [5. Р. 142], Пастернака Слейтера [7. Р. 153], Пивера и Волохонской [8. Р. 370]), Мэтьюз используют просто «Caucasian wine» [6. Р. 488].

Конечно, употребляя специфические понятия, приходится активнее использовать пояснения в скобках и сноски. Но Мэтьюз упрощают даже те места, где комментарии дает сам Пушкин. Для этого они заменяют названия их краткими определениями. Например, у Ингемансон видим: «his sheep-skin papakha* and painted nails», в тексте сноски: «This is what Persian caps are called» [2. Р. 31]. У Пастернака Слейтера: «his sheepskin papakha cap or his painted nails» (комментарии у него приведены в конце) [7. Р. 153]. У Пивера и Волохонской: «his lambskin papakha* and painted nails», в тексте сноски: «So Persian caps are called. *Author.*» [8. Р. 371]. У Уилкса: «his papakha* and his painted nails», в тексте сноски: «Thus Persian fur caps are called (A.S. Pushkin)» [5. Р. 142]. У Мэтьюз эта же фраза переведена следующим образом: «his tall sheepskin Persian hat or his painted fingernails» [6. Р. 488].

Иногда Мэтьюз просто убирают то, что поясняет сам Пушкин. Например «целый ряд катаров (мулов)» [10. С. 427] у Ингемансон [2. Р. 34], Уилкса [5. Р. 144],

Пастернака Слейтера [7. Р. 155], Пивера и Волохонской [8. Р. 372] переведен как «a whole line of katars (mules)», тогда как у Мэтьюз – просто «a whole line of mules» [6. Р. 490].

«Шашлык» [10. С. 443] переведен у Ингемансон [2. Р. 61] как «shishkebab», у Мэтьюз [6. Р. 507] – как «shashlyks», у Уилкса [5. С. 161], Пивера и Волохонской [8. Р. 386] и Пастернака Слейтера [7. Р. 169] – как «shashlik». По сути это одно и то же, т.е. оба перевода верны. Возможно, Ингемансон выбрала более популярную форму, менее похожую на использованную у Пушкина и привычную русскому человеку, поскольку последняя в то время еще не так прочно вошла в обиход английского языка (о термине см., например, [13]).

Также следует отметить, что Ингемансон сохраняет звучание местных наречий, давая перевод в скобках (собственно, как это делает и Пушкин), например, «verbana at (give me a horse)» [2. Р. 52]. Также поступают и Уилкс [5. Р. 156], Пивер и Волохонская [8. Р. 382] и Пастернак Слейтер [7. Р. 165]. У Мэтьюз в этом случае видим просто: «Give me a horse...» [6. Р. 502].

Если говорить об особенностях передачи речи, то, конечно, самым интересным будет отрывок, в котором фиксируется короткий разговор Пушкина с молодой калмычкой, поскольку его своеобразие основано на том, что девушка плохо владеет русским языком. У Ингемансон этот диалог передан очень подходящим образом: «“What's your name?” – *** – “How old are you?” – “Ten and eight.” – “What are you sewing?” – “Trousers.” – “For whom?” – “For self?”» [2. Р. 18]. Мэтьюз немного меняет структуру пушкинского предложения и практически полностью лишают речь девушки неграмотности (за исключением ответа о возрасте): «“What's your name?”, I asked. “How old are you?” “Ten and eight.” “What are you sewing?” “Trousers.” “For whom?” “For myself.”» [6. Р. 480]. У Слейтера этот отрывок отличается от перевода Мэтьюз тем, что он приводит ответ девушки о ее имени звездочками (как у Пушкина) и по-другому передает окончание диалога: «“Who for?” – “Me”» [7. Р. 147]). Это несколько обескураживает, поскольку неполнота вопроса Пушкина бросается в глаза не меньше, чем ответ калмычки, при этом оригинальное «“Портка”» [10. С. 417] по-прежнему никак не передано. У Уилкса диалог переведен вполне адекватно: «“What's your name?” “***.” “How old are you?” “Ten and eight.” “What are you making?” “Trousers.” “For whom?” “Me”» [5. Р. 35]. Хороший вариант перевода с удачным окончанием также сделали Пивер и Волохонская: «“What's your name?” – “***” – “How old are you?” – “Ten and eight.” – “What are you sewing?” – “Pant.” – “For whom?” – “For self.”» [8. Р. 364].

Стилистические особенности перевода

Лексические нюансы, касающиеся перевода экзотизмов, проявляются и когда речь идет о передаче обычных русских названий (буквальным переводом или условно транскрибируя их), например, «Moscow

Telegraph» у Ингемансон [2. Р. 47], Пастернака Слейтера [7. Р. 162], Уилкса [5. Р. 153], Пивера и Волохонской [8. Р. 379]; «Moskovsky Telegraph» [6. Р. 499] у Мэтьюз. В другом примере с названием газеты речь идет уже о выборе слова: «Тифлиссские ведомости» [10. С. 431] – «Tiflis Record» [2. Р. 39] у Ингемансон, «Tiflis News» [7. Р. 158] у Пастернака Слейтера и более архаичное «Tiflis Gazette» у Уилкса [5. Р. 149], Мэтьюз [6. Р. 494], Пивера и Волохонской [8. Р. 375].

Стилистические предпочтения в передаче некоторых слов в разных переводах не меняют смысла и труднообъяснимы. Например, простое «Признаюсь...» [10. С. 414] в предисловии (у Ингемансон [2. Р. 12] и Пивера и Волохонской [8. Р. 361] – «I confess...») превращается у Уилкса [5. Р. 131], Мэтьюз [6. Р. 477] и Пастернака Слейтера [7. Р. 143] в «I must confess that...». Далее это выражение встречается снова и переводится аналогичным образом.

Конечно, гораздо богаче стилистические нюансы в переводах фраз, где использованы изобразительно-выразительные средства. К примеру, снеговая гряда, «подпирающая небосклон» [10. С. 424], у Пастернака Слейтера – «sustains the horizon» [7. Р. 153], у Ингемансон – «“holds up the horizon”» [2. Р. 30], у Мэтьюз – «supported the horizon» [6. Р. 488], у Уилкса – «props up the horizon» [5. Р. 142], у Пивера и Волохонской – «props up the heavenly vault» [8. Р. 371]. Как видим, здесь нет повторений, но очевидно, что вариант Пивера и Волохонской – самый сложный, и дополнительный эпитет делает фразу более вычурной.

Перевод разговорных выражений также представляет интерес. Здесь показательны слова Шереметьева по возвращению из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!» [10. С. 423]. У Пастернака Слейтера этот отрывок передан так: «Life in Paris is hard, my friend – there's nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [7. Р. 152]. У Ингемансон: «It's terrible, brother, to live in Paris: there's nothing to eat; you can't get hold of black bread!» [2. Р. 28]. У Уилкса: «It's rotten living in Paris, my friend: there's just nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [5. Р. 141]. У Мэтьюз: «My dear fellow, it's difficult to live in Paris. There's nothing to eat. You can't get black bread for love or money!» [6. Р. 486]. У Пивера и Волохонской: «Life in Paris is bad, brother: nothing to eat; no black bread for the asking!» [8. Р. 369]. Перевод последних наиболее буквальный, но «for the asking» скорее обозначает то, что довольно легко достать, поэтому, возможно, не передает всей силы выражения «не допросишься». Вариант Ингемансон в общем и целом отражает простоту и лаконичность оригинального текста, но немного лишен его выразительности. В трех других переводах используется яркое устойчивое выражение, делающее, однако, фразу более громоздкой.

Отрывок, в котором Пушкин рассказывает о встрече с Фазиль-ханом, содержит и слово, употребленное в переносном значении («съехать»), и экзотизм («папах»), и передачу прямой речи, и довольно непростой для перевода эпитет («важно-шутливый»): «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.

Со стыдом принужден я был оставить важнo-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости» [10. С. 424].

У Ингемансон он передан следующим образом: «He hoped to see me in Petersburg; he was sorry that our acquaintance would be of short duration, and so on.» With shame I was forced to abandon my pompously jocular tone and come down to ordinary European phrases. That was a lesson for our Russian tendency to make fun of others» [2. P. 30].

Пожалуй, «come down» – очень удачный выбор, отражающий разговорный характер и переносный смысл выражения «съезжать». Уилкс использует не такие простые слова и выражения («descend», «facetiousness», «phraseology»): «He hoped to see me in St Petersburg, he regretted that our acquaintance would be so short-lived and so on. To my shame I was compelled to abandon my mock-serious tone and descend to normal European phraseology. This was a lesson for Russian facetiousness» [5. P. 142].

Похожая ситуация и в переводе Пивера и Волохонской: «He hoped to see me in Petersburg; he was sorry that our acquaintance would be of short duration, and so on. Embarrassed, I was forced to abandon my pompously jocular tone and descend to ordinary European phrases. This is a lesson for our Russian love of mockery» [8. P. 371].

У Мэтьюз этот отрывок передан вполне удачно, обращают на себя внимание только составное сказуемое «expressed his regret», которого нет в оригинале: «He hoped to see me in Petersburg with me should have been so brief and so on. Ashamed, I was obliged to give up my gravely facetious tone and to resort to usual European phraseology. Here is a lesson for our Russian sarcasm» [6. P. 488].

У Пастернака Слейтера тоже видим вводное слово («and so forth»), которое частично нарушает лаконичность, динамику и некоторую тезисность пушкинского текста, к тому же «change» не передает образности оригинального выражения: «He had been hoping to meet me in Petersburg; he regretted that our acquaintance would be of brief duration; and so forth. I was shamefacedly obliged to drop my pompously jocular tone and change to ordinary European expressions. Here's a lesson for us Russians, with our fondness for banter» [7. P. 153].

Интересно, что в отрывке, где описывается обвал в горах, слово «мужик» Ингемансон [2. P. 32] переводит как «peasant», у Уилкса [5. P. 143], Пастернака Слейтера [7. P. 154] и Мэтьюз [6. P. 489] – просто «man», а у Пивера и Волохонской [8. P. 372] – «muzhik». В целом этот и предыдущие примеры показывают, что Пивер и Волохонская стараются оставить в своем тексте больше местных понятий, но какой-то единой системы нет, все очень относительно и касается конкретного примера. Как мы увидели, в некоторых случаях «транскрипцию» использует Пастернак Слейтер, тогда как Пивер и Волохонская отказываются от нее.

Надо отметить, что шутки (например, про чуму, про банщика, про грузинских старух и т.д.) во всех перево-

дах поданы хорошо, адекватно передают как юмор ситуации, так и своеобразие пушкинского слога, что можно считать несомненным достоинством работ.

Другие отличия, ошибки и неточности

С самого начала бросается в глаза то, что имя английского художника Джорджа Доу (George Dawe), которого Пушкин называл «Довом» [10. С. 415], у Мэтьюз обозначено как «Dow» [6. P. 479] (у Ингемансон [2. P. 16], Уилкса [5. P. 133], Пастернака Слейтера [7. P. 145], Пивера и Волохонской [8. P. 363] корректно – «Dawe»). Остается только гадать, результат ли это того, что Мэтьюз не осведомился, о ком идет речь, или они хотели таким образом передать тот вариант написания, который использовал Пушкин.

У Мэтьюз находим еще одну неточность. Искажает смысл перевод фразы «В Тифлисе надеялся я найти Раевского...» использованный ими вариант «In Tiflis I was happy to find Raevsky...» [6. P. 494]. Он не позволяет понять, что Раевского Пушкин не повстречал. У остальных она переведена корректно, хотя акценты расставлены по-разному и из-за порядка слов, и из-за использования разных времен: у Ингемансон – «In Tiflis I hoped to find Raevsky...» [2. P. 39], у Уилкса – «In Tiflis I was hoping to find Raevsky...» [5. P. 148], у Пивера и Волохонской – «I hoped to find Raevsky in Tiflis...» [8. P. 375], у Пастернака Слейтера – «I had hoped to meet Raevsky in Tiflis...» [7. P. 158].

Следующая смысловая ошибка Мэтьюз касается надписи на окне в доме Османа-паши: «тебе подобает связывать и развязывать» [10. С. 458]. Они перевели ее так: «It behoveth thee to bind and to be bound» [6. P. 521] (у Ингемансон: «it behooves you to bind and loose» [2. P. 85], у Уилкса: «it behoves you to tie and to untie» [5. P. 175–176], у Пастернака Слейтера: «It is for you to bind and to loose» [7. P. 181], у Пивера и Волохонской: «It befits you to bind and to loose» [8. P. 398]). Конечно, фраза в интерпретации Мэтьюз, с архаичными грамматическими формами и глаголом в активном и пассивном залоге, звучит очень поэтично, но искажает смысл цитаты. Тем более что в пушкинском тексте в ней нет витиеватости.

Также следует отметить ошибку (опечатку?) Мэтьюз в отрывке об армянских семьях. Там указано «some 25,000 families» [6. P. 496] (у Ингемансон [2. С. 42] и Пастернака Слейтера [7. P. 159] – «up to 2500 families» и «up to 2,500 families of them» соответственно; у Уилкса [5. P. 150] и у Пивера и Волохонской [8. P. 377] – «as many as 2,500 families»).

Довольно сложно понять, как лучше перевести пушкинское «обвал» [10. С. 426] (у Ингемансон [2. P. 32], Уилкса [5. P. 143], Пастернака Слейтера [7. P. 154], Пивера и Волохонской [8. P. 372] – «avalanche»; у Мэтьюз [6. P. 489] – «landslide»). «Avalanche» – скорее лавина (что логично, ведь речь идет о снеге в горах), тогда как «landslide» чаще используется, когда имеют в виду оползень или сель. Но, строго говоря, и то и другое может характеризовать довольно пространное «обвал».

В переводе Мэтьюз к фамилии Абрамовича добавлен титул «граф», чего нет у Пушкина – «Count Abramovich» [6. Р. 521]. Ингемансон и Пастернак Слейтер не раскрывают фамилии («Mr. A*****» [2. С. 84], «Mr. A————» [7. Р. 181]), тогда как у Пивера и Волохонской сначала «Mr. Abramovich» (со комментарием под сноской), потом просто «Mr. A» [8. Р. 398], у Уилкса также сначала «Mr Abramovich», потом «Mr A.» [8. Р. 175].

Интересно проследить, как авторы передали возгласы мальчишек «Христиан Христиан!..» [10. С. 453]: «Christians! Christians!..» [2. Р. 76], «Christian! Christian!..» [6. Р. 516], «Christiyan! Christiyan!» [8. Р. 394], «Christians! Christians!..» [5. Р. 170], «Christians! Christians!» [7. Р. 177]. Ингемансон, Уилкс и Пастернак Слейтер отказались от передачи их своеобразного произношения, тогда как Мэтьюз и, в особенности, Пивер и Волохонская сделали это вполне удачно.

Таким образом, больше всего несоответствий и неточностей содержится в переводе Мэтьюз. Также у них нередки опечатки (например, лишняя буква в фамилии Orgaryov [6. Р. 489], повтор предлога во фразе «asking his forgiveness for for taking such a liberty» [6. Р. 491] и т.п.). Нельзя сказать, что перевод пестрит ошибками – в общем и целом он производит довольно благоприятное впечатление, в нем есть очень удачные решения; но, пожалуй, его можно назвать самым небрежным. Кроме того, этот перевод является наиболее упрощенным, понятным неподготовленному читателю (об этом говорит даже то, что Мэтьюз отказался от сохранения иноязычных цитат, некоторых экзотизмов и не совсем ясных обывателю понятий), а соответственно, стремится к доместикации. Конечно, такой подход имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, произведение много теряет без национального своеобразия, а перевод сильнее расходится с оригиналом. К тому же странным выглядит соседство в одном томе такого «адаптированного» варианта с переводами пушкинских планов, отрывков, критических заметок, которые вряд ли очень интересны именно неподготовленному читателю. С другой стороны, возможно, это шаг к популяризации произведения. В условиях, когда есть и переводы совсем иного характера, такое разнообразие может быть очень полезно для знакомства широкой аудитории с «Путешествием в Арзрум».

Остальные переводы больше стремятся к форенизации. Можно с уверенностью утверждать, что перевод Ингемансон не теряет своей актуальности и до

сих пор является одним из самых качественных, несмотря на то, что все переводы выполнены на достойном уровне. В нем удачно соблюден баланс между простотой и ясностью слога и своеобразием экзотического для англоязычного читателя текста, адекватно передан дух пушкинского произведения. Вышедшие после переводы, возможно, позволят составить наиболее полное представление о «Путешествии в Арзрум» читателю, который решится ознакомиться со всеми из них. Создается впечатление, что Уилкс, Пастернак Слейтер, Пивер и Волохонская в некоторых случаях старались сделать текст более разнообразным и наполненным с художественной точки зрения. Иногда это не совсем оправданно и, возможно, мешает передаче простого и ясного пушкинского слога. В последнем переводе явно выражено стремление отразить особенности русской (и кавказской, восточной) действительности и речи. Интересно, что у Пастернака Слейтера мы видим попытку работать с неточностями, допущенными самим Пушкиным. Перевод Уилкса, за редким исключением, отличается взвешенностью и аккуратностью.

Заключение

Нельзя однозначно определить генеральную линию в рецептивной истории «Путешествия в Арзрум»: что бы мы ни утверждали, в любом из переводов получится найти исключения, мешающие планомерному развитию гипотезы. Однако, сделав определенные допущения и обобщения, можно выделить стадии и выявить закономерности. В целом переводчики скорее двигаются от доместикации, характерной для более ранних переводов, к форенизации, которая отличает последние из них. С одной стороны, это свидетельствует о возрастающем интересе к нашей культуре и желании как можно бережнее относиться к оригиналу, что, безусловно, является благоприятной тенденцией. Но, с другой стороны, уход от некоторой доли «хорошего» упрощения и англизации к более скрупулезному следованию русским и кавказским реалиям, а также стремление точнее выразить смысловые нюансы зачастую заставляют конструировать громоздкие и вычурные фразы. Иногда такой подход лишает текст легкости и динамичности, присущей творчеству Пушкина. Получается, что выбор подобной стратегии, преследуя противоположные цели, может приводить к потере «пушкинского духа» и усложнять адекватное восприятие, ведь экзотическая составляющая «Путешествия в Арзрум» скорее второстепенна.

Список источников

1. Leighton L.G. A bibliography of Alexander Pushkin in English. Studies and Translations / foreword by J. Thomas Shaw. Lewiston : Edwin Mellen Press, 1999. 310 p.
2. Pushkin Alexander S. A Journey to Arzrum / trans. by B. Ingemanson. Ann Arbor : Ardis, 1974. 111 p.
3. Ingemanson B. Between Poetry and Fictional Prose: Aleksandr Pushkin's *Journey to Arzrum* // Selecta. Corvallis : Oregon State University Press, 1983. Vol. 4. P. 101–107.
4. Ingemanson B. The Movable Mountain. Pushkin's Ararat Scene and other Fiction in «A Journey to Arzrum» // Research Studies. Pullman: University of Washington Press, 1983. Vol. 52, № 3/4 (Sep/Dec). P. 127–137.
5. Pushkin Alexander. A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign // Tales of Belkin and Other Prose Writings / trans. by W. Ronald. London : Penguin Books, 1998. P. 129–179.

6. Pushkin A.S. The Journey to Erzerum // The complete works of Alexander Pushkin : in 15 vols / trans. by D. Matthews, L. Matthews. Downham Market: Milner, 2003. Vol. 13. P. 477–524.
7. Pushkin Alexander. A Journey to Arzrum During The 1829 Campaign // Lermontov Mikhail. A Hero of Our Time / trans. by S.N. Pasternak. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 141–184.
8. Pushkin Alexander. Journey to Arzrum // Novels. Tales. Journeys. The Complete Prose of Alexander Pushkin / trans. by R. Pevear, L. Volokhonsky. N.Y. : Alfred A. Knopf, 2016. P. 359–401.
9. Чхайдзе Л.В. К источникам «Путешествия в Арзрум» // Временник пушкинской комиссии, 1976. Л. : Наука, 1979. С. 134–139.
10. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Собр. соч. : в 10 т. Т. 5. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. С. 412–462.
11. Абделькарем Н.Дж. Ориентализмы в произведении А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2013. № 2 (20). С. 183–190.
12. Абделькарем Н.Дж. Ономастические ориентализмы в очерках А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 4. С. 84–90.
13. Davidson A. The Oxford Companion to Food. Oxford : Oxford University Press, 2014. 922 p.

References

1. Leighton, L.G. (1999) *A bibliography of Alexander Pushkin in English. Studies and Translations*. Foreword by J. Thomas Shaw. Lewiston: Edwin Mellen Press.
2. Pushkin, A.S. (1974) *A Journey to Arzrum*. Trans. by B. Ingemanson. Ann Arbor: Ardis.
3. Ingemanson, B. (1983) Between Poetry and Fictional Prose: Aleksandr Pushkin's Journey to Arzrum. In: *Selecta*. Vol. 4. Corvallis: Oregon State University Press. pp. 101–107.
4. Ingemanson, B. (1983) The Movable Mountain. Pushkin's Ararat Scene and other Fiction in "A Journey to Arzrum". *Research Studies*. 52 (3/4) (Sep/Dec). pp. 127–137.
5. Pushkin, A. (1998) A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign. In: *Tales of Belkin and Other Prose Writings*. Trans. by W. Ronald. London: Penguin Books. pp. 129–179.
6. Pushkin, A.S. (2003) The Journey to Erzurum. In: *The complete works of Alexander Pushkin: in 15 vols*. Trans. by D. Matthews, L. Matthews. Vol. 13. Downham Market: Milner. pp. 477–524.
7. Pushkin, A. (2013) A Journey to Arzrum during the 1829 Campaign. In: Lermontov, M. *A Hero of Our Time*. Trans. by S.N. Pasternak. Oxford: Oxford University Press. pp. 141–184.
8. Pushkin, A. (2016) Journey to Arzrum. In: *Novels. Tales. Journeys. The Complete Prose of Alexander Pushkin*. Trans. by R. Pevear, L. Volokhonsky. N.Y.: Alfred A. Knopf. pp. 359–401.
9. Chkhaidze, L.V. (1979) К источникам "Путешествия в Арзрум" [To the sources of "A Journey to Arzrum"]. In: *Vremennik pushkinskoy komissii, 1976* [The Chronicle of the Pushkin Committee, 1976]. Leningrad: Nauka. pp. 134–139.
10. Pushkin, A.S. (1960) Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda [A Journey to Arzrum at the Time of the 1829 Campaign]. In: *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 5. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit. pp. 412–462.
11. Abdel'karem, N.Dzh. (2013) Orientalizmy v proizvedenii A.S. Pushkina "Puteshestvie v Arzrum" [Orientalisms in A.S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. 2 (20). pp. 183–190.
12. Abdel'karem, N.Dzh. (2015) Onomasticheskie orientalizmy v ocherkakh A.S. Pushkina "Puteshestvie v Arzrum" [Onomastic orientalisms in A.S. Pushkin's "Journey to Arzrum"]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*. 4. pp. 84–90.
13. Davidson, A. (2014) *The Oxford Companion to Food*. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторе:

Александрова К.С. – соискатель кафедры зарубежной журналистики и литературы московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: kseniaalexandrova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.S. Alexandrova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kseniaalexandrova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2018;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 13.11.2018;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 82-94
doi: 10.17223/15617793/480/2

Особенности эстетической рефлексии в мемуарно-автобиографической прозе А.Н. Бенуа

Алёна Вадимовна Галькова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Kalosagahtos@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности эстетической рефлексии в мемуарно-автобиографическом произведении «Мои воспоминания» русского художника первой волны эмиграции А.Н. Бенуа. Отмечается, что мемуарно-автобиографический текст является способом истолкования, пересмотра и постулирования авторских художественных идей, жизненных принципов и творческих интересов. Установлено, что история жизни автобиографического героя представлена как миф о художнике нового типа, реализующем предзаданную миссию в искусстве.

Ключевые слова: эстетическая рефлексия, мемуарно-автобиографическая проза художника, первая волна эмиграции, литература русского зарубежья, А.Н. Бенуа

Для цитирования: Галькова А.В. Особенности эстетической рефлексии в мемуарно-автобиографической прозе А.Н. Бенуа // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 13–22. doi: 10.17223/15617793/480/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/2

Features of aesthetic reflection in the memoirs and autobiographical prose of Alexandre Benois

Alyona V. Galkova¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Kalosagahtos@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to determine the specifics of the chronotope of St. Petersburg in the memoir-autobiographical work *Moi Vospominaniya* [My Memories] (1934–1960) of the Russian emigrant artist Alexandre Benois and to identify the relationships between the aesthetic settings of his paintings and their reflection in his perception of the city in the verbal text. The work uses an integrated approach based on historical and literary, comparative-typological, phenomenological and cultural methods. *Moi Vospominaniya* by Benois is considered as an egotext about art, in which the author represents the concept of his own creativity. This work has been studied in the aspect of implementing the idea of synthesizing the arts through the interaction of pictorial and verbal artistic imagery, relevant to the culture of the turn of the 20th century. *Moi Vospominaniya* is characterized by a multi-level structure of the spatio-temporal organization of the narrative: the chronotope is embodied both in real-historical, “open” time and in an imaginary space, subjective “closed” time, the space of art, the mystical chronotope. The space in the text is modeled by art, but represents the real world, restored by the author’s memory. Sometimes elements of another being dangerous to humans penetrate into it: the mystical atmosphere of Oranienbaum and Pavlovsk, white nights, the oneiric chronotope – terrible prophetic dreams, life-giving pictures. The author concludes that in Benois’ memoir-autobiographical narration the images of the artistic space are modeled, in which elements characteristic of his pictorial and theatrical-decorative works, the combination of realistic and fantastic beginnings are realized. The space-time of St. Petersburg in the text is polysemantic, it incorporates various cultural and spiritual phenomena. The real and the surreal mutually influence and condition each other, the conscious and unconscious spheres of life and art are intertwined. Hoaxes in the narrative are exposed to cultural monuments, artifacts, family relics, symbolizing the connection of the life of the autobiographical hero with previous eras, the merging of dreams, fantasies and reality, conveying his attitude. By turning to the art of the past, the alarming symptoms of the future are discerned: dispersal of anxiety and fear in the narrative becomes evidence of the hero’s fears of the invasion of something hostile, a sign of human doom, the death of a peaceful way of life, old life, culture, a forerunner of new disasters. Mystical and everyday life exist together not only in the life of the hero himself, but also of his contemporaries, the author pays special attention to this, foreseeing a negative and dangerous trend in the overconcentration of infernal manifestations (growing religious mystical searches, the spread of sectarianism in various layers of Russian society).

Keywords: aesthetic reflection, autobiography and memoirs of artists, first wave of emigration, Russian émigré literature, Alexandre Benois

For citation: Galkova, A.V. (2022) Features of aesthetic reflection in the memoirs and autobiographical prose of Alexandre Benois. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 13–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/2

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – вдохновитель и лидер художественного объединения «Мир искусства», основатель одноименного журнала, автор капитальных трудов по истории русской и мировой живописи, сотен критических статей, заметок, тысяч писем [1]. Его личность «была столь масштабна, что смогла оказать влияние на эпоху, но и он сам при этом отразил в себе всю культуру Серебряного века» [2. С. 195]. Знарок театра, мастер книжной иллюстрации, реформатор театральнo-декорационного искусства, инициатор и художественный руководитель «Русских сезонов» в Париже, человек-эпоха, энциклопедист в возрожденческом смысле этого слова, А.Н. Бенуа на протяжении всей жизни вел дневники и записывал воспоминания. По замечанию художественного критика и искусствоведа Г. Ю. Стернина, у мастера всегда была «потребность в слове, в литературном способе выражения своих чувств, своего видения жизни и искусства... в этом заключалось одно из очень важных свойств его таланта, его миропонимания, его богато одаренной натуры» [3. С. 578]. В 1924 г. на основе автобиографического материала и писем современников художником была написана книга «Возникновение “Мира искусств”», в 1939 г. в Париже в журнале «Русские записки» были изданы его «Воспоминания о балете».

«Мои воспоминания» А.Н. Бенуа начал создавать зимой 1934–1935 гг. и работал над ними почти до конца жизни. «Александр Николаевич так и оставался художником-писателем, только декорации создавал не для Художественного Театра, а для Миланской Scala, для Парижа, Лондона, Вены. Писал же теперь не историю живописи, а воспоминания – о Петербурге, своем детстве, о родных. Два первых тома вышли в Чеховском Из-ве в Нью-Йорке», – писал о художнике Б.К. Зайцев в книге своих воспоминаний «Далекое» [4. С. 86]. Первые части мемуарно-автобиографического произведения А.Н. Бенуа были опубликованы в двух томах в Нью-Йорке в 1955 г. под названием, данным издателями без согласования с автором, «Жизнь художника. Воспоминания» [5, 6], что вызвало недовольство художника. К этому времени А. Н. Бенуа написал четыре книги, в 1957 г. он принялся за написание пятой. Продолжение воспоминаний в трех частях, сокращенное и переведенное на английский язык, вышло в свет в Лондоне в двух изданиях 1960 и 1964 гг. Однако автор ограничил повествование 1909-м годом – в связи с невозможностью публиковать свои воспоминания сразу, А. Н. Бенуа решил их не продолжать. В 1980 г. «Мои воспоминания» вышли из печати в серии «Литературные памятники» издательства «Наука», в 1990 г. они уже были переизданы без купюр. Как отмечал искусствовед Г.И. Чугунов, «...со времени издания в нашей стране “Моих воспоминаний” А. Бенуа, занявших сразу центральное место во всей мемуарной литературе художников той эпохи, любые воспоминания его современников необходимо соотносить с этой прекрасной и значительной книгой» [7. С. 329].

«Мои воспоминания» А.Н. Бенуа представляют собой документально-художественное произведение, которое относится к психологической прозе [8], эго-текст, имеющий синтетическую природу, обусловленную соединением авторской установки на подлинность, фактичность изображаемого и в то же время неизбежным переструктурированием действительности, что сближает ее с художественными текстами. «Мои воспоминания» выстроены по классическому образцу автобиографических текстов, при этом в повествовании акцентируется личностное становление художника. Синтетическая природа мемуарно-автобиографического текста художника способна эстетически коррелировать разнородные дискурсы: не только документальный и художественный, но и живописный, и вербальный.

Автодокументальное произведение непрофессионального писателя-художника А.Н. Бенуа в своей основе традиционно тяготеет к классическому типу письма, при этом на уровне проблематики, тематики выражает мировоззрение художника-модерниста и включает отдельные элементы модернистского мирообраза: мифологизацию пространства, взгляд на мир сквозь призму искусства, идеи жизнотворчества и театрализации жизни. Однако автомиф в «Моих воспоминаниях» не заменяет реальность, которая остается самоценной в своих многочисленных связях: социальных, бытовых, культурных, и передается в жизнеподобных формах. Герой-художник, носитель модернистского сознания, детерминирован окружающими его обстоятельствами: семьей, учителями, кругом дружеского общения и не ограничен только сферой искусства, он предстает не только как творец, но и человек своего времени. Несмотря на то, что автор-художник реализует свой замысел в системе координат традиционного мемуарно-автобиографического текста, в повествовании можно увидеть проявление отдельных тенденций модернистского автобиографического дискурса: история жизни автобиографического героя выстроена как движение к предзаданной цели, лично и общественно значимой, как реализация предопределенной ему миссии в искусстве. В мемуарно-автобиографической прозе живописца происходит конструирование авторского «Я» особого типа – творческой личности, реализуется культ творца, поиск жизненного идеала, культ искусства, индивидуального творческого самовыражения. Это осуществляется посредством включения в мемуарно-автобиографический текст эстетических представлений художника: взаимообусловленности жизни и искусства, нового художественного видения, выстраивания собственной жизни согласно законам красоты, оценивания явлений действительности с эстетических позиций, интенсивных поисков нового языка искусства, путей преображения действительности. Фикциональность и субъективность повествования становятся не способом ухода от действительности, а средством передачи своеобразия творческого мировидения автора-художника, бытие которого детерминировано,

социально, исторически, имеет причинно-следственную каузальность. Внешняя реальность и вписанность субъекта повествования в нее также являются предметом изображения, несмотря на то, что повествователь в «Моих воспоминаниях» смотрит на мир, на историю сквозь призму старинного искусства, подходя к изложению событий и явлений с аналитико-искусствоведческих позиций.

В основе мемуарно-автобиографического повествования А.Н. Бенуа лежит эстетическая рефлексия, что, несомненно, обусловлено точкой зрения живописца, а не профессионального писателя, к тому же представляющего тип художника-новатора в русском искусстве. Проблема эстетической рефлексии в литературном творчестве художника рассматривается литературоведом Д.А. Скобелевым, который анализирует в ракурсе, объясняющем и объединяющем все элементы художественного сознания и порожденных им произведений, тексты универсально одаренного художника-эмигранта Ю.П. Анненкова. Ученый выявляет различные типы рефлексии/самоанализа: социальный, этический, политический, публицистический и теоретический, – указывая, что они направлены на осмысление творчества других деятелей искусства с целью постижения тайны собственного искусства. Исследователь отмечает, что в литературных сочинениях художника эстетическая рефлексия может принимать разные формы: цитирование художественных произведений, аллюзии на работы живописцев (экфрасис), намеки на биографии известных деятелей искусства, диалог автора с другими художниками. По мнению Д.А. Скобелева, самый сложный синтез различных типов рефлексий «под эгидой» эстетической рефлексии происходит в мемуарах художника, анализирующего взаимоотношения человека искусства с миром с позиции философии творчества [9. С. 162–172].

В процессе создания мемуарно-автобиографического произведения автор-художник постоянно рефлексировал над собственным художественным творчеством, эстетически оценивает изобразительную деятельность других живописцев прошлого и настоящего. Анализ рефлексии, т.е. самоинтерпретации, которая в высшей степени проявляется в мемуарной прозе, позволяет раскрыть авторский код, заключенный в автодокументальной прозе. Выявление форм, тем, способов введения эстетической рефлексии в структуру мемуарно-автобиографического текста позволяет охарактеризовать специфику саморепрезентации авторского «Я», раскрыть художественные установки автора-повествователя, определить, в какой мере затронуто творчество самого художника, его становление, саморазвитие как творческой личности – переживание процесса своей художественной эволюции и ее итогов, осмысление проблем теории и истории искусства.

Под эстетической рефлексией мы понимаем эксплицированные или имплицитованные в мемуарно-автобиографическом тексте авторские точки зрения на искусство, специфику взгляда художника на мир через призму искусства, авторские размышления над проблемой взаимодействия искусства и личности, искусства и общества. В определенной степени в эстетической ре-

флексии мемуариста-художника, сопряженной с экзистенциальной рефлексией, прослеживаются отголоски «мирикуснической» концепции, связанной с представлениями о приоритете нового назначения искусства, формирующего высшую, создаваемую художником духовную реальность, – его миромоделирующей функции.

В мемуарно-автобиографической прозе А.Н. Бенуа эстетическая рефлексия проявляется как форма «ученого искусства» [10. С. 146]. В «Моих воспоминаниях» эстетическая позиция автора-повествователя в открытой форме заявлена в двадцать третьей главе первой части первой книги «Моя собственная особа», в которой он называет себя «служителем Аполлона». Автор-повествователь позиционирует себя как человека, не принадлежащего к разряду гениев искусства, ему не суждено было стать «божеством», однако, не слишком умаляя значение своего творчества, он уточняет, что мало кому в современную ему эпоху было дано совершать «чудеса». Собственные творческие принципы автора-героя излагаются в контексте деятельности инициированного им объединения «Мир искусства», отвергавшего всякую идейную направленность и ставившего во главу принцип свободы творчества. «Мои любимые художники в прошлом и в настоящем – фантасты, но только те фантасты среди них действительно мои любимцы, которым удастся быть убедительными, а убедительность достигается посредством какого-то “стояния на земле и глубокого усвоения действительности”. <...> ...сколько самых чудесных мастеров – это все великие знатоки жизни, это художники, творившие произведения ирреальные и фантастические по существу, однако убедительность их основывается не на чем ином, как на бесподобном знании видимости – на “реализме”» [11. С. 181] – на таком принципе взаимодействия реалистически-бытового и фантастического начал строится пространственно-временная организация мемуарно-автобиографического повествования художника [12].

Мемуарно-автобиографический текст – это способ разобраться в истоках авторского тяготения к прошлому, которое критика окрестила «пассеизмом». Автор-повествователь допускает использование данного слова как термина по отношению к своему изобразительному искусству и постановкам. У А.Н. Бенуа «дух прошлого» выражался через художественный стиль эпохи, овеществленный в архитектуре, мебели, костюмах, орнаментике. По собственному мнению, художник-повествователь заразил «пассеизмом» и своих лучших друзей: К.А. Сомова, Л.С. Бакста, М.В. Добужинского и даже С.П. Дягилева. Так, например, автор-повествователь упоминает об обращении к «пассеизму» С.П. Дягилева после того, как по настоянию героя-художника в одном из номеров «Мира искусства» были напечатаны «Смолянки»: «...через год Дягилев, запуская другие всякие дела, занялся своей монографией, посвященной Левицкому, имея намерение в дальнейшем посвятить такие же исследования Рокотову, Боровиковскому, Щукину. <...> Он запуская... все... дела, просиживая целые дни в архивах или разъезжая по дворцам и усадьбам в поисках новых и новых изображений людей былых

времен» [13. С. 402]. Эстетическая рефлексия С.П. Дягилева по поводу «пассеизма», «культа прошлого» свидетельствует о том значении, которое имела личность А.Н. Бенуа для современников, а также об актуальности и жизнестойкости этого явления. Для самого автора-повествователя пассеизм, возможно, обусловлен личностью отца, который был для него «живым прошлым» [11. С. 182], выступая медиатором между сыном и историей как звено своеобразной духовно-генетической связи с прошедшими эпохами.

В «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа объектом художественной рефлексии выступает собственно сам автобиографический герой. Седьмая глава второй части первой книги «Мое искусство» начинается с констатации семейного предания о том, что герой в возрасте семнадцати месяцев уже держал правильно карандаш, в чем домочадцы увидели своеобразное предзнаменование, что ему суждено быть художником. Проявление способностей к художественному творчеству было обусловлено наследственным предрасположением и самой атмосферой, царившей в художественной семье. А.Н. Бенуа по рождению и воспитанию принадлежал к петербургской художественной интеллигенции, где в течение ряда поколений занятие искусством являлось наследственной профессией. С раннего детства будущий художник развивался в атмосфере искусства и художественных интересов. Утверждая, что способности к рисованию у него открылись чуть ли не с пеленок, автор-повествователь отмечает, что эти ранние работы были погублены его собственным тщеславием. «Щеголяние» своим даром – уже с трех лет герой был объявлен Рафаэлем – подкреплялось лестными отзывами домочадцев и восторгами гостей, желавших угодить родителям. Действительно ли это был дар, не свойственный детям в его возрасте, автором-повествователем не уточняется. В повествовании отмечается, что ребенок смотрел чуть свысока на рисование отца, хотя и испытывал наслаждение от его творчества и от мастерства братьев. Однако будучи трехлетним или четырехлетним «карапузом», герой ощутил воздействие красоты полотен Рафаэля, причем сущность красоты фигуры швейцарского офицера на «Большене» заключалась не во внешности и не в костюме, «а в чем-то совершенно ином, что только и можно почувствовать и что есть красота» [11. С. 243]. Так автор мемуарно-автобиографического произведения показывает, что искусство с самого начала жизненного пути становится для его героя главным источником красоты и сферы прекрасного, призмой, сквозь которую будущий художник смотрит на мир.

Амбициозные попытки пятилетнего ребенка писать портрет отца, вызвавшие восторг домашних, и копировать Рафаэля не увенчались успехом, однако позволили ему осознать трудность написания картины. Автор-повествователь винит родных за похвалы, отца – за желание пристрастить сына к рисовыванию склеенных из бумаги геометрических фигур, поскольку родственники должным образом не повлияли на развитие в нем художественных способностей, не указали ему на очевидные недостатки рисунков. Автор-повествователь тут же передает слова своих братьев – Альбера, который стремился точно передавать натуру, и Леонтия, который

фантазировал на реальные темы: «Рисуй, Шурка, с натуры», «Надо с натуры рисовать» [11. С. 552]. Однако, как отмечает сам автор-повествователь, у автобиографического героя не было потребности передать свое наслаждение природой. В то же время это укор самому себе – вполне осознав в будущем, что отсутствие практики и мастерства мешают ему стать настоящим художником (рисунки и этюды, выполненные художником в 1883–1884 гг., были крайне слабыми), в 1885–1886 гг. А.Н. Бенуа начинает серьезно учиться у природы, наблюдать и рисовать с натуры [1. С. 20].

Искусство Рафаэля затронуто также в пятой главе второй книги «Первая школа» в контексте размышлений над религиозными вопросами, волновавших автобиографического героя: загробной жизни, Царствии небесном, Божьем суде, смерти и бессмертии, спасении души. Обращение к проблемам религии вызвано описанием воспоминания о первом «грехе» семилетнего ребенка и последовавшим за ним наказанием, пробудившим в нем неведомые еще «духовные ощущения», – подделке письма, адресованного директрисе киндергартена от имени матери героя, в котором сообщалось, что он заболел и не может явиться на экскурсию. В рассматриваемом эпизоде повествование о прошлом сопрягается с размышлениями автора-повествователя о религиозном чувстве, впоследствии истребленном в атеистической советской России, идее греха и совести в детском сознании: «Церковь, церковная атмосфера, чувство богобоязни и богопочитания и – что еще важнее – потребность в богопочитании, обращение к высшему началу и какое-то “желание благочестия” – все это представляется людям, вытравившим в себе в угоду материалистической доктрины подобные внутренние движения, искусственно парализовавшим или охолодившим душу (они и самое бытие души отрицают), все это представляется им чем-то недоступным для детского сознания и вообще для “существа, еще не тронутого культурой”». На самом же деле ничего так скоро не усваивается детьми, хотя бы выросшими в безбожной среде, как именно отношение к богу и самый принцип благочестия» [11. С. 359]. В данном случае автор-повествователь акцентирует «культ “ангела-хранителя”», в существование которого маленький автобиографический герой верил «так же твердо, как и в бога, и в сына его Христа» [11. С. 360]. Общаясь со своим ангелом-хранителем посредством мысленных бесед и молитв, ребенок хотел разгадать его тайну – заговорить с ним и увидеть воочию своего бесплотного «опекуна». Детское стремление визуализировать своего небесного покровителя не удовлетворялось художественными артефактами, собственным знаниям и абстрактным представлениям автобиографического героя не отвечали висевшие над кроватью барельефы датского мастера Б. Торвальдсена, на которых были изображены ангелы, несущие души в виде младенцев. Так в мемуарно-автобиографическом тексте отражаются поиски героем религиозного искусства, способного быть в той же степени визуально убедительным, как и смысловой план текста Библии, возможности безусловного принятия на веру. Не производили впечатления на маленького А.Н. Бенуа картины, изображающие страдания Христа, и распятия, черти на картинках Страшного суда также не

соответствовали его представлениям, – красивые и пленительные злые ангелы. Нагие ангелочки у ног «Сикстинской мадонны» относятся им к особому разряду небожителей – «херувимчикам», «амурам», но не ангелам-хранителям, поскольку в детском воображении они не могут быть без одежд.

Продолжая развивать повествование о своих художественных пристрастиях в детстве, автор-повествователь вспоминает, что его память запечатлела множество вещей, «которые достойны были попасть на бумагу или быть изображенными в красках, но это самое их достоинство я не осознавал» [11. С. 246]. Вглядываясь в картину «Украинская ночь» А.И. Куинджи, приоткрывшую ему «поэтическое достоинство» пейзажа, «особенно в бездонное темное небо, в мерцание огоньков в хате, белые стены которой так чудесно светились в фосфорических лучах», он «ощущал поэзию всего этого целого, а также почувствовал прелесть передачи ее» [11. С. 246]. Здесь очевидно наложение точки зрения взрослого автора-повествователя на восприятие маленького ребенка. Безусловно, это авторский способ конструирования представления о себе как о формирующейся творческой личности. Такая всепоглощающая любовь к искусству, истоки которой – в детстве, сохранится у А. Н. Бенуа на протяжении всей жизни и проявится в разных формах деятельности: в живописи, в художественной критике, в каждом движении мысли.

Автор-повествователь раскрывает своеобразие собственного художественного становления следующим образом: «...я в одно и то же время “любитель искусства” (и знаток его), я и творец – художник. Иначе говоря, я являюсь и получающим, и дающим субъектом» [11. С. 176]. В седьмой главе второй части первой книги автором-повествователем репрезентируется культ Рафаэля, которого он воспринимает как абсолютное «божество», «почти Рафаэль» был К.П. Брюллов. В отличие от других художников, полотна которых были притягательны своими красками, техникой или сюжетом, произведения данных мастеров воспринимаются автобиографическим героем как безусловная эстетическая данность, которую не требуется определять. Это умение разбираться в различных видах искусства, «стремление к синтетическому охвату явлений искусства» и «культуры в целом» [14. С. 19] в дальнейшем было присуще всем членам «общества самообразования», превратившегося с течением времени в круг «Мира искусства». Будущие «мирискусники» занимались изучением как живописи и литературы, так и музыки, театра, истории религий, о которых читали друг другу лекции. «Эта широта охвата, устремление к синтетическому осмыслению искусств впоследствии дали о себе знать в таких ответвлениях деятельности “мирискусников”, как “Вечера современной музыки”, “Русские балеты” или проекты монументально-декоративных росписей в содружестве с архитекторами» [14. С. 19].

Автор-повествователь отмечает, что его художественный вкус формировался под воздействием эстетических взглядов членов семьи, однако в определенной степени и вопреки им, поскольку близкие А.Н. Бенуа придерживались консервативных акаде-

мических воззрений. Споры об искусстве, которые разгорались в семейной обстановке, принудили его нарушить семейную традицию и два года подряд посещать передвижные выставки под воздействием сильных впечатлений от увиденного. Этот шаг означал разрыв с традицией и поиск собственных ориентиров в живописи, а в дальнейшем – присущие всем «мирискусникам» активный поиск сущности искусства, «стремление... к новаторству, реакцию на надоевшую “литературщину” и явный интерес к проблемам изобразительного языка» [10. С. 27].

В воспоминаниях о детстве А.Н. Бенуа выделял два духовных фактора, которые повлияли на формирование его взглядов и определили направление всей его деятельности. Один фактор связан с сильными театральными впечатлениями. С ранних лет и в течение жизни А. Н. Бенуа испытывал чувство, которое можно назвать «культом театра». Специфика авторского мировосприятия отражена уже в первой главе «Моих воспоминаний». Виденные в детстве из окон квартиры Бенуа «зрелища» – «картины» похорон, автор-повествователь называет «уличными спектаклями», а себя зрителем. «Триумфы смерти», как их называет автор-повествователь, приводили ребенка в необъяснимое состояние «трагического восторга», что одновременно демонстрирует авторское стремление к театрализации и мистификации жизни, а также затрагивает одну из тем последующего изобразительного искусства: «Всякие похороны оказывали на меня какое-то странное действие, но одни были только “жутковатыми” – это в особенности когда простолудины-староверы несли своего покойника на плечах в открытом гробу, а другие похороны в своей строгой церемониальности производили впечатление возвышающее» [13. С. 16]. В 1907 г. в живописи мастера рядом с темой театра возникает тема смерти, отразившая размышления художника о суетности и быстротечности жизни, бренности земного существования и воплотившаяся в серии жестких, контрастных рисунков под названием «Смерть» [1. С. 73]. С понятием «театральность» у А.Н. Бенуа ассоциировалось понятие «художественность», именно в театральном искусстве он в дальнейшем будет видеть единственный способ воплощения творческого синтеза живописи, архитектуры, музыки, пластики и поэзии, представлявшего ему высшей целью художественной культуры.

Другим фактором, оказавшим существенное влияние на эстетические установки А. Н. Бенуа, стали впечатления от загородных резиденций и петербургских пригородов: Павловска, Царского Села, Петергофа и их многочисленных памятников искусства. Именно отсюда – интерес к прошлому, к эпохам господства единого стиля, позволяющим выделить основную, выражающую дух эпохи «линию красоты». Так эти впечатления отзовутся в «пейзажных элегиях» Версаля, предстающих в виде пустой сцены с обветшалыми декорациями давно сыгранного спектакля.

В «Моих воспоминаниях» автор-повествователь упоминает о своей работе над иллюстрациями к поэме «Медный всадник» А.С. Пушкина по заказу «Кружка любителей изящных изданий». В мемуарно-автобиографическом тексте раскрывается замысел ав-

тобиографического героя – исполнить постраничные иллюстрации (впоследствии А. Н. Бенуа навсегда останется поклонником «построфного» иллюстрирования), карманный формат по типу «альманахов» пушкинской эпохи, типографские оттиски в стиле политапжей 1830-х гг., выполненные в «нейтральных» тонах. Вспоминая этот вид своей художественной деятельности, автор-повествователь освещает только внешнюю сторону дела – одобрение и восторг от рисунков В.А. Верещагина, благосклонное отношение к ним членов «Кружка любителей изящных изданий», считавших себя сотоварищами и однокашниками поэта, которые, не найдя внешнего сходства в довольно условном, по замыслу А.Н. Бенуа, изображении А.С. Пушкина с лирой на фоне Петропавловской крепости, потребовали у художника его переделать. В данном случае автор-повествователь рефлексировал над непониманием творца, его манерой реализации художественного замысла современниками, мыслящими стереотипами и не способными к восприятию новых визуальных форм. Иллюстрации к «Медному всаднику» взял С.П. Дягилев, чтобы «поместить» [13. С. 392] в первом номере журнала «Мир искусства» 1904 г. (слово «поместить» выделено автором курсивом, однако сказанное остается без пояснений: С.П. Дягилев напечатал рисунки А.Н. Бенуа вместе с пушкинской поэмой в «Мире искусства», подчинив их размеры журнальному формату вместо карманного, что существенно исказило авторскую концепцию, при этом некоторые рисунки, в силу театральности, отсутствия пластической ясности, наличия цветных подкладок, мешающих их восприятию, оказались неудачными).

Работа над иллюстрациями к поэме представляется как небольшой эпизод с формальными замечаниями по художественно-техническому оформлению издания. Искусствовед М.Г. Эткинд отмечал, что художник «любил Пушкина и потому, что Пушкин любил и воспел Петербург», «новая встреча с Пушкиным и пушкинским Петербургом определила высший подъем его творчества этих лет» [1. С. 48]. Сам процесс творческого поиска мастера не описан: художник сначала строил рисунки, соединяя стилизованную орнаментику с иллюстрацией, однако такой подход противоречил четкой стилистике текста поэмы. А.Н. Бенуа вынужден был искать новую манеру, изучать полотна, гравюры, костюмы, иконографию пушкинского времени. Художником были созданы десятки эскизов и проб, в итоге – тридцать два рисунка тушью, выполненные кистью в технике свободного наброска, имитирующие гравюру. Следует полагать, что данный эпизод упомянут формально, не только потому что художник был сильно задет тем, что его работы были плохо встречены заказчиками, но, несмотря на все мастерство, соответствие духу поэмы, отмеченное современниками – деятелями искусства, это было первое художественное «прочтение», в этих рисунках до конца он еще не высказался [1. С. 51]. По словам М.Г. Эткинда, рисунки А.Н. Бенуа – это «не только ода Петербургу. В них звучит и проклятие страшному городу. Они драматичны как вопль души художника, внезапно открывшего в облике любимого

Петербурга “что-то фантастическое, какую-то сказку об умном и недобродушном колдуне, пожелавшем создать целый город, в котором вместо живых людей и живой жизни возились бы... автоматы”» [1. С. 49]. Сама тема «Медного всадника» – превращение скульптуры – является в то же время одной из основных тем искусства А.Н. Бенуа. Для художника не был характерен анализ внутреннего мира, поэтому его не оставляла мысль о «приниженности человека в современном обществе, калечащем, убивающем живую душу, превращающем людей в “автоматы”, в какое-то подобие марионеток» [1. С. 49], воплотившаяся в характеристике Евгения. Эта мысль неоднократно встречается в мемуарно-автобиографическом повествовании в различных формах выражения, обусловленных контекстом.

А. Н. Бенуа писал «Мои воспоминания» на склоне лет в 1950 гг., оказавшись в эмиграции, оставшись «последним из могикан», которые пережили трагические события XX в. Такая временная дистанция сказалась в двойной оптике, присущей повествованию в эго-тексте: он написан о начале века, но из другого времени, когда прошлое было переоценено. Несмотря на то, что художник в целом не отказался от своих «мирикуснических взглядов», в его мемуарно-автобиографической прозе проглядывает и ирония в отношении к прежней «арлекинаде», театрализации жизни. В «Моих воспоминаниях» прошлое не только идеализируется, но и переосмысливается. Автобиографический герой остается носителем модернистского сознания, но «я» в настоящем и «я» в прошлом в тексте сосуществуют. Ярче всего такое отношение сказалось в словесных портретах современников: М.А. Кузмина, З.Н. Гиппиус, в чертах которых выделяются «кукольность», «шутство».

Словесный портрет как элемент мемуарно-автобиографической прозы – это «одно из средств создания образа героя через изображение внешнего облика, являющееся особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя» [15. С. 90]. Словесный портрет, в отличие от живописного портрета, запечатлевающего человека в одной свойственной ему статической позе, отражает портретируемого в разное время, различных поступках, действиях, ракурсах. Вербальные портреты в мемуарно-автобиографической прозе, в силу авторской субъективности, имеют оттенок незавершенности, так как автор автодокументальной прозы, по сравнению с автором художественной литературы, не стремится всесторонне представить характер портретируемого, несмотря на предопределенность будущего для мемуариста [16. С. 53]. Образы персонажей в эго-текстах отличаются двойственностью: они приближены к своим прототипам, однако не тождественны им, поскольку подчинены творческой воле, интенции автора [17. С. 32].

По замечанию А.Ф. Лосева, рассматривавшего вариативное функционирование живописной образности в художественной литературе, всякому художественному образу и всякому искусству свойственна выразительность. В портрете может быть отражена внутренняя жизнь портретируемого в какой-либо

конкретный момент или отрезок времени и целое жизнеописание. «Психологические настроения и биографические подробности, духовная жизнь с ее мелочами и с ее возвышенными моментами, словом, вся внутренняя и недоступная непосредственному чувственному восприятию жизнь становится в условиях живописной образности зрительно-плоскостным предметом, а зрительно-плоскостная живописная образность всегда выразительна» [18. С. 32].

О портретных зарисовках людей, встречавшихся А.Н. Бенуа на жизненном пути, которые художник делал в блокноте, используя легкие прерывистые линии и более жирные, сильные штрихи карандашом, М. Г. Эткинд писал: «Наброски Бенуа не выставлял и не опубликовывал. Он делал их для себя, по той же причине, по которой вел дневники. Потому что не мог их не делать. Рисование стало привычкой, второй натурой. <...> Далеко не все удачны. Зато лучшие – очень жизненны. Бенуа умеет несколькими штрихами карандаша запечатлеть внешность человека, осанку, характерное движение, жест. По манере они напоминают наброски Серова» [1. С. 112]. Словесные портреты художника являются способом инкорпорации изобразительных приемов и методов, отражающих концептуальные идеи творчества автора, в вербальный текст, средством воссоздания образа культурной эпохи, и формой проявления эстетической рефлексии, выражающей авторское отношение к проблеме взаимодействия искусства и личности, реализации художественного таланта.

В «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа создается галерея образов представителей артистической среды Петербурга. В пятой главе пятой книги «М.М. Фокин. “Старинный театр”» бегло упоминается о личности М.А. Кузмина, говорится о появлении новых молодых людей «в приближении» К. Сомова и В. Нувеля, одним из которых стал «окруживший себя какой-то таинственностью и каким-то ореолом разврата чудачливый поэт Кузмин, над которым приятно было и посмеиваться, но стихи которого у всех постоянно были на языке» [13. С. 477–478]. Имя М.А. Кузмина затронуто в связи с поднятой А.Н. Бенуа темой «однополюс любви» его друзей «Сережи», «Валечки» и «Кости» (С.П. Дягилева, В.Ф. Нувеля, К.А. Сомова), о которой они сами говорили «с оттенком какой-то “пропаганды прозелитизма”» [13. С. 477], что, безусловно, неприятно действовало на героя-семьянина (это подтверждают дневниковые записи А.Н. Бенуа [19]). В сущности в словесном портрете М.А. Кузмина присутствует оттенок иронии/пренебрежения автора-повествователя (нелицеприятная характеристика поэта дана в дневниковой записи от 11 мая 1906 г.: «...шарлатан, и довольно дешевого свойства» [19]), он более похож на шуту, так как в поэте проницательный художник-повествователь увидел только напускную «ауру», образ поэта – это только тенденция к стилизации, она очевидна и необидительна. К тому же К. А. Кузмин представляет для мемуариста не индивидуально-личный, а обобщенный тип, это один из «легиона» поэтов, «шутлов гороховых» [13. С. 478], которые народились также среди музыкантов и ху-

дожников. В данном случае автор-художник использует свой излюбленный прием уподобления человеческого существа марионетке [15. С. 34], изображая персонажа как куклу.

Среди портретов представителей творческой интеллигенции в пятой главе четвертой книги «Мережковские. Репин. Тенишева» запечатлен вербальный портрет современницы З.Н. Гиппиус. Образ поэтессы в мемуарно-автобиографическом тексте – это не амплуа, стиль «сатанессы» и «облик робевшей гимназистки» [20. С. 203], как назвал его Андрей Белый. Образ «Зиночки Гиппиус», озадачивший героя, не лишен насмешки, начиная с самого заковыченного имени героини и продолжая намеренными и сомнительными аналогиями: «с постоянной “улыбкой Джоконды” на устах» и «одета во все белое – как принцесса Греза» [13. С. 48]. В вербальном портрете автор-повествователь изображает ее как очень высокую и миловидную блондинку, выделяя наиболее обобщенные визуальные характеристики. Самому автору-повествователю, безусловно, претит ее искусственная манера поведения и манера говорить: она, «неустанно позировавшая и кривлявшаяся», «бухнулась на коврик», «пригласила нас “возлечь” рядом», «ее вопрос отдавал безвкусной претенциозностью» [13. С. 48]. Образ З.Н. Гиппиус в мемуарно-автобиографическом тексте неоднозначен, автор-повествователь отмечает ее псевдопорочность, заостряя внимание на присущей ей вычурности, что также свидетельствует о ее «окукливании»: «...Зиночка тогда позировала на женщину роковую и на какое-то “воплощение греха” и была не прочь, чтоб ореол сугубой греховности горел вокруг ее чела» [13. С. 48], вместе с тем упоминает слухи и анекдот, связанные с семейной жизнью знаменитой четы и «странными» З. Н. Гиппиус, оправдывающими ее прозвище «белой дьяволицы», якобы данное ей самим Д.С. Мережковским, что искажает моральный облик героини.

Вспоминая о том, что в дальнейшем у членов кружка «Мира искусства» установились дружеские отношения с Мережковскими, в том числе и у Л.С. Бакста, автор-повествователь вскользь касается написанного художником портрета З.Н. Гиппиус (1906 г.), который, по словам автора-повествователя, был «очень схожий» [13. С. 49]. Л.С. Бакст мастерски создал образ-маску поэтической «матресссы», облик «декадентской мадонны» Петербурга: портрет в рост, вытянутый по диагонали, нейтральный фон, экстравагантная, эпатажная модель в мужском костюме (черный камзол, белое жабо, коричнево-серые жилет, панталоны, чулки, черные туфли) и прическа в стиле париков XVIII в., «маскарадный» образ, «марионеточность» изысканной изломанной полусидящей позы, искусственность накрашенного бледного надменного лица, высокомерный взгляд больших прищуренных глаз. Таким образом, миловидную героиню в белом и дерзко-презрительную модель Л.С. Бакста объединяет вызывающая демонстративность и искусственность.

В рассматриваемой главе А.Н. Бенуа также пишет о Ф. Сологубе. В вербальном портрете А.Н. Бенуа не затрагивает конкретные черты внешности поэта, а только передает общее впечатление, в этом приеме

сказывается присущая художнику культура наброска. На многолюдном вечере у Мережковских, где собрались исключительно мужчины, взгляд героя привлек «мрачнейшего вида человек, не покидавший за весь вечер своего стула в углу у окна и упорно молчавший с крайне неодобрительным видом до тех пор, пока, обидевшись на что-то, он не разразился какой-то отповедью в несколько истерических тонах» [13. С. 48]. Герой увидел Ф. Сологуба впервые и до того момента не имел о нем вообще никакого понятия. Для словесного изображения поэта характерна его фиксированная позиция в пространстве, в которой его запечатлевает автор-повествователь, однако и сам портретируемый, очевидно, выбрал это место как своеобразную «позу». «Необычайно понравились и даже взволновали» героя «мрачнейшие, но необычайно красивые и убедительные» стихи, которые продекламировал поэт «глухим, “загробным” голосом, отрывисто выбрасывая слова» [13. С. 48]. Автор-повествователь в большей мере портретирует Ф. Сологуба как некое театральное явление: образ, принятый поэтом, манеру его декламации собственных стихов, «форму» стихов, в которой явно сказывается стилизация. Все элементы, из которых складывается образ поэта, органично сочетаются и не создают диссонанса, возникает словесный набросок, в котором выявляются характерные черты.

Вербальный портрет художника М.В. Добужинского в сороковой главе четвертой книги «Новые друзья: супруги Боткины, князь В.А. Аргутинский, “Кока” Врангель, Добужинский» складывается из характеристики его искусства, описания М.В. Добужинского как художника и как человека, для автора-повествователя «Моих воспоминаний» эти понятия в составе личности неразделимы. Согласно критической оценке мемуариста, искусство М.В. Добужинского «тихое и скромное», с художественно-эстетических позиций ничего необычного не представляющее. Однако ценность представляет «крупница подлинности», заложенная в нем, которой лишены многие блестящие и знаменитые произведения. «Необычайная» искренность изобразительного искусства художника все же не переводит его на иной уровень, как и ее отсутствие не лишает выдающиеся произведения их художественной ценности. Эта художественная творческая искренность важна сама по себе как проявление «душевной правдивости художника», и, скорее всего, как иная шкала оценки такого рода произведений, то есть творения М.В. Добужинского воспринимаются автором-повествователем как обнаженная часть души художника. Изобразительное искусство М.В. Добужинского для автора-повествователя в большей степени эмоционально, поскольку оно своими образами действует на сердце и воображение. Сами упомянутые в данном контексте образы захолустного города, худосочной и милой русской природы – это свидетельство эмигрантской ностальгии автора-повествователя, поэтому и «соль» этих «вещиц» не выдыхается. «Что же касается не художника, а человека Добужинского, то он, несомненно, принадлежит к разряду наилучших и наипленительных. Беседа с ним создает всегда то редкое и чудесное ощущение уюта и какого-то лада, которое мне пред-

ставляется особенно ценным и которое всегда свидетельствует о подлинном прекраснотворении. Добужинский – человек с прекрасной светлой душой!» [13. С. 339]. Образ художника в словесном портрете не имеет физического воплощения. Выделение категории «души» в словесном изображении М.В. Добужинского как художника и как человека обусловлено, по всей видимости, тем, что в искусстве художника есть надуманные творения, в которых он хитрит, теряя самого себя (при этом утрачивается и ценность таких его произведений), в то время как в жизни он остается настоящим. Таким образом, главным авторским критерием в оценке персонажей является их искренность, правдивость или фальшь, проявляющаяся в облике, поведении, высказываниях, творчестве.

Словесный образ другого художника-«мир-искусника» Л.С. Бакста создан А.Н. Бенуа в девятой главе третьей книги «Левушка Бакст». У мастера есть и портретный рисунок Л.С. Бакста, выполненный в 1908 г. Художник изображен сидящим на диване в пол-оборота, слегка откинувшимся на подлокотник. Глаза модели щурятся сквозь пенсне, подбородок приподнят, брови сведены к переносице, он вслушивается. В «Моих воспоминаниях» образ Л.С. Бакста иной, он фиксируется при знакомстве опытного художника и молоденького «художника-еврейчика» Левушки Розенберга, наружность которого, по словам автора-повествователя, не была примечательна: «Довольно правильным чертам лица вредили подслеповатые глаза-щелочки, ярко-рыжие волосы и жиденькие усики над извилистыми губами... застенчивая и точно заискивающая манера держаться производила если не отталкивающее, то все же не особенно приятное впечатление. Господин Розенберг много улыбался и слишком охотно смеялся» [11. С. 607]. Наряду с описанием внешности портретируемого, разворачиваются психологические характеристики персонажа. А.Н. Бенуа отмечает шарм, одаренность и талантливость художника («великий шарм исходил и от всей необычайной художественной одаренности Левушки», «талантливость неудержимо толкала его на творчество» [11. С. 625]). Портрет Л.С. Бакста дается в развитии, постепенно вырисовывается с разных ракурсов. При этом герой занимает позицию критика, наставника по отношению к Л.С. Баксту, комментирует и анализирует его жизнь и творчество, отмечая как знаток искусства достоинства и недостатки его творений, иронизирует над героем и говорит о нем как об объекте собственного влияния.

В рассматриваемой главе автор-повествователь затрагивает и этические вопросы: о границах свободы творчества, об отсутствии у творца права посягать на результаты творческой деятельности другого. Неправомерность такого присвоения становится объектом эстетической рефлексии автора-повествователя – описывается ссора автобиографического героя с Л.С. Бакстом из-за балета «Шехеразада», который «целиком, от начала до конца, сочинен и во всех подробностях разработан мной – в качестве драматического истолкования музыки Римского-Корсакова» [11. С. 626]. Автор-повествователь оценивает случившееся

как «присвоение чужой собственности», «гадкий поступок», «эту противную историю» [11. С. 626]. Тем глубже и сильнее обида героя, что это предательство совершил его друг, художник. Несмотря на то, что присвоение авторства своего либретто он Л.С. Баксту простил, мемуарно-автобиографический текст отражает душевное переживание автобиографического героя, в глазах которого истинный художник теряет свое лицо в погоне за славой, пользуясь творческим «детищем» другого.

Актуальным для мемуариста вопросом становится проблема заимствования чужой идеи и возможности вмешательства и изменения чужого художественного произведения без согласия автора. Данная проблема раскрывается в сцене ссоры, о которой, по словам автора-повествователя, не стоит распространяться, с тем же Л.С. Бакстом, переписавшим без разрешения художника «портрет фокусника» для балета «Петрушка». В этическом начале, в выражении «культуры человеческого достоинства», А.Н. Бенуа выделялся «залог гармонии внешних форм жизни» [21. С. 36].

Авторская идея, касающаяся не доведенного до конца замысла собственного труда, акцентируется в эпизоде визита автобиографического героя к редактору «Художественных сокровищ» А.В. Прахову, которого он надеялся убедить не публиковать собранные им материалы о царских резиденциях. Попытки «подействовать на совесть и на простое чувство порядочности Прахова (ведь как-никак, он меня и мои идеи обкрадывал)» [13. С. 391] не увенчались успехом. Номера журнала под редакцией А.В. Прахова, посвященные Павловску и Царскому Селу, вышли. «Просто непонятно, до какой степени этот профессиональный эстет сумел исказить мою затею, с какой бездарностью, с каким безвкусием он ее представил» [13. С. 392]. Однако собственного замысла номеров журнала автор-повествователь не раскрывает. В большей мере здесь выражается авторская неприязнь к личности персонажа, бездарного человека, посягающего на чужой интеллектуальный труд с корыстной целью. Здесь же приводится фраза А.В. Прахова, обращенная к автобиографическому герою: «Не горячитесь, дорогой Александр Николаевич. Это вы принимаете так к сердцу потому, что вы молоды, когда же вы достигнете моих седин (в это время Прахов уже перестал красить свою окладистую бороду и свою профессорскую шевелюру),

то все это покажется вам сущими пустяками» [13. С. 391–392]. Таким образом, на страницах собственного мемуарно-автобиографического произведения художник-повествователь спустя многие годы «чинит моральный иск» обидчику, поскольку А.В. Прахов попирает законы авторства, именно поэтому эмоциональность оценки вытесняет в данном случае обычный рациональный подход автора-повествователя.

В мемуарно-автобиографическом повествовании автор-портретист А.Н. Бенуа выступает с эстетической позиции знатока искусства, срывающего «маски», зрящего в корень художника-критика, рассматривающего персонажей повествования как «моделей», воплощающих разные грани творчества. Современники оцениваются и изображаются А.Н. Бенуа с точки зрения реализации их художественного потенциала.

Таким образом, мемуарно-автобиографический текст «Моих воспоминаний» А.Н. Бенуа является способом истолкования, пересмотра и постулирования собственных художественных идей, жизненных принципов и творческих интересов. Несмотря на то, что автор-художник позиционирует себя как новатора, ломающего традицию, для него важна оценка художников-предшественников и связь с ними, особое значение имеет культурный «претекст» – кумиром для А.Н. Бенуа является Рафаэль. Свои общехудожественные идеалы и частные темы творчества автор-повествователь органично вписывает в канву повествования о бытовой жизни и межличностных отношениях.

В «Моих воспоминаниях» реализуется идея раскрытия собственных возможностей художника как интерпретатора: деятельность художника связана с обработкой исторического материала, ценным ему представляется умение мастеров изобразить в искусстве те эпохи и те метафизические явления, которые художник никогда не видел, сделать вербальное визуальным. В мемуарно-автобиографическом произведении А.Н. Бенуа воплотились признаки, присущие его изобразительному искусству: будучи знатоком культуры прошлого, А.Н. Бенуа стремится в «Моих воспоминаниях» воссоздать неповторимое своеобразие старого быта, художественных памятников, именно сквозь призму искусства он смотрит на мир, на историю, тем самым осуществляет подход к изложению событий и явлений с позиций «ученого искусства».

Список источников

1. Эткинд М.Г. Александр Николаевич Бенуа. 1870–1960. Л. : М. : Искусство, 1965. 216 с.
2. Коротя Е.В. Личность в культуре Серебряного века: Александр Бенуа : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2009. 233 с.
3. Стернин Г.Ю. «Мои воспоминания» Александра Бенуа и русская художественная культура конца XIX – начала XX в. // Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 5 кн. Кн. 4, 5 / изд. подгот. Н.И. Александрова и др.; отв. ред. Д.С. Лихачёв. М. : Наука, 1990. С. 577–622.
4. Зайцев Б.К. Далекое. Washington : Inter-Language Literary Associates, 1965. 201 с.
5. Бенуа А.Н. Жизнь художника: воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 1. 409 с.
6. Бенуа А.Н. Жизнь художника: воспоминания. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1955. Т. 2. 404 с.
7. Чугунов И.Г. М.В. Добужинский и его «Воспоминания» // Добужинский М.В. Воспоминания. М. : Наука, 1987. С. 321–365.
8. Скобелев Д.А. Эстетическая рефлексия Ю.П. Анненкова: на материале художественных и публицистических произведений : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 210 с.
9. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М. : Intrada, 1999. 414 с.
10. Чугунов Г.И. Мстислав Валерианович Добужинский, 1875–1957. Л. : Художник РСФСР, 1988. 110 с.
11. Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 5 кн. М., 1990. Т. 1, кн. 1–3.
12. Галькова А.В. Мистический Петербург в «Моих воспоминаниях» А.Н. Бенуа // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 5–13.

13. Бенуа А.Н. Мои воспоминания : в 5 кн. М., 1990. Т. 2, кн. 4–5.
14. Лапшина Н.П. Мир искусства. Очерки истории и творческая практика. М. : Искусство, 1977. 342 с.
15. Дмитриевская Л.Н. Портрет и пейзаж: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). М., 2005. 136 с.
16. Адамян Е.И. Художественный и мемуарный портрет в прозе Андрея Белого : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 168 с.
17. Симонова Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. Гродно, 2002. 119 с.
18. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л. : Наука, 1982. С. 31–65.
19. Марушина Г.А., Выдрин И.И. А.Н. Бенуа. Дневник 1906 года (Версаль. Париж) // Наше наследие. 2006. № 77. С. 72–104.
20. Белый А. Начало века. Воспоминания. М. : Художественная литература, 1990. 686 с.
21. Гусарова А.П. Мир искусства. Л. : Сов. художник, 1972. 97 с.

References

1. Etkind, M.G. (1965) *Aleksandr Nikolaevich Benua. 1870–1960* [Alexandre N. Benois. 1870–1960]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
2. Korotya, E.V. (2009) *Lichnost' v kul'ture Serebryanogo veka: Aleksandr Benua* [Personality in the culture of the Silver Age: Alexandre Benois]. Philology Cand. Diss. Krasnodar.
3. Sternin, G.Yu. (1990) "Moi vospominaniya" Aleksandra Benua i russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX v. ["My memories" by Alexander Benois and Russian literary culture of the late 19th – early 20th centuries]. In: Benois, A.N. *Moi vospominaniya: v 5 kn.* [My memories: in 5 books]. Books 4, 5. Moscow: Nauka. pp. 577–622.
4. Zaytsev, B.K. (1965) *Dalekoe* [The Far]. Washington: Inter-Language Literary Associates.
5. Benois, A.N. (1955) *Zhizn' khudozhnika: vospominaniya* [The Life of an Artist: Memories]. Vol. 1. New York: Izd-vo im. Chekhova.
6. Benois, A.N. (1955) *Zhizn' khudozhnika: vospominaniya* [The Life of an Artist: Memories]. Vol. 2. New York: Izd-vo im. Chekhova.
7. Chugunov, I.G. (1987) M.V. Dobuzhinskiy i ego "Vospominaniya" [M.V. Dobuzhinsky and his "Memories"]. In: Dobuzhinskiy, M.V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Nauka. pp. 321–365.
8. Skobelev, D.A. (2009) *Esteticheskaya refleksiya Yu.P. Annenkov: na materiale khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniy* [Yu.P. Annenkov's aesthetic reflection: on the material of literary and journalistic works]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
9. Ginzburg, L.Ya. (1999) *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Moscow: Intrada.
10. Chugunov, G.I. (1988) *Mstislav Valerianovich Dobuzhinskiy, 1875–1957*. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. (In Russian).
11. Benois, A.N. (1990) *Moi vospominaniya: v 5 kn.* [My memories: in 5 books]. Vol. 1. Books 1–3. Moscow.
12. Gal'kova, A.V. (2020) Mystical Petersburg in *Moi Vospominaniya* by Alexandre Benois. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 5–13. (In Russian). doi:10.17223/15617793/450/1
13. Benois, A.N. (1990) *Moi vospominaniya: v 5 kn.* [My memories: in 5 books]. Vol. 2. Books 4–5. Moscow.
14. Lapshina, N.P. (1977) *Mir iskusstva. Ocherki istorii i tvorcheskaya praktika* [World of Art. Essays on history and creative practice]. Moscow: Iskusstvo.
15. Dmitrievskaya, L.N. (2005) *Portret i peyzazh: problema opredeleniya i literaturnogo analiza (peyzazh i portret v tvorchestve Z.N. Gippius)* [Portrait and landscape: the problem of definition and literary analysis (landscape and portrait in the work of ZN Gippius)]. Moscow
16. Adamyan, E.I. (2011) *Khudozhestvennyy i memuarnyy portret v proze Andrey Belogo* [Artistic and memoir portrait in the prose of Andrei Bely]. Philology Cand. Diss. Moscow.
17. Simonova, T.G. (2002) *Memuarnaya proza russkikh pisateley XX veka: poetika i tipologiya zhanra* [Memoir prose of Russian writers of the 20th century: poetics and typology of the genre]. Grodno.
18. Losev, A.F. (1982) Problema variativnogo funktsionirovaniya zhivopisnoy obraznosti v khudozhestvennoy literature [The problem of the variable functioning of pictorial imagery in fiction]. In: *Literatura i zhivopis'* [Literature and painting]. Leningrad: Nauka. pp. 31–65.
19. Marushina, G.A. & Vydrin, I.I. (2006) A.N. Benua. Dnevnik 1906 goda (Versal'. Parizh) [A.N. Benois. Diary of 1906 (Versailles, Paris)]. *Nashe nasledie*. 77. pp. 72–104.
20. Belyy, A. (1990) *Nachalo veka. Vospominaniya* [Beginning of the century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Gusarova, A.P. (1972) *Mir iskusstva* [World of Art]. Leningrad: Sov. khudozhnik.

Информация об авторе:

Галькова А.В. – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kalosagahtos@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Galkova, Cand. Sci. (Philology), senior lecturer, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kalosagahtos@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.03.2020;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 02.03.2020;
approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 81'37
doi: 10.17223/15617793/480/3

Репрезентация семантики слов *общественный* и *социальный* в толковых словарях русского языка

Ольга Валерьевна Моргунова^{1, 2}

¹ Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия

² Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

^{1, 2} intempore@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительный анализ семантики слов «общественный» и «социальный» с опорой на этимологические, исторические и современные толковые словари русского языка. Выявляются семантические особенности лексем в разные исторические периоды. По данным словарных дефиниций, иллюстративным материалам и лексикографическим пометам определяются семантические сходства и различия анализируемых лексем.

Ключевые слова: лексикография, лексическая семантика, общество, социум, русский язык

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс).

Для цитирования: Моргунова О.В. Репрезентация семантики слов *общественный* и *социальный* в толковых словарях русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 23–33. doi: 10.17223/15617793/480/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/3

Semantics of *obshchestvennyy* and *sotsial'nyy*: Representation in Russian explanatory dictionaries

Olga V. Morgunova^{1, 2}

¹ Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

^{1, 2} intempore@mail.ru

Abstract. The article examines semantics of *obshchestvennyy* and *sotsial'nyy* based on the data of etymological, historical, explanatory Russian dictionaries (from the 11th to the 21st centuries). The aim of the work is to identify semantic similarities and differences of the lexemes in different historical periods. The research material is definitions and illustrative materials included in dictionary entries. Research methods are comparative and semantic. During the study the development of meanings for the lexemes was established. *Sotsial'nyy* at the Indo-European level is “allied”. The lexeme came to Russian from French as “relating to society” (1850s). *Obshchestvennyy* is of Slavic origin, from Russian *obshchestvo*, goes back to **obŭ* “widespread around”, then Old Russian-Church Slavonic *obshchij* “referring to all or a group of people”, “common”, then Old Church Slavonic *obshŭstvo* “community, kinship” and Russian-Church Slavonic “a set of people united by a common life way”, “a class of people; a gathering of people with a common intention or subject”. In the sources from the 11th to the 21st centuries *obshchestvennyy* almost never occurs. In the 18th century under the semantic influence of *obshchestvo*, meanings of *obshchestvennyy* are formed: “relating to the people”; “state, political, civil”; “belonging to a group, an association of people”; “associated with a group of friends”; “typical of the high society”; “relevant to the public”; “owned by all”; “general”. In the 19th century the basic meanings of *obshchestvennyy* and *sotsial'nyy* contain the same “society”, but the words also have differences. The first word implies an attitude towards society as a people, a state, and the second to its advanced part and to citizenship. *Obshchestvennyy* is also “appropriated to society”, “general”, “secular” (about a peasant community), and *sotsial'nyy* is “related to socialism”. In the 20th and 21st centuries the basic meanings of *obshchestvennyy* and *sotsial'nyy* are the same. However, *obshchestvennyy* is more often used in everyday speech, and *sotsial'nyy* in scientific. *Obshchestvennyy* in modern Russian emphasizes belonging to society, joint ownership of property in a collective, focus on meeting social needs. It also indicates the relationship and position of people in society, the expression of a position by society. *Sotsial'nyy* describes the structure of a class society and relations in it,

as well as the participation of the state in its life. *Sotsial'nyy* has the semantic component “aimed at changing the social order”, which is recorded in dictionaries of the 20th century and is absent in the sources of the 21st century. Thus, the semantics of *obshchestvennyy* was formed in the 18th century. Its polysemy is explained by the fact that the root *obshch-* is original for Russian. The semantics of *sotsial'nyy* is based on French *social,-e* “relating to society”, is associated with *sociality* and *socialism*. Nowadays, the words are often synonymous with different stylistic connotations.

Keywords: lexicography, lexical semantics, society, social environment, Russian language

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation (Project No. 20-68-46003: The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse).

For citation: Morgunova, O.V. (2022) Semantics of *obshchestvennyy* and *sotsial'nyy*: Representation in Russian explanatory dictionaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 23–33. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/3

Интерес к социальному компоненту семантики у лингвистов появился в связи с развитием антропологического языкознания и прагматики. В прагматическом аспекте к социальной семантике обращались такие исследователи, как В.И. Карасик, Л.П. Крысин, У.Н. Козынцева [1–3].

Представления об общественных нормах, взаимодействиях людей обусловлены культурой не только конкретной социальной группы, но и этноса в целом. Этнодиалектный подход к изучению лексики с социальной семантикой прослеживается в работах Т.В. Леонтьевой, Е.Л. Березович, О.В. Вострикова, М.В. Пелипенко [4–9].

В русской лексикологии особое внимание уделяется идеографическому членению лексики, отображающей информацию о современных социальных явлениях, общественных организациях и социальных институтах, поведении человека в социуме. Анализу микрогрупп с социальным смысловым компонентом в структуре семантического поля «Человек» посвящено немало лингвистических работ [10–13].

Особо отметим лексикографические труды, структурирующие социальную лексику. Так, Н.Ю. Шведова на материале русской общеупотребительной лексики среди «слов именующих» выделяет наименования лиц по социальным свойствам, состоянию, вхождению в разные объединения, а также глаголы, характеризующие общественные и гражданские отношения, социальную и политическую деятельность [12]. Т.В. Леонтьева [14] рассматривает слова и выражения, называющие общество, общину, человека в ситуациях неофициального общения.

Часть языковедческих работ описывает лексемы, входящие в тематическую или лексико-семантическую группу «Общество». Так, М.В. Баматгиреева выстраивает синонимические отношения для лексемы *общество* по данным словарей современного русского языка [15]. А.С. Давыдкина выделяет типы семантических моделей, связывающих тематические группы «Пространство» и «Социум» [16]. Г.В. Дуринова рассматривает изменение семантики слов с корнем *общ-* в когнитивном аспекте [17]. М.Л. Кусова описывает отрицательные лексические единицы, характеризующие социум и социальные явления [18].

Мотивационный подход в описании лексем, за которыми стоят понятия «социум» и «человек социальный», используют А.В. Щетинина и М.А. Еремина

[19–21]. В ряде отечественных исследований описана иноязычная лексика, входящая в семантическое поле «Социум» [22, 23], иногда в сравнении с аналогом из русского языка [24].

Известны работы, посвященные методике выявления социальной семантики в значениях отдельных лексем и словосочетаний [19, 25–27].

Социальная семантика, несмотря на ее разностороннее освещение в научной литературе, остается недостаточно изученной. Особого внимания заслуживают лексемы-синонимы, входящие в семантическое поле «Социум».

Цель статьи – выявить семантические сходства и различия слов *общественный* и *социальный* в разные исторические периоды (с XI по начало XXI в.). В современном русском языке эти лексемы нередко взаимозаменяемы. Для того чтобы определить их семантическую «специализацию», обратимся к особенностям их освещения в российской лексикографии.

Материалом исследования стали дефиниции слов *общественный* и *социальный*, представленные в исторических и современных толковых словарях русского языка (XI – начало XXI в.), а также иллюстративные материалы, включенные в словарные статьи. Методы исследования – сравнительный, семантический.

В словарях церковнославянского языка и в исторических словарях русского языка [28–34] лексема *социальный* отсутствует. Она фиксируется в словарях с конца 50-х гг. XIX в.: ‘относящийся к обществу, к общественным отношениям людей’¹, ‘общественный’ [35. Т. 2. С. 191]. В художественных и публицистических текстах появляется в конце 40-х: «Но Гоголь – поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский – по преимуществу психологический» (В.Н. Майков «Нечто о русской литературе в 1846 году» (1847 г.)) [36]. В русский язык пришло через немецкий из французского языка. Франц. *social,-e* ‘относящийся к обществу’ [37. С. 800] восходит к лат. *socialis,-e* ‘товарищеский’, ‘супружеский’, ‘союзнический’ [35. Т. 2. С. 191; 38]. В свою очередь, латинская лексема образована от *socius,-i m* ‘товарищ, спутник, сообщник’, ‘союзник’ [39. С. 714] – одного корня с *sequi* ‘следовать’ [39. С. 702]. Ср. также *socius,-a,-um* ‘общий, совместный’, ‘находящийся в союзе’. Вхождение этого слова в активный речевой оборот, вероятно, связано с распространением учения К. Маркса и Ф. Энгельса (ср. *социализм, социалист, социализация*).

Русское прилагательное *общественный* образовано от рус. *общество*. Последнее заимствовано из церковнославянского *обыцѣство* 'сообщество', ср. др.-рус., рус.-цслав. *общество* 'общество; совокупность людей, объединенных общим укладом жизни, общими законами и т.д.', 'общность, единство', 'общение, взаимоотношения' [40. С. 170]². Ср. также др.-цслав. *обыиѣство* 'общность, родство', *обыиѣствовати* 'участвовать, быть участником' и *обыиѣтъ* 'сообща, обще, вместе, вообще' [41. С. 510]. Лексема *общество*, в свою очередь, происходит от др.-рус.-цслав. *общиий* 'принадлежащий, присущий всем или осуществляемый всеми', 'одинаково касающийся всех', 'целый', 'весь'. Ср. также др.-рус., др.-рус.-цслав. *общиий* и *обчий* 'общий, относящийся ко всем, всеобщий', 'принадлежащий всем вообще или всем в определенной группе людей, находящийся в совместном пользовании', 'существующий, происходящий или осуществляемый вместе с кем-, чѣм-л., совместный', 'смешанный, объединенный; представляющий и ту и другую сторону', 'одинаковый, сходный', 'общий, нераздельный', 'всякий, любой; все', 'обыкновенный, естественный; обычный', 'чужой, посторонний, иной' [40. С. 166]. Лексема *общиий* восходит к общеславянскому **obŭjъ* 'распространенный вокруг, окрестный' [35. Т. 1. С. 589; 38].

Рассмотрим лексикографическое описание слова *общественный* в исторических словарях (XI–XVII вв.).

В «Словаре русского языка (XI–XVII вв.)» встречается лишь одна фиксация лексемы *общественный* 'общий, основной': «Но где обретается та вежественная мудрость и от кого может кто ея научитися? Соломон бо токмо общественно нечто поведает, яко мудрость наипаче в правде состоит» (1676) [32. С. 194]. У слова *общество* представлено несколько значений: 1) 'совокупность людей, объединенных общим укладом жизни, общими законами и т.д.'; 2) 'общность, единство'; 3) 'общение, взаимоотношения' [32. С. 194]. Слово *общественный*, скорее всего, образовано от второго значения *общество* (сема чего-то общего). В «Материалах для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского *общественный* отсутствует. Под *обществом* понимается некая 'общность' [28. С. 584].

Подводя этимологические итоги, можно отметить, что слово *социальный* имеет индоевропейские истоки и восходит к глаголу *sequi* 'следовать'. На индоевропейском уровне лексема *социальный* означала 'союзнический', т.е. относящийся к союзу, организованному спутниками, товарищами, которых, скорее всего, связывало какое-либо дело, интересы. Позже, во французском языке, у рассматриваемой лексемы появилось более широкое значение: 'относящийся к обществу'.

Лексема *общественный* общеславянского происхождения: **obŭjъ* 'распространенный вокруг', далее др.-рус.-цслав. *общиий* 'относящийся ко всем или группе людей', 'принадлежащий всем или определенной группе людей, находящийся в совместном пользовании', 'совместный' [28. С. 580; 32. С. 196], за-

тем – др.-цслав. *обыиѣство* 'общность, родство' [41. С. 510] и рус.-цслав. 'совокупность людей, объединенных общим укладом жизни, совместно живущий', 'сословие людей; собрание людей, имеющих общее намерение или предмет' [33. С. 601] и др.-рус. 'общность' [28. С. 584]. *Общественный* в др.-рус. лексикографических источниках практически не встречается. Единичная фиксация представляет его как синоним чего-то общего без дифференциации семантических оттенков.

Далее обратимся к словарям русского языка толкового типа XVIII в.

В «Словаре Академии Российской» (1789–1794) (САР) *общественный* трактуется как 'принадлежащий обществу, касательный до общества' (*общественное благо, общественная польза*) [33. С. 601]. У слова *общество* отмечено несколько значений: 1) 'народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий'; 2) 'сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинаковое намерение и предмет' (*общество ученых мужей, общество купеческое, ремесленников*) [33. С. 601]. На данном этапе меняется значение у слова *общественный* под влиянием развития семантики у производящей лексемы. Благодаря конкретизации значения *общество* 'народ' (не любая общность) слово *общественный* понимается как касающийся народа либо ему принадлежащий. Здесь речь идет как об имущественной, так и о нематериальной стороне жизни.

В «Словаре русского языка XVIII в.» (СРЯ XVIII) лексемы *общество* и *общественный* многозначны. При этом новые значения слова *общественный* образованы от новых значений производящего слова. Рассмотрим семантику слова *общество*, отраженную в данном словаре:

- 1) 'общность, всеобщность';
- 2) 'люди, живущие вместе по общим законам и уставам, объединенные определенными отношениями и укладом жизни';
- 3) 'государство';
- 4) 'объединение людей на основе родства, социальной, территориальной, религиозной, профессиональной принадлежности, на основе их интересов и деятельности; организация, корпорация, союз';
- 5) 'публика';
- 6) 'группа людей, объединившаяся для совместного времяпрепровождения; компания друзей, знакомых';
- 7) 'узкий круг людей, составляющих высший и наиболее влиятельный слой дворянского сословия' [34. С. 118–123].

В СРЯ XVIII у слова *общественный* основным значением, как и в САР, является:

- 1) 'относящийся к народу, связанный с ним' (*общественный* в этом значении образовано от *общество* во втором значении). При этом, в отличие от САР, сема принадлежности заменяется на сему связи с обществом. Как семантические оттенки первого значения представлены толкования 'обладающий потребностью, предрасположенный, способный жить в обществе'; 'присущий обществу, сосуществованию лю-

дей в нем»; 'охватывающий все общество, касающийся всего общества';

2) 'государственный, политический, гражданский' (образовано от *общество* 'государство');

3) 'относящийся к обществу (в 4-м значении), связанный с ним; свойственный, характерный для какой-либо группы, какого-либо объединения людей; относящийся к ней, связанный с ней'. Семантическим оттенком этого значения является 'принадлежащий какой-л. группе, какому-л. объединению людей или организации; осуществляемый каким-либо обществом';

4) 'относящийся к обществу (в 6-м значении); связанный с дружеской, приятельской компанией, свойственный этой компании';

5) 'относящийся к обществу (в 7-м значении), свойственный светскому кругу';

6) 'относящийся к публике, выражаемый публичной' (происходит от *общество* в 5-м значении);

7) 'принадлежащий всем, находящийся в общем распоряжении, пользовании';

8) 'относящийся ко всему, всем, охватывающий все, всех; всеобщий'. Как семантические оттенки значения представлены 'общий (противопоставление *частный*)'; 'свойственный всем; единый или одинаковый для всех'; 'отвлеченный от деталей, частных; обобщенный' [34. С. 113–118]. Последние два значения, возможно, восходят к слову *общество* в первом значении (семы общего, всеобщего).

В отличие от «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в данном источнике семантика 'общий' конкретизируется, в результате чего появляются такие значения, как 'касающийся всех', 'принадлежащий всем'.

В **словарях толкового типа XIX в.** (церковно-славянского и русского языка) интересующие нас лексемы также представлены как многозначные.

В «**Словаре церковно-славянского и русского языка**» (1847) *общественный* фиксируется как 'принадлежащий всему обществу' (*общественное благо*) [29. С. 38]. У лексемы *общество* отмечено несколько значений:

1) 'собрание людей, живущих по одним правилам, законам';

2) 'сословие занимающихся каким-либо одним предметом';

3) 'собрание людей, вместе проводящих время' [29. С. 38]. Очевидно, *общественный* восходит к лексеме *общество* в первом значении. При этом подразумевается принадлежность обществу как материальная, так и нематериальная (ср. *общественное благо*). Подобное значение зафиксировано в САР.

Далее обратимся к «**Словарю языка А.С. Пушкина**» [42], включающему слова, которые встречаются в художественных, публицистических произведениях поэта, а также в его письмах и деловых бумагах (начало XIX в. – 30-е гг. XIX в.).

Для слова *общественный* приведены следующие значения:

1) 'относящийся к обществу, связанный с обществом, с деятельностью людей в нем, с его жизнью, нуждами'³. Здесь представлены такие словосочетания со словом «общественный», как общественное мне-

ние, общественный порядок, общественный переворот, общественный быт, общественная повинность, общественная благопристойность, Комитет общественного спокойствия (один из комитетов Национального конвента во Франции, учрежденный в июне 1793 г.). В качестве семантических оттенков данного значения в рассматриваемом словаре отмечены 'касающийся общества' как противопоставление личному (общественные новости, общественное бедствие) и 'находящийся в ведении общества, государства, правительства' как противопоставление частному (общественное воспитание, общественные заведения);

2) 'предназначенный для общего пользования' (общественное здание). Любопытным семантическим оттенком является значение 'о литературном языке'⁴ (общественный язык: «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия» («Критические, журнальные и автобиографические статьи и заметки», 11, 32.30)) [42. С. 67]. Предполагается, что в общественных целях используется как материальное (здание), так и нематериальное (язык).

Как устойчивое отмечается сочетание «общественное» лицо 'лицо, обладающее весом, влиянием, авторитетом в обществе' [42. С. 67].

Таким образом, у слова «общественный», как и в словарях предыдущих периодов, первичной остается семантика отношения чего-либо к обществу (как народу) и связи с ним. Появляются семы связи с деятельностью общества и общественной жизнью в целом. Сохраняются идеи общественного как государственного и как относящегося к высшему обществу (ср. общественное лицо). Если сравнивать с СРЯ XVIII, то в «Словаре языка А.С. Пушкина» у лексемы *общественный* не отмечены такие идеи, как потребность жить в обществе, связь с конкретной группой людей, дружеской компанией, публикой, а также семантика всеобщности (относящийся ко всему, всем), обобщенности.

В «**Толковом словаре живого великорусского языка**» В.И. Даля лексема *общественный* имеет следующие значения: 'обществу присвоенный, к нему относящийся' (*общественный хлеб, житницы*); 'общий'; 'мирской' (*общественная безопасность, порядок полицейский, от правительства*) [43. Т. 2. С. 1214]. Так, в первом значении у слова *общественный* остается семантико-словообразовательная связь со словом *общество* прежде всего в значении «народ» (или 'волость, население, состоящее под общим управлением'), что было отмечено в словарях предыдущих периодов. Идеи принадлежности и отношения к обществу в данном словаре разведены, как и в САР. Кроме того, в семантике *общественный* присутствуют идеи отношения к государству (*общественная безопасность*) и какой-либо общности, что отмечено в СРЯ XVIII (см. *общественный* во 2-м и 8-м значениях). Однако в словаре Даля у лексемы *общественный* появляется еще одно значение – 'мирской'. Чтобы выявить истоки этой се-

мантики, обратимся к значениям слова *общество* в данном лексикографическом источнике: *общество* ‘нечто отдельное, цельное’; ‘приход, волость или население, состоящее под общим управлением’; ‘собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями’; ‘гражданское общество, граждане одного государства, одной местности, все невоенное’; ‘дворянское, купеческое общество, составляющее части гражданского общества’; ‘крестьянское общество, мир, собрание всех домохозяев, кому на миру, на сходке дано право голоса’; ‘ученое общество, сословие, общество портных и т.д.’; ‘собрание, гости, посетители’ [43. Т. 2. С. 1214].

Таким образом, в XIX в., по данным словаря В. Даля, у слова *общество* появляется такое значение, как крестьянское общество, члены которого на деревенской сходке совместно принимали решения в отношении мирских проблем. *Общественный* ‘мирской’ образовано от *общество* в вышеуказанном значении.

Слово *социальный* впервые появляется в словаре В. Даля в значении ‘к социальности или социализму относящийся’ [43. Т. 4. С. 259]. *Социальность* трактуется как ‘общественность’, ‘общежительность’, ‘гражданственность’, ‘взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни’ [43. Т. 4. С. 259]. Также указывается, что это слово заимствовано из французского языка. *Социализм* в свою очередь ‘учение, основывающее гражданский и семейный быт на товариществе или отдельном учреждении; крайний социализм впадает в коммунизм, который требует упразднения всякой частной собственности на общую пользу’ [43. Т. 4. С. 259]. Ср. также *социалист*, *социалистка* ‘кто держится этого учения’ [43. Т. 4. С. 259]. Отметим, что слово *социум* в данном словаре, а также в этимологических словарях, словарях иностранных слов русского языка отсутствует [35; 38; 44–46]. Так, *социальный* и *социум* пришли в русский язык из латинского, вероятно, через французский независимо друг от друга⁵.

Если понятие *общественный* на данном историческом этапе связано с обществом или государством в целом, то *социальный* имеет отношение к передовой части общества и общественной жизни, а также к гражданственности⁶ (как основе гражданского общества⁷). Помимо этого, слово *социальный* маркирует связь с социалистическим учением.

Далее хронологически целесообразно обратиться к толковым словарям новой эпохи, созданным в СССР.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова (1935–1940) для слова *общественный* приведены следующие значения:

1) ‘относящийся к обществу’, при этом *общество* понимается как ‘совокупность определенных производственных отношений, образующая особую ступень развития в истории человечества’ (*общественное производство, общественные отношения, общественные формации*);

2) ‘связанный с деятельностью людей в обществе’ (*общественное движение, общественная мысль, общественное мнение, общественные интересы, обще-*

ственная жизнь, общественный долг и общественная обязанность). Как семантический оттенок отмечено дополнительное значение ‘связанный с обслуживанием политических, профессиональных, культурных нужд коллектива’ (*общественные организации, общественная работа, а также общественное задание*);

3) ‘общий, принадлежащий всему обществу’ (*общественная собственность, общественный хлеб, общественный капитал, общественные средства, общественное имущество*);

4) ‘не индивидуальный, предназначенный для всех, для общего пользования’ (*общественные здания*);

5) ‘организованный коллективом, не частный’ (*общественные столовые*) [48. Т. 2. С. 729].

Как и устойчивые сочетания, нередко с пометой «нов.», даны наименования, характеризующие реалии советского времени: *общественное питание* ‘форма организованного питания в общественных столовых’, *общественное порицание, общественный суд и общественный обвинитель*. С пометой «книжн. устар.» представлено словосочетание *общественное положение* ‘положение, роль в обществе’ (ср. *общественное лицо* [42. С. 67]). Без помет даны выражения *общественные работы* (с указанием «в капиталистических странах») и *общественные науки* (= *социальные науки*) [48. Т. 2. С. 729].

Так, в словаре Д.Н. Ушакова главным значением *общественный*, как и в словарях предыдущих периодов, остается идея отношения к обществу. Однако меняется само понимание общества, которое теперь мыслится не как народ, а как совокупность определенных производственных отношений. В отличие от предыдущих словарей, в рассматриваемом источнике идея связи с деятельностью людей вынесена в отдельное значение, при этом появляется новый смысловой оттенок – связь с обслуживанием политических и др. нужд общества как коллектива. Как и в словаре В. Даля, у лексемы *общественный* отмечается семантика общности и принадлежности обществу. Как и в «Словаре языка А.С. Пушкина», в семантике слова *общественный* отражается противопоставление общественного индивидуальному и частному (не созданному коллективом).

Изменение семантики слова во многом обусловлено созданием другого общественного строя (коммунизм). Этим объясняется появление наименований для новых реалий и исчезновение такой идеи, как положение в обществе. В словаре Д.Н. Ушакова эти семантические трансформации представлены с помощью лексикографических помет.

У слова *социальный* в рассматриваемом словаре приведены следующие значения:

1) ‘связанный с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу’, синоним слова *общественный*. Примерами употребления служат такие словосочетания, как *социальные науки* (изучающие общество), *социальная психология* (поведенческие законы, характерные для общества), *социальные законы* (принципы, по которым создано и существует общество), *социальная опасность преступления* (имеющая последствия для общества), *социальная гигиена* (общественное здоровье). Также сюда

относятся *социальное страхование, социальное обеспечение и социальное воспитание* (влияние государства и общественных структур на поддержание в обществе материального и духовного благополучия);

2) 'реорганизуемый общественные, производственные отношения в обществе' (*социальная революция и социальный переворот*);

3) 'порождаемый условиями общественной жизни, условиями той или иной общественной среды, общественной формации' (*социальные болезни, социальные инстинкты, социальные чувства*);

4) 'связанный с принадлежностью к какой-либо общественной группе, классу' (*социальная среда, социальные слои общества, социальное происхождение и социальное положение*) [48. Т. 4. С. 416]⁸.

Семантика слова *социальный* в словаре Д.Н. Ушакова расширена в сравнении со словарем В. Даля. Первое значение конкретизирует идею связи с обществом (жизнь людей в обществе, их отношения, отношение к обществу). Появление второго и третьего значений обусловлено событиями первой трети XX в. и характеризует устройство нового общества в сравнении с прежним строем (связь с перестройкой общества, сопоставление разных общественных строев, связь с социальными классами).

Так, в словаре Д.Н. Ушакова слова *социальный* и *общественный* выступают синонимами в значении 'связанный с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу' (*общественные/социальные науки, законы, общественная/социальная опасность, ответственность*). При этом у каждого из рассматриваемых слов есть и своя семантическая «специализация».

Лексема *социальный* используется в словосочетаниях, характеризующих социально-экономическую перестройку общества, а также явления, которые наблюдаются в разных социальных классах – группах людей, занимающих сходные позиции в экономической структуре общества. Данная лексема употребляется и по отношению к социальной деятельности государства (*социальное страхование, социальное обеспечение*).

Слово *общественный* функционирует в названиях советских реалий (*общественный суд, общественные организации, общественная работа*). Еще одной семантической гранью данной лексемы являются идеи противопоставления общественного (для общего пользования) индивидуальному и частному (не созданному коллективом).

В «*Словаре современного русского литературного языка*» (1950–1965) (ССРЛЯ) [49. Т. 8. С. 528–532] для лексемы *общественный* первые три значения частично совпадают с базовыми тремя значениями, зафиксированными в словаре Д.Н. Ушакова:

1) семантика отношения к обществу конкретизируется с помощью сем 'порождаемый обществом' и 'осуществляемый в обществе'⁹ (*общественное производство, общественное разделение труда, общественные науки, общественные средства, общественная собственность, общественный доход*);

2) поясняется идея связи с деятельностью общества, отмечено его устройство: 'отражающий отношения, положение людей в обществе, в их деятельности в процессе материальной и духовной жизни общества' (*общественное бытие, общественное сознание, общественный строй, общественная система, общественные классы, общественный деятель*). Так, идея положения в обществе уже не маркируется как устаревшая (см. *общественный* в словаре Д.Н. Ушакова);

3) идея принадлежности всему обществу уточняется: 'созданный, накопленный обществом в процессе производства, являющийся достоянием всего общества' (*общественные средства, общественная собственность*). Подчеркивается важность производственных отношений в обществе. Как семантический оттенок отмечена идея принадлежности чего-либо коллективу;

4) вместо идеи общего пользования (см. словарь Д.Н. Ушакова) появляется смысловой компонент – удовлетворение и учет общественных потребностей: 'направленный на удовлетворение материальных и духовных потребностей общества; связанный с обслуживанием политических, профессиональных, культурных и других нужд общества, коллектива' (*общественный деятель, общественные организации*);

5) как отдельное значение в рассматриваемом словаре выделено следующее: 'организованный, предназначенный для обслуживания членов общества, коллективов, организаций' (*общественное питание, общественные увеселения, общественное воспитание*). Фактически это толкование является продолжением четвертого значения: названы способы удовлетворения потребностей;

6) 'проявляемый обществом, общественностью, средой по отношению к кому-либо, чему-либо' (*общественное признание, общественное порицание*). Данное значение не было отмечено в вышерассмотренных словарях. Его семантическим оттенком является 'организуемый, осуществляемый силами общественности'. Подразумеваются активные действия или реакции со стороны общества;

7) новым значением по сравнению с толкованиями из предыдущих лексикографических источников можно считать 'обладающий потребностью жить в обществе' и его семантический оттенок 'испытывающий потребность в общении с окружающими'. Отмечается психологическая потребность человека в обществе;

8) 'относящийся к сельскому обществу, общине' (*общественный пастушонок* (Серафимович «Железный поток»)). Данное значение у слова *общественный* появляется впервые. Оно семантически связано с четвертым значением, представленным в ССРЛЯ. Слово *общественный* в этом значении зафиксировано только в литературном произведении 1924 г., посвященном Гражданской войне. В повседневной речи не встречается, поскольку сельские общины были упразднены в 1930 г. в связи с коллективизацией.

Таким образом, семантика слова *общественный* в ССРЛЯ более детализирована в сравнении с толковыми

словарями предыдущих периодов. Данное слово может характеризовать и устройство общества с отношениями в нем, и его жизнь и деятельность, достояние, потребности общества и в обществе (у конкретного человека). При этом подразумевается активность и самостоятельность общества. Общество – это прежде всего люди, объединенные производственными отношениями.

Для слова *социальный* в ССРЛЯ дано одно базовое значение: ‘связанный с обществом, с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный’ (*социальное обеспечение, социальное страхование, социальный дарвинизм*). Как дополнительные смысловые оттенки приведены ‘свойственный классовому обществу, обусловленный разделением общества на классы, группы’; ‘порождаемый условиями общественной жизни той или иной общественной среды, строя’ (*социальные инстинкты, социальная мораль, социальные болезни*); ‘имеющий целью изменение общественных производственных отношений’ (*социальная революция*) [49. Т. 14. С. 435]¹⁰. Данная семантика в целом совпадает с толкованием слова *социальный* в словаре Д.Н. Ушакова. Идея принадлежности к какой-либо общественной группе, классу не эксплицирована.

Сопоставляя семантику слов *общественный* и *социальный*, описанную в ССРЛЯ, отметим сходную идею связи с обществом, с его жизнью и отношениями в нем. При этом слово *общественный* может использоваться по отношению к достоянию общества, удовлетворению его потребностей (в том числе в обществе), к деятельности, реакции членов общества. *Социальный* может характеризовать явления классового общества, а также фигурировать в номинациях общественных изменений и переворотов.

Оба слова используются в терминологии: *общественный* – в науках, связанных с сохранением порядка в обществе, его устройством, экономикой (*общественный продукт, общественные науки* ‘науки, изучающие историю общества’, *общественное бытие*). Слово *социальный* употребляется в отношении социальной поддержки граждан или при описании социальной среды (*социальное страхование, социальное обеспечение, социальные болезни*).

В «*Словаре русского языка*» под ред. А.П. Евгеньевой» (1985–1988) (СлРЯ) у лексемы *общественный* представлены все значения из ССРЛЯ, помимо восьмого: ‘относящийся к сельскому обществу, общине’ [50. Т. 2. С. 576].

В первом значении, сформулированном обобщенно (‘прил. к *общество*’), как смысловой оттенок выступает ‘выражающий, учитывающий потребности, запросы общества’ (*общественные интересы*). Данная семантика появляется в СлРЯ вместо дефиниции ‘направленный на удовлетворение потребностей общества’ (см. ССРЛЯ) и предполагает пассивный учет общественных интересов, в отличие от активных действий. В первом же пункте значений СлРЯ зафиксирована дефиниция ‘охватывающий все общество, касающийся всего общества’ (*общественные вопросы, общественное благо, общественное зло*). Данная семантика не отмечена в ССРЛЯ, но присутствует в словарях предыдущих периодов как ‘всеобщий’.

Идея принадлежности коллективу в СлРЯ, в отличие от ССРЛЯ, разведена с семантикой ‘учитывающий потребности общества’.

Стоит отметить, что *общество* в данном словаре трактуется как ‘совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни’. Вместо идеи производственных отношений вновь появляется семантика объединения историческими условиями жизни, причем акцент делается на ее материальной стороне.

Значения слова *социальный*, приведенные в СлРЯ, полностью совпадают с семантикой этой лексемы, описанной в ССРЛЯ.

Семантическая «специализация» слова *социальный*, в отличие от лексемы *общественный*, – это направленность на изменение производственных отношений (*социальный переворот, социальная борьба, социальная революция*). Также *социальный* употребляется в таких терминах, как *социальное обеспечение, социальное страхование* (меры материальной поддержки граждан в социалистических странах), *социальная психология* (изучает психологию разных социальных групп) [50. Т. 4. С. 214]. Слово *общественный* используется в гуманитарных науках (*общественные науки*), а также в судебной системе (*общественное порицание, общественный обвинитель*) [50. Т. 2. С. 577].

Наконец обратимся к толковым словарям русского языка, изданным в постсоветское время.

В «*Большом толковом словаре русского языка*» С.А. Кузнецова (1998) (БТС) у слова *общественный* отмечены практически те же значения, что и в ССРЛЯ и СлРЯ. При этом в БТС, как и в СлРЯ, отсутствует значение ‘относящийся к сельскому обществу, общине’ как устаревшее [51. С. 691]. Как единое значение представлено ‘связанный с обслуживанием политических, культурных, профессиональных и подобных нужд общества, направленный на удовлетворение материальных и духовных нужд общества’ (*общественная деятельность, общественные организации, общественная обязанность*). Семантический оттенок ‘учитывающий потребности общества’, который был приведен в СлРЯ, отсутствует. Как и в СлРЯ, зафиксирована дефиниция ‘охватывающий все общество, касающийся всего общества’. Понимание *общества* близко к тому, что представлено в СлРЯ.

Для лексемы *социальный* в БТС [51. С. 1243] дано одно значение, как и в ССРЛЯ, с теми же смысловыми оттенками. Значение ‘реорганизующий общественные, производственные отношения в обществе’ в БТС отсутствует.

«*Толковый словарь русского языка*» Н.Ю. Шведовой (2011) [47. С. 550], если сравнивать с БТС, для слова *общественный* не фиксирует значения ‘отражающий отношения, положение людей в обществе, связанный с их деятельностью в материальной и духовной жизни общества’ (*общественные производственные отношения, общественное бытие, общественное сознание*); ‘касающийся всего общества’ (*общественное благо*); ‘проявляемый, выражаемый обществом, общественностью по отношению к кому-либо чему-нибудь’ (*общественное мнение, общественное признание*); ‘осуществляемый силами обществен-

ности' (*общественное движение, общественная инициатива*). Эти смысловые оттенки могут быть имплицитно представлены в толковании:

1) 'см. общество';

2) у значения 'относящийся к работе, деятельности по добровольному обслуживанию политических, культурных нужд коллектива' присутствует дополнительная сема «добровольный», а общество понимается как коллектив (*общественные организации, общественная работа, общественный защитник*);

3) 'принадлежащий обществу, не частный, коллективный' (*общественное имущество, общественное животноводство*). Данное значение присутствовало в рассмотренных выше словарях. В словаре Н.Ю. Шведовой есть уточнение значения: подразумевается как коллективное имущество, так и дело;

4) вместо семантики 'обладающий потребностью жить в обществе' и 'испытывающий потребность в общении' появляется толкование 'любящий общество (компанию)'. Психологическая потребность жить в обществе заменяется на черту характера, проявляющуюся в поведении (близко к 'общительный, компанейский'). Это значение дается с пометой «разг.».

Помимо этого, пометой «спец.» отмечено как устойчивое выражение *общественные насекомые* 'насекомые, живущие колониями'.

Общество трактуется, прежде всего, как 'совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами общественной жизни и деятельности'. Сема «производственные отношения» отсутствует.

У слова *социальный* в толковом словаре Н.Ю. Шведовой даны два значения: 1) 'относящийся к обществу, к социуму' (*социальный переворот, социальное законодательство, социальная революция*); 2) 'общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе' (*социальная среда, социальное положение, социальная сфера, социальное обеспечение, социальная опасность*).

В отличие от предыдущих словарей, в рассматриваемом лексикографическом источнике разводятся идея регулирования общественного устройства со стороны государства и идея отношений внутри общества.

В толковых словарях конца 90-х – начала 2000-х гг. впервые появляется слово *социум*. Так, в БТС у данной лексемы представлено два значения: 1) 'человеческая общность как результат исторически сложившихся форм деятельности людей'; 2) 'группа людей, объединенных по каким-либо (профессиональным, культурным) признакам' [51. С. 1244]. У слова *общество* в данном словаре, помимо вышеназванных значений, для слова *социум* есть еще два: 'группа людей, проводящих вместе время' и 'среда, окружение'. Основное значение лексемы *общество* не полностью совпадает с первым значением слова *социум*: *общество* 'совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни' [51. С. 692]. Следовательно, *социум* и *общество* не являются абсолютными синонимами. В словаре Н.Ю. Шведовой *социум* трактуется как 'то же, что общество в 1-м знач.' [47. С. 924]. При этом слово приводится с пометой «книжн.». Так,

лексема *социум* характерна для терминологии, а слово *общество* чаще используется в повседневной речи.

В современном русском языке семантика слова *общественный* во многом сформировалась под влиянием значений производящей лексемы *общество*, известной еще в др.-рус. и цслав. языках (в современной научной речи синонимом является *социум*). При этом большинство значений *общественный* и их смысловых оттенков, актуальных в наши дни, было описано в СРЯ XVIII. Многозначность лексемы *общественный* объясняется тем, что лексическое гнездо с корнем *общ-* является исконным для русского языка. Семантика заимствования *социальный* развивалась независимо от слова *социум* и опирается на значение фр. слова *social*, -e 'относящийся к обществу', а также связана со словами *социальность* и *социализм* (см. толковый словарь В. Даля).

В XIX в. базовые значения слов *общественный* и *социальный* содержали общую сему «общество» (*общественный* 'относящийся к обществу, ему присвоенный', *социальный* 'связанный с передовой частью общества, принципами общественного устройства и гражданственностью'), но и имели отличия. Первое слово подразумевало отношение к обществу как к народу, государству, а второе – к его передовой части и гражданственности (к образованности как к признаку гражданского общества). При этом у каждого из слов были и специфические значения: *общественный* 'присвоенный обществу', 'общий', 'мирской' (о крестьянской общине); *социальный* 'к социализму относящийся'.

В XX и XXI вв. базовые значения слов *общественный* и *социальный* практически совпали, а рассматриваемые слова в первом значении стали синонимами. При употреблении в базовом значении данные лексемы отличаются стилистической окраской: *общественный* чаще используется в повседневной речи, а *социальный* – в научной. Однако оба слова могут употребляться в терминологии: *общественный* используется в науках об обществе и естественных науках, а *социальный* – в науках об обществе и в социальной сфере (меры государственной поддержки граждан).

Лексема *общественный* в современном русском языке подчеркивает принадлежность чего-либо обществу, совместность владения имуществом в коллективе, нацеленность на удовлетворение общественных потребностей (как материальных, так и духовных), в том числе потребность в общении. Она также указывает на отношения и положение людей в обществе, выражение обществом своей позиции к чему-либо. Смысловая «специализация» слова *социальный* – описание устройства классового общества и отношений в нем (*социальные противоречия, социальные болезни, социальные группы, социальный состав населения*) и участия государства в его жизни (*социальное обеспечение, социальное страхование*). Также у слова *социальный* отмечается семантический оттенок 'направленный на изменение общественного устройства' (*социальная революция, социальный переворот*), который зафиксирован в словарях XX в. и отсутствует в лексикографических источниках XXI в.

Перспективой данного исследования является изучение функционирования слов *социальный* и *общественный* в современной литературе и СМИ.

Примечания

- ¹ Здесь и далее дефиниции, приведенные в марровских кавычках, представляют собой цитаты из лексикографических источников.
- ² В таких словарях, как «Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю» О.А. Седаковой и «Полный церковно-славянский словарь» Г. Дьяченко, слова *общество* и *общественный* отсутствуют [30, 31].
- ³ *Общество* в базовом значении понимается как «исторически сложившаяся совокупность людей на определенной ступени экономического и культурного развития» [42. С. 68].
- ⁴ Скорее всего, имеется в виду язык конкретного народа, поскольку на тот момент основы русского литературного языка только закладывались.
- ⁵ Н.Ю. Шведова отмечает, что слово *социум* возводится к латинскому *socium* «общее, совместное», при этом время появления лексемы в русском языке не зафиксировано [47. С. 924].
- ⁶ *Гражданственность* «состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества» [43. Т. 1. С. 345].
- ⁷ *Гражданский* «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству». *Гражданин* трактуется как «член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек из составляющих народ, землю, государство» [43. Т. 1. С. 345]. *Гражданское общество*, по-видимому, – это совокупность граждан определенного государства.
- ⁸ Слово *социум* в словаре Д.Н. Ушакова отсутствует.
- ⁹ *Общество* «совокупность людей, объединенных определенными отношениями, обусловленными исторически изменяющимся способом производства материальных и духовных благ» [49. Т. 8. С. 533]. Как и в словаре Д.Н. Ушакова, в ССРЛЯ общество понимается прежде всего не как народ, имеющий общую историю, управление и территорию, а как совокупность людей, объединенных производственными отношениями.
- ¹⁰ Слово *социум* в ССРЛЯ отсутствует.

Список источников

1. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Генезис, 2002. 333 с.
2. Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42.
3. Козынцева У.Н. Социальный компонент семантики слова // Традиции и новации в гуманитарном и социально-экономическом исследовании: проблемы, методы, практики : материалы Всерос. науч. конф. студентов-стипендиатов Оксфордского российского фонда (24 апреля 2017 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2017. С. 95–97.
4. Леонтьева Т.В. К вопросу о составе русской «социальной лексики» // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. 2015. № 4. С. 125–133.
5. Leontyeva T.V. Social and Normative Meanings in Lexis of Semantic and Motivational Field “Labour” // XLinguae. June 2015. Vol. 8, Is. 3. P. 19–30. URL: http://www.xlinguae.eu/2015_08_03_2.html (дата обращения: 27.09.2021).
6. Leontyeva T.V., Shchetyulina A. An idea of “social vocabulary” and prospects of its study: statement of questions // Journal of Language and Literature. May 2016. Vol. 7, № 2. P. 68–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29473986> (дата обращения: 27.09.2021).
7. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
8. Востриков О.В. Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в 4 вып. Вып. 3. Екатеринбург, 2000. 200 с.
9. Пелипенко М.В. Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
10. Ерофеева Е.В., Пепеляева Е.А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 1 (13). С. 7–19.
11. Лапшина О.Г. Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 23 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 1998–2007. Т. 3.
13. Щетинина А.В. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре // Научный диалог. 2017. № 10. С. 111–127.
14. Леонтьева Т.В. Идеографический словарь русской социальной лексики: общество и человек. Екатеринбург : Ажур, 2018. 553 с.
15. Баматтиреева М.В. Сопоставление лексем русского языка для формирования синонимических рядов и лексико-семантических групп // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 10–6. С. 14–19.
16. Давыдкина А.С. Семантическая миграция лексем между тематическими группами «социум» и «пространство» в посланиях Ивана Грозного // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность : сб. науч. статей VII Междунар. науч. конф. (к 100-летию Таврического университета) (22–25 октября 2018 г.). Симферополь : Ариал, 2018. С. 51–56.
17. Дуринова Г.В. Темпоральная семантика слова *общество* (XI – первая треть XIX века) // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 68–104.
18. Кусова М.Л. Социум и социальные явления через призму лексики русского языка // Проблемы филологического образования : сб. тр. Всерос. науч. конф. (28 марта 2014 г.). Саратов : Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2014. С. 115–121.
19. Щетинина А.В. Бритоголовый молодчик: к вопросу о методике выявления слов с социальной семантикой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1 (63). С. 181–185.
20. Щетинина А.В. Зооморфные номинации *homo socialis* в словарях русского языка, литературно-художественном и газетном дискурсах // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 106–123.
21. Еремина М.А. Образы социума в мотивационной семантике лени и трудолюбия // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 63–69.
22. Кригер Е.И. Структурно-семантические особенности новых лексических единиц группы «общественная жизнь», образованных в начале XXI в. (по материалам газет New York Post и New York Daily News) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39, № 1. С. 100–110.
23. Сухарева Н.П. Глаголы социальных отношений в современном немецком языке (семантика, валентностные свойства) : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2005. 188 с.
24. Шестова А.А. Отражение феномена «социальная сеть» в русской и английской лингвокультуре // Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (14). С. 65–68.
25. Ковязина Н.В. Социальная семантика в высказываниях со значением движения и местоположения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2013. 211 с.
26. Плотникова А.М. Эмоциональная и социальная семантика слова: векторы пересекаемости // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко (28–30 сентября 2016 г.). Москва ; Екатеринбург : Фабрика комиксов, 2016. С. 578–585.
27. Климова Л.А. Социальные состояния и реакции через призму языка // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе» (26–28 октября 2018 г.). Н. Новгород : ННГУ, 2018. С. 120–128.

28. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912. Т. 2.
29. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Т. 3.
30. Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М. : Вильде, 1899. 1120 с.
31. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 432 с.
32. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука ; СПб. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова ; Нестор-История, 1975. Вып. 12.
33. Словарь Академии Российской. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 4.
34. Словарь русского языка XVIII века / редкол.: Ю.С. Сорокин и др. Л. : Наука, 1984. Вып. 16.
35. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1. 622 с.; Т. 2. 600 с.
36. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 27.09.2021).
37. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIX-eme : in 15 vol. Paris : Administration du grand dictionnaire universel, 1866–1876. Vol. 14. 1671 p.
38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : 1964–1974. В 4 т. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 27.09.2021).
39. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз.-Медиа, 2003. 846 с.
40. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М. : Наука, 2005. Вып. 31.
41. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1899. 950 с.
42. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000. Т. 3.
43. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866.
44. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 27.09.2021).
45. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Флинта: Наука, 2010.
46. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. М. : Гос. изд-во иностр. и национал. словарей, 1950. 456 с.
47. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
48. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. М. : Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
49. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР ; Наука, 1950–1965.
50. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1985–1988.
51. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

References

1. Karasik, V.I. (2002) *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status]. Moscow: Genezis.
2. Krysin, L.P. (2000) Sotsial'naya markirovannost' yazykovykh edinit [Social marking of language units]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 26–42.
3. Kozyntseva, U.N. (2017) [The social component of the semantics of the word]. *Traditsii i novatsii v gumanitarnom i sotsial'no-ekonomicheskom issledovanii: problemy, metody, praktiki* [Traditions and innovations in humanitarian and socio-economic research: problems, methods, practices]. Conference Proceedings. 24 April 2017. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 95–97. (In Russian).
4. Leont'eva, T.V. (2015) K voprosu o sostave russkoy "sotsial'noy leksiki" [On the composition of the Russian "social vocabulary"]. *Sotsiokul'turnoe prostanstvo Rossii i zarubezh'ya: obshchestvo, obrazovanie, yazyk*. 4. pp. 125–133.
5. Leontyeva, T.V. (2015) Social and Normative Meanings in Lexis of Semantic and Motivational Field "Labour". *XLinguae*. 8 (3). pp. 19–30. [Online] Available from: http://www.xlinguae.eu/2015_08_03_2.html (Accessed: 27.09.2021).
6. Leontyeva, T.V. & Shchetynina, A. (2016) An idea of "social vocabulary" and prospects of its study: statement of questions. *Journal of Language and Literature*. 7 (2). pp. 68–72. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29473986> (Accessed: 27.09.2021).
7. Berezovich, E.L. (2007) *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
8. Vostrikov, O.V. (2000) *Traditsionnaya kul'tura Urala: etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti: v 4 vyp.* [Traditional culture of the Urals: An ethno-ideographic dictionary of Russian dialects of Sverdlovsk Oblast: in 4 vols]. Vol. 3. Yekaterinburg.
9. Pelipenko, M.V. (2009) *Sotsial'naya semantika v strukture dialektного slova (na materiale tambovskikh govorov)* [Social semantics in the structure of a dialect word (on the basis of Tambov dialects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
10. Erofeeva, E.V. & Pepelyaeva, E.A. (2011) Struktura semanticheskogo polya "Chelovek" v soznanii nositeley russkogo yazyka [The structure of the semantic field "Person" in the minds of native speakers of the Russian language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 1 (13). pp. 7–19.
11. Lapshina, O.G. (2008) *Sotsial'naya sostavlyayushchaya yazykovogo obraza cheloveka (na materiale predmetnykh frazeologizmov)* [The social component of the linguistic image of a person (based on subject phraseological units)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
12. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998–2007) *Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Vol. 3. Moscow: Azbukovnik.
13. Shchetinina, A.V. (2017) Printsipy i metody opisaniya sotsial'noy leksiki v ideograficheskom slovare [Principles and methods for describing social vocabulary in an ideographic dictionary]. *Nauchnyy dialog*. 10. pp. 111–127.
14. Leont'eva, T.V. (2018) *Ideograficheskiy slovar' russkoy sotsial'noy leksiki: obshchestvo i chelovek* [Ideographic dictionary of Russian social vocabulary: society and person]. Yekaterinburg: Azhur.
15. Bamatgireeva, M.V. (2016) Sopostavlenie leksem russkogo yazyka dlya formirovaniya sinonimicheskikh ryadov i leksiko-semanticheskikh grupp [Comparison of lexemes of the Russian language for the formation of synonymic series and lexical-semantic groups]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 10–6. pp. 14–19.
16. Davydina, A.S. (2018) [Semantic migration of lexemes between the thematic groups "society" and "space" in the epistles of Ivan the Terrible]. *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit: istoriya i sovremennost'* [Semantics and pragmatics of language units: history and modernity]. Proceedings of the VII International Conference. 22–25 October 2018. Simferopol: Arial. pp. 51–56. (In Russian).
17. Durinova, G.V. (2015) Temporal'naya semantika slova obshchestvo (XI – pervaya tret' XIX veka) [Temporal semantics of the word "society" (11th – first third of the 19th centuries)]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 14 (1). pp. 68–104.
18. Kusova, M.L. (2014) [Society and social phenomena through the prism of the vocabulary of the Russian language]. *Problemy filologicheskogo obrazovaniya* [Problems of philological education]. Conference Proceedings. 28 March 2014. Saratov: Saratov State University. pp. 115–121. (In Russian).
19. Shchetinina, A.V. (2016) Britogolovyy molodchik: k voprosu o metode vyavleniya slov s sotsial'noy semantikoy [A skinhead thug: on the method of identifying words with social semantics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9-1 (63). pp. 181–185.
20. Shchetinina, A.V. (2016) Zoomorfnye nominatsii homo socialis v slovaryakh russkogo yazyka, literaturno-khudozhestvennom i gazetnom diskursakh [Zoomorphic nominations of homo socialis in Russian language dictionaries, literary and artistic and newspaper discourses]. *Nauchnyy dialog*. 7 (55). pp. 106–123.
21. Eremina, M.A. (2017) Obrazy sotsiuma v motivatsionnoy semantike leni i trudolyubiya [Images of society in the motivational semantics of laziness and diligence]. *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*. 3. pp. 63–69.

22. Kriger, E.I. (2020) Strukturno-semanticheckie osobennosti novykh leksicheskikh edinit gruppy "obshchestvennaya zhizn'", obrazovannykh v nachale XXI v. (po materialam gazet New York Post i New York Daily News) [Structural and semantic features of the new lexical units of the "social life" group formed at the beginning of the 21st century (Based on the materials of the New York Post and New York Daily News newspapers)]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. 39 (1). pp. 100–110.
23. Sukhareva, N.P. (2005) *Glagoly sotsial'nykh otnosheniy v sovremennom nemetskom yazyke (semantika, valentnostnye svoystva)* [Verbs of social relations in modern German (semantics, valency properties)]. Philology Cand. Diss. Cherepovets.
24. Shestova, A.A. (2017) Otrazhenie fenomena "sotsial'naya set'" v russkoy i angliyskoy lingvokul'ture [Reflection of the "social network" phenomenon in Russian and English linguacultures]. *Gumanitarnye issledovaniya*. 1 (14). pp. 65–68.
25. Kovyazina, N.V. (2013) *Sotsial'naya semantika v vyskazyvaniyakh so znacheniem dvizheniya i mestopolozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Social semantics in statements with the meaning of movement and location in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
26. Plotnikova, A.M. (2016) [Emotional and social semantics of the word: vectors of intersection]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: traditions and innovations in language and in the science of language]. Proceedings of the International Conference. 28–30 September 2016. Moscow; Yekaterinburg: Fabrika komiksov. pp. 578–585. (In Russian).
27. Klimkova, L.A. (2018) [Social states and reactions through the prism of language]. *Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk i kul'tura* [National codes in language and literature. Language and culture]. Proceedings of the International Conference. 26–28 October 2018. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. pp. 120–128. (In Russian).
28. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovara drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written monuments]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
29. Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian: in 4 volumes]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
30. D'yachenko, G.M. (1899) *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar' (s vneseniem v nego vazhneyshikh drevnerusskikh slov i vyrazheniy)* [Complete Church Slavonic Dictionary (with the most important Old Russian words and expressions)]. Moscow: Vil'de.
31. Sedakova, O.A. (2005) *Tserkovnoslavyano-russkie paronymy: Materialy k slovaru* [Church Slavonic-Russian paronyms: Materials for a dictionary]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
32. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 12. Moscow: Nauka; Saint Petersburg: Vinogradov Institute of the Russian Language; Nestor-Istoriya.
33. Imperial Academy of Sciences. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Part 6. Saint Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk.
34. Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 16. Leningrad: Nauka.
35. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow: Rus. yaz.
36. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (Accessed: 27.09.2021). (In Russian).
37. Larousse, P. (1866–1876) *Grand dictionnaire universel du XIX-eme: in 15 vol.* Vol. 14. Paris: Administration du grand dictionnaire universel.
38. Vasmer, M. (1964–1974) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (Accessed: 27.09.2021).
39. Dvoretzkiy, I.Kh. (2003) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz.-Media.
40. Trubachev, O.N. (ed.) (2005) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 31. Moscow: Nauka.
41. Suvorin, A. (1899) *Slovar' drevnego slavyanskogo yazyka, sostavlenyy po Ostromirovu Evangeliiu* [Dictionary of the Old Slavonic Language According to the Ostromir Gospel]. Saint Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
42. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's language: in 4 volumes]. Vol. 3. 2nd ed. Moscow: Azbukovnik.
43. Dal', V.I. (1863–1866) *Tolkovyy slovar' zhivago velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. Moscow: O-vo lyubiteley ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te.
44. Shansky, N.M. (2021) *Etimologicheskii onlayn-slovar' russkogo yazyka N.M. Shanskogo* [N.M. Shansky's etymological online dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (Accessed: 27.09.2021).
45. Shaposhnikov, A.K. (2010) *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: in 2 volumes]. Moscow: Flinta: Nauka.
46. Lekhin, I.V. & Petrov, F.N. (eds) (1950) *Kratkiy slovar' inostrannykh slov* [Concise Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i natsional. slovarye.
47. Shvedova, N.Yu. (2011) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkluyeniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
48. Ushakov, D.N. (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Sov. entsikl.; OGIz.
49. USSR AS. (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS; Nauka.
50. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [A dictionary of the Russian languageL in 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
51. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.

Информация об авторе:

Моргунова О.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Уральского государственного медицинского университета (Екатеринбург, Россия); старший научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: intempore@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Morgunova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Ural State Medical University (Yekaterinburg, Russian Federation); senior researcher, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: intempore@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 01.10.2021;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/480/4

Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А.С. Пушкина

Анна Юрьевна Незнамова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, paradoxoid@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются случаи употребления эпитета «итальянский» в поэзии, прозе, журналистике и эпистолярном наследии А.С. Пушкина. Проведен анализ сочетаемости эпитета, рассматриваются реалии, значимые для реконструкции образа Италии в сознании Пушкина. Невыездной поэт мог лишь воображать Италию и накопился с ней опосредованно – слушая оперу, изучая язык и читая итальянских авторов в переводе или в оригинале. Предпринята попытка установить доминантные смыслы, рождавшиеся при этом знакомстве.

Ключевые слова: Пушкин, Италия, итальянский язык, опера, критика, народный, перевод

Для цитирования: Незнамова А.Ю. Эпитет «итальянский» в творческом и эпистолярном наследии А.С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 34–38. doi: 10.17223/15617793/480/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/4

The epithet “Italian” in Alexander Pushkin’s literary, journalistic and epistolary works

Anna Yu. Neznamova¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, paradoxoid@inbox.ru

Abstract. There are many research works describing Italy and Italian in Pushkin’s oeuvre. The most elaborated aspects of this problem are literature relations and reminiscences and the question of Pushkin’s mastery of the Italian language. However, the forming of the whole image of Italy in Pushkin’s mind remains a relevant issue today. The objective of the study is the reconstruction of this image based on linguistic materials specifically on metaphrastic expressions of the concept “Italian” in Pushkin’s heritage. The data of the study are Pushkin’s poetry, prose, epistolary works and journalism. The object is the literal expression of the concept “Italian” in Pushkin’s texts. The research methodology is an imagological method. It is determined by the objective of study: an image of another country and culture. The notion of concept in Anna Wierzbicka’s definition referred to the semiotic paradigm is adaptable to realise the imagological description. In this article, the concept “Italian” is analysed only in its literal expression because of large data content. It is realised as the usage of epithet “Italian” and its phonetic variants in Pushkin’s texts. The notion of concept is used to serve the methodological tasks of imagology and complemented by the hermeneutical approach. The biographical method was also applied (the epithet and its usage is analysed in Pushkin’s biographical context). During the study all cases of using the word “Italian” were found and described. The results of the description were generalised according to the objective of the study. The *Dictionary of Pushkin’s Language* served as a background work in the study and allowed making a quantitative calculation of linguistic usage and selection of representative texts. The study was carried out by analysing the significative complex of “Italian” and its compatibility. According to the *Dictionary of Pushkin’s Language*, the word “Italian” is encountered 21 times in his works and letters. To analyse this phenomenon, the realia should be determined that Pushkin combined with the adjective “ital’yanskiy” [Italian]. The author has found that the adjective describes certain realities of everyday life of the author (in his letters), his characters (poetry, prose) and literary work (critical notes). They are opera, language and some of its elements - lexis, phraseology, some phonetic aspects. As a result of study, the following conclusions are drawn: firstly, the role of Italy in Pushkin’s artistic consciousness and his emotional attitude to it were determined; secondly, the evolution of the poet’s perception of the Italian topos was shown; thirdly, the basic content of Pushkin’s concept of Italy and “Italian” in three aspects was identified and analysed. The three aspects are: opera and its influence on the poet’s state of mind; the role of Italian language in forming the opposition “North–South” in the novel *Egyptian Nights*; Italian literature compared with Russian.

Keywords: Pushkin, Italy, Italian language, opera, journalism, national, translation

For citation: Neznamova, A.Iu. (2022) The epithet “Italian” in Alexander Pushkin’s literary, journalistic and epistolary works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 34–38. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/4

История изучения отношений Пушкина и Италии весьма обширна. Наиболее часто предметом внимания исследователей становились литературные связи (работы Ю.М. Лотмана «К проблеме “Данте и Пушкин”», Д.Д. Благого «Данте в сознании и творчестве Пушкина», П.Н. Беркова «Пушкин и итальянская литература» и др.), изучался вопрос о владении Пушкиным итальянским языком (труды Ф.Е. Корша, М.Н. Розанова, М.П. Алексеева, Ю.М. Лотмана, Д.Д. Благого и др.). Хотелось бы особо отметить книгу А. М. Букалова «Пушкинская Италия», в которой многосторонне освещена связь Пушкина с Италией и ее культурой.

В целом можно констатировать, что исследователями очерчен круг и характер контактных литературных связей поэта, степень владения итальянским языком, но недостаточно внимания уделено формированию целостного имажологического образа Италии в сознании Пушкина. Наша цель – проанализировать, обращаясь к лингвистическому материалу [1], как хронологически складывалось и менялось восприятие Италии. В сферу внимания настоящего исследования попадают (по причине большого объема материала) только буквальное выражения концепта «итальянский».

А. Вежицкая определяет «концепт» как объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире [2]. Италия, ни разу не виденная Пушкиным, но, безусловно, находившаяся в поле его культурного зрения, как нельзя более соответствует понятию «идеальный объект», сведения о котором могут быть почерпнуты не из непосредственного наблюдения, но посредством накопления свидетельств и наблюдений других.

Согласно «Словарю языка Пушкина» [1. С. 279], слово «итальянский» в различных фонетических вариантах (италианский, италиянский, италиянской, италиянской) употреблено в наследии Пушкина 21 раз.

Для анализа комплекса значений «итальянского» следует определить, с какими словами и реалиями сочетается у Пушкина это прилагательное, какая действительность стоит за этими образами.

Это опера (письма 1822–1824 гг., отрывок «Гости съезжались на дачу»), язык («Египетские ночи», письма) и отдельные его элементы: фразеология, лексика, фонетические особенности (например, выражение *battarsi la guancia, раскаиваться* в заметке «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”»; *итальянский глагол piombare* в письме Катенину). Кроме этого, прилагательное «итальянский» появляется в сфере литературной полемики (журнальные публикации) и относится собственно к литературе или частным ее составляющим: «новели», сказки, поэт.

Как видно из писем, итальянская опера была объектом неизменного интереса Пушкина на протяжении 1822–1824 гг., т.е. в период южной ссылки и пребывания в Михайловском. Она «обновляет душу» и «напоминает старину» (Л.С. Пушкину, 1823), она, вместе с

южной природой, противопоставлена деревенской скуке, а исполнители – «представители рая небесного» (А.А. Дельвигу, 16 июня 1823). Влияние оперы на душу поэта определяется как «оживление» (ср. в письме П.А. Вяземскому: «Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство италианки» [3. Т. 9. С. 191]). Именно с итальянской оперы начинается действие в отрывке «Гости съезжались на дачу...» (1828–1830): «Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими в одно время из театра, где давали новую итальянскую оперу» [3. Т. 5. С. 466].

В незаконченной повести «Египетские ночи» (1824–1835) в центре внимания снова музыкальное искусство, атрибутируемое представителям итальянской нации – импровизация. Однако пушкинский итальянец-импровизатор – в большей степени поэт, нежели музыкант. И именно поэзия, а не музыка, становится магистральной темой произведения.

Определение «итальянский» появляется в тексте пять раз, всегда относится к языку и связано с процессом коммуникации (поэтому наречие «по-итальянски» является функциональным вариантом). Поскольку итальянский язык родной для главного героя, а французским, который является основным для светского общества, герой владеет плохо, возникает ситуация разговора на разных языках, ведущая к отсутствию диалога между ними. Своеобразным «переводчиком» в общении «поэта и толпы» становится Чарский, по видимому, владеющий итальянским языком на достаточном уровне, поэт, стремящийся слиться с толпой. Перевод этот не собственно языковой: импровизатор, пусть и плохо, но все же владеет французским языком, а толпа знает или хочет показать, что знает итальянский язык. Это скорее «перевод» межтемпераментный, перевод с языка воображения и поэтического сознания на язык светской условности, создающий возможность контакта между чопорным Севером и витальным Югом («Импровизатор, не привыкший к северному равнодушию, казалось, страдал...»).

Случаи употребления эпитета «итальянский» у Пушкина неизменно возвращают к комплексу идей о развитии русской литературы и литературного языка. В поиске определения критериев народности произведения Пушкин решительно отвергает тезис о том, что сюжет подлинно народного произведения должен быть непременно взят из отечественной истории («О народности в литературе» (1825–1826), «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М.П. Погодина, 1830 г.).

Статья «О народности в литературе» говорит о необходимости открытых границ литератур, свободы в отношении выбора предмета. Так, говорится о том, что испанцы Вега и Кальдерон «заемлют предметы своих трагедий из итальянских новелл» [3. Т. 6. С. 267].

Эта же мысль – в статье «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М.П. Погодина». Творчество Расина, Корнеля, Шекспира служит примером народной трагедии с сюжетом, заимствованным из иностранной исто-

рии или мифологии («...поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории и <...> самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новелей») [3. Т. 6. С. 363].

Такая апелляция к европейскому литературному опыту – весомый аргумент в литературной полемике. Так, в «Возражении критикам Полтавы» (1831), отстаивая достоверность факта любви Марии к гетману, Пушкин снова ссылается на мировую литературу: «Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмалиона – и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах? А Мирра, внушившая итальянскому поэту (В. Альфери. – *А.Н.*) одну из лучших его трагедий?..»

Приведенные выше примеры доказывают, что, рассуждая о развитии русской литературы, Пушкин вписывает ее в европейский литературный процесс, постоянно проводя параллели в развитии русской и итальянской литературы.

Идея эта, по-видимому, витала в воздухе, так как все заметки вдохновлены импульсом извне и пишутся как реплика в ответ на некоторые общеизвестные утверждения («Причинами, замедлившими ход русской словесности, обыкновенно почитаются...», 1824) или как рецензия на печатное издание («Об альманахе “Северная лира”», 1827).

Пушкин разбирает статью С.Е. Раича «Петрарка и Ломоносов», отмечая сходство между ними в общем, однако не скрывая и различий при частных обстоятельствах, удерживая автора от натяжек, позволяющих установить полное тождество столь разных исторических фигур. Фигура Петрарки – знаковая для периода русского романтизма. Он создатель литературного итальянского, «языка любви», Пушкин, вслед за автором статьи, признает его общественные заслуги. Петрарка воспринимался как человек Возрождения, новый тип личности, что делает закономерным поиск параллелей и подобных примеров в истории отечественной словесности.

«Итальянское» как субстантивированное прилагательное возникает в качестве приводимой Пушкиным цитаты из анализируемого текста («...перечитавши все, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые так называемые *concetti*» (цит. по: [3. Т. 6. С. 270])). Самостоятельное употребление Пушкиным слова «*concetti*» (блестящие обороты мысли) находим в заметке «Ромео и Джульетта» Шекспира», 1830: «В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *concetti*», где оно выступает как признак Италии и ее культуры, как квинтэссенция «итальянского».

Набросок «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...» (1824) тоже содержит сравнение Петрарки, Ломоносова и Батюшкова, известного италомана («Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что

Петрарка для итальянского»). Подобное сравнение дает возможность возникновения в моделируемом Пушкиным сознании читателей (тех, которые «скажут», что русская поэзия «достигла высокой степени образованности») параллели «Италия – Россия» в аспекте развития культуры. Рефлексия над языком всегда связана с ростом самосознания нации. Справедливость этого положения относительно данного случая подтверждается историческим ходом событий (1825 – год восстания декабристов) и тем фактом, что пушкинская заметка была начата в ответ на «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 г.» А.А. Бестужева, литератора и декабриста. Восстание карбонариев в Италии 1820–1821 гг. и итальянская публицистическая мысль находили сочувствие и отклик у декабристов (подробнее об этом см. в работах [5, 6]). Таким образом, можно говорить и о сходстве в формировании национального самосознания двух стран: молодая русская нация с ее крепостным правом и объединяющаяся Италия, жаждущая освободиться из-под гнета европейских держав.

В заметке «О Мильтоне и переводе “Потерянного рая” Шатобрианом» Пушкин размышляет о контактных связях литератур, английской и французской (изображение фигуры Мильтона у французских писателей, его переводы). Пушкин говорит о неуместности буквально-го перевода, к чему и относится иронический пример «неудачного» перевода с итальянского («... пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battarsi la guancia* – бить себя по щекам. – *Battarsi la guancia* – значит раскаться, перевести иначе не имело бы никакого смысла») [3. Т. 6. С. 232]).

Литератор, упомянутый Пушкиным, щеголяет знанием итальянского: «Кстати, недавно (в “Телескопе” кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел, вероятно, блеснуть знанием итальянского языка» [3. Т. 6. С. 232] (ср. в «Египетских ночах»: «Поедут – не опасайтесь: иные из любопытства, другие, чтоб провести вечер как-нибудь, третьи, чтоб показать, что понимают итальянский язык; повторяю, надобно только, чтоб вы были в моде; а вы уж будете в моде, вот вам моя рука») [3. Т. 5. С. 275]. По-видимому, в обществе существовала мода на итальянский язык (об этом см.: [4. С. 150]), он представлялся более экзотическим, чем французский, однако близким ему (как относящийся к романской группе) и потому легким для восприятия.

Изучение языка и народной культуры для Пушкина неразрывно связаны между собой.

Определение «Итальянские сказки» появляется у Пушкина в заметке «Об Альфреде Мюссе» (1830) в связи с упоминанием сборника (оригинальное название которого: *Contes d’Espagne et d’Italie*, Сказки Испании и Италии). Такое изменение заглавия (это не единственный случай) (ср. в письме П.А. Вяземского А.И. Тургеневу: «Скажи ему, что мы с Пушкиным угадали в нем великого поэта, когда он еще шалил и *faisait ses farces dans “Les contes espagnols”*» (творил свои шутки в «Испанских сказках». – *А.Н.*), «Остафьевский архив», т. III, 1899, стр. 289 (цит. по: [3. Т. 6. С. 559])) с опущением одного из элементов испанско-итальянской диады (видимо, для краткости) свиде-

тельствует, во-первых, о переносе акцента с признака локуса (страны) на признак национального (принадлежность народу Испании или Италии) и, во-вторых, о невозможности отнести определение «живость необыкновенная» к представлению о чисто итальянском колорите. В паре с испанским итальянское получает ассоциативное отношение к концепту «живости», связанное с южным темпераментом вообще (испано-итальянская диада в подобном контексте встречается у Пушкина в отрывке «Гости съезжались на дачу...»: «...смуглая, черноглазая итальянка или испанка, исполненная живости и полуденной неги» [3. Т. 5. С. 466]), тем более что далее Пушкин упоминает о сюжете «Сказок...», весьма пикантном, следовательно, живость есть не только характеристика манеры авторского повествования, но и собственно фабулы («...сцена ночного свидания; картина ревнивца, посевшего вдруг; разговор двух любовников на море – все это прелесть» [3. Т. 6. С. 355]).

Базар – тоже народная стихия (в заметке «Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения» (1830), где Пушкин находит похвальным заимствовать обороты речи, «изучать итальянский язык на флорентийском базаре» [3. Т. 6. С. 348], как это делал драматург Витторио Альфьери. Как и в вышеописанных случаях, обращение к фигуре итальянского классика служит цели дать пример отечественным литераторам: «...не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» [3. Т. 6. С. 348].

Тесно связан с этим текстом по первоначальному замыслу «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830), в котором встречается сочетание «лесть итальянского аббата», где итальянский аббат – понятие нарицательное (или ставшее таковым), обозначающее лицемерное поведение. Происхождение понятия установить не удалось, оно не указано и в тексте источника. Вероятно, речь идет об иезуитах (центральный пункт ордена находился в Риме), моральные принципы которых допускают такое двуличие. Можем также предположить, что данная характеристика в сознании Пушкина (и, видимо, потенциальных читателей) относится ко всему итальянскому духовенству и, возможно, к образу нации в целом.

«Подражание итальянскому» (1836) является переводом сонета итальянского поэта Джанни (который, как предполагает А.М. Букалов, мог послужить прототипом для образа импровизатора в «Египетских ночах» [4. С. 217–218; 5; 6]) с французского перевода А. Дешана. Однако, несмотря на это посредничество, Пушкин сохраняет итальянскую атрибуцию стихотворения, вынося ее в название (оригинальное название

«Sopra Giuda», или «На Иуду», название французского перевода «Sonnet de Gianni. Supplique de Judas dans l'enfer», «Сонет Джанни. Казнь Иуды в аду»). С этим связывается один любопытный факт: в библиотеке Пушкина находился разрезанный том «Божественной комедии» в переводе Дешана. Возможно, изменение Пушкиным было не только указанием на оригинал, но и отсылкой к итальянской литературной традиции вплоть до Данте [4. С. 216–217]. Кроме того, «подражание» подразумевает элемент вольности, а перевод, по выражению Букалова, «близок к оригиналу, но не буквален» [4. С. 219] (об изменениях, внесенных Пушкиным, см.: [4. С. 217–220]).

Особый случай употребления прилагательного «итальянский» (что даже выделено в Словаре языка Пушкина как особый вариант значения) – заметка на полях стихотворений Батюшкова «Звуки италианские! Что за чудотворец этот Б.<атюшков>» (1830?) [3. Т. 7. С. 390]. Эта заметка относится к строке «Любви и очи и ланиты» послания «К другу». По мнению исследователей (см.: [7. С. 33–34]) такое восприятие Пушкиным поэтических строк вызвано стечением гласных «и–и–о» и наваяно воспоминанием о прослушивании итальянской оперы в стиле *bel canto*, для которого был характерен распев гласных.

В то же время прилагательное «итальянский» здесь является не только относительным, а качественным по разряду, так как употреблено не в буквальном значении и означает «полный благозвучия, напевности, свойственной итальянскому языку» [1. Т. 2. С. 278].

Резюмируя, можно сказать, что «итальянское» представлено у Пушкина сферой литературы (вписанной в общеевропейский путь ее развития, но самобытной и «народной»), музыки (оперы, импровизации), языка.

Если молодой Пушкин познает Италию по своим непосредственным одесским впечатлениям, то в зрелом возрасте его внимание привлекает итальянская литература и язык в качестве фона для сравнения с русской литературой. Пушкин намечает пути развития русской литературы по аналогии с литературой стран Европы и, в частности, Италии.

Итальянская «живость» заразительна, и ее действие распространяется и на пушкинское воспринимающее сознание. Об этом свидетельствуют его письма (к Л.С. Пушкину, П.А. Вяземскому, Д.М. Шварцу). Таким образом, Италия получает ассоциации с «оживлением» (на бытовом и на бытийном уровне), которое сродни вдохновению, а тематически – с искусством, напевностью и красотой языка. Именно это в сознании Пушкина дает ей статус «страны высоких вдохновений» и земного рая.

Список источников

1. Словарь языка Пушкина : в 4 т. Т. 2: 3–М / сост. С.И. Бернштейн и др.; ред. тома В.Н. Сидоров. М., 1957.
2. Вежицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: [Сборник статей. Переводы] / сост., и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985. С. 251–275.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М.; Л., 1950–1979.
4. Букалов А.М. Пушкинская Италия : записки журналиста / предисл. В. Порудоминского. СПб., 2004.
5. Лебедева О.Б. «Я неаполитанский художник...»: Личностная модификация неаполитанского мифа А.С. Пушкина в повести «Египетские ночи» // Италия в русской литературе / под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск, 2007. С. 23–40.

6. Янушкевич А.С. Итальянская общественно-философская мысль в русской рецепции 1800–1840-х годов // Италия в русской литературе / под ред. Н.Е. Меднис. Новосибирск, 2007. С. 59–69.
7. Кац Б.А. Вопрос 2. Почему звуки – итальянские? // Одиннадцать вопросов к Пушкину: маленькие гипотезы с эпиграфом на месте послесловия. СПб., 2008. С. 32–40.

References

1. Bernshteyn, S.I. et al. (1957) *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's language: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow.
2. Wierzbicka, A. (1985) *Rechevye akty* [Speech acts]. In: Paducheva, E.V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Moscow. pp. 251–275.
3. Pushkin, A.S. (1950–1979) *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete works: in 10 vols]. Moscow; Leningrad.
4. Bukalov, A.M. (2004) *Pushkinskaya Italiya: zapiski zhurnalista* [Pushkin's Italy: notes of a journalist]. Saint Petersburg.
5. Lebedeva, O.B. (2007) “Ya neapolitanskiy khudozhnik...”: Lichnostnaya modifikatsiya neapolitanskogo mifa A.S. Pushkina v povesti “Egipetskie nochi” [“I am a Neapolitan artist ...”: Personal modification of the Neapolitan myth by A.S. Pushkin in the story “Egyptian Nights”]. In: Mednis, N.E. (ed.) *Italiya v russkoy literature* [Italy in Russian literature]. Novosibirsk. pp. 23–40.
6. Yanushkevich, A.S. (2007) Ital'yanskaya obshchestvenno-filosofskaya mysl' v russkoy retseptsii 1800–1840-kh godov [Italian socio-philosophical thought in the Russian reception of the 1800s–1840s]. In: Mednis, N.E. (ed.) *Italiya v russkoy literature* [Italy in Russian literature]. Novosibirsk. pp. 59–69.
7. Kats, B.A. (2008) Vopros 2. Pochemu zvuki – italianskie? [Question 2. Why are the sounds Italian?]. In: *Odinnadtsat' voprosov k Pushkinu: malen'kie gipotezy s epigraфом na meste poslesloviya* [Eleven questions to Pushkin: small hypotheses with an epigraph instead of an afterword]. Saint Petersburg. pp. 32–40.

Информация об авторе:

Незнамова А.Ю. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: paradoxoid@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Iu. Neznamova, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: paradoxoid@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.04.2017;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 23.04.2017;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/480/5

Отражение современности в переводческой интерпретации комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» Алистера Битона

Валерия Игоревна Степовая¹, Евгений Олегович Третьяков²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ste8120@mail.ru

² shvarcengopf@mail.ru

Аннотация. На материале адаптированного англоязычного перевода пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор» А. Битона выявляются смысловые трансформации комедии, вызванные ее вхождением в контекст современной культуры Великобритании. Делается вывод, что персонажи наделяются некоторыми чертами постмодернистского героя и являются онтологически несостоятельными. При этом установка переводчика на значимость духовных ценностей и смыслов демонстрирует присутствие в тексте более позитивной, метамодернистской «структуры чувства».

Ключевые слова: Николай Гоголь, Алистер Битон, «Ревизор», переводческая интерпретация, современность, метамодернизм

Для цитирования: Степовая В.И., Третьяков Е.О. Отражение современности в переводческой интерпретации комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» Алистера Битона // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 39–47. doi: 10.17223/15617793/480/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/5

Reflection of modernity in the translation interpretation of Nikolai Gogol's comedy *The Government Inspector* by Alistair Beaton

Valeriya I. Stepovaya¹, Evgeniy O. Tretyakov²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ste8120@mail.ru

² shvarcengopf@mail.ru

Abstract. The article examines the translation interpretation of Nikolai Gogol's comedy *The Government Inspector* by Alistair Beaton, embodied in its theatrical adaptation in 2005. Since one of the main factors on the basis of which the interpretation is formed is the cultural and historical context, it seems legitimate to analyze the translation from the point of view of modern world tendencies' influence. This will help to trace the semantic transformations of Gogol's idea. The methodology is based on the comparative, biographical methods, contextual analysis, as well as content analysis of Gogol's comedy and its translation. The peculiarities of the play's epigraph and the list of actors' translation allow us to say that, in this variant of the comedy, a person is totally impersonal and unrelated to others. This is also indicated by the reduction of the author's idiomatic and colloquial elements in the characters' speech, which loses its role as a means of communication, "becoming instead a jungle of obfuscation and deceit"; the language becomes valuable in itself. In addition, the disunity is indicated by the unwillingness / inability of the characters to show understanding towards each other. In addition, due to numerous changes, the author's structure of the play is not preserved, and its new version is chaotic. All this can be explained by the influence of postmodern tendencies, as well as the modern British cultural and historical context. This also explains the fact that a person is isolated from the universe, which is most clearly expressed in the situation with Dobchinsky, who postulates that "life is full of mysteries" while what is happening is not at all enigmatic. Here the irony with which Beaton looks at his heroes becomes obvious. This technique also manifests itself in bringing their vices to the ugly-comic limit. In connection with total "deafness" and misunderstanding, the theme of total loneliness becomes important, as indicated by the poems quoted by Khlestakov. His focus on the importance of universal values and the ontology of life simultaneously with the use of postmodernism techniques can be associated with a new, metamodern "feeling structure" characterized by a sense of oscillation between postmodern and pre-postmodern tendencies. Thus, in translation, the author's idea becomes a reflection of the current era tendencies, demonstrating the separation of people from each other and the rejection of real human values in favour of material benefits because of which the conflict cannot be resolved. Gogol's interpretation does not have such unambiguity. Nevertheless, the importance of value attitudes for Beaton may indicate meta-modernist tendencies, which can still be called a positive phenomenon. The view of the translator

at the same time is his own understanding of the meaning of Gogol's comedy, taking into account modern realities. In this regard, it cannot be said that Gogol's author task is deliberately opposed by Beaton to his translation.

Keywords: Nikolai Gogol, Alistair Beaton, *The Government Inspector*, translation interpretation, modernity, metamodernism

For citation: Stepovaya, V.I. & Tretyakov, E.O. (2022) Reflection of modernity in the translation interpretation of Nikolai Gogol's comedy *The Government Inspector* by Alistair Beaton. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 39–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/5

Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор», будучи классическим драматическим произведением, обладающим поистине мировой известностью, часто становилась и становится до сих пор предметом осмысления переводчиками и режиссерами в разных странах. Отдельного внимания заслуживает современная британская англоязычная рецепция пьесы и связанная с ней переводческая интерпретация, которым до сих пор не было посвящено специальных исследований. В связи с этим в статье рассматривается адаптированный для сцены перевод «Ревизора», выполненный британским политическим и культурным деятелем Алистером Битоном в 2005 г. Поскольку одним из главных факторов, на основе которых формируется переводческая интерпретация, является культурно-исторический контекст, в условиях которого она создается, правомерным представляется анализ перевода пьесы «Ревизор», выполненного Битоном, с точки зрения влияния тенденций развития современного мира. Это поможет проследить смысловые трансформации гоголевского замысла в новых для него условиях, что и является целью статьи.

Обратимся прежде всего к биографии создателя перевода. Алистер Битон (род. в 1947 г.) – шотландский политический «левый» сатирик, журналист, радиоведущий, романист и телевизионный сценарист. Родился в Глазго и получил образование в университете Эдинбурга (который окончил с отличием по русскому и немецкому языкам), затем – Москвы и Бухума; ныне живет в Холлоуэе, Лондон. Некоторое время был спичрайтером бывшего премьер-министра Великобритании Гордона Брауна [1], придерживающегося, как известно, социал-демократических убеждений; ввиду этого можно предположить, почему Битона привлек именно «Ревизор».

В переводе Битона пьеса сохраняет дух XIX столетия, его реалии и универсальность значений, характерную для гоголевского творчества; в то же время переводчик не ставит задачей дистанцированность содержания театральной адаптации от современности, рассматривая комедию Гоголя как вневременное произведение, воссоздающее состояние общества XXI в. О возможности отражения современности в гоголевской пьесе, адаптированной им, Битон говорит следующее: «Каждый перевод – для сегодняшнего дня, для “здесь и сейчас”» [2], и потому, невзирая на то, что комедия «может отражать общество, глубоко отличающееся от нашего», «она все еще может многое сказать о том, как мы живем сегодня» [2].

Перейдем к анализу особенностей перевода. Название комедии переведено как «The Government Inspector» («Государственный инспектор»). Несмотря на то что в нем нивелируется символический смысл, заложенный в оригинальном названии, это не означа-

ет восприятия пьесы переводчиком лишь как сатиры на общественное устройство. Так, Битон отмечает: «Когда пьеса была представлена в 1836 г., Гоголь пришел в ужас от того, что ее восприняли как сатиру [на общество]. <...> После этого он провел несколько лет, переписывая и добавляя замечания, отчаянно объясняя, что имел в виду <...> сатиру на человеческие манеры. Но сила этой пьесы в том, что она может быть и тем и другим» [2].

Заметим, что переводчик сохраняет эпиграф и немую сцену. Эпиграф передается как «Don't blame the mirror – it's your face, that's the problem», что в дословном переводе звучит как «Не вини зеркало – это твое лицо, вот в чем проблема». Хотя в пословице сохраняется оригинальный образ зеркала, лексема «крива» заменяется словом «problem» (что переводится как «проблема, вопрос, задача; затруднение»; кроме того, лексема «problem» этимологически восходит к др.-гр. πρόβλημα в значении «защита, преграда, оплот»).

Содержащаяся в определении «кривой», семантика порочности, греховности нивелируется, и внимание сосредоточивается на том, что человек сам есть источник (и оплот) тех препятствий, с которыми ему приходится сталкиваться. Можно предположить, что человек рассматривается не как порочное по своей природе существо, а как субъект, у которого есть свобода выбора (с этим же можно связать отсутствие пояснений к «говорящим» фамилиям героев), что соотносится с современной ситуацией.

В контексте творчества Гоголя немая сцена и эпиграф имеют несомненные религиозные коннотации. В оригинальном произведении важными являются эсхатологическая семантика и подтекст Божественного правосудия – высшего, Страшного суда (см.: [3. С. 227–236, 366–378]), однако в XXI в. уже нельзя говорить о гегемонии христианских идей, как это было в XIX столетии. Присутствие в адаптации трактовки, связанной с христианскими смыслами, все же можно допустить с условием, что такое прочтение не является единственно верным. Битон пишет об этом: «Как и многие великие пьесы, “Ревизор” может выдержать несколько интерпретаций. Это непреходящая классика именно потому, что она отказывается быть маркированной» [4].

Весьма вероятно, что Битону как бывшему сподвижнику представителя социал-демократического крыла Лейбористской партии Г. Брауна хотя бы отчасти были близки полагаемые гоголевские постулаты, реконструкцию которых предложил мыслитель и публицист И.А. Ильин в лекции под названием «Гоголь, великий сатирик, романтик и философ жизни», прочитанной им в 1944 г. в Цюрихе: «Так, в “Ревизо-

ре” речь идет не о земном лишь ревизоре, но и о незримом, важнейшем ревизоре. Гоголь сам указал на идею совести как на главную идею пьесы. Но можно сказать и так: тут присутствует идея национальной ответственности, идея здорового правосознания или идея справедливой государственной власти. Над недостойными чиновниками встает вечная идея права и правового государства. А за ними – грозная идея Страшного Суда...», и «не о России только должна идти речь: к народам остальной Европы – в особенности после того, что в ней произошло после Первой мировой войны, – тоже можно обратиться с призывом очистить свое правосознание» (цит. по: [5. С. 89, 278–279]). Впрочем, это лишь предположение, вызванное левоцентристской ориентацией лейбористов, утверждающих в числе прочего необходимость усиления государственного вмешательства в экономику и стремление к социальной справедливости, что наглядно воплощается в финале «Ревизора», как понимает его Ильин.

Кроме того, в рассматриваемом переводе отсутствует раздел «ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ Замечания для гг. актеров», и это лишает персонажей специфических характеристик – тем более, что «в “Ревизоре” отсутствуют и ремарки, касающиеся одежды и внешности персонажей», что как раз «восполнялось как в специальном разделе текста – “Характеры и костюмы...”», так и с помощью устных авторских советов и указаний» [6. С. 665]. Это также может служить косвенным подтверждением гипотезы об отсутствии предопределенности жизни человека, не детерминированной внешними силами, но субстанциально зависящей лишь от него самого, того выбора, что он делает. Одной из таких сил является и социальная дифференциация, поэтому обратим внимание: в переводе Битона действующие лица представлены в ином порядке по сравнению с изображенными в тексте Гоголя. По словам В.В. Прозорова, «в литературе о “Ревизоре” обращалось уже внимание на то, что расположены персонажи по закону социальной пирамиды, словно бы уже здесь явлен нам некий художественно обобщенный “сборный” город» [7. С. 15–16]. А.С. Янушкевич дополняет это замечательным наблюдением относительно обусловленности центрального положения Хлестакова среди других персонажей комедии, правда, уже не социального, но символического свойства: «Роль ревизора – это часть общего спектакля, где и все другие участники – достойные партнеры Хлестакова. Не случайно в списке действующих лиц он находится в самой середине, после Добчинского и Бобчинского. Он их творение, порождение окружающей среды и характерных обстоятельств русской жизни» [8. С. 656]. В переводе Битона этот порядок не соблюдается (персонажи расположены не в строгом порядке), как, впрочем, не выдерживается и «философия Города», что «принципиально в гоголевской концепции “Ревизора”» [8. С. 654], и глубокая символичность места самого «хорошо одетого призрака» [9. С. 522]. Таким образом, иерархичность в переводе выражена меньше, чем в первотексте, что свойственно для современности, со-

храняющей постмодернистские тенденции, а постмодернистская чувствительность, как известно, основана на переживании мира как хаоса. На хаотичность, утрату структуры может указывать и отсутствие в пьесе явлений. Кроме того, в адаптации четыре действия вместо пяти, что нарушает классическую структуру пьесы и традиционно истолковывается в значении невозможности окончательного разрешения конфликта, т.е. прорыва во внетекстовую явь.

Битоном привносится и множество других трансформаций, которые он объясняет формальными требованиями к постановке, диктуемыми современным состоянием театрального искусства, а также тем, что, по его словам, «“Ревизор” – это комедия, зрителям которой должно быть позволено смеяться. По этим причинам и ради ясности я позволил себе некоторые вольности» [4]. Так, можно заключить, что оригинальное произведение кажется ему недостаточно смешным и в чем-то не удовлетворяющим запросам современного зрителя и театра в целом. В одном из интервью он отмечает в отношении комедии Гоголя: «Все говорят о пьесе, словно это великое произведение гения, и это так, но есть структурные проблемы, которые должны быть исправлены» [2].

В то же время оригинальная гоголевская комедия имеет довольно четкую и продуманную до мелочей структуру, значение в которой имеет все вплоть до списка действующих лиц, о чем упоминает О.Б. Лебедева: «Внутренний закон, по которому существует мир комедии, – двоение, симметричность и зеркальность – обнаруживает себя уже в самом первом элементе ее текста – в афише. Список действующих лиц “Ревизора” изначально погружает реципиента в стихию тотального акустического повтора с глубокими смысловыми проекциями в текст и действие комедии» [10. С. 422]. В версии же Битона, который не замечает этого, находя в пьесе «структурные проблемы», изменения коснулись не только порядка представления героев и особенностей построения сцен, но и номинации персонажей. Так, Анна Андреевна и Марья Антоновна лишены отчества; у Городничего полностью отсутствуют имя, фамилия и отчество, указана лишь его должность; у других чиновников (включая отставных) сохранены только фамилии и опущены имена и отчества. Переводчик объясняет это так: «...поскольку немногие нерусскоговорящие люди легко справляются со сложностями русских имен и отчеств, я в основном использую фамилии» [4]. Однако отсутствие имен может иметь и большее значение: во-первых, указывать на собирательный, обобщенный характер образов, во-вторых – лишать произведение тех самых двоения, симметричности и отчасти зеркальности (которую все же сохраняют эпиграф и немая сцена), явленных в именах героев, которые находятся в сложных семантических связях с их собственными фамилиями и антропонимами иных персонажей.

Вследствие многочисленных изменений, затрагивающих как перечень действующих лиц, так и отдельные элементы построения произведения, авторская структура пьесы не сохраняется; созданный Го-

голем мир в своем изначальном виде разрушается, и новая его версия проявляет хаотичность. При этом комедию, по мнению переводчика, оказывается более удобно воплотить на британской сцене – в данном случае можно лишь предположить, что в переводе Битон выразил тенденции развития современного мира – иногда совпадающие с интенциями Гоголя, чаще же нет – скорее неосознанно.

Отметим также, что фамилии персонажей передаются при помощи транслитерации и пояснения их значения в тексте отсутствуют, поэтому героев можно рассматривать как тотально обезличенных обывателей, ничем не связанных друг с другом. Отсутствие связи демонстрирует утрата общей для большинства участников пьесы семантики порочности фамилий, отсутствие отчества, которое может указывать на снижение значимости внутрисемейных связей, а также редуцирование авторской идиоматичности и просторечных элементов в речи персонажей. Идиоматичность и просторечия указывают на принадлежность персонажей к одному народу. Как известно, «пословицы и поговорки непосредственно относятся к устной речи, причем именно к устной народной речи. Поэтому идиоматичность перевода <...> приближает характеры персонажей, проявляющиеся через диалоги, к народным» [11. С. 81].

Тотальную разобщенность героев можно также объяснить влиянием постмодернистских тенденций, под которыми мы понимаем одиночество и изолированность, свойственную постмодернистскому сознанию. Они являются следствием непознаваемости мира (««другой» [как его часть] принципиально непостижим» [12]), а также свободы выбора, обусловленной гносеологическим релятивизмом, отсутствием единой верной для всех истины (что тоже характерно для постмодернизма). Вследствие этого «коммуникация становится рациональной структурой повседневности, поверхностным <...> взаимодействием, обменом обезличенной и лишенной экзистенциальных значений информацией» <...> экзистенциальный диалог <...> с жизненным миром превраща[ется] в «ситуационную коммуникацию», во встречу и конфликт изолированных индивидов и проявля[ется] во взаимном непонимании и неадекватности» [12]. Кроме того, язык в постмодернизме ценен сам по себе и является средством деконструкции смыслов. Все это можно соотнести с приемами, использованными Битоном в переводе. Так, он вносит в текст немало ремарок со звуковыми эффектами. Отдельного внимания заслуживает служанка семьи Городничего Авдотья, которая появляется чаще, чем в оригинальном произведении. Когда с ней разговаривает Анна Андреевна, Авдотья ей отвечает, но отвечает не словами, а звуками [4]. Пояснение переводчик приводит в предисловии: «В “Ревизоре” граница между звуком и языком размыта. Персонажи часто кажутся ошеломленными своими собственными словами. Фразы затихают, вторгаются звуки. Вот почему я добавил несколько сценических ремарок, предлагающих определенные звуковые эффекты: чтобы создать звуковую текстуру, которая усиливает гротеск языка и характера. В неко-

торых случаях слова вовсе перестают быть средством общения, превращаясь вместо этого в джунгли запутывания и обмана. Это выглядит некоторым образом уместным для общества, где все значение определяется статусом, все стремление к человеческому общению задушено лестью и обманом» [6]. В версии Битона – умышленно или нет – «стушевана» речевая индивидуализация языка героев, что, возможно, коррелирует с тем, что и в гоголевской комедии, и в ее переложении на английский язык нет разделения на положительных и отрицательных героев, и особая роль отводится сопоставленным со словом звукам, которые одновременно лишены смысла и несут большую смысловую нагрузку; в этом ощутимо влияние «новой драмы» – в изводах как Шоу, так и Чехова, однако влияние это модифицировано постмодернистским дискурсом. Имеется в виду, что «новая драма» есть явление рубежа веков, актуализирующее проблему столкновения человека с непознаваемостью бытия, но бытие при этом выступает как онтологическая данность, тогда как постмодернизм постулирует, что «вне текста не существует ничего» (Ж. Деррида); значит, в первом случае сложности в общении скрывают некие смыслы, тогда как во втором сами являются смыслом. Совмещение этих трактовок и очевидные семиотические «мерцания».

Особенностью перевода является то, что Битон также сохраняет моменты, кажущиеся ему в комедии абсурдными (например, сон о крысах, замечание о росте Земляники и т.д.). Переводчик так высказывается об этом: язык Гоголя «...очень плохо переведен. Он очень раздроблен, как битое стекло, и переводчики стремятся сгладить это. Но если язык сделать логичным, он не имеет смысла» [6]. Сохранение «нелогичности», имеющей смысл, вполне органично для отражения явлений современного мира (как в выражении его постмодернистских черт, так и в связи с упомянутой Битоном ролью слова в «запутывании и обмане»). Уместным здесь представляется обратить внимание на «увечность языка», как определяет это Саша Дагдейл, пьесы Кэрил Черчил «Top Girls», ставшей к настоящему моменту уже классикой новой британской драматургии: «Язык этот непоэтичен, ограничен, увечен – иногда даже коротенькие предложения нарезаны на крохотные кусочки. Обычный разговор становится актом насилия» [13. С. 11]. Эта особенность, присущая комедии Гоголя, подчеркивает ее универсальность и способность быть актуальной и в реалиях XXI в., и в контексте иной национальной культуры, порой вне зависимости от смысла, изначально подразумеваемого автором. То же самое можно сказать о порочности героев, их эгоизме и отсутствии интенции к пониманию Другого.

В переводе язык становится проявлением человеческой разьединенности. Однако он – отнюдь не единственное ее выражение. Если обратиться к тексту, можно увидеть определенные тенденции в поведении персонажей: Городничий игнорирует рассказы Судьи об охоте; Анна Андреевна говорит Добчинскому, выражающему страх перед ревизором: «Слушайте, никому нет дела до того, что вы

чувствовали» [4] (в оригинальном тексте слова Анны Андреевны звучат иначе: «Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите?» [6. С. 36]) Это указывает на безразличие по отношению к Другому, а также на непонимание его потребностей / нежелание их понимать. Такую манеру вести себя можно метафорически обозначить как «глухоту». Она встречается в переводе в разных проявлениях еще не раз. Например, Анна Андреевна и Хлестаков игнорируют Марью Антоновну, которая пытается обратить на себя внимание при первом знакомстве с ревизором: когда Хлестаков любезничает с Анной Андреевной, Марья трижды произносит “Hello”, но никто ей не отвечает; в тексте можно встретить еще несколько подобных ситуаций с дочерью Городничего. Явно «глухи» по отношению к подопечным Судья, содержащий в присутственном месте триста гусей, Смотритель училищ, решающий выгнать гримасничающего учителя из школы, и Попечитель богоугодных заведений, продавший кровати, предназначенные для пациентов. Ситуации «глухоты» связаны и с Доктором Гибнером, который не совсем понимает, что происходит, поскольку не владеет языком; при этом никто не старается ему помочь и растолковать, что происходит вокруг. Наконец, меняются обстоятельства, при которых Бобчинский падает и разбивает нос. В этой довольно красочной сцене у Бобчинского рекой течет кровь, он кричит от боли, Городничий же вместо того, чтобы оказать помощь или хотя бы проявить сострадание, бьет его, приказывает заткнуться и при этом уверяет Хлестакова, что все в порядке. Это идет вразрез с отмечаемым исследователями в отношении гоголевской пьесы «резк[им] сужени[ем] области грубой комикой», в результате чего «редуцирование и трансформация традиционных комических приемов соответствовали перемещению комического начала в сферу психологического соотношения и взаимодействия персонажей» [6. С. 662–663].

Наряду с этим последнюю ситуацию, исполненную насилия, можно считать типичной для современной драмы. М. Липовецкий говорит о том, что «современная драматургия и театр манифестируют насилие как необходимый элемент художественной структуры современного драматического искусства. Агрессия воспринимается как естественная реакция по отношению к миру» [12. С. 40], потому что он хаотичен и реальных ориентиров в нем нет. «Коммуникация, основанная на насилии, сегодня не представляет собой нечто невероятное, а выступает одной из важнейших форм индивидуальной и коллективной самоидентификации» [15. С. 207]. Это можно отнести не только к отечественной, но и к британской драматургии – достаточно вспомнить о творчестве Мартина МакДонаха, показательная с этой точки зрения пьеса которого «Калека с острова Инишмаан» представлена в упомянутой ранее «Антологии современной британской драматургии», или о завершающем последнюю «Американском пилоте» Дэвида Грэйга; цитированное выше уподобление ведения беседы акту насилия также подчеркивает правомерность параллели.

Помимо этого, более выраженную, чем в оригинальном произведении, «глухоту» по отношению к другим проявляет в рассматриваемом переводе Хлестаков после принятия просителей: когда они уходят, он рвет их прошения и хочет, чтобы его оставили в покое. Неожиданно появившиеся на сцене «бедняки матушки России» в лохмотьях и цепях, испытывающие боль и страдания, вызывают у мнимого ревизора стоны и нежелание их видеть; он прогоняет их. По его реакции можно заключить, что мысли об их трудностях для него нестерпимы. Еще одним примером проявления «глухоты» является ситуация, когда Хлестаков просит у Осипа бумагу и чернила, а тот, не дослышав, спрашивает, не перо ли ему нужно; кроме того, зачастую вовсе не понимает людей вокруг и Доктор Гибнер, говорящий в пьесе исключительно по-немецки. Это можно назвать невозможностью «услышать» другого, в то время как это желание гипотетически присутствует.

Кроме того, роль Доктора Гибнера, отсутствующая в той же мере в оригинальной пьесе, может рассматриваться как метафора человека, для которого окружающее в некотором смысле непостижимо. Подобное поведение демонстрирует и Добчинский, рассказывая о необъяснимости для него появления на свет до брака своего сына (при этом он упоминает, что его жена в это время работала экономкой у Судьи). Сначала персонаж говорит о своем непонимании этой ситуации, а затем заключает: «Что ж, жизнь полна тайн, Ваша Честь...» [4]. Это может подчеркивать неспособность человека вести «экзистенциальный диалог» с бытием, понимать знаки, которые оно ему подает. С одной стороны, это вновь, казалось бы, актуализирует субстанциональную проблему чеховской драматургии – человек сталкивается с непостижимостью мира и его чуждостью, однако в данном случае драматизм травестийно снижается тем, что с точки зрения автора (как и читателя/зрителя) загадка имеет отнюдь не энигматический характер. Позиция автора, который позволяет себе иронию, ибо смотрит как бы с высоты, выше позиций персонажей: он видит мир, людей и связи между ними, тогда как персонажи видят только себя; расхождение масштабов и порождает комический эффект, обнаруживающий узость воззрений последних. Пьеса – об эгоистической узости человека, делающей его уязвимым и смешным – социально (Битон) и философски (Гоголь); в последнем случае грань между комическим и трагическим исчезающе тонка, тогда как у Битона все замыкается лишь на просчетах самого человека.

В связи с тотальной «глухотой» и непониманием важной становится тема одиночества, на что указывает строка из стихотворения, приведенного в пьесе. Так, Хлестаков вместо фрагмента «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова цитирует строку из стихотворения У. Вордсворта «I wandered lonely as a cloud that floats on high o'er... places» («Скитался я как туча отчужденно, // Покачиваясь плавно меж холмов» [16]).

Каждый из видов «глухоты» в тексте перевода, с нашей точки зрения, соответствует определенному типу одиночества. В первом случае явлено так назы-

ваемое эмоционально-духовное одиночество (термин О.Ю. Цендровского) [17. С. 130]. Важным фактором в данном случае является отсутствие понимания по отношению друг к другу (которое как раз демонстрируют герои комедии) и эмпатии, на что и указывает Цендровский: по его словам, «главная и наиболее болезненная форма одиночества — нехватка взаимопонимания и эмоционального контакта. Бесчисленное и обволакивающее нас множество других является тогда само по себе дразнящим напоминанием об отсутствии искомой взаимосвязи, о пролегающей между нами пропасти, которая кажется роковой и непреодолимой» [17. С. 130]. Придерживаясь терминологии Цендровского, этот вид одиночества следует отличать от социального, связанного с невозможностью находиться в коллективе.

Во втором же случае следует говорить об «онтологическом одиночестве». Оно основывается на том, что «любой получаемый нами опыт в конечном счете разворачивается внутри нашего ума <...> Какое бы восприятие мы ни переживали, что бы и кого бы мы ни встречали на своем пути, это всегда есть лишь очередной объект и — более того — продукт нашего сознания <...> говорить о связи с объективным миром, коли он и вправду есть, можно лишь косвенно и спекулятивно» [17. С. 128]. Вследствие принципиальной непознаваемости реальности человек может ощущать, как и Добчинский, что «жизнь полна тайн». Как уже было отмечено, наличие такого вида одиночества в битоновском переводе можно связать с постмодернистским изводом чеховской традиции.

Таким образом, в адаптированном переводе присутствует одиночество двух типов, что придает ему абсолютный характер и указывает на различные причины его появления. Нежелание понимать Другого говорит о крайне низком уровне нравственности самих героев (что присутствует и у Гоголя, но у Битона их порочность преувеличивается). Неспособность понять Другого, даже если желание есть, может свидетельствовать (как, собственно, и личностные качества персонажей) об отражении в произведении тенденций духовного развития современного общества, о чем упоминает сам переводчик: «Эрозия духовности, сведение людей к потребителям, тривиализация нашей культуры — Гоголю было бы что сказать обо всем этом» [4]. Неспособность же понять жизнь и мир вокруг говорит о том, что человек одинок в любую эпоху, согласно упомянутому определению онтологического одиночества.

Такое сосредоточение переводчика на кризисе человеческих ценностей и на проблеме тотального одиночества объяснимо, поскольку исследователи указывают на внимание современной британской драматургии к проблеме «духовного и физического вырождения общества» [18. С. 3278]. Это тоже может пролить свет на разобщенность героев в адаптированном переводе, который является отражением британского культурного контекста. Так, в «Антологии современной британской драматургии» объединяющей проблематикой является именно тема одиночества: во всех произведениях, составивших сборник, «персона-

жи по-метерлинковски не слышат друг друга, их реплики то и дело обрываются на самом подходе к желанному смыслу. Разговор идет мимо сути вещей, имена которых постоянно ускользают от говорящих» [19], для пьес характерны «гнетущая атмосфера, желание сбежать туда, где лучше, чувство одиночества, страха, жажда любви и при этом самопогруженность и нежелание слышать другого» [20]. Новая британская драматургия показывает «общество, где каждый поглощен своими (пусть глубокими и серьезными) переживаниями, но не замечает окружающих людей, не считается с их чувствами и желаниями» [18. С. 3278–3279]. По мнению О.М. Валовой и В.Р. Семериковой, «проблема деградации современного человека и общества <...> тесно переплетается с проблемой отсутствия позитивных перспектив в мире, где за банальным “Все в порядке” герои пытаются просто спрятать и забыть свою вину в утрате основных ценностей бытия» [18. С. 3280], что верно и для адаптированного перевода «Ревизора» Битона, где каждый персонаж занят только собой, поиском выгоды, глух к законам мироздания и, кроме того, мучительно жаждет сбежать от неприглядности своего пребывания в жизни, на что также указывают стихотворения, отрывки из которых беспорядочно цитирует Хлестаков. Так, в стихотворении «Скитался я, как туча, отчужденно...» Вордсворта упоминается, что герой предпочитает проводить свое время в мечтах: уединяясь, «танцевать с нарциссами в полутьме» [16]. О том же стремлении к эскапизму от реалий действительности могут свидетельствовать и произведения, вкладываемые Битоном в уста Хлестакова вместо «Роберта-Дьявола» и «Нормы». Первое — это «Айвенго» В. Скотта, исторический роман, повествующий о далекой эпохе, что может указывать на стремление дистанцироваться от собственного времени. Второе — «Ода соловью» Д. Китса, в которой подобное желание можно назвать основным мотивом: «Припасть, вдохнуть, отпить / И унести с тобою в мир нетленный / Оставив здесь и страх, и боль, и стыд. <...> Ах, унести, пропасть во мгле лесной, / Забыть про все, чем слабость, глупость, злоба / Опутали злосчастный род людской» [21] и т.д. Что же касается положения человека в настоящем, оно помимо веяний постмодернизма связано с неослабевающим давлением капитализма, который, по утверждению Дагдейл, «продолжает вековую традицию подавления <...> личности, эмоций и человечности» [13. С. 10–11] и под влиянием которого для героев пьесы «проявлением сущностного, пусть и неосознанного нежелания мириться с отведенной ему ролью» становится «традиционный карьеризм» [22. С. 414].

Ориентированность Битона как переводчика на значимость общечеловеческих ценностей можно также связать с новой, метамодернистской (постпостмодернистской), «структурой чувства», свойственной современному человеку, по мнению ряда современных исследователей (см.: [23]). В самом общем смысле под «структурой чувства» метамодернизма, философской концепции, авторами которой выступают нидерландские культурологи Робин ван ден Аккер и

Темотеус Вермулен, понимается «восприятие, эмоция, столь распространенная, что ее можно назвать структурной» [23. С. 42]. «Структура чувства» метамодернизма появилась в 2000-х гг. и характеризуется ощущением колебания, «маятника, качающегося между различными крайностями» [23. С. 48], а именно между «постмодернистскими и допостмодернистскими (а часто и модернистскими) пристрастиями»: «между иронией и энтузиазмом, между сарказмом и искренностью, между эклектичностью и чистотой, между разрушением и созиданием и т.д.» [23. С. 48]. Если постмодернизм «осуществлял “вторичную переработку” поп-культуры, канонизированных работ и мастеров прошлого посредством пародии или пасташи, то деятели искусства эпохи метамодернизма <...> все чаще заимствуют с мусорной свалки истории элементы, позволяющие им иначе показывать настоящее и по-другому осмысливать будущее» [23. С. 46]. Одной из важных особенностей метамодернизма можно назвать то, что «в противовес ценностям постмодерна, который, по своей сути, является отказом от любых ценностей, и переполнен цинизмом, обезличенностью и деконструкцией <...> [он] испытывает интерес к будущему, реконструирует и возвращает нас к великим повествованиям, воссоздает миф. Он стремится к поиску глубины и духовности, о которых нельзя помыслить в рамках постмодернизма с его наследием в виде обесценивания человеческой личности, ее опыта и безэмоциональности» [24]. Главным различием между метамодернизмом и постмодернизмом можно назвать то, что при частом использовании приемов последнего метамодернизм преобразует их по-своему, задавая важные, не обесценивающими вопросы о бытии: например, о том, что такое реальность или как быть человеком. Так, постмодернистская ирония здесь зачастую трансформируется в постиронию (иронию, которой свойственна искренность); кроме того, можно заметить «поворот к человеку и его субъективному опыту, психологизм», попытку дать «надежду на жизнь после симулякров и на возрождение человеческого» [25].

На наш взгляд, это находит отражение в переводе «Ревизора», выполненном Битоном. С одной стороны, мы видим постмодернистские тенденции: внимание Битона к языку гоголевской комедии, становящемуся самоценным, разобщенность героев, «стертость» их личностного начала, хаотичность мира, в котором они существуют. Кроме того, можно заметить явное преувеличение пороков персонажей (в некоторых случаях даже гротескность, фантазмагоричность, как в случае с тремя сотнями гусей в суде или продажей больничных кроватей). Присутствует и трансформация образа Хлестакова, поскольку, когда приходят купцы, он интересуется у Осипа, не банкнотами ли они размахивают, в то время как в оригинале комедии он, как известно, всего лишь «простодушный лжец, не способный к каким-либо продуманным действиям, но в то же время с успехом выполнивший подсказанную ему обстоятельствами роль» [8. С. 659]. Кроме того, в битоновском варианте пьесы он получает больше денег. Что касается преувеличения пороков других персонажей, частный пристав говорит Городничему, что

не дает взятки, а берет их, поскольку кто-то должен подавать пример. И даже Доктор Гибнер дает Хлестакову взятку. Марья Антоновна начинает наряжаться в версии Битона не из-за Почтмейстера (хотя тот и упомянут позже), а из-за приезда ревизора: в таком случае ее несколько больше, чем в комедии Гоголя, интересует выгода. Нелепым представляется поведение Смотрителя училищ в момент, когда Хлестаков просит у него денег, поскольку сначала он долго не может найти их, а затем обнаруживает в своем носке. Не менее отталкивающим представляется и Хлестаков, все же берущий у него деньги, явно преодолевая отвращение.

В такой гиперболизации пороков персонажей, в их доведении до уродливо-комического предела можно заметить постмодернистский прием, иронию над жадностью и подхалимством, которое Битон считает значимым для понимания пьесы: «Пьеса об искусном подхалимстве – вот почему она обладает этим невероятным универсальным качеством» [2].

Так или иначе, постмодернистские приемы компенсируются прямо противоположными установками Битона на возможность существования ценностей и смыслов, что подчеркивает явленная в произведении проблема одиночества. В таком случае созданный им перевод можно считать находящимся «между» постмодернизмом и прежними (ценностными) устремлениями, которые вполне эквивалентны; это является характерным для метамодернизма.

Итак, в рассматриваемом переводе изначальный авторский замысел, сохраняя основополагающие черты, изменяется и становится отражением тенденций нынешней эпохи. Во многом совпадая с гоголевской, концепция Битона отличается большей ориентированностью на свободный выбор человека и его ответственность за него в мире, где крайне сложно найти какие-либо ориентиры и преодолеть пропасть между собой и Другим, эту ситуацию усугубляет духовная деградация современного общества. Взгляд драматурга на современность нельзя назвать оптимистичным: по его словам, «это комедия, основанная на самой мрачной из реальностей – той, что Гоголь лихо описал как “смех сквозь слезы”» [4], и она, «возможно, является изображением судьбы любой культуры, которая жертвует реальными человеческими ценностями в пользу алчности и карьеризма» [1]. Эта мысль подтверждается тем, что персонажи, наделенные некоторыми чертами постмодернистского героя, в силу своей морально-этической «глухоты» не способны к духовному прозрению и осуществлению подлинного акта коммуникации как с другими, так и с миром.

Трактовка Гоголя же несколько отличается и не обладает подобной однозначностью: он отдавал предпочтение взгляду на порочность персонажей с позиций христианских догматов, подразумевавших предзаданность расплаты за грехи, однако пьеса была создана в культурно-исторических условиях, позволявших говорить Гоголю, несмотря на все перипетии, о духовном единстве народа (см.: [26. С. 361–369]), потенциально могущем дать надежду на позитивное разрешение конфликта.

Важность для Битона ценностных установок, противопоставляемых эгоцентрическому поведению персонажей, может указывать на метамодернистские тенденции. Их присутствие, несмотря на модус текста, можно назвать позитивным явлением.

Можно упомянуть, что творчество Битона прежде не подвергалось концептуальному осмыслению ни в России, ни за рубежом. Встречаются лишь отдельные замечания, согласно которым сатирик считает, что «комедия успешна только тогда, когда действительно имеет ту же основу, что и серьезная драма» [27. С. 12]. Битон ясно дает понять, что смех для него ни в коем случае не обесценивает этическое послание произведений, хотя его концепция сатиры и подразумевает скорее развлечение, нежели нравоучительные наставления [28. Р. 12]. Константой всего творчества Битона можно назвать важность морально-этической

проблематики, ценностей и смыслов. При этом он вовсе не старается пренебречь исходным посылом тех пьес, которые переводит и адаптирует для сцены, а, напротив, стремится проникнуться их духом. По его словам, «переводя пьесу, вы вступаете в очень напряженные и сложные отношения с ее авторами. Иногда вам кажется, что вы пригласили их к себе домой» [28]. Стремлением Битона является создание пьес, близких современному зрителю и смешных для него. Будучи сатириком, автор рассматриваемой адаптации использует лишь некоторые постмодернистские приемы, не сводя ее значение исключительно к ним. Его взгляд на комедию «Ревизор», скорее, является его собственным осмыслением ее значения с учетом современных реалий. В связи с этим едва ли можно сказать, что авторское задание Гоголя сознательно противопоставляется Битоном своей адаптации.

Список источников

1. Alistair Beaton. URL: <http://www.alistairbeaton.com/biography.html> (дата обращения: 01.07.2021).
2. Gogolwhack adventures. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2005/jun/01/theatre1> (дата обращения: 01.07.2021).
3. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М.: Худож. лит., 1988. 413 с.
4. Gogol N.V. *The Government Inspector*. Translated and adapted by Alistair Beaton. London: Oberon books Ltd, 2012.
5. Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1989. 320 с.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. 910 с. Т. 4.
7. Прозоров В.В. «Ревизор» Гоголя, комедия в пяти действиях. Саратов: ИЦ «Добродей»; ГП «Саратовтелефильм», 1996. 80 с.
8. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 748 с.
9. Берковский Н.Я. Литература и театр: статьи разных лет. М.: Искусство, 1969. 638 с.
10. Лебедева О.Б. Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. М.: Языки славянской культуры, 2014. 472 с.
11. Буданова И.Б., Жиликова Э.М. А.Н. Островский – переводчик итальянских драматургов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 234 с.
12. Павлов А.В. Многомерность провинциализма // Топос: литературно-философский журнал. URL: <https://www.topos.ru/article/1504> (дата обращения: 01.07.2021).
13. Антология современной британской драматургии. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 768 с.
14. Кириченко Д.А. Коммуникация насилия в современной «Новой драме» // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. 2015. Вип. V. С. 40–45.
15. Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.
16. “Daffodils” by William Wordsworth // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2005/02/03-639> (дата обращения: 01.07.2021).
17. Цендровский О.Ю. Между Ницше и Буддой: счастье, творчество и смысл жизни. М.: АСТ, 2021. 448 с.
18. Валова О.М., Семерикова В.Р. Проблема деградации личности и общества в восприятии современных британских драматургов (на материале пьес М. Карп «Порция Кохлан» и К. Элиота «Искусственное дыхание») // Общество. Наука. Инновации (НПИК-2017): сб. статей: Всерос. ежегод. науч.-практ. конф., 1–29 апреля 2017 г. Киров: Науч. изд-во ВятГУ, 2017. С. 3275–3280.
19. Логутов А.В. Мечта о понимании // Иностранная литература. 2009. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/2/mechta-o-ponimani.html> (дата обращения: 01.07.2021).
20. Калашникова Е.Л. Новые «молодые рассерженные» с берегов Альбиона // Русский журнал. 2008. URL: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Novye-molodye-rasserzhennye-s-beregov-Al-biona> (дата обращения: 01.07.2021).
21. Джон Китс. Ода к соловью // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2010/09/16/3683> (дата обращения: 01.07.2021).
22. Третьяков Е.О. Субстрат повести Н.М. Карамзина «Остров Борнгольм» в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Жуковский и другие: материалы Междунар. науч. чтений памяти Александра Сергеевича Янушкевича: К 75-летию со дня рождения, Томск, 17–20 сентября 2019 г. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. С. 407–428.
23. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: Рипол-классик, 2020. 342 с.
24. Морева А. Литература метамодернизма: стратегии и тактики идентификации // Ludus. Новые тексты о культуре. Приложение к «Международному журналу исследований культуры». 2019. URL: <http://ludus.culturalresearch.ru/rubriki/art/literatura-metamodernizma-strategi/> (дата обращения: 03.12.2021).
25. Сербинская В.А. Метамодернизм: проблема определения // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 2017. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (дата обращения: 25.01.2022).
26. Гоголь Н.В. Светлое воскресенье // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Статьи / ком. Ю. Манна. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
27. Ethical Debates in Contemporary Theatre and Drama // Contemporary Drama in English. 2012. Vol. 19. 247 p. URL: <http://57333770.swh.strato-hosting.eu/wp-content/uploads/2016/05/cde19.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
28. Translating Bertolt Brecht and other house guests. URL: <https://www.theguardian.com/stage/2009/sep/30/translating-bertolt-brecht> (дата обращения: 15.12.2021).

References

1. Alistair Beaton. (2021) *Biography*. [Online] Available from: <http://www.alistairbeaton.com/biography.html> (Accessed: 01.07.2021).
2. *The Guardian*. (2005) Gogolwhack adventures. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/stage/2005/jun/01/theatre1> (Accessed: 01.07.2021).
3. Mann, Yu.V. (1988) *Poetika Gogolya* [Gogol's Poetics]. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit.
4. Gogol, N.V. (2012) *The Government Inspector*. Translated and adapted by Alistair Beaton. London: Oberon books Ltd.

5. Poltoratskiy, N.P. (1989) *Ivan Aleksandrovich Il'in. Zhizn', trudy, mirovozzrenie* [Ivan Aleksandrovich Ilyin. Life, works, outlook]. New York: Ermitazh.
6. Gogol', N.V. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 t.* [Complete works and letters: in 23 volumes]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
7. Prozorov, V.V. (1996) "Revizor" Gogolya, komediya v pyati deystviyakh [Gogol's The Government Inspector, a comedy in five acts]. Saratov: ITs "Dobrodeya"; GP "Saratovteflil'm".
8. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy trety XIX veka: ucheb. posobie* [History of Russian literature of the first third of the 19th century: textbook]. Moscow: FLINTA.
9. Berkovskiy, N.Ya. (1969) *Literatura i teatr: stat'i raznykh let* [Literature and theater: articles of different years]. Moscow: Iskusstvo.
10. Lebedeva, O.B. (2014) *Poetika russkoy vysokoy komedii XVIII – pervoy trety XIX vekov* [Poetics of Russian high comedy of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Budanova, I.B. & Zhilyakova, E.M. (2018) *A.N. Ostrovskiy – perevodchik ital'yanskikh dramaturgov* [A.N. Ostrovsky, a translator of Italian playwrights]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Pavlov, A.V. (2003) *Mnogomernost' provintsializma* [Multidimensionality of provincialism]. [Online] Available from: <https://www.topos.ru/article/1504> (Accessed: 01.07.2021).
13. Genina, A. & Romina, O. (eds) (2008) *Antologiya sovremennoy britanskoy dramaturgii* [Anthology of contemporary British drama]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Kirichenko, D.A. (2015) Kommunikatsiya nasiliya v sovremennoy "Novoy drame" [Communication of violence in the modern "New Drama"]. *Naukovi zapiski Berdyans'kogo derzhavnogo pedagogicheskogo universitetu*. V. pp. 40–45.
15. Lipovetskiy, M. & Boymers, B. (2012) *Perfomansy nasiliya: literaturnye i teatral'nye eksperimenty "novoy dramy"* [Performances of violence: literary and theatrical experiments of the "new drama"]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
16. Wordsworth, W. (2005) *Daffodils*. [Online] Available from: <https://stihi.ru/2005/02/03-639> (Accessed: 01.07.2021).
17. Tsendrovskiy, O.Yu. (2021) *Mezhdru Nitshe i Buddoy: schast'e, tvorchestvo i smysl zhizni* [Between Nietzsche and Buddha: happiness, creativity and the meaning of life]. Moscow: AST.
18. Valova, O.M. & Semerikova, V.R. (2017) [The problem of the degradation of the individual and society in the perception of modern British playwrights (on the material of the plays "Portia Coghlan" by M. Carr and "Mouth to Mouth" by K. Elyot)]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2017)* [Society. Science. Innovations (NPK-2017)]. Conference Proceedings. 1–29 April 2017. Kirov: Vyatka State University. pp. 3275–3280. (In Russian).
19. Logutov, A.V. (2009) *Mechta o ponimani* [Dreaming of understanding]. *Inostrannaya literatura*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/2/mechta-o-ponimani.html> (Accessed: 01.07.2021).
20. Kalashnikova, E.L. (2008) *Novye "molodye rasserzhennyye" s beregov Al'biona* [The new "young angry" from the shores of Albion]. *Russkiy zhurnal*. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/Novye-molodye-rasserzhennyye-s-beregov-Al'biona> (Accessed: 01.07.2021).
21. Keats, J. (2010) *Oda k solov'yu* [Ode to a nightingale]. Translated from English. [Online] Available from: <https://stihi.ru/2010/09/16/3683> (Accessed: 01.07.2021).
22. Tret'yakov, E.O. (2020) [Substratum of the story "Bornholm Island" by N.M. Karamzin in N.V. Gogol's comedy "The Government Inspector"]. *Zhukovskiy i drugie* [Zhukovsky and others]. Proceedings of the International Readings in Memory of Alexander Yanushkevich: On the occasion of his 75th birthday. Tomsk. 17–20 September 2019. Tomsk: Tomsk State University. pp. 407–428. (In Russian).
23. van den Akker, R., Gibbons, A. & Vermeulen, T. (eds) (2020) *Metamodernizm. Istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism]. Translated from English by V.M. Lipka. Moscow: Ripol-klassik.
24. Moreva, A. (2019) *Literatura metamodernizma: strategii i taktiki identifikatsii* [Literature of metamodernism: strategies and tactics of identification]. [Online] Available from: <http://ludus.culturalresearch.ru/rubriki/art/literatura-metamodernizma-strategi/> (Accessed: 03.12.2021).
25. Serbinskaya, V.A. (2017) *Metamodernizm: problema opredeleniya* [Metamodernism: the problem of definition]. [Online] Available from: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (Accessed: 25.01.2022).
26. Gogol', N.V. (1986) *Svetloe voskresen'e* [A Bright Sunday]. In: *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozh. lit.
27. Berninger, M. & Reitz, B. (eds) (2012) *Ethical Debates in Contemporary Theatre and Drama*. In: Middeke, M. (ed.) *Contemporary Drama in English*. Vol. 19. [Online] Available from: <http://57333770.swh.strato-hosting.eu/wp-content/uploads/2016/05/cde19.pdf> (Accessed: 15.12.2021).
28. *The Guardian*. (2009) Translating Bertolt Brecht and other house guests. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/stage/2009/sep/30/translating-bertolt-brecht> (Accessed: 15.12.2021).

Информация об авторах:

Степовая В.И. – аспирант кафедры истории русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ste8120@mail.ru

Третьяков Е.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Stepovaya, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ste8120@mail.ru

E.O. Tretyakov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2021;
одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 21.10.2021;
approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 101.2
doi: 10.17223/15617793/480/6

Экогуманистические аспектации компенсаторного механизма культуры

Дмитрий Витальевич Соломко¹, Сергей Степанович Соковиков², Вера Сергеевна Невелева³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
^{2, 3} Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия
¹ dimiurg85@mail.ru
² sokovik49@mail.ru
³ vsneveleva@mail.ru

Аннотация. Исследуется компенсаторный механизм культуры в его экогуманистической интерпретации. Выявлено, что он действует универсально на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях бытия человека. Авторы приходят к выводу, что теоретическая разработка концепта компенсаторного механизма культуры в его экогуманистической интерпретации позволит более многоаспектно изучать и анализировать явления культуры как в ее истории, так и в актуальном состоянии, получать более точную интерпретацию споров существования человека и культурных практик, обеспечивающих эффект состояния «экосистемы» в ситуациях любых интенсивных.

Ключевые слова: целостность бытия человека, техническое и антропологическое, компенсаторный механизм культуры, экогуманистический подход, утопия, эскапизм

Для цитирования: Соломко Д.В., Соковиков С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспектации компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 48–56. doi: 10.17223/15617793/480/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/6

Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture

Dmitry V. Solomko¹, Sergey S. Sokovikov², Vera S. Neveleva³

¹ South Ural State University (national research university), Chelyabinsk, Russian Federation
^{2, 3} Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russian Federation
¹ dimiurg85@mail.ru
² sokovik49@mail.ru
³ vsneveleva@mail.ru

Abstract. This article examines the compensatory mechanism of culture, which is formed objectively and provides the possibility of a “sustainable development” of society, culture and people in their individual existence in situations of significant socio-cultural transformations. The substantiations of the universality of this mechanism are presented; its action manifests itself variably, can be both spontaneous and consciously used. The mechanism is aimed at reducing or eliminating crisis phenomena and the effects of discomfort from all sorts of forms of socio-cultural imbalance: the conflict of traditional orders and socio-cultural innovations, the values of preservation and change, the living and the materialized, the objectified and the non-objectified, the rational and the irrational, etc. The authors substantiate the idea that the action of the compensatory mechanism of culture can be carried out both according to the model of a pendulum-like transition from an effectively and radically acting innovation to the restoration of traditional cultural forms, and according to a model corresponding to the adaptive function of culture. The authors show the correlation of the compromise nature and methods of action of the compensatory mechanism of culture with the basic principles of the ecohumanistic approach, a specific setting of thinking and practical human activity focused on finding ways and means of achieving optimality in relations between various sides and trends in human life to ensure the possibility of their fruitful coexistence. Under the influence of the intensive development and widespread dissemination of modern techniques and technologies, the established habitual way of life of a human-in-the-world changes dramatically, causing the transformation and modernization of the traditional forms and values of culture. Defining the world of a modern person as techno-technologized, the authors identify the problem of the preservation and active reproduction of the “living principle” of humans, the integrity of their existence, as well as the problem of the possibility of achieving the full value of existence in a situation of socio-cultural dissonance. The authors show that, due to its universality and its inherent therapeutic function, the compensatory mechanism of culture is able

to restore the optimal mode of human existence, to “serve” the needs of various kinds, including those that represent the natural properties of a person in “transformed” forms, in utopia and escapism. The authors come to the conclusion that the theoretical development of the concept of the compensatory mechanism of culture in its ecohumanistic interpretation will allow a more multifaceted study and analysis of phenomena of culture, both in its history and in its current state, to obtain a more accurate interpretation of the ways of human existence and cultural practices that provide the effect of the state of an “ecosystem” in situations of any intensive socio-cultural transformations.

Keywords: integrity of human existence, technical and anthropological, compensatory mechanism of culture, ecohumanistic approach, utopia, escapism

For citation: Solomko, D.V., Sokolov, S.S. & Neveleva, V.S. (2022) Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 48–56. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/6

В истории и актуальном состоянии культуры и социальной жизни воспроизводится аксиома человеческого существования – оно разворачивается в пространстве «между», что обуславливает многообразие его способов. Содержательные характеристики этого пространства могут при этом определяться по-разному и исходя из различных парадигм (схем) понимания и мировоззренческих установок. Бытие человека и его мира может быть представлено осуществляющимся между полюсами отношения абсолютного и относительного, естественного и искусственного, живого и овеществленного, рационального и иррационального и др. Вариативность их действительного соотношения всегда имеет конкретные облики как в индивидуальной, так и в коллективной, совместной жизни людей в динамическом и функциональном аспектах. При этом всякий раз реализующийся вариант демонстрирует и аксиологическую составляющую, указывая на ценностные приоритеты человека, культуры, общества в конкретный период их существования, придающие ему вполне определенный смысл. В постоянной смене способов существования, готовности к переменам, «переоценке ценностей» проявляется жизнеспособность любых форм человеческой жизни. В обществе и культуре объективно складываются и действуют механизмы, обеспечивающие возможность «устойчивого развития», что оказывается особо значимым в современном мире, все более приобретающем небезобидные характеристики турбулентности. Это обстоятельство, связанное с постоянно возрастающим усложнением мира современного человека, его нелинейностью, требует осознанного и ответственного использования потенциала таких механизмов. При этом они могут проявлять свое действие и спонтанно. Одним из них можно считать компенсаторный механизм культуры. Компромиссная и антиредукционистская природа этого механизма предполагает порождение таких культурных форм и способов существования человека, в которых достигается оптимальное соотношение значимого различного (или даже противоположного). Любое из культурных новшеств, «возмущающих факторов», очередных «прелыщений» человека (термин Н.А. Бердяева), претендующее на полный захват и перестройку всего пространства его существования, в таком случае может быть адаптировано, включено в жизненный мир людей и конструктивно существовать в нем.

Современное состояние культуры (мира человека) можно определить как ситуацию острых, существенных трансформаций во всех сферах жизни и деятель-

ности человека. Одним из значимых факторов этой трансформации является интенсивное развитие и повсеместное распространение современных техники и технологий, которые кардинальным образом изменяют сложившийся привычный уклад бытия человека-в-мире, в том числе обуславливая изменение, модернизацию (вплоть до «преодоления») традиционных форм и ценностей культуры. Динамика технико-технологического развития имеет весьма большую скорость, которая взвинчивается и поддерживается импульсами изменений потребностей и запросов самих людей. Человек становится заложником созданной им же самой ситуации. Именно человек производит «запрос» на упрощение и облегчение, ускорение и большую эффективность многих видов деятельности, полагая, что это закономерно приведет его к более комфортному, благоприятному и безопасному существованию в современном мире. Подобный эффект, безусловно, достигается, однако обнаруживается и обратная сторона. Во-первых, возникает ситуация смены логик: технологии задают тренды, в соответствии с которыми люди реализуют определенные жизненно важные программы – получают образование (оно вообще становится непрерывным), приобретают и меняют профессии, с необходимостью осваивая все новые навыки и умения и т.д. Во-вторых, все более очевидно, что адаптационные возможности человека становятся несоразмерными бурной скорости технико-технологического процесса, и как следствие возникает эффект культурного шока. Ранее усвоенные культурные образцы поведения, мышления, деятельности в новых условиях перестают «работать», быть актуальными. А освоить новые, осмыслить их, выработать к ним новое отношение, «ожить» человек не успевает.

Не случайно появляются и укрепляются идеи о возможности технико-технологической сингулярности [1–3], согласно которым постоянное ускорение прогресса неизбежно приведет к наступлению такой ситуации, когда люди будут не в состоянии поспевать за техникой и технологиями, потеряют над ними контроль, утратят свою субъектную позицию, окажутся полностью замененными техническими устройствами. Это ознаменует начало эры самосовершенствования и самоуправления техники и технологий. Она станет субъектным и автономным началом, превратив мир человека в среду обитания – уже не человеческий «свой» мир (дом), а полностью технический и при этом «чужой», существующий по «меркам» техники,

не всегда ориентированный на человека, дружелюбный, благоприятный для него. Найдется ли место человеку в техническом мире? Сможет ли он в него встроиться? Нужен ли будет вообще человек в этом мире? При всей «экзотичности» подобной техно-(анти)утопии, симптомы вероятности ее осуществления вполне ощутимы.

Сегодня в художественной, научной, философской литературе, в СМИ, сети Интернет, на различных образовательных и научных платформах можно обнаружить диаметрально противоположные, биполярные взгляды в отношении оценки технико-технологической сингулярности и тех перспектив, которые она знаменует. С одной стороны, ее боятся и отрицают, концентрируя внимание на негативных и разрушительных для человека и его мира последствиях; с другой – приветствуют, связывая с ней абсолютно положительные и даже спасительные (путем технико-технологического «апгрейда» не только мира человека, но и самой его природы) перспективы существования человека и его мира. Необходимо иметь в виду обе эти оценки (пессимистическую и оптимистическую) для того, чтобы избегать обозначенных крайностей и формировать адекватное отношение, учитывая возможные преимущества и риски этого процесса. Иными словами, достигать оптимальности в оценке ситуации. Техничко-технологическая сингулярность – пока еще только гипотетический образ, который может и не осуществиться. Нарастание скорости в развитии техники и технологий, когда человек выступает в роли догоняющего, появление и интенсивное распространение технико-технологических инноваций есть лишь фаза, не обязательно предполагающая бесконечность развития этого процесса. Адаптационные возможности, предполагающиеся уникальной природой человека, несводимостью как одной из его фундаментальных характеристик, а также компенсаторный механизм культуры, способны оптимизировать эту тенденцию, обеспечить необходимую меру в отношении технического и антропологического. Человеку по силам преодолеть культурного шока, его задача – не только сохранять способность к рефлексии над сложившейся культурной ситуацией, но и быть в ней активно действующим практически: осваивать и встраивать технические и технологические новшества в свою жизнь, чтобы оставаться социально-актуальным и современно живым. Для человека важно обустроить технико-технологический мир согласно критериям дома – места для человека, которое его надежно защищает и охраняет, бережет и укрывает от всего чужого и чуждого, от «пространства бездомности» [4].

Человек всегда стремился преодолеть подобные острые, конфликтные ситуации своего существования. В этих случаях в культуре срабатывает компенсаторный механизм [5–7]. Он выступает одним из универсальных механизмов и проявляется обычно в ситуациях существенных трансформаций социокультурного мира. Его действие направлено на снижение или снятие кризисных явлений и дискомфортных эффектов от всевозможных форм культурного диссо-

нанса: конфликта традиций и новаций, ценностей сохранения и изменения [8] и т.п. В каких бы конкретных ситуациях ни проявлялось его действие, он обеспечивает реализацию в отношении сторон логики их согласованного и скоординированного бытия.

Компенсаторный механизм выполняет не только адаптивную, но и креативную функцию. Найденная, созданная за счет его действия культурная форма встраивается в уже существующее содержание культуры, таким образом, требуя его переформирования, нового способа организации, нового порядка и открывая новые возможности для человека. Чем больше укрепляется и расширяется тенденция стандартизации в культуре, тем больше обозначается запрос на то, что ей сопротивляется, тем больше обнаруживается потребность в нестандартности во всех формах отношения человека к миру. Здесь имеется в виду потребность выхода за рамки стандарта в разных вариантах, так как в этом проявляется творческий подход. Потребность в творческом (нестандартном) подходе обнаруживается практически во всех сферах жизни и деятельности человека – в политике, экономике, образовании, бизнесе.

В научной литературе [9–13] обнаруживаются существенные различия в понимании сущности механизмов культуры, однако «можно, предельно упрощая, утверждать, что они “отвечают” на три основных вопроса: *что происходит* в рамках их действия; *каким образом*; с какими *результатами*» [14].

Что происходит в рамках действия компенсаторного механизма культуры? Необходимо отметить, что это действие не может быть сведено лишь к маятниковообразному типу. Однако как спонтанно возникающие, так и осознанно внедряемые (мотивация при этом может быть разной – от протестной до охранительной) культурные практики, ответные по отношению к радикальной культурной новации, могут соответствовать именно такой модели. Например, в ситуации наступательного действия, экспансии компьютерных технологий возрождаются и оцениваются заново в их гуманитарной значимости «ретро»-практики: от чтения с экрана – к традиционному чтению книги; от печатания с использованием клавиатуры – к рукописанию; от сетевого, часто специально конструируемого по желаемым стандартам формата отношений – к живому общению со всей их сложностью и непредсказуемостью и т.д. Однако существует и иная модель действия компенсаторного механизма, которая связана с поиском и достижением *оптимального* соотношения различного, противоположного, когда создаются максимально благоприятные возможности развития, реализации внутреннего потенциала каждой из сторон. В таком случае не тенденции вытеснения, подавления одной из них со стороны другой, не логика отрицания, но логика утверждения проявляется в действии компенсаторного механизма, что обуславливает определенный *результат* – рождение в компенсаторном процессе нового типа отношений, обладающего *самодостаточной ценностью*. *Оптимальность* – это максимально возможный в определенных обстоятельствах и условиях вариант

согласованного сосуществования различного, максимально учитывающий различие сторон «компромисс». Это, например, согласование процесса развития техники и технологий с их гуманитарным смыслом, с тем, ради чего и ради кого это развитие осуществляется [15]. Оптимальность означает удержание в сопряжении цивилизационных возможностей и культурных смыслов. Технический мир (искусственный, созданный) может быть (и нередко остается) соразмерным человеку и ориентированным на человека как естественное существо. Многие виды техники и технологий создаются для того, чтобы поддерживать, укрепить, усилить естественные возможности человека. Иное дело, если именно техника и технологии становятся самооценными и самодостаточными [16]. С этой точки зрения техническое мироотношение предполагает культурно-гуманитарную составляющую и наоборот, т.е. ситуацию взаимопосредования в отношении человека, техники и культуры. Это взаимопосредование, определяя характер их взаимодействия, позволяет рассматривать отношение между ними как соотношение интегрированных элементов системного «органического» целого, определяемого как экосистема.

Каким образом проявляется действие компенсаторного механизма? Нередко его действие проявляется спонтанно (что указывает на наличие внутренних, имманентных причин его действия в культуре) и стихийно, не целенаправленно, т.е. не в результате сознательного конструирования, вне специально организованных форм. При этом спонтанность органично связана с оптимальностью. Компенсаторный механизм действует «даже в самых, казалось бы, спонтанных, хаотичных ситуациях, воплощая нередко скрытые закономерности культурных процессов» [14].

Смысл действия компенсаторного механизма связан с удержанием целого в ситуациях, когда целое бытия культуры и человека требует переорганизации в силу действия как внешних, так и внутренних причин. Причем всякий раз это осуществляется в уникальной, нестандартной форме и на определенное время сохраняет свою жизнеспособность. Компенсаторный механизм культуры действует по направлению создания бесконечно разнообразных вариантов целостности, которая соответствует критериям устойчивой экосистемы [17]. Именно это и возможно представить как *результат действия* компенсаторного механизма культуры.

Компенсаторный механизм может быть запущен в действие, и его возможности могут быть использованы вполне осознанно, чтобы на фоне предложенной в самой культуре альтернативы лучше, четче можно было осознать и оценить возникшую в культуре новацию или чтобы не утратить потенциал уже существующих форм, которые за счет их компромиссного соединения с новшеством могли бы приобрести новые возможности.

Природа и способы действия компенсаторного механизма культуры соответствуют принципам экогуманистического подхода в осмыслении всего многообразия бытия человека и его мира. Экогуманистиче-

ский подход – это специфическая установка мышления и практической деятельности, ориентированная на поиск способов и средств достижения оптимальности в отношениях различных сторон бытия человека для обеспечения возможности их плодотворного сосуществования. В частности, в отношении человека с технико-технологизированным миром компенсаторный механизм проявляется в том, что рост объема и активности объективированных форм в культуре и социальной жизни человека (что все больше указывает на возрастающую претензию этих форм на самодостаточность и самоценность) непосредственно породили, актуализировали и проблематизировали все, что связано с «живым», необъективируемым началом в бытии человека. Проблема соотношения живого, дорефлексивного, естественно синкретичного и различных форм его объективированных манифестаций неоднократно обозначалась в истории философии и гуманитарного знания. С тревогой о будущем человечества об этом писали, например, Э. Гуссерль (указывая на «жизненный мир» как дорефлексивный горизонт любой научной картины мира), Н.А. Бердяев (различая дух и его объективированные формы), О. Шпенглер (различая живую душу культуры и ее чувственно-ставшие выражения) и многие другие мыслители XX в. И это не случайно, поскольку именно в данное время развитие культуры осуществляется в контексте оппозиции сциентизма и антисциентизма как ценностно-мировоззренческих ориентаций. Их противостояние, весьма обострившееся в связи с ростом авторитета и значимости научно-технического потенциала человечества, привело в результате в настоящее время к сближению обеих позиций, осознанию необходимости выработки оптимального варианта их соотношения. «На философском уровне начинает обсуждаться проблема развития культуры как особой динамической системы, которая гибко реагирует на самые различные новообразования, включаемые в нее в качестве элементов. Культура в большей степени рассматривается как образование, интегрирующее в себе все достижения человечества, включая современные научно-технические, если они способствуют сохранению и развитию общечеловеческих ценностей и ориентиров» [18. С. 6–7].

Экогуманистический подход применительно к бытию человека в технико-технологизированном мире предполагает сохранение посредством активного воспроизводства живого начала в человеке, понимаемого как непосредственное сцепление в единство всех природных и социокультурных свойств человека, всякий раз воспроизводящееся в уникальной форме. Основные принципы экогуманистического подхода: принцип доминанты целого (целостности) по отношению к частям; оптимальности; координации и согласованности в со-существовании всех взаимодействующих частей и сторон на основе признания их самостоятельности и равнозначности. Все эти принципы созвучны основным характеристикам, специфике и смыслу действия компенсаторного механизма культуры. Можно сказать, что в действии компенсаторного механизма культуры экогуманистический подход

находит свое реальное воплощение как на практическом уровне, так и на теоретическом – в виде нового знания, экогуманистики¹. Экогуманистика и экогуманистический подход базируются на ряде философских оснований, в качестве которых выступают, в частности, идеи «человекомерности», целостности человека и его бытия; диалектика уникального и универсального, живого и овеществленного (при этом живое начало в человеке понимается в онтологическом и аксиологическом смыслах, а его сохранение – как возможное лишь через активное воспроизводство).

Экогуманистический подход выступает ответом компенсаторного характера вызовам технико-технологических трансформаций, своеобразной альтернативой технико-технологическому подходу. При этом экогуманистика не отменяет возможности использования технико-технологического подхода, тенденции технизации мира человека, но предполагает изменение в понимании места и роли техники и технологий в жизни человека. Техника в ее развитии рассматривается с точки зрения «мерок» человека, когда человек делает свой мир себе соразмерным, а не старается безоглядно соответствовать наличным шаблонам этого мира. Каковы бы ни были социально-экономические, политические, технико-технологические и прочие устремления, стратегии и возможности человечества, главное, чтобы всегда ориентиром при его перспективном развитии была установка на обеспечение живого начала, гарантия того, что оно будет сохранено через актуальное воспроизводство. Поскольку именно это живое начало в человеке задает границы его «человечности», того, что человек остается живым человеком.

Вместе с тем в контексте экогуманистического подхода компенсаторный механизм культуры не следует видеть исключительно в оптимистичном ключе. В силу своей универсальности этот механизм способен «обслуживать» потребности самого разного рода, в том числе и те, которые представляют естественные свойства человека в «превращенных» формах. Примером тому могут служить проявления компенсаторного механизма в пространстве утопического и явлениях эскапизма. Рассмотрим это несколько подробнее.

Прежде всего, следует очертить характерные признаки типической социокультурной ситуации, в которой закономерно появление компенсаторного эффекта. В качестве исходного обстоятельства выступает возникновение и, что важно, интенсивное переживание диссонанса между оценкой субъектом наличествующих состояний локуса его обитания и представлений о более гармоничном устройстве образа существования. Вторым обстоятельством является объективная невозможность прямого устранения диссонирующих факторов. Однако их действие вызывает эффект фрустрации, неустраивающий требующий восстановления оптимальных параметров ситуации. В связи с этим ищутся пути достижения консонанса между наличным бытием и субъективными интенциями к совершенству. В таких обстоятельствах органичным выходом служит формирование конструкций, альтернативных источникам диссонанса, в определенной

степени снимающих остроту действия диссонирующих факторов. Создателем подобных компенсативных артефактов может стать субъект любого масштаба – от отдельной личности до широкой общности, а формы воплощения компенсативных артефактов варьируют от «личных мифов» и эскапизма до «государственных» утопий и идеологием. Из этого следует органичность включенности утопического в сферу компенсаторных практик.

При всем разнообразии утопических проявлений (ухрония, дистопия, гетеротопия, праптопия, эупсихия, экотопия и пр.) утопию в самом общем виде можно понимать как устойчивое представление образа существования, невозможного в актуальном хронотопе. От произвольных мечтаний и грез любого рода утопия отличается тем, что порождается совокупностью объективных обстоятельств, существенно значимых для субъекта, обладает относительной полнотой структурно-содержательных характеристик и включает переживание надежд на вероятность осуществления. От реалистичных проектов утопию отличает отсутствие видения путей ее воплощения либо их неосуществимость в актуальном времени. Учитывая, что адекватная реализация утопических представлений на практике невозможна, утопия существует и действует именно за счет контраста между диссонансным наличным бытием и иллюзорно-убедительными образами желаемого (или, в случае антиутопии, отрицаемого) модуса существования. Такое сочетание неосуществимости в действительном хронотопе и реального эффекта переживаний содержания утопии делает ее действительной формой компенсации «несовершенств» наличествующего мира.

Как правило, функциональная значимость утопии обозначается в двух аспектах: критическом (негативизация существующих порядков) и проективном (идеализированные образы недостижимого в актуальном пространстве/времени «светлого будущего» или «светлого прошлого»). Компенсаторная функция утопии упоминается крайне редко и сводится в основном к тому, что «она компенсирует недовольство своей жизнью и существующим обществом, позволяя обрести в своих фантазиях то, что невозможно получить в реальной жизни» [19. С. 173]. Важным аспектом выступает также значение утопического в достраивании гештальта как антропологической целостности человеческой личности. В случае возникновения диссонанса во взаимодействии со средой завершение личностного (personality) гештальта становится проблематичным. Возникает травмирующая ситуация, в которой оптимальным выходом видится «утопическое творчество как способ мыслительного эксперимента и сотворения лучшего мира с идеальным общественным порядком», помогающее «завершить гештальт, обрести равновесие с обществом и целостность» [20. С. 232]. Называя подобный эффект терапевтическим, М.В. Митрохина вместе с тем уточняет, что механизм, обуславливающий интенсивную вовлеченность в утопическое творчество и существование в его ценностном пространстве, «остается неуточненным ввиду сложности данного вопроса» [20. С. 231]. Пред-

ставляется, что некоторые уточнения сделать все же можно. Действие утопического в представленной ситуации, скорее, следует охарактеризовать именно как компенсаторное, включающее своеобразную «терапию» как аспект, но не ограниченное только «мыслительным экспериментом».

Компенсаторный эффект утопии не сводится исключительно к пульсации ее образов в фантазии и воображении. Она способна давать проекции в реальное пространство, побуждая носителей утопических образов к практическим действиям. Понимание невозможности полного воплощения фантазийного конструкта порождает состояние фрустрации, которое «раскалывает» целостность личности или общности и требует изживания через действие, имеющее в основе тот же утопический ориентир. Разумеется, «предельное» утопическое совершенство принципиально недостижимо, но всегда остается возможность конструирования реальных локусов, иллюзорно аналогичных образам утопии, отчасти воспроизводящих ее черты и, что важно, позволяющих в них реально существовать и действовать. Одним из наиболее эффективных способов осуществления такой интенции выступает эскапизм.

Это явление чаще рассматривается как уход (бегство) в некие вымышленные миры в силу неудовлетворенности наличными свойствами бытия. Эскапизм представляется естественным, органично присущим человеку движением от состояния, где ему плохо, к состоянию, где ему хорошо [21. С. 132]. Связь эскапизма и утопии можно предельно кратко обозначить так: утопия выступает воображаемым, виртуальным объектом чаемого несбыточного; понимание несбыточности порождает эскапистские настроения и стремление к действиям, компенсирующим невозможность прямого достижения утопии. Таким образом, эскапизм воплощает движение к осуществлению утопии и существование в ее сконструированном подобии. В этом смысле важно подчеркнуть неточность оценки эскапизма как «капитуляции» перед несовершенной реальностью и его сведения к чисто мыслительному (фантазийному) эксперименту. Компенсативное значение эскапизма, несмотря на некоторую степень его утопичности, включает вполне реальные эффекты. Эмпирические исследования показывают: конструирование особых локусов в ходе эскапистского выхода за пределы привычной, но диссонансной для субъекта повседневности делает человека более «вооруженным» перед лицом этой «первичной» реальности, развивая у него системную рефлексию множества альтернативных возможностей и тем самым закладывая основу для совершенствования и самореализации [22. С. 46]. Причем этот путь не ограничивается рамками фантазии и воображения; эскапизм также включает опредмечивание в активных формах деятельности, образуя локусы реального существования.

К числу подобных проявлений следует отнести различные эксперименты по практическому воплощению эскапистски-утопических представлений, чему немало примеров в истории. Однако эти попытки бы-

ли частичными и малоуспешными, в том числе из-за принципиальной невозможности достижения идеала в непригодном для этого контексте безусловной реальности. Ситуация изменилась с возникновением виртуального пространства, продуцированного посредством электронных медиа. Помимо иных значений, это пространство оказалось «идеальным» местом размещения альтернативных версий реальности, воплощающих объективированные и определеннные образы желаемого существования. Они обладают высокой степенью иллюзорной достоверности, в их локусах можно активно и вариативно действовать. Тем самым утопические по сути конструкции, позволяя уйти от острых коллизий непосредственного бытия, не просто переживаются, но действительно проживаются: виртуальная реальность «становится настоящим “здесь и сейчас” живущих людей» [23. С. 69]. Более того, в подобных условиях действие компенсаторного механизма меняет траекторию: компенсация переходит в замещение. Возникает парадоксальная ситуация взаимосмещения модусов реальности: яркость, убедительность виртуальных образов и возможность действовать в их рамках приводят к восприятию реальной действительности как «рудиментарной формы существования» [23. С. 71], служащей, по сути, неполноценным дополнением более совершенного виртуального мира. Это сконструированное пространство позволяет, казалось бы, смоделировать любое надежное, безопасное убежище от дисгармонии «натурального» бытия, дает возможность обитания и действия, приносит чувство настоящего удовлетворения от жизни, наполняя ее смыслом. Особую остроту таким переживаниям придает то, что человек в виртуальном мире, по выражению О.Н. Новиковой, «изначально уже включен в атмосферу карнавальности, интриги и авантюры» [24. С. 46].

Таким образом, интенсивность реальных переживаний существования в виртуальных мирах порождает то самое «приключение», компенсирующее рутинную повседневность, о котором писал Г. Зиммель: «Приключение отличает радикализм, посредством которого оно ощущается как напряжение жизни <...> переживание превращается в приключение, когда количество этих напряжений достаточно велико, чтобы, минуя материю, вырвать жизнь из обычных рамок» [25. С. 199]. Написанные в 1911 г., слова Г. Зиммеля как нельзя более точно характеризуют ситуацию происходящего в виртуальном пространстве: оно, «минуя материю» безусловной действительности, вырывает человека из ее течения, взамен даруя совершенно реальное «приключенческое» переживание бытия в сконструированном мире. Эффект подлинности и действительности виртуального утопизма обеспечивает игровой характер происходящего. Разумеется, предмет игры условно-утопичен, однако игровые аксесуары и сама включенность в процесс игры, несомненно, реальны. В безусловно реальной действительности игровое воплощение утопии может найти только в сугубо кратковременном локусе, например в форме упомянутой выше карнавальности. Отмечая в карнавале слитность утопии с реальной жизнью,

М.М. Бахтин вместе с тем подчеркивает временную ограниченность этого: разыгрывая «другую свободную (вольную) форму своего осуществления, свое возрождение и обновление на лучших началах <...> Идеально-утопическое и реальное временно сливались в этом единственном в своем роде карнавальном мироощущении» [26. С. 12, 15–16]. В отличие от этого воплощение «карнавала утопии» в виртуальном пространстве происходит по произвольному желанию игрока-пользователя в любое время. Причем происходящее обладает такой убедительностью, что порождает причудливую ситуацию, в которой «мультимедийная, сетевая жизнь становится для многих той главной “реальностью”, от которой мы стремимся сбежать» [21. С. 132]. Таким образом, компенсирующий эскапизм, сделав круг, меняет направление движения «от реальности к виртуальности» на обратное, например, в форме цифрового детокса.

Причудливым образом утопическая компенсативность претворяется в явлении ressentiment. Фридрих Ницше видел его основу в остром переживании чувства своей недостаточности, неполноценности, ущербности. Не в силах изменить ситуацию в действительности, человек находит компенсацию в формировании образа внешнего «врага», который и виновен во всех бедах и неудачах. К «врагу» обращены чувства обиды, злости, зависти и жажды мести. В стремлении избавиться от собственной ответственности за неполноценность, человек неизбежно использует компенсирующую функцию утопии: создает «антиутопию врага», а исходя из нее – и «утопию Себя». Оценивающий ressentiment резко критично, Ф. Ницше, называющий его «моралью рабов», тем не менее находит в такой компенсирующей утопичности и творческие аспекты. В работе «К генеалогии морали» он пишет: «Представьте же теперь себе “врага”, каким измышляет его человек ressentiment, – вот где его деяние, его творчество: он сочинил “злого врага”, “злого” как раз в качестве основного понятия, уже исходя из которого в качестве копии и антипода он выдумывает и “доброе” – самого себя!» [27. С. 256]. Следует отметить, что острие критики Ф. Ницше было направлено прежде всего против установок христианства, культивирующих, по его мнению, «рабскую мораль». В то же время несомненно, что ressentiment – явление гораздо более масштабное, проявляющееся в самых разных сферах и ситуациях. Продолжение исследований показывает его своеобразную амбивалентность, заключающуюся в способности компенсировать исходную негативную энергию ressentiment через своего рода сублимацию. Причем к

такому выводу приходят представители разных научных дисциплин. Так, австралийский исследователь проблем виктимности Ребекка Стрингер видит в ressentimentе неизбежную и потенциально положительную силу [28. Р. 267], американский философ Майкл Боулз призывает искать способы использования потенциальной энергии этого явления, отмечая, что «эксплуатация человеческого ressentiment – это своего рода искусство» [29. Р. 15].

Достаточно полно такой эффект «вторичной компенсации» раскрывает американский религиовед Грейсон Хант. Не снимая негативных оценочных аспектов, он тем не менее акцентирует потенциал ressentiment в качестве ценного и важного ресурса для борьбы с репрессивными моральными и религиозными нормами, расширяющего в этом смысле возможности субъекта [30. Р. 118–119]. Особого внимания заслуживает суждение Г. Ханта о выражении ressentiment через смех, дающий возможность «специфичного выплеска для тех, кто устал от массовой психологии серьезности и внутренней жестокости» [30. Р. 142]. Представляется, что эта мысль обнаруживает связь с концепцией карнавального смеха М.М. Бахтина, смеха амбивалентного, одновременно уничижительного и созидательного, внутренне содержащего утопический посыл, когда «народно-площадное смеющееся лицо его глядело в будущее и смеялось на похоронах прошлого и настоящего» [26. С. 94].

Проявления компенсаторного механизма в утопии, эскапизме и ressentimentе представляют только некоторые штрихи его универсальной значимости. Тем не менее, обобщая результаты анализа и других ситуаций его воплощения, можно полагать симптоматичной качественную направленность его действительности: при всей вариативности проявлений компенсаторный механизм культуры означает целенаправленное или спонтанное движение субъекта от переживания дискомфорта, диссонанса, дисбаланса, эксклюзии, фрустрации к достижению уравновешенности, созвучия, упорядоченности, гармоничности, оптимальной полноценности бытия. Даже если компенсативный эффект достигается посредством формирования иллюзорных конструкций, действительность компенсаторного механизма обеспечивается в соответствии со знаменитой «теоремой Томаса»: если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям. Тем более это справедливо по отношению к безусловно реальным ситуациям, в которых компенсаторный механизм способен выполнить терапевтическую функцию восстановления оптимального модуса человеческого существования.

Примечание

¹ Термин «экогуманистика» предложен отечественным и американским философом, филологом и культурологом М.Н. Эпштейном. В эпштейновском понимании в основе экогуманистики лежит подход к человеку как «рудименту» полудикой стадии развития разума, выпадающему «в осадок» и выходящему за пределы «сохраняемости» виду. В нашем же понимании экогуманистика предстает как экология бытия человека: экология бытийных, сущностных характеристик человека и всех видов его отношения к миру.

Список источников

1. Виндж В. Сингулярность / пер. В.А. Гришечкин, М.Б. Левин. М. : АСТ, 2019. 224 с.
2. Назаретян А.П. Нелинейное будущее: Сингулярность XXI в. как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2 (16). С. 18–34.
3. Юлковски Э. Вглядываясь в Сингулярность. URL: <https://proza.ru/2007/07/08-42> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (дата обращения: 25.09.2021).

5. Доброхотов А.Л. Механизмы культуры // Телеология культуры. М. : Прогресс-Традиция, 2016. URL: <https://www.livelib.ru/book/133559/readpart-teleologiya-kultury-aleksandr-dobrohotov/~16> (дата обращения: 26.09.2021).
6. Румянцева М.В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 32 с.
7. Тарасов А.Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 26–29.
8. Дыдров А.А., Невелева В.С. Антропология инноваций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Культура. 2019. № 48. С. 35–48.
9. Астафьева О.Н., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Культурология. Теория культуры : учеб. пособ. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 487 с.
10. Доброхотов А.Л. Универсальные механизмы культуры. М. : МАКС Пресс, 2004. 63 с.
11. Корель Л.В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185.
12. Найдорф М.И. Введение в теорию культуры. Основные понятия культурологии. Одесса : Друк, 2005. 192 с.
13. Тарасов А.Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 26–29.
14. Соколов С.С., Цукерман В.С. Компенсаторный механизм культуры: заметки на полях работы А.Я. Флиера // Вестник культуры и искусств. 2021. №1 (65). С. 53–63.
15. Глухов П.П., Попов А.А., Аверков М.С. Контуры нового антропологического проекта образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 45–54.
16. Невелева В.С., Соломко Д.В. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления // Вестник Пермского университета. 2020. № 2. С. 181–191.
17. Луков В.А. Экология культуры и тезаурусная трактовка будущего // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 3–11.
18. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М. : Гуманитарий, 1997. 254 с.
19. Заладина М.В. Специфика утопии как феномена сознания и культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4. С. 167–174.
20. Митрохина М.В. Утопическое творчество как способ завершения гештальта // Утопические проекты в истории культуры : сб. матер. всерос. науч. конф. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2017. С. 231–234.
21. Труфанова Е.О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1 (21). С. 125–134.
22. Беловол Е.В., Кардапольцева Е.В. Эскапизм «хороший» и эскапизм «плохой»: эмпирическая верификация модели // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4 (45). С. 38–48.
23. Лешкевич Т.Г., Катаева О.В. Виртуализация жизненного мира: к контурам новой парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 69–76.
24. Новикова О.Н. Игроизация культуры постмодерна и современные практики эскапизма // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология. 2016. № 8 (390). С. 45–51.
25. Зиммель Г. Приключение // Избранное. Созерцание жизни. 2-е изд. / сост. С.Я. Левит. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 187–199.
26. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.
27. Ницше Ф. К генеалогии морали / пер. К. Васильева // Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 229–382.
28. Stringer R.A. Nietzschean Breed: Feminism, Victimology, Ressentiment // Why Nietzsche Still?: Reflections on Drama, Culture, and Politics / ed. by A.D. Schrift. Berkeley : U of California P, 2000. P. 247–273.
29. Bowles M.J. The Practice of meaning in Nietzsche and Wittgenstein // Journal of Nietzsche Studies. 2003. Vol. 26, № 1. P. 12–24.
30. Hunt G. Redeeming Resentment: Nietzsche's Affirmative Riposte // American Dialectic. 2013. Vol. 3, № 2/3. P. 118–147.

References

1. Vinge, V. (2019) *Singulyarnost'* [The Coming Technological Singularity]. Translated from English by V.A. Grishechkin, M.B. Levin. Moscow: AST.
2. Nazaretyan, A.P. (2015) Nelineynoe budushchee: Singulyarnost' XXI v. kak element megaistorii [Nonlinear Future: The Singularity of the 21st Century. as an element of megahistory]. *Vek globalizatsii*. 2 (16). pp. 18–34.
3. Yudkovski, E. (2007) *Vglyadyvayas' v Singulyarnost'* [Looking into the Singularity]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2007/07/08-42> (Accessed: 25.09.2021).
4. Heidegger, M. (2021) *Vopros o tekhnike* [The Question Concerning Technology]. Translated from German. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (Accessed: 25.09.2021).
5. Dobrokhoto, A.L. (2016) Mekhanizmy kul'tury [Mechanisms of culture]. In: *Teleologiya kul'tury* [Teleology of culture]. Moscow: Progress-Traditsiya. [Online] Available from: <https://www.livelib.ru/book/133559/readpart-teleologiya-kultury-aleksandr-dobrohotov/~16> (Accessed: 26.09.2021).
6. Rumyantseva, M.V. (2014) *Kompensatornaya teoriya v rabotakh Germana Lyubbe i Odo Markvarda* [Compensatory theory in works by Hermann Lubbe and by Odo Marquard]. Moscow: HSE.
7. Tarasov, A.N. (2016) Mekhanizmy dinamiki kul'tury v protsesse sotsiokul'turnoy transformatsii [Mechanisms of culture dynamics in socio-cultural transformation]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. pp. 26–29.
8. Dydrov, A.A. & Neveleva, V.S. (2019) The Anthropology of Innovations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 48. pp. 35–48. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/48/4
9. Astaf'eva, O.N., Grushevitskaya, T.G. & Sadokhin, A.P. (2012) *Kul'turologiya. Teoriya kul'tury: ucheb. posob.* [Culturology. Theory of culture: textbook]. 3rd ed. Moscow: YUNITI-DANA.
10. Dobrokhoto, A.L. (2004) *Universal'nye mekhanizmy kul'tury* [Universal mechanisms of culture]. Moscow: MAKS Press.
11. Korel', L.V. (2007) Arkhitektonika adaptivnykh mekhanizmov sotsial'nykh sistem: sotsiologicheskii diskurs [Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 1. pp. 169–185.
12. Naydorf, M.I. (2005) *Vvedenie v teoriyu kul'tury. Osnovnye ponyatiya kul'turologii* [Introduction to the theory of culture. Basic concepts of cultural studies]. Odessa: Druk.
13. Tarasov, A.N. (2016) Mekhanizmy dinamiki kul'tury v protsesse sotsiokul'turnoy transformatsii [Mechanisms of culture dynamics in socio-cultural transformation]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 5. pp. 26–29.

14. Sokovikov, S.S. & Tsukerman, V.S. (2021) Kompensatornyy mekhanizm kul'tury: zametki na polyakh raboty A.Ya. Fliera [The compensatory mechanism of culture: notes on the margins of A.Ya. Flier's works]. *Vestnik kul'tury i iskusstv.* 1 (65). pp. 53–63.
15. Glukhov, P.P., Popov, A.A. & Averkov, M.S. (2021) Outlines of a New Anthropological Education Project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 61. pp. 45–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/60/5
16. Neveleva, V.S. & Solomko, D.V. (2020) Chelovek i tekhnizirovanny mir: ekologicheskiy vektor filosofskogo osmysleniya [Man and the technized world: an ecological vector of philosophical reflection]. *Vestnik Permskogo universiteta.* 2. pp. 181–191.
17. Lukov, V.A. (2017) Ekologiya kul'tury i tezaurusnaya traktovka budushchego [Ecology of culture and thesaurus interpretation of the future]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya.* 3. pp. 3–11.
18. Mironov, V.V. (1997) *Obrazy nauki v sovremennoy kul'ture i filosofii* [Images of science in modern culture and philosophy]. Moscow: Gumanitarniy.
19. Zaladina, M.V. (2009) Spetsifika utopii kak fenomena soznaniya i kul'tury [The specifics of utopia as a phenomenon of consciousness and culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki.* 4. pp. 167–174.
20. Mitrokhina, M.V. (2017) [Utopian creativity as a way to complete the gestalt]. *Utopicheskie proekty v istorii kul'tury* [Utopian projects in the history of culture]. Conference Proceedings. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya. pp. 231–234. (In Russian).
21. Trufanova, E.O. (2021) Eskapizm: mezhdru prirodoy i kul'turoy [Escapism: between nature and culture]. *Vestnik SAFU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 1 (21). pp. 125–134.
22. Belovol, E.V. & Kardapol'tseva, E.V. (2018) Eskapizm “khoroshiy” i eskapizm “plokhoi”: empiricheskaya verifikatsiya modeli [“Good” and “bad” escapism: empirical verification of the model]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya.* 4 (45). pp. 38–48.
23. Leshkevich, T.G. & Kataeva, O.V. Virtualization of the Lifeworld: To the Contours of a New Paradigm. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 460. pp. 69–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/460/8
24. Novikova, O.N. (2016) Igroizatsiya kul'tury postmoderna i sovremennye praktiki eskapizma [Gamification of postmodern culture and modern practices of escapism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya.* 8 (390). pp. 45–51.
25. Simmel, G. (2017) Prikluchenie [The Adventure]. In: *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Selected works. The view of life.]. Translated from German. 2nd ed. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 187–199.
26. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and his world]. Moscow: Khudozh. lit.
27. Nietzsche, F. (2012) K genealogii morali [On the genealogy of morality]. Translated from German by K. Svas'yan. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 volumes]. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 229–382.
28. Stringer, R.A. (2000) Nietzschean Breed: Feminism, Victimology, Ressentiment. In: Schiffrin, A.D. (ed.) *Why Nietzsche Still?: Reflections on Drama, Culture, and Politics.* Berkeley: U of California P. pp. 247–273.
29. Bowles, M.J. (2003) The Practice of meaning in Nietzsche and Wittgenstein. *Journal of Nietzsche Studies.* 26 (1). pp. 12–24.
30. Hunt, G. (2013) Redeeming Resentment: Nietzsche's Affirmative Riposte. *American Dialectic.* 3 (2/3). pp. 118–147.

Информация об авторах:

Соломко Д.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: dimiurg85@mail.ru

Соковиков С.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: sokovik49@mail.ru

Невелева В.С. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры (Челябинск, Россия). E-mail: vsneveleva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Solomko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, South Ural State University (national research university) (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: dimiurg85@mail.ru

S.S. Sokovikov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sokovik49@mail.ru

V.S. Neveleva, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Chelyabinsk State Institute of Culture, (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vsneveleva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 24.10.2021;
approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 123
doi: 10.17223/15617793/480/7

Снятие проблемы совместимости детерменизма со свободой воли

Виталий Владимирович Шишкин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, g89069583825@gmail.com

Аннотация. Автор ставит вопрос о резонности отказа использования термина «свобода воли» в силу его чрезмерной многозначности, вплоть до противоречивости понятий, выражаемых этим терминем. Представлены четыре значения термина свободы воли, такие как сила воли, гибкость мышления, спонтанность воли и волеизъявление агента. Предлагается снять противоречие между свободой воли и детерминизмом, противопоставив антиценную спонтанность воли детерминизму, и описать свободу агента через силу и гибкость мышления, не противоречащие детерминизму.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, сила воли, гибкость мышления, спонтанность воли, свобода агента

Для цитирования: Шишкин В.В. Снятие проблемы совместимости детерменизма со свободой воли // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 57–62. doi: 10.17223/15617793/480/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/7

Determinism and free will: Removing the problem of compatibility

Vitaliy V. Shishkin¹

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, g89069583825@gmail.com

Abstract. This article is an attempt to question the very correctness of the term *free will*. The problem of the compatibility of determinism with free will is indicated, which seems to be valuable. Further, it is proposed to clarify the term *free will*, and not the term *determinism*, for it is the belief in free will that is being tried to preserve, since it is considered valuable. The author points out that what makes free will valuable is the responsibility for the past and the control of the future. It is assumed that a free person controls the future and is responsible for the past. The question is whether the term *free will* is not superfluous when we can speak about the freedom of the agent, and whether, in principle, will can have the property of being free. The author argues that freedom is an anthropological concept that is not applicable to will. The article provides evidence that the freedom of a person is not to do as one pleases, but to act precisely on the basis of one's motives, even those that one shares with society as its member, even those that are generated by rational thinking. Three meanings of the term *will* are considered, namely, will as a proper synonym for freedom with a different connotation, as a complex of motives, and as a function of higher nervous activity. Focusing on the last two, the author compares the power of will in the meaning of the function of the higher nervous activity with such a condition of freedom as the ability to be the source of one's actions. Flexibility of will in the meaning of a complex of motives compares such a condition of freedom as the ability to do otherwise. The author also points out the possible significance of free will as the spontaneity of will and emphasizes its anti-value. He proposes to abandon the use of the term *free will* and to replace it with the term *internal freedom of the agent*, and, in relation to will, to apply such descriptions as strength or flexibility, depending on the meaning of the term used: in the meaning of the function of higher nervous activity or in the meaning of a complex of motives. Finally, the author points to the fact that determinism is a condition of the agent's freedom. The author criticizes semi-deterministic concepts as a way to try on responsibility with indeterministic episodes generated by the spontaneity of will. The author considers two semi-deterministic concepts: where the causality gap occurs after the decision is made, but only in a certain percentage of cases the action is carried out, and where the causality gap occurs before the decision is made, but only when the opposite motives are equal. The author, arguing that the spontaneity of will is anti-valuable, sees no point in such a reconciliation, and even sees harm, since, in the author's opinion, it is determinism that gives the agent of freedom more freedom, and therefore more responsibility.

Keywords: free will, determinism, willpower, flexibility of thinking, spontaneity of will, agent's freedom

For citation: Shishkin, V.V. (2022) Determinism and free will: Removing the problem of compatibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 57–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/7

Введение

В традиции аналитической философии рассматривается вопрос о совместимости свободы воли с какой-либо метафизической доктриной. Преимущественно ведутся споры о совместимости свободы воли с детерминизмом, поскольку детерминизм является наиболее интуитивной доктриной и большинство принимают именно ее. По большому счету, больше речь идет о совместимости детерминизма со свободой воли, нежели свободы воли с детерминизмом; поскольку мы хотим сохранить веру в свободу воли, она кажется несовместимой с детерминизмом, который является условием любого действия и познания. И если мы не хотим перейти к отрицанию свободы воли, как это делает Дерк Перебум, Даниэл Вегнер или Гален Стросон, если мы не хотим перейти к отрицанию детерминизма, как это делает Роберт Кейн, нам следует уточнить значение либо термина «детерминизм», либо термина «свобода воли». Некоторые могут попытаться уточнить детерминизм, как это делает, например, Бернард Беровски [1], но это не наш путь. Наш путь – уточнить понятие свободы воли. Мнения, что нужно уточнить именно понятие «свобода воли», также придерживаются такие философы, как, например, Дэниел Деннет или Джон Фишер. Инкомпатибилистов не устраивает компатибилистические уточнения понятия «свобода воли» на том основании, что компатибилисты говорят о чем угодно, только не о свободе воли, когда пытаются ее уточнить. Но может, сами инкомпатибилисты неверно трактуют свободу воли? Неясно. Таким образом, термин «свобода воли» является неоднозначным и выражает разные понятия, указывающие на разные явления. В связи с этим корректней поставить вначале вопрос не о совместимости, а об определении свободы воли. Примечательно, что Роберт Кейн приходит к выводу о неоднозначности термина свобода. «При подробном рассмотрении вопроса осмысленности выяснилось, что “свобода” – многозначный термин: некоторые из значений могут указывать на виды свободы, совместимые с детерминизмом, некоторые – на несовместимые с ним» [2. С. 150–151]. Среди всевозможных свобод, например, таких как свобода от насилия, свобода от принуждения, свобода от политического давления, он выделяет свободу воли, говоря о ее особом положении. Однако перечисление Кейном видов свободы не говорит в действительности о многозначности термина «свобода». У всех перечисленных им видов свободы имеются общие характеристики, которые характеризуют свободу как таковую. В данной же статье утверждается именно о многозначности, и не свободы вообще, а именно свободы воли. В первую очередь стоит отметить, что свобода воли всегда определяется как нечто ценное. Ценным свободу воли делает такая категория, как свобода. Свободен может быть человек. И если он свободен, то он имеет контроль над будущим и несет ответственность за прошлое. Но применима ли категория свободы к понятию «воля». Чтобы ответить на этот вопрос, вначале стоит ответить на вопрос, что есть свобода, и на вопрос, что есть воля.

Свобода

Понятие «свобода» не тождественно более абстрактному понятию «независимость» или понятию «необусловленность». Свобода – антропологическая категория, присущая человеческому существу или, выражаясь более абстрактным языком, агенту действия, или просто агенту. И как уже было отмечено, отягощено аксиологически, в отличие от независимости или необусловленности. Корни русского слова «свобода» уходят, как утверждает А.Д. Шмелёв, к слову «свой»: «...слово свобода этимологически связано со словом свой...» [3. С. 683]. Также А.Д. Шмелёв пишет «Свобода не предполагает возможности делать все, что заблагорассудится; невозможность выйти за пределы общепринятых норм не воспринимается как несвобода» [3. С. 684]. А это значит, что свободный человек может действовать и действует сообразно правилам, ценностям своей общины, своего рода, не находясь в подчинении у другого народа. У древних греков свободным человеком считался тот, кто руководствуется в своей деятельности высшими мотивами супротив низшим. Древний грек тоже отождествлял себя с общиной, но при этом свобода преимущественно понималась как следование рациональному началу. «Свобода человека подчинена первооснове, и в это же самое время при стремлении к истине, постижении первосущности человек достигает “абсолютной” свободы» [4. С. 79]. Можно утверждать, что человек, руководствуясь высшими мотивами, следуя рациональному началу, не будет действовать против общества, против других членов общества, даже если он не отождествляет себя с этим обществом в той степени, как это делает человек более традиционных коллективистских взглядов, поскольку он будет осознавать невыгодность такого поведения для себя самого. Рациональность кооперативного поведения можно увидеть, например, в классической ресурсной дилемме Гарриета Хардина «Трагедия общин», где показано, что стремление обогатиться больше других за счет ресурсов общего пользования может привести к краху всего сообщества [5. Р. 1244]. Соответственно, применяя данное понятие к индивидуалистическому обществу, это не что иное, как возможность действовать по своей воле, в соответствии со своими желаниями.

Когда мы говорим про свободу в аксиологическом контексте, нельзя не упомянуть Эриха Фромма, который обличает фетишизм в отношении свободы, деля свободу на «свободу от» и «свободу для». «Многие из тех же молодых людей <...> так и не поднялись со ступени свободы от на ступень свободы для; они просто протестовали, не пытаясь даже найти ту цель, к которой нужно двигаться, и желая только освободиться от всякого рода ограничений и зависимостей» [6. С. 47]. Можно сказать, что свобода не является самоценной, подобно тому как денежная масса не имеет ценности без продукта, на который ее можно поменять. Конечно же, «свободу для» не стоит понимать как свободу, не являющуюся «свободой от» в онтологическом смысле – любая свобода в онтологи-

ческом смысле есть свобода от чего-то, в противном случае мы имеем дело либо со способностью, либо с возможностью. Таким образом, свобода всегда от чего-то благодаря чему-то – благодаря нашим желаниям. А свобода, что порождена единственным желанием быть свободным, абсурдна, но это между прочим. Что важнее – прояснив понятие «свобода», прояснить понятие «воля» и определить, можно ли применить по отношению к воли дескрипцию «свободная»?

Воля

Термин «воля», как и термин «свобода воли», является неоднозначным. Термины выражают разные понятия, указывающие на разные явления. «Как известно, слово воля восходит к общеиндоевропейскому корню со значением ‘желание’. В древности оно предполагало, среди прочего, возможность поступать в соответствии со своими желаниями, не считаясь с установившимся порядком, и противопоставлялось миру, предполагавшему гармонию, согласие и порядок – иными словами, мир и лад» [3. С. 678]. Очевидно, что сейчас термин «воля» с проникновением философского и психологического дискурсов в дискурс обыденности, уже не выступает как радикальный аналог термина «свобода». Однако по-прежнему термин «воля» связан с таким понятием, как желание. Можно выделить еще два значения этого термина. Одно из этих понятий есть воля как нечто, что противопоставляется внешнему по отношению к агенту. Говорят «я поступил по своей воле», что значит – поступил в соответствии со своими желаниями, своими мотивами, своими ценностями. То есть термин «воля» может использоваться именно в этом значении, в значении всей этой системы ценностей, мотивов и желаний. Именно системы, а не одного мотива или совокупности. Очевидно, что у агента может быть множество желаний. Воля же, в этом значении, предполагает некоторое единство этого множества. Почему это именно система, а не совокупность? Агент может желать **A** и не делать **A**, поскольку для него может быть ценен **B** или он может желать **B**, ценность или желание которого перевешивает желание **A**. Однако в дальнейшем мы не будем использовать термин «воля» в данном значении, как и в значении «свобода». Мы будем использовать термин в принятом в современной науке и философии смысле, а именно воля как функция вышей нервной деятельности. Она не является ни совокупностью, ни системой желаний, мотивов и ценностей, а организует эту конфликтующую совокупность в систему.

Автономия как сила воли

Что же мы будем иметь ввиду, если скажем, что воля свободна? Быть свободным, как нам уже удалось прояснить, это иметь возможность реализовать свой интерес, свое желание, не будучи подверженным факторам, препятствующим этой реализации. Может быть, можно сказать по отношению к воле, что она свободна, если обусловлена только внутренними по

отношению к агенту факторами, т.е. самой же мотивационной системой. В данном случае будет реализовываться один из двух традиционно выделяемых условий свободы воли – условие источника, или, как его еще называют, принцип автономии. «Два ключевых условия свободы – условие альтернативных возможностей (свободный агент должен быть способен поступить иначе) и условие источника (действие свободного агента не должно быть детерминировано неподконтрольными ему факторами) – выдвинуты на передний план именно постольку, поскольку оба они плохо совместимы с идеей о предопределении прошлым и законами природы, по крайней мере на первый взгляд» [7. С. 38]. Что касается принципа автономии как условия свободы воли или, в нашем случае, свободы агента, этот принцип плохо совместим с детерминизмом лишь на первый взгляд. Существует так называемый аргумент последствий. «Если действия людей <...> детерминированы давними событиями, то люди не несут за них моральной ответственности» [8. С. 180]. Действительно, как человек может нести ответственность за то, причина чего имела место быть задолго до его появления и он не мог выступить причиной по отношению к ней. Но это не значит, что человек, не будучи ответственным абсолютно, не может быть ответственным относительно чего-то или кого-то. Во всяком случае, в аргументе последствий речь идет именно об угрозе ответственности, а не о свободе воли или свободе агента. Ведь свобода предполагает определенную причинность. Хотя нам и может казаться иначе, как отмечает Юм: «Мы чувствуем, что в большинстве случаев наши действия подчинены нашей воле, и воображаем, будто чувствуем, что сама воля не подчинена ничему» [9. С. 43].

Все же мы не можем применить категорию «свобода» к понятию «воля». В отношении воли корректно говорить о ее силе или гибкости, но не о свободе, поскольку это функция, а не динамическая активная сущность, которая может действовать сообразно чему-то, вопреки чему-то, это не агент. В случае когда воля обусловлена самой мотивационной системой, можно говорить об автономии, которая является хоть и не достаточным, но необходимым условием свободы агента.

Если воля достаточно сильна, чтобы агент был способен удерживать свое намерение вопреки факторам, как внутренним, так и внешним, оказывающим влияние на его действия не в пользу намерения, то может возникнуть соблазн сказать, что воля свободна от этих факторов. Однако, опять же, корректней было бы сказать, что агент свободен от факторов благодаря воле, благодаря ее силе.

Таким образом, может происходить некорректный перенос значения с термина «свобода агента» на сконструированный этим переносом термин «свобода воли». И вместо того чтобы, мысля свободу агента, говорить «свобода агента», мы говорим «свобода воли». Так же возможен и перенос значения термина «сила воли» на термин «свобода воли», когда, говоря «свобода воли», мы подразумеваем силу воли.

Что касается силы воли, отметим, что она является ценной, поскольку выступает условием свободы агента и, как следствие, ответственности. Как пишет Д.Б. Волков, рассматривая судебную практику, «от ответственности стали освобождаться люди, действующие по “непреодолимому импульсу”» [10. С. 133]. То есть если у агента воля слаба и, как следствие, при наличии у агента желания **A** и ценности **B**, перевешивающей желание **A**, агент все равно совершает действие, направленное на достижение **A**; хотя это и не в его интересах в долгосрочной перспективе, агент не может считаться свободным и ответственным. Сила воли – по сути, это и есть то самое условие свободы воли в значении свободы агента, традиционно называемого автономией.

Альтернативные возможности как гибкость мышления

Как мы выяснили, в отношении воли корректнее будет говорить лишь об обусловленности и необусловленности теми или иными факторами. Но может ли воля быть не обусловленной никакими факторами, чтобы можно было, говоря «воля не обусловлена», не считать это высказывание неполным, требующим уточнения, чем именно она не обусловлена? И будет ли такая необусловленность воли ценна? Если мы принимаем детерминизм, то воля обязательно чем-то да обусловлена. Например, как уже было сказано, воля может быть обусловлена внутренними факторами и не обусловлена внешними.

Однако мы можем все же отказаться от детерминизма и сказать, что воля все же может быть не обусловлена никакими факторами. То есть что она спонтанна в любой момент времени, что она не зависит от предыдущего состояния мира, в том числе и от прошлого состояния агента, и поэтому она может быть какой угодно. Агент в таком случае может поступить как угодно, и вариант возможного будущего, таким образом, не сводится к единственному.

Также мы можем поступить не столь радикально – мы можем обратиться к статистическому, или, как его еще называют, адекватному, детерминизму, сказав, что каузальные связи в макром мире обусловлены нивелированием разнонаправленных случайностей на микроуровне. Если мы признаем такой детерминизм, хотя, скорее, его можно отнести к разновидности индетерминизма, то появляется вероятность возникновения в некоторые моменты времени спонтанной, ничем не обусловленной воли: «Адекватный детерминизм – это все, что нужно детерминистам, чтобы признать свободу воли» [11. С. 247].

Однако даже если будет место случайности, то нельзя говорить о полной необусловленности воли, поскольку функция, а воля – это, как мы уже обозначили, функция, не может быть необусловленной – она, по определению, чем-то да обусловлена, пусть даже случайностью. И такая обусловленность воли случайностью не будет ценна, напротив, она будет анти-ценной. Человек в такой ситуации не будет более свободным. Напротив, агент потеряет свою сво-

боду, поскольку будет нарушен принцип автономии, поведение агента будет подчинено случайности. «Представьте себе робота, выбирающего имеющиеся у него варианты действий на основе таблицы случайных чисел. Его действия будут совершенно непредсказуемы, но можно ли их назвать свободными? Нет, ведь эти действия строго детерминированы таблицей случайных чисел» [12. С. 736].

По всей видимости, именно спонтанность воли имеют ввиду инкомпатибилисты, когда говорят «свобода воли», поскольку они обращают наше внимание на отсутствие при детерминизме возможности поступить иначе. А ведь принцип альтернативных возможностей, который подразумевает возможность поступить иначе, считается условием свободы воли.

На этом можно было бы поставить точку, заключив, что есть сила воли и принцип автономии при детерминизме, выступающие условием свободы агента, а есть индетерминизм с принципом альтернативных возможностей, который выступает условием спонтанности воли, которая ошибочно признается ценной инкомпатибилистами. Можно было бы заключить, что эти два принципа противоречат друг другу и считаются взаимодополняющими лишь потому, что свобода агента и спонтанность воли называется одним термином – свобода воли. Однако принцип альтернативных возможностей имеет и другую интерпретацию – детерминистическую. Принцип альтернативных возможностей в детерминистической интерпретации тоже важен для свободы агента, он также является условием свободы агента.

Принцип альтернативных возможностей, как уже было сказано выше, иногда называют способностью поступить иначе. Такое название принципа позволяет лучше продемонстрировать детерминистическую интерпретацию этого принципа. «Можно разделить два понимания способности поступить иначе – метафизическое и нормальное. Метафизическое понимание способности поступить иначе акцентирует внимание на требовании к устройству мира <...> Нормальное понимание акцентирует внимание на том смысле, который обычно вкладывается людьми в предложения типа “X мог поступить иначе”» [7. С. 24]. Нормальное понимание поступить иначе выражается фразой, предложенной Муром, «X мог поступить иначе, если бы захотел» или фразой «X может поступить иначе, если захочет». По сути, возможность поступить иначе – это не что иное, как возможность изменить свою модель поведения при обнаружении новых фактов. В этом заключается гибкость мышления. Если агент получает новую информацию о мире, то его желания изменяются и он может поступить иным образом. Принцип альтернативных возможностей как способность поступить иначе в нормальном смысле или гибкость мышления вполне совместимы с детерминизмом, поскольку они не требуют от воли или от желаний спонтанности.

Важно отметить, что гибкость мышления совместима также и с силой воли. Сила воли представляет ценность, только если она реализует актуальные мотивы. Гибкость мышления позволяет реализовывать

именно актуальные мотивы, а сила воли – доводить реализацию до логического завершения, если мотивы остаются актуальными.

Итак, подобно тому как переносится значение термина «сила воли» на термин «свобода воли», может переноситься значение с термина «гибкость мышления» через возможность поступить иначе на термин «свобода воли». Или, думая о свободе агента, порожденной гибкостью мышления, мы можем вместо того, чтобы говорить свобода агента, говорить свобода воли.

Ценность детерменизма как условия свободы агента

Справедливости ради стоит отметить, что свобода агента может быть совместима с умеренной спонтанностью воли. Конечно же, свобода агента не будет совместима с крайней противоположностью детерменизма – с абсолютным индетерменизмом. Рассматривать абсолютный индетерменизм не имеет смысла, поскольку в случае его истинности все комбинации положения дел в мире совершенно случайны, нет ничего надежного и любое действие становится бессмысленным, а если мы рассуждаем, а рассуждение это разновидность действия, значит, мы все же исходим из истинности детерминированности мира, хоть абсолютной, хоть частичной. В случае частичной детерминированности и, как следствие, частичной индетерминированности мира есть различные варианты соотношения свободы агента и спонтанности воли. При некоторых видах индетерменизма свобода агента все же может иметь место. Например, возникает разрыв причинности, происходит свободный выбор, после чего какое-то время еще сохраняется причинность. Если очередной разрыв причинности происходит непосредственно перед самым действием, ни о какой свободе агента, даже короткой нецелостной, не может идти и речи. Но если агент осуществляет действие, можно говорить о своего рода свободе. Однако такой вариант мало чем отличается от первого, поскольку хоть сам мир и не может развалиться в одночасье, но агент может в одночасье себя погубить очередным свободным выбором. Или возможен вариант, предложенный В.В. Васильевым, где агент выступает необходимой, но не достаточной причиной своих действий, и иногда он реализует свое намерение, а иногда, нет. «Вообразим, что вы, читатель, обнаружили у себя любопытную способность – разбивать бокалы усилием воли <...> Применяя ее на практике, вы замечаете, однако, что она срабатывает примерно в половине случаев. Допустим теперь, что причиной такого непостоянства является индетерминированность нашего мира. Точное повторение ситуации не гарантировало бы повторения того, во что она перешла. Осознание этого обстоятельства, однако, не меняет вашего убеждения в том, что ваше желание разбить бокалы в определенном контексте (а именно при невозможности прикосновения к бокалам и т.п.) является необходимым, пусть и недостаточным, условием их разбиения» [8. С. 180–181]. Если после свободного

выбора агент может совершить действие, соответствующее его намерению, или, движимый своими желаниями, иногда действовать в соответствии с ними, или и то и другое, то можно говорить об эпизодической свободе агента. Но это еще не та свобода, которую может предложить детерменизм.

Также можно привести в пример еще одну альтернативу – вариант, предложенный Робертом Кейном, где свободный выбор наступает только в тех случаях, когда для агента альтернативы равноценны, и конечно же после него реализуется соответствующее действие. «Он говорит, что выбор не будет случайным, если ситуация квантовой неопределенности в мозге соответствует ситуации психологической борьбы, когда агент разрывается между конфликтующими мотивами. Если оба мотива имеют моральную значимость, то действие на основании одного из них изменяет личность агента, поэтому Кейн называет его формирующим самость действием (self forming action)» [2. С. 144]. Однако это мало чем отличается от ситуации, когда агент делает выбор из равнозначных альтернатив в детерминированном мире. Что его решение будет продиктовано спонтанностью квантового мира, будь то условно случайные события макромира. Конечно, можно было бы сказать, что некто может устроить эти случайные события, чтобы человек принял то или иное решение, но неизвестно, кто будет устраивать такие события – тот, у кого благие намерения, или тот, у кого намерения не благие, точно так же как не известно, как сработает спонтанность микромира. И в том и в другом варианте имеет место меньшая степень свободы, нежели когда агент свободен от свободного выбора, от ситуации неопределенности, от равнозначности альтернатив. Но из двух зол, как говорится, выбирают меньшее, а здесь нет фаворита. Поэтому стоит прибегнуть к принципу экономии мышления и принять ту ситуацию, где выбор объясняется обстоятельствами макромира, бессознательными брожениями, вызванными этими обстоятельствами, чем вводить в систему еще и спонтанность, и способ перехода этой спонтанности из микромира в макромир.

Как было сказано в самом начале, детерменизм является наиболее интуитивной доктриной. И можно было ограничиться выявлением совместимости свободы агента с детерменизмом. Однако, если детерменизм все же кажется нам равновероятностным с индетерменизмом, а определить истинность того или иного эмпирически не представляется возможным, можно прибегать к прагматическому принципу. Поскольку детерменизм является условием свободы человека, лучше вести себя так, будто детерменизм истинен и свобода агента возможна, даже если это не так, чем вести себя, как будто детерменизм ложен и свобода агента невозможна, когда в действительности детерменизм и свобода агента имеют место быть.

Заключение

Таким образом, свобода воли является пустым понятием, а термин «свобода воли» выражает либо силу

воли, что является условием свободы агента, либо гибкость мышления, что также является условием свободы агента, либо свободу агента, либо спонтанность воли. Спонтанность воли и индетерминизм не

совместимы со свободой агента и тем самым антиценны. И напротив, детерминизм, сила воли и гибкость мышления, являясь условиями свободы агента, являются ценными.

Список источников

1. Berofsky B. *Nature's Challenge to Free Will*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2012. 280 p.
2. Кейн Р. Свобода воли: ускользающий идеал / пер. с англ. Н.С. Поповой-Никитюк ; под ред. М.А. Секацкой // Философия. 2017. Т. 1, № 4. С. 141–189.
3. Шмелев А.Д. Еще раз о русских словах свобода и воля // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2018. Т. 22, № 3. С. 675–700. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700
4. Пеннер Р.В. Размышления античных философов о свободе человека // Вестник Курганского государственного университета. 2012. № 4. С. 76–79.
5. Hardin G. The tragedy of the commons // *Science. New Series*. 1968. Vol. 162, № 3859. P. 1243–1248.
6. Фромм Э. Иметь или быть : пер. с англ. / общ. ред. и послесл. В.И. Добренкова. М. : Прогресс, 1990. 331 с.
7. Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. № 5. С. 19–58.
8. Васильев В.В. Два тупика инкомпатибилизма // Логос. 2016. № 5. С. 175–200.
9. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М. : Эксмо-Пресс, 2019. 320 с.
10. Волков Д. Свобода воли. Иллюзия или возможность. М. : Карьера Пресс, 2018. 368 с.
11. Логинов Е. Прагматизм, тождество и свобода воли // Логос. 2016. № 5. С. 243–277.
12. Аллахвердов В.М. Сознание и проблема свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67, № 6. С. 734–738.

References

1. Berofsky, B. (2012) *Nature's Challenge to Free Will*. Oxford; New York: Oxford University Press.
2. Kane, R. (2017) *Svoboda voli: uskol'zayushchiy ideal* [Free will: The elusive ideal]. Translated from English by N.S. Popova-Nikityuk. *Filosofiya*. 1 (4). pp. 141–189.
3. Shmelev, A.D. (2018) Russian Words for 'Freedom' Revisited. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 22 (3). pp. 675–700. (In Russian). doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-3-675-700
4. Penner, R.V. (2012) *Razmyshleniya antichnykh filosofov o svobode cheloveka* [Ancient philosophers' reflections on human freedom]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 76–79.
5. Hardin, G. (1968) The tragedy of the commons. *Science. New Series*. 162 (3859). pp. 1243–1248.
6. Fromm, E. (1990) *Imet' ili byt'* [To have or to be]. Translated from English. Moscow: Progress.
7. Mishura, A. (2016) Pole bitvy: svoboda voli [Battlefield: free will]. *Logos*. 5. pp. 19–58.
8. Vasil'ev, V.V. (2016) Dva tupika inkompabilizma [Two dead ends of incompatibilism]. *Logos*. 5. pp. 175–200.
9. Hume, D. (2019) *Issledovanie o chelovecheskom razumenii* [An Enquiry Concerning Human Understanding]. Translated from English. Moscow: Eksmo-Press.
10. Volkov, D. (2018) *Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost'* [Free will. Illusion or possibility]. Moscow: Kar'era Press.
11. Loginov, E. (2016) Pragmatizm, tozhdestvo i svoboda voli [Pragmatism, identity and free will]. *Logos*. 5. pp. 243–277.
12. Allakhverdov, V.M. (2017) *Soznanie i problema svobody voli* [Consciousness and the problem of free will]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti*. 67 (6). pp. 734–738.

Информация об авторе:

Шишкин В.В. – аспирант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: g89069583825@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Shishkin, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: g89069583825@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021;
одобрена после рецензирования 23.09.2021; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 28.05.2021;
approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 29.07.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(4)
doi: 10.17223/15617793/480/8

Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции

Дмитрий Владиславович Алексеев¹

¹ Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация цифровой инфраструктуры ЕС для контроля миграционных потоков в условиях усиления восприятия миграции как угрозы безопасности. Поставлена цель выявить основные направления развития информационных систем и аналитики больших данных и оценить перспективы их использования для контроля, мониторинга и прогнозирования миграции. Делается вывод о преобразовании европейской миграционной политики в систему цифрового управления рисками за счет категоризации мигрантов.

Ключевые слова: Европейский союз, иммиграция, безопасность, терроризм, цифровые технологии, мониторинг, прогнозирование; категоризация

Для цитирования: Алексеев Д.В. Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 63–72. doi: 10.17223/15617793/480/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/8

The digitalization of the European migration policy in the context of the securitization of migration

Dmitry V. Alekseev¹

¹ Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Abstract. The objective of the article is to analyze the transformation of information systems for controlling migration flows in the EU in cases where *migration* becomes a security issue, which intensified after the refugee crisis of 2015–2016. Special attention is paid to the use of big data analytics for forecasting migration. The research methods of the investigation were: the problem-chronological method to trace the evolution of the EU regulatory framework in the field of border control digitalization and an interdisciplinary approach to analyze the possibilities of using big data to forecast migration, with sociological and statistical methods to characterize migration flows. The article is based on the legal, statistical and fact sheets documents of the EU and the UN, and the publications of foreign and Russian researchers on this theme. The author considers the main characteristics and functional features of the Schengen information system and its components, identifies the limitations, highlights the stages of transformation of the system and indicates the achieved and planned results. During the modification of the system, along with expanding the set of alerts, enhanced access is provided for EU agencies, including the possibility of making searches using fingerprints. A key function of the new system is to ensure the cooperation of nation states for prompt, confidential and efficient follow-up of cases, through the data exchange via a secure network. The author infers that the digital transformation of border control is aimed at creating a European-wide information infrastructure to investigate crimes and terrorist acts, generate alerts about the danger of their commission by “suspicious” persons and highlight groups of “unreliable” people whose stay in the EU is undesirable. At the same time, the target risk group is not limited to terrorists and criminals, but also includes illegal immigrants. In addition to border control information systems, big data analytics is used to monitor and forecast migration. Mobile phone call detail records, social media and Google trends become a leveraged data source to study mobility patterns and create profiles of potential migrants in real-time; the provided big data can also reflect emerging trends and support early warning mechanisms of easier monitoring of migration at national, subnational and local levels. Based on the analysis of the documents, statistical and sociological data, the author concludes that European migration policy has been advanced into a kind of risk management, in which, due to the process of digitalization, it is possible to profile groups of migrants and create series of “risk filters” serving to identify, isolate and deflect those whose presence in the EU should be limited.

Keywords: European Union, immigration, security, terrorism, digital technologies, monitoring, forecasting, categorization

For citation: Alekseev, D.V. (2022) The digitalization of the European migration policy in the context of the securitization of migration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 63–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/8

Восприятие международной миграции как потенциальной угрозы национальной безопасности и безопасности стран в глобальном масштабе связано с терактами 11 сентября 2001 г. в США и последующей серией террористических атак в Европе, позволивших соединить в политическом дискурсе терроризм с миграцией и мигрантами, включая запрашивающих убежище [1. Р. 24]. Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей, «...в Европе секьюритизация дискурса миграции проходила параллельно с формированием Европейского союза и основ единой европейской миграционной политики и выражалась, с одной стороны, в обеспечении мобильности граждан ЕС и ликвидации внутренних границ Союза, а с другой – в развитии концепции угрозы, которую несут мигранты извне Европы» [2. С. 47], и теракты 2001 г. в США, 2004 г. в Мадриде, 2005 г. в Лондоне и особенно серия атак 2015–2019 гг. в различных странах ЕС лишь усилили существующие тенденции.

Неконтролируемый рост числа мигрантов 2015–2016 гг. связывался в общественном мнении коренных жителей ЕС с увеличением преступности и ростом террористической опасности [3. Р. 16]. Иммиграция способствовала появлению и расширению преступных групп, занимающихся торговлей людьми, особенно женщинами и детьми, которая стала одним из наиболее прибыльных занятий наряду с нелегальным трафиком наркотиков и оружия.

Секьюритизация миграции проявлялась также в областях, непосредственно не связанных с личной или общественной безопасностью. Помимо озабоченности коренного населения социально-экономическими аспектами миграции, происходит смещение акцентов на проблемы интеграции мигрантов и опасения по поводу роста экстремизма и религиозного насилия, проникновения чужой культуры и образа жизни [4. Р. 13]. Таким образом, произошло расширение понятия безопасности за счет невоенных измерений. В этих условиях секьюритизация миграции часто представляется как неизбежный политический ответ на вызовы общественного порядка и внутренней стабильности.

Еще до терактов 11 сентября, напрямую связавших иммиграцию и преступность, в дискурсе политических элит ЕС произошла замена термина «пограничный контроль» на «безопасность границ» [5. Р. 51]. То есть в миграционной политике ЕС, использовавшей концепцию секьюритизации миграции, отразилось представление о том, что безопасность границ является одним из важнейших механизмов защиты граждан ЕС, позволяющим добиться снижения числа потенциальных террористических атак и преступлений на территории ЕС [6]. Немаловажным аспектом повышения эффективности защиты границ становится использование передовых цифровых технологий, включающих сбор, хранение и обработку биометрических

данных, а также разработку и внедрение информационных систем, функционирующих в масштабах всего ЕС и аккумулирующих данные различных агентств: Европола, Интерпола, Фронтекс (Европейского агентства пограничной и береговой охраны), миграционных и визовых служб [7. Р. 32].

Центральное место в цифровой системе обеспечения безопасности границ занимает Шенгенская информационная система (Schengen Information System – SIS), созданная в соответствии с Шенгенской конвенцией 1990 г. и начавшая работать в 1995 г. В этой системе содержатся сведения о людях и предметах, находящихся в розыске, документах, считающихся поддельными или утраченными (утраченными), а также о физических лицах, которым запрещен въезд в одну, несколько или все страны Шенгенской зоны [8]. Информация, хранящаяся в базе данных SIS, используется для контроля передвижения людей через внешние границы или по территории государств-членов, а также при выдаче виз и разрешений на проживание. Поскольку биометрические данные могут использоваться как для подтверждения чьей-либо личности, так и для идентификации лиц, то система SIS находит применение не только при пограничном контроле, но и при работе правоохранительных органов, запрашивающих информацию или просматривающих оповещения о пропавших без вести лицах, а также о лицах или объектах, связанных с уголовными преступлениями.

По состоянию на конец 2019 г. в SIS содержалось около 91 млн записей, к системе было выполнено 6,7 млрд запросов, в ходе которых зафиксировано 283 713 случаев генерации оповещений системы [9].

Помимо системы SIS функционирует база данных отпечатков пальцев EURODAC (European Dactyloscopy), в которой хранятся и обрабатываются оцифрованные отпечатки пальцев лиц, запрашивающих убежище, а также нелегальных мигрантов, проникших на территорию ЕС. EURODAC в основном используется национальными органами при обработке заявлений о предоставлении убежища в ЕС, но к базе данных также может предоставляться доступ правоохранительным органам и Европолу для предотвращения, обнаружения и расследования террористических и других серьезных уголовных преступлений [10]. Расширение сферы действия EURODAC за счет хранения и поиска с использованием биометрических данных нелегальных мигрантов позволяет обнаруживать людей, незаконно пребывающих в ЕС, и способствовать их возвращению.

Еще одним элементом управления внешними границами является Визовая информационная система (Visa Information System – VIS), предназначенная для обмена визовыми данными между странами Шенгенского соглашения. VIS включает центральную ИТ-систему и коммуникационную инфраструктуру, с по-

мощью которой осуществляется связь с национальными системами. В базе данных VIS хранятся решения, принятые по заявлениям на получение краткосрочных виз для посещения или транзита через Шенгенскую зону. Идентификация и проверка личности, которая осуществляется с использованием отпечатков пальцев, позволяет выявлять лиц, находящихся на территории стран Шенгенского соглашения без документов или с поддельными документами [11]. Помимо органов, отвечающих за проведение проверок на внешних границах или осуществляющих обработку запросов на предоставление убежища, запросить доступ к данным VIS могут национальные власти и Европол для предотвращения, обнаружения и расследования террористических и уголовных преступлений.

За оперативное управление VIS, SIS и EURODAC отвечает агентство eu-LISA (European Union Agency for the Operational Management of Large-Scale IT Systems in the Area of Freedom, Security and Justice – Агентство Европейского Союза для обеспечения бесперебойной работы крупномасштабных ИТ-систем в области свободы, безопасности и правосудия).

Вместе с тем, несмотря на наличие широкого спектра цифровых средств контроля границ, кризис с беженцами 2015–2016 гг. показал, что существующие информационные системы не обеспечивали должного уровня безопасности и потребовали дальнейшего совершенствования и развития, особенно в сфере, касающейся обработки запросов на предоставление статуса беженца. Фрагментация и разрозненность баз данных, отсутствие их оперативной совместимости и трудность установления связи между различными типами данных усложняют процесс поиска информации, в результате заинтересованные ведомства не могут получить полную картину для принятия решения [12]. Отсутствие контроля вторичных перемещений между странами ЕС позволяло иммигрантам, запрашивающим убежище, избежать обязательного условия обращения с ходатайством в стране первого въезда и давало возможность выбора более привлекательной страны ЕС с точки зрения объема и качества предоставляемых услуг и дальнейших перспектив трудоустройства. Более того, получив отказ в одной из стран, мигрант мог переместиться в другую страну ЕС и повторно обратиться с ходатайством о предоставлении статуса беженца. В случае получения доказательств о нарушении положения о стране первого въезда принявшее государство инициировало процедуру высылки. Подобные «трансферы» резко снижают эффективность применения Дублинского регламента, поскольку процедура перевода в другую страну может занять до 11 месяцев с момента регистрации ходатайства. Проверка отпечатков пальцев по базе EURODAC с целью определения, не подавал ли уже запрашивающий ходатайство в другой стране ЕС, также может занимать 2–3 месяца. Непредставление мигрантами, запрашивающими убежище, документов, удостоверяющих личность, обязует заниматься идентификацией принимающее государство [13]. Все эти недостатки делают систему предоставления убежища по регламенту Дублин III дорогостоя-

щей, длительной и неэффективной процедурой, требующей модификации как в нормативно-законодательном плане, так и в области совершенствования информационного обеспечения.

В рамках модификации системы SIS, завершение которой планировалось осуществить к концу 2021 г., в ноябре 2018 г. были одобрены Регламент (EU) 2018/1860 [14], определяющий порядок использования SIS для возвращения незаконно пребывающих граждан третьих стран, Регламент (EU) 2018/1861 [15], касающийся функционирования и использования SIS в области пограничного контроля, и Регламент (EU) 2018/1862 [16], относящийся к области сотрудничества полиции и судебных органов по уголовным делам. В частности, планировалось добавить новые категории оповещений и расширить перечень хранящихся биометрических данных, которые будут содержать отпечатки ладоней, отпечатки пальцев, изображения лиц и ДНК. Для повышения эффективности борьбы с терроризмом предусмотрено предоставление большего объема информации о лицах и объектах, причастных к террористической деятельности. Для защиты определенных категорий уязвимых лиц (пропавших без вести, детей из группы риска похищения или потенциальных жертв торговли людьми или гендерного насилия) компетентные органы будут иметь возможность ввода в систему превентивных оповещений. Для предотвращения нелегальной миграции в систему будут добавлены сведения о решениях о депортации и запретах на въезд [17].

Модифицированная система SIS предусматривает обеспечение расширенного доступа для агентств ЕС. Европолу будет предоставлен доступ ко всем категориям оповещений и дана возможность ввода оповещений на основе информации, полученной из третьих стран, в частности для обнаружения иностранных террористов. Оперативные группы Фронтекс смогут получить доступ к SIS для выполнения своих задач по быстрой идентификации мигрантов.

Интеграция в 2018 г. SIS и автоматизированной системы идентификации по отпечаткам пальцев AFIS (Automated Fingerprint Identification System) дала возможность производить поиск по отпечаткам пальцев, не обращаясь к EURODAC.

В отчете Еврокомиссии от 29 июня 2021 г. [18] отмечен значительный прогресс в реализации этапов модификации SIS. В соответствии с планами фазы I в конце 2019 г. агентством eu-LISA была введена первая версия обновлений Центральной SIS, функциональные возможности которой обеспечивают предоставление агентству Европол полного доступа ко всем оповещениям, генерируемым в SIS, а агентство Фронтекс получает возможность устанавливать техническое соединение с Центральной SIS. Кроме того, агентства получили доступ к функциям поиска по отпечаткам пальцев SIS.

Ключевой функцией системы SIS является обеспечение сотрудничества национальных государств для быстрого, конфиденциального и эффективного рассмотрения дел посредством структурированного об-

мена стандартизованными формами по защищенной сети. Для организации такого обмена в каждом государстве – члене ЕС, применяющем Шенгенскую Конвенцию, создано национальное бюро SIRENE (Supplementary Information Request at the National Entries – запрос дополнительной информации при въезде в страну), работающее круглосуточно и круглогодично и отвечающее за любой дополнительный обмен информацией и координацию действий, связанных с оповещениями SIS [19. С. 72].

В задачи национальных бюро SIRENE среди прочего входят:

- предоставление дополнительной информации об оповещениях;
- проверка оповещений о лицах, разыскиваемых для ареста;
- обращение к государству-члену, сгенерировавшему оповещение, как в случае, когда было обнаружено лицо, фигурировавшее в оповещении, и по отношению к нему были предприняты необходимые действия, так и в случае, когда требуемое действие не могло быть предпринято;
- контроль качества данных и совместимости оповещений;
- координация трансграничной деятельности, связанной с оповещениями SIS;
- обработка запросов на доступ к персональным данным [20].

В рамках этапа II модификации SIS, проходившего в течение 2020 г., было осуществлено тестовое подключение Европола к сети SIRENE, проводилась адаптация внутренних бизнес-процессов Европола для интеграции функциональных возможностей SIRENE и выполнялось тестирование взаимодействия почтового ретранслятора SIRENE с внутренней средой Европола. Готовность Европола к реализации полнофункционального режима работы с SIRENE для получения, обработки и отправки сообщений планировалась на конец 2021 г.

Также в соответствии с планами этапа II к концу 2020 г. практически все государства – члены ЕС развернули функцию поиска по отпечаткам пальцев.

На этапе III реализации, завершение которого планировалось на конец 2021 г., при координации Еврокомиссии и eu-LISA продолжалась работа по подготовке технических спецификаций для обеспечения функциональной совместимости информационных систем, что позволило государствам-членам приступить к национальным разработкам для подготовки ввода системы в эксплуатацию.

В 2022 г. планируется ввести в эксплуатацию еще две дополнительные информационные системы:

- Систему въезда / выезда (Entry / Exit System – EES), которая представляет собой автоматизированную ИТ-систему для регистрации путешественников из третьих стран;
- Европейскую систему информации и авторизации путешественников (European Travel Information and Authorization System – ETIAS) – ИТ-систему для оценки рисков безопасности, нелегальной миграции

или распространения эпидемий, связанных с безвизовыми перемещениями.

Система EES предназначена для регистрации пересечения внешней границы ЕС гражданами третьих стран, в число которых входят как обладатели краткосрочной визы, так и безвизовые путешественники. Система регистрирует имя человека, тип проездного документа, биометрические данные (отпечатки пальцев и сфотографированные изображения лиц), дату и место въезда и выезда. Также будут фиксироваться отказы во въезде. EES, заменяя систему ручной штамповки паспортов, позволит выявить лиц, чье пребывание на территории ЕС превысило максимально разрешенную продолжительность, а также будет способствовать предотвращению нелегальной миграции и поможет защитить безопасность граждан Европы [21].

ETIAS предназначена для выявления и оценки потенциальных рисков безопасности, нерегулярной миграции или высоких эпидемических рисков, связанных с безвизовыми перемещениями в странах Шенгенского соглашения. В то же время система упрощает пересечение границ для подавляющего большинства путешественников, которые не представляют таких рисков. Граждане стран, не входящих в ЕС, которым не нужна виза для въезда в Шенгенскую зону, должны будут подать заявку на разрешение посещения через систему ETIAS до начала своей поездки. Сведения, собранные через ETIAS, позволят заранее оценить и выявить риски, и в случае их отсутствия система выдаст разрешение на въезд. Подобное разрешение будет обязательным предварительным условием для посещения стран Шенгенского соглашения [22].

К концу 2023 г. планируется завершить интеграцию новой полной ИТ-архитектуры, которая позволит сотрудникам правоохранительных органов и миграционных служб, а также пограничникам обмениваться информацией на систематической основе, что будет способствовать борьбе с фальсификацией и подделкой проездных документов.

Таким образом, происходит трансформация цифровых средств пограничного контроля в общеевропейский инструмент, с помощью которого расследуются преступления и террористические акты, формируются оповещения об опасности их совершения со стороны «подозрительных» лиц и выделяются группы «неблагонадежных» людей, пребывание которых на территории ЕС нежелательно.

При анализе европейской миграционной политики выясняется, что целевая группа риска не ограничивается террористами и преступниками, а включает также нелегальных иммигрантов, под которыми подразумеваются лица, проживающие в ЕС без административного статуса или стремящиеся проникнуть на территорию ЕС без надлежащих документов. То есть предпринимаются попытки выявить и изолировать поток иммигрантов, въезд или проживание которых на территории Европы не разрешены государствами – членами ЕС.

Как отмечает испанский исследователь И. Барберо, «ЕС производит политико-правовой режим, основанный на “стратификации граждан”. Определенные

группы людей категоризируются и управляются через их воображаемую несовместимость со сформулированными европейским истеблишментом “ценностями” демократии, верховенства права, свободы и безопасности. Категории “неурегулированных” мигрантов в ЕС, а также групп людей вне ЕС из так называемых “стран-изгоев”, кандидатами в которые часто являются мусульманские страны Африки и Азии, расцениваются как носители потенциальной угрозы и ассоциируются с такими серьезными преступлениями, как терроризм. Политические инициативы, связывающие миграцию и безопасность, обеспечивают легитимизацию правовой рациональности, на которой основаны стратегии управления определенными группами населения через национальные и общеевропейские программы по регулированию миграции» [23. С. 162–164].

Тренд на цифровизацию миграционной политики ЕС проявляется не только в области пограничного контроля. Миграционный кризис и его политические последствия обусловили спрос на новые формы данных о миграции, позволяющие отслеживать и оценивать миграционные потоки из третьих стран в реальном времени и создавать на их основе модели мобильности. Динамические постоянно обновляемые данные, передаваемые при использовании мобильных телефонов, Интернета, социальных сетей, оплате товаров, отражают моментальные снимки поведения, общения и местоположения мигрантов, позволяя прогнозировать их действия. Использование аналитики больших данных для наблюдения за миграцией и прогнозирования ее развития могут использоваться в попытке упорядочивания и предсказания миграции за счет принятия превентивных политических мер [24].

В последние годы происходит интенсивный рост числа проектов и приложений, которые используют различные типы источников больших данных, связанных с глобальной миграцией и мобильностью людей. Среди них необходимо выделить Альянс больших данных для миграции (Big Data for Migration – BD4M) – совместную инициативу Центра анализа данных по глобальной миграции, Международной организации по миграции и Объединенного исследовательского центра по миграции и демографии Еврокомиссии ЕС, которая объединяет многие новаторские проекты в этой области в Каталог инноваций данных (Data Innovation Directory – DID). В каталоге DID, формируемом при сотрудничестве ряда международных партнеров, содержится актуальная информация о проектах, инициативах и применении новых источников данных и инновационных методологий в области миграции и мобильности людей.

Одним из наиболее интересных направлений в этой области является детализация вызовов мобильных телефонов (Mobile phone Call Detail Records – CDR), которая использовалась для отслеживания перемещений людей внутри страны после стихийных бедствий, например при землетрясении в Непале [25], или при распространении COVID-19 [26]. Несмотря на то, что данные CDR обычно применяются для определения моделей внутренней миграции, их также

можно использовать для анализа международной миграции на субрегиональном уровне, особенно в сочетании с другими источниками. Например, объединение CDR со спутниковыми данными может помочь составить карту перемещений между приграничными сообществами [27]. Сопоставление CDR со статистическими данными переписи способствует пониманию моделей интеграции беженцев [28], а сочетание CDR с геолокационными данными социальных сетей и официальной статистикой трудовых ресурсов может помочь оценить социальную интеграцию мигрантов в странах назначения.

Одним из перспективных источников больших данных являются социальные сети, количество активных пользователей которых во всем мире в 2020 г. достигло 4,2 млрд [29], из них 2,9 млрд были пользователями Facebook [30]. Популярность этих платформ, а также геотегированная информация, которую можно из них извлечь, могут быть использованы для изучения моделей мобильности. На основе информации, предоставленной самими пользователями социальных сетей, включая их текущую геолокацию, можно оценить численность международных миграционных потоков с разбивкой по возрасту, полу, профессиональным навыкам и предпочтениям [31]. Например, во время пандемии COVID-19 в Facebook ежедневно составлялись «карты профилактики заболеваний», содержащие данные о распределении и перемещении населения, которые использовались для дальнейшего анализа вспышки заболевания [32].

Данные социальных сетей также могут использоваться для «переписи населения» на национальном или глобальном уровне на определенный момент времени [33. Р. 19]. Например, данные с рекламной платформы Facebook могут предоставить информацию о ряде характеристик пользователей, таких как их возраст, пол, страна происхождения и проживания, образование, профессиональная деятельность и сфера личных интересов. Данные Facebook использовались для мониторинга численности мигрантов во всем мире и позволили успешно предвидеть рост числа венесуэльских мигрантов и беженцев в Колумбии и Испании, что подтверждается официальными статистическими данными [34. Р. 19].

Хотя аудитория Facebook сильно варьирует в зависимости от возраста пользователей, пола, происхождения, дохода, уровня образования, а также проживания в городских или сельских районах и поэтому не может заменить официальную статистику, тем не менее эти дополнительные оценки представляют большую ценность, поскольку способны отражать возникающие тенденции и поддерживать механизмы раннего предупреждения, упрощающие мониторинг миграции на национальном, субнациональном и местном уровнях [35]. Также подобные оценки позволяют составить более точное описание характеристик мигрирующего населения и проанализировать общественное мнение, сформированное по отношению к мигрантам и беженцам [36].

Предоставленные в 2020 г. данные Facebook об индексе социальной связи (Social Connectedness Index – SCI) [37], с помощью которого измеряется

интенсивность дружеских и социальных связей между разными местоположениями, сопоставленные с данными о числе международных мигрантов по оценке Департамента народонаселения ООН, были использованы для проверки гипотезы о возможности использования данных Facebook для прогнозирования миграции из одной страны в другую. Анализ показал наличие корреляции индекса SCI между парами стран и миграционным потоком между этими же странами. Такая зависимость в наибольшей степени прослеживалась при выборе пар стран с интенсивным потоком мигрантов, например Мексика–США или Марокко–Испания. Подобные пары показывают более высокое значение индекса социальной связи, чем комбинации стран с меньшим миграционным потоком, такие как Индия–Аргентина или Нигерия–Норвегия [38]. Подобная корреляция социальной взаимозависимости и интенсивности миграции достаточно убедительно объясняется в рамках теории миграционных сетей, или синтетической теории миграции Д. Массея [39], где в качестве причины миграции рассматривается формирование устойчивых межличностных связей, связывающих немигрантов и мигрантов в странах исхода и приема и определяющих самопроизвольное и самоподдерживаемое расширение сети при достижении некоторого порогового значения.

Еще одним инструментом прогнозирования миграции является анализ поисковых запросов Google. Мигранты могут использовать Интернет для подготовки к путешествию или во время него, поэтому анализ поисковых данных может быть потенциально эффективным способом получения информации о планах и способах миграции. Существует ряд исследований, в которых приложение Google Trends использовалось для прогнозирования миграционных потоков [40]. Результаты исследования показали четкую корреляцию между поисковыми запросами в Google, касающимися стран Южной Европы, и ежемесячными заявлениями о предоставлении убежища в них, что позволило сделать вывод о высокой эффективности использования Google Trends для оценки намерений миграции и прогнозирования миграционных перемещений в реальном времени. Исследования, посвященные запросам Google Trends и миграционным потокам из Латинской Америки в Испанию, показали, что поисковые запросы в Интернете коррелируют со сведениями о последующих миграционных потоках [41]. Система раннего предупреждения и готовности Европейского бюро по оказанию поддержки просителям убежища использует комбинацию данных Google Trends и традиционных источников данных для выявления ситуативных изменений в странах происхождения и прогнозирования объема заявлений о предоставлении убежища в ЕС.

В проектах по изучению и прогнозированию миграции находят применение искусственный интеллект (ИИ). Например, в рамках проекта Jetson УВКБ ООН с помощью ИИ рассчитывается индекс, который позволяет делать краткосрочные прогнозы ожидаемых миграционных потоков в Сомали на основе ключевых переменных, таких как цены на товарных

рынках, количество осадков и насильственные конфликты [42].

В рамках инициативы «Данные для развития» (Data For Development) был создан проект, в котором принимали участие Политехнический университет Мадрида, Глобальная инициатива «Пульс» ООН в Нью-Йорке, Лаборатория «Пульс» в Кампале и Всемирная продовольственная программа в Сенегале. Оценка мобильности населения в Сенегале проводилась на основе анонимных и агрегированных данных с мобильных телефонов, содержащих геолокацию, отметку времени звонка или сообщения и анонимные идентификаторы пользователей. Используя методы искусственного интеллекта эти данные преобразовывались в профили мобильности, отражающие реальное поведение человека. В данном проекте показатели мобильности использовались для улучшения планирования, мониторинга, оценки решений и разработки программ развития. Каждая представляющая интерес группа населения рассматривалась через ее профиль мобильности и не смешивалась с другими социальными группами, что позволило разработать целенаправленные методы действия по отношению к каждой группе. Проект является примером того, как искусственный интеллект может способствовать принятию решений. В будущем подобные интерактивные системы мониторинга смогут в режиме реального времени предоставлять информацию о глобальных миграциях различных групп населения, позволяя оптимизировать процесс принятия решений и разработки политики в целях как развития, так и регулирования миграционных процессов [43].

Таким образом использование потенциала BD4M можно рассматривать как один из способов решения проблемы повышения качества и разнообразия информации, включая сложные социальные явления, сопровождающие миграцию [44]. Данные BD4M дают возможность сосредоточиться на группах политических интересов мигрантов, а не на границах территорий, позволяя выделить потенциальных мигрантов среди людей, еще находящихся в пути. Такой подход размывает понятие мигранта, подлежащего миграционному контролю, меняя традиционную точку зрения, согласно которой люди определялись как мигранты только после пересечения международной границы. То есть миграцию можно рассматривать как проблему информации: сбор правдивых данных дает возможность обеспечения контроля через категоризацию мигрантов на более и менее желательные типы еще за пределами территории государств назначения [45].

По мнению европейских исследователей М. Бестерса и Ф. Брома [46], в результате процесса цифровизации европейская миграционная политика превратилась в своего рода систему управления рисками. Традиционное понятие пограничного контроля было преобразовано в управление миграционными потоками, т.е. их регулирование посредством использования «фильтров риска», служащих для выявления, изоляции и отклонения тех, кто не соответствует критериям «добросовестного мигранта». Расширенное

использование цифровой информации позволяет более точно профилировать группы риска, присутствие которых на территории ЕС должно быть ограничено.

Ряд критиков излишней цифровизации утверждают, что Европа превращается в неприступную крепость, или «кибер-крепость» [47].

Список источников

1. Mullins S. *Jihadist Infiltration of Migrant Flows to Europe: Perpetrators, Modus Operandi and Policy Implications*. New York : Palgrave Macmillan, 2019.
2. Маталаева Ф. Секьюритизация международной миграции в Европе // *Обозреватель—Observer* : научно-аналитический журнал. 2017. № 2. С. 45–57.
3. Debomy D., Tripier A. European public opinion and the EU following the peak of the migration crisis // *Policy Paper*. 2017. 4 July. № 201. 34 p. URL: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/europeanpublicopinionandtheeu-debomy-june2017.pdf> (accessed: 02.12.2021).
4. Centro de Investigaciones Sociológicas. *Barómetro de diciembre 2020 avance de resultados*. Diciembre 2020. Estudio № 3303. 40 p. URL: http://datos.cis.es/pdf/Es3303marMT_A.pdf (accessed: 08.12.2021).
5. Abdulhamid N.A. The Securitization of Immigration in the European Union: A New (Cultural) Racism // *Securitization of Immigration in the EU*. 2019. Is. 9. P. 46–56. URL: <https://uottawa.scholarsportal.info/ottawa/index.php/potential/article/download/4442/3717/> (accessed: 02.12.2021).
6. Gohel S.M. Prevention of Cross-Border Movements of Terrorists: Operational, Political, Institutional and Strategic Challenges for National and Regional Border Controls // *Handbook of Terrorism Prevention and Preparedness* / ed. by A.P. Schmid. The Hague : ICCT Press, 2020. P. 495–530. URL: <https://icct.nl/app/uploads/2021/01/Handbook-ch-15-Gohel-final.pdf> (accessed: 02.12.2021).
7. Baldaccini A. Counter-terrorism and the EU strategy for border security: Framing suspects with biometric documents and databases // *European Journal of Migration and Law*. 2008. № 10 (1). P. 31–49.
8. Regulation (EC) No 1987/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the establishment, operation and use of the second generation Schengen Information System (SIS II) // *Official Journal of the European Union*. 2006. 28 Dec. L 381. P. 4–23. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006R1987&from=EN> (accessed: 20.11.2021).
9. Migration and Home Affairs. Schengen Information System. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/policies/schengen-borders-and-visa/schengen-information-system_en (accessed: 20.11.2021).
10. Regulation (EU) No 603/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective application of Regulation (EU) No 604/2013 // *Official Journal of the European Union*. 2013. 29 June. L 180. P. 1–30. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0603&from=EN> (accessed: 20.11.2021).
11. Regulation (EU) 2021/1133 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 amending Regulations (EU) No 603/2013, (EU) 2016/794, (EU) 2018/1862, (EU) 2019/816 and (EU) 2019/818 as regards the establishment of the conditions for accessing other EU Information Systems for the purposes of the Visa Information System // *Official Journal of the European Union*. 2021. 13 July. L 248. P. 1–10. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1133&from=EN> (accessed: 20.11.2021).
12. Иншакова А.О. Шенгенская информационная система: общеевропейский опыт правового развития телекоммуникационных технологий интеграционного объединения // *Актуальные проблемы российского права*. 2018. № 11 (96). С. 32–38.
13. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast) // *Official Journal of the European Union*. 2013. 29 June. L 180. P. 0031–0059. URL: <https://www.asylumlawdatabase.eu/en/content/en-dublin-iii-regulation-regulation-ec-no-6042013-26-june-2013-recast-dublin-ii-regulation> (accessed: 07.12.2021).
14. Regulation (EU) 2018/1860 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the use of the Schengen Information System for the return of illegally staying third-country nationals // *Official Journal of the European Union*. 2018. 7 Dec. L 312. P. 1–13. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1860&from=EN> (accessed: 07.12.2021).
15. Regulation (EU) 2018/1861 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of border checks, and amending the Convention implementing the Schengen Agreement, and amending and repealing Regulation (EC) No 1987/2006 // *Official Journal of the European Union*. 2018. 7 Dec. L 312. P. 14–55. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1861&from=EN> (accessed: 07.12.2021).
16. Regulation (EU) 2018/1862 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of police cooperation and judicial cooperation in criminal matters, amending and repealing Council Decision 2007/533/JHA, and repealing Regulation (EC) No 1986/2006 of the European Parliament and of the Council and Commission Decision 2010/261/EU // *Official Journal of the European Union*. 2018. 7 Dec. L 312. P. 56–106. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1862&from=en> (accessed: 07.12.2021).
17. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2018/1862 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of police cooperation and judicial cooperation in criminal matters as regards the entry of alerts by Europol. Brussels, 9.12.2020. COM (2020) 791 final 2020/0350 (COD). 48 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-12/09122020_proposal_regulation_ep_council_amending_regulation_2018-1862_establishment_operation_use_sis_field_police_cooperation_judicial_cooperation_criminal_matters_com-2020_791_pe-2020-8991_en.pdf (accessed: 07.12.2021).
18. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the state of play of preparations for the full implementation of the new legal bases for the Schengen Information System (SIS) in accordance with Article 66(4) of Regulation (EU) 2018/1861 and Article 79(4) of Regulation (EU) 2018/1862. European Commission, Brussels, 29.6.2021. COM (2021) 336 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0336&from=EN> (accessed: 07.12.2021).
19. Мещерякова О.М. Шенгенская информационная система как пример наднационального научно-технического сотрудничества // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2019. № 2. С. 71–73.
20. Commission implementing decision (EU) 2017/1528 of 31 August 2017 replacing the Annex to Implementing Decision 2013/115/EU on the SIRENE Manual and other implementing measures for the second generation Schengen Information System (SIS II) // *Official Journal of the European Union*. 2017. 7 Sep. L 231. P. 6–51. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017D1528&from=EN> (accessed: 20.11.2021).
21. Security Union: Commission welcomes adoption of Entry/Exit System for stronger and smarter EU borders. Brussels, 25 October 2017. European Commission – Statement. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_4162 (accessed: 20.11.2021).
22. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Stronger and Smarter Information Systems for Borders and Security. Brussels, 6.4.2016 COM (2016) 205 final. 25 p. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-09/communication_on_stronger_and_smart_borders_20160406_en.pdf (accessed: 20.11.2021).
23. Барберо И. Ориентализация мигрантов в Европейском Союзе // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. № 2. С. 153–168.
24. Черданцева А.М. Цифровые технологии в регулировании миграционных процессов в ЕС // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021. № 11 (1). С. 110–115. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115

25. Wilson R., Erbach-Schoenberg E., Albert M., Power D. et al. Rapid and Near Real-Time Assessments of Population Displacement Using Mobile Phone Data Following Disasters: The 2015 Nepal Earthquake // PLOS Currents Disasters. 2016. Ed. 1. DOI: 10.1371/currents.dis.d073fbee328e4c39087bc086d694b5c
26. Mobility analysis to support the Government of Ghana in responding to the COVID-19 outbreak // Flowminder & Ghana Statistical Services. 15 May 2020. Report #2. 16 p. URL: <https://statsghana.gov.gh/COVID-19%20press%20release%20report%20-%20analysis%20overview%20-%20final.pdf> (accessed: 20.11.2021).
27. Sorichetta A. Modelling Subnational Migration Flows in and between Low and Middle Income Countries to Support Health Applications and Policies // Flowminder & WorldPop. 2016. 27 p. URL: <https://knowledge4policy.ec.europa.eu/sites/default/files/presentation-BD4M2017-a-sorichetta.pdf> (accessed: 20.11.2021).
28. Boy J., Pastor-Escuredo D., Macguire D., Moreno R. et al. Towards an Understanding of Refugee Segregation, Isolation, Homophily and Ultimately Integration in Turkey Using Call Detail Records // Guide to Mobile Data Analytics in Refugee Scenarios. 2019. September. P. 141–164. DOI: 10.1007/978-3-030-12554-7_8
29. Digital 2021: the latest insights into the 'state of digital' // We are social and Hootsuite. 2020. 27 Jan. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital/> (accessed: 20.11.2021).
30. Facebook – Statistics & Facts // Statista Research Department. 2021. 8 Nov. URL: <https://www.statista.com/topics/751/facebook/#dossierKeyfigures> (accessed: 20.11.2021).
31. Gendronneau C., Wisniewski A., Yildiz D., Zagheni E. et al. Measuring Labour Mobility and Migration Using Big Data / European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2019. 121 p. DOI: 10.2767/474282
32. Maas P., Gros A., McGorman L., Iyer S. et al. Facebook Disaster Maps: Aggregate Insights for Crisis Response & Recovery // ISCRAM 2019 : Proc. 2019. 12 p. URL: https://research.fb.com/wp-content/uploads/2019/04/isram19_camera_ready.pdf (accessed: 20.11.2021).
33. Spyrtas S., Vespe M., Natale F., Ingmar W. et al. Migration Data using Social Media: a European Perspective. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2018. 34 p. DOI: 10.2760/964282
34. Spyrtas S., Vespe M., Natale F., Weber I. et al. Quantifying international human mobility patterns using Facebook Network data // PLoS ONE. 2019. Vol. 14 (10). Art. e0224134. 23 p. DOI: 10.1371/journal.pone.0224134
35. Spyrtas S., Vespe M., Natale F., Iacus S.M., Santamaria C. Explaining the travelling behaviour of migrants using Facebook audience estimates // PLoS ONE. 2019. 24 Oct. 22 p. DOI: 10.1371/journal.pone.0238947
36. Social Media and Forced Displacement: Big Data Analytics & Machine-Learning : UN Global Pulse & UNHCR Innovation Service White Paper. 2017. September. 24 p. URL: <https://www.unhcr.org/innovation/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-White-Paper.pdf> (accessed: 20.11.2021).
37. Facebook Social Connectedness Index. URL: <https://data.humdata.org/dataset/social-connectedness-index> (accessed: 20.11.2021).
38. Bailey R., Cao T., Kuchler T., Stroebe J. et al. Social connectedness: Measurements, determinants, and effects // Journal of Economic Perspectives. 2018. Vol. 32 (3). P. 259–380. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.32.3.259> (accessed: 20.11.2021).
39. Massey D. The social and economic origins of immigration // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1990. Vol. 510 (1). P. 60–72.
40. Böhme M.H., Gröger A., Stöhr T. Searching for a better life: Predicting international migration with online search keywords // Journal of Development Economics. 2020. Vol. 142 (C). 32 p. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.002
41. Wladyka D. The queries to Google Search as predictors of migration flows from Latin America to Spain // UTB/UTPA Electronic Theses and Dissertations. 2013. 10. URL: https://scholarworks.utrgv.edu/leg_etd/10 (accessed: 20.11.2021).
42. Jetson Technical Specifications // UNHCR Innovation service. URL: <https://jetson.unhcr.org/tech.html> (accessed: 20.11.2021).
43. Escuredo D.P. Movilidad, Big Data y Desarrollo // El País. 2018. 26 June. URL: https://elpais.com/elpais/2018/06/26/3500_miliones/1529966857_735336.html (accessed: 20.11.2021).
44. Big Data for Migration Alliance (BD4M). Harnessing the potential of new data sources and innovative methodologies for migration / IOM's Global Migration Data Analysis Centre (GMDAC) and the European Commission's Knowledge Centre on Migration and Demography (KCMD). 2017. 5 p. URL: <https://knowledge4policy.ec.europa.eu/sites/default/files/big-data-for-migration-alliance-concept-note.pdf> (accessed: 20.11.2021).
45. Taylor L., Meissner F. A Crisis of Opportunity: Market-Making, Big Data, and the Consolidation of Migration as Risk // Antipode. 2020. Vol. 52 (1). P. 270–290. DOI: 10.1111/anti.12583
46. Besters M., Brom F. 'Greedy' Information Technology: The Digitalization of the European Migration Policy // European Journal of Migration and Law. January 2010. № 12 (4). P. 455–470. DOI: 10.1163/157181610X535782
47. Guild E., Carrera S., Geyer F. The Commission's New Border Package: Does it take us one step closer to a 'cyber-fortress Europe'? // CEPS Policy brief. 2008. № 154. 5 p. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-commissions-new-border-package-does-it-take-us-one-step-closer-to-a-cyber-fortress-europe/> (accessed: 20.11.2021).

References

1. Mullins, S. (2019) *Jihadist Infiltration of Migrant Flows to Europe: Perpetrators, Modus Operandi and Policy Implications*. New York: Palgrave Macmillan.
2. Matalaeva, F. (2017) Sek'yuritizatsiya mezhdunarodnoy migratsii v Evrope [Securitization of international migration in Europe]. *Obozrevatel'–Observer*. 2. pp. 45–57.
3. Debomy, D. & Tripier, A. (2017) *European public opinion and the EU following the peak of the migration crisis*. Policy Paper. 4 July 2017. No. 201. 34 p. [Online] Available from: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2018/01/europeanpublicopinionandtheeu-debomy-june2017.pdf> (Accessed: 02.12.2021).
4. Centro de Investigaciones Sociológicas. (2020) *Barómetro de diciembre 2020 avance de resultados*. Diciembre 2020. Estudio No. 3303. 40 p. [Online] Available from: http://datos.cis.es/pdf/Es3303marMT_A.pdf (Accessed: 08.12.2021).
5. Abdulhamid, N.A. (2019) The Securitization of Immigration in the European Union: A New (Cultural) Racism. *Securitization of Immigration in the EU*. 9. pp. 46–56. [Online] Available from: <https://uottawa.scholarsportal.info/ottawa/index.php/potential/article/download/4442/3717/> (Accessed: 02.12.2021).
6. Gohel, S.M. (2020) Prevention of Cross-Border Movements of Terrorists: Operational, Political, Institutional and Strategic Challenges for National and Regional Border Controls. In: Schmid, A.P. (ed.) *Handbook of Terrorism Prevention and Preparedness*. The Hague: ICCT Press. pp. 495–530. [Online] Available from: <https://icct.nl/app/uploads/2021/01/Handbook-ch-15-Gohel-final.pdf> (Accessed: 02.12.2021).
7. Baldaccini, A. (2008) Counter-terrorism and the EU strategy for border security: Framing suspects with biometric documents and databases. *European Journal of Migration and Law*. 10 (1). pp. 31–49.
8. EU. (2006) Regulation (EC) No 1987/2006 of the European Parliament and of the Council of 20 December 2006 on the establishment, operation and use of the second generation Schengen Information System (SIS II). *Official Journal of the European Union*. 28 Dec. L 381. pp. 4–23. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006R1987&from=EN> (Accessed: 20.11.2021).
9. EC. (2021) *Migration and Home Affairs. Schengen Information System*. European Commission. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/policies/schengen-borders-and-visa/schengen-information-system_en (Accessed: 20.11.2021).

10. EU. (2013) Regulation (EU) No 603/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the establishment of 'Eurodac' for the comparison of fingerprints for the effective application of Regulation (EU) No 604/2013. *Official Journal of the European Union*. 29 June. L 180. pp. 1–30. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0603&from=EN> (Accessed: 20.11.2021).
11. EU. (2021) Regulation (EU) 2021/1133 of the European Parliament and of the Council of 7 July 2021 amending Regulations (EU) No 603/2013, (EU) 2016/794, (EU) 2018/1862, (EU) 2019/816 and (EU) 2019/818 as regards the establishment of the conditions for accessing other EU Information Systems for the purposes of the Visa Information System. *Official Journal of the European Union*. 13 July. L 248. pp. 1–10. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1133&from=EN> (Accessed: 20.11.2021).
12. Inshakova, A.O. (2018) Shengenskaya informatsionnaya sistema: obshcheevropeyskiy opyt pravovogo razvitiya telekommunikatsionnykh tekhnologiy integratsionnogo ob"edineniya [Schengen Information System: Pan-European Experience in the Legal Development of Telecommunication Technologies of an Integration Association]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 11 (96). pp. 32–38.
13. EU. (2013) Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast). *Official Journal of the European Union*. 29 June. L 180. P. 0031–0059. [Online] Available from: <https://www.asylumlawdatabase.eu/en/content/en-dublin-iii-regulation-regulation-ec-no-6042013-26-june-2013-recast-dublin-iii-regulation> (Accessed: 07.12.2021).
14. EU. (2018) Regulation (EU) 2018/1860 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the use of the Schengen Information System for the return of illegally staying third-country nationals. *Official Journal of the European Union*. 7 Dec. L 312. pp. 1–13. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1860&from=EN> (Accessed: 07.12.2021).
15. EU. (2018) Regulation (EU) 2018/1861 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of border checks, and amending the Convention implementing the Schengen Agreement, and amending and repealing Regulation (EC) No 1987/2006. *Official Journal of the European Union*. 7 Dec. L 312. pp. 14–55. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1861&from=EN> (Accessed: 07.12.2021).
16. EU. (2018) Regulation (EU) 2018/1862 of the European Parliament and of the Council of 28 November 2018 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of police cooperation and judicial cooperation in criminal matters, amending and repealing Council Decision 2007/533/JHA, and repealing Regulation (EC) No 1986/2006 of the European Parliament and of the Council and Commission Decision 2010/261/EU. *Official Journal of the European Union*. 7 Dec. L 312. pp. 56–106. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018R1862&from=EN> (Accessed: 07.12.2021).
17. EC. (2020) *Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) 2018/1862 on the establishment, operation and use of the Schengen Information System (SIS) in the field of police cooperation and judicial cooperation in criminal matters as regards the entry of alerts by Europol*. Brussels, 9.12.2020. COM (2020) 791 final 2020/0350 (COD). 48 p. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-12/09122020_proposal_regulation_ep_council_amending_regulation_2018-1862_establishment_operation_use_sis_field_police_cooperation_judicial_cooperation_criminal_matters_com-2020_791_pe-2020-8991_en.pdf (Accessed: 07.12.2021).
18. EC. (2018) *Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the state of play of preparations for the full implementation of the new legal bases for the Schengen Information System (SIS) in accordance with Article 66(4) of Regulation (EU) 2018/1861 and Article 79(4) of Regulation (EU) 2018/1862*. European Commission, Brussels, 29.6.2021. COM (2021) 336 final. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0336&from=EN> (Accessed: 07.12.2021).
19. Meshcheryakova, O.M. (2019) Shengenskaya informatsionnaya sistema kak primer nadnatsional'nogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Schengen Information System as an example of supranational scientific and technical cooperation]. *Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal*. 2. pp. 71–73.
20. EU. (2017) Commission implementing decision (EU) 2017/1528 of 31 August 2017 replacing the Annex to Implementing Decision 2013/115/EU on the SIRENE Manual and other implementing measures for the second generation Schengen Information System (SIS II). *Official Journal of the European Union*. 7 Sep. L 231. pp. 6–51. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017D1528&from=EN> (Accessed: 20.11.2021).
21. EC. (2017) *Security Union: Commission welcomes adoption of Entry/Exit System for stronger and smarter EU borders*. Brussels, 25 October 2017. European Commission Statement. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_17_4162 (Accessed: 20.11.2021).
22. EC. (2016) *Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. Stronger and Smarter Information Systems for Borders and Security*. Brussels, 6.4.2016 COM (2016) 205 final. 25 p. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/system/files/2020-09/communication_on_stronger_and_smart_borders_20160406_en.pdf (Accessed: 20.11.2021).
23. Barbero, I. (2014) Orientalizatsiya migrantov v Evropeyskom Soyuze [Orientalization of migrants in the European Union]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 2. pp. 153–168.
24. Cherdantseva, A.M. (2021) Digital technologies in the regulation of migration processes in the EU. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 11 (1). (In Russian). pp. 110–115. doi: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-110-115
25. Wilson, R. et al. (2016) Rapid and Near Real-Time Assessments of Population Displacement Using Mobile Phone Data Following Disasters: The 2015 Nepal Earthquake. *PLOS Currents Disasters*. Ed. 1. doi: 10.1371/currents.dis.d073fbcce328e4c39087bc086d694b5c
26. Flowminder & Ghana Statistical Services. (2020) *Mobility analysis to support the Government of Ghana in responding to the COVID-19 outbreak*. 15 May. Report #2. 16 p. [Online] Available from: <https://statsghana.gov.gh/COVID-19%20press%20release%20report%20-%20analysis%20overview%20-%20final.pdf> (Accessed: 20.11.2021).
27. Sorichetta, A. (2016) *Modelling Subnational Migration Flows in and between Low and Middle Income Countries to Support Health Applications and Policies*. Flowminder & WorldPop. 2016. 27 p. [Online] Available from: <https://knowledge4policy.ec.europa.eu/sites/default/files/presentation-BD4M2017-a-sorichetta.pdf> (Accessed: 20.11.2021).
28. Boy, J. et al. (2019) Towards an Understanding of Refugee Segregation, Isolation, Homophily and Ultimately Integration in Turkey Using Call Detail Records. *Guide to Mobile Data Analytics in Refugee Scenarios*. September. pp. 141–164. doi: 10.1007/978-3-030-12554-7_8
29. We Are Social. (2020) *Digital 2021: the latest insights into the 'state of digital'*. 27 Jan. [Online] Available from: <https://wearesocial.com/uk/blog/2021/01/digital-2021-the-latest-insights-into-the-state-of-digital/> (Accessed: 20.11.2021).
30. Statista Research Department. (2021) *Facebook – Statistics & Facts*. 8 Nov. [Online] Available from: <https://www.statista.com/topics/751/facebook/#dossierKeyfigures> (Accessed: 20.11.2021).
31. Gendronneau, C. et al. (2019) *Measuring Labour Mobility and Migration Using Big Data*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi: 10.2767/474282
32. Maas, P. et al. (2019) Facebook Disaster Maps: Aggregate Insights for Crisis Response & Recovery. *ISCRAM 2019: Proc.* [Online] Available from: https://research.fb.com/wp-content/uploads/2019/04/isgram19_camera_ready.pdf (Accessed: 20.11.2021).
33. Spyrtatos, S. et al. (2018) *Migration Data using Social Media: a European Perspective*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi: 10.2760/964282

34. Spyrtatos, S. et al. (2019) Quantifying international human mobility patterns using Facebook Network data. *PLoS ONE*. 14 (10). Art. e0224134. doi: 10.1371/journal.pone.0224134
35. Spyrtatos, S. et al. (2019) Explaining the travelling behaviour of migrants using Facebook audience estimates. *PLoS ONE*. 24 Oct. doi: 10.1371/journal.pone.0238947
36. UNHCR. (2017) *Social Media and Forced Displacement: Big Data Analytics & Machine-Learning: UN Global Pulse & UNHCR Innovation Service White Paper*. September. [Online] Available from: <https://www.unhcr.org/innovation/wp-content/uploads/2017/09/FINAL-White-Paper.pdf> (Accessed: 20.11.2021).
37. Data.humdata.org. (2021) *Facebook Social Connectedness Index*. [Online] Available from: <https://data.humdata.org/dataset/social-connectedness-index> (Accessed: 20.11.2021).
38. Bailey, R. et al. (2018) Social connectedness: Measurements, determinants, and effects. *Journal of Economic Perspectives*. 32 (3). pp. 259–380. [Online] Available from: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.32.3.259> (Accessed: 20.11.2021).
39. Massey, D. (1990) The social and economic origins of immigration. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 510 (1). pp. 60–72.
40. Böhme, M.H., Gröger, A. & Stöhr, T. (2020) Searching for a better life: Predicting international migration with online search keywords. *Journal of Development Economics*. 142 (S). doi: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.002
41. Wladyka, D. (2013) *The queries to Google Search as predictors of migration flows from Latin America to Spain*. UTB/UTPA Electronic Theses and Dissertations. 10. [Online] Available from: https://scholarworks.utrgv.edu/leg_etd/10 (Accessed: 20.11.2021).
42. UNHCR Innovation Service. (2021) *Jetson Technical Specifications*. [Online] Available from: <https://jetson.unhcr.org/tech.html> (Accessed: 20.11.2021).
43. Escuredo, D.P. (2018) Movilidad, Big Data y Desarrollo. *El País*. 26 June. [Online] Available from: https://elpais.com/elpais/2018/06/26/3500_millones/1529966857_735336.html (Accessed: 20.11.2021).
44. Big Data for Migration Alliance (BD4M). (2017) *Harnessing the potential of new data sources and innovative methodologies for migration*. IOM's Global Migration Data Analysis Centre (GMDAC) and the European Commission's Knowledge Centre on Migration and Demography (KCMD). [Online] Available from: <https://knowledge4policy.ec.europa.eu/sites/default/files/big-data-for-migration-alliance-concept-note.pdf> (Accessed: 20.11.2021).
45. Taylor, L. & Meissner, F. (2020) A Crisis of Opportunity: Market-Making, Big Data, and the Consolidation of Migration as Risk. *Antipode*. 52 (1). pp. 270–290. doi: 10.1111/anti.12583
46. Besters, M. & Brom, F. (2010) 'Greedy' Information Technology: The Digitalization of the European Migration Policy. *European Journal of Migration and Law*. 12 (4). pp. 455–470. doi: 10.1163/157181610X535782
47. Guild, E., Carrera, S. & Geyer, F. (2008) The Commission's New Border Package: Does it take us one step closer to a 'cyber-fortress Europe'? *CEPS Policy Brief*. 154. [Online] Available from: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-commissions-new-border-package-does-it-take-us-one-step-closer-to-a-cyber-fortress-europe/> (Accessed: 20.11.2021).

Информация об авторе:

Алексеев Д.В. – канд. ист. наук, младший научный сотрудник лаборатории международных демографических исследований Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Alekseev, Cand. Sci. (History), junior researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 14.12.2021;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 623.4:930.23:94 (47) "1689/1725"
doi: 10.17223/15617793/480/9

Альтернативы развития оружейного производства в России петровского периода (конец XVII – первая четверть XVIII в.) в отечественной историографии

Тимофей Владимирович Алексеев¹

¹ Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия, timson15121967@mail.ru

Аннотация. На основе анализа работ отечественных исследователей предпринята попытка представить картину формирования инфраструктуры оружейного производства в период петровских преобразований как с точки зрения способов его организации (частного или казенного), так и с точки зрения географического размещения данного производства. Выявлена эволюция государственной военно-технической политики в сфере оружейного производства, нашедшая выражение в постепенном сосредоточении этой стратегически важной отрасли в руках государства, в разработке и попытках реализации целого ряда проектов по созданию соответствующих производственных мощностей в целях поиска наиболее оптимальных мест их географического размещения.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, оружейное производство, оружейный завод, оружейники, петровское время, военная промышленность, оружейный двор

Для цитирования: Алексеев Т.В. Альтернативы развития оружейного производства в России петровского периода (конец XVII – первая четверть XVIII в.) в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 73–83. doi: 10.17223/15617793/480/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/9

Development alternatives for arms production in Russia during the reign of Peter the Great (the late 17th – first quarter of the 18th centuries) as reflected in Russian historiography

Timofey V. Alekseev¹

¹ Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky, Saint Petersburg, Russian Federation, timson15121967@mail.ru

Abstract. This paper looks at how the production infrastructure for the firearms branch of the military industry emerged in Russia during the reign of Peter the Great (1689–1725). The objective of the study is to identify alternative development patterns for this industry, both in terms of methods of organizing arms production and its geographical location. In the study, the author referred to the works of Russian researchers from the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods; their historiographic analysis makes it possible to reach the research objective. Aside from the traditional methods like analysis and rising from the concrete to the abstract, common for philosophical studies, the author also applied research methods specific to history: problem chronology and prospective analysis. The research demonstrates that during Peter the Great's reign, the development of the firearms supply system for the armed forces was influenced by two trends, which took two different directions: one was the encouragement of private initiative; the other was the development of a state-funded network of arms enterprises and the centralization of the arms business in the arms makers' community (sloboda) in Tula. Ultimately, the latter trend prevailed, and the government focused its efforts on expanding the geography of arms production and searching for the most optimal location where arms enterprises could be deployed. The study documents the fate of all potential arms production hubs that emerged during Peter the Great's reign. Some of them never left the initial proposal stage (Yaroslavl, Ustyuzhna Zhelezno-polskaya, ore processing plants in the Urals). Others did play a certain role in supplying the Russian army with firearms during the challenging period of the Great Northern War but gradually ceased their operations when the war was over (the Olonets plants (Lipetsk and Petrovsky plants), the arms enterprise in Tobolsk). Moscow, which used to be an important firearms production hub before Peter rose to the throne, lost this status under the new ruler, just as its status as Russia's capital. The new capital, St. Petersburg, was never even intended to be an arms hub. In the author's opinion, the government policy on building up Russia's arms industry prioritized the development of the long-established production assets in Tula (Tula Arms Plant) and the construction of a new arms plant in Sestroretsk, northwest Russia, within immediate reach of the Great Northern War's front lines. These state enterprises, along with the Izhevsk Arms Plant, which was built in the early 19th century, became the key suppliers of firearms for the Russian army and navy throughout the entire imperial period.

Keywords: firearms, arms production, arms plant, arms makers, Peter the Great's reign, military industry, arms enterprise

For citation: Alekseev, T.V. (2022) Development alternatives for arms production in Russia during the reign of Peter the Great (the late 17th – first quarter of the 18th centuries) as reflected in Russian historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 73–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/9

Хорошо известным является тот факт, что к концу имперского периода истории России все производство стрелкового оружия для армии и флота было сосредоточено на трех казенных оружейных заводах – Тульском, Сестрорецком и Ижевском. Формирование подобной конфигурации центров оружейного производства происходило постепенно и окончательно завершилось в самом начале пореформенного времени. Ключевым периодом данного процесса стало правление Петра I, когда происходил энергичный поиск наиболее оптимальных вариантов размещения производственных мощностей данной отрасли военной промышленности. Связанные с этим события нашли достаточно широкое освещение в отечественной историографии. Между тем работ обобщающего характера по данной проблематике до сих пор нет. Да и накопленный объем историографического материала требует своего анализа. Данные обстоятельства актуализируют тему настоящей статьи.

Целью ее ставится выявление всех возможных альтернативных центров оружейного производства в исследуемый период и выяснение причин нереализованности большинства намеченных в то время проектов.

Предметом исследования выступают работы отечественных исследователей дореволюционного, советского и постсоветского периодов, в которых затрагивается проблема производства в России в исследуемое время ручного огнестрельного оружия для удовлетворения потребностей вооруженных сил. Вопросам изготовления ручного холодного оружия в статье внимание уделяется только опосредованно.

Период правления Петра I существенно изменил облик оружейного производства в России, как, собственно, и всех остальных отраслей военной промышленности. В развитии системы обеспечения вооруженных сил стрелковым оружием в это время явно прослеживались две тенденции: с одной стороны, поощрение частной инициативы, с другой стороны, всемерное развитие сети оружейных предприятий за счет государственных средств в целях поиска наиболее оптимальных «точек приложения усилий» и централизация оружейного дела на базе казенной оружейной слободы в Туле.

Петровский период оказался последним в истории частных оружейных предприятий, работавших на нужды армии. Поручик Соловцов связывал с этим временем большой прогресс в оружейном производстве именно на ранее построенных частных заводах. Он утверждал, что «в 1705 году боярин Лев Кириллович Нарышкин и гость Миллер вызвались на поставку всего требуемого количества ружей, за цены гораздо умереннейшие противу иностранных. Тульский оружейник Никита Демидов еще понизил и эти цены, согласясь поставлять в Пушкарский Приказ ружья по 1 руб. 80 коп...» [1. С. 114].

Н.Е. Бранденбург относил к числу таких предприятий: завод иностранца Е. Избранта на р. Воре в Московском уезде; заводы в Каширском уезде, перешедшие в виде выморочного имущества от предпринимателей Марселиусов к царскому родственнику Л.Н. Нарышкину – Елтинский и Ченцовский, а также Саломыковский и Ведменский, производившие железные доски для заварки оружейных стволов; шпажный завод иностранца Люботея на р. Пехорке в Московском уезде [2. С. 55]. Впрочем, оценка автором вклада этих заводов в дело снабжения армии огнестрельным оружием весьма пессимистична: «... почти полное отсутствие каких либо данных, о результатах деятельности всех упомянутых лиц в этом отношении, наводит на заключение противное – заставляет думать, что участие частной промышленности в деле снабжения войск оружием, было вероятно незначительно...» [3. С. 43]. Косвенным свидетельством того, что производство ружей было налажено, по крайней мере, на заводе Е. Избранта, может служить факт отправки туда в первые годы XVIII в. за «производственным опытом» сотрудников Тобольского оружейного двора, о чем речь пойдет ниже.

Более надежным поставщиком оружия, по мнению И.Х. Гамеля, являлся состоятельный тульский оружейник Н. Демидов (Антуфьев) (согласно изысканиям И.Н. Юркина, правильная форма родового прозвища звучит как Антюфеев [4. С. 108]), которому было разрешено построить завод на р. Тулице и которому в 1701 г. был выдан наряд на 8 000 фузей [5. С. 33]. С легкой руки этого автора в историографии утвердилось мнение о сооружении Демидовым оружейного завода. Его придерживались, например, С.А. Зыбин, писавший: «Так было положено основание частному вододействующему заводу в Туле, где готовились машинным способом ружья» [6. С. 21]. В.С. Михайлов также называл завод Н. Демидова оружейным и относил основание его к 1695 г. [7. С. 95]. Другие авторы писали по этому поводу неопределенно. Например, В.В. Огарков упоминал, что на устье реки Тулицы Демидов построил «большой железный завод и стал поставлять в казну, по дешевым ценам, хороших качеств ружья...» [8. С. 16], а также отмечал занятость Никиты Демидова в 1702 г. поставкой в казну 20 тыс. ружей [8. С. 21]. При этом автор не писал прямо о том, что ружья эти изготавливались на заводе предпринимателя. А еще ранее Н.Д. Головщиков, говоря о тульском заводе Демидова, упоминал только об изготовлении там пушек, ядер и «других военных снарядов» [9. С. 12].

Б.Б. Кафенгауз определенно установил, что на тульском заводе Н. Демидова «была налажена, хотя, может быть, и не в виде постоянного производства отливка пушек и гранат» [10. С. 88]. А уже в 1702 г., по результатам испытания присланных Демидовым в Москву образцов фузей, изготовленных в том числе и

из уральского металла, ему «поручалось... осуществление казенного подряда в обход старосты тульской Оружейной слободы и даже с подчинением его Демидову <...> Власти предлагали организовать раздачу кузнецам материалов на дом для выполнения подряда». По мнению автора, «перед нами пример мануфактуры в виде работы на дому кустарей, очевидно, явившейся предшественницей будущего казенного оружейного завода...» [10. С. 103].

Вместе с тем В.Н. Ашурков полагал, что наметившаяся в начале XVIII в. тенденция к концентрации оружейного производства вокруг зажиточных мастеров, олицетворением которой и выступал Н. Демидов, отнюдь не отвечала интересам государства. «Используя оружейников-предпринимателей как поставщиков необходимого оружия, как своих агентов, несших выборные службы, как невольных поручителей за остальную массу, правительство не препятствовало их выгодам, но вовсе не предполагало предоставить в их полное распоряжение производство оружия» [11. С. 23]. По мнению П.С. Ульянцева, основанный Н. Демидовым вододействующий завод, «перешедший после реконструкции его в 1701 г. в ведение казны, в основном и явился той металлургической базой, которая позволила всего лишь за 12 лет (1695–1707 гг.) увеличить количество оружейников с 196 до 794 человек, а наряды им на поставку казне оружия поднять с 2 тыс. до 15 тыс. ружей в год... именно завод, основанный Никитой Демидовым, превращал кустарное оружейное производство в предприятие мануфактурного типа» [12. С. 24]. Поставил П.С. Ульянов точку и в вопросе о специализации вододействующего завода Н. Демидова. Исследователь доказал, что это было исключительно металлургическое предприятие: «Слово же, сказанное Демидовым в 1702 г. о том, что на его тульском заводе не только выплавляется сталь, но и производится 5 тыс. ружей в год, надо понимать в том смысле, что ружья делались не на заводе, а лишь из металла демидовского завода в домашних мастерских кузнецкой слободы по разнарядке самого принцепала...» [12. С. 25]. Такой же позиции придерживались и современные авторы юбилейного издания, посвященного 300-летию Тульского оружейного завода [13. С. 9].

Эти же выводы были подтверждены и современным историком И.Н. Юркиным, который специально исследовал тульское звено хозяйства Демидовых. Автор так увязывал демидовский завод с казенным оружейным: «Будучи первой в Туле вододействующей мануфактурой, он оказал воздействие (в том числе и техническое) на становление и развитие построенного здесь позднее казенного оружейного завода, сыграв и в этом случае роль связующего звена между ранними мануфактурами района и мануфактурой Петровского времени» [14. С. 36]. Относительно же характера их функционального взаимодействия автор вполне резонно утверждал: «Предприятия имели различный профиль: завод демидовский был металлургическим, оружейный – металлообрабатывающим. Это обстоятельство плюс территориальная близость содействовали тому, что второй использовал продукцию первого» [15. С. 104].

Впрочем, следует отметить, что, несмотря на столь авторитетные оценки, версия о сооружении Демидовым именно оружейного предприятий продолжает встречаться в работах исследователей [16. С. 68].

Очевидно, что усилия частных производителей не смогли решить проблему острого дефицита оружия в условиях тяжелой Северной войны. Об объемах этого дефицита свидетельствовали данные, приводимые, например, И.И. Голиковым, о закупке в 1706 г. за границей через агентов Г. Любса и Брандта 19 213 шпажных клинков, 17 792 фузейных замков, 50 000 замков к фузеям для рядовых, 7 116 пар пистолетов, 4 800 фузей с багинетами, 3 000 мушкетов рядовых, 750 драгунских карабинов, 12 098 стволов фузейных и др. [17. С. 343]. П. Гудим-Левкович, говоря об обеспечении армии стрелковым оружием в начале XVIII в., также отмечал: «Ружья были большею частью вывозные Маастрихтские или Лютихские» [18. С. 73]. Н.Е. Бранденбург упоминал о фактах закупки крупных партий оружия в 1707 г. (20 тыс. ружей), в 1713 г. (2 000 фузей и 800 пар пистолетов), а также о складе фузей голландского производства в Санкт-Петербурге в 1715 г. Этот автор и вовсе задавался вопросом, почему в условиях нехватки мощностей казенных оружейных заводов правительство «не обращалось в этом случае к частной промышленности», предпочитая этому закупки оружия за границей. Возможное объяснение подобного явления он видел в низком качестве продукции частных изготовителей [3. С. 51]. Л.Г. Бескровный полагал, что решить проблему снабжения обеспечения армии собственным огнестрельным оружием удалось только к 1716–1717 гг., когда из табелей снабжения войск исчезли пики, а последнюю покупку оружия за границей он датировал 1712 г. [19. С. 111].

В таких условиях государство пошло по пути концентрации оружейного производства в своих руках и, соответственно, свертывания его на частных предприятиях, деятельность которых была окончательно запрещена указом от 23 марта 1734 г. [20. С. 10].

По мнению исследователей, с одной стороны, такой подход выразился в стремлении поставить тульских казенных оружейников, как наиболее подготовленную, массовую и организованную группу кустарных производителей, под полный государственный контроль. С другой стороны, были предприняты попытки расширить географию производства, или, говоря словами Ф. Графа, «построить казенные оружейные заводы в тех местах, где находилась железная руда» [21. С. 115]. Что это были за места и какова их «производственная» судьба? К ответу на этот вопрос мы и обратимся.

Москва. Производство стрелкового оружия в конце XVII и в первые годы XVIII в. продолжалось в мастерских московской Оружейной палаты. Н.И. Фальковский указывал на наличие в ее штате в 1695 г. 139, а в 1701 г. – 154 человек, включая мастеров различных специальностей, занимавшихся изготовлением огнестрельного оружия [22. С. 294]. Ссылался на эти данные и Л.Г. Бескровный [19. С. 107]. При этом, по утверждению С.И. Сметанина и М.В. Конотопова, в

это время ежегодный выпуск оружия составлял около 3 тыс. единиц [23. С. 294].

Как отмечал В.И. Сергеев, в связи с переводом мастеров в 1711 г. в Санкт-Петербург на учрежденный там Оружейный двор Оружейная палата окончательно теряет производственное значение и превращается в хранилище старинного и трофейного оружия и других ценностей [24. Стлб. 623]. По другим данным, мастера из Москвы были переведены вначале на Петровские Олонецкие заводы, а затем в Сестрорецк [23. С. 294].

Устюжна Железнопольская. Устюжна Железнопольская в средневековой России была одним из крупнейших центров кустарного металлургического производства. И.Х. Гамель упомянул о переводе туда в начале XVIII в. 30 семей тульских казенных кузнецов для налаживания изготовления оружия. Однако «устюжское, из болотистой руды приготавливаемое, железо на опыте найдено было гораздо хуже тульского и весьма неудобными к заварке стволов...» [5. С. 41]. Советский исследователь М.Я. Волков связывал попытку организовать производство стрелкового оружия в Устюжне со строительством в 1702 г. рядом с ним казенного металлургического Ижинского завода. Для работы наряду с прибывшими тульскими специалистами в оружейники были зачислены посадские люди из 54 дворов. Автор также указывал на низкое качество местного металла как главную причину неудачи данного начинания [25. С. 117]. Хотя ранее писавший П.А. Колесников приводил сведения об изготовлении местными и переведенными из Тулы кузнецами в 1708–1709 гг. помимо эфесов еще и 500 фузей [26. С. 37].

Петровские Олонецкие заводы. О Петровском заводе как месте изготовления ручного огнестрельного оружия краткие отрывочные сведения стали появляться достаточно рано, например, в работе И.Ф. Германа [27. С. 43]. И.Х. Гамель упоминал об отправке в 1704 г. на вновь построенный Петровский завод 170 тульских мастеров по изготовлению фузей [5. С. 41]. В.Н. Берх в своем жизнеописании В. де Геннина приводил факты, характеризующие отдельные стороны налаженного здесь оружейного производства: отправку в 1715 г. изготовленных ружей в Санкт-Петербург [28. С. 62], начало изготовлений ружей по «Штетинскому образцу» [29. С. 113], постройку В. де Геннином в 1720 г. после возвращения из поездки в Европу на Петровском заводе вододействующих машин для сверления и обработки ружейных стволов [30. С. 95].

К.И. Арсеньев таким образом датировал развитие оружейного производства на Петровском заводе: «В 1704 году устроена оружейная фабрика для делания ружей, которая в 1714 гораздо распространилась и увеличилась» [31. С. 300]. О строительстве на предприятии оружейной фабрики упоминали и другие авторы [32. С. 55; 33. С. 86]. В работах исследователей приводились данные о кадровом и материальном обеспечении производства. По сведениям А. Семенова, в 1720 г. для обучения оружейному мастерству в населенных пунктах Олонецкого уезда были собраны до 300 детей духовенства и крестьян и направлены на

Петровский завод [34. С. 121]. И. Полетика и М. Блинов отмечали, что в результате поездки В. де Геннина в Европу в 1719 г. среди прочих специалистов, приглашенных им оттуда, был и мастер по изготовлению пружин для ружейных замков [35. С. 213].

Ф. Граф же считал непригодной для изготовления оружия местную болотную руду, из которой получалось «холодно-ломкое» железо [21. С. 116]. Однако такая оценка не нашла подтверждения у других авторов. П.Е. Холостов отводил Петровскому заводу большую роль в обеспечении армии стрелковым оружием, утверждая, что здесь «делались на всю армию ружья, палаши и другие воинские принадлежности в большом количестве...» [36. С. 3]. Л.Г. Бескровный конкретизировал эти слова, оценивая объемы производства ружей на Петровском заводе в 7–8 тыс. шт. в год [19. С. 116]. По утверждению Я.А. Балагурова, о высоком качестве изготавливаемого на Петровском заводе оружия свидетельствовал тот факт, что из 3 000 ружей, присланных в Москву с завода в 1708 г., негодными оказались только три, а присланные в феврале-марте 1709 г. все 3 500 ружей оказались годными [37. С. 20].

Достаточно основательно вопрос оружейного производства на Петровских Олонецких заводах был исследован А.П. Глаголевой. Она отмечала привлечение на заводы мастеров оружейного дела как из-за рубежа (Саксония, Пруссия) [38. С. 72, 74], так и из других центров оружейного производства в России, прежде всего Тульско-Каширского района и села Павлов Перевоз [38. С. 73, 83]. Еще одним источником для формирования кадров оружейников стал набор рекрутов среди местного населения с последующим их обучение у оружейных мастеров различных специальностей [38. С. 77]. Начало выпуска стрелкового оружия в мастерских Петровского завода автор относил к 1705–1706 гг., при этом их ежемесячная мощность составила 200 фузей, а к концу 1710-х гг. возросла до 600 солдатских фузей. Достаточно широко был представлен ассортимент выпускавшихся здесь изделий, включавший помимо фузей, шпаги, палаши, мушкеты, пистолеты и проч. [38. С. 120]. По утверждению А.П. Глаголевой, «в короткое время оружейные мастерские Петровского завода достигли большого искусства в производстве стальных и других металлических изделий и их художественной обработке» [38. С. 122]. Подчеркивала автор и достаточно высокое качество продукции завода, выражавшееся в приемлемых показателях доли брака [38. С. 124]. Немаловажным фактором, характеризующим значение Петровского завода в развитии отечественного оружейного производства, А.П. Глаголева считала и передачу производственного опыта вместе с кадровым ядром на вновь основанное предприятие в Сестрорецке в 1724 г. [38. С. 152]. Общая же оценка Петровского завода как центра оружейного производства у автора звучала так: «По концентрации рабочей силы и ассортименту продукции оружейные мастерские Петровского завода во время Северной войны являлись наиболее крупным производством этого профиля и по существу представляли собой один из первых оружейных заводов в России» [38. С. 153].

Свертывание оружейного производства на Олонецких заводах находилось в прямой связи со строительством нового оружейного предприятия на р. Сестре, начатом в 1721 г. Единственной причиной такого решения в историографии называлось истощение запасов железной руды [39. С. 81; 40. С. 148], хотя это объяснение нельзя признать полностью удовлетворительным, учитывая отнюдь не блестящее состояние сырьевой базы и на новом Сестрорецком заводе. Что касается сроков прекращения оружейного производства на Петровском заводе, то они варьируются у разных исследователей. Так, по утверждению Л.Г. Бескровного, производство оружия продолжалось здесь еще некоторое время после перевода основной массы оружейников в 1724 г. в Сестрорецк. По крайней мере, за 1724–1727 гг. было изготовлено около 6 тыс. фузей и 780 пар пистолетов [39. С. 88]. В связи с этими данными С.И. Сметанин и М.В. Конопов датой прекращения выпуска стрелкового оружия называли 1727 г. [23. С. 294]. Н.И. Гнатовский и П.А. Шорин относили это к 1732 г. [41. С. 52], а И.Н. Юркин менее определенно – к первой половине 1730-х гг. [40. С. 148].

Ярославль. В историографии встречаются довольно неопределенные сведения о попытках наладить оружейное производство в Ярославле. И.Х. Гамель кратко упомянул о нереализованном плане перевода в 1710 г. части тульских кузнецов в Ярославль [5. С. 44]. В то же время ярославский краевед И. Троицкий, характеризуя экономическое развитие города в петровский период, никак не отметил подобное событие [42. С. 71–72]. Другой краевед писал о начале строительства оружейного двора в июне 1710 г. и о полном отсутствии сведений о его дальнейшей судьбе [43. С. 155–156]. По утверждению П.Г. Любомирова, проект создания оружейного завода не был реализован из-за опустошительного пожара в городе [44. С. 525]. А вот А.С. Бриткин такой причиной называл саботирование отправки в Ярославль со стороны казенных тульских оружейников [45. С. 10]. И.Н. Юркин план сооружения оружейного двора связывал с неудачной попыткой реорганизации оружейного производства в Туле во второй половине 1700-х гг. и трудностями с обеспечением этого центра топливными ресурсами ввиду быстрого истощения лесных запасов в его окрестностях. Проект создания альтернативного центра оружейного производства в Ярославле предусматривал насильственное переселение туда всех тульских оружейников вместе с семьями, но случившийся в 1711 г. городской пожар перечеркнул эти планы [46. С. 16–17].

Липецкие заводы. Еще один центр металлургического и военного производства в петровское время был создан на юге страны в Романовском и Воронежском уездах. Группа так называемых Липских (Липецких) заводов предназначалась прежде всего для обеспечения потребностей Азовского флота, но со временем стала выполнять и заказы для армии. Уже в работе А. Афанасьева содержалось упоминание о производстве ружей на Липских заводах [47. С. 33]. В. Мартыанов со ссылкой на архивные документы

подтвердил, что оружейное производство здесь было налажено в 1712 г. и продолжалось на протяжении как минимум 12 лет [20. С. 4].

Основательное описание состава оружейного двора на Липецком заводе привел в своей работе П.Г. Любомиров [44. С. 203]. Автор отметил существование на заводе полного цикла изготовления ружей, за исключением сборки, которая первоначально производилась на соседнем Кузьминском заводе [44. С. 204], но около 1712 г. была также переведена на Липецкий [44. С. 205]. Описание инфраструктуры оружейных мастерских на предприятии, а также технологии самого производства приводили в своих работах и липецкие исследователи [48. С. 159–160].

По данным Л.Г. Бескровного, производство ружей на Липецком заводе началось в 1707 г. При этом в 1708 г. здесь было изготовлено 300 ружей, в 1709 г. – уже 3 500. А с 1720 по 1724 г. общий выпуск составил 6 929 фузей и 512 мушкетонов [39. С. 82]. Примерно такие же данные об объемах выпуска приводил и К.В. Татарников [49. С. 97].

В историографии отсутствуют определенные сведения о причинах и сроках свертывания производства стрелкового оружия на Липецких заводах. И.И. Коган ограничивался утверждениями о снижении потребностей в продукции предприятия с середины 1720-х гг., что «привело к упадку производства на казенных Липецких заводах, снижению качества продукции и обветшанию производственных сооружений» [50. С. 8]. По сведениям С.Г. Струмилина, еще в 1726 г. из 483 мастеровых и рабочих людей Липецкого завода на «оружейном дворе» было занято более трети – около 160 человек [51. С. 172]. Л.Г. Бескровный упоминал, что производство оружия в небольших количествах (для обеспечения ландмилиции) продолжалось на предприятии и во второй четверти XVIII в. [39. С. 89].

Урал. Урал, выдвинувшийся как новый металлургический центр страны в петровское время, изначально также рассматривался как будущий центр оружейного производства. И.Х. Гамель писал об отправке оружейных мастеров на основанный в 1700 г. Каменский завод для организации изготовления там 5–6 тыс. ружей [5. С. 35]. Аналогичная задача ставилась и Н. Демидову при передаче ему в марте 1702 г. Невьянского завода: «... чтобы на оном... делал фузеи, шпаги, сабли, тесаки, палаши, копья, латы и шишаки» [5. С. 36]. Туда в том же году «для делания тысячи фузей посланы... десять лучших тульских мастеров» [5. С. 37], а в 1703 г. Демидову «велено набрать еще тульских посадских кузнецов двадцать человек и отправить на Невьянский завод» [5. С. 38].

Однако оба эти проекта в том виде, как они были задуманы, не были реализованы. Вместо Каменского завода казенный оружейный двор был основан восточнее – близ Тобольска. Относительно изготовления оружия на Невьянском заводе данных в историографии очень мало. А.С. Бриткин, говоря об отправке туда тульских мастеров, писал об изготовлении ими первой тысячи фузей, предполагая, по-видимому, что в дальнейшем производством занимались их ученики

[45. С. 9]. Ф. Граф также упоминал о функционировании оружейной мастерской при Невьянском заводе, причем утверждал, что «мастера этого завода до сих пор занимаются приготовлением винтовок для частной продажи...» [21. С. 116]. Н.И. Гнатовский и П.А. Шорин ограничились высказыванием, что «большая отдаленность уральских заводов от театра военных действий не позволила развернуть там изготовление оружия в больших масштабах» [41. С. 52].

Еще об одной попытке организации стрелкового оружия на горных заводах упоминали А. Афанасьев, а вслед за ним Н.К. Чупин. Речь шла о проведенном В. де Геннином, в бытность его начальником уральских заводов, эксперименте по изготовлению тысячи фузей с помощью вызванных из Тобольска оружейников на заводе в Екатеринбурге. Целью опыта ставилось получение более дешевого оружия с приемлемыми качественными характеристиками [47. С. 25; 52. С. 10]. Однако, судя по отсутствию сведений о поставках оружия для армии с уральских горных заводов, результаты данного эксперимента, как и ранее предпринятые попытки наладить на них оружейное производство, успехом не увенчались.

Тобольск. Вместо этого новое оружейное предприятие возникло в Западной Сибири. В работах дореволюционных исследователей история его носила крайне отрывочный и противоречивый характер. Первое упоминание о производстве содержалось в работе И.Х. Гамеля, который сообщал о строительстве оружейного завода на р. Аремзянке под Тобольском суздальским мастером Н. Пиленко, направленным первоначально вместе с группой оружейных мастеров в составе 49 человек для этих же целей на Каменский завод. Причину изменения месторасположения предприятия автор не объяснил, упомянув только, что «воеводы предпочли устроить для оружейного дела особый завод» [5. С. 35].

Н. Абрамов, используя документы Тобольского губернского архива, представил иную версию возникновения этого завода. Согласно его сведениям, царским указом в 1700 г. в Тобольск были направлены три семьи оружейных мастеров из Москвы на постоянное поселение [53. С. 190], а в скором времени еще несколько семей тульских казенных кузнецов для изготовления пружин и замков к ружьям, стараниями которых новое предприятие и было введено в строй. Причем уже в 1703 г., по мнению автора, усилия местных воевод в деле организации оружейного производства были отмечены отдельным царским указом [53. С. 192]. Наибольшее развитие изготовление оружия в Тобольске получило при первом Сибирском губернаторе М.П. Гагарине (1711–1718), чему способствовало прибытие туда в 1714 г. шведских военнопленных, между которыми были специалисты по минералогии, артиллерии и инженерии. Хотя в 1723 г. Петр I запретил делать на сибирских заводах шпаги и фузеи для загрузки Сестрорецкого завода [53. С. 193], однако оружейное производство в Тобольске продолжало существовать и далее, что нашло отражение в топонимике города. Более того, Н. Абрамов даже отмечал отправку в 1760-х гг. нескольких тобольских

оружейников в Енисейск «как провинцию, нуждающуюся в мастерстве ружейном». И только по указу от 25 июня 1782 г. Тобольский оружейный двор был передан из Артиллерийского ведомства в Крисс-комиссариат [53. С. 194]. Между тем из смысла приведенных С.А. Зыбиным именных указов от 29 апреля 1745 г. и 11 февраля 1746 г. следовало, что в это время в Тобольске отсутствовали мастера, способные не то что изготавливать новые, но даже ремонтировать старые ружья и холодное оружие. В связи с этим указы предписывали снова отправку в Сибирь из Тулы «достойных оружейных мастеровых людей» для налаживания там оружейного дела в целях обеспечения потребностей сибирских гарнизонов [54. С. 24].

Работы исследователей советского и постсоветского периодов значительно обогатили и внесли ясность в картину истории тобольского центра оружейного производства.

Уже Б.Б. Кафенгауз выяснил, что кадровое ядро этого центра составила группа суздальских монастырских крестьян-оружейников во главе Никифором Пиленком, действительно первоначально посланных зимой 1700–1701 гг. в числе прочих мастеров для организации Каменского завода [55. С. 62]. Перенос же места размещения производства к Тобольску современная исследовательница Е.И. Долгушина объясняла стремлением поставить дело под контроль местной администрации, размещавшейся как раз в Тобольске, а также специфичностью продукции [56. С. 9]. Е.А. Курлаев такой причиной считал нехватку рабочей силы на Каменском заводе [57. С. 212].

Проблемой нового предприятия, по утверждению Б.Б. Кафенгауза, сразу же стало отсутствие опыта заводского производства: «... опыта мелкого ремесленника было недостаточно в новых условиях крупного производства за Уралом». Поэтому Н. Пиленок неоднократно выезжал в Москву, в частности на завод Е. Избранта на р. Воре для ознакомления с организацией и технологией оружейного производства. По мнению автора, «перед нами любопытный пример превращения ремесленников, или скорее, кустарей, работавших на рынок в рабочих мануфактуры. Но для того чтобы успешно организовать работу в новых условиях, они должны были перенимать опыт у крупных мануфактур центра» [55. С. 63]. Исследователями отмечался и комплексный подход к решению кадровой проблемы Тобольского оружейного двора, как стало именоваться новое предприятие. Помимо группы суздальских оружейников, наборы которых продолжались и позднее [55. С. 64], было подтверждено прибытие в 1704 г. 34 мастеров из Тулы [58. С. 193]. Д.И. Копылов отмечал отправку в Тулу на обучение оружейным специальностям молодых людей из губерний согласно сенатскому указу 1712 г. По его мнению, это способствовало тому, что соответствующие мастера уже в 1720 г. имелись в сибирских городах – Тюмени, Томске, Енисейске, и в трех слободах Тобольского уезда. В самом же Тобольске в 1720 г. насчитывалось 67 оружейных и замочных мастеров, одиннадцать палашных и три проволочных мастера, 25 столяров и станочников [59. С. 53]. А вот версию

Н. Абрамова об участии пленных шведов в производстве оружия Д.И. Копылов категорически отвергал [60. С. 21]. Еще одним достаточно традиционным источником кадров, по мнению Е.А. Курлаева, стало обучение местных кузнецов, их детей и детей ссыльных [61. С. 123]. Однако, несмотря на все эти меры, по словам того же исследователя, кадровая проблема не теряла своей остроты. Особенно это отражалось на изготовлении такой высокотехнологичной продукции, как оружейные замки, которые преимущественно присылались в Тобольск из центра в готовом виде [6. С. 125].

Начало производственной деятельности Тобольского оружейного двора исследователями датировалось концом 1701–1702 гг. [56. С. 9; 57. С. 213]. По сведениям Б.Б. Кафенгауза, в Сибирском приказе Н. Пиленку было поручено сдавать по 100 фузей без замков в неделю [55. С. 64]. Е.И. Долгушина также определяла объем ежегодно отправляемого в Москву оружия в среднем в 5–6 тыс. единиц [56. С. 9]. Хотя Д.И. Копылов полагал, что такие объемы заказов превышали возможности оружейного двора и никогда не выполнялись [60. С. 17].

Выяснены исследователями и некоторые особенности организационно-производственной деятельности предприятия. Е.И. Долгушина отмечала двойственность его положения в связи с подчиненностью и артиллерийскому ведомству, и Сибирскому приказу, откуда шло финансирование работ [56. С. 9]. В качестве источников сырья, помимо Каменского завода, Е.А. Курлаев выявил также кустарные железоделательные предприятия Алтая, сдававшие годный для дела металл в форме ясака [61. С. 123]. Примечательным являлся и тот факт, что «создаваемый для снабжения сибирских гарнизонов, оружейный завод в Тобольске с началом Северной войны полностью переключился на поставки оружия в Москву» [62. С. 429].

Современные исследователи склонны в целом весьма высоко оценивать значение Тобольского оружейного двора. Е.А. Курлаев вполне обоснованно называл его первым в России государственным оружейным заводом, созданным по типу централизованной мануфактуры [57. С. 213]. Подчеркивалось его значение как составной части крупного центра военного производства в Уральском регионе [56. С. 9]. Тот же Е.А. Курлаев по этому поводу писал: «Комплекс причин не позволил достигнуть запланированной годовой производительности в 5–6 тыс. фузей и внести сколько-нибудь существенный вклад в победу в Северной войне. В то же время это предприятие вместе с первыми уральскими железоделательными заводами положило начало формированию облика Урала как одного из крупнейших металлургических и военно-промышленных центров страны» [62. С. 429].

Санкт-Петербург. Не осталось в стороне от оружейного дела и любимое «детище» Петра I, новая столица России Санкт-Петербург. Уже И.И. Голиков в своем труде под 1712 г. упоминал о переводе царем сюда из Москвы оружейных мастеров: «...оружейных мастеров ввел в построенный для них дом, названный Оружейным, на котором деланы были потом для собственного его употребления слесарные инструменты,

разные вещи и токарные машины» [63. С. 96]. Н.Е. Бранденбург называл заведение, куда были переведены московские мастера, оружейным двором и относил его к одному из мест, где занимались «отделкой и очинкой ружей» [3. С. 43]. Мнение о существовании оружейного двора в Санкт-Петербурге настолько утвердилось в историографии, что это нашло отражение в целом ряде энциклопедических изданий советского периода [24. Стлб. 623; 64. Стлб. 397; 65. С. 238; 66. С. 122]. Вместе с тем данные о локализации этого оружейного двора в историографии отсутствуют. Примечательно, что и упоминания о нем в более поздних энциклопедических изданиях также прекращаются [67. С. 538; 68. С. 153].

Между тем факт перевода оружейных мастеров из мастерских Оружейной палаты не вызывает сомнения. В.Е. Маркевич оценивал это событие крайне негативно, характеризуя его как большую потерю для оружейного искусства: «Рассадник художественного оружейного искусства – московская оружейная мастерская была разорена, ее первоклассные мастера переведены в новосозданный Петербург на простой оружейный двор, где из художников и ювелиров оружейного дела их превратили в простых кузнецов и слесарей, обязанных «не покладая рук изготовлять гартмановские фузеи с шокким замком, необходимые регулярному войску царскому» [69. С. 122–123].

Наиболее вероятным заведением, куда были переведены московские мастера, были Литейный, Деловой и Пушечный дворы, созданные как раз в 1712 г. и ставшие предшественниками Санкт-Петербургского арсенала. Историограф этого арсенала писал, что созданное на базе вышеназванных трех дворов техническое артиллерийское заведение предназначалось помимо прочего и «для исправления... ручного оружия» [70. С. 8]. Подтверждал это и В.Г. Гейман, отмечая, что на петербургский Литейный двор в петровское время регулярно отправлялись тульские оружейники как на временной основе, так и на постоянное жительство [71. С. 259]. При этом автор подчеркивал, что изготовлением новых ружей эти мастера не занимались, а только «окончательной отделкой и исправлением испорченных» [71. С. 260]. А между тем Л.Г. Бескровный утверждал, что во второй четверти XVIII в. Санкт-Петербургский арсенал занимался не только ремонтом, но и выпуском новых ружей, которых в 1728–1737 гг. было изготовлено около 4,5 тыс. единиц [39. С. 89].

Из всех вышеперечисленных потенциальных центров оружейного производства, возникших в петровский период, одни так и не вышли из стадии проектов (Ярославль, Устюжна Железнопольская, уральские горные заводы), другие, сыграв в напряженный период Северной войны определенную роль в обеспечении армии стрелковым оружием, вскоре после ее окончания в той или иной мере свернули производственную деятельность (Олонецкие Петровские и Липецкие заводы, Тобольский оружейный двор). Что касается обеих столиц, то время Москвы как центра оружейного дела безнадежно ушло, а непосредственно Санкт-Петербург

никогда в таком качестве и не рассматривался. В рамках го-сударственной политики по формированию оружейной отрасли приоритет был отдан развитию давно сложившейся производственной базы

в Туле (Тульский оружейный завод) и сооружению нового завода непосредственно вблизи театра военных действий Северной войны на северо-западе (Сестрорецкий завод).

Список источников

1. Записки офицеров, командированных в 1834 году, для практического образования в разныя артиллерийские заведения. Ч. II. СПб. : Тип. Штаба отд. корп. внутр. стражи, 1837. 442 с.
2. Бранденбург Н.Е. Исторические сведения о технических органах по оружейному производству в начале XVIII столетия // Оружейный сборник. 1876. № 4. Отд. III. С. 27–78.
3. Бранденбург Н.Е. Администрация оружейного дела в России в начале XVIII столетия // Оружейный сборник. 1876. № 3. Отд. III. С. 29–53.
4. Юркин И.Н. Петр Великий и род Демидовых // Тульский краеведческий альманах. 2011. № 8. С. 108–116.
5. Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. : Тип. А. Семена, 1826. 372 с.
6. Зыбин С., Неклюдов М., Левицкий М. Оружейные заводы (Тульский, Сестрорецкий и Ижевский). Кронштадт : Типо-литогр. Д.М. Комарова, 1898. 90 с.
7. Михайлов В.С. Очерки по истории военной промышленности // Генерал В. С. Михайлов 1875–1929: документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М. : РОССПЭН, 2007. С. 83–411.
8. Огарков В.В. Демидовы. Их жизнь и деятельность. СПб. : Тип. газеты «Новости», 1891. 95 с.
9. Головщиков Н.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль : Тип. губерн. правл., 1881. 106 с.
10. Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. I. 524 с.
11. Ашурков В.Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII – 1-й четверти XIX веков // Избранное: История тульского края: статьи и очерки. Тула : Приок. кн. изд-во, 2003. С. 8–143.
12. История Тульского оружейного завода. 1712–1972 / отв. ред. З.П. Козырева. М. : Мысль, 1973. 494 с.
13. Тульский оружейный завод. От петровских времен до наших дней. Тула : Свамия, 2012. 208 с.
14. Юркин И.Н. Тульские заводы Демидова в истории российской промышленности и предпринимательства : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1997. 47 с.
15. Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых (1695–1782): Из истории становления и развития доменной металлургии России. М. : Наука, 1996. 240 с.
16. Муравьева Л.А. Российское промышленное предпринимательство в первой четверти XVIII века // Финансы и кредит. 2007. № 29 (269). С. 66–74.
17. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. II. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 486 с.
18. Гудим-Левкович П. Историческое развитие вооруженных сил в России до 1708 года. СПб. : Тип. В. Демакова, 1875. 198 с.
19. Бескровный Л.Г. Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1951. Т. 36. С. 101–141.
20. Мартыанов В. Исторический очерк развития оружейного дела на Сестрорецком заводе // Оружейный сборник. 1890. № 1. Отд. I. С. 1–47.
21. Граф Ф. Оружейные заводы в России // Военный сборник. 1861. Т. 21, № 9. Отд. неофиц. С. 113–136.
22. Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М. : Московский рабочий, 1950. 528 с.
23. Сметанин С.И., Конотопов М.В. Развитие промышленности в крепостной России. М. : Академический Проект, 2000. 470 с.
24. Сергеев В.И. Оружейная палата // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. М. : Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. Стлб. 623–624.
25. Волков М.Я. Кузнечный промысел Устюжны Железнопольской в первой четверти 18 в. // Торговля, промышленность и город в России 17 – начала 19 вв. : сб. ст. М. : Инт-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 116–132.
26. Колесников П.А. Из истории металлургии Устюжно-Железнопольского района в XVI–XVII вв. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России : сб. статей. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 35–39.
27. Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Ч. I. Екатеринбург, 1810. 224 с.
28. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–130.
29. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 2. С. 113–172.
30. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 3. С. 89–145.
31. Арсеньев К.И. Описание Олонекских заводов с самого их основания до последних времен с кратким обозрением Олонекской губернии // Труды Минералогического общества. СПб. : Тип. Н. Греча, 1830. Т. 1. С. 281–332.
32. Дашков В. Описание Олонекской губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб. : Тип. МВД, 1842. 222 с.
33. Александров В. Записки о ручном огнестрельном и белом оружии. СПб. : Французская тип., 1846. 206 с.
34. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия до 1858 год. Ч. I. СПб. : Тип. И.П. Глазунова и Ко, 1859. 307 с.
35. Полетика И., Блинов М. История основания русских горных заводов // Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб. : Тип. И. Огризко, 1862. С. 183–232.
36. Холостов П.Е. Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонекском крае и обзор деятельности Александровского пушечного завода в продолжение его столетнего существования (1774–1874 г.). Петрозаводск : Губерн. тип., 1874. 28 с.
37. Балагуров Я.А. Формирование рабочих кадров Олонекских Петровских заводов (Первая половина XVIII века). Петрозаводск : Госиздат, 1955. 120 с.
38. Глаголева А.П. Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 248 с.
39. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М. : Воениздат, 1958. 646 с.
40. Юркин И.Н. Петр Великий и модернизация казенной оружейной промышленности: этапы, эпизоды, события // Петр Великий и его время : материалы Всерос. науч. конф. СПб. : Историческая иллюстрация, 1999. С. 146–150.
41. Гнатовский Н.И., Шорин П.А. История развития отечественного стрелкового оружия. М. : кВоениздат, 1959. 248 с.
42. Троицкий И. История губернского города Ярославля. Ярославль : В тип. Губерн. правл., 1855. 113 с.
43. Головщиков К.Д. История города Ярославля. Ярославль : Л.Н. Пастухов, 1889. 279 с.
44. Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. М. : ОГИЗ, 1947. 764 с.
45. Бриткин А.С. Первые тульские строители сложных вододействующих машин. М. : Машгиз, 1950. 60 с.
46. Юркин И.Н. Раннее (1715 год) описание Тульского оружейного завода // Тульский краеведческий альманах. 2012. Вып. 9. С. 16–23.

47. Афанасьев А. Государственное хозяйство при Петре Великом // Современник. 1847. Т. 4. Отд. II. С. 1–79.
48. Мартынов А.Ф., Жданов В.М. Из прошлого Липецкого края. Липецк : Липецкое кн. изд-во, 1959. 176 с.
49. Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение / под ред. В.И. Егорова. М. : Любимая книга, 2008. 352 с.
50. Коган И.И. Металлургическая промышленность Воронежско-Тамбовского края в XVIII веке : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 14 с.
51. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1: Феодальный период (1500–1860 гг.). М. : Изд-во АН СССР, 1954. 534 с.
52. Чупин Н.К. Полусторастолетие Екатеринбурга (1723–1873 г.) // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842–1881 гг. Пермь : Тип. губерн. правл., 1882. С. 1–37.
53. Абрамов Н. О железных и оружейных заводах в Сибири в XVII и первой половине XVIII столетий // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. 30, кн. 12. С. 183–194.
54. Зыбин С.А. История Императорского Тульского оружейного завода // Оружейный сборник. 1900. № 3. Отд. II. С. 1–25.
55. Кафенгауз Б. Строительство первых уральских заводов // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 44–73.
56. Тобольский оружейный двор. 1700–1782 гг. / подг. Е.И. Долгушина // Архивы Урала. 2001. № 1 (6). С. 9–14.
57. Курлаев Е.А. Иностраный технологический опыт в черной металлургии и военном производстве на Урале в начале XVIII в. // Цивилизационное своеобразие российской модернизации: региональное измерение : материалы Всерос. науч. конф., 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2009. С. 208–215.
58. Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 540 с.
59. Копылов Д.И. Тульские оружейники в Тобольске // Промышленность Сибири и ее кадры (конец XVI – начало XX в.) : сб. науч. ст. Новосибирск, 1976. С. 50–55.
60. Копылов Д.И. К истории оружейного производства в Сибири (XVIII–XIX вв.) // Научные труды Тюменского государственного университета. 1977. Сб. 41. С. 10–25.
61. Курлаев Е.А. Создание военного производства для обеспечения колонизации Урала и Сибири (конец XVII – первая четверть XVIII в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 119–128.
62. Курлаев Е.А. Оружейный завод в Тобольске в начале XVIII в. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф. : в 2 т. Екатеринбург : Автограф, 2009. Т. 1. С. 425–429.
63. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. IV. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 427 с.
64. Оружейная палата // Большая советская энциклопедия. Т. 43. М. : Советская энциклопедия, 1939. Стлб. 396–398.
65. Оружейная палата // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 31. М. : Большая советская энциклопедия, 1955. С. 238–239.
66. Оружейная палата // Советская военная энциклопедия. Т. 6. М. : Воениздат, 1978. С. 122–123.
67. Ненарокова И.С. Оружейная палата // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. С. 538.
68. Петухова А.В. Оружейная палата // Военная энциклопедия. М. : Воениздат, 2002. Т. 6. С. 153–154.
69. Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Л. : Артиллер. академия им. Дзержинского, 1937. Т. 1. 492 с.
70. Родзевич В. Краткий исторический очерк С.-Петербургского Арсенала 1712–1900 гг. СПб. : Тип. Глазунова, 1900. 90 с.
71. Гейман В.Г. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени // Петр Великий : сб. ст. / под ред. А.И. Андреева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 246–283.

References

1. Solovtsov. (1837) *Zapiski ofitserov, komandirovannykh v 1834 godu, dlya prakticheskogo obrazovaniya v raznyye artilleriyskie zavedeniya* [Notes of officers sent in 1834 for practical education in various artillery establishments]. Pt. II. St. Petersburg: Tip. Shtaba otd. korp. vnut. strazhi.
2. Brandenburg, N.E. (1876) *Istoricheskie svedeniya o tekhnicheskikh organakh po oruzheynomu proizvodstvu v nachale XVIII stoletiya* [Historical information about technical bodies for weapons production at the beginning of the XVIII century]. *Oruzheyny sbornik*. 4. pp. 27–78.
3. Brandenburg, N.E. (1876) *Administratsiya oruzheynogo dela v Rossii v nachale XVIII stoletiya* [Arms administration in Russia at the beginning of the 18th century]. *Oruzheyny sbornik*. 3. pp. 29–53.
4. Yurkin, I.N. (2011) *Petr Velikiy i rod Demidovykh* [Peter the Great and the Demidov family]. *Tul'skiy kraevedcheskiy al'manakh*. 8. pp. 108–116.
5. Gamel', I.Kh. (1826). *Opisanie Tul'skogo oruzheynogo zavoda v istoricheskom i tekhnicheskoy otnoshenii* [Description of the Tula Arms Factory in historical and technical terms]. Moscow: tip. A. Semena.
6. Zybin, S., Neklyudov, M. & Levitskiy, M. (1898) *Oruzheynye zavody (Tul'skiy, Sestroretskiy i Izhevskiy)* [Arms factories (Tula, Sestroretsky and Izhevsk)]. Kronshtadt: tipo-litogr. D.M. Komarova.
7. Mikhaylov, V.S. (2007) *General V.S. Mikhaylov 1875–1929: dokumenty k biografii. Ocherki po istorii voennoy promyshlennosti* [General V. S. Mikhailov 1875–1929: documents for the biography. Essays on the history of the military industry]. Moscow: ROSSPEN. pp. 83–411.
8. Ogarkov, V.V. (1891) *Demidovy. Ikh zhizn' i deyatel'nost'* [The Demidovs. Their life and work]. St. Petersburg: tip. gazety "Novosti".
9. Golovshchikov, N.D. (1881) *Rod dvoryan Demidovykh* [The family of the noblemen Demidovs]. Yaroslavl: Tip. gubern. pravl.
10. Kafengauz, B.B. (1949) *Istoriya khozyaystva Demidovykh v XVIII–XIX vv. Opyt issledovaniya po istorii ural'skoy metallurgii* [The history of the economy of the Demidovs in the 18th–19th centuries. Research experience on the history of the Ural metallurgy]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Ashurkov, V.N. (2003) *Izbrannoe: Istoriya tul'skogo kraia: stat'i i ocherki* [Select. History of the Tula region: articles and essays]. Tula: Priok. kn. izd-vo. pp. 8–143.
12. Kozyreva, Z.P. (ed.) (1972) *Istoriya Tul'skogo oruzheynogo zavoda. 1712–1972* [History of the Tula arms factory. 1712–1972]. Moscow: Mysl'.
13. Kirilenko, Yu.P. (ed.) (2012) *Tul'skiy oruzheyny zavod. Ot petrovskikh vremen do nashikh dney* [Tula Arms Factory. From the times of Peter the Great to the present day]. Tula: Izd-vo "Svamiya".
14. Yurkin, I.N. (1997) *Tul'skie zavody Demidova v istorii rossiyskoy promyshlennosti i predprinimatel'stva* [Tula factories of Demidov in the history of Russian industry and entrepreneurship]. Abstract of History Cand. Diss. Voronezh.
15. Yurkin, I.N. (1996) *Tul'skiy zavod Demidovykh (1695–1782): Iz istorii stanovleniya i razvitiya domennoy metallurgii Rossii* [Tula plant of the Demidovs (1695–1782): From the history of the formation and development of blast-furnance metallurgy in Russia]. Moscow: Nauka.
16. Murav'eva, L.A. (2007) *Rossiyskoye promyshlennoe predprinimatel'stvo v pervoy chetverti XVIII veka* [Russian industrial entrepreneurship in the first quarter of the 18th century]. *Finansy i kredit*. 29 (269). pp. 66–74.
17. Golikov, I.I. (1788) *Deyaniya Petra Velikago, mudraga preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostovernykh istochnikov i raspolzhenyya po godam* [Acts of Peter the Great, the wise transformer of Russia, collected from reliable sources and located by year]. Pt. II. Moscow: Univ. tip.
18. Gudim-Levkovich, P. (1875) *Istoricheskoye razvitiye vooruzhennykh sil v Rossii do 1708 goda* [Historical development of the armed forces in Russia before 1708]. St. Petersburg: tip. V. Demakova.
19. Beskrovnyy, L.G. (1951) *Proizvodstvo vooruzheniya i boeprispasov na russkikh zavodakh v pervoy polovine XVIII v.* [Production of weapons and ammunition at Russian factories in the first half of the 18th century]. *Istoricheskie zapiski*. 36. pp. 101–141.

20. Mart'yanov, V. (1890) Istoricheskiy ocherk razvitiya oruzheynogo dela na Sestroretskom zavode [Historical sketch of the development of arms business at the Sestroretsk plant]. *Oruzheyny sbornik*. 1. pp. 1–47.
21. Graf, F. (1861) Oruzheynye zavody v Rossii [Weapons factories in Russia]. *Voennyy sbornik*. 9. pp. 113–136.
22. Fal'kovskiy, N.I. (1950) *Moskva v istorii tekhniki* [Moscow in the history of technology]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
23. Smetanin, S.I. & Konotopov, M.V. (2000) *Razvitie promyshlennosti v krepostnoy Rossii* [Development of industry in serf Russia]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
24. Sergeev, V.I. (1967) [Armory]. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet Historical Encyclopedia]. Vol. 10. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 623–624.
25. Volkov, M.Ya. (1987) Kuznechnyy promysel Ustyuzhny Zhelezopol'skoy v pervoy chetverti 18 v. [Blacksmithing of Ustyuzhna Zhelezopol'skaya in the first quarter of the 18th century]. In: *Torgovlya, promyshlennost' i gorod v Rossii 17 – nachala 19 vv.* [Trade, industry, and the city in Russia in the 17th – early 19th centuries]. Moscow: USSR AS. pp. 116–132.
26. Kolesnikov, P.A. (1961) Iz istorii metallurgii Ustyuzhno-Zhelezopol'skogo rayona v XVI–XVII vv. [From the history of metallurgy of the Ustyuzhno-Zhelezopol'sky region in the XVI–XVII centuries]. In: *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii* [Issues of socio-economic history and source study of the period of feudalism in Russia]. Moscow: USSR AS. pp. 35–39.
27. German, I. (1810) *Istoricheskoe nachertanie gornago proizvodstva v Rossiyskoy imperii* [Historical outline of mining in the Russian Empire]. Pt. I. Ekaterinburg.
28. Berkh, V. (1826) Zhizneopisanie general-leytenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelya rossiyskikh gornykh zavodov [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, the founder of Russian mining plants]. *Gornyy zhurnal*. 1. pp. 51–130.
29. Berkh, V. (1826) Zhizneopisanie general-leytenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelya rossiyskikh gornykh zavodov [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, the founder of Russian mining plants]. *Gornyy zhurnal*. 2. pp. 113–172.
30. Berkh, V. (1826) Zhizneopisanie general-leytenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelya rossiyskikh gornykh zavodov [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, the founder of Russian mining plants]. *Gornyy zhurnal*. 3. pp. 89–145.
31. Arsen'ev, K.I. (1830) Opisanie Olonetskikh zavodov s samogo ikh osnovaniya do poslednikh vremen s kratkim obozreniem Olonetskoj gubernii [Description of the Olonets factories from their very foundation to the last times with a brief overview of the Olonets province]. *Trudy Mineralogicheskogo obshchestva*. 1. pp. 281–332.
32. Dashkov, V. (1842) *Opisanie Olonetskoj gubernii v istoricheskom, statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh* [Description of the Olonets province in historical, statistical and ethnographic terms]. St. Petersburg: tip. MVD.
33. Aleksandrov, V. (1846) *Zapiski o ruchnom ognestrel'nom i belom oruzhii* [Notes on handguns and white weapons]. St. Petersburg: Frantsuzskaya tip.
34. Semenov, A. (1859) *Izuchenie istoricheskikh svedeniy o rossiyskoy vneshney torgovle i promyshlennosti s poloviny XVII-go stoletiya do 1858 god* [Study of historical information about Russian foreign trade and industry from the mid-17th century to 1858]. Pt. 1. St. Petersburg: tip. I.P. Glazunova.
35. Poletika, I. & Blinov, M. (1862) Istoriya osnovaniya russkikh gornykh zavodov [The history of the founding of Russian mining plants]. In: *Pamyatnaya knizhka dlya russkikh gornykh lyudey na 1862 god* [Commemorative book for Russian mountain people for 1862]. St. Petersburg: tip. I. Ogrizko. pp. 183–232.
36. Kholostov, P.E. (1874) *Kratkiy istoricheskiy ocherk gornozavodskogo dela v Olonetskom krae i obzor deyatel'nosti Aleksandrovskogo pushechno-litynogo zavoda v prodolzhenie ego stoletnego sushchestvo-vaniya (1774–1874 g.)* [A brief historical essay on the mining business in the Olonets region and an overview of the activities of the Aleksandrovsky Cannon Foundry during its hundred-year existence (1774–1874)]. Petrozavodsk: Gubern. tip.
37. Balagurov, Ya.A. (1955) *Formirovanie rabochikh kadrov Olonetskikh Petrovskikh zavodov (Pervaya polovina XVIII veka)* [Formation of workers at the Olonets Petrovsky factories (First half of the 18th century)]. Petrozavodsk: Gosizdat.
38. Glagoleva, A.P. (1957) *Olonetskie zavody v pervoy chetverti XVIII veka* [Olonets factories in the first quarter of the 18th century]. Moscow: USSR AS.
39. Beskrovnyy, L.G. (1958) *Russkaya armiya i flot v XVIII veke* [Russian army and navy in the 18th century]. Moscow: Voenizdat.
40. Yurkin, I.N. (1999) [Peter the Great and the modernization of the state arms industry: stages, episodes, events]. *Petr Velikiy i ego vremya* [Peter the Great and his time]. Proceedings of the All-Russian Conference. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. pp. 146–150. (In Russian).
41. Gnatovskiy, N.I., Shorin, P.A. (1959) *Istoriya razvitiya otechestvennogo strelkovogo oruzhiya* [The history of the development of domestic small arms]. Moscow: Voenizdat.
42. Troitskiy, I. (1855) *Istoriya gubernskogo goroda Yaroslavl'ya* [History of the provincial city Yaroslavl]. Yaroslavl: tip. gubern. pravl.
43. Golovshchikov, K.D. (1889) *Istoriya goroda Yaroslavl'ya* [History of Yaroslavl]. Yaroslavl: tip. L.N. Pastukhova.
44. Lyubomirov, P.G. (1947) *Ocherki po istorii russkoy promyshlennosti. XVII, XVIII i nachalo XIX veka* [Essays on the history of Russian industry. 17, 18 and early 19 centuries]. Moscow: OGIZ.
45. Britkin, A.S. (1950) *Pervye tul'skie stroiteli slozhnykh vododeystvuyushchikh mashin* [The first Tula builders of complex water-powered machines]. Moscow: Mashgiz.
46. Yurkin, I.N. (2012) Rannee (1715 god) opisanie Tul'skogo oruzheynogo zavoda [Early (1715) description of the Tula arms factory]. *Tul'skiy kraevedcheskiy al'manakh*. 9. pp. 16–23.
47. Afanas'ev, A. (1847) Gosudarstvennoe khozyaystvo pri Petre Velikom [State economy under Peter the Great]. *Sovremennik*. 4. pp. 1–79.
48. Martynov, A.F. & Zhdanov, V.M. (1959) *Iz proshlogo Lipetskogo kraya* [From the past of the Lipetsk region]. Lipetsk: Lipetskoe knizh. izd-vo.
49. Tatarnikov, K.V. (2008) *Russkaya polevaya armiya 1700–1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [Russian field army in 1700–1730. Uniforms and equipment]. Moscow: Lyubimaya kniga.
50. Kogan, I.I. (1955) *Metallurgicheskaya promyshlennost' Voronezhsko-Tambovskogo kraya v XVIII veke* [Metallurgical industry of the Voronezh-Tambov region in the 18th century]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
51. Strumilin, S.G. (1954) *Istoriya chernoy metallurgii v SSSR* [History of ferrous metallurgy in the USSR]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
52. Chupin, N.K. (1882) Polutorastoletie Ekaterinburga. (1723–1873 g.) [One and a half century of Yekaterinburg (1723–1873)]. In: *Sbornik statey, kasayushchikhsya Permskoy gubernii i pomeschennykh v neofitsial'noy chasti Gubernskikh vedomostey v period 1842–1881 gg* [A collection of articles concerning Perm Province and placed in the unofficial part of Gubernskie Vedomosti in 1842–1881]. Perm: tip. gubern. pravl. pp. 1–37.
53. Abramov, N. (1860) O zheleznykh i oruzheynykh zavodakh v Sibiri v XVII i pervoy polovine XVIII stoletiy [About iron and arms factories in Siberia in the 17th and the first half of the 18th centuries]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 30 (12). pp. 183–194.
54. Zybin, S.A. (1900) *Istoriya Imperatorskogo Tul'skogo oruzheynogo zavoda* [History of the Imperial Tula arms factory]. *Oruzheyny sbornik*. 3. pp. 1–25.
55. Kafengauz, B. (1945) Stroitel'stvo pervykh ural'skikh zavodov [Construction of the first Ural factories]. *Voprosy istorii*. 5–6. pp. 44–73.
56. Dolgushina, E.I. (eds) (2001) *Tobol'skiy oruzheynyy dvor. 1700–1782 gg.* [Tobolsk Arms Yard]. *Arkhivy Urala*. 1 (6). pp. 9–14.
57. Kurlaev, E.A. (2009) [Foreign technological experience in ferrous metallurgy and military production in the Urals at the beginning of the 18th century]. *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskoy modernizatsii: regional'noe izmerenie* [Civilizational Uniqueness of Russian Modernization: Regional Dimension]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii. pp. 208–215. (In Russian).
58. Pavlenko, N.I. (1953) *Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoy polovine XVIII veka. Promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of the metallurgical industry in Russia in the first half of the 18th century. Industrial policy and management]. Moscow: USSR AS.

59. Kopylov, D.I. (1976) Tul'skie oruzheyniki v Tobol'ske [Tula gunsmiths in Tobolsk]. In: *Promyshlennost' Sibiri i ee kadry (konets XVI – nachalo KhKh v.)* [Industry of Siberia and its personnel (late 16th – early 20th century)]. Novosibirsk. pp. 50–55.
60. Kopylov, D.I. (1977) K istorii oruzheynogo proizvodstva v Sibiri (XVIII–XIX vv.) [To the history of arms production in Siberia (18th–19th centuries)]. *Nauchnye trudy Tyumenskogo gos. un-ta*. 41. pp. 10–25.
61. Kurlaev, E.A. (2009) Sozdanie voennogo proizvodstva dlya obespecheniya kolonizatsii Urala i Sibiri (konets XVII – pervaya chetvert' XVIII vv.) [Creation of military production to ensure the colonization of the Urals and Siberia (late 17th – first quarter of the 18th centuries)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 4 (25). pp. 119–128.
62. Kurlaev, E.A. (2009) [The arms factory in Tobolsk at the beginning of the 18th century]. *Ural industrial'nyy: Bakuninskie chteniya* [Industrial Ural: Bakunin Readings]. Proceedings of the all-Russian Conference. Vol. 1. Yekaterinburg: Izdat. dom "Avtograf". pp. 425–429. (In Russian).
63. Golikov, I.I. (1788) *Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennyya po godam* [Acts of Peter the Great, the wise transformer of Russia, collected from reliable sources and located by year]. Pt. IV. Moscow: Univ. tip.
64. Shmidt, O.Yu. (ed.) (1939) Oruzheynaya palata [Armory]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 43. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya". pp. 396–398.
65. Vvedenskiy, B.A. (ed.) (1955) Oruzheynaya palata [Armory]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 31. Moscow: "Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya". pp. 238–239.
66. Ogarkov, N.V. (ed.) (1978) Oruzheynaya palata [Armory]. In: *Sovetskaya voennaya entsiklopediya* [Soviet military encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat. pp. 122–123.
67. Nenarokomova, I.S. (1974) Oruzheynaya palata [Armory]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Vol. 18. Moscow: "Sovetskaya entsiklopediya". p. 538.
68. Petukhova, A.V. (2002) Oruzheynaya palata [Armory]. In: *Voennaya entsiklopediya* [Military encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat. pp. 153–154.
69. Markevich, V.E. (1937) *Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie* [Hand firearms]. Vol. 1. Leningrad: Artiller. akademiya im. Dzerzhinskogo.
70. Rodzevich, V. (1900) *Kratkiy istoricheskiy ocherk S.-Peterburgskogo Arsenalnaya 1712–1900 gg* [A brief historical sketch of the St. Petersburg Arsenal of 1712–1900]. St. Petersburg: tip. Glazunova.
71. Geyman, V.G. (1947) Manufakturnaya promyshlennost' Peterburga petrovskogo vremeni [Manufacturing industry of St. Petersburg during Peter's time]. In: Andreev, A.I. (ed.) *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 246–283.

Информация об авторе:

Алексеев Т.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: timson15121967@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.V. Alekseev, Dr. Sci. (History), professor, Military Space Academy named after A.F. Mozhaysky (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: timson15121967@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021;
одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 17.11.2021;
approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 94(47).084.8 + 81'2
doi: 10.17223/15617793/480/10

Роль коммуникации в процессе выживания узников нацистских концлагерей

Станислав Васильевич Аристов¹, Валентина Николаевна Аристова²

¹ Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия, aristov_stanislav@hotmail.com

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, avn2611@gmail.com

Аннотация. Представлена роль коммуникации в концентрационных лагерях в процессе борьбы узников за выживание. На основе анализа неопубликованных материалов, хранящихся в архивах разных стран (России, Украины, США, Израиля, Германии), а также изданных воспоминаний и интервью бывших узников, представлена картина формирования и функционирования лагерного языка, а также охарактеризованы варианты взаимодействия различных субъектов лагерного мира.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, нацизм, оккупация, концлагерь, нацистский язык, коммуникация

Для цитирования: Аристов С.В., Аристова В.Н. Роль коммуникации в процессе выживания узников нацистских концлагерей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 84–91. doi: 10.17223/15617793/480/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/10

The role of communication in the survival of Nazi concentration camp prisoners

Stanislav V. Aristov¹, Valentina N. Aristova²

¹ Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation, aristov_stanislav@hotmail.com

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, avn2611@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to analyze the communication of prisoners of Nazi concentration camps as one of the factors in the prisoners' struggle for life in extreme conditions. The sources of the research are materials from Russian and foreign archives: the State Archive of the Russian Federation (Russia), the Yad Vashem Archive (Israel), the Security Service Archive (Ukraine), the Holocaust Memorial Archive (USA), the Bundesarchiv (Germany), as well as published memoirs and interviews of former prisoners. In particular, the authors analyzed the testimony of former prisoners, criminal cases against the concentration camps' administrative and security personnel convicted in the course of post-war trials. As a result of their research, the authors concluded that language ability and communication played a critical role in the rescue of prisoners. If prisoners spoke several languages, mastered the internal camp jargon, and also managed to build communication with representatives of the camp administration, functionary prisoners and ordinary prisoners, their chances of survival increased significantly. If adaptation to the camp's linguistic realities did not take place, prisoners had practically no opportunity to escape. The authors examine the characteristics that determined the framework of the camp community, among which the main were Nazi ideological attitudes, as well as prisoners' pre-camp experience. They thoroughly analyze German and camp jargon – the languages that, if mastered, determined prisoners' survival. The authors show how German changed due to lexical and semantic neologisms and the role it played in prisoners' subjugation, demonstrate that the camp jargon developed in several directions – the formation of a single lingua franca and the formation of jargon in national groups of prisoners, and also pay particular attention to the role that translators played in the camp life. The authors characterize the basic models of camp communication: “SS man – ordinary prisoner”, “SS man – camp functionary”, “representative of the camp ‘elite’ – ordinary prisoner”, “prisoner – prisoner”, “prisoner – civilian worker”, and note the possibility (or impossibility) of prisoners within each of them to be saved. Finally, the authors describe the role of communication in organizing the underground Resistance, in order not only to survive, but also to actively resist the Nazi terror.

Keywords: Great Patriotic War, Nazism, occupation, concentration camp, Nazi language, communication

For citation: Aristov, S.V. & Aristova, V.N. (2022) The role of communication in the survival of Nazi concentration camp prisoners. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 84–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/10

Проблема выживания узников является одним из важнейших аспектов при изучении истории нацист-

ских концентрационных лагерей. Значительный исследовательский потенциал данной темы связан, по-

мимо прочего, с ее межпредметностью [1–3], а также с ее взаимосвязью с большинством аспектов концлагерного мира – функционированием эсэсовской администрации, вопросами эксплуатации и уничтожения узников, повседневностью заключенных. Вместе с тем такому важному фактору, как внутрilaгерьная коммуникация, во многом определявшему возможности выживания узников, до сих пор уделялось недостаточно внимания. Лишь некоторые работы были посвящены лингвистическим вопросам, связанным с изменением языка и коммуникацией в концлагерях [4–6]. В этой связи предлагаемое исследование актуально в силу нескольких причин. Во-первых, в работе впервые представлен анализ внутрilaгерьной коммуникации сквозь призму ее роли в процессе выживания узников. Во-вторых, в нем впервые проанализирована языковая ситуация в широком концлагерном контексте с учетом нацистских концлагерей на оккупированных территориях Советского Союза, что ранее оставалось вне поля зрения ученых.

Основную источниковую базу составили неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах разных стран (России, Украины, США, Израиля, Германии), а также изданные воспоминания и интервью бывших узников нацистских концлагерей.

Понятие «концентрационный лагерь» является одним из дискуссионных научных вопросов [7–9]. В данной статье под концлагерями понимаются места массового заключения узников, в которых сочетались две основополагающие для нацистского режима функции – эксплуатация и уничтожение заключенных. Изолирование «опасных» лиц, «перевоспитание», устрашение общества, трансформация социального состава населения также выполнялись концлагерями, но были вторичны, так как могли реализовываться и в других местах заключения (тюрьмах, исправительно-трудовых лагерях, гетто и т.д.).

Еще одной специфической характеристикой концлагерей являлось разнообразие содержавшегося в них контингента заключенных – одновременно там находились узники, арестованные по разным мотивам – политическим или расистским. Подобные концлагеря располагались как на территории рейха, так и в оккупированных областях, в том числе в Советском Союзе [10. С. 9].

Выживание узников определялось рядом факторов: пространственных (тип лагеря, место его расположения, барак, где жили узники и др.), временных (этапы в развитии системы концентрационных лагерей и каждого отдельного концлагеря, события на фронтах боевых действий, годы, значимые для отдельных лагерных категорий и др.) и индивидуальных (национальная принадлежность узника, его положение в лагерной иерархии, взаимоотношения с представителями лагерной администрации и др.). Коммуникация, а также владение иностранными языками могут быть отнесены к последней группе.

Однако для того, чтобы понять, каким образом в нацистских концлагерях складывалось общение, следует охарактеризовать само внутрilaгерьное общество. Структура последнего формировалась нацистскими

идеологическими представлениями и основывалась на противопоставлении «сверхлюди» (от нем. «Übermensch») – «люди» – «недочеловеки» (от нем. «Untermenschen»). К первым относились эсэсовцы, ко вторым – лагерная охрана из коллаборационистов, узники-немцы и заключенные западноевропейских стран, к третьим – славяне, цыгане, евреи. По сути, эта конструкция напоминала кастовую систему, в которой переход из одной касты в другую был невозможен, а межгрупповая коммуникация жестко регламентировалась.

На расистскую схему накладывалась еще одна искусственная матрица, определявшая внутрilaгерьное взаимодействие между узниками. Заключенные в соответствии с причинами ареста делились на три основные страты узников: узников по «политико-идеологическим» причинам – политических врагов нацистов в самом широком смысле (военнопленных, представителей оппозиции и религиозных организаций); граждан, преследовавшихся по «расовым» мотивам – на основе этнического расизма (евреи и цыгане); узников по «социал-расистским» основаниям – на основе евгенических идей о «народном сообществе» и «вредных» для него элементах («асоциальные» и «криминальные» категории).

В результате каждый из узников, принадлежавший к той или иной национальной группе и имевший ту или иную причину ареста, получал специальную маркировку в виде цветного треугольника, с вышитой на нем первой буквой национальности. Подобное визуальное обозначение позволяло как эсэсовцам, так и заключенным мгновенно оценивать, кто находился перед ними, и, таким образом, выбирать соответствующую коммуникативную модель.

Вместе с тем узники воспроизводили собственный долагерный опыт, который, помимо прочего, включал и модели коммуникации с иностранцами, представителями противоположного пола, членами различных профессиональных и религиозных групп. Поэтому, анализируя коммуникацию узников в концлагере, следует понимать, что она реализовывалась не только по нормам, определенным лагерной администрацией, но и по собственным законам, имевшим основание в долагерном прошлом.

Для того чтобы иметь шанс выжить, необходимо было выстраивать общение, а это в первую очередь означало знание, хотя бы элементарное, иностранных языков, а также понимание лагерного жаргона.

Официальным языком являлся немецкий. Именно он использовался для донесения до заключенных приказов, распоряжений и директив. На немецком языке должны были разговаривать узники между собой, и если эта норма не соблюдалась, что было в абсолютном большинстве случаев, то возникал формальный повод для наказания [11. Л. 304]. Вместе с тем, как и любой язык, немецкий в концлагере не был гомогенным явлением, но характеризовался различными диалектическими или социальными особенностями. Как справедливо отмечал бывший узник Аушвица Primo Levi, «лагерный немецкий был сильно варваризованной разновидностью того языка, который немецкий филолог еврейского происхождения Клемперер окрестил языком Тре-

твей империи (по латыни *Lingua Tertii Imperii*), то есть Третьего рейха» [12. С. 80].

Изменения в немецком языке, использовавшемся в концлагерях, при сохранении грамматических конструкций, произошли за счет лексических и семантических неологизмов. Прежде всего был расширена лексика, используемая для обозначения технического оборудования и процедур, связанных с уничтожением узников: *Sonderbehandlung* (специальный режим, что в реальности стало означать убийство), *Gaskammer* (газовая камера), *Sonderkommando* (специальная команда – узники, обслуживавшие газовую камеру и крематорий), *Endlösung der Judenfrage* (окончательное решение еврейского вопроса – уничтожение евреев). Семантические неологизмы возникали в результате присвоения новых значений уже известным словам. Например, слово *Effektenkammer* в лагерной реальности стало обозначать складское помещение, где хранилась одежда и вещи заключенных, а глаголы *abziehen* (уходить), *abtransportieren* (увезти) стали синонимами физического уничтожения [13. Р. 65].

Одним из наиболее характерных терминов, видоизменивших свое значение в концлагере, был термин «мусульманин» (от нем. *Muselman*) – жаргонное обозначение крайне истощенного узника. Точное происхождение данного термина неизвестно, имеются лишь предположения, что подобное обозначение могло появиться по причине того, что многие доходяги обматывали голову тряпьем, напоминавшим тюрбан, и ходили с полусогнутыми, на восточный манер, коленями и с неподвижным, как маска, лицом. Стоит отметить, что, хотя термин «мусульманин» получил наибольшее распространение в концлагерях применительно к доходягам, имели место и другие названия, которые также образовывались изменением семантического значения: в Майданеке их называли «бездельниками» или «чужаками» (от нем. *Gamel*), в Штуттгофе «калеками» (от нем. *Krüppel*), в Равенсбрюке «шмуштюками» либо «шмутцштюками» (от нем. *Schmutzstück* – кусок грязи, отброс; *Schmuckstück* – драгоценность).

При этом изменение семантики слов не всегда происходило по инициативе лагерной администрации. К примеру, в лагерном жаргоне происходит расширение значения слова «организовать, достать» (от нем. *organisieren*), оно приобрело значение «своровать на складах СС или купить на черном рынке».

Эти слова с измененными значениями использовались в официальных документах, в общении между эсэсовцами, узниками и были понятны только представителям лагерного мира.

Главной функцией немецкого языка для эсэсовцев было подчинение узников, вербальное насилие над ними. Одной из распространенных форм языкового давления на личность стало принудительное пение в строю – во время отправки на работу или возвращения в лагерь, иногда на перекличке. Исполнение песен на марше было заимствовано нацистами из армейского опыта. Заставляя заключенных петь по-немецки, эсэсовцы или представители лагерного «самоуправления» с помощью маршевого ритма предпо-

лагали упрочить общую дисциплину в группах. Однако для истощенных узников, в большинстве своем не владевших немецким языком, это пение было очередным наказанием, еще больше изнурявшим их после тяжелейшего рабочего дня. Отказ от исполнения или неверное воспроизведение текста приводили к побоям [14. С. 51–52; 15. Р. 3–4].

В ряде концлагерей на оккупированной территории Советского Союза, в силу гомогенности состава узников, подобные песни были украинскими или русскими. Хотя исполнение песен должно было якобы демонстрировать удовлетворенность заключенных своим положением, их желание трудиться, в действительности пение веселых произведений, таких как, например, «Распрягайте, хлопцы, коней!», на фоне удручающей лагерной реальности, гибели собратьев становилось еще одним фактом морального давления на узников и их унижения со стороны лагерной администрации. В итоге создавалась некая квазиреальность, с навязываемой заключенным системой нацистских ценностей. В лагере – месте массовой гибели и убийств – узникам не полагалось отдавать дань памяти погибшим. Более того, они должны были «радоваться» их гибели или как минимум ее не замечать.

Тем не менее, несмотря на навязывание лагерной администрации немецкого, мультикультурная среда узников не могла быть ограничена одним языком общения. Для того чтобы выжить, получить помощь или хотя бы наладить элементарный быт, узники должны были освоить не только азы немецкого, но и других лагерных языков. Заключенные могли начать учить иностранные языки сокамерников [16. С. 98; 17. Л. 111].

В то же время в рамках лагерной коммуникации происходило формирование некоего подобия *lingua franca*, где к лагерной лексике, складывающейся прежде всего из элементарных активно используемых немецких слов (таких как *Bitte* – от нем. пожалуйста, *Brot* – от нем. хлеб, *gut* – от нем. хорошо и др.), добавлялись слова других национальных групп: *brama* (от пол. ворота), *avanti* (от итал. вперед), *compris* (от франц. понял). Одним из тех слов, которое было понятно в концлагерях всем, стал термин «капо» – представитель так называемого лагерного самоуправления – «элиты» заключенных (от фр. *caporal* – капрал или итал. *capo* – начальник).

В национальных языках происходило формирование собственного лагерного жаргона. Во французском жаргоне лагеря можно было найти следующие слова: *raouster*, происходившее от немецкого *raus*, что означало «убирайся»; *repas froid* (дословно «холодная еда»), обозначавшее труп на катафалке; *mouche à merde* – от немецкого «Mistbiene» (ильница – навозная муха, похожая на пчелу), обозначало истощенного, грязного узника [13. Р. 69].

В концлагерях Третьего рейха лагерное сообщество было многоязычным. Носители десятков языков вынуждены были сосуществовать друг с другом. К примеру, в одном только женском концлагере Равенсбрюк за весь период его функционирования находились представительницы сорока национальностей [18. С. 215].

Ситуация, когда узники разных стран впервые оказывались в концлагере, повергала их в шок, лишая привычных ориентиров и вселяя неуверенность. Построить коммуникацию помогали интуиция и языковая догадка. В том случае, если заключенному не удавалось адаптироваться к ситуации, освоив хотя бы элементарный вокабуляр, ему грозила гибель в силу непонимания немецкого языка, а значит, исходивших от представителей лагерной администрации приказов и распоряжений, а также невозможности наладить контакты для взаимопомощи: «Большая часть узников, не знавших немецкого, в частности, почти все итальянцы, умерли в первые же десять-пятнадцать дней после прибытия в лагерь. Причиной смерти можно считать голод, холод, переутомление, болезни, но если смотреть глубже, все они умерли от недостатка информации» [12. С. 76].

В ряде концлагерей на оккупированной территории СССР интернациональный словарь, характерный для концентрационных лагерей Третьего рейха, так и не возник. Подобная ситуация была следствием национальной однородности контингента заключенных, но, помимо прочего, она демонстрировала и неабсолютность нацистской власти, не сумевшей или не успевшей подчинить себе лагерный дискурс большинства лагерей на оккупированной территории Советского Союза.

По сравнению с концентрационными лагерями в Третьем рейхе языковая среда в данных лагерях была более однородна. Русский и украинский являлись основными языками общения между заключенными. Немецкий не стал доминирующим, как это было в нацистских лагерях Германии или Польши.

Вместе с тем необходимо отметить, что установление элементарной коммуникации с узниками требовалось и лагерной администрации. Именно поэтому особое место в повседневности концентрационных лагерей заняли переводчики. Они стали представителями лагерной «элиты», получая дополнительный паек, лучшие условия размещения в бараках и прочие преимущества. Даже в концлагерях на оккупированной территории Советского Союза, несмотря на языковую однородность массы узников, администрация использовала переводчиков. Коменданту Сырецкого лагеря Радомскому приходилось доносить свои предписания до лагерной «аристократии» и узников через переводчика [19].

Немецкое слово *Dolmetscher* стало универсальным для обозначения официального лагерного переводчика. Нередко данный термин использовался как жаргонизм, обозначая дубинку в руках надзирателя, способную «объяснить» приказы начальства.

Переводчики в лагерях были весьма разнородной группой, как и представители иных лагерных категорий. Они обладали разным уровнем профессиональных навыков, желанием помогать сокамерникам или, наоборот, сотрудничать с нацистами с целью получения собственной выгоды.

Например, одним из помощников коменданта концлагеря «Красный» был Яков Шурр, выполнявший, по свидетельствам очевидцев, функции пере-

водчика, а также участвовавший в пытках и расстрелах узников. Многочисленные показания бывших узников свидетельствовали о том, что Шурр ежедневно избивал их дубинкой и присутствовал на расстрелах [20. С. 1379].

Начальником отдела гестапо, организовавшим осведомительную сеть в концлагере, являлся некто Бергер. Одним из его агентов была Ольга Финк – узница, выполнявшая в концлагере функции переводчицы [21. Р. 493].

Деятельность *Dolmetscher* в концлагере отличалась от переводчика в повседневной жизни. Как уже отмечалось выше, *Dolmetscher* не должен был обладать безупречным знанием немецкого языка или иметь профессиональное лингвистическое образование. В большинстве случаев достаточно было освоения лишь небольшого лагерного вокабуляра. *Dolmetscher* не обязан был осуществлять дословный перевод эсэсовской речи, ему следовало передать ее прагматическое значение, соответствовавшее ситуации. Он должен был реагировать очень быстро, если возникали конфликты между узниками или заключенными и представителями администрации. При этом, как свидетельствуют в своих мемуарах бывшие узники, манера речи *Dolmetscher* была зачастую так же фрагментарна и экспрессивна, как и у эсэсовцев.

Оказываясь в концентрационном лагере, представители разных национальностей попадали в состояние принудительной коммуникации, в том числе и межкультурной. Подобная коммуникация реализовывалась в разных моделях: «эсэсовец – рядовой узник», «эсэсовец – лагерный функционер», «представитель лагерной “элиты” – рядовой заключенный», «узник – узник», «узник – свободный гражданский рабочий». Состав участников общения определял характер коммуникации, а значит, и выбор языковых средств.

В общении между эсэсовцем и рядовым узником дистанция проявлялась в наибольшей мере по сравнению с остальными вариантами интеракции. Это обуславливалось не только их статусным различием, но в первую очередь и расовым фактором. И если общение между арийцами – эсэсовцем и узником немцем или австрийцем – нередко выстраивалось с меньшей дистанцией, то со славянами или тем более евреями это было невозможно в принципе. Представители лагерной администрации лишь формулировали приказы или инициировали наказания в отношении подавляющего большинства узников. В подобном общении они использовали инвективную лексику, сравнивая заключенных с животными. Подобное коммуникативное поведение было продиктовано намерением оскорбить адресанта, девальвировать его аксиологическую сущность, снизить его социальный статус. Рядовые узники не могли выступать инициаторами общения или, тем более, жаловаться [22. Л. 26 об.].

Лингвистическая дискриминация проявлялась в различных формах коммуникации. Представители лагерной администрации и охрана использовали для обращения к узникам их лагерные номера или откровенно унижительные оскорбления, тем самым отказывая заключенным не только в уважении, но в самом

факте признания за ними человеческой сущности: «Среди нас была женщина 72-х лет. Бандит-полицейский подошел к ней и сказал: “Иди, старая скотина, посмотри, как дохлая собака лежит в кустах”. Старушка отказалась идти. Тогда палач с размаху ударил женщину, и убеленная сединой ее голова покрылась кровью. Чуть переставляя ноги, старушка поплелась туда, куда было принуждены идти. В кустах лежал разорванный на куски ее сын» [23. С. 63–64].

Ругательства, угрозы, приказы – самые частые речевые акты эсэсовцев в отношении узников. Этот способ общения часто описывается в мемуарах бывших узников. Лексемы, используемые, чтобы обозначить подобную манеру разговора, являлись преимущественно глаголами, например, «кричать», «орать», «вопить», «реветь» и т.д. Бывший узник Аушвица Примо Леви так характеризовал подобную ситуацию: «Для нас, итальянцев, проблема языкового барьера возникла еще в Италии, до депортации <...> С теми, кто понимал и членораздельно отвечал, устанавливались отношения, напоминающие человеческие, приказы отдавались им спокойным тоном; с теми же, кто не понимал ни одного слова, люди в черном обращались ужасно: те же приказы они повторяли громкими, злыми голосами, орали во все горло, словно имели дело с глухими людьми, а точнее, с домашними животными, скорее реагирующими на тон сказанного, чем на смысл. <...> Вот почему, кто не понимал и не говорил по-немецки, считался варваром по определению, и, если он упорно продолжал объясняться на своем языке, точнее, не-языке, нужно было побоями заставить его замолчать, криком и понуканием напомнить ему, где его место, – ибо он не Mensch (от нем. человек), не человеческое существо» [12. С. 74–76].

В данном случае со всей очевидностью реализовывалось противостояние «своих» и «чужих», причем в самом жестком варианте интерпретации данной дихотомии – «людей» и «не-людей». О возможности узников использовать подобный вид общения для собственного выживания не могло быть и речи.

Иначе протекала коммуникация между представителями лагерной администрации и заключенными-функционерами. Безусловно, представители лагерного «самоуправления» не переходили из категории «чужих» в спектр «других», не было и речи о какой-либо равноправной с их стороны альтернативе «своему» эсэсовскому миру, тем не менее некоторые изменения в коммуникации были очевидны. В подобном общении позиции доминирования нациста и подчинения заключенного не менялись, однако первый был вынужден коммуницировать с лагерной «аристократией» по более широкому спектру тем и на менее агрессивном уровне, в силу возложенных на последних функциональных обязанностей. Это, конечно же, не исключало возникновения ситуации, аналогичной «эсэсовец – рядовой узник», однако могла возникнуть и другая крайность – общение переходило на неформальный уровень [24. С. 60–61]. Шансы на выживание функционеров при этом значительно увеличивались.

Для общения лагерного функционера и рядового узника была характерна большая вариативность по

сравнению с названными выше парами. С одной стороны, в силу статуса в иерархии «самоуправления» представители лагерной «аристократии» доминировали в общении, передавая приказы нацистов и формулируя свои директивы. Их речь также была полна агрессивной инвективной лексики (что во многом объяснялось низким уровнем культуры), направленной на подчинявшихся им сокамерников все с той же целью унижения. Один из бригадиров – коллаборационистов концлагеря при совхозе «Красный» (Симферополь) – Николай Загной, избивая узников, постоянно повторял фразу: «Работайте, скоты, это вам не советская власть, а немецкая» [25. Р. 80–81].

С другой стороны, в силу возможного отсутствия языкового барьера и единства национальной принадлежности, между данными категориями могло складываться и вполне доверительное общение [26. Л. 71].

Казалось бы, коммуникация на уровне «узник–узник» в ситуации борьбы против общего врага – СС, в случае знания языков, должна была выстраиваться с высокой степенью взаимопонимания и поддержки, однако зачастую это было не так. Под влиянием лагерных условий (голода, антисанитарии, распространения инфекционных заболеваний), а также целенаправленной нацистской политики в общении между узниками активировались негативные национальные, классовые и прочие стереотипы.

Например, политические узники разных стран с предубеждением относились к категории так называемых асоциальных, в которую нацисты включали лиц без определенного места жительства, людей, страдавших алкоголизмом, проституток, а также цыган. По справедливому мнению немецкой исследовательницы К. Шикорры, политические узники наделяли образ асоциальных отрицательными чертами, стабилизируя тем самым собственную групповую идентичность [27. С. 109]. Заключенные, оказавшиеся в концлагерях по политическим мотивам, характеризовали асоциальных заключенных как пособников нацистов, не имевших права называться жертвами. Одновременно политические формировали позитивное представление о собственной группе как обладавшей моральными ценностями и убеждениями, которых они не предали. За счет асоциальных политические пытались нейтрализовать отрицательное представление нацистов о себе, разрушавшее их групповую идентичность.

В отношении цыган массовые стереотипы также играли особую роль. Одна из узниц Равенсбрюка отмечала, что цыганки «крали, как вороны, и учили своих детей делать то же самое». Другие выражали нежелание жить вместе с цыганами из-за их неряшливости. Вполне возможно, что в некоторых случаях подобные утверждения имели под собой основания, но чаще всего они основывались на домыслах и слухах [28. С. 130].

Национальные стереотипы были крайне живучи и ограничивали получение узниками опыта позитивного взаимодействия: «Греки: несколько преподавателей, несколько юристов, солдат, интеллектуалов или бойцов буржуазного сопротивления, беспомощные, грязные и измученные, и в гораздо большем количе-

стве левантийские бандиты с черными рожами и вьющимися волосами, жутко бородатые, воры и мошенники, дико кричащие, трусливые в работе...» [29. Р. 62–64].

Использование инвективной лексики также являлось одной из специфических черт, характерных для речевой коммуникации не только эсэсовцев, но и узников. В данном случае инвективная лексика в лагерном общении выполняла еще ряд функций. Она использовалась как средство эмоциональной разрядки, как реакция на неудовлетворенность и стресс (катартическая функция). Контактоустанавливающая функция реализовывалась за счет того, что инвектива вследствие своей эмоциональной насыщенности способна устанавливать контакт между равными по возрасту и социальному положению людьми. Более того, жаргонные выражения используются в качестве пароля, по которому члены данной социальной подгруппы узнают друг друга, это некие маркеры, отмечающие, что «мы все свои люди». С целью установления контакта заключенные могли ругать кого-то третьего, например представителя лагерной администрации или функционера, устанавливая, таким образом, положительный контакт между собой. Так, узники Вайвары называли одного из представителей «самоуправления» «шестиногим», потому что он всегда ходил в сопровождении волкодава, который вылавливал ««преступников» – находил тех, кто имел при себе хлеб...» [30. Л. 4]. И узники использовали инвективную лексику, сравнивая оппонента с животными: «Вот, собаки, – кто-то стал тихо возмущаться. – Мало им, что на работе с нас все жилы вытянули...» [31].

Коммуникация узников с гражданскими служащими во время работы на нацистских предприятиях также была весьма вариативна и реализовывалась в диапазоне от вербального насилия [32. С. 37] до реальной помощи и слов поддержки: «Я попала к одному мастеру – Францу, в цех. Он был очень хороший человек. Он все говорил мне: “Лена, когда вернешься домой, пришли мне крымского табака”. Я бы конечно, это с удовольствием сделала, но в это время нас Сталин считал изменниками родины, поэтому я ничего не могла сделать. А ведь он мне дважды спасал жизнь» [33. С. 87].

Коммуникация играла фундаментальную роль в выживании заключенных. Заключенные должны были понимать исходящие от эсэсовцев приказы. Узник не мог спастись в лагере в одиночку, он был вынужден общаться с другими заключенным, в том числе функционерами «самоуправления», чтобы удовлетворить базовые потребности – в элементарной пище, лечении во время болезни [34. Р. 2]. Опытные узники делились с новичками информацией о лагерном мире, его правилах и опасностях.

Более того, заключенные стремились противостоять разлагающему влиянию концлагерной действительности, сохраняя долагерную идентичность, отличную от навязываемой лагерной администрацией идентичности узника. Этому способствовали различные проявления культуры, инициированные заклю-

ченными (пение, стихотворное творчество, изобразительное искусство и т.д.). По справедливому замечанию известного социолога Зигмунта Баумана, культура в подобных условиях являлась вездесущим двигателем выживания, она служила цели обессмертить человека, вывести его за рамки личного ограниченного существования [35. С. 6]. Организация подобной нелегальной деятельности была бы невозможна без сложной коммуникационной сети, возникавшей как в рамках национальных групп узников, так и доходившей до уровня интернационального взаимодействия. Только в Бухенвальде в 1943 г. образовался международный комитет лагеря, включавший представителей коммунистических партий Германии, Бельгии, Франции, Италии, Югославии, Нидерландов, Австрии, Польши, Чехословакии и Советского Союза. Тогда же была создана Интернациональная военная организация. К моменту освобождения концлагеря она состояла из 188 групп с более чем девятью сотнями бойцов [10. С. 278].

Известная исследовательница тоталитаризма Ханна Арендт в своей фундаментальной работе «Истоки тоталитаризма» отмечала, что концентрационные лагеря представляли собой лабораторию, в которой происходило изменение человеческой природы как нацистов, так и заключенных [36]. Подобный подход можно считать отчасти правомерным, если обратить внимание на метаморфозы, происходившие в концлагере с языком и коммуникацией. И то и другое подверглось принудительным изменениям, создавая необходимую нацистским идеологам картину реальности.

В то же время концлагеря оставались взаимосвязаны с внешним миром, представляли собой, пусть и в извращенном виде, модель общества, полного различных культур, систем ценностей и, конечно же, языков. Это общество было постоянно меняющимся во времени и пространстве (в зависимости от того или иного лагеря) конструктом. Его структурировала не только вертикально выстроенная интеракция, направлявшаяся эсэсовской администрацией, но и многочисленные горизонтальные коммуникативные связи, составлявшие основу повседневной жизни заключенных. Подобные связи были полны различных религиозных, культурных, этнических и прочих стереотипов.

Несмотря на перманентный террор, узники сохраняли свою долагерную языковую идентичность, позволявшую им оставаться самими собой, а не только объектами насилия со стороны лагерной администрации. Сохранение родного языка, а также освоение основ иностранных языков солагерников позволяло узникам выстраивать коммуникацию для собственного выживания или помощи другим узникам, а также для борьбы с лагерной администрацией. Вынужденное нахождение мультиязычного общества на закрытой территории с четкими правилами существования неизбежно способствовало созданию особого лагерного языка, необходимого и достаточного для функционирования в условиях концентрационного лагеря. Закрепившиеся в европейских языках элементы лагерного языка напоминают о периоде существования чудовищного мира, искусственно созданном человеком.

Список источников

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. 192 с.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Sofsky W. The Order of Terror: The Concentration Camp. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1996. 356 p.
4. Oschlies W. Lagersprache. Zur Theorie und Empirie einer KZ- spezifischen Soziolinguistik // Zeitgeschichte. 1985. № 13. S. 1–27.
5. Zenon J., Kłodziński S., Masłowski J. 'bauernfuss, goldzupa, himmelaustroada'. Zum 'Krematoriumesperanto' der Sprache polnischer KZ-Häftlinge // Die Auschwitz-Hefte. 1987. № 2. S. 241–260.
6. Interpreting in Nazi concentration camps / ed. by M. Wolf. London; New York: Bloomsbury Academic, 2016. 249 p.
7. Kamiński A. Konzentrationslager 1896 bis heute. Stuttgart: Kohlhammer, 1982. 289 p.
8. Benz W. Nationalsozialistische Zwangslager. Ein Überblick // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / hrsg. W. Benz, B. Distel. Bd. 1. München: Verlag C.H. Beck, 2005. S. 11–29.
9. Котек Ж., Ригуло П. Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М.: Текст, 2003. 687 с.
10. Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концлагерей. М.: Молодая гвардия, 2017. 319 с.
11. Заключение по делу о злодеяниях немецких захватчиков в городе Люблин // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 107. Д. 8.
12. Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое изд-во, 2010. 196 с.
13. Aschenberg H. Linguistic Terror in Nazi Concentration Camps: Lucien and Gilbert – Portraits of Two "Interpreters" // Interpreting in Nazi concentration camps / ed. by M. Wolf. London; New York: Bloomsbury Academic, 2016. P. 63–78.
14. Мюллер Ш. Слесарная команда Равенсбрюка. М.: Изд-во политической литературы, 1985. 172 с.
15. Fackler G. Music in Concentration Camps 1933–1945 // Music & Politics. 2007. Vol. 1, Is. 1. P. 1–25.
16. Они победили смерть. М.: Изд-во политической литературы, 1959. С. 98.
17. Харламова Н.Ф. От Севастополя до концлагеря Бельзена // Архив военно-медицинских документов (Санкт-Петербург). ОФ-58222.
18. Strebel B. Ravensbrück – das zentrale Frauenkonzentrationslager // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / hrsg. U. Herbert, K. Orth, C. Dieckman. Göttingen, 1998. S. 215–258.
19. Протокол допроса свидетеля З. Трубакова // Галузевий Державний архів Служби безпеки України (ГДА СБУ). Ф. 7. Оп. 8. Д. 1.
20. Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim // Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg. AR-Z 43/67. Bd. 5.
21. Criminal file of Olga Fink // The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). Washington. RG-31.018M. Reel 57.
22. Протокол допроса свидетеля И. Долинера // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772.
23. Шерман Б.П. И ужаснулась земля: Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи, 1997. 100 с.
24. Maršálek H. Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation. Wien: Österr. Lagergemeinschaft Mauthausen, 1980. 347 s.
25. Протокол судебного заседания 12.08.1944 // USHMM. RG-31.018M. Reel 56. Case 18805.
26. Протокол судебного заседания по делу И. Морозова // ГДА СБУ. Ф. 5. Д. 46772.
27. Schikorra C. "Asoziale" Häftlinge im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück – die Spezifik einer Häftlingsgruppe // Hrsg. Röhr W., Berlekamp B. Tod oder Überleben? Neue Forschungen zur Geschichte des Konzentrationslager Ravensbrück. Berlin, 2001. S. 89–121.
28. Massariello Arata M. Ravensbrück. Tagebuch einer Deportierten. Wien: Promedia, 1987. 223 s.
29. Rousset D. L'univers concentrationnaire. Paris: Ed. du Pavois, 1948. 190 p.
30. Лагерь в Клооре // Yad Vashem Archive (YV). P. 21. File 15.1.
31. Трубаков З. Тайна Бабьего Яра. URL: <http://amkob113.ru/bkv/> (дата обращения: 15.01.2021).
32. Лагерный опыт в жизни и памяти русских и немцев — возможности и пределы совместных воспоминаний. Воронеж: ВГПУ, 2010. 228 с.
33. Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Воронеж: ВГПУ, 2008. 351 с.
34. Testimony of Hanus Muntz // YV. O.3. File 4288.
35. Bauman Z. Mortality, immortality and other life strategies. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992. 215 p.
36. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017156/57/Arendt_-_Istoki_totalitarizma.html (дата обращения: 15.01.2021).

References

1. Agamben, G. (2012) *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life; Remnants of Auschwitz: The Witness and the Archive]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
2. Frankl, V. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Translated from German. Moscow: Progress.
3. Sofsky, W. (1996) *The Order of Terror: The Concentration Camp*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
4. Oschlies, W. (1985) Lagersprache. Zur Theorie und Empirie einer KZ- spezifischen Soziolinguistik. *Zeitgeschichte*. 13. pp. 1–27.
5. Zenon, J., Kłodziński, S. & Masłowski, J. (1987) 'bauernfuss, goldzupa, himmelaustroada'. Zum 'Krematoriumesperanto' der Sprache polnischer KZ-Häftlinge". *Die Auschwitz-Hefte*. 2. pp. 241–260.
6. Wolf, M. (ed.) (2016) *Interpreting in Nazi concentration camps*. London; New York: Bloomsbury Academic.
7. Kamiński, A. (1982) *Konzentrationslager 1896 bis heute*. Stuttgart: Kohlhammer.
8. Benz, W. (2005) Nationalsozialistische Zwangslager. Ein Überblick. In: Benz, W. & Distel, B. (Hrsg.) *Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager*. Bd. 1. München: Verlag C.H. Beck. pp. 11–29.
9. Kótek, J. & Rigoulot, P. (203) *Vek lagerey: lishenie svobody, kontsentratsiya, unichtozhenie. Sto let zlodeyaniy* [The Century of the Camps: Detention, Concentration, Extermination, One Hundred Years of Radical Evil]. Translated from French. Moscow: Tekst.
10. Aristov, S. (2017) *Povsednevnyaya zhizn' natsistskikh kontslagerey* [Daily life of Nazi concentration camps]. Moscow: Molodaya gvardiya.
11. State Archive of the Russian Federation. Fund 7021. List 107. File 8. *Zaklyuchenie po delu o zlodeyaniyakh nemetskikh zakhvatchikov v gorode Lyublin* [Conclusion on the case of the atrocities of the German invaders in Lublin].
12. Levi, P. (2010) *Kanuvshie i spasennye* [The Drowned and the Saved]. Translated from English. Moscow: Novoe izd-vo.
13. Aschenberg, H. (2016) Linguistic Terror in Nazi Concentration Camps: Lucien and Gilbert – Portraits of Two "Interpreters". Wolf, M. (ed.) *Interpreting in Nazi concentration camps*. London; New York: Bloomsbury Academic. pp. 63–78.
14. Müller, Ch. (1985) *Die Klemmerkolonne in Ravensbrück*. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury. (In Russian).
15. Fackler, G. (2007) Music in Concentration Camps 1933–1945. *Music & Politics*. 1 (1). pp. 1–25.
16. Sokova, A.N. et al. (1959) *Oni pobedili smert'* [They conquered death]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury.
17. Archive of Military Medical Documents (St. Petersburg). OF-58222. Kharlamova, N.F. (n.d.) *Ot Sevastopolya do kontslagerya Bel'zena* [From Sevastopol to the Belsen concentration camp].

18. Strebel, B. (1998) Ravensbrück – das zentrale Frauenkonzentrationslager. In: Herbert, U., Orth, K. & Dieckman, C. (Hrsg.) *Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur*. Göttingen. pp. 215–258.
19. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 7. List 8. File 1. *Protokol doprosa svidetelya Z. Trubakov* [Record of the interrogation of witness Z. Trubakov].
20. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen in Ludwigsburg. AR-Z 43/67. Bd. 5. *Aufklärung von Tötungsverbrechen durch Angehörige der ab Sommer 1942 bestehenden Dienststelle des KdS Simferopol / Krim*.
21. The United States Holocaust Memorial Museum. Washigton. RG-31.018M. Reel 57. *Criminal file of Olga Fink*.
22. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 5. File 46772. *Protokol doprosa svidetelya I. Dolinera* [Record of the interrogation of witness I. Doliner].
23. Sherman, B.P. (1997) *I uzhasnulas' zemlya: Baranovichskoe getto. Koldychevskii lager' smerti* [And the earth was horrified: the Baranovich ghetto. Koldychevo death camp]. Baranovich.
24. Maršálek, H. (1980) *Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen: Dokumentation*. Wien: Österr. Lagergemeinschaft Mauthausen.
25. The United States Holocaust Memorial Museum. RG-31.018M. Reel 56. Case 18805. *Protokol sudebnogo zasedaniya 12.08.1944* [Minutes of the court session of 12.08.1944].
26. Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine. Fund 5. File 46772. *Protokol sudebnogo zasedaniya po delu I. Morozova* [Minutes of the court session on the case of I. Morozov].
27. Schikorra, S. (2001) "Asoziale" Häftlinge im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück – die Spezifik eine Häftlingsgruppe. In: Röhr, W. & Berlekamp, B. (Hrsg.) *Tod oder Überleben? Neue Forschungen zur Geschichte des Konzentrationslager Ravensbrück*. Berlin. pp. 89–121.
28. Massariello Arata, M. (1987) *Ravensbrück. Tagebuch einer Deportierten*. Wien: Promedia.
29. Rousset, D. (1948) *L'univers concentrationnaire*. Paris: Ed. du Pavois.
30. Yad Vashem Archive. S. 21. File 15.1. *Lager' v Klooge* [Camp in Kloog].
31. Trubakov, Z. (2021) *Tayna Bab'ego Yara* [The Mystery of Babi Yar]. [Online] Available from: <http://amkob113.ru/bkv/> (Accessed: 15.01.2021).
32. Timofeeva, N.P. (2010) *Lagernyi opyt v zhizni i pamyati russkikh i nemtsev — vozmozhnosti i predely sovmestnykh vospominanii* [Camp experience in the life and memory of Russians and Germans – the possibilities and limits of joint memories]. Voronezh: VGPU: Voronezh State Pedagogical University.
33. Timofeeva, N.P. (ed.) (2008) *Nepobedimaya sila slabykh: kontsentratsionnyi lager' Ravensbryuk v pamyati i sud'be byvshikh zaklyuchennykh* [The invincible strength of the weak: the Ravensbrück concentration camp in the memory and fate of former prisoners]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
34. Yad Vashem Archive. O.3. File 4288. Testimony of Hanus Muntz.
35. Bauman, Z. (1992) *Mortality, immortality and other life strategies*. Stanford: Stanford Univ. Press.
36. Arendt, H. (2021) *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Translated from English. [Online] Available from: https://www.e-reading.club/chapter.php/1017156/57/Arendt_-_Istoki_totalitarizma.html (Accessed: 15.01.2021).

Информация об авторах:

Аристов С.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и культурологии Национального исследовательского университета “МЭИ” (Москва, Россия). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

Аристова В.Н. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Москва, Россия). E-mail: avn2611@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Aristov, Dr. Sci. (History), professor, Moscow Power Engineering Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com

V.N. Aristova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: avn2611@gmail.com

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2021;
одобрена после рецензирования 14.02.2021; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 19.01.2021;
approved after reviewing 14.02.2021; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 94.083: 329.71
doi: 10.17223/15617793/480/11

Трезвенное движение как реформистское в период «выбора пути» в России в 1907–1914 гг.

Александр Лукьянович Афанасьев¹

¹ *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, afal_2007@mail.ru*

Аннотация. Исследуется воздействие трезвенного движения (ТД) на общество между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной. На 1 января 1911 г. в России выявлено 1873 общества трезвости с около 500 тыс. членов. Большая часть руководителей была священниками, рядовых членов – крестьянами и рабочими. ТД улучшало моральную, материальную, правовую обстановку в семьях и общинах. Под его влиянием Церковь, органы самоуправления и власти принимали необходимые просветительные и ограничительные антиалкогольные меры.

Ключевые слова: трезвенное движение в начале XX в. в России, общества трезвости, алкогольная политика Николая II, Русская православная церковь, Государственная Дума Российской империи

Для цитирования: Афанасьев А.Л. Трезвенное движение как реформистское в период «выбора пути» в России в 1907–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 92–98. doi: 10.17223/15617793/480/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/11

The reformist character of the temperance movement in Russia in the “path choice” period in 1907–1914

Alexander L. Afanasev¹

¹ *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, afal_2007@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to prove the author’s hypothesis that the vast temperance movement (TM) increased the potential of the reformist development in Russia. The objective is to learn the exact mechanism of its influence on the society. The research methodology includes analysis, synthesis, objectivity, historicism and interdisciplinarity. The sources of the material are: reports and periodicals of temperance societies, papers by the movement participants, notes of the anti-alcohol congresses, articles by administrative bodies, newspapers. The analyzed territory is Russia without Poland and Finland. TM was the society’s response to the alcohol policy by the tsarism. Its influence was increasing. As of 1 January 1911, there were 1,873 temperance societies in Russia with nearly 500,000 members. 74.5 % of the societies were located in villages with most members from the peasantry; 25.5 % were in urban settlements, with most members from workers. 1,782 societies (95.14 % of the total number) were religious with 1,771 of them Orthodox. Their leaders were mostly priests. Of 91 civil societies, 56 were Estonian, 15 Latvian, 2 Finnish and 18 international ones. The manifestation and outcomes of the movement were the following. (A) Locally, (1) the participants of the movement adopted a sober lifestyle, peace and wealth came into families; (2) the participants became a part of a group of soulmates, many of them found a high meaning of life; (3) some societies were involved in educational and charity work; (4) the societies encouraged people to take part in useful activities; (5) due to the societies’ impact, open alcohol abuse, hooliganism and criminal activity were decreasing, sober traditions were emerging, communities made public verdicts to close down state wine stores and to ban illegal alcohol sale. (B) On the state and regional levels, on 11 December 1907 the III State Duma established the Anti-alcohol Panel. On 16 November 1911 the Duma adopted the law providing for essential educational and restrictive measures. In 1909–1912 All-Russia congresses against alcohol abuse were held. In 1913–1914 abstinence festivals in both capitals and in more than 50 other provinces were organized. Nicholas II saw the movement as a way to reinforce the political situation in the country; in April 1913 he began to openly support it and in January 1914 proceeded to change the alcohol policy in the country. A circular of the Minister of Finance of 11 March 1914 indicated that it was necessary to satisfy the petitions of rural societies to ban the sale of vodka on their territory. In February–July 1914, the government approved 800 such petitions. A campaign began, during which local governments and state authorities took new educational and restrictive anti-alcohol measures. So, the temperance movement, reformist in character, contributed to the improvement and strengthening of Russia. It urged the authorities to take measures that increased the stability of society and the possibility of development along

a peaceful path. This was the “rise of Order out of Chaos”. At the same time, during the rapid anti-alcohol campaign of 1914, opposite processes began.

Keywords: temperance movement in early 20th century, temperance societies, alcohol policy by Nicholas II, Russian Orthodox Church, State Duma of Russian Empire

For citation: Afanasev, A.L. (2022) The reformist character of the temperance movement in Russia in the “path choice” period in 1907–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 92–98. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/11

Введение

Таблица 1

1907–1914 гг. были для России временем залечивания ран после проигранной Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Как заключает синергетик Г.Ю. Ризниченко, война для страны – это «внешняя катастрофа», а революция – «внутренняя катастрофа» [1]. До начала мировой войны оставалось всего семь лет. В это короткое мирное время в стране происходил «выбор» между путями, развивающимися одновременно: революционным, реформистским и консервативным. Цель статьи – обосновать гипотезу автора о том, что массовое трезвенное движение (ТД) способствовало укреплению России и поэтому увеличивало возможности ее движения по пути реформ. Задачи заключались в том, чтобы выяснить, как именно воздействовало ТД на общество на местном уровне и уровне страны. В историографии подобный вопрос не рассматривался, за исключением нескольких работ автора (см., например: [2. С. 41–42, 130]). В предлагаемой статье указанная гипотеза обосновывается более подробно, с привлечением дополнительных источников. Все даты указываются по старому стилю. Подсчеты по России проведены без учета Польши и Финляндии.

Трезвенное движение

Часть россиян видели главную причину несчастий страны в разрушительной системе продажи казенного вина (водки) и пьянстве (см.: [3]) и вступали в трезвенное движение, выступавшее за ограничительные и просветительные антиалкогольные меры в рамках существующего строя. Второе ТД началось еще в конце 1880-х гг. и в 1907–1914 гг. стало наиболее многочисленным. Его организованной частью были общества трезвости. По нашим подсчетам, на 1 января 1911 г. в России насчитывалось 1 873 общества трезвости, в которых, судя по их отчетам, числилось около 500 тыс. членов [2. С. 42–48]. Примерно 74,5% обществ находились в сельских поселениях и около 25,5% – в городских. В сельских поселениях среди участников преобладали крестьяне, в городских – рабочие, многие из которых были недавними выходцами из деревни. Большинство трезвенных объединений были религиозными: 1 782 общества (95,14% от общего числа), из них почти все – православные: 1 771 общества (94,55%) (табл. 1).

О росте влияния движения говорит и такой показатель, как значительное увеличение количества церковных обществ трезвости. За 11 лет, с 1 января 1900 г. по 1 января 1911 г., их количество выросло с 461 до 1 767, или в 3,8 раза (табл. 2).

Число и типы обществ трезвости в России на 1 января 1911 г.

Тип (характеристика) обществ	Число обществ	% к итогу
Всего обществ	1 873	100
Религиозные общества, в т.ч.:	1 782	95,14
православные (РПЦ)	1 771	94,55
неоправославные (чуриковцы в Петербурге и колосковцы в Москве)	2	0,11
латышские христианские	7	0,37
литовское «Католическое общество “Трезвость”» с центром в г. Ковно и отделениями в четырех губерниях	1	0,05
«Рижское общество добрых храмовников “Благая весть”» (околомаасонское)	1	0,05
Гражданские (светские) общества, в т.ч.:	91	4,86
эстонские	56	2,99
латышские	15	0,80
финские (в Петербурге)	2	0,11
прочие (общие для всех национальностей)	18	0,96

Источники: [4. С. 19–23; 5. С. 26–139, 177–227; 6. С. 78–87; 7; 8; 9. Стб. 1125–1126; 10. С. 3–6; 11. Д. 1416. 1114 л.; Д. 507в. Л. 1. С. 35, 38, 40].

Примечание. Литовское «Католическое общество “Трезвость”» было образовано 1 июля 1911 г.

Таблица 2

Изменение числа церковных обществ трезвости в России в 1900–1911 гг., по данным Канцелярии обер-прокурора Св. Синода

Год (на начало года)	Количество обществ трезвости	
	Всего	% к 1900 г.
1900	461	100
1906	770	151
1907	834	180
1908	918	199
1909	1058	228
1910	1309	284
1911	1767	383

Источники: [4. С. 19–23; 11. Д. 1416. 1114 л.].

Примечание. В Канцелярии обер-прокурора Св. Синода были подсчитаны только те общества трезвости за предшествующие годы (1900–1910 гг.), которые продолжали существовать к 1 января 1911 г.

В последующем в 1911 – первой половине 1914 г. число трезвенных объединений и их участников продолжало расти. Приведем данные по Томской епархии, примерно совпадавшей по территории с обширной Томской губернией, где в начале XX в. епархиальные архиереи и губернаторы поддерживали трезвенное движение. На 1 января 1911 г. здесь насчитывалось 25 церковных обществ, а на 1 января 1914 г. – уже 102, т.е. за три года произошел рост в 4,1 раза. К 1 января 1914 г. общества трезвости имелись в 12% всех приходов епархии [2. С. 128].

Результаты трезвенного движения: А. На низовом уровне (семья, церковный приход, населенный пункт) они были следующими:

1. Участники приобщались – на определенное время или, реже, навсегда – к трезвому образу жизни, в семьях воцарился покой и достаток. Автор очерка истории Байдарского церковно-приходского общества трезвости Курганского уезда Тобольской губернии (вероятно, это был председатель общества приходской священник Н.В. Булдыгин) со знанием дела писал: «Всякий обыватель, состоявший в обществе трезвости... заявит, что когда он был член[ом] общества – был трезв, а когда был трезв – легко и охотно работал, был сыт, лучше одет, исправнее и легче нес свое тягло» [12. С. 31]. Секретарь духовной консистории Архангельской епархии сообщал в записке в Канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода от 17 января 1911 г. об отрадных результатах общества в Чекуевском приходе Онежского уезда: «Четверо мастеровых до записи в члены в общество трезвости решительно пропивали все, что зарабатывали, и не имели порядочной ни одежды, ни обуви, как сами, так и их семьи, а теперь трое уже год как совершенно изменили свое поведение, сами и семья обуты и одеты, а четвертый из них, первым записавшийся в общество трезвости и уговоривший товарищей последовать его примеру, выполнив свой срок, записался вторично на два года» [11. Д. 1416. Л. 18].

2. Трезвенники, будучи прежде «одинокими», становились *членами общин единомышленников*, обрели в них жизненную опору и высокий смысл жизни: жить по-христиански (в религиозных обществах), улучшать жизнь народа (в светских). Например, на празднике упомянутого Байдарского общества трезвости 1 октября 1908 г. один из его членов С.Г. Утков говорил по поводу угроз «тмы невежества»: «Но мы найдем истину и **будем делать добро по заповедям Спасителя**, памятуя, что “пьяницы царствия Божия не наследуют”. **Будем полезными членами людского общества, истинными сынами церкви и верными служителями государства!**» (выделено мной. – А.А.) [12. С. 27].

3. Ряд обществ вел полезную культурно-просветительную, а некоторые – еще и благотворительную работу. По специальной карточке-анкетой нами выявлены сведения, далеко не полные, о такого рода деятельности в 431 обществе 11 уральских, северных, северо-западных и прибалтийских губерний [2. С. 53–59, 144–195]. Результаты таковы. В 431 обществе имелось 55 библиотек, кроме того, действовало 5 библиотек-читален и еще 5 просто читален (итого 65); чайных – 11, драматических или любительских кружков – 33, любительских хоров – 28. Пять обществ содержали начальные общеобразовательные школы для детей, пять – воскресные общеобразовательные школы для взрослых и подростков. Пособия бедным членам и их семьям выплачивались в 10 обществах, кассы взаимопомощи («вспомогательные кассы») имелись в 2 обществах, беспроцентные ссуды – в 1 обществе, потребительская лавка – в 1 обществе...

4. Трезвенные объединения явно и неявно направляли людей на созидание в рамках существующего строя и неучастие в революционных выступлениях. Это происходило как в ходе революции 1905–1907 гг., так и после ее окончания. Так, например, бюллетень Красноярского комитета РСДРП сообщал, что в период всеобщей российской Октябрьской политической стачки на митинге в Народном доме в Красноярске 20 октября 1905 г. вскоре после оратора – социал-демократа, говорившего о необходимости избирательного права для солдат, выступил **«член общества трезвости и в то же время хозяин ремесленного заведения»**. Он **«говорил, что виною всему водка, а также советовал прекратить забастовку в ремесленных заведениях»** (выделено мной. – А.А.) [13. С. 214]. В записке от 10 февраля 1911 г. секретаря духовной консистории Екатеринбургской епархии П. Сребрянского о причинах открытия 9 октября 1907 г. Нижне-Тагильского братства Животворящего Креста Господня Верхотурского уезда, занимавшегося среди прочего и трезвенной работой, сообщалось: «Агитаторы устраивали сходки (в конце 1905–1906 гг. – А.А.) и уловляли в свои сети, особенно молодежь. Темной силе нужно было противопоставить силу Евангельского христианско-православного света, незаконным и злобным сборищам противопоставить законные и проникнутые христианской любовью собрания. Так возникло Братство, деятельность которого проявилась в религиозно-нравственных чтениях, в помощи членам Братства и их семьям, в случае оказавшейся нужды, а также благотворительности всякого рода» [11. Д. 1416. Л. 198].

Еще один пример. В дни массовой городской Июльской политической забастовки 1914 г. в Петербурге, в начале которой были ожесточенные столкновения рабочих с полицией, погибшие и раненые, рабочие – члены петербургских церковных Варгунинского и Серафимовского обществ трезвости уклонились от участия в ней. Вот как описывает события председатель общества при Александро-Невской церкви Невской писчебумажной фабрики братьев Варгуниных священник А. Простосердов: «Бесцельно шатались толпы народа. Кое-где раздавались отчаянные крики. Это кричали женщины, идущие на работу и встреченные хулиганами, которые камнями били каждого, не расположенного бастовать». Вместо участия в беспорядках трезвенники во главе с Простосердовым совершили крестный ход в районе Серафимовского и Варгунинского храмов и паломническую поездку на пароходе на остров Валаам. Священник вспоминал: «Хорошо в это время было на Валааме. Забастовка лишь изредка вспоминалась как черный, страшный сон» [14. С. 32–33].

5. Положительное влияние общества оказывали не только на своих членов, но и шире – на окружающих, подобно маякам, чей свет виден за многие версты вокруг. Уменьшалось число случаев публичного, вызывающего пьянства, хулиганства молодежи, преступности. Так, в рапорте исправляющего должность секретаря Томской духовной консистории в канцелярию обер-прокурора Св. Синода от 30 декабря 1910 г. со-

общалось: «Под влиянием Риддерского общества трезвости (в селе Риддер, 56 членов. – А.А.), Змеиногорского уезда, составлен на приходском сходе приговор о закрытии в приходе винной лавки, а результатом деятельности Ложкинского общества трезвости (в селе Ложкино, 63 члена. – А.А.), Бийского уезда, явилось прекращение празднования двух “съезжих” праздников, сопровождавшихся многодневным поголовным пьянством» [11. Д. 1416. Л. 777–778].

Б. *Важная деятельность происходила и на региональном и общероссийском уровне.* Это были работа в Государственной думе, всероссийские съезды по борьбе с пьянством и всероссийские праздники трезвости, встречи руководителей движения с представителями церковной и светской власти. Приведем наиболее важные из них.

Б1. По почину члена III Государственной Думы от Самарской губернии, энергичного предпринимателя из крестьян, старообрядца-единоверца октябриста М.Д. Чельшова 11 декабря 1907 г. была образована думская «Комиссия о мерах борьбы с пьянством» (далее – Комиссия). Опираясь на широкую поддержку с мест, она стала центром разработки антиалкогольных мер в России. Под ее непосредственным влиянием некоторые российские министерства и ведомства уже в 1908–1909 гг. приняли ряд важных просветительных, ограничительных и организационных мер [15. С. 743–756]:

1) Министерство народного просвещения в 1908 г. издало и разослало во все средние и некоторые низшие учебные заведения брошюру «Список наглядных учебных пособий и собрание программ для преподавания гигиены», где вопросы об алкоголизме были выделены в особую группу;

2) Военное ведомство приказом от 30 декабря 1908 г. № 584 отменило выдачу нижним чинам чарки водки (123 мл) в праздничные и высокаторжественные дни, заменив ее «легким виноградным вином, пивом или улучшенной порцией [пищи]»; запретило продажу «водки и крепких спиртных напитков» в солдатских лавках и буфетах, а также воспретило «начальникам всех степеней по своему усмотрению давать водку нижним чинам целой части в военное и мирное время...»;

3) Св. Синод в определении от 4–6 июня 1909 г. № 4896 указал духовенству на необходимость учреждения в приходах обществ трезвости, проповедей, чтений и «личного примера трезвости священнослужителей прихода», вследствие чего число церковных обществ трезвости быстро росло, и их деятельность стала более успешной.

Подготовленный Комиссией «Проект закона об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, постановлений» был принят III Государственной думой в третьем чтении 16 ноября 1911 г. Он предусматривал ведение важных ограничительных и просветительных мер в России, в частности:

а) право вынесения запретительных приговоров на продажу крепкого алкоголя на подведомственной территории волостным, сельским сходам, городским думами и подобным им органам местного самоуправления;

б) воспрещение торговли алкоголем в субботы и предпраздничные дни после двух часов дня и полностью – в воскресные и праздничные дни;

в) места продажи алкоголя могли находиться в столичных и губернских городах – не ближе 40 сажен (85 м), а в остальных местностях – не ближе 100 сажен (213 м) от церквей и учебных заведений всех типов;

г) во всех начальных, средних и педагогических учебных заведениях должны были сообщаться «сведения о вреде, наносимом употреблением спиртных напитков» [15. С. 690–703].

Законопроект был передан в верхнюю палату парламента – Государственный совет, откуда с замечаниями вернулся на доработку в IV Думу. Он так и не обрел силу закона, но его обсуждение с широким освещением в печати способствовало тому, что, как писал Чельшов, «пробудилось население» и трезвенное движение стало расти и шириться (см.: [15. С. 757]).

Б2. 28 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. в Петербурге прошел Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством, а 6–12 августа 1912 г. в Москве – Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. На первом из них преобладали светские деятели (врачи, правоведы и другие, всего 543 участника), на втором – священники (всего 473 участника). Основными итогами съездов было то, что до российского общества были доведены результаты научных исследований по алкогольному вопросу и положительный опыт борьбы с пьянством; укрепились связи между участниками трезвенного движения; движение на местах получило поддержку и усилилось (см.: [16. С. 89–92, 309–310, 311, 355; 17. С. 175]).

Б3. Важную работу проводил состоявший под официальным покровительством великого князя Константина Константиновича Всероссийский трудовой союз христиан-трезвенников (ВТСХТ, 1911–1917 гг.). В 1912–1914 гг., заручившись поддержкой светских и церковных властей, он впервые провел *открытые массовые действия – праздники трезвости*, в ходе которых в городах и селах читались проповеди, проводились крестные ходы, раздача и продажа трезвенной литературы, значков, проповеди, лекции и спектакли с соответствующей тематикой. При участии местных обществ ВТСХТ устроил 23–24 сентября 1912 г. в Петербурге городской праздник трезвости [18]. Он же организовал 28–29 апреля 1913 г. первый Всероссийский праздник трезвости в 56 губерниях и областях, а 7–8 апреля 1914 г. – второй Всероссийский праздник в 55 губерниях и областях из 89 насчитывавшихся в России [19. С. 3–17; 20. С. 15–29]. Кроме того, по постановлению Св. Синода 29 августа 1913 г., в день усекновения главы Иоанна Предтечи, считавшегося первым трезвенником, в Петербургской, Московской и ряде других епархий состоялся первый Всероссийский *церковный* праздник трезвости [2. С. 98, 120–123], который в дальнейшем стал проводиться ежегодно.

Отношение к трезвенному движению верховной власти

Николай II относился к законопослушному трезвенному движению благожелательно, видя в нем одно из средств поддержки политического режима и укрепления положения в стране. Это видно, например, из того, что 13 февраля 1908 г. во время первого в истории приема в Царском Селе 310 членов III Государственной Думы глава государства кратко переговорил всего с двумя депутатами: с членом фракции умеренно-правых графом В.А. Бобринским и с М.Д. Чельшовым. Газета «Новое время» сообщила, что, «удостоил государь также милостивым разговором члена Г[осударственной] Думы Чельшова, известного своей пропагандой против пьянства» [21].

Явная поддержка «крепких», «разумных» крестьян и трезвенного движения прослеживалась и у председателя Совета министров П.А. Столыпина. В своей речи в III Думе 5 декабря 1908 г., посвященной тому, чтобы укреплять выделяемые по аграрной реформе участки крестьянам в личную, а не в семейную собственность, он противопоставил «разумных и сильных» «пьяным и слабым», «крепких и сильных» – «убогим и слабым». В частности, он отметил: «Но главное, что необходимо, это – когда мы пишем закон для всей страны – иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых» [22. С. 58]. 23 сентября 1909 г. в беседе в Петербурге с корреспондентом саратовской газеты «Волга» Н. Гарвеем Столыпин сказал: «Правда, доходы от винной монополии сократились в настоящем году на несколько миллионов, но это можно лишь приветствовать в интересах общегосударственных как несомненный признак уменьшения пьянства. <...> Таков диагноз министра финансов, и я не могу вместе с ним не признать в этом отрадном явлении уменьшения пьянства и заслуги депутата Чельшева. Его фанатичная проповедь, по крайней мере, на поволжские губернии, несомненно, оказала свое влияние» [23. С. 132].

С весны 1913 г. Николай II перешел к открытой поддержке трезвенного движения, а с начала 1914 г. – к изменению политики в алкогольном вопросе. По случаю 300-летия Дома Романовых 4 апреля 1913 г. царь принял депутацию из трех священников – руководителей православных трезвенных объединений во главе с протоиереем П.А. Миртовым. На поднесенном ему «от лица всех русских церковных обществ трезвости» верноподданническом адресе Николай начертал: «Прочел с удовольствием и желаю всемерного распространения по всей земле Русской трезвенного движения» [24]. 2 января 1914 г. Николай принял делегацию Всероссийского трудового союза христиан трезвенников из шести человек во главе с председателем присяжным поверенным Б.И. Гладковым. Заслужили его одобрения заключительные слова речи Гладкова, в которых говорилось о значении организованных Союзом «кружков христианской трезвой молодежи» в учебных заведениях Министерства народного просвещения: «Трезвые дети – это будущая трез-

вая Россия». Царь «обещал монаршее покровительство Союзу и материальную поддержку» [8. 1914. № 4. С. 524; 20. С. 3–6].

30 января 1914 г. царь отправил в отставку сторонника винной монополии министра финансов В.Н. Коковцова. В рескрипте на имя его преемника П.Л. Барка была провозглашена новая финансовая политика отказа от получения государственных доходов от продажи казенной водки. В частности, в нем говорилось: «Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных...» [8. 1914. № 3. С. 293]. Во исполнение рескрипта Барк в циркуляре управляющим акцизными сборами от 11 марта 1914 г. указал на необходимость «относиться с полной благожелательностью к ходатайству сельских обществ о закрытии или недопущении торговли крепкими напитками, неуклонно удовлетворяя все законно состоявшиеся о том приговоры» [25].

Следствием указанных рескрипта и циркуляра явилась *антиалкогольная кампания* февраля–июля 1914 г., в ходе которой возникали многочисленные новые общества трезвости, а органами местного самоуправления и государственной власти принимались противоалкогольные меры. Как указывает американский историк А. Мак-Ки, «в феврале–июле 1914 г. правительство утвердило 800 ходатайств сельских обществ запретить продажу алкоголя на их территории. Это было на 200 обращений больше, чем за весь период с 1895 по 1906 г. В результате закрылось 447 государственных и 702 частных питейных заведений» [26. С. 151].

Действия предпринимались и государственными ведомствами. Например, по Военному ведомству был издан приказ от 22 мая 1914 г. № 309, в котором предписывались дисциплинарные, ограничительные, просветительные и бытовые «Меры против потребления спиртных напитков в армии»: «1) Начальствующие лица... обязаны принимать все меры к сокращению во вверенных им частях потребления спиртных напитков... 2) Появление офицеров в нетрезвом виде где бы то ни было... считается тяжким проступком, несоответствующим высокому званию офицера. <...> 6) Обществам офицеров предоставляется право постановлять решение о совершенном закрытии продажи спиртных напитков в своих собраниях. <...> 8) Командирам частей надлежит всемерно содействовать при помощи полковых священников организации полковых обществ трезвенников <...> 15) Нижним чинам... в течение состояния их в действительной военной службе... воспрещается потребление спиртных напитков где бы то ни было» [27, 28]. Подобные меры, несомненно, способствовали укреплению дисциплины и общему улучшению обстановки в армии, что было особенно важным накануне войны.

В дальнейшем, со вступлением России 19 июля 1914 г. в Первую мировую войну, антиалкогольные меры в стране усилились (так называемый сухой закон), а трезвенное движение, напротив, ослабло.

Заключение

Среднее душевое потребление водки за 1907–1913 гг. в России существенно не снизилось (см.: [29. С. 1067]). Причиной было то, что трезвенное движение и последовательные меры властей давали хорошие результаты *в течение более длительного периода*. Например, в основном водкопотребляющих, как и Россия, странах Северной Европы для этого потребовалось в XIX – начале XX в. полвека мирного времени при деятельном участии как государств, так и органов местного самоуправления [30. С. 119–121].

Каковы же были итоги движения в России? Приведенные выше показатели, такие как значительный рост обществ трезвости и ходатайств сельских обществ о закрытии питейных заведений, усиление всероссийской пропаганды трезвости, поддержка движения верховной властью и Церковью, свидетельствуют о том, что *начало существенно меняться общественное мнение*. Открытое пьянство, сопровождавшееся всякого рода непотребством, из разряда приемлемого

и терпимого стало переходить в разряд нежелательного и осуждаемого явления. Вместе с тем постепенно появлялись трезвые обычаи, снижались правонарушения и преступность, повышался достаток семей; трезвые законопослушные граждане объединялись между собой, налаживали необходимое взаимодействие с властью и приобретали большее влияние в обществе.

Итак, реформистское по характеру трезвенное движение 1907–1914 гг. способствовало оздоровлению и укреплению России. Оно подталкивало власти к принятию ограничительных и просветительных антиалкогольных мер, которые так же, как и само движение, повышали устойчивость общества, а следовательно, и возможности его развития по мирному, не революционному пути. Названные процессы в понятиях синергетики можно описать как *«становление Порядка из Хаоса»*. Одновременно в ходе быстрой антиалкогольной кампании февраля – июля 1914 г. нарушался привычный старый «порядок», а значит, начинались и противоположные процессы.

Список источников

1. Ризниченко Г.Ю. Стадии эволюции сложных систем // Сайт С.П. Курдюмова. Синергетика и эволюционизм. URL: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnykh-sistem/> (дата обращения: 04.03.2022).
2. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск : Томский гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2007. 196 с.
3. Челышов М.Д. Главная причина нашего несчастья. 2-е изд. Самара : Земская тип., 1907. 29 с.
4. В-в Ф. Церковные общества трезвости и подобные им церковные учреждения. СПб. : Синодальная тип., 1911. 23 с. (Отдельный оттиск из: Прибавления к Церковным ведомостям, изд. при Св. правительствующем Синоде. СПб., 1911. № 43–46.)
5. Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. СПб. : Изд. Александро-Невского об-ва трезвости, 1911. 227 с.
6. Перебийнос Ф.Н. Первый антиалкогольный адрес-календарь на 1912 год: справочная книга для деятелей по борьбе с алкоголизмом. СПб. : Тип. А.Э. Винеке, 1912. 188 с.
7. Вестник трезвости. СПб., 1910–1911.
8. Трезвая жизнь. СПб., 1910–1911.
9. Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. [СПб.] : Изд. А.С. Суворина, [1911]. 1188 с.; 2410 стб.
10. Отчет Католического общества «Трезвость» с 1 июля 1911 г. по 1 января 1912 г. Ковна : Тип. С. Банайтиса, 1912. 10 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Св. Синода. Оп. 80. 2 отдел. 3 стол.
12. Под сенью Байдарского общества трезвости: с 1902 по 1909 г. Курган: Б. и., 1909. 31 с.
13. Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. : док. и материалы. Новосибирск : Кн. изд-во, 1958. 588 с.
14. Простосердов А., священник. Четверть века в борьбе за трезвость: юбилей Варгунинского общества трезвости. Пг. : Тип. Об-ва распространения религиозно-нравственного просвещения, 1915. 42 с.
15. Челышов М.Д. Речи М.Д. Челышова, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб. : Б. и., 1912. VIII; 786 с.
16. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. 361 с.
17. Труды Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшегося в Москве 6–12 августа 1912 г. Пг. : Тип. Александро-Невского об-ва борьбы за трезвость, 1914. Т. 1. 182 с.
18. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1912 г. СПб. : Тип. Общественная польза, 1913. 77 с.
19. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1913 г. СПб. : Тип. Общественная польза, 1914. 75 с.
20. Отчет о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1914 г. Пг. : Тип. Общественная польза, 1915. 108 с.
21. Прием членов Государственной Думы во дворце // Новое время. 1908. 14 (27) фев. № 11468. С. 2.
22. Столыпин П.А. Думские речи. М. : Знание, 1990. 64 с.
23. Беседа с председателем Совета министров П.А. Столыпиным (Волга. Саратов. 1909. 1 окт.) // Зырянов П.Н. Пётр Столыпин: политический портрет. М. : Высшая шк., 1993. Приложения. С. 128–133.
24. Прием Государем Императором деятелей церковных обществ трезвости // Трезвая жизнь. 1913. № 5. С. 597–600.
25. Циркуляр управляющего Министерством финансов // Трезвая жизнь. 1914. № 4. С. 479.
26. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепции и последствия введения сухого закона в России. 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Материалы международного colloquium) / отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 147–159.
27. Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи и РСФСР (1914–1920 гг.) // Экономические стратегии. М., 2014. № 4. URL: <http://www.inesnet.ru/2014/06/suxoj-zakon-v-rossijskoj-imperii-rsfsr-1914-1920-gg/> (дата обращения: 15.02.2022).
28. Приказы по военному ведомству // Русский инвалид: газета военная. 1914. 4 июня. № 118. С. 1–2.
29. Зинovieв В.П., Фалилеев Д.А., Суляк С.Г. Потребление вина в России и Сибири в начале XX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2017. № 45 (3). С. 1063–1072.
30. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России, Европе, США как движение за самосохранение человечества (XIX в. – 1914 г.) // Социологические исследования. 1997. № 9. С. 117–122.

References

1. Riznichenko, G.Yu. (2022) *Stadii evolyutsii slozhnykh sistem* [Evolution stages of complex systems]. [Online] Available from: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/stadii-evolyucii-slozhnykh-sistem/> (Accessed: 04.03.2022).

2. Afanas'ev, A.L. (2007) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya. 1907–1914 gody: opyt ozdorovleniya obshchestva* [The temperance movement in Russia during the period of peaceful development. 1907–1914: the experience of improving society]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
3. Chelyshov, M.D. (1907) *Glavnaya prichina nashego neschastiya* [The main reason for our unhappiness]. 2nd ed. Samara: Zemskaya tip.
4. V-v, F. (1911) *Tserkovnye obshchestva trezvosti i podobnye im tserkovnye uchrezhdeniya* [Church temperance societies and similar church institutions]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tip.
5. Mordvinov, I. (1911) *Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem* [Temperance society, life and work in it]. Saint Petersburg: Izd. Aleksandro-Nevskogo ob-va trezvosti.
6. Perebinyos, F.N. (1912) *Pervyy antialkogol'nyy adres-kalendar' na 1912 god: spravochaya kniga dlya deyateley po bor'be s alkogolizmom* [The first anti-alcohol address-calendar for 1912: a reference book for fighters against alcoholism]. Saint Petersburg: Tip. A.E. Vineke.
7. *Vestnik trezvosti* (Saint Petersburg) (1910–1911).
8. *Trezvaya zhizn'* (Saint Petersburg) (1910–1911).
9. Suvorin, A. (c. 1911) *Ves' Peterburg na 1911 god: adresnaya i spravochaya kniga g. S.-Peterburga* [All Petersburg in 1911: address and reference book of St. Petersburg]. [Saint Petersburg]: Izd. A.S. Suvorina.
10. Catholic Society "Sobriety". (1912) *Otchet Katolicheskogo obshchestva "Trezvost'" s 1 iyulya 1911 g. po 1 yanvarya 1912 g.* [Report of the Catholic Society "Sobriety" from 1 July 1911 to 1 January 1912]. Kovna: Tip. S. Banaytisa.
11. Russian State Historical Archive. Fund 797. *Kantselyariya ober-prokurora Sv. Sinoda* [Office of the Chief Prosecutor of the Holy Synod]. List 80. Section 2. Department 3.
12. Anon. (1909) *Pod sen'yu Baydarskogo obshchestva trezvosti: s 1902 po 1909 g.* [Under the shadow of the Baidar Temperance Society: from 1902 to 1909]. Kurgan: [s.n.].
13. Anon. (1958) *Bol'sheviki Zapadnoy Sibiri v period pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg.: dok. i materialy* [Bolsheviks of Western Siberia during the first Russian revolution of 1905–1907: documents and materials]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
14. Prostoserdiv, A., priest. (1915) *Chevert' veka v bor'be za trezvest': yubiley Varguninskogo obshchestva trezvosti* [A quarter of a century in the struggle for sobriety: the anniversary of the Vargunin Temperance Society]. Petrograd: Tip. Ob-va rasprostraneniya religiozno-nravstvennogo prosveshcheniya.
15. Chelyshov, M.D. (1912) *Rech' M.D. Chelyshova, proiznesennyye v Tret'ey Gosudarstvennoy Dume o neobkhodimosti bor'by s p'yanstvom i po drugim voprosam* [Speeches by M.D. Chelyshov delivered in the Third State Duma on the need to combat drunkenness and on other issues]. Saint Petersburg: [s.n.].
16. Anon. (1910) *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the fight against drunkenness]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
17. Anon. (1914) *Trudy Vserossiyskogo s'ezda prakticheskikh deyateley po bor'be s alkogolizmom, sostoyavshegosya v Moskve 6–12 avgusta 1912 g.* [Proceedings of the All-Russian Congress of Practitioners in the fight against alcoholism, held in Moscow on 6–12 August 1912]. Vol. 1. Petrograd: Tip. Aleksandro-Nevskogo ob-va bor'by za trezvest'.
18. All-Russian Labor Union of Teetotalers. (1913) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1912 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labor Union of Teetotalers for 1912]. Saint Petersburg: Tip. Obshchestvennaya pol'za.
19. All-Russian Labor Union of Teetotalers. (1914) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1913 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labor Union of Teetotalers for 1913]. Saint Petersburg: Tip. Obshchestvennaya pol'za.
20. All-Russian Labor Union of Teetotalers. (1915) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1914 g.* [Report on the activities of the All-Russian Labor Union of Teetotalers for 1914]. Petrograd: Tip. Obshchestvennaya pol'za.
21. *Novoe vremya*. (1908) Priem chlenov Gosudarstvennoy Dumi vo dvortse [Reception of members of the State Duma in the palace]. 14 (27) February. 11468. p. 2.
22. Stolypin, P.A. (1990) *Dumskie rechi* [The Duma speeches]. Moscow: Znanie.
23. Zyryanov, P.N. (1993) *Beseda s predsedatelem Soveta ministrov P.A. Stolypinym (Volga. Saratov. 1909. 1 okt.)* [Conversation with Chairman of the Council of Ministers P.A. Stolypin (Volga. Saratov. 1909. Oct. 1)]. In: *Petr Stolypin: politicheskii portret* [Pyotr Stolypin: a political portrait]. Moscow: Vysshaya shk. pp. 128–133.
24. *Trezvaya zhizn'*. (1913) Priem Gosudarem Imperatorom deyateley tserkovnykh obshchestv trezvosti [Reception by the Sovereign Emperor of the leaders of church temperance societies]. 5. pp. 597–600.
25. *Trezvaya zhizn'*. (1914) Tsirkulyar upravlyayushchego Ministerstvom finansov [Circular of the head of the Ministry of Finance]. 4. p. 479.
26. McKee, A. (1999) [Prohibition during the First World War: causes, concepts and consequences of the introduction of Prohibition in Russia. 1914–1917]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voyna* [Russia and the First World War]. Proceedings of the International Colloquium. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 147–159. (In Russian).
27. Mayurov, A.N. (2014) *Sukhoi zakon v Rossiyskoy imperii i RSFSR (1914–1920 gg.)* [Prohibition in the Russian Empire and the RSFSR (1914–1920)]. [Online] Available from: <http://www.inesnet.ru/2014/06/suxoj-zakon-v-rossijskoy-imperii-rsfsr-1914-1920-gg/> (Accessed: 15.02.2022).
28. *Russkii invalid*. (1914) Prikazy po voennomu vedomstvu [Orders for the military department]. 4 June. 118. pp. 1–2.
29. Zinov'ev, V.P., Falileev, D.A. & Sulyak, S.G. (2017) *Potreblenie vina v Rossii i Sibiri v nachale XX veka* [Wine Consumption in Russia and Siberia at the Beginning of the 20th Century]. *Bylye gody*. 45 (3). pp. 1063–1072.
30. Afanas'ev, A.L. (1997) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii, Evrope, SShA kak dvizhenie za samosokhranenie chelovechestva (XIX v. – 1914 g.)* [The temperance movement in Russia, Europe, the USA as a movement for the self-preservation of mankind (19th century – 1914)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 117–122.

Информация об авторе:

Афанасьев А.Л. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: afal_2007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Afanasev, Cand. Sci. (History), associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: afal_2007@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022;
одобрена после рецензирования 13.07.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 09.07.2022;
approved after reviewing 13.07.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 321(091); 34(091)
doi: 10.17223/15617793/480/12

Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики

Виталий Александрович Воропанов¹

¹ Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинск, Россия, vvoropanov@yandex.ru

Аннотация. Исследован комплекс документов 1807–1851 гг., позволяющий оценить результаты управления кадрами в судах Западной Сибири в первой половине XIX в. Проанализированы изменения в составе судей судов губернского звена Тобольской и Томской губерний, сделаны выводы об итогах развития данной группы представителей дореформенной судебной бюрократии.

Ключевые слова: Российская империя, государственная кадровая политика, формулярные списки, дейские чиновники

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720019.

Для цитирования: Воропанов В.А. Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 99–106. doi: 10.17223/15617793/480/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/12

Judges of provincial general jurisdiction courts in Western Siberia in the first half of the 19th century: Formal qualitative characteristics

Vitaliy A. Voropanov¹

¹ Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk, Russian Federation, vvoropanov@yandex.ru

Abstract. The article is aimed at analyzing the results of civil service personnel management in provincial general jurisdiction courts and changes in the panel of judges in Western Siberia in the first half of the 19th century. In the course of the study, the author uses the following methods: analysis and synthesis, classification, descriptive, historical-typological, and historical-genetic methods. The subject of the study is the official lists of judicial establishment. To reach the aim, the author uses a variety of documents for personnel accounting for the period from 1807 to 1851, which makes it possible to assess the nature of changes in the panel of provincial judges and to make conclusions about the development of the pre-reform judicial bureaucracy representatives. The analysis of the official lists shows that in the first half of the 19th century the state policy in Western Siberia ensured maintaining and improving the quality of the personnel of provincial courts. Direct appointments partly compensated the shortage of local qualified officials: according to the lists of 1825, 5 out of 10 provincial judges came from the European part of Russia; in 1850, 7 out of 11. Half of the assessors and legal assistants, i.e. junior and senior members of the judiciary board from the lists of 1807–1814 began their service being in the army and only 7 out of 18 officials previously gained experience of participating in the administration of justice. However, 7 out of 8 former white-collars had a substantial background in crime proceeding. In the course of the local government system reform in 1822, only legal assistants were left in the provincial courts, which increased the number of position's person specifications. Officials who had demonstrated remarkable career achievements were appointed to the bench, 5 out of 8 had previous experience of participating in the administration of justice. In the first quarter of the 19th century, civil servants whose outstanding achievements served as a guarantee of the quality of justice were selected for the positions of chairmen of provincial courts; the significance of their previous experience in the field of justice was irrelevant. In the second quarter of the 19th century, the evolution of the judiciary panel accelerated. In the lists of 1850, only 1 out of 11 judges was a former military man with 15 years' civil service experience. All officials had official awards and commendations. The level of judges' general education in the second quarter of the 19th century objectively grew. Three officials gained experience in administering justice before being appointed to the provincial court. However, the terms of participating in the administration of justice were different: for deputies and presidents of provincial courts it was 2 and 8 years, for legal

assistants from 4 to 6.5, in 4 cases more than 14 years and in 2 cases more than 21 years. Those born into families of nobles, civil servants and clergy predominated among provincial judges, making up more than 80% of the lists of 1807–1825 and 1850–1851. The property status of the majority of provincial judges depended on their wage rate.

Keywords: Russian Empire, personnel policy, service records (form lists), judicial officials

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Tyumen Oblast, Project No. 20-49-720019.

For citation: Voropanov, V.A. (2022) Judges of provincial general jurisdiction courts in Western Siberia in the first half of the 19th century: Formal qualitative characteristics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 99–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/12

«В судах была Россия черна неправдой черной». Эти слова поэта, прежде всего, приходят на память, когда заходит речь о так называемом старом суде, – более столетия назад их записал в качестве вступления в своем очерке И.В. Гессен [1. С. 1]. Историографическую традицию критики дореформенных судов продолжают современные авторы. При этом состояние и направленность эволюции судебных кадров остаются в числе малоизученных в науке вопросов. Возращение юридических кадров в России требовало времени и планомерной реализации государственной кадровой политики.

Региональный аспект проблемы становления и развития российской имперской бюрократии сделался самостоятельным направлением историко-социологических и историко-юридических исследований. Установлено, что ситуация с кадровым обеспечением на окраинах Российской империи существенно отличалась от ее центральной части. Губернии и области Сибири относились к числу тех, которые постоянно нуждались в повышенном внимании верховной власти [2. С. 84–90]. В Западной Сибири к середине XIX в. удалось преодолеть острый дефицит кадров и сформировать устойчивый состав судей окружных судов, поддерживать надлежащий уровень их компетентности за счет привлечения чиновников из центральной части России, стажирования в органах центральной или губернской администрации и назначения бывших работников образования. Местных судей закономерно отличали разнообразие сословного происхождения, предварительного стажа государственной гражданской службы [3. С. 124–131]. Однако высшую ответственность за качество осуществления правосудия на местах несли судьи судов губернского звена, замещение должностей которых предполагало максимальные усилия при исполнении требований общеимперского законодательства.

Цель статьи – проанализировать формально-качественные характеристики данной группы судей Западной Сибири на основе их персональных формулярных списков. Следует заметить, что в современной науке утвердилось мнение о ценности формулярных списков как источника [4. С. 30–39]. Обращение автора к анализу ключевых документов учета судебных кадров составляет новизну исследования.

В 1802–1821 гг. в Западной Сибири роль судов второго звена исполняли уголовная и гражданская палаты в Тобольске и гражданский и уголовный суд в Томске. В связи с отсутствием органов сословного самоуправления, наделенных правом замещать долж-

ности дворянских заседателей, последних в судах заменяли асессоры [5. Собр. I. Т. XLIV. Ч. 2. К № 24985. VII. Доп. 14]. В 1822 г. в ходе реформы местного управления в Тобольске и Томске учредили губернские суды в составе председателя и 4 советников, в Омске – областной суд [5. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29125. § 54, 353], закрытый после ликвидации области в 1838 г. В 1829–1830 гг. Сенат и Комитет министров признали необходимым увеличить состав губернских судов в Тобольске и Томске на одного советника в целях обеспечения срочности рассмотрения и разрешения дел [5. Собр. II. Т. IV. № 2655; Т. V. № 3503]. В 1836 г. в судах губернского звена была введена должность товарища, т.е. заместителя, председателя [5. Собр. II. Т. XII. № 10185. П. 2]. Штаты 1837 г. зафиксировали в составе Тобольского и Томского губернских судов по 6 судей.

По мнению автора, формулярные списки свидетельствуют об основательном отборе судебных кадров для Западной Сибири. Документы позволяют судить о том, что должности доверялись чиновникам, чьи деловые и нравственные качества не вызывали сомнений в органах управления. Вакансии асессоров – младших членов судебных коллегий, замещались при непосредственном участии местного руководства. Среди 12 лиц, чьи данные удалось выявить [6. Д. 311. Л. 43 об.–49; 7. Оп. 4. Д. 94. Л. 145 об.–154; Д. 111. Л. 65 об.–69, 84 об.–88; Д. 163. Л. 150 об.–162; Д. 177. Л. 161 об.–172; 8. Д. 1. Л. 22 об.–26; Д. 2. Л. 34 об.–35, 73–75], исполнявших обязанности асессоров в первой четверти XIX в., числились 3 титулярных советника, 7 коллежских асессоров и 2 надворных советника. 6 начали карьеру в армии, 2 являлись участниками боевых действий. При этом титулярный советник В.В. Петров, в 1784–1791 гг. работник Санкт-Петербургского почтамта, сообщал не только об участии в военных действиях на территории Польши, Прибалтики и Голландии, но и исполнении обязанностей аудитора, т.е. прокурора в военном суде.

Три офицера получили после отставки опыт гражданского управления. Надворный советник И.А. Гуляев проходил военную службу в Сибири, успешно исполнял поручения по устройству мигрантов («по абацкой и барабинской степям у расселения поселенцев приходчиком и расходчиком денежной казны, провианта, семенного хлеба и железных хлебопашотных инструментов»), затем обязанности смотрителя деревень. После отставки Гуляев с 1784 г. добросовестно служил заседателем нижнего земского суда, с 1785 г. – капитаном-исправником в разных уездах, с

1804 г. – городничим в Томске, получал официальные поощрения («неоднократные похвалы и аттестаты»), особую благодарность – во время неурожая 1787 г. («в разсуждении расторопности в прокормлении поселян»). В ходатайстве о присвоении ему в 1800 г. чина коллежского асессора сообщалось: «за расторопность и точное исполнение возложенной должности», в 1804 г. чина надворного советника: «за особенное усердие». С 1806 г. он работал советником казенной палаты, с сентября 1807 г. – младшим членом Томского гражданского и уголовного суда, регулярно командировался в составы комиссий (по разграничению губерний, заготовлению соли, для учета сельских запасных магазинов и др.) [7. Оп. 4. Д. 94. Л. 145 об.–151; Д. 177. Л. 161 об.–172].

В Сибири чин прапорщика выслужил С.П. Голощапов, принятый после увольнения из армии на работу в Иркутское губернское правление. В июле 1802 – марте 1804 г. Голощапов осуществлял правосудие в качестве заседателя Иркутского уездного суда, затем исполнял обязанности асессора в казенной палате, в феврале 1805 г. был переведен в уголовную палату, в феврале 1806 г. возглавил Тюменский уездный суд, наконец, в августе 1811 г. его включили в состав коллегии Тобольской уголовной палаты [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 84 об.–88].

Карьера бывших канцелярских работников проходила в разных ведомствах, однако только один из них до назначения судьей не стажировался в судах – И.Я. Соколов, обладатель безупречного послужного списка, составленного в органах управления государственным имуществом: в 1790–1807 гг. чиновник трудился в Смоленской казенной палате, затем («по изъявленному желанию») в Верховном Грузинском правительстве в должности протоколиста казенной экспедиции; в августе 1808 г. ему поручили открыть казначейство в Анакуре, где он выявил неучтенные доходы на сумму около 1 350 руб. серебром и сдал в аренду сады, находившиеся в государственной собственности («за выгодную для казны цену»); в 1810 г. его перевели в Тобольск асессором казенной палаты, в июне 1813 г. включили в состав гражданской [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 65 об.–67].

Еще 5 судей имели за плечами основательный опыт судебного делопроизводства, из них 4 – руководства канцеляриями судов, кроме того, 2 осуществляли правосудие в уездных судах. В частности, Н.И. Гарбовский был командирован в Тобольскую уголовную палату в 1817 г., прослужив в Оренбургской губернии с 1797 г. в уездном казначействе, с 1802 г. в уездном суде, с 1808 г. при военном губернаторе, с 1809 г. в должности заседателя нижнего земского суда, с 1812 г. – уездного судьи [6. Д. 311. Л. 46 об.–49].

Замечательные отзывы начальства имел В.А. Данилов, в 1782–1789 гг. канцелярский служитель Тобольской верхней расправы, затем – казенной палаты, с 1804 г. – уездный стряпчий, с 1812 г. – секретарь уголовной палаты, с 1816 г. ее асессор. В период работы в верхней расправе Данилову временно поручили обязанности уездного стряпчего, за исполнение которых губернский прокурор официально выразил

ему благодарность. В ходатайстве о присвоении Данилову очередного чина в 1792 г. было записано: «за особливую прилежность искусство и успех в порученных делах доброе поведение». В декабре 1807 г. «за справедливость и деятельное отправление должности» он вновь был «отмечен похвалою пред всеми по губернии служащими уездными стряпчими с тем, дабы и они служили и отправляли должности свои подобно Данилову». В 1816–1820 гг. Данилову наряду с иными членами судейской коллегии выражалась благодарность императора («монаршее благоволение»), при этом в декабре 1817 г. председатель уголовной палаты ходатайствовал о выдаче ему премии в размере годового жалованья за труды не только при осуществлении правосудия, но и при восстановлении порядка в судебных архивах. В 1821 г. Данилову поручили провести ревизию дел в окружных и волостных органах управления и суда Курганского, Тюменского и Ялуторовского округов [6. Д. 311. Л. 43 об.–46; 7. Оп. 4. Д. 111. Л. 88 об.–94; Д. 163. Л. 131 об.–148].

Ф.Р. Соколов в 1784–1792 гг. работал в Тобольских верхней расправе и нижнем надворном суде, затем столоначальником в казенной палате, с 1794 г. – секретарем в верхнем надворном суде, откуда в мае 1797 г. его перевели в Тобольский уездный суд, наконец, в марте 1802 г. был отобран на конкурсной основе в должность начальника канцелярии Тобольской гражданской палаты, в декабре 1809 г. назначен асессором. С 1811 г. Соколова отправляли в многомесячные поездки по отдаленным районам Тобольского и Березовского уездов, где он проверял работу частных комиссаров и волостных администраций, ясачные сборы, вел предварительное следствие. В 1814 г. его включили в состав комиссии по установлению границ Тобольской и Оренбургской губерний, в 1816 г. ему поручили вести следствие по жалобам на должностных лиц в Омске [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 67 об.–69; Д. 163. Л. 150 об.–162].

Квалифицированные чиновники находились на должностях советников – старших членов судейских коллегий. Из 6 лиц, чьи данные удалось выявить, числились 4 надворных и 2 коллежских советника. 3 ранее служили в армии, из которых А.Я. Каргапольцев в период 1805–1809 гг. успешно поработал городничим в Омске и Тобольске [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 64 об.–65; 8. Д. 2. Л. 71 об.–72 об.], Ф.П. Непряхин в 1797–1809 гг. – заседателем нижнего земского и совестного судов, а также асессором уголовной палаты [8. Д. 2. Л. 28–30]. Судейский стаж третьего чиновника, советника Тобольской гражданской палаты с 1802 г., уже в 1807 г. составлял 12 лет [8. Д. 1. Л. 21–22].

Г.В. Борисов был принят на государственную горную службу в 1782 г. в чине унтер-шихтмейстера, но с 1793 г. исполнял обязанности стряпчего в губернском магистрате, т.е. судебного надзора, позднее служил заседателем в нижнем земском суде, уездным стряпчим, с 1806 г. – заседателем в уездном суде, с 1801 г. – уездным судьей, с 1814 г. – асессором уголовной палаты [6. Ф. 2. Оп. 1. Д. 311. Л. 41–43]. Двое бывших канцелярских служителей также имели опыт работы в сфере юстиции: о признании деловых ка-

честв В.Я. Яковлева свидетельствовало его назначение в 1796 г. начальником канцелярии уездного, в 1797 г. – нижнего земского суда, с 1799 г. он работал в департаментах Сената и Министерства юстиции, в 1804 г. был направлен в Томск. Очередной документ о службе Яковлева был составлен в 1814 г. в Томском гражданском и уголовном суде [7. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 94. Л. 142 об.–146]. Наконец, И.П. Ананьин с 1792 г. находился в канцелярии Колыванского губернского магистрата, откуда в 1795 г. был прикомандирован к генерал-губернатору, через год возглавил канцелярию городского магистрата, затем стал в Томском губернском правлении, в 1803 г. – канцелярию Тобольского уездного суда, в 1806 г. – казенной палаты, в 1807 г. – генерал-губернатора. Ананьину дважды выдавались премии («особливые денежные награды») в виде поощрения («за отличные труды и успехи во время служения при генерал-губернаторе») и был вручен орден Св. Анны 2-й степени [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 81 об.–85].

В процессе реорганизации местного государственного аппарата был проведен очередной отбор судебных чиновников. Из 8 судей 4 являлись бывшими военными, однако все лица имели опыт гражданской службы. В осуществлении правосудия ранее не участвовали 3 советника.

В Тобольске в состав коллегии судей губернского суда вошли вышеупомянутые А.Я. Каргопольцов, В.А. Данилов, переведенный из губернского правления, где он руководил приказом о ссыльных, Ф.Р. Соколов, а также В.Д. Корпильев – первый из лиц, ранее не участвовавших в осуществлении правосудия, чиновник Департамента Министерства юстиции в 1812–1818 и 1821 гг., награжденный за усердную службу по представлению министра перстнем с бриллиантом, в 1819–1820 гг. секретарь канцелярии астраханского губернатора [7. Оп. 4. Д. 163. Л. 127 об.–162].

В Томском губернском суде на должности советников в 1823–1825 гг. назначили вышеназванного И.А. Гуляева, которому присвоили чин статского советника и вручили орден Св. Владимира, а также новых в местном «обществе» лиц – Д.И. Державина, В.А. Стратиневича и А.П. Сергеева. Державин, второй из лиц, ранее не участвовавших в осуществлении правосудия, начал службу в канцелярии армейского обер-священника, в 1815–1821 гг. работал в Государственной экспедиции для ревизии счетов и Исполнительном департаменте Министерства полиции, был прикомандирован к делам сибирского генерал-губернатора, в 1823–1824 гг. успешно руководил Омской областью («неусыпными трудами и способами весьма много содействовал при первоначальном учреждении области введением в делах части гражданской порядка, как в областном правлении, равно и во всех подведомых оному окружающих местах»). При этом генерал-губернатор П.М. Капцевич аргументировал свой выбор именно способностями, которые чиновник проявил в юридической сфере («зная лично способности его Державина к правоведению, коим он занимался и в канцелярии Главного управления Западной Сибири, а также устойчивость его за

законы, что он показал на опыте в областном совете, упредив кривое дело по чановским озерам своим особым и основательным мнением» [7. Оп. 4. Д. 177. Л. 161 об.–180]. Стратиневич, ветеран русско-турецких войн, вернулся на государственную службу в 1814 г. в качестве асессора казенной экспедиции, с 1818 г. работал заседателем, затем председателем известного суда. Наконец, Сергеев во время службы в армии в 1803–1806 гг. исполнял обязанности аудитора, после перехода на гражданскую службу работал в губернских органах, занимаясь вопросами обеспечения продовольствием, обустройства переселенцев, в приказе общественного призрения.

Должности председателей судов губернского звена замещали преимущественно коллежские и статские советники, имевшие различные свидетельства официальной благодарности за многолетнюю службу. Из 7 руководителей, чьи списки были выявлены в фондах государственных архивов, 3 прошли службу в армии, 6 приехали из центральной части России, из которых 3 перевелись из центральных государственных органов. И только 2 из председателей предварительно получили опыт судопроизводства.

В армии началась карьера И.Ф. Введенского, работавшего после отставки в канцелярии Ярославского наместнического правления, затем уездным стряпчим, в удельном ведомстве и губернским казначеем, в 1807 г. – председателем Тобольской уголовной палаты [8. Д. 1. Л. 11–13 об.]. В сентябре 1810 г. палату возглавил А.К. Копшаров, бывший делопроизводитель Экспедиции о государственных доходах, в 1802–1809 гг. работавший при начальнике Пермских, Гороблагодатских и Камских заводов, произведенный в коллежские асессоры за активное участие в составлении проекта Горного положения, исполнявший «особенные поручения» в Санкт-Петербурге и Ижевске, самостоятельно распорядившись 65 тысячами руб. В апреле 1810 г. Копшарова включили в штат канцелярии сибирского генерал-губернатора, в мае произвели в надворные советники [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 78 об.–81; 8. Д. 1. Д. 2. Л. 26–28].

П.Я. Резанов прослужил в системе управления Сибирью от должности копииста воеводской канцелярии до члена Сибирского приказа, в 1782 г. был назначен губернским стряпчим казенных дел, в 1792 г. – советником Тобольской гражданской палаты, в 1801 г. – ее председателем.

В декабре 1808 г. его сменил Л.П. Коллет – выходец из Священной Римской империи. С 1793 г. Коллет проходил службу на Кавказе, с 1796 г. – в должности флигель-адъютанта, с 1798 г. работал в Московском и Санкт-Петербургском почтамтах, где осуществлял цензуру «иностранных периодических сочинений и газет», в 1806 г. его включили в штат канцелярии сибирского генерал-губернатора. Коллет успешно выполнял ответственные поручения и проявлял инициативу о введении новых пошлин на государственной границе («с выписей даваемых на вымененных в пограничных таможах азиатских пленников»), что позволило ежегодно собирать более 1,5 тыс. руб. В 1809 г. чиновника произвели в коллежские советники и наделили 1 000 десятинами земли в Сибири. В апреле–

декабре 1810 г. гражданская палата разрешила около 1 000 уголовных дел. В 1811 г. Коллет получил благодарность за проведение 3 рекрутских наборов [7. Оп. 4. Д. 111. Л. 61–64; 8. Д. 2. Л. 69–71].

В 1823 г. Тобольский губернский суд возглавил С.И. Кукуранов, бывший канцелярский работник губернских органов, затем Первого департамента Сената, где сделался столоначальником, продолживший карьеру в провинции с 1803 г. секретарем канцелярии оренбургского военного губернатора, с 1806 г. – ассессором Пограничной комиссии, награжденный за организационную помощь («ревностное содействие к охранению порядка») при избрании хана Младшего казахского жуза. В 1818 г. Кукуранова перевели в Тобольскую казенную палату [7. Оп. 4. Д. 163. Л. 123 об.–127].

Томским гражданским и уголовным судом в 1814 г. руководил А.С. Бабаев, обладатель ордена Св. Иоанна Иерусалимского – высшей военной награды Российской империи, выслуживший чин V класса в военно-морском флоте [7. Оп. 4. Д. 94. Л. 135–142]. С 1818 г. Томский гражданский и уголовный, затем, соответственно, губернский суд возглавлял Х.П. Сухих, наиболее подготовленный для руководства высшей судебной коллегией среди перечисленных председателей. С 1791 г. Сухих работал учителем и инспектором в Иркутской духовной семинарии, в 1794–1803 гг. – в канцелярии губернского правления, заседателем нижнего земского суда, секретарем губернского правления, с мая 1804 г. – уездным судьей, с октября того же года – ассессором уголовной палаты [7. Оп. 4. Д. 177. Л. 158 об.–161 об.].

Несомненно, чиновники желали избавиться от упоминаний в деловых документах о нарушениях, допущенных ими во время службы, стремились уточнить в формулярном списке, если их обвинение было официально признано необоснованным. Записи свидетельствуют, что взыскания некоторых государственных служащих являлись мелкими и были связаны с их деятельностью до назначения на должности судей, т.е. не могли рассматриваться начальством как основание для выражения им недоверия. Так, например, А.Я. Каргапольцев в бытность тобольским городничим получил два выговора за «задержание в градской думе градского головы и прочих членов» и «причинение при своей должности коллежскому ассессору Цытовичу обиде». Ф.Р. Соколов получил два предупреждения во время работы начальником канцелярии Тобольского уездного суда за выявленные ошибки в делопроизводстве («строжайшее подтверждение чтобы впредь был осмотрительнее и никаких сомнительных видов на себя не обращал», «подтвержден чтоб деятельность свою отправлял с деятельною расторопностью под опасением строгого взыскания»). В третьем случае «по невнимательности» Соколов «от дела учинен свободным».

Необходимо помнить, что на реализацию кадровой политики в Сибири существенное влияние оказывала нехватка государственных служащих. При замещении должностей сибирское руководство прежде всего учитывало ранги чиновников, порой «манкируя» распоряжения из столицы. Так, в 1807 г. Сенат уволил с

должности тарского земского исправника И.А. Гуляева «за безпечность и нерадение», запретив впредь принимать его на работу в органы полицейского управления («по полиции в службу не определять»), однако еще до вынесения Сенатом решения генерал-губернатор утвердил Гуляева в должности ассессора Томского гражданского и уголовного суда «по усердию сего чиновника к службе и недостаточному состоянию», пояснив министру юстиции, «что он достоин внимания». Случай с Гуляевым вызвал принятие 3 марта 1814 г. Комитетом министров положения, разъяснившего, «чтобы впредь все местные начальства не делали представлений об определении к должностям таких чиновников, кои суду преданы и по оному еще не оправданы». Ходатайство генерал-губернатора и министра юстиции в отношении надворного советника Гуляева Комитет министров удовлетворил [5. Собр. I. Т. XXXII. № 25548]. В формулярном списке Гуляева от 1825 г. о случае 1807 г. не вспомнили.

Следует сказать, что оценить морально-нравственные качества отдельных лиц помогают альтернативные источники, в том числе личного происхождения. Так, в круг недоброжелателей тобольского губернатора Д.Н. Бантыш-Каменского входили советник Главного управления Коллет и председатель губернского суда Кукуранов, охарактеризованный Бантыш-Каменским как человек «глупый, упрямый, решающий дела по произволу или, лучше сказать, по карманным связям, кривящий душою и законами» [9. С. 253–267; 10. С. 766], что не согласуется с его отличным формулярным списком. Критическую оценку, данную Бантыш-Каменским, уволенным с должности губернатора вследствие интриг, подтверждают факты дальнейшей деятельности Кукуранова. В 1829 г. Сенат объявил ему строгий выговор за нарушения, выявленные в работе суда («с подтверждением, что если впредь будет поступать подобным образом, а кольми паче дозволит себе какая-либо личности ко вреду службы, то подвергнет себя за то суждению по всей строгости законов») [10. С. 772]. В 1830-х гг. в губерньском суде фиксировалась медленность производства уголовных дел. В июле 1836 г. Совет Главного управления вновь рассмотрел замечания губернатора в отношении судей губернского суда и нашел их обоснованными: предложения правителя, направленные на поддержание качества правосудия, игнорировались, в ответ судьи злоупотребляли перепиской, требуя от него просмотра в порядке надзора решений до истечения установленных сроков, а также по делам, уже возвращенным суду или не поступившим в губерньскую канцелярию. Кукуранова, ранее подвергнувшегося взысканиям («за разные беспорядки и упущения по службе»), опенировали на 125 руб., советникам объявили строгий выговор («за произвольные и с обязанностями службы несовместимые поступки губерньского суда») [9. С. 233, 252–253].

Система государственной службы способствовала преимущественному продвижению на высшие посты представителей потомственного дворянства, а также лиц обер-офицерского и духовного происхождения. В Западной Сибири состав чиновников стабильно

оставался более разнородным, чем в губерниях европейской части России. К господствующему сословию принадлежали 3 асессора (25%), 4 советника (40%) и 2 председателя (28,6%), к обер-офицерским сыновьям – 2 асессора (16,7%), 2 советника и 1 председатель (14,3%), к выходцам из семей духовенства – 3 асессора (25%), 1 советник (16,7%) и 2 председателя. Потомственными гражданскими служащими являлись 3 асессора (15%) и 1 председатель. Оставшиеся лица происходили из семей нижних воинских чинов и купцов, один был иностранцем.

Общая образованность государственных служащих оставалась низкой. Из 29 вышеназванных судей один сообщил о том, что обучался в семинарии, двое получили среднее образование: А.С. Бабаев являлся выпускником престижного Морского кадетского корпуса, Х.П. Сухих – Александро-Невской семинарии. Сухих обстоятельно записал в формулярном списке, что после Иркутской семинарии, где «обучался первым основам латинского языка, поэзии, риторики, философии и части богословия», он продолжил свое образование в Санкт-Петербурге, «где происходил красноречие, философию, богословие, часть математики географию и первые основания греческого языка».

Материальное положение членов губернских судов зависело от жалованья. Из 12 асессоров 3 сообщили о владении крепостными людьми: 6, 5 и 3, из 10 советников также 3: 3, 10 и 70. Последние принадлежали В.Д. Корпильеву, купеческому сыну, и находились при стекольном заводе. Из 7 председателей крепостные были у 5: 3–5, 7 и 17 человек. При этом последние принадлежали П.Я. Резанову – потомственному приказному служителю. Л.П. Коллет указывал в собственности 1 000 десятин земли в Сибири.

Судейские кадры эволюционировали. Списки членов Томского губернского суда середины 1830-х гг., извлеченные из фондов государственного архива Томской области, проанализировала Е.Н. Туманик. Автор обратил внимание «на высокий профессиональный и образовательный уровень чиновников» и предположил, что губернский суд представлял «собой скорее исключение, чем правило», в ряду местных судов [11. С. 277–278]. О качественных изменениях, происходивших в составе судейского корпуса в царствование Николая I, свидетельствуют списки членов Тобольского и Томского губернских судов начала 1850-х гг. [7. Оп. 5. Д. 6306. Л. 1–56 об., 125; 12. Л. 483–532].

На 11 судей приходились уже 9 аттестатов, из которых 1 – о высшем и 4 – о среднем образовании. Вероятно, И.И. Фон-Шиллинг, член Русского географического общества, не сообщивший в документе о месте своего обучения, имел домашнее образование. В середине века учебная подготовка рассматривалась как преимущественный критерий при отборе лиц в классные должности. Только один из судей являлся профессиональным военным. В то же время никто из них не стажировался в судебной канцелярии. Опыт осуществления правосудия до назначения в состав губернского суда приобрели 3 чиновника. Однако все они указывали на свидетельства своей добросовест-

ности, большинство удостоивались государственных и «правительственных» наград – орденов, знаков отличия беспорочной службы, денежных премий, ценных подарков. Знаки отличия за 15 лет службы имели 10 из 11 судей, затем за 20 лет – 3, за 25 – 2, за 30 – 1.

Председатели судейских коллегий находились в чинах V и VI классов, советники – от V до IX классов. При этом из 5 губернских судей в Тобольске приезжими являлись 4, из 6 в Томске – 3: из Санкт-Петербурга, Архангельской, Виленской, Костромской и Полтавской губерний.

В 1850 г. в Тобольском губернском суде должности председателя и его товарища заняли лица, ранее не принимавшие участия в осуществлении правосудия, их выбор обусловили замечательные достижения в карьере. Коллежский советник И.И. Фон-Шиллинг, член-корреспондент Статистического отделения Совета МВД, с 1822 г. служил в Санкт-Петербурге: в департаментах различных министерств, регулярно поощрялся «за отлично-усердную службу», назначенный в августе 1844 г. ишимским окружным начальником, уже с октября работал чиновником особых поручений при Главном управлении, с мая 1845 г. – советником, представляя Министерство юстиции. В июне 1850 г. последовало его назначение руководителем губернского суда. Его заместитель, надворный советник А.А. Безсонов, выпускник местной гимназии и бывший учитель, с 1835 г. служил в канцеляриях Общего губернского управления и Главного управления, участвовал в ревизиях, проводившихся генерал-губернатором и Главным управлением, расследовал преступления чиновников в Области сибирских киргизов, получал награды и благодарности и был назначен в феврале 1850 г. советником, в октябре того же года – товарищем председателя Тобольского губернского суда.

О личных качествах статского советника Бутакова, выпускника семинарии, позволяют судить награды не только за добросовестный труд, но и мужество, проявленное при спасении людей во время пожара. В августе 1831 г. его назначили советником Омского областного суда, в январе 1849 г. перевели на работу в губернский суд, в Омске ему временно поручали обязанности областного прокурора и советника областного правления. Статский советник И.М. Померанцов и А.Д. Генбачев (?), младший член коллегии губернского суда, выпускники семинарии и училища, с 1809 и 1820 гг. работали в местных органах Министерства финансов, в 1830 и 1825 гг. переехали в Сибирь, были причислены к штату Омского общего окружного управления. Померанцеву поручали обязанности следователя и уже в апреле 1831 г. признали достойным должности председателя Омского окружного суда, в феврале 1832 г. перевели в Семипалатинский окружной суд, в ноябре 1834 – феврале 1835 г. временно командировали в Тобольский губернский суд, поощряли официальными благодарностями, а также выплатой денежного вознаграждения в размере годового оклада жалованья. С июня 1836 г. Померанцев работал в должности советника Экспедиции о ссыльных, в декабре 1840 г. его включили в состав

коллегии губернского суда. Генбачев с ноября 1828 г. служил окружным стряпчим в Усть-Каменогорске, с октября 1836 г. – окружным судьей, имел благодарность генерал-губернатора «за отлично-усердную службу», с июля 1838 г. работал городничим в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Тюмени и в июле 1847 г. вошел в состав коллегии губернского суда. Генбачев был единственным из судей, в списке которого упоминалось дисциплинарное взыскание в виде выговора, объявленное в 1845 г. за наказание двух обывателей, задержанных во время ночного обхода Тюмени, признанное необоснованным.

Председатель Томского губернского суда статский советник И.И. Нечаев выделялся среди коллег образованием: он являлся кандидатом этико-политических наук, бывшим преподавателем Института благородных девиц. В 1839–1847 гг. Нечаев работал в Министерстве юстиции, с 1841 г. – чиновником для особых поручений министра, позднее – товарищем герольдмейстера, в феврале 1848 г. принял предложение переехать в Томск. Товарищ председателя, надворный советник Д.Д. Гуляев, а также еще двое из советников были назначены на должности из штата губернского правления в период 1843–1847 гг., пятый член губернского суда, ветеран Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., обладатель ордена Св. Анны 3-й степени, на гражданской службе находился с 1835 г., работал городничим и окружным начальником и был включен в состав судебной коллегии в июне 1846 г. Наиболее опытным в Томском губернском суде представлялся коллежский асессор В.Ф. Ключовский, выпускник гимназии, в 1826–1830, 1837–1840 гг. работавший межевым судьей и заседателем уездного суда в Виленской губернии, награжденный по представлению военного губернатора брильянтовым перстнем. Именно ему принадлежал знак отличия беспорочной службы за 30 лет.

Сословное происхождение губернских судей оставалось разнородным: 5 по рождению принадлежали к дворянам, 2 – к духовенству, по 1 – к сыновьям обер-офицера, канцелярского работника, купеческим. Еще один не уточнил своего происхождения, записавшись воспитанником государственного учреждения, где, очень вероятно, получил начальное образование. Фон-Шиллинг был лютеранином, Ключовский – католиком.

В графе об имущественном положении судьи ограничились сообщением о размере своего жалованья: от 2 000 руб. до 906 руб. 45 коп. серебром, выплачиваемого согласно должностным окладам.

Таким образом, можно заключить, что в первой половине XIX в. в Западной Сибири государственная политика обеспечивала поддержание и повышение качества кадров в судах губернского звена. Согласно спискам 1825 г., 5 губернских судей из 10 приехали в Сибирь ради продолжения карьеры из европейской

части России, 1850 г. – 7 из 11. География предыдущего проживания кадров оставалась чрезвычайно широкой: от Архангельска до Полтавы. В 1822 г. статус судей в Тобольске и Томске был индивидуально повышен за счет замены асессоров советниками, должность которых считалась старше на класс. Из-за общей нехватки квалифицированных лиц в период реформы на должности губернских судей допустили трех титулярных советников (1 в Тобольске и 2 в Томске), однако в 1850 г. среди них числились 2 чиновника V класса, 1 – VI, по 2 – VII и VIII и 1 – IX (титулярный советник Л.И. Савостин). Должности председателей в 1850 г. замещали высококлассные государственные служащие: коллежский советник в Тобольске и статский советник в Томске. В 1850 г. все чиновники имели официальные награды и благодарности, 10 из 11 – знаки отличия беспорочной службы, исключая отставного офицера, владевшего орденом Св. Анны 3-й степени за боевые заслуги. Уровень общей образованности судей во второй четверти XIX в. объективно вырос.

Из списков 1807–1814 гг. 50% асессоров и 50% советников службу начали в армии, из числа первых только половина до назначения в губернский суд успели пройти иные гражданские должности. В целом 7 из 18 чиновников предварительно приобрели опыт участия в осуществлении правосудия. Однако 7 из 8 бывших канцелярских работников имели опыт судебного делопроизводства, 6 возглавляли судебные канцелярии. Девятый чиновник, изначально совершавший карьеру на гражданской службе (Г.В. Борисов), в 1793–1795 гг. работал стряпчим в губернском магистрате, в 1805 г. – уездным стряпчим, надзор которого обязательно распространялся на сферу правосудия. Из 7 председателей в армии служили 3, из которых опыт работы в гражданской сфере не имел только 1 (А.С. Бабаев), опыт осуществления правосудия приобрели 2, наконец, 1 (И.Ф. Введенский) около 3 лет исполнял обязанности уездного стряпчего.

В 1850 г. среди судей губернских судов оказался только 1 отставной офицер с 15-летним стажем гражданской службы. При этом сроки участия в осуществлении правосудия составляли у председателей 1,5 и 3 года, у товарищей – 2 и 8 лет, у советников – от 4 до 6,5 в 4 случаях, более 14 и более 21 года в 2 случаях (статские советники Н.И. Бутаков и И.М. Померанцев).

Выходцы из семей природных и личных дворян, гражданских служащих и духовенства закономерно преобладали среди губернских судей, составляя вместе 83% от их общего числа в формулярных списках 1807–1825 гг. и 82 % в списках 1850–1851 гг. Имущественное положение подавляющей массы государственных гражданских служащих, работавших судьями, формально целиком зависело от размера выплачиваемого им жалованья.

Список источников

1. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
2. Воропанов В.А. Развитие системы отбора и подготовки кадров государственной гражданской службы в Российской империи в первой половине XIX в. // Социум и власть. 2013. № 6. С. 84–90.
3. Воропанов В.А. Состав коллегий окружных судов в Тобольской и Томской губерниях во второй четверти XIX в.: итоги развития «региональной» группы дореформенной судебной бюрократии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 124–131. doi: 10.17223/15617793/438/16

4. Иванов В.А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 30–39.
5. Полное собрание законов Российской империи.
6. Исторический архив Омской области. Ф. 2. Оп. 1.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349.
8. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 329. Оп. 19.
9. Выдающиеся Тобольские и Сибирские губернаторы / сост. С. Пархимович, С. Туров. Тюмень, 2000.
10. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. 1825–1834 гг. // Русская старина. 1873. № 6. С. 735–784.
11. Туманик Е.Н. Кадровый состав Томского губернского суда в середине 1830-х гг. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX вв. Новосибирск, 2005. С. 256–278.
12. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 498.

References

1. Gessen, I.V. (1905) *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. Saint Petersburg.
2. Voropanov, V.A. (2013) *Razvitie sistemy otbora i podgotovki kadrov gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby v Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX v.* [Development of the system of selection and training of state civil service personnel in the Russian Empire in the first half of the 19th century]. *Sotsium i vlast'*. 6. pp. 84–90.
3. Voropanov, V.A. (2019) The Membership of District Courts in Tobolsk and Tomsk Provinces in the Second Quarter of the 19th Century: Results of the Development of the “Regional” Group of Pre-reform Judicial Bureaucracy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 124–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/438/16
4. Ivanov, V.A. (2012) O dostovernosti svedeniy formulyarnykh spiskov sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii [On the reliability of information from the official lists of employees of local state institutions of the Russian Empire]. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 30–39.
5. Russian Empire. (n.d.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire].
6. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund 2. List 1.
7. Russian State Historical Archive. Fund 1349.
8. State Archive in Tobolsk. Fund 329. List 19.
9. Parkhimovich, S. & Turov, S. (2000) *Vydayushchiesya Tobol'skie i Sibirskie gubernatory* [Outstanding Tobolsk and Siberian governors]. Tyumen.
10. *Russkaya starina*. (1873) Shemyakin sud v XIX stoletii. Zapiski D.N. Bantysh-Kamenskogo. 1825–1834 gg. [Shemyakin court in the 19th century. Notes by D.N. Bantysh-Kamensky. 1825–1834]. 6. pp. 735–784.
11. Tumanik, E.N. (2005) Kadrovyy sostav Tomskogo gubernskogo suda v seredine 1830-kh gg. [The staff of the Tomsk provincial court in the mid-1830s]. In: *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: etnosotsial'nye protsessy v Sibiri XVII – nachala XX vv.* [From the Middle Ages to the New Age: ethno-social processes in Siberia in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk. pp. 256–278.
12. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 2. File 498.

Информация об авторе:

Воропанов В.А. – канд. ист. наук, зав. кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинск, Россия). E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Voropanov, Cand. Sci. (History), head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vvoropanov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2021;
одобрена после рецензирования 26.02.2021; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 21.02.2021;
approved after reviewing 26.02.2021; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/480/13

Начальный этап русско-китайских культурных взаимодействий

Линь Ли^{1, 2}

¹ Шеньянский политехнический университет, Шеньян, КНР

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1, 2} 13940309208@139.com

Аннотация. Выделены основные аспекты русско-китайских культурных взаимодействий на начальном этапе: первые поездки китайских дипломатов за пределы Китая, роль православной миссии в распространении знаний о Китае в России, обмен литературой, вклад русских писателей в распространение китайской культуры, распространение русской литературы китайскими литераторами и революционерами.

Ключевые слова: Китай, русско-китайское культурное взаимодействие, китайская литература, влияние китайской литературы, китайская культура, русская литература в Китае, русское китаеведение

Для цитирования: Ли Л. Начальный этап русско-китайских культурных взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 107–113. doi: 10.17223/15617793/480/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/13

The initial stage of Russian-Chinese cultural interactions

Lin Li^{1, 2}

¹ Shenyang Polytechnic University, Shenyang, People's Republic of China

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} 13940309208@139.com

Abstract. The article focuses on the role of cultural exchanges between Russia and China in the 19th century and highlights the following aspects of Russian-Chinese cultural interactions at the initial stage: the first trips of Chinese diplomats abroad, the role of the Orthodox mission in spreading knowledge about China in Russia, literature exchange, the contribution of Russian writers to popularizing Chinese culture and of Chinese writers and revolutionaries to popularizing Russian literature. The author came to the following conclusions. The Chinese diplomatic mission in Russia in the 19th century was not numerous (Bin Chun, Li Hongzhan and some others); visits of official delegations were not frequent either, which had some implications for the negligible outcome of long-term interactions and cultural exchanges. Another opportunity to get acquainted with China and Chinese culture was provided by the establishment of the Russian Orthodox Mission, which played an important role in spreading knowledge about China in Russia, as well as in the birth of Russian Chinese studies and the formation of a pleiad of Orientalists (Bichurin, Vasilyev). Chinese literature in Russia was in demand among not only scholars, but also writers, who contributed greatly to the dissemination of Chinese culture. Russian literature developed an interest in Chinese culture and classical literature, which was reflected in the works of Pushkin and Tolstoy. "Chinese motifs" are heard in *Ruslan and Lyudmila*, *Eugene Onegin*, and "To a Friend". Pushkin also researched and edited expedition reports and letters about China. He was a friend of Bichurin and positively evaluated his translation of *San Zi Jing* (Rus. *Troeslovie*; En. *The Three Character Classic*). Tolstoy seriously studied Confucianism and Taoism and was directly involved in the translation of the *Tao Te Ching* from French and German. China also gradually began to become familiar with Russian literature. Tolstoy's works had the greatest influence – they were very common in China at the beginning of the twentieth century. Many young people of the time – first of all, revolutionaries and writers, the first leaders of the Communist Party of China (Chen Duxiu, Li Dazhao, Lu Xun and Hu Shih, Mao Dun, Ba Jin, etc.) – liked Tolstoy's works. The worldview of Tolstoy the thinker and the humanistic spirit of his works became an important spiritual nourishment for the development of modern Chinese literature; together with translations of his texts, Russian cultural and philosophical views entered the Chinese spiritual space. Further processes of interaction and exchanges between the two countries took place in various directions, became a link for modern international cooperation and the desire for common development at the beginning of the 21st century.

Keywords: China, Russian-Chinese cultural interaction, Chinese literature, influence of Chinese literature, Chinese culture, Russian literature in China, Russian Sinology

For citation: Li, L. (2022) The initial stage of Russian-Chinese cultural interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 107–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/13

Начиная с XIX в. культурные обмены между Россией и Китаем становились все более частыми, причем основное внимание уделялось контактам между русскими и китайцами и знакомству этих народов с литературой друг друга. Через личные контакты и обмен литературой шел процесс обмена идеями и концепциями. Наиболее активным был процесс взаимных литературных переводов, постепенно складывалась традиция их критики. Но существовал большой дисбаланс, так как в основном это был односторонний обмен, когда шел процесс знакомства русских с китайской культурой и формировалось ее восприятие Россией [1. С. 118].

Первые поездки китайцев за пределы Цинской империи. Начиная с XIX в. все больше представителей России направлялись в Китай. Китайских дипломатов, направленных в Россию, было не так много. Причина в том, что после того, как династия Цин оказалась под прицелом орудий европейских держав, она была вынуждена подписать множество неравноправных договоров (Нанкинский, Вансянский, Хуанпуский, Айгуньский и Пекинские договоры, Тяньцзиньские трактаты) и открыть свои торговые порты.

Императорский двор активно развивал Движение по усвоению заморских дел, и его позиция по отношению к Западу была очень противоречивой: с одной стороны, он ценил западную «изобретательность», но с другой – не мог позволить себе «потерять лицо» Небесного царства. Только после неоднократных предложений англичанина Харта вдовствующая императрица Цыси неохотно согласилась направить делегацию за границу. В то время чиновники не хотели и боялись отправляться в плавание через океан. Но Бинь Чунь в возрасте 63 лет подал заявку на поездку за рубеж, несмотря на долгие попытки родственников и друзей отговорить его от этого. 7 марта 1866 г. Бинь Чунь и группа из пяти человек отправились из Пекина и более четырех месяцев путешествовала по Франции, Великобритании, России, Германии и другим 11 странам, положив начало визитам китайских делегаций в Европу [2. С. 43]. Бинь Чунь был первым китайским чиновником, пересекшим границу, первым, которого с неофициальным визитом приняла английская королева, а также первым ученым, который ввел в Китае пунктуацию.

Хун Цзюнь, известный литературный деятель и дипломат, в 1887 г. отправился с миссией в Россию, Германию, Австрию и Нидерланды. Во время своего пребывания в России Хун Цзюнь много работал над изучением трудов по русской и монгольской истории, обогатил знания об истории династии Юань и завершил тридцать томов «Дополнений к переводам Юаньши» [3. С. 112]. Позже, во время визита в Петербург, глава Министерства по делам домашнего хозяйства Мяо Чуаньсунь встретился с известным синологом Ван Сили (В.П. Васильев). В 1895 г., на

21-м году эпохи Гуансюй, Ван Чжичунь также составил каталог китайской литературы в России, что зафиксировал в своей книге «Шиэцао» («Записки о командировании в Россию»), и посмотрел «Лебединое озеро» в Императорском театре в Петербурге [4. С. 79].

В 1896 г. Ли Хунчжан, в то время лидер влиятельной фракции сторонников движения «Ян-У», отправился в Москву, чтобы присутствовать на коронации императора Николая II. Во время своего пребывания в России он посетил Всероссийскую промышленную и художественную выставку в Нижнем Новгороде, его путешествие описано в романе Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» [5. С. 278]. Однако немногочисленные визиты официальных китайских делегаций не принесли значительных положительных результатов ни с точки зрения долгосрочного стратегического взаимодействия, ни с точки зрения организации содержательных образовательных и культурных обменов.

Важное место в изучении китайской культуры, и особенно литературы, сыграло создание Русской православной миссии в Пекине вследствие подписания Кяхтинского договора 1728 г. Русские впервые получили возможность знакомиться с Китаем и китайской культурой, находясь в столице Срединной империи.

Роль православных миссионеров в распространении знаний о Китае в России. Императорская академия наук в Санкт-Петербурге была главной силой в раннем культурном взаимодействии России с Китаем, она непосредственно руководила делами Азиатского музея и обеспечивала оперативное руководство православной миссией в Пекине и факультетом востоковедения Казанского университета. Кроме того, восточный факультет Петербургского университета и Восточный институт во Владивостоке, а также Комиссия по изучению русского языка в Центральной и Восточной Азии активно занимались изучением дальневосточной истории, филологии, философии и этнографии, уделяя особое внимание изучению северо-западного Китая. Важную роль в этом процессе сыграла целая плеяда русских востоковедов, среди которых особое место занимает деятельность Н. Бичурина (о. Иакинфа), ставшего основателем российского китаеведения.

Н. Бичурин, член-корреспондент Российской академии наук по восточной литературе и древностям, пробыл в Китае 14 лет, его исследования охватывали политику, экономику, культуру и обычаи народов Китая. Результаты его исследований и переводов могли бы составить целую энциклопедическую серию [6]. Одновременно с научными исследованиями, в 1831 г. он открыл в Кяхте первую школу китайского языка, подготовив большое количество специалистов по китайскому языку, и именно он способствовал формированию и развитию российского китаеведения. Его переводы таких работ, как «Общие сведения о Пекине» и «Троесловие», были широко распространены

в России, а основными статьями и книгами стали: «Китайский сельскохозяйственный календарь», «Взгляд на китайское просвещение», «Китай, его жители, обычаи, нравы и просвещение» (1840) и «Статистическое описание Китайской империи» (1842). Его заслуги были действительно выдающимися, их оценили как современники, так и последующие поколения российских синологов.

С именем Васильева связано появление в мире первого научного труда по истории китайской литературы. Создание кафедры китайского языка на восточном факультете Казанского университета в 1837 г. стало важной вехой в истории развития китаеведения в России. Оно ознаменовало перенос базы синологического образования из Пекина в пределы России. В то же время синологическое образование перестало ограничиваться только занятиями по изучению китайского языка в общеобразовательных школах, оно получило свое развитие и в высших учебных заведениях, что позволило готовить китаеведов более высокого уровня.

Когда речь заходит об изучении истории китайской литературы в России, нельзя не упомянуть огромный вклад В.П. Васильева. Годы, проведенные им в Китае, начиная с 1839 г., имели огромное значение для его становления как востоковеда. За это время он изучил широкий спектр китайских, индийских и тибетских буддийских текстов и собрал большое количество материала по многим проблемам китаеведения. В 1851 г. Васильев, свободно владевший маньчжурским, монгольским, китайским, тибетским, японским, корейским языками и санскритом, был назначен профессором китайского и маньчжурского языков в Казанском университете. Здесь и на восточном факультете Петербургского университета он в общей сложности был профессором в течение 50 лет и подготовил многих синологов в России. Им был окончательно сформирован центр по преподаванию и исследованиям в сфере китаеведения, и за свои заслуги в 1866 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, а через 20 лет ему присвоено звание академика, первого в истории России в области китайского литературоведения [7].

В.П. Васильев внес огромный вклад в изучение китайской литературы. Его «Очерк истории китайской литературы», опубликованный в 1880 г., содержал изложение и анализ канонических философских трактатов, романов, оперы и поэзии, сельскохозяйственных и военных книг. Несмотря на лаконичность информации о китайской литературе и не очень большой объем «Очерка...», он содержал в себе всестороннюю и всеобъемлющую оценку трудов китайских авторов, демонстрировал остроумность суждений и ясность подхода [8].

В.П. Васильев провел типологию китайской литературы, выделив такие произведения, как, например, «Избранные сочинения Чжаомина», «Троесловие», «Грани возрождения» и «Шэнцзин фу». «Если в России знают и высоко ценят некоторые стихи Пушкина, то за 5 000-летнюю историю китайской цивилизации писатели и литераторы прошлых поколений оставили

после себя столько стихов, которыми восхищаются и сегодня. Таких стихов у них бесчисленное множество», – писал он, восхищаясь китайскими стихами, особенно таких авторов, как Ду Фу, Ли Тайбай и Су Дунпо [9. С. 99]. Особенно ценно то, что, глубоко исследуя шедевры китайской классической литературы, такие как «Ветер», «Изыщество» и «Оду», он подверг сомнению взгляды древних китайских авторитетов. Сделав перевод и дав анализ «Ши цзин», он предложил уделить внимание сбору народных песен Китая того времени, поскольку во всех регионах Китая, как он предполагал, существовали свои варианты этих песен. Такой подход в изучении китайской литературы был новаторским, и только спустя почти столетие это предложение было высказано в Китае.

В своем «Очерке истории китайской литературы» он отметил, что китайцы не были простыми подражателями ни в театре, ни в художественной литературе, но испытывали и преобразовывали все чужое и чуждое по-своему, всегда сохраняя независимый национальный дух. Так что в их произведениях всегда проявлялся китайский дух патриотизма, преданности и мольбы за народ. Он считал, что только в романе можно было выразить дух китайского народа, только длинный роман, по его мнению, мог дать полное представление о жизни людей того времени [8].

Своими глубокими знаниями, всесторонним изучением классической китайской литературы и неустанной деятельностью по ее распространению в русской науке, он внес большой вклад в формирование интереса к китайской культуре в России, написав первую в мире историю китайской литературы.

Особое место в распространении знаний о китайской литературе занимали покупка и вывоз в Россию китайских книг либо получение их в виде подарков от китайских властей, что создавало основу для развития российского китаеведения.

Появление китайских книг в российских библиотеках. Обмен книгами – распространенная форма официального культурного обмена. В 1845 г. по просьбе России правительство Цин передало ей коллекцию из более чем 800 томов «Данджур сутры» – важного буддийского текста, хранившегося во дворце Юнхэгун в Пекине. Через некоторое время российские власти сделали ответный подарок и отправили свое собрание книг в Палату по делам инородцев цинского правительства [3. С. 112]. По данным «Реестра русских книг», книги, подаренные российским правительством, были красиво оформлены, с буквицами и рисунками, общим количеством в 357 томов. Из них 50% были посвящены истории и военному искусству, 20% – медицине и садоводству, а 10% – художественной литературе [10. С. 265]. В то время мало кто умел читать по-русски, и книги были переданы в различные отделы для хранения. Согласно исследованиям, сохранились только названия, большинство же книг было утрачено. Однако из каталога известно, что в число подаренных книг были включены произведения многих известных русских писателей XVIII и начала XIX в.: Дмитриева, Пушкина, Гоголя, Крылова и др.

Помимо подарка китайского правительства, большинство книг приобреталось русскими миссионерами и членами дипломатического корпуса. Русский консул в Тяньцзине Константин Андрианович Скачков (1821–1883 гг.), известный китайцам как Кун Цитин, прожил в Китае несколько десятилетий и был известным синологом. Работая в Тяньцзине, Скачков находился под влиянием русского купца Старцева, владельца иностранной фирмы «Сапфир», и очень увлекся коллекционированием китайских произведений искусства и редких книжных изданий. Он собрал много хороших китайских книг, эта коллекция в то время была одной из лучших в России, сейчас она находится в Библиотеке имени Ленина [11. С. 215]. Когда Чжан Дэи, студент Тунвэньгуаня, посетил дом Кун Цитина в Петербурге, он восхитился тем, что у него был целый «город книг», на стенах висели китайские картины, а также тем, что он не жалел средств на собрание своей коллекции китайской литературы и картин. Затем, когда его пригласили преподавать китайский язык на восточном факультете Петербургского университета, он использовал «Сон в Красном тереме» в качестве учебника разговорного китайского языка и внес большой вклад в распространение этой книги в России [12].

Н. Бичурин (о. Иакинф), представитель русского миссионерского корпуса в Пекине, собрал огромное количество книг, когда был в Китае. Когда он вернулся на родину в 1821 г., то привез с собой 6,35 тонн культурных реликвий и материалов, в том числе 12 ящиков китайских книг на китайском и маньчжурском языках. Миссионер Ван Сили (Васильев) привез с собой в общей сложности 2 737 книг на маньчжурском, монгольском, китайском и тибетском древних языках с 849 названиями. В частности, его коллекция охватывает весь спектр книг, изданных и написанных на маньчжурском языке. Листы из маньчжурских книг использовались в качестве прокладок между листами в книгах, написанных на китайском языке, поскольку цинские книготорговцы считали их нерентабельными [13. С. 198].

Еще одна распространенная форма литературного обмена – отправка университетами людей для закупки книг. В 1899 г., в год своего основания, Восточный институт во Владивостоке отправил группу людей, включая профессоров Гребенщикова и Шмидта, в Шэнцзин (ныне Шэньян) для приобретения большого количества книг на китайском и маньчжурском языках [14. С. 114]. Богатство коллекции китайских книг института впоследствии нашло отражение в каталоге китайских книг Восточного института. Китайская литература была востребована не только учеными в России, но повлияла на творчество русских писателей.

Вклад русских писателей в распространение китайской культуры. Многие литературные произведения о Китае в России были переведены с английского, французского и немецкого языков. В результате в XIX в. лучшая китайская литература не была широко распространена в России, как могла бы. Но все же это был способ знакомства русских с китайской культу-

рой. Другим способом распространения знаний о китайской литературе были научные статьи, написанные синологами. Эти статьи были не очень длинными, но поскольку они были опубликованы в литературных журналах, то сделали китайскую литературу более доступной для широкой аудитории. Например, В. Белинский, известный русский литературный критик, высоко оценил и прокомментировал очерки, опубликованные в журнале «Летопись Отечества», а также переводы первых глав «Китайской хроники» и «Сна в красном тереме», что послужило хорошим толчком для распространения китайской литературы в России [15. С. 70].

Постепенно в русской литературе формируется устойчивый интерес к китайской культуре, прежде всего к классической китайской литературе, который находит отражение в творчестве А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого.

А.С. Пушкин, известный русский поэт и литературовед, основоположник русской реалистической литературы. Его называют «отцом русской литературы». Он был хорошим другом знаменитого русского сиолога Н. Бичурина. Имя А.С. Пушкина широко известно в Китае, как и его творчество. Его знаменитая строка «Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись», воплощающая оптимистичный и позитивный взгляд на жизнь, широко известна в Китае.

В ранние годы А.С. Пушкин узнавал о Китае в основном из иностранных книг – английских, французских, немецких. Он собрал значительную библиотеку о Китае, она насчитывала 82 книги [16. С.19]. Поэт всю жизнь испытывал симпатию к Китаю, и в 1817 г., будучи учеником Императорского Царскосельского лицея, он начал писать свою поэму «Руслан и Людмила». Вдохновленный китайской атмосферой мостов, беседок и садов Царского села, он изобразил характерные черты китайского сада: «С прохладой вьётся ветер майский средь очарованных полей и свищет соловей китайский во мраке трепетных ветвей» [17. С. 190].

Кроме того, в своей поэме «Евгений Онегин» Пушкин заставляет своего героя заняться размышлениями о традиционной культуре: «(Конфуций) мудрец Китая / Нас учит юность уважать / От заблуждений охраняя / Не торопиться осуждать / Она одна дает надежды...» [16. С. 19]. С растущим пониманием Китая и глубоким уважением к знаниям своего друга Н. Бичурина, он раскрыл свое желание приехать в Китай в стихотворении, которое он написал в 1828 г., «К другу»: «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья / Куда б ни вздумали, готов за вами я / Повсюду следовать, надменной убегая: / К подножию ль стены далекого Китая...» [18. С. 180].

Несмотря на то, что его прошение о посещении Китая не было одобрено императором, он все же не жалел сил на исследование и редактирование отчетов экспедиций и писем о Китае, которые служили для ознакомления с современной ситуацией в Китае. Следует отметить его восторженную оценку и рекомендацию перевода Бичурина «Троесловия», который он назвал «краткой детской энциклопедией», «краткой

по языку, но полной по содержанию, простой по языку, но глубокой по смыслу» [18. С. 189]. Он отметил значение подробных комментариев, сделанных переводчиком, которые, по его мнению, очень помогают понять китайский способ обучения детей и придают переводу Бичурина большой научный авторитет. А.С. Пушкин сыграл важную роль в распространении «Троесловия» в России.

О творчестве Л.Н. Толстого, одного из величайших русских писателей, другой знаменитый писатель – М. Горький однажды сказал: «Тот, кто не знает Толстого, не может знать Россию» [19. С. 62]. Важно отметить, что интерес китайцев к русской культуре и глубокое увлечение Толстого китайской культурой сделали его имя и творчество очень известным и очень почитаемым в Китае. Он стремился к пониманию многовековой китайской цивилизации и восхищался древней, миролюбивой культурой Китая. Он глубоко изучил конфуцианство и даосизм и дал им свою собственную интерпретацию. В письме к издателю в 1891 г. он написал, что влияние Конфуция и Менцзы в Китае было «велико», а влияние Лаоцзы – «огромно» [20. С. 19].

Он считал, что китайцы – самый большой, древний и миролюбивый народ в мире, и что китайская культура – это миролюбивая культура. Толстой выразил большое возмущение вторжением и разграблением Китая союзными войсками восьми держав в конце XIX – начале XX в. и выразил глубокое сочувствие угнетенному китайскому народу. Им было написано «Письмо китайскому народу», в котором он выразил «наше искреннее сочувствие страданиям невинного китайского народа» [21. С. 27].

Он глубоко исследовал древнекитайскую философскую мысль и посвятил почти 20 лет редактированию и написанию почти 10 трудов по китайской философии [22. С. 481]. Его книги содержат многочисленные китайские пословицы, афоризмы и философские изречения. Толстого сильно привлекала китайская мудрость, заключающаяся в радостном и оптимистическом отношении к жизни, он особенно ценил единство и гармонию Неба и Человека, жизненную мудрость китайцев, утверждающую реальность жизни и ценность нравственного воспитания. Он писал о том, что «почерпнул из китайской философской мысли много положительного и полезного, того, что порадовало».

Его отношение к китайской культуре было искренним, а его восхищение аграрной цивилизацией и восточным образом жизни было таким сильным, что он даже считал его «истинным и единственным путем для всего человечества» [23. С. 36]. Поэтому неудивительно, что идеи русского писателя перекликаются с философскими учениями Китая. Важно помнить, что учение, проповедуемое Конфуцием, направлено на воспитание морального облика человека и имеет естественное сходство с идеями Толстого о нравственном самосовершенствовании. Конфуцианская идея о воспитании нравственного характера и гармоничном управлении своей страной и миром, а также пропаганда доброжелательности и активного участия в жизни общества послужили для Толстого источником

вдохновения для формулирования собственного идеала спасения человечества через личное нравственное совершенствование.

Кроме того, Толстой уделял большое внимание изучению идеи Лао Цзы и Чжуан Цзы о «недеянии» и пропагандировал в своих произведениях даосскую философию. По его мнению, Лао Цзы был «самым глубоким мыслителем», а его идеи преодоления жестокого с помощью мягкого и доброго, следования законам природы являются мощным выражением силы, жизни и мудрости [24. С. 194]. Писатель принимал непосредственное участие в переводе «Дао дэ цзин» Лао Цзы с французского и немецкого языков. Знакомство русской общественности с этим классическим философским трудом произошло прежде всего благодаря деятельности Толстого. Но не только китайская литература влияла на творчество русских писателей и мыслителей, постепенно и Китай знакомится с русской культурой.

Распространение русской литературы китайскими литераторами и революционерами. Можно утверждать, что если и был человек, оказавший долгосрочное влияние на новое литературное движение в Китае, то это Лев Толстой. Его волновали не только путь и судьба русского народа, но и судьба китайской нации, независимость и счастье китайского народа. Он верил, что китайский народ, великая миролюбивая нация, обязательно сыграет важную роль в будущем человечества.

В начале XX в. политические идеи и философские мысли Толстого были распространены в Китае, оказав влияние на многих образованных людей. Его возвышенный моральный облик, сострадание и человеколюбие понравились многим молодым людям того времени, в том числе Чэнь Дусю и Ли Дачжао, революционерам и литераторам, а также первым лидерам Коммунистической партии Китая. Они разделяли идеи Толстого о безусловной честности, братском равенстве, святости труда и поддержке слабых сильными [25]. Произведения русского писателя были посвящены жизни угнетенных и простых людей, а его идеи сострадания и идеалы демократии оказали глубокое влияние на укрепление национального и политического сознания интеллигенции Китая, которая в то время была униженной и слабой.

Под влиянием литературных идей Толстого Лу Сюнь и Ху Ши, культурные знаменосцы движения «Четвертое мая», подчеркнуто использовали «истинные чувства» для изображения персонажей, а Лу Сюнь всегда считал произведения русского писателя очень ценной духовной пищей [26. С. 33]. По словам Мао Дуня, его творение «Полночь» было написано «благодаря Толстому» [27. С. 99]. Ба Цзинь отмечал, что на его трилогию «Стремительное течение» сильно повлиял роман «Воскресение» [28. С. 54]. Глубокий критический реализм и богатый гуманистический дух произведений и философских сочинений Толстого оказали влияние на многие поколения писателей и стали важной духовной подпиткой для развития современной и новейшей китайской литературы.

Таким образом, важно подчеркнуть, что активное и длительное развитие культурных обменов между Россией и Китаем способствовало взаимному признанию культур двух стран и стало предпосылкой для прагматичного, эффективного и практичного сотрудничества. Китай и Россия расположены на одном континенте, и протяженность общей границы составляет 4 375 км. За более чем сто лет взаимодействия российской культура постепенно впитала в себя элементы

китайской восточной культуры, а современная китайская культура испытала глубокое влияние русских писателей, мыслителей и художников. Обмены между двумя странами в XIX в. – начале XX в. проходили по различным направлениям и стали мостом и связующим звеном для современного международного сотрудничества и имели практический смысл для укрепления взаимопонимания и стремления к общему развитию в начале XXI в.

Список источников

1. Ли М., Ван Д. Разъяснения различий между китайской и русской культурами // Наука и техника Западного Китая. 2014. № 7. С. 118–119.
2. Ли М. История культурного обмена между Россией и Китаем / под ред. Хэ Фанчуань. Китайско-иностранный культурный обмен. Пекин : Международная культурная издательская компания – Го Вэнь Жун Хуа, 2020. 99 с.
3. Нань Б. Ли С., Ли Ш. Культура династии Цин: краткое изложение традиций и развитие великого обмена между Востоком и Западом. Тяньцзинь : Тяньцзиньское изд-во древних книг, 1991. 303 с.
4. Ван Ч. Записки о командировании в Россию. Хунань : Книжное общество Юэлу, 2016. 291 с.
5. Горький М. Жизнь Клима Самгина. М., 2017. 294 с.
6. Никита Яковлевич Бичурин // Энциклопедия Байдю. URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения: 30.11.2021).
7. Василий Павлович Васильев // Энциклопедия Байдю. URL: <https://baike.baidu.com/> (дата обращения: 30.11.2021).
8. Васильев В.П. Очерк истории китайской литературы. Переиздание на русском и китайском языках / пер. на китайский язык Янь Годуна. СПб. : Ин-т Конфуция в СПбГУ, 2013. 334 с.
9. Чжан Б. Статус и влияние «Очерка истории китайской литературы» Ван Сили в российском Китаеведении. Культура и поэтика. Серия 1 изд. Шанхай : Изд-во Восточно-Китайского пед. ун-та, Центр литературных исследований, 2016. 158 с.
10. Юй Л. История первого дарения книг Россией Китаю // Исследования современной истории. 1991. № 4. С. 265–272.
11. Люй Ц. Кун Цитин и китайско-российские отношения // Школа истории и культуры, Северо-Западный университет по делам национальностей. 2009. №3. С. 215–217.
12. Чу Д. Старая история российской концессии в Тяньцзине // Цзиньваньбао. 2021.11.11. Ст. 6.
13. Ли М. Китайская литература в России и СССР. Пекин : Жуашэн, 1990. 392 с.
14. Лэй Л., Ли Б. Эволюция российского Китаеведения и его актуальность // Форум Северо-Восточной Азии. 2011. № 4. С. 112–122.
15. У Л. Исследование поэтического искусства в романе Лермонтова : дис. ... канд. филол. наук. Нанькин, 2017. 124 с.
16. Ван Я. Влияние китайской культуры на русских писателей // Каоши Джоукан. Литературоведение и лингвистика. 2012. № 69. С. 18–19.
17. Лю Ж., Жао Б. С севера на запад: рассказы двух китайских журналистов о путешествии в рамках Тура китайско-российской дружбы. Чунцин : Изд-во Чунцин, 2007. 267 с.
18. Ву Т. Цикл лекций по китайской культуре : третий сборник. Пекин : Центр изучения китайской традиционной культуры, Пекинский университет, 1998. 330 с.
19. Пань Д. Краткий анализ контрастных образов персонажей в романах Толстого и Лу Сюня – на примере романов Бедные люди и Сестра Сялинь // Вестник Цицикарского педагогического университета. 2015. № 2. С. 61–62.
20. Ван Я. Влияние китайской культуры на русских писателей // Экзаменатор. 2012. № 69. С. 18–19.
21. Цзю П. Поиск людьми мира от поколения к поколению // Народный форум. 2017. № 21. С. 26–28.
22. Юань С. Распространение китайской культуры в России // Свет китайской цивилизации 3. Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2001. С. 481.
23. Ву З. Противоречия, сопровождающие вхождение Толстого в Китай 20 века // Пекин. Общественные науки. 2001. № 2. С. 34–40.
24. Рэн Ц. Синология в России: даосские исследования и Чжэн Тяньсин // Международная синология 10-я серия. Пекин : Даксян, 2004. С. 193–208.
25. Лев Толстой и Китай // Гуанмин жибао. URL: <https://epaper.gmw.cn/> (дата обращения: 21.01.2021).
26. Чэнь Ю. Лу Сюнь о Толстом // Китайская литература двадцатого века и мир. Шэньси : Народное изд-во Шэньси, 1987. С. 27–36.
27. Ван Ф. Мао Дунь: к новатору мировой литературы Хуан Яцин // Мировая литература и писатели Чжэньцзяна 20 века. Ханчжоу : Изд-во Чжэньцзянского ун-та, 2004. С. 93–117.
28. Чжоу Ц. Ба Цзин и Толстой // Журнал Фуянского педагогического университета (общественные науки). 2009. № 3. С. 52–54.

References

1. Li, M. & Van, D. (2014) Raz'yasneniya razlichiy mezhdu kitayskoy i russkoy kul'turami [Explaining the differences between Chinese and Russian cultures]. *Nauka i tekhnika Zapadnogo Kitaya*. 7. pp. 118–119.
2. Li, M. (2020) *Istoriya kul'turnogo obmena mezhdu Rossiei i Kitaem* [History of cultural exchange between Russia and China]. Beijing: International Cultural Publishing Company - Guo Wen Rong Hua
3. Nan, B. Li, S. & Li, Sh. (1991) Kul'tura dinastii Tsin: kratkoe izlozhenie traditsiy i razvitie velikogo obmena mezhdu Vostokom i Zapadom [The culture of the Qing Dynasty: a summary of traditions and the development of the great exchange between East and West]. Tianjin: Tianjin Publishing House of Ancient Books.
4. Van, Ch. (2016) *Zapiski o komandirovaniy v Rossiyu* [Notes on business trips to Russia]. Hunan: Yuelu Book Society.
5. Gor'kiy, M. (2017) *Zhizn' Klima Samgina* [The Life of Klim Samgin]. Moscow.
6. Baydu. (2021) *Nikita Yakovlevich Bichurin*. [Online] Available from: <https://baike.baidu.com/> (Accessed: 30.11.2021). (In Chinese).
7. Baydu. (2021) *Vasilii Pavlovich Vasil'ev*. [Online] Available from: <https://baike.baidu.com/> (Accessed: 30.11.2021). (In Chinese).
8. Vasil'ev, V.P. (2013) *Ocherk istorii kitayskoy literatury. Pereizdanie na russkom i kitayskom yazykakh* [Essay on the history of Chinese literature]. Reprinted in Russian and Chinese. Saint Petersburg: Confucius Institute at St. Petersburg State University.
9. Zhang, B. (2016) *Status i vliyaniye "Ocherka istorii kitayskoy literatury" Van Sili v rossiyskom kitaevedenii. Kul'tura i poetika* [The Status and Influence of Wang Xili's Essay on the History of Chinese Literature in Russian Sinology. Culture and poetics]. Seriya 1 izd. Shanghai: Izd-vo Vostochno-Kitayskogo ped. un-ta, Tsentr literaturnykh issledovaniy.
10. Yuy, L. (1991) *Istoriya pervogo dareniya knig Rossiei Kitayu* [The history of the first donation of books by Russia to China]. *Issledovaniya sovremennoy istorii*. 4. pp. 265–272.

11. Lyuy, Ts. (2009) Kun Tsitin i kitaysko-rossiyskie otnosheniya [Kong Qiting and Sino-Russian Relations]. *Shkola istorii i kul'tury, Severo-Zapadnyy universitet po delam natsional'nostey*. 3. pp. 215–217.
12. Chu, D. (2021) Staraya istoriya rossiyskoy kontsessii v Tyan'zsine [Old history of the Russian concession in Tianjin]. *Jin Wanbao*. 11 November. p. 6.
13. Li, M. (1990) *Kitayskaya literatura v Rossii i SSSR* [Chinese literature in Russia and the USSR]. Beijing: Huasheng.
14. Ley, L. & Li, B. (2011) Evolyutsiya rossiyskogo kitaevedeniya i ego aktual'nost' [The evolution of Russian Sinology and its relevance]. *Forum Severo-Vostochnoy Azii*. 4. pp. 112–122.
15. U, L. (2017) *Issledovanie poeticheskogo iskusstva v romane Lermontova* [A study of poetic art in Lermontov's novel]. Philology Cand. Diss. Nanjing.
16. Van, Ya. (2012) Vliyanie kitayskoy kul'tury na russkikh pisateley [The influence of Chinese culture on Russian writers]. *Kaoshi Dzhoukan. Literaturovedenie i lingvistika*. 69. pp. 18–19.
17. Liu, Zh. & Zhao, B. (2007) *S severa na zapad: rasskazy dvukh kitayskikh zhurnalistov o puteshestvii v ramkakh Tura kitaysko-rossiyskoy družby* [From North to West: Two Chinese Journalists' Stories from the Sino-Russian Friendship Tour]. Chongqing: Chongqing Publishing House.
18. Wu, T. (1998) *Tsikl lektsiy po kitayskoy kul'ture: tretiy sbornik* [A series of lectures on Chinese culture: Collection Three]. Beijing: Center for the Study of Chinese Traditional Culture, Peking University.
19. Pan, D. (2015) Kratkiy analiz kontrastnykh obrazov personazhey v romanakh Tolstogo i Lu Syunya – na primere romanov *Bednye lyudi* i *Sestra Syanlin'* [A brief analysis of the contrasting images of characters in the novels of Tolstoy and Lu Xun – on the example of the novels *Poor People* and *Sister Xianglin*]. *Vestnik Tsitsikarskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 61–62.
20. Wang, Ya. (2012) Vliyanie kitayskoy kul'tury na russkikh pisateley [The influence of Chinese culture on Russian writers]. *Ekzamenator*. 69. pp. 18–19.
21. Zuo, P. (2017) Poisk lyud'mi mira ot pokoleniya k pokoleniyu [People's search for peace from generation to generation]. *Narodnyy forum*. 21. pp. 26–28.
22. Yuan, S. (2001) Rasprostranenie kitayskoy kul'tury v Rossii [The spread of Chinese culture in Russia]. *Svet kitayskoy tsivilizatsii*. 3. p. 481.
23. Wu, Z. (2001) Protivorechiya, soprovozhdayushchie vkhozhenie Tolstogo v Kitay 20 veka [Contradictions accompanying Tolstoy's entry into China in the 20th century]. *Pekin. Obshchestvennye nauki*. 2. pp. 34–40.
24. Ren, Ts. (2004) Sinologiya v Rossii: daoskie issledovaniya i Chzhen Tyan'sin [Sinology in Russia: Taoist studies and Zheng Tianxing]. In: *Mezhdunarodnaya sinologiya 10-ya seriya* [International Sinology 10th series]. Pekin: Daksyan. pp. 193–208.
25. Guangming Ribao. (2021) *Lev Tolstoy i Kitay* [Leo Tolstoy and China]. [Online] Available from: <https://epaper.gmw.cn/> (Accessed: 21.01.2021).
26. Chen, Yu. (1987) Lu Syun' o Tolstom [Lu Xun about Tolstoy]. In: *Kitayskaya literatura dvadtsatogo veka i mir* [Chinese literature of the twentieth century and the world]. Shaanxi: Shaanxi People's Publishing House. pp. 27–36.
27. Wang, F. (2004) Mao Dun': k novatoru mirovoy literatury Khuan Yatsin [Mao Dun: to the innovator of world literature Huang Yaqing]. In: *Mirovaya literatura i pisateli Chzhetszyana 20 veka* [World literature and Zhejiang writers of the 20th century]. Hangzhou: Zhejiang University Press. pp. 93–117.
28. Zhou, Q. (2009) Ba Tszin i Tolstoy [Ba Jing and Tolstoy]. *Zhurnal Fuyanskogo pedagogicheskogo universiteta (obshchestvennye nauki)*. 3. pp. 52–54.

Информация об авторе:

Ли Линь – магистр филологических наук, секретарь парткома Института международного образования Шеньянского политехнического университета (Шеньян, КНР); аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 13940309208@139.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lin Li, MA (Philology), secretary of the Party Committee of the Institute of International Education, Shenyang Polytechnic University (Shenyang, People's Republic of China); postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 13940309208@139.com

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 13.04.2022;
approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 327
doi: 10.17223/15617793/480/14

Европейское общество в условиях пандемии. Мониторинг СМИ и Копенгагенская школа безопасности

Виктор Владимирович Миронов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, vvm_512@rambler.ru

Аннотация. Анализируется развитие современного европейского общества. Основу источниковой базы составили сообщения европейских СМИ. Информационный массив был обработан методами количественной оценки и интерпретирован с позиций Копенгагенской школы безопасности. Основу анализа составили идеи социетальной безопасности, секьюритизации проблемных вопросов в СМИ и выявление специфики регионального комплекса безопасности.

Ключевые слова: Европейское общество, Копенгагенская школа безопасности, пандемия

Для цитирования: Миронов В.В. Европейское общество в условиях пандемии. Мониторинг СМИ и Копенгагенская школа безопасности // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 114–122. doi: 10.17223/15617793/480/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/14

European society in a pandemic. Media monitoring and the Copenhagen Security School

Victor V. Mironov¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, vvm_512@rambler.ru

Abstract. The article aims to identify trends in the study of modern European society in the context of a pandemic. The foundation of the source base for the analysis was European media reports. The information array was processed using quantitative assessment methods and interpreted from the standpoint of the approach of the Copenhagen School of security studies. The school attracted attention at the turn of the 21st century by adapting a number of constructivist ideas to the subject field of the study of international relations. The school became famous thanks to the developments carried out at the Copenhagen Peace Research Institute (Denmark) from 1988 to 2002 by a group of researchers led by Barry Buzan. Other participants of the school are Ole Waever, Jaap De Wilde, Richard Little. The central publication of this project was the monograph *Security. A New Framework for Analysis* (1998). The basis of this analysis was the ideas of societal security, securitization of the most problematic issues in the media and of regional security complexes. The main disadvantages of the school's approach are the specific understanding of society in constructivism, which is considered as a phenomenon relatively autonomous from the state, the limited validity of the concept, the analysis of security through a set of changeable states and contexts. Despite a number of comments made to the school, the school's approach allows us to speak about the specifics of European society as a whole. The focus of the European media in the context of a pandemic is on socio-political problems, it gradually shifted towards the topic of the pandemic in 2021. Nevertheless, political issues still occupy a central place in the focus of international security perception. Quantitative analysis shows the prime importance of traditional issues at the pan-European level. The pandemic did not displace, but rather caught up with it in the total amount of information. The European media show the "subsidence" of the pan-European level of security before the national one in the conditions of a pandemic as a regional security complex. Not only COVID-19 played a role here, but also Brexit and other internal processes of the region's development: difficulties with flights, the introduction of immunity passports, restrictions on movement, lockdown in some countries (Belgium, Germany, the Netherlands and France). As a result, in 2021, national measures to overcome the development of the pandemic led to a decrease in the number of reports on general regional issues. There is a certain shift in emphasis towards the problems of societal security, which objectively reflects the reaction of the European communities. Within the social field, which is the specificity of the European region, the sphere of restriction of personal and political rights of people plays a critical role. At the same time, in the context of the development of regional protest sentiments, this aspect is an important factor in the formation of a pan-European societal agenda. The situation with the reaction to COVID-19 affected the fundamental values of society, not individual countries, but European identity as a whole. This allows us to speak about the formation of a general level of social self-identification.

Keywords: European society, Copenhagen Security School, pandemic

For citation: Mironov, V.V. (2022) European society in a pandemic. Media monitoring and the Copenhagen Security School. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 114–122. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/14

Постановка темы развития современного европейского общества была обусловлена двумя главными обстоятельствами. Во-первых, за последние полтора года не раз приходилось слышать суждения о том, что мир уже не будет прежним, пандемия обозначила новые рубежи по тому или иному вопросу, теперь начинается новый этап в какой-либо сфере и т.п. Однако в социальных науках, и история не исключение, принято считать, что очень сложно начинать выстраивать общественные отношения с нуля. Что именно изменилось в общественных отношениях в условиях пандемии, в каких направлениях происходят изменения, как изучать такую «пандемийную» реальность – попытка ответить на подобные вопросы и составила предмет размышлений в рамках этой статьи.

Для этого был проведен мониторинг СМИ. В частности, был создан и обработан информационный массив общим числом 1 784 сообщения в хронологических рамках с февраля по июнь 2021 г. Это минимальный срок, позволяющий говорить о фиксации тенденций и первых предварительных наблюдениях в рамках количественной оценки. Основу информационного массива составили сообщения европейских СМИ и в первую очередь лента новостей «Евроныюз» [1]. Стремление опереться на количественные методы в работе с информационными источниками не преследовала сциентистскую цель верификации определенных суждений СМИ, скорее, дает возможность неспекулятивного восприятия отдельных процессов внутри европейского общества в целом. При этом очевидно, что только количественный подход сам по себе мало информативен и нуждается в определенной теоретико-методологической рефлексии и качественной интерпретации.

Поэтому вторая цель – проверить валидность ряда положений концепции Копенгагенской школы международной безопасности. Под Копенгагенской школой понимается сообщество ученых-международников, занимающихся изучением безопасности, которые делают акцент в своих исследованиях на расширенной ее повестке и отходе только от военно-политической проблематики в ее анализе. Школа получила известность благодаря разработкам, осуществленным в Институте изучения проблем мира в Копенгагене (Дания) с 1988 по 2002 г. группой исследователей, возглавляемых Б. Бузаном. Центральной публикацией этого проекта стала монография «Безопасность. Новые рамки анализа» [2], но есть и другие заметные исследования, которые позволяют расширить представление о концепции школы. Кроме Б. Бузана в состав участников школы включают О. Вайвера [3], Я. де Вильде, Р. Литтла [4].

Как специфическое научное сообщество школа привлекла к себе внимание на рубеже XX–XXI вв. адаптацией ряда конструктивистских идей к предметному полю изучения международных отношений [5] и переосмыслением базовых категорий в их анализе [6].

Можно ли использовать ее наработки спустя 20 лет после завершения проекта, нуждается ли она в «подстройке» исследовательской оптики и что дает ее опыт в современных условиях? На эти вопросы хотелось бы обратить внимание при изучении современного европейского общества. В контексте второй цели работы представляется важным сделать акцент на трех идеях Копенгагенской школы.

1. Автономность социетального измерения безопасности. В отличие от военно-политического сектора, где центральными категориями традиционно выступают угрозы и вызовы государственной безопасности, трактуемые в контексте национальных интересов, в основе социального измерения безопасности лежит понятие «идентичность». И здесь показательно известное высказывание О. Вайвера. «Критерием безопасности государства выступает суверенитет, критерием безопасности общества выступает идентичность. И то и другое означает выживание. Государство, которое утрачивает свой суверенитет, перестает быть государством, общество, утратившее свою идентичность, не может считаться обществом в собственном смысле слова» [7. Р. 77–78]. Именно анализ социетальных аспектов безопасности, вкупе с проблемным анализом еще ряда секторов, по мнению сторонников школы, показывает более глубокий круг проблем в сфере международных отношений.

2. Возможность анализа региональной специфики международных отношений, что проявляется через изучение комплексов региональной безопасности. Понятие «региональный комплекс безопасности» было введено в научный оборот Б. Бузаном еще в 1980 г. В работе «Люди, государства и страх» 1983 г. региональный комплекс безопасности (РКБ) определялся ученым как «группа государств, чьи отношения в области безопасности настолько тесно связаны, что их национальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [8. Р. 106]. Процессы европейской интеграции в конце XX в. очень хорошо укладывались в такое понимание регионального уровня безопасности, показывая специфику Европы. Практически в том же виде данное определение присутствует и через 15 лет в работе «Безопасность: новые рамки анализа», которая рассматривается как центральная для Копенгагенского проекта [1. Р. 201]. Однако в исследовании 2003 г. региональный комплекс безопасности определяется Б. Бузаном и О. Вайвером несколько иначе, что было связано с полемикой вокруг этого понятия по другую сторону Атлантики [9] и разработкой собственного метода изучения внутри школы [7]. Под РКБ здесь понимается «группа участников, чьи основные процессы секьюритизации и десекуритизации (или же оба этих процесса вместе) настолько связаны, что проблемы безопасности региона невозможно проанализировать или решить силами отдельных участников» [3. Р. 24].

Таким образом, понятие «комплекс региональной безопасности» – это не просто существующее территориальное пространство современного мира, но и мир определенных социальных ценностей, которые позволяет говорить о региональной специфике общества. Подобный подход позволил Б. Бузану совместить классический неореалистский взгляд на международные отношения с наработками Английской школы и применить их к новому для теоретического осмысления уровню анализа международных отношений.

3. Метод секьюритизации, который рассматривает вопросы безопасности как речевой акт. Центральным элементом в понимании безопасности выступает анализ общественно-политического дискурса, который фиксирует наиболее важные составляющие социальной идентичности. Метод секьюритизации выявляет и дает возможность проанализировать различного рода социальные смыслы и контексты. Безопасность, понимаемая как специфический речевой акт и дискурс, оказывается изменчивой составляющей международной политики, что создает возможность для отслеживания основных проблем и ранжирования приоритетов. Для Европы это важно еще и в связи с тем, что коллективная безопасность или модель многостороннего управления ЕС характеризуется тем, что безопасность не является только прерогативой великих держав или региональных лидеров. Даже действия наиболее сильных участников РКБ должны получить коллективное одобрение общества. Изначально ставка конструктивистов была обращена в этой оценке к деятельности международных региональных организаций и развитию региональной интеграции [9. Р. 35].

Сразу отметим, что концепция этой школы неоднократно подвергалась обоснованной критике. Основные ее аргументы сводились к следующему.

1. Специфическое понимание общества в конструктивизме. Общество трактуется как относительно автономное от государства явление, которое может иметь собственную повестку при изучении проблематики безопасности. Иначе говоря, общество понимается школой не как относительно объективное и устойчивое явление, обладающее внутренней структурой устойчивых связей и отношений, но как конструируемый через идентичность текущий социальный феномен. Кроме, того имплицитно общественная и государственная повестка в изучении безопасности противопоставляются, что не всегда представляется корректным.

2. Истоки появления идей школы – необходимость разработки новых подходов к пониманию международных отношений после окончания холодной войны. Иначе говоря, появление концепции было обусловлено узкими темпоральными потребностями и факторами. Сама школа возникла как научный проект, который создатели этой концепции считали завершенным уже к 2002 г. Тогда применение подхода школы оказывалось возможным в специфическом социокультурном поле, не воспроизводимом в современных

условиях. При таком понимании значения концепции сообщества есть риски перенесения ограниченных теоретических схем на общие процессы в международных отношениях.

3. Критики школы считали, что анализ идентичности через дискурс фиксирует не состояние общества, но некий набор социальных контекстов, что приводит к искажению объективного содержания понимания международной безопасности [10].

4. С точки зрения схолярных подходов термин «школа» применительно к участниками Копенгагенского проекта выглядит несколько натянутым, поскольку идеи Б. Бузана о региональных комплексах безопасности сочетались с разработкой метода секьюритизации, что характерно скорее для конструктивизма, а не неореализма и Английской школы. В этом смысле термин «школа» выглядит несколько эклектичным и не показывает систематическую общую работу и концепцию изучения региональных отношений, скорее – некую матрицу для анализа ряда периферийных проблем, и нуждается в доработке.

Принимая справедливость и обоснованность критических замечаний, все же нельзя не отметить, что несомненными достоинствами Копенгагенской школы выступают возможность анализа неоднородных международных процессов целиком, как и попытка выявления специфики региональных измерений безопасности. Подход школы дает возможность говорить о европейском обществе в целом и уловить ведущие проблемы европейского развития в условиях пандемии в сочетании с применением количественных методов.

Общий тематический классификатор полученного информационного массива представлен на рис. 1. Как видно из рисунка, на первом месте по частотности упоминаний внутри европейских новостей находились вполне традиционные общественно-политические сюжеты с показателем 27% от общего числа сообщений. Думается, что это положение сохранилось, прежде всего, за счет объединения внутренних европейских и международных политических сюжетов в общем информационном поле. В противном случае коронавирус и борьба с ним вышли бы на первое место. Так оно и было в отдельные периоды весны – начала лета 2021 г. Пандемия и связанные с ней отелльные тематические индикаторы периодически выходили вперед. Как правило, это было обусловлено вспышками заболеваемости в ряде стран (Италия, Румыния, Испания), появлением первых вакцин и началом прививочной кампании. На третьем месте с показателем 15% оказались экономические проблемы, существенная доля которых также была вызвана спадом макроэкономических показателей и кризисом отдельных экономических сфер, вызванных пандемией. В целом совместно с общественно-политической проблематикой экономические аспекты дают приблизительно 42% от информационного контента.

Небезынтересным внутри общего распределения тем внутри информационного массива представляется экологическая составляющая в фокусе восприятия СМИ в условиях пандемии.

Рис. 1. Тематическое распределение информационного массива

Суммарно в общем информационном массиве доля сообщений составила 9%. В этом смысле можно предположить, что экологическая повестка для общества имела такой же вес, как и вопросы соблюдения личных прав граждан. Представляется, что в этом заложена определенная региональная специфика. Примерно такое же количество информационных материалов было посвящено правозащитной повестке (8%), что было связано с двумя факторами. Во-первых, с ограничением столь значимых для европейского общества личных прав граждан и, во-вторых, с ростом протестной активности на фоне введения и действия ограничительных мер. При этом протестная составляющая европейских новостей часто встраивалась в более широкий контекст протестного движения в мире, а не ограничивалась только констатацией недовольства в отдельных европейских странах и районах. Именно данное обстоятельство и позволяет рассматривать этот фактор как относительно автономный от общественно-политических сюжетов.

Последнее место пришлось на тему кибербезопасности (хакерские атаки, проблемы с интернетом, новые гаджеты – основные маркеры этой темы). Доля сообщений составила 4%, и она находится в пределах статистической погрешности, допустимой для количественной оценки. Однако это важный показатель европейского общества. Компьютеры прочно вошли в нашу жизнь, но кибербезопасность волнует меньше, чем проблемы отношения к власти. Эта тема использовалась как ложная переменная при анализе динамики для других тем. Также представляется небезынтересным понаблюдать за ней в дальнейшем, поскольку кибербезопасность выступает определенным показателем развития информационного общества, которому придать существенное внимание современные социологи [11]. В данный период времени этот показатель оказался низким. Но с чем это связано – с фокусом на других сюжетах, ростом заболеваемости, отсутствием существенных проблем в этом поле для

европейцев – оснований делать подобные выводы пока недостаточно.

Если анализировать долю сообщений, связанных только с коронавирусом, как особенную тему 2021 г. (20%), то суммарно распределение основных индикаторов внутри этой темы можно увидеть на рис. 2.

Как видно из рисунка, основными индикаторами внутри темы в хронологических рамках первой половины 2021 г. выступили 7 устойчивых маркеров: ограничительные меры (21,8%) – тема, которая заметна даже внутри общего распределения информационного массива, рост количества заболеваний и смертности (16,69%), вакцина «Спутник V» (13,20%), вакцина «АстраЗенека» (15,57%), прививочная кампания (19,34%), протестные выступления (6,42%), экономические и социальные последствия пандемии (6,81%). Арифметическая погрешность распределения тем внутри массива составила 0,17%, что считается вполне допустимым.

На рисунке 3 видно в динамике, что лидирующей по частотности упоминаний темой оказались ограничительные меры, вышедшие на определенный уровень к концу февраля, а не рост заболеваемости и смертности. Это говорит не только о дистанции СМИ от государства, но и о том, что к концу зимы – началу весны 2021 г. интерес к простой статистике заболеваний несколько «притупился», а на первое место стали выходить индикаторы анализа ее социальных последствий. В данную тему попадали маркеры введение комендантского часа, ограничение свободы передвижений, а также закрытие ряда общественных мест для посещения (кинотеатры, магазины, кафе), закрытие внешних границ ЕС и транспортные сложности.

Рисунок 4 показывает очевидную причину ужесточения карантинных мер, а именно тенденцию к возрастанию количества заболевших, рост смертности и появление новых штаммов: индийский и британский – данные маркеры также входили в рассматриваемый раздел.

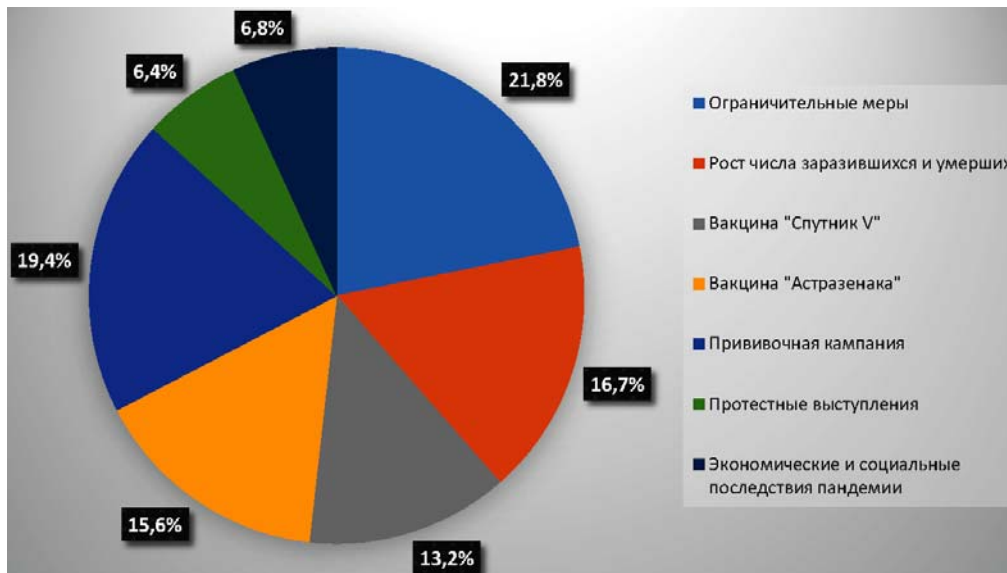

Рис. 2. Основные индикаторы пандемии по темам

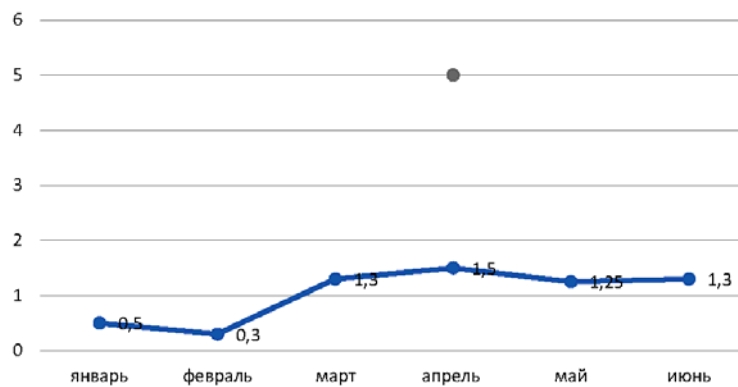

Рис. 3. Ограничительные меры в общем информационном массиве

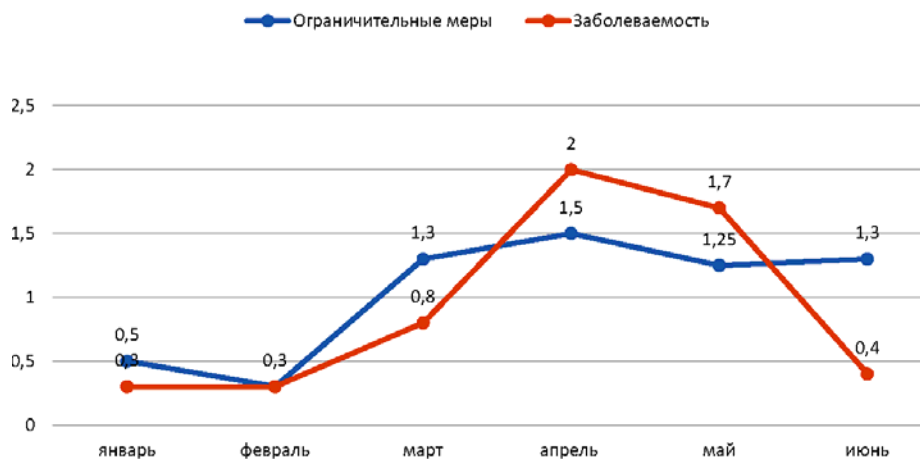

Рис. 4. Заболееваемость и ограничительные меры

В этом смысле действия властей отдельных стран просто отразили эту ситуацию в СМИ, хотя и реакция выглядит несколько запоздалой. На рисунке 4 виден рост заболеваемости с февраля по апрель, а ограничительные меры несколько отстают. Амплитуда расхождений с марта по май остается устойчивой в 0,5 балла. Любопытно, что когда заболеваемость идет на спад, то ограничительные меры еще какое-то время действуют, что стимулирует социальные протесты.

Содержательным примером, иллюстрирующим этот подход, служат апрельские сообщения из Румынии. Так, в ленте от 05.04.2021 фиксируется следующее: «В Румынии обнаружили новый вариант британского штамма коронавируса с опасной мутацией» [12]. Затем 09.04.2021: «Власти Румынии продлили на 30 дней режим тревоги в связи с пандемией» [13], а 11.04.2021: «В Румынии прошли манифестации против ограничительных мер» [14]. Таким образом, по-

литический контекст идет вслед, а затем, и довлеет над медицинским.

На рисунке 5 видно, что с начала весны 2021 г. наблюдается нарастание протестных настроений на фоне введения и усиления ограничительных мер, что лишний раз свидетельствует о негативном восприятии ограничений в европейских СМИ. При этом свою роль здесь сыграл и скандал, связанный с вакциной «АстраЗенека», что видно на фоне роста частоты упоминания вакцины «Спутник V» в весенний период. Вакцина «АстраЗенека» явилась наряду со «Спутником V» одной из первых, что в немалой степени стимулировало к ним интерес со стороны европейских медиа. Но довольно быстро эта вакцина стала восприниматься в негативном информационном контексте,

так как после начала прививочной кампании вакциной увеличилось количество смертей из-за образования тромбов в организме человека. Европейский регулятор в марте уже проверял вакцину «АстраЗенека» из-за случаев тромбоза и летальных исходов у привитых. Тогда многие европейские страны приостановили использование этого препарата.

Рисунок 6 в целом показывает эту «войну вакцин» и позволяет сделать вывод о том, что негативный эффект от скандала с вакциной «АстраЗенека» к лету удалось минимизировать, а если говорить о поиске корреляции к теме вакцинации, то, видимо, ее следует искать в соотношении количества зараженных и вакцинированных, что видно на рис. 7. Как минимум тема конкретной вакцины, что видно из рисунка, постепенно спадает.

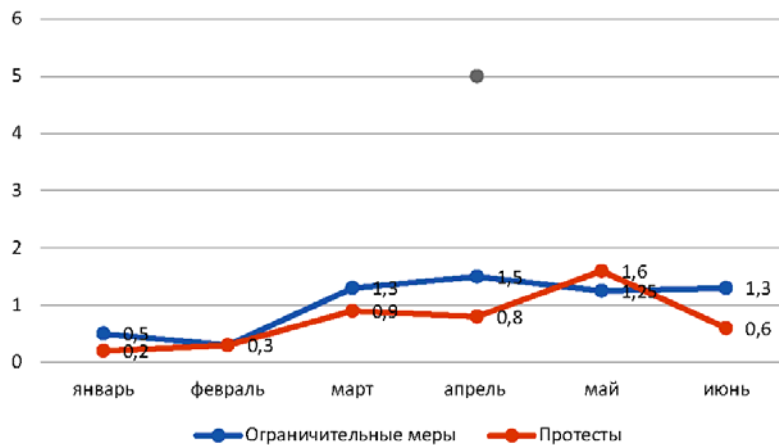

Рис. 5. Ограничительные меры и протесты

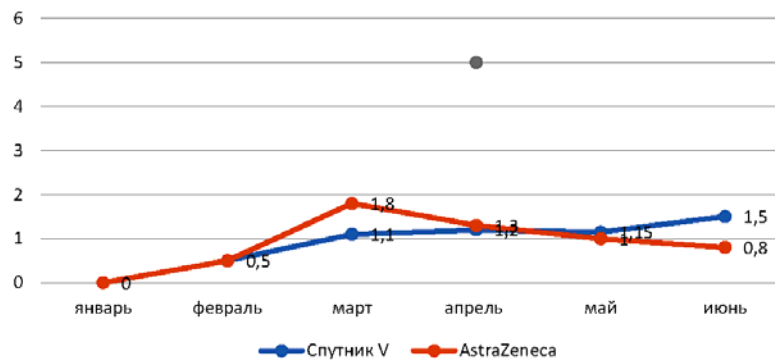

Рис. 6. Частотность упоминания вакцин

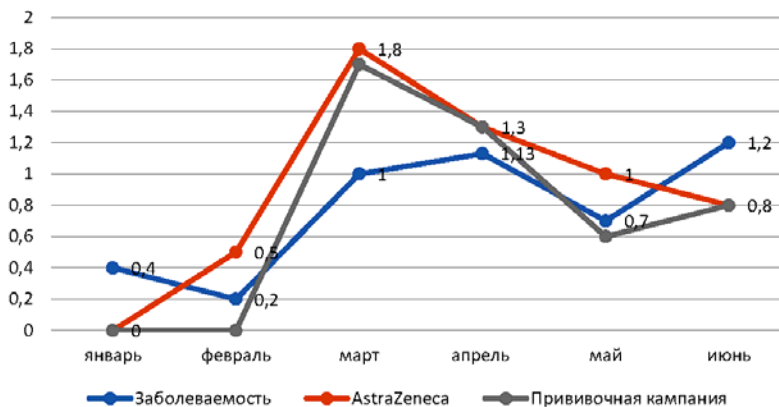

Рис. 7. Вакцинация, заболеваемость и «АстраЗенека»

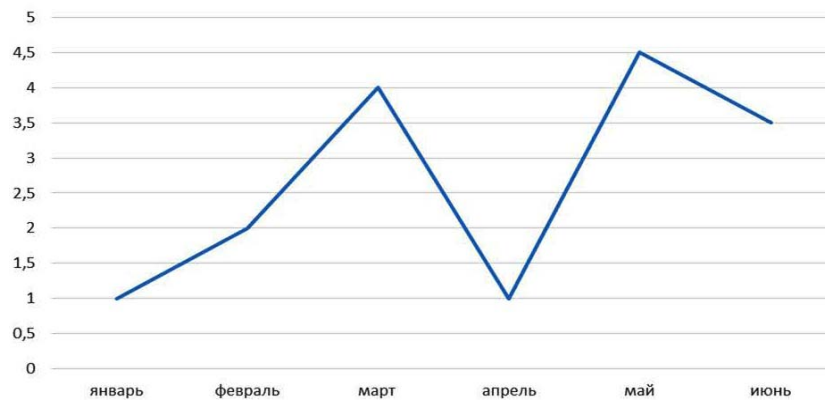

Рис. 8. Ковид-паспорта (зеленый паспорт)

Достаточно большой общественный резонанс имела тема введения ковид-паспортов, что очень болезненно воспринималось населением и породило определенные протестные действия. Это отчетливо видно на рис. 8 и подтверждает гипотезу о том, что в восприятии европейских СМИ ограничительные меры весной уже имели приоритетное значение перед показателями заболеваемости и смертности, вызванными пандемией. В этой связи можно предположить, что движение антиваксеров выступило формой завуалированного протеста против социальных ограничений.

Общую динамику политического спектра можно увидеть на рис. 9. В тематике политических сообщений по ЕС как основной теме (27%) в ленте новостей доминировали международные аспекты над внутриполитическими. Это было обусловлено не только «затишьем» внутри Европы, но и демонстрацией внешнеполитической субъектности Европейского союза, поскольку «внутреннее измерение» политических процессов все же было связано с борьбой с пандемией на уровне отдельных европейских государств. Здесь

ключевые темы – отношения с США, что объяснялось сменой администрации, продолжали обсуждать последствия Брексита, отношения внутри ЕС и НАТО, миграционные вопросы, ситуация на Ближнем Востоке, главным образом сирийские сюжеты, иные региональные конфликты, отношения с Россией. В целом спектр, волнующих европейское общество проблем, выглядит довольно традиционным для актора, интересующегося международными процессами за рамками собственного региона.

Что касается внутреннего измерения общественно-политической тематики, то ключевой контент информационного массива концентрировался вокруг сложностей развития ЕС по ряду политических и экономических параметров, а именно рост уровня безработицы во многих странах ЕС, кризисные явления в системе здравоохранения, увеличение влияния правых и популистских политических партий на фоне пандемии, которые рассматриваются как евроскептики и потенциальные противники ЕС, миграционные проблемы, социальная напряженность и развитие предпосылок для роста преступности.

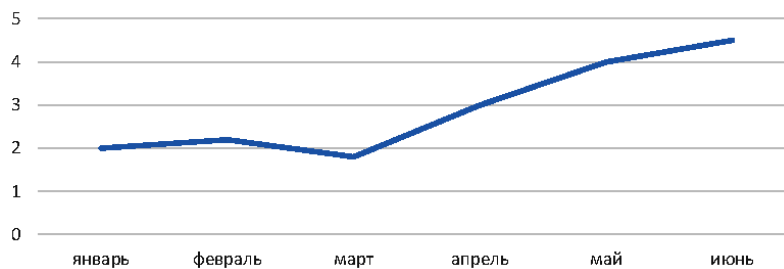

Рис. 9. Политические вопросы в тематике СМИ

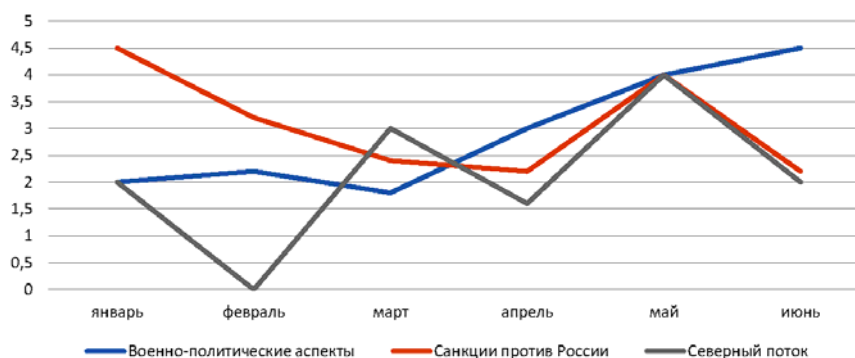

Рис. 10. Военно-политические аспекты и Россия

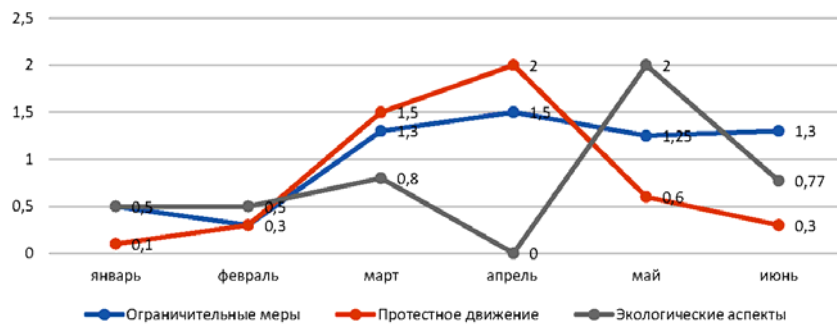

Рис. 11. Ограничительные меры, протестное движение и экологические аспекты

Подъем значений на рис. 9 к весне объясняется нарастающим напряжением в отношениях с Россией (взаимная высылка дипломатических сотрудников, ситуация на востоке Украины), обострением ситуации на Ближнем Востоке (сирийские сюжеты), а также подготовкой к саммиту НАТО в июне 2021 г. как кульминационным для СМИ общеевропейским событием первой половины 2021 г. Содержательными интенциями этих сообщений выступают необходимость мер по сдерживанию и недопущению обострения конфликта между Россией, Европой и США из-за «Северного потока–2», смягчение конфликтной ситуации на Ближнем Востоке, важность попыток урегулирования ситуации между Россией и Украиной, где задействованы европейские государства. Речь не только о Минском формате, но и о визите Ж. Борреля в Москву, необходимости дальнейшей организации встреч на высоком и высшем уровнях.

При этом, любопытно, что в отношении России, что следует из рис. 10, относительно самостоятельной темой были вопросы санкций и «Северного потока–2». Эти темы показывают возможности резкой политизации отношений с Россией, хотя об устойчивой корреляции с общим полем военно-политической проблематики говорить не приходится. В зимние месяцы пик интереса был обусловлен протестным движением в России, к концу весны эта тема была актуализирована в контексте введения более эффективных антироссийских санкций при завершении строительства «Северного потока–2» и соблюдения энергетического законодательства ЕС.

В отношении экологической составляющей, набравшей примерно такое количество упоминаний, что и протестное движение, обнаружить устойчивую корреляцию не получается, что видно из рис. 11, но данное обстоятельство также «работает» в пользу методологии Копенгагенской школы, поскольку для ее сторонников инвайроментальный сектор безопасности представляется автономным. По содержанию это были сообщения, посвященные неравному распределению ресурсов, проблемам утилизации ряда отходов в условиях закрытия внешних границ европейских стран.

Проведенный количественный анализ с позиций Копенгагенской школы позволяет зафиксировать некоторые наблюдения.

1. Политическая проблематика по-прежнему занимает центральное место в фокусе восприятия международной безопасности. Количественная оценка показывает приоритетное значение политических вопро-

сов на общеевропейском уровне. Пандемия не вытеснила, но скорее догнала ее в общем объеме информации. Европейское общество по-прежнему позиционирует себя как важный и вполне самодостаточный участник современных политических процессов, демонстрирующий интерес к различным регионам и аспектам международных отношений. Более того, ряд сюжетов, связанных с пандемией и иными тематическими сферами, встраиваются в данный политический контекст – например, можно говорить о некой геополитике вакцин, политизированном восприятии роли России. Секьюритизация ряда пограничных по отношению к Европейскому союзу тем показывает неустойчивый и волнообразный характер реакции на отдельные проблемы и политические действия.

2. Рассматривая регион как региональный комплекс безопасности, европейские СМИ демонстрируют «проседание» общеевропейского уровня безопасности перед национальным в условиях пандемии. Здесь свою роль сыграл не только Covid-19, но и Брекзит, и другие внутренние процессы развития региона. В первую очередь это сложности с перелетами, введение ковид-паспортов, ограничения на передвижение, локдаун в отдельных странах (Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция). Как результат, в 2021 г. национальные меры по преодолению развития пандемии привели к снижению числа сообщений по общей региональной проблематике.

3. В фокусе европейских СМИ наблюдается некоторое смещение акцентов в сторону проблем социальной безопасности, что объективно отражает реакцию европейских сообществ. На первый план выдвигаются вопросы, связанные не только со здоровьем, но и с соблюдением личных прав людей, социальные и экономические последствия пандемии. Это любопытно в силу того, что сегодня правомерно говорить о единой европейской политике и экономике, можно вести речь о единой внешней и оборонной политике, чего не было в момент появления Копенгагенской школы, но по-прежнему сложно говорить о единой социальной Европе. В реакции на пандемию этот элемент обнаруживается. Пандемия сталкивает общества с единым комплексом социальных вызовов, что высвечивает региональную общность некоторых европейских ценностей.

4. Внутри социального поля критически важное значение играет сфера ограничения личных и политических прав людей. При этом в контексте развития региональных протестных настроений именно данный

аспект представляется важным фактором формирования общеевропейской социетальной повестки. Протест идет изнутри общества и затрагивает ценности, которые рассматриваются как исторически европейские достижения. При этом, действия властей объективно отражают рост заболеваемости и необходимость борьбы с пандемией последних полутора лет. Ситуация с реакцией на Covid-19 затронула фундаментальные ценности общества не отдельных стран, но то, что было провозглашено в документах Европейского союза, начиная с Маастрихта и копенгагенских критериев 1993 г., – автономию общества от государства, верховенство права и соблюдение прав человека. Отсюда и несколько повышенная секьюритизация этих вопросов в обществе, хотя говорить о каких-то фундаментальных изменениях в этой сфере не приходится.

5. Показатели значения экологической проблематики поднимают проблемы разработки самостоятельных способов оценки этой темы, а тематика информационного общества оказалась не сильно востребованной.

Таким образом, ряд идей Копенгагенской школы могут считаться подтвержденными в условиях специфической ситуации 2021 г.

Список источников

1. Лента новостей Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/european-affairs/european-news> (дата обращения: 05.07.2021).
2. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner, 1998. 241p.
3. Buzan B., Waever O. *Powers and Regions. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 387p.
4. Buzan B., Little R. *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 452 p.
5. Buzan B. *Economic Structure and International Security. The Limits of Liberal Case* // *International Security* / ed. by B. Buzan, L. Hansen. 2007. Vol. II. P. 1–25.
6. Little R. *The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 317p.
7. Waever O. *Securitization and Desecuritization* // *On Security* / ed. by R. Lipschute. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
8. Buzan B. *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group, 1983. 262 p.
9. *Regional Orders. Building Security in a New World* / ed. by D. Lake, P. Morgan. Pennsylvania: Penn State University Press, 1997. 406 p.
10. McSweeney B. *Identity and security: Buzan and the Copenhagen school* // *International Security* / ed. by B. Buzan. Los Angeles, 2007. Vol. 3. P. 121–132.
11. Кастельс М., Киселева Э. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза // *Мир России*. 1999. № 3. С. 3–56.
12. В Румынии обнаружили новый вариант британского штамма коронавируса с опасной мутацией // TACC. URL: <http://tass.ru/obschestvo/1103341> (дата обращения: 06.04.2021).
13. Власти Румынии продлили на 30 дней режим тревоги в связи с пандемией // TACC. URL: <http://tass.ru/obschestvo/11104173> (дата обращения: 10.04.2021).
14. В Румынии прошли манифестации против ограничительных мер // TACC. URL: <http://tass.ru/mezhdunaodnaya-panorama/11115651> (дата обращения: 11.04.2021).

References

1. *Euronews*. (2021) News feed. [Online] Available from: <https://ru.euronews.com/european-affairs/european-news> (Accessed: 05.07.2021).
2. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner.
3. Buzan, B. & Waever, O. (2002) *Powers and Regions. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Buzan, B. & Little, R. (2000) *International System in World History. Remaking the study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
5. Buzan, B. (2007) *Economic Structure and International Security. The Limits of Liberal Case*. In: Buzan, B. & Hansen, L. (eds) *International Security*. Vol. II. SAGE. pp. 1–25.
6. Little, R. (2007) *The Balance of Power in International Relations. Metaphors, Myth and Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Waever, O. (1995) *Securitization and Desecuritization*. In: Lipschute, R. (ed.) *On Security*. New York: Columbia University Press. pp. 46–86.
8. Buzan, B. (1983) *Peoples, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Press Group.
9. Lake, D. & Morgan, P. (eds) (1997) *Regional Orders. Building Security in a New World*. Pennsylvania: Penn State University Press.
10. McSweeney, B. (2007) *Identity and security: Buzan and the Copenhagen school*. In: Buzan, B. (ed.) *International Security*. Vol. III. SAGE. pp. 121–132.
11. Castells, M. & Kiseleva, E. (1999) *Krizis industrial'nogo etatizma i kollaps Sovetskogo Soyuz* [The crisis of industrial etatism and the collapse of the Soviet Union]. *Mir Rossii*. 3. pp. 3–56.
12. TASS. (2021) *V Rumynii obnaruzhili novyy variant britanskogo shtamma koronavirusa s opasnoy mutatsiey* [A new variant of the British strain of coronavirus with a dangerous mutation was discovered in Romania]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/1103341> (Accessed: 06.04.2021).
13. TASS. (2021) *Vlasti Rumynii prodliili na 30 dney rezhim trevogi v svyazi s pandemiei* [The Romanian authorities have extended the alarm mode in connection with the pandemic for 30 days]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/11104173> (Accessed: 10.04.2021).
14. TASS. (2021) *V Rumynii proshli manifestatsii protiv ogranichitel'nykh mer* [Rallies against restrictive measures took place in Romania]. [Online] Available from: <http://tass.ru/mezhdunaodnaya-panorama/11115651> (Accessed: 11.04.2021).

Информация об авторе:

Миронов В.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: vvm_512@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Mironov, Dr. Sci. (History), professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: timson15121967@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 15.12.2021;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/480/15

Консервативное прочтение австрийской идентичности в сочинениях Фридриха фон Генца и Адама Мюллера фон Ниттердорфа (1816–1832 гг.)

Герман Сергеевич Рагозин¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, gragozin92@gmail.com

Аннотация. Рассматривается трактовка австрийской идентичности, представленной двумя интеллектуалами-консерваторами 1815–1832 гг. – Фридрихом фон Генцем и Адамом Мюллером фон Ниттердорфом. Подчеркивается, что оба мыслителя были согласны в понимании лояльности императору как опорной точке самоидентификации населения Австрийской империи, а также воспитания подданных в этом ключе «сверху» и роли в этом Католической церкви. При этом в понятие «австриец» оба писателя вкладывали разное значение.

Ключевые слова: Австрия, монархия Габсбургов, консерватизм, Клеменс фон Меттерних, Фридрих фон Генц, Адам Мюллер

Для цитирования: Рагозин Г.С. Консервативное прочтение австрийской идентичности в сочинениях Фридриха фон Генца и Адама Мюллера фон Ниттердорфа (1816–1832 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 123–131. doi: 10.17223/15617793/480/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/15

Conservative approach towards the Austrian identity in works by Friedrich von Gentz and Adam Müller von Nitterdorf (1816–1832)

German S. Ragozin¹

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, gragozin92@gmail.com

Abstract. The article deals with the issue of Austrian identity emergence and transformation in conservative intellectual discourse of 1816–1832, concentrating on the legacy of Friedrich von Gentz and Adam Müller von Nitterdorf. The author analyzed ideas presented in works by Friedrich von Gentz, e.g. Manifestos of Emperor Francis I he edited; his speculations on the political systems of Austria, Germany and Europe; his essays published in *Österreichischer Beobachter* [Austrian Observer]. The author also analyzed works by Adam Müller von Nitterdorf, including his political essays, panegyric pamphlets addressed to Emperor Francis I and the didactic essay on school education based on dynastic patriotism. The correspondence of the two public figures was also studied. The research methodology is based on the history of concepts that deals with the emergence and evolution of a certain concept in its historical and political contexts. Besides, the author employed the terms and concepts “historical memory”, “historical discourse” and “identity”. The conservative political thought of the Austrian Empire was the main context for speculations on the Austrian identity and also referred to criticism against the French Revolution of the 18th century and to the revisiting of the Napoleonic Wars in the Vormärz period (1815–1848). The author came to the following conclusions. Both intellectuals had a similar approach towards the role of the monarch and loyalty towards him as a core self-identification element for the Austrian Empire’s multiethnic population – a “family of peoples”, according to Gentz. This image was broadcast via periodicals monopolized by the officials after the Karlsbad decrees. The “organic constitution” concept played a vital role. According to both intellectuals, Francis I was also a formal symbol of Austrian leadership in German lands. At the same time, Gentz and Müller had a different understanding of an “Austrian”. Müller referred to universalist patterns from previous periods with his speculations on an “Austrian” as a sum of all communities living within the empire. On the contrary, Gentz referred to an “Austrian” as a subject of the empire with German as a native language and belonging to German culture. Such contradictions were significant in distorting the identity policy of the Metternich government. At the same time, both intellectuals agreed that reinforcing this identity is possible only with the active support of the authorities. For the rest of the society it was to be implemented via school education. The Catholic church was also to play an important role in implementing the policy, with the Josephinism and neo-Josephinism approaches of active inclusion of the clergy into leading the public opinion in a required discourse. After the two intellectuals and the emperor passed away, the conservative doctrine failed to preserve its leadership in the Empire.

Keywords: Austria, Habsburg monarchy, conservatism, Klemens von Metternich, Friedrich von Gentz, Adam Müller

For citation: Ragozin, G.S. (2022) Conservative approach towards the Austrian identity in works by Friedrich von Gentz and Adam Müller von Nitterdorf (1816–1832). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 123–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/15

Представления о монархии, государственной власти и их отношениях с обществом остаются проблемой для консервативных партий и движений в настоящее время. В общественном сознании господствует представление о консерватизме как о «реакционной» идеологии [1. С. 37–38]. Это накладывает отпечаток на историческую память о консервативных правительствах и их деятелях, а также на образ этих партий и движений в современном дискурсе. Все это подкрепляется демонизацией политиков и мыслителей этой идейной ориентации как «реакционеров», «ретроградов» и «клерикалов». Несмотря на ряд аргументов, которые приводят критики консерватизма, эта идеология предстает продуктом эпохи становления модерна и связана с переосмыслением политической системы, идентичности и социальных связей в условиях острого политического кризиса.

Оформление консервативной идеологии в монархии Габсбургов представляло растянутым по времени и сложным процессом, связанным с рядом особенностей этого политического образования. Начало революции во Франции в 1789 г. поставило вопросы не только о противодействии новым понятиям лояльности, идентичности и суверенитета, но и появлению альтернативы для них. Она начала формироваться еще с начала 1790-х гг., когда ряд мыслителей, критикуя новые порядки во Франции, стали предлагать консолидацию вокруг правящего дома и его главы, опираясь на их сакрализацию, в том числе посредством Римско-католической церкви. Полиэтническое устройство державы Габсбургов, ее изначальная политическая неоднородность, номинальные связи со Священной Римской империей до 1806 г. привели к появлению ряда особенностей австрийского консерватизма. Как правило, он не апеллировал к этнической идентичности подданных Габсбургов, взамен предлагая образ «семьи народов, скрепленной фигурой правящего императора». Определенным исключением здесь являлся вопрос с участием австрийских немцев в делах Германии, а также номинальным лидерством Габсбургов в немецких землях. Оформление консервативной доктрины в империи Габсбургов в целом завершилось к концу Наполеоновских войн, а с подписанием Карлсбадских постановлений она стала де-юре господствующей.

Появление и становление консерватизма в Австрии XIX в. представлено в историографии неравномерно. Как правило, большое внимание уделяется отдельным персоналиям, например Фридриху фон Генцу, Адаму Мюллеру и Йозефу фон Хормайру (до 1828 г.), представлены отдельные монографии и серии статей, по их произведениям защищаются диссертации. Такие исследователи, как Барбара Гант, Гюнтер Кроненбиттер, Бригитте Мацоль и Бернхард Метельзедер обращаются к появлению и эволюции взглядов консерваторов первой трети XIX столетия, а также их позднему осмыслению в австрийских и германских землях [2. С. 71–88; 3; 4]. Гельмут Райналь-

тер обращался к проблематике «низового» Контрпросвещения, т.е. антиреформаторских движений в Тироле, совпавших с началом Французской революции [5]. Типология консерватизма, представленная П.Ю. Рахширом, и концепция консерватизма как тесно связанного с «реакционным мышлением» у К. Робина в большей степени опирались на изучение критики революции как практики преобразований и решения назревших политических и социальных вызовов конкретных стран [6. С. 4–17].

Главному проводнику консервативного курса в Австрийской империи 1809–1848 гг. – канцлеру Клеменсу фон Меттерниху – посвящено большое число монографий и статей [7–9]. Не были редкостью полярные оценки деятельности канцлера. Особенно это касалось «национальных» историографий в государствах, отколовшихся от империи Габсбургов в 1918 г. [10]. Такие оценки находились в общем контексте негативизма в отношении Австрии, Габсбургов и связанных с ними политиков как архитекторов «несвободы» и германизации. Историографическая ситуация в этих странах изменилась лишь после 1989 г., т.е. после краха коммунистических режимов и связанной с ними марксистской историографии [11–13]. Современная историография отказалась от полярных оценок в адрес Меттерниха и его политического курса. Теперь она обращается к формированию и эволюции стратегии канцлера как на австрийском, так и на германском уровне [9, 14].

Не только изучаются взгляды отдельных мыслителей и политиков, но и предпринимаются попытки анализа механизмов формирования консервативной идеологии в монархии Габсбургов. Например, исследуется «консерватизм снизу», т.е. сопротивление утверждению новых ценностей в регионах и государствах с преобладанием традиционной политической культуры и представлений о власти [5, 15, 16]. Эту проблематику развивает направление, выросшее из «Новой русской школы» изучения Французской революции конца XVIII в. под руководством Александра Викторовича Чудинова, – «сопротивление революции». Под ним понимается протест против утверждения новых ценностей в странах традиционной культуры, обращается внимание на формы и методы консервации «старых» элементов [15, 17, 18].

Современная историография развивает тезисы о неприятии новых течений как части «сопротивления революции». Попадание иного представления о государственности, отношениях политической системы и основной массы населения необратимо вело к конфликтным ситуациям. «Новое» воспринималось как ломка самопрезентации местного сообщества в регионе, где преобладала «традиционная» политическая культура. Все это отягощалось также образами «другого» как «оккупанта», «врага веры», «турка». Это было катализатором консолидации на основе «старых», т.е. подданных, принципов вокруг фигуры правящего монарха, конфессии, «гарантированных

сословных привилегий» и «старой» политике [19. S. 38–61]. Доктрина консерватизма, связанная с этим неразрывно, воспринималась как реакция на события во Франции конца XVIII в. и ассоциацию нового порядка с иностранным вторжением. Это отразилось и в исследованиях по данной проблематике.

Проблематика национальной или наднациональной идентичностей в консервативных кругах первой трети XIX в. часто остается «в тени» критики революций, представлений о государстве и его отношениях с обществом, интеллектуальной истории и иных направлений. В то же время целый ряд мыслителей и писателей, работавших в империи Габсбургов в этот период, представили свое видение «австрийского». Оно повлияло на восприятие правящей династии, самоидентификации и австрийских немцев, и негерманских общностей империи.

На раннем этапе консервативным политикам и мыслителям предстояло не только обозначить программу и практику «от противного», т.е. отвергая революции и их продукты, но и представлять «конструктивную» альтернативу. Это предполагало не только критику новых порядков, например, во Франции 1790-х гг., но и тех, кто их поддерживал вне этой страны. При этом путь консервативных политиков к властям в европейских странах сопровождался рядом трудностей. На первых порах высшая бюрократия и генералитет полагали достаточным силовое решение [20]. Однако вторжение имперской и прусской армии во Францию в 1792 г. провалилось.

Последующий переход к «экспорту революции» во Франции, связанный с противостоянием коалиции, стал возможен благодаря целому ряду факторов. Идеи французского Просвещения находили своих читателей в германских землях не только «сверху», но и в среде интеллектуалов – сторонников реформ [21]. То же самое относилось и к империи Габсбургов. В пользу этого говорит наличие обществ «немецких» и «венгерских» якобинцев, не согласных с политическим устройством своих земель того времени [22]. Перенос военных действий на территорию «старого Рейха» ускорил этот трансфер идей: появились республики в Рейнланде. Несмотря на их ликвидацию, это было доказательством невозможности решения проблемы силой. Ряду мыслителей виделось решением обосновать форму правления в империи Габсбургов, в том числе не связанную со «старым Рейхом», не отказываясь при этом от формального в нем лидерства.

Изначально критики революции и реформ не были тесно связаны друг с другом и выразили относительно близкие идеи порознь. Например, Фридрих фон Генц в Берлине перевел с английского труд Эдмунда Берка «Размышления о революции во Франции» (1793). Тогда идеи «антиреволюции» начали оформляться и обсуждаться, пусть и в ограниченном кругу [23]. Параллельно с этим журнал «Wiener Zeitschrift» в Вене отождествлял «французскую свободу» с «турецким рабством» [24]. Среди вдохновителей таких сравнений наиболее знаковым был Леопольд Алоиз Хофман. Однако это были разрозненные на тот момент системы взглядов, объединенные лишь осуждением новых

государственных идей и практик. Все это дополнялось ростом роли государственной полиции и цензуры в монархии Габсбургов [25].

Единое оформление «антиреволюционных взглядов» в идеологию консерватизма началось только в 1803 г., когда Фридрих фон Генц переехал в Вену. Одновременно с ним начал свою деятельность Йозеф фон Хормайр как историограф Тироля и его связей с Австрией. В 1809 г. к ним присоединяется Адам Мюллер. Поводом для переезда в Вену последнего стала критика реформ, проводимых в Пруссии в 1807–1814 гг. Все трое находились под влиянием романтизма начала XIX столетия, осмысления опыта революционных событий, а также «в контексте» завершения централизации владений Габсбургов как Австрийской империи. Каждый из них представлял свое видение «австрийского», «имперского» и наднациональной самоидентификации. Аргументация у всех троих различалась: философско-политическая у Генца, историографическая у Хормайра и социально-политическая с элементами теологии у Мюллера. Их объединила идея «органического устройства», которую подкрепляла идеализация отношений между подданными и монархом эпохи Средних веков, т.е. «мобилизованное Средневековье» (также в современных исследованиях используется понятие «медиэвализм»).

В настоящей статье предпринята попытка анализа консервативного прочтения австрийской идентичности у Фридриха фон Генца и Адама Мюллера. Оба мыслителя де-факто были главными идеологами консерватизма в империи Габсбургов до конца 1820-х гг. Как правило, представления обоих находятся «в тени» Йозефа фон Хормайра и его систематизации исторического дискурса, а также главного консервативного политика Австрии 1809–1848 гг. – Клеменса фон Меттерниха. Исключительно негативный образ всех трех участников процесса был связан с деятельностью национальных движений, а также демонизацией австрийской политической системы ее бывшим апологетом и историографом Хормайром после 1828 г. [26] Источниками для данного исследования выступили сочинения Фридриха фон Генца и Адама Мюллера, а также их переписка периода 1813–1829 гг., в том числе с лидером консервативного политического лагеря, канцлером Клеменсом фон Меттернихом. В них излагались не только взгляды мыслителей на политическую ситуацию и повестку в империи, но и ее «идеальный образ», в том числе связанный с самоидентификацией подданных и лояльностью правящему императору.

В исследовании задействованы следующие сочинения Генца: «О различии сословной и представительской конституции» (1819), «Вступительное слово к Карлсбадским постановлениям» (1819), «Критика “Конституционалиста”» (1824). Помимо этого, еще во время Наполеоновских войн Генц выступил редактором манифестов о вступлении в войну Австрии (1809 и 1813 гг.) и воззвания «К немецким князьям и немцам». Те тезисы, которые задействовал в них мыслитель, касались и вопросов о самопрезентации и самоидентификации подданных Габсбургов. В них он защищал лояльность династии, императору, его госу-

дарству и Католической церкви. Генц располагал максимально возможным ресурсом для публикации своих измышлений в газете «Австрийский обозреватель», главным редактором которой являлся его близкий друг Йозеф Антон фон Пилат. Меттерних и Франц I активно поддерживали ее работу, и она заслужила репутацию «официозной реакционной газеты» Австрии до 1848 г.

Были проанализированы такие сочинения Адама Мюллера 1810–1820-х гг., как «Австрийский император Франц I» (1816), «О теологическом обосновании доктрины государства и политической экономии» (1819) и «Размышления о выездных уроках истории для выходного дня» (1829). «Австрийский император Франц I» предстает проявлением династического патриотизма «сверху», т.е. силами аффилированного с правящим домом и Меттернихом интеллектуала. В нем рисовался образ идеального австрийского правителя. Мыслитель рассуждал о роли церкви в политической и социальной жизни, а также в самоидентификации австрийцев. При этом Мюллер обратился к укреплению австрийской, в том числе имперской идентичности средствами исторической памяти. Здесь он частично углублялся в материал Иоганна фон Мюллера, а также Йозефа фон Хормайра.

Отдельной категорией выступает переписка Генца и Мюллера. В письмах друг другу и канцлеру Меттерниху оба мыслителя обсуждали свои идеи, тезисы и их соотношение с реалиями своего времени. Оба мыслителя до конца 1820-х гг. были близки к канцлеру и прекратили с ним сотрудничать либо по причине конфликта, либо в связи с переходом на почётные посты, не связанные с «реальной политикой». Но оба в этом случае утратили рычаги воздействия на политический курс империи и на развитие консервативной идеологии в целом. Смерть Мюллера в 1829 г., а затем и Генца в 1832 г. привели к «застою» в развитии доктрины консерватизма до 1850-х гг. Однако их взгляды, пережив их самих, еще влияли на самоидентификацию населения в монархии Габсбургов, понятие лояльности правящему дому и политический курс Меттерниха. После смерти императора Франца I в 1835 г. консервативная идеология, идентитарная политика и политический курс Меттерниха столкнулись с кризисом. Его пик пришелся на март 1848 г., когда сдерживание протеста в империи оказалось невозможным, и система Меттерниха пала.

Формирование «консервативного прочтения» австрийской идентичности уходит корнями в 1809 г. Тогда при подготовке манифеста об объявлении войны Франции Генц задал образ императорской власти как «сакральной власти отца над детьми», а самой империи – как «семьи народов» [27]. Иными словами, видение «австрийского» им изначально строилось на личной лояльности подданного императору, а не культурной и этнической принадлежности конкретного индивида. Эту идею он продолжил развивать в императорском манифесте о начале войны в 1813 г. [28] (цит. по: Österreichischer Beobachter. 20.08.1813) и в обращении «К немецким князьям и немцам», дополнив ее образом «князей» как «лучших представителей своего народа» [29].

Последний текст относился, среди прочих, и к императору Австрии Францу I как «немецкому князю». То есть он не отвергал культурное единство немецкоязычного ареала, но при этом полагал неизбежным его политическое разделение. Связывалось это и с тем, что Габсбурги, в представлении Генца, несли миссию главы «семьи народов». То есть австрийские немцы оказывались на «пограничном» положении – и частью «немецкой» общности, и членом «семьи народов». Эту же идею развивал в своих сочинениях Йозеф фон Хормайр, когда готовил к публикации такие сочинения, как «Австрийский Плутарх», «Австрия и Германия» и «Малая история отечества». Хотя в ту же «пограничную» категорию Австрия попадала с позиций «австрийской свободы», т.е. права герцогства на независимую политику в обмен на деятельное участие в обороне восточных рубежей «старого Рейха» [30. S. 2].

Частично развил идею Генца о роли императора в монархии Габсбургов другой идеолог консерватизма, Адам Мюллер. Ранее он отметил рассуждениями о конфессиональной природе государства и общества [31]. Идеальным ему виделось сословное общество, которое было частью «органического устройства» государства. Единственно возможной его формой была монархия. В сочинении «Австрийский император Франц I» (1816) Мюллер создавал свой образ «идеального правителя»: он и объединял «семью народов» «своей добродетелью», распоряжаясь своей властью, не ограниченной законом [32. S. 370–408]. Такая «органическая власть» Франца I, дополненная поддержкой церкви, в понимании Мюллера, и обеспечивала саморегуляцию и «гражданский мир». Идеальный австрийский император поддерживал общение с подданными вне зависимости от их этнической и социальной принадлежности, знал основные языки империи. Столь патерналистский по своему подходу тезис еще и представил «австрийское» как «сумму» населяющих империю общностей. Оно консолидировало все общности вокруг фигуры правящего императора.

То есть на первых порах оба мыслителя сходились в определении империи Габсбургов как «семьи народов» под властью императора. В целом похожим оказывалось и видение роли императора – «отца для подданных», обладателя «органической власти» над ними, освященной церковью. Разнотечение на первых порах предстало в природе «австрийского»: не отрицая этнических и культурных различий австрийских немцев и негерманских общностей, Генц полагал Австрию таким же членом «немецкой общности», пусть и на пограничье. Мюллер же видел «Австрию» как «сумму» культурных достижений и немцев, и негерманских народов.

Можно предположить, что понятие «австрийское» у Генца и Мюллера оказало влияние на неосуществленный проект имперской реформы Меттерниха 1817 г., когда предполагалось пересмотреть существующее административное деление империи, в том числе по этническому и культурному критериям. Несмотря на его публикацию в «Венской газете» [33], он не получил поддержки от императора, вставшего на сторону

ряда «славянских» элит. Они заявили протест новым границам в империи, назвав их «нарушающим старые привилегии». Активнее всего проявился протест в хорватских землях.

Пик активности Генца и Мюллера пришелся на 1819 г., когда ими был выпущен целый ряд сочинений, повлиявших и на развитие консерватизма, и на понятие австрийского в нем. Генц представил критику новых форм политического и социального устройства в очерке «О различии сословной и представительской конституций» и во вступительном слове к «Карлсбадским постановлениям» [34. S. 135–136]. Мюллер продолжил развивать теологический подход к политическому, социальному и экономическому развитию Австрии в трактате «О теологическом обосновании государственного и политической экономии». Одновременно это же время стало пиком успеха консервативных политических сил в масштабе Германского союза с принятием Карлсбадских постановлений, которые де-юре закрепили монополию консервативных политиков и идеологий в немецких землях, в том числе в Австрии.

Во «Вступительном слове к Карлсбадским постановлениям» Фридрих фон Генц использовал концепт «нации» применительно к немецкой культурной общности в Центральной и Восточной Европе [35. S. 157]. Не отрицая тем самым право этой общности на суверенитет, т.е. свое государство, он к ним применяет обозначение «немецкие земли», т.е. полагает на этом этапе главной формой патриотизма, в том числе в Австрии, земельный [35. S. 160]. Последнюю он полагал отдельным политическим образованием от остального «германского мира», но при этом ставя ее на номинально лидерскую позицию в нем. «Кайзер», как отмечал Генц, являлся «высшей духовной властью» над немецкой общностью. «Политическое возрождение» для Германии мыслитель связал с восстановлением «сословного устройства», т.е. сохранением «старого порядка» в социальной и политической формах [35. S. 161]. Он это обосновал тем, что «конституция» Германии еще не сформировалась. Поэтому введение ограничений на прессу, издательское дело и высшее образование Генц представил «благом», предложив альтернативу лояльности императору, который формально с 1806 г. уже не был номинальным сувереном в Германии. Однако австрийский представитель в Союзном собрании Германского союза изображался Генцем как поверенный в делах всего союза. «Защита нации» должна была реализовываться в форме «апелляции к императорскому величеству» [35. S. 175].

Столь патерналистское видение, впрочем, входило в противоречие с идеями Мюллера, хотя и продолжало часть более ранних тезисов Генца. Теперь оно дополнялось апологетикой авторитарного правления Меттерниха и императора Франца, которое должно было стать ориентиром не только для Австрии и населяющих ее общностей, но и для всех германских земель. «Австрия» как номинальный глава германского мира, как полагал мыслитель, имела право диктовать ему свою волю. Это противоречило попыткам создания «наднациональной» идентичности и открывало

возможности для полемики со стороны негерманских общностей в империи. Наличие собственной «семьи народов», как полагал Генц, не должно было мешать контролю над Германией, хотя политически он давался сложнее в силу конкуренции с Пруссией.

Противоречие во взглядах Генца на австрийскую идентичность четко обозначилось в очерке «На смерть Карла Августа фон Гарденберга» в 1820 г., посвященном канцлеру Пруссии и реформатору 1807–1814 гг. Австрийский консерватор изобразил главу кабинета реформаторов «великим канцлером, изменившим судьбу страны». В несомненную заслугу Гарденбергу ставилось «поддержание связей между Пруссией и Австрией» ради «покоя в Германии» [36. S. 258–259]. Генц покинул Пруссию еще до событий 1806 г., и его образ этого германского государства был более нейтральным, нежели у Мюллера. Последний активно критиковал сначала предшественника Гарденберга Генриха Карла фон Штейна, а затем и самого реформатора за «обращение к опыту революции», но избежал ареста в связи с отъездом в Австрию в 1809 г. То есть Генц не отвергал «германскую» природу австрийской идентичности, ставя ее во главе и Германского союза, и своей «семьи народов». Реформаторский путь он считал естественным, однако такое представление можно считать предпосылкой к его дальнейшему разрыву с Меттернихом в 1829 г.

За пять лет до этого, в 1824 г., Генц в сочинении «Критика “Конституционалиста”», обращенном против одноименного журнала в Швейцарии, обосновал правомерность силового разгона революций в Италии начала 1820-х гг. «Это [интервенция] не против неаполитанцев, пьемонтцев или ломбардцев, а во имя спасения австрийских народов», — отмечает мыслитель [37. S. 260]. То есть здесь продолжилась нить, заложенная во «Вступительном слове к Карлсбадским постановлениям»: то, что влечет революцию, является покушением не только на государство, порядок или собственность, но на общность — «семью народов». Итальянцев, как и немцев, Генц полагал «народами с недостроенной конституцией», а борьбу с революционными движениями — борьбой за сохранение каждой общности, входящей в империю, в том числе итальянской. Данный текст стал доказательством совместной работы Генца и Меттерниха в антиреволюционных акциях и позиционировании консерватизма как «антиреволюционной» системы взглядов и практик.

Несмотря на тезис о «революции», которую Генц сравнил с «Сатурном, пожирающим собственных детей», он начал пересматривать свои взгляды в 1820-е гг. [38. S. 402]. Подавление либеральных и национальных движений силой он считал уже излишним, в отличие от формирования лояльности монарху. Доказательством тому послужило его отношение к Июльской революции во Франции. Ранее Генц полагал интервенции в страны, затронутые подобными движениями, необходимостью. Теперь он отговаривал европейские страны от вмешательства во французские дела, назвав первый кабинет Луи-Филиппа I во главе с Франсуа Гизо «относительно умеренным» [39. S. 389], а «большую войну» в Европе — ненужной [40. S. 391–394].

Генц и Мюллер, помимо идеологического обоснования австрийской идентичности или ее сопричастности с немецкой, были также непосредственными исполнителями политики Меттерниха в Германии. В ранге посланников те участвовали в конгрессах Германского и Священного союзов. Идеи обоих мыслителей находили читателей в Российской империи: определенное сходство взглядов на природу власти монарха, социального устройства и роли церкви имеется с «Теорией официальной народности» С.С. Уварова. Оба мыслителя ушли из политической жизни империи после 1827 г. Тогда Мюллер перешел на пост придворного советника, но не назначался на посты представителя Австрии в германских землях. Генц уже в начале 1830-х гг. начал выражать сомнения в той системе взглядов, которую сам ранее предлагал, и том курсе, который он ранее обосновывал, и дистанцировался от Меттерниха.

Последним «прочтением» австрийской идентичности у родоначальников консерватизма в империи Габсбургов стала концепция школьного исторического образования у Адама фон Мюллера. В сочинении «Размышления о школьных исторических поездках» 1829 г. Мюллер обратил внимание на необходимость «воодушевления школьников «старыми» домами». Он назвал текущее положение дел с преподаванием истории как «бессвязное» и «беспредметное» и предложил усилить его «выездами к местам памяти». Так, через местную специфику школьник должен был понять исторические процессы и события. Особенно ценным это Мюллер полагал для Австрии как «католической и монархической страны с вековой историей» [41. S. 4]. Понимание школьниками «величия государства, его весомости во времени и неразрушимой связи религии и государства» идеолог считал тем результатом, к которому обучение в школе должно стремиться. Антитезой ему Мюллер назвал страны с опытом революции – США и Францию. Для них он полагал ценным предметом в школе философию, а для Австрии – именно историю.

Этот предмет Мюллер считал обязательным для «развития памяти, без которой нет осознанного развития душевных сил». Здесь прослеживается знакомство с взглядами Августа Людвиг Шлёцера и историко-романтика Иоганна фон Мюллера. Однако монополией на обучение и его содержание должно было обладать государство: «...в неправильных руках, – писал Мюллер, – история может стать разрушительным оружием революции». Альтернативой ему он полагал воспитание «верности и веры власти» на уроках [41. S. 7]. Оно считалось возможным при наличии подготовленных учителей, а также осмысленности и предметности обучения. Неотъемлемым фактором успеха учителя Мюллер назвал «способность добраться до души исторического факта, события, персонажа, явления». Для этого и нужно было обеспечить взаимосвязь абстрактного и «осязаемого», т.е. наглядного и образного в обучении. Заучивание дат тот назвал лишь «фахверком», т.е. каркасом [41. S. 8]. На него должно было опираться также и чтение исторических текстов. «Революционность» и борьбу с им-

перией Мюллер назвал прямым следствием «незнания истории» [41. S. 9].

Мыслитель предложил возможный план такого «выездного урока». Подготовка к нему начиналась заранее с обеих сторон, т.е. включала и учителя и ученика, и велась в три этапа. Первым этапом был географический, т.е. знание местности и ее топографии. Здесь автор предложил использовать географические таблицы и карты. Второй этап – хронологический – предполагал работу с таблицей дат и событий. Последней фазой подготовки выступала «генеалогическая», т.е. работа с родословными, сведениями о родственниках или иной информацией о людях, имеющих к этому месту отношение. Только после этого Мюллер предлагал планировать «выезд» к историческому месту. На примере темы «посещение церкви» с опорой на предыдущие два этапа Мюллер предложил изучать «вневременные» политические, моральные и критические рассуждения, которые «неизбежно терялись из-за перегруженности философией» [41. S. 18].

Залогом успеха этого обучения Мюллер считал обращение к «вневременным» основам развития австрийского государства, системность, образность. Такое историческое знание он называл «близким к человеческому сердцу», «осознанным», «дающим понимание современности» [41. S. 24]. Понятие «австрийское», связанное с лояльностью монарху, империи и церкви, Мюллер полагал обязательным элементом для развития общества и государства. Данное сочинение выступило итогом исканий австрийских консерваторов первой трети XIX в. Подданный, опираясь на свою лояльность императору, государству и церкви, должен был осознавать их прошлое, и важность для современности. Эти связи должны были формироваться и «сверху» и «снизу». Такое понимание консерватизма уже слабо коррелировало с его более ранними постулатами начала XIX в., т.е. формировались предпосылки к перестройке этой идеологии в Австрии в связи с социальными и экономическими изменениями.

После ухода Мюллера и Генца доктринальное обоснование консерватизма в Австрии столкнулось с отсутствием подобных по масштабу идеологов. Одновременно с этим рост национальных движений в германских землях и во владениях Габсбургов затруднял работу этой парадигмы. Связано это и с тем, что альтернатива «национальному» вызывала значительное недовольство, так как прямо ассоциировалась с канцлером Меттернихом и его политической системой. Такие персоналии, как главный редактор «Австрийского обозревателя» Йозеф Антон Пилат, драматург Франц Грильпарцер и художники из группы «Назареев», не могли продолжить обновление консерватизма в Австрии и обеспечить ему поддержку и в немецкой и в негерманских общностях.

Видение «австрийского» в части самоидентификации у Генца и Мюллера прошло целый ряд трансформаций, однако часть его элементов осталась неизменной, а именно:

1. Опора на личную лояльность императору. Глава австрийского правящего дома Франц I служил символом всей общности, «высшим проявлением Божьего промысла», «князем – лучшим из людей» и отцом «семьи народов». Его право на власть исходило из «органического устройства Австрии», а лояльность ему являлась добродетелью. Император также выступал персонифицированным воплощением лидерства Австрии в германских землях, хотя и номинальным.

2. «Австрийское» виделось в двух вариациях. При разговоре о подданных императора более использовался концепт Мюллера, т.е. «австриец» как исторически сложившаяся «сумма» культур всех подданных Франца I. В то же время в германском контексте «австриец» – это житель империи с родными немецким языком и культурой. У Генца особый акцент делался на немецкоязычном жителе «Наследных земель» как носителе двух идентичностей – имперской и «немецкой», связанной с пограничным статусом земель ранее. «Австриец» как часть «немецкой нации» у Генца нес двойную миссию, что ему представлялось естественным. Однако противоречие двух идеологов сыграло не последнюю роль в дезориентации немецкоязычных подданных Габсбургов и идентитарной политики кабинета Меттерниха.

3. Воспитание лояльности и поддержание идентичности виделись как возможное исключительно «сверху»: государство, школа и церковь должны были культивировать представление о коллективной и индивидуальной лояльности, а также неприятие революции.

4. «Австрийское» в обоих случаях изображалось как «неразрывно» католическое. Церковь у мыслителей освящала императора, государство и основную общность подданных, а также социальное устройство. Духовенство отвечало также за воспитание подданного и его лояльности императору, т.е. это было про-

должение Йозефинской политики. Католическая церковь при этом оказывалась в подчинении императора на территории Австрии.

5) Общее видение Генца и Мюллера до конца 1820-х гг. было в «незыблемости» политической системы и отвержении революции как «покушения на каждую общность империи». Революционные идеи изображались как опасность для «австрийской» общности.

Фридрих фон Генц и Адам Мюллер фон Ниттердорф представили свое видение «австрийского», которое оказало влияние на самоидентификацию жителей империи, политическую культуру и этнополитику Габсбургов. Оба мыслителя встроили ее в консервативный политический контекст и оказывали влияние на курс канцлера Клеменса фон Меттерниха вплоть до своего ухода из политики в конце 1820-х гг. Постулаты обоих идеологов дополняли друг друга, хотя в ряде элементов они противоречили. Это отражалось в политическом курсе Меттерниха и Франца I, в том числе на германском направлении. Но эти постулаты после смерти императора Франца I в 1835 г. стали работать с перебоями, а к 1848 г. уже не воспринимались многими из интеллектуалов как основа Австрийской монархии.

Австрийский консерватизм в редакции Генца и Мюллера отрицал «национальную» природу государства, суверенитета и общества, говоря о подданных отношениях как «органических» и «естественных». Монархия и ее отношения с подданными представляли в идеальном образе, который, по мнению его создателей, должен был оставаться неизменным. Эта система взглядов оставалась де-факто монопольной вплоть до середины 1830-х гг. Тогда со смертью императора Франца I австрийский консерватизм начал терять возможности отвечать тем идеям, которые озвучивали национальные движения в монархии Габсбургов и Центральной Европе.

Список источников

1. Робин К. Реакционный дух. Консерватизм от Эдмунда Берка до Сары Пэйлин. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 312 с.
2. Kronenbitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart : Stockler, 1999. S. 71–88.
3. Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.)). Innsbruck : Universität Innsbruck, 2003. 313 S.
4. Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und «1809» zwischen politischer Realität und Verklärung / hrsg. von B. Mazohl, B. Mertelseder. Innsbruck : Universitätsverlag Wagner, 2009. 524 S.
5. Reinalter H. Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft. 1988. Vol. 12: Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. P. 189–201.
6. Рахшмир П.Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Вып. 2: Консерватизм в политическом и духовном измерениях. Пермь : Издательство ПГУ, 1995. С. 4–17.
7. Sked A. Metternich and Austria: an Evaluation. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 306 p.
8. Herre F. Metternich. Praha : Themis, 1996. 356 S.
9. Siemann W. Metternich. Strategie und Visionär. Eine Biographie. München : C.H. Beck, 2016. 983 S.
10. Andics E. Metternich und die Frage Ungarns. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1973. 513 S.
11. Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь : Коммерсант, 2005. 405 с.
12. Almási G. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // The Hungarian historical review. 2016. Vol. 5, № 2. P. 225–249.
13. Reznik M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacław Władiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // Hungarian History Review. 2016. Vol. 5, № 2. P. 250–276.
14. Stoklásková Z. Předejra konzervatismu v Rakousku // Studia historica Brunensia. 2016. Vol. 63, Is. 2. P. 73–85.
15. Чудинов А.В. Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2016. С. 5–35.
16. Бовыкин Д.Ю. Людовик XVIII и роялистское повстанческое движение на западе Франции // Электронный научно-образовательный журнал 44 «История». 2016. Т. 7, вып. 1 (45). URL: <http://history.jes.su/s207987840001629-0-1> (доступ для зарегистрированных пользователей) (дата обращения: 12.05.2020).
17. Рагозин Г.С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809 г. // Французский ежегодник. М., 2020. С. 121–136.

18. Рагозин Г.С. Идея наднациональной идентичности в сочинении Й. фон Хормайра «Австрийский Плутарх» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 3. С. 9–21.
19. Lindmayr-Brandl A. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // Die Representation der Haabsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918 / Hg. Telesko W. Wien, 2017. S. 38–61.
20. Das Manifest des Herzogs von Braunschweig, 25.07.1792. URL: http://www.zum.de/psm/frz_rev/frz_hzgb.php (дата обращения: 21.12.2021).
21. Über die Reorganisation des Preußischen Staates, verfasst auf höchsten Befehl Sr. Majestät des Königs von K.A. von Hardenberg, 12. September 1807. URL: http://www.staatskanzler-hardenberg.de/quellentexte_riga.html (дата обращения: 21.12.2021).
22. „Souveränitätserklärung des Deutschen Volkes zwischen Maas, Rhein und Mosel“ (13. November 1797). URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document_s.cfm?document_id=3577 (дата обращения: 12.09.2021).
23. Burke E. Betrachtungen über die Revolution in Frankreich. Übers. von F. Gentz. Berlin : Vieweg, 1793. In 2 Bde.
24. Wiener Zeitschrift, 1792. Heft 2.
25. Geheime Anweisungen des Kaisers Franz II. an seine Offiziellen in Österreich und Böhmen über die „Vorsorge zur Aufrechterhaltung der bürgerlichen Ruhe und Ordnung“ (9. Februar 1793) (цит. по: Seiner kaiserlichen und königlichen Majestät Franz des Zweiten. Politische Gesetze und Verordnungen für die Österreichischen, Böhmisches und Galizischen Erbländer. Wien : Haus-, Hof- und Staatskanzlei, 1793. In 2 Bde).
26. Hormayr J. von. Kaiser Franz und Metternich. Leipzig: Weidmann, 1848. S. 72.
27. Gentz F. von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809 (цит. по: Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim : H. Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 336–366).
28. Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I, 19.08.1813.
29. Gentz F. von. An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen. Leipzig: Rein, 1814. 22 S.
30. Hormayr J. von. Österreich und Deutschland. Gotha: Becker, 1814. 184 S.
31. Müller A. Die Elemente der Staatskunst. Berlin: Sander, 1809. In 3 Bde.
32. Müller A. Kaiser Franz I. von Österreich (1816) // Adam von Müllers gesammelte Schriften. München : Bei G. Franz, 1839. Bd. 1. S. 370–408.
33. Patent von 24. Dezember 1817 // Wiener Zeitung. 24.12.1817.
34. Gentz F. von. Über den Unterschied zwischen landständischen und Repräsentativ-Verfassungen // Deutschland – Italien. Zeitgenössische texte / Hg.D. Stübler. Leipzig : Uni-Verlag, 2002. S. 135–136.
35. Gentz F. von. Eingang zu den Karlsbader Beschlüssen (1819) // Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim : H. Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 157.
36. Gentz F. von. Beim Tode des Fürsten Hardenbergs (1822) // Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim : H. Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 258–259.
37. Gentz F. von. Gegen den Konstitutionell // Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim : H. Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 260.
38. Gentz an Müller, 17. Dezember 1828. Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim : H. Hoff, 1838. Bd. 2 und 3. S. 402.
39. Gentz an Pilat, 15. Oktober 1831 // Briefe an Pilat. Ein Beitrag zur Geschichte Deutschlands im XIX. Jahrhundert. Leipzig, 1868. Bd. 2. S. 389.
40. Gentz an Pilat, 1. Jänner 1832 // Briefe an Pilat. Ein Beitrag zur Geschichte Deutschlands im XIX. Jahrhundert. Leipzig : Vogel, 1868. S. 391–394.
41. Müller A. von. Vorschlag zu einem historischen Ferien-Cursus. Wien : Verlag der Mechitaristen-Congregations-Buchhandlung, 1829. 24 S.

References

1. Robin, K. (2013) *Reaktsionnyy dukh. Konservatism ot Edmunda Berka do Sary Peylin* [The Reactionary Mind: Conservatism From Edmund Burke to Sarah Palin]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
2. Kronenbitter, G. (1999) Friedrich von Gentz und Metternich. In: *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart: Stockler. pp. 71–88.
3. Gant, B. (2003) *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie*. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck: Universität Innsbruck.
4. Mazohl, B. & Mertelseder, B. (Hrsg.) (2009) *Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
5. Reinalter, H. (1988) Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution. In: *Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft*. Vol. 12: Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution. Vandenhoeck & Ruprecht. pp. 189–201.
6. Rakhshmir, P.Yu. (1995) Tri konservativnye traditsii: obshchee i osobennoe [Three Conservative Traditions: General and Special]. In: *Issledovaniya po konservatizmu* [Studies in Conservatism]. Vol. 2. Perm: Perm State University. pp. 4–17.
7. Sked, A. (2008) *Metternich and Austria: an Evaluation*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Herre, F. (1996) *Metternich*. Praha: Themis.
9. Siemann, W. (2016) *Metternich. Strategie und Visionär. Eine Biographie*. München: C.H. Beck.
10. Andics, E. (1973) *Metternich und die Frage Ungarns*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
11. Rakhshmir, P.Yu. (2005) *Knyaz' Metternikh: chelovek i politik* [Prince Metternich: man and politician]. Perm: Kommersant.
12. Almási, G. (2016) Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century. *The Hungarian Historical Review*. 5 (2). pp. 225–249.
13. Reznik, M. (2016) The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria. *Hungarian History Review*. 5 (2). pp. 250–276.
14. Stoklásková, Z. (2016) Předejra konzervatismu v Rakousku. *Studia historica Brunensia*. 63 (2). pp. 73–85.
15. Chudinov, A.V. (2016) Peoples against the French Revolution. In: *Annual of French Studies 2016: The Popular Insurrections in the Age of the French Revolution and the First Empire*. pp. 5–35. (In Russian).
16. Bovykin, D.Yu. (2016) Lyudovik XVIII i royalistskoe povstanchesкое dvizhenie na zapade Frantsii [Louis XVIII and the royalist insurgency in the west of France]. *Istoriya*. 7:1 (45). [Online] Available from: <http://history.jes.su/s207987840001629-0-1> (Accessed: 12.05.2020).
17. Ragozin, G.S. (2020) Between History and Politics: Joseph von Hormayr as an Ideologist and Participant of the Tyrolean Uprising in 1809. In: *Annual of French Studies 2020: Wars and Revolutions in Modern Times*. pp. 121–136. (In Russian).
18. Ragozin, G.S. (2021) Ideya nadnatsional'noy identichnosti v sochinenii Y. fon Khormayra “Avstriyskiy Plutarkh” [The Idea of Supranational Identity in Joseph von Hormayr’s “Austrian Plutarch”]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 23 (3). pp. 9–21.
19. Lindmayr-Brandl, A. (2017) Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser. In: Telesko, W. (Hg.) *Die Representation der Haabsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918*. Wien. pp. 38–61.
20. Zum.de. (2021) *Das Manifest des Herzogs von Braunschweig, 25.07.1792*. [Online] Available from: http://www.zum.de/psm/frz_rev/frz_hzgb.php (Accessed: 21.12.2021).

21. Hardenberg, K.A. von. (1807) *Über die Reorganisation des Preußischen Staates, verfasst auf höchsten Befehl Sr. Majestät des Königs von K.A. von Hardenberg, 12. September 1807.* [Online] Available from: http://www.staatskanzler-hardenberg.de/quellentexte_riga.html (Accessed: 21.12.2021).
22. Germanhistorydocs.ghi-dc.org. (1797) *Souveränitätserklärung des Deutschen Volkes zwischen Maas, Rhein und Mosel* (13. November 1797). [Online] Available from: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document_s.cfm?document_id=3577 (Accessed: 12.09.2021).
23. Burke, E. (1793) *Betrachtungen über die Revolution in Frankreich.* In 2 Bde. Übers. von F. Gentz. Berlin: Vieweg.
24. *Wiener Zeitschrift*, (1792) Heft 2.
25. Franz II. (1793) Geheime Anweisungen des Kaisers Franz II. an seine Offiziellen in Österreich und Böhmen über die „Vorsorge zur Aufrechterhaltung der bürgerlichen Ruhe und Ordnung“ (9. Februar 1793). In: *Seiner kaiserlichen und königlichen Majestät Franz des Zweiten. Politische Gesetze und Verordnungen für die Österreichischen, Böhmisches und Galizischen Erbländer.* In 2 Bde. Wien: Haus-, Hof- und Staatskanzlei.
26. Hormayr, J. von. (1848) *Kaiser Franz und Metternich.* Leipzig: Weidmann. p. 72.
27. Gentz, F. von. (1838) Österreichisches Manifest vom Jahre 1809. In: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal.* Bd. 2 und 3. Mannheim: H. Hoff. pp. 336–366.
28. Franz I. (1813) *Manifest des Kaisers von Österreich, König von Ungarn und Böhmen Franz I.* 19.08.1813.
29. Gentz, F. von. (1814) *An die Deutschen Fürsten und an die Deutschen.* Leipzig: Rein.
30. Hormayr, J. von. (1814) *Österreich und Deutschland.* Gotha: Becker.
31. Müller, A. (1809) *Die Elemente der Staatskunst.* In 3 Bde. Berlin: Sander.
32. Müller, A. (1839) Kaiser Franz I. von Österreich (1816). In: *Adam von Müllers gesammelte Schriften.* Bd. 1. München: Bei G. Franz. pp. 370–408.
33. *Wiener Zeitung.* (1817) Patent von 24. Dezember 1817. 24.12.1817.
34. Gentz, F. von. (2002) Über den Unterschied zwischen landständischen und Repräsentativ-Verfassungen. In: Stübler, D. (Hg.) *Deutschland – Italien. Zeitgenössische Texte.* Leipzig: Uni-Verlag. pp. 135–136.
35. Gentz, F. von. (1838) Eingang zu den Karlsbader Beschlüssen (1819). In: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal.* Bd. 2 und 3. Mannheim: H. Hoff. p. 157.
36. Gentz, F. von. (1838) Beim Tode des Fürsten Hardenbergs (1822). In: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal.* Bd. 2 und 3. Mannheim: H. Hoff. pp. 258–259.
37. Gentz, F. von. (1838) Gegen den Konstitutionell. In: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal.* Bd. 2 und 3. Mannheim: H. Hoff. p. 260.
38. Gentz, F. von. (1838) Gentz an Müller, 17. Dezember 1828. In: *Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal.* Bd. 2 und 3. Mannheim: H. Hoff. p. 402.
39. Gentz, F. von. (1868) Gentz an Pilat, 15. Oktober 1831. In: *Briefe an Pilat. Ein Beitrag zur Geschichte Deutschlands im XIX. Jahrhundert.* Bd. 2. Leipzig. p. 389.
40. Gentz, F. von. (1868) Gentz an Pilat, 1. Jänner 1832. In: *Briefe an Pilat. Ein Beitrag zur Geschichte Deutschlands im XIX. Jahrhundert.* Leipzig: Vogel. pp. 391–394.
41. Müller, A. von. (1829) *Vorschlag zu einem historischen Ferien-Cursus.* Wien: Verlag der Mechitaristen-Congregations-Buchhandlung.

Информация об авторе:

Рагозин Г.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: gragozin92@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.S. Ragozin, Cand. Sci. (History), associate professor at the World History Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: gragozin92@gmail.com

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 11.02.2022;
одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 11.02.2022;
approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/480/16

Материалы по бронзолитейному производству эпохи палеометалла в долине реки Кии и новые данные элементного состава бронз из могильника Шестаково I

Анна Сергеевна Савельева¹

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии
Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия, antverpen@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности структуры археологических источников по бронзолитейному производству эпохи палеометалла в долине реки Кии (Мариинская лесостепь), для которых характерно неравномерное хронологическое и территориальное распределение. По соотношению изделий из оловянистой бронзы и из медно-мышьяковых сплавов в погребениях кургана 4 могильника Шестаково I (раскопки А.И. Мартынова, 1968 г.) выделяется комплекс лепешкинского этапа тагарской культуры (III–II вв. до н.э.).

Ключевые слова: бронзовый век, ранний железный век, бронзолитейное производство, элементный состав бронз, тагарская культура, могильник Шестаково I, Мариинская лесостепь

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области – Кузбасса в рамках научного проекта № 20-49-420005 p_a.

Благодарности: автор признателен автору раскопок профессору Анатолию Ивановичу Мартынову за разрешение провести отбор проб, а также сотрудникам Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ – директору Наталье Александровне Белоусовой и главному хранителю Ларисе Юрьевне Бобровой, за помощь в организации работ по изучению древнего металла.

Для цитирования: Савельева А.С. Материалы по бронзолитейному производству эпохи палеометалла в долине реки Кии и новые данные элементного состава бронз из могильника Шестаково I // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 132–141. doi: 10.17223/15617793/480/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/16

Materials of bronze foundry of the Paleometal Epoch in the Kiya River valley and new data about elemental composition of bronzes from the Shestakovo I burial ground

Anna S. Savelieva¹

¹ Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Kemerovo, Russian Federation, antverpen@mail.ru

Abstract. In the Mariinsk forest-steppe and on its western periphery in the valley of the Kiya River archaeological communities of the Upper Ob, Middle Yenisei, northern taiga and southern steppe interacted in ancient times. This historical and cultural region is commonly referred to as “contact”, “transit” or “marginal”. To study the influence of such specifics on bronze foundry, the author reviewed materials on bronze foundry production in the valley of the Kiya River and also studied bronzes from the Shestakovo I burial ground, the most western burial ground of the Tagar culture, to reveal whether the regional specificity affected the development of the Tagar metallurgy. The analysis of the sources on bronze foundry showed that bronze objects on the Bronze Age sites are rare – a fragment of a knife, a celt from the settlement Archekas III, copper splash and slag from the settlement Ustye-Kozhukha I, objects of an unclear fate from the settlements Novoaleksandrovka and Archekas II. To the east of the valley of the Kiya River, up to the Uryup River, the complex of relevant materials is wider and is represented by traces of metal production from the settlements Dvornikovo and Tambar III. The picture of the “metal content” of the sites of the Kiya River valley in the Early Iron Age is different. More than 600 bronze objects from the burials of the Tagar and Tashtyk cultures are dated to this time. Single traces of bronze casting are known from the settlements – slag, stone tools, a clay core for casting socketed products from the fortified settlement Shestakovo I and the settlement Shestakovo II. To the east of the valley of the Kiya River, things (thousands of objects) from burial grounds also predominate. Bronze objects from settlements come, for example, from Tretyakovo I, Utinka I. Thus, in

the structure of data on bronze foundry in the northeast of Kemerovo Oblast, the sources are distributed unevenly both chronologically and geographically. This is the reason for the reconstruction of local non-ferrous metallurgy based on data on bronze objects and on the elemental composition of their alloys. Metal from the burials of the Tagar culture of the Kiya valley, the Shestakovo I burial ground, was studied for the first time (excavations by A.I. Martynov, 1968). The elemental composition of 39 shaft-hole pickaxes, adzes and knives from Kurgan 4 was studied. The chemical-metallurgical groups of “pure” copper, arsenic, tin and tin-lead bronzes were distinguished. Copper items and arsenic-bronze shaft-hole pickaxe come only from Grave 1. This is explained by its later relative dating. The alloying of copper with tin, fixed in the metal of Graves 2, 3 and 4, is traditional for the Saragashen Stage of the Tagar culture (5th–4th centuries BC). The metal of Grave 1 makes it possible to “catch” the emergence of a trend towards the manufacture of implements from arsenic bronze and copper, characteristic of the Lepeshkino Stage (3th–2nd centuries BC) and later of the Tesinsky burial complexes (end of the 2nd century BC – 2nd century AD). Thus, this section of the Kiya River’s basin saw the same process as the rest of the steppe and forest-steppe areas of the Tagar tribes, namely, a decrease in the proportion of bronzes alloyed with tin in the 3rd–2nd centuries BC.

Keywords: Bronze Age, Early Iron Age, bronze foundry, elemental composition of bronzes, Tagar culture, Shestakovo I burial ground, Mariinsk forest-steppe

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Kemerovo Oblast–Kuzbass, Project No. 20-49-420005r_a.

Acknowledgments: The author is grateful to Professor Anatoly Martynov, the author of the excavations, for permission to conduct sampling, and to the staff of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia museum of Kemerovo State University – Natalya Belousova, director, and Larisa Bobrova, chief curator, – for assistance in organizing work on the study of ancient metal.

For citation: Savelieva, A.S. (2022) Materials of bronze foundry of the Paleometal Epoch in the Kiya River valley and new data about elemental composition of bronzes from the Shestakovo I burial ground. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 132–141. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/16

Введение

Долина р. Кии представляет собой западную периферию Мариинской лесостепи в северных предгорьях Кузнецкого Алатау. В древности здесь взаимодействовали верхнеобские и среднеенисейские археологические общности, южные степные и северные таежные племена. В бронзовом веке контактная природа лесостепного коридора [1. С. 37, 38; 2] проявлялась и в производственном аспекте. В историографии обсуждается транзитный статус региона, констатированный в срезе перемещения ресурсов для цветной металлургии [3] и керамических технологий [4. С. 108]. В частности, получены выводы о базировании бронзолитейного производства ирменской культуры Кузнецкой котловины, в основном на восточных сырьевых источниках, что требовало «совершать регулярные экспедиции за металлом или наладить его поставку в процессе межплеменного обмена» [3. С. 75]. В подобных обстоятельствах Мариинская лесостепь в бронзовом веке могла выступать ареной для перемещений руды, металла и мастеров. В раннем железном веке, в условиях интенсификации освоения, эти пространства были вовлечены в основные этапы хозяйствования тагарских и таштыкских племен, а значит, и в процессы, связанные с производством изделий из сплавов на медной основе.

Обзор материалов по бронзолитейному производству в долине реки Кии в бронзовом и раннем железном веке

Предметы из бронзы или меди на памятниках *бронзового века* в долине р. Кии преимущественно

происходят из Среднекийского археологического микрорайона. Известна находка *фрагмента* лезвия выгнутообушкового *ножа* с утраченным кончиком [5. Рис. 4, 2] с поселения Арчекас III [6. С. 73]. По некоторым данным [6. С. 73], отсюда также происходит *кельт* сейминско-турбинского типа [5. Рис. 4, 1; 7. С. 72; 8. С. 281; 9. Рис. 1], украшенный поясом из решетки, бордюром из треугольных элементов и гирляндами из ромбических фигур [9. С. 71]. Коллекцию местной цветной металлургии дополняют *медный сплеск* и *медный шлак*, найденные на поселении Устье-Кожуха I [10. С. 134].

О некоторых находках в публикациях имеются только упоминания, как, например, о *бронзовом предмете* с поселения Новоалександровка [6. С. 117] и об *изделии / изделиях из бронзы* с поселения Арчекас II [6. С. 73].

Обращает на себя внимание тот факт, что к востоку от долины Кии, по меньшей мере вплоть до р. Урюп, комплекс материалов по бронзолитейному производству эпохи бронзы более широк. Так, с поселения Дворниково происходят *капли бронзы* и *выпуклая бляшка* [11. С. 31], *фрагменты двух тиглей* и *венчик сосуда, обожженного расплавленным металлом* [12. С. 26]. На поселении Тамбар III обнаружено *22 бронзовых изделия, два сплеска и обломки литейных форм*, позволившие определить памятник как «центр металлообработки» [13. С. 16].

В целом в долине р. Кии бронзовым веком датированы единичные изделия из медно-бронзовых сплавов и следы бронзолитейного производства. Между тем в близлежащих районах долин рек Дудет и Серта к этому периоду отнесены не только два десятка бронзовых предметов, но и находки следов литейного

дела, позволившие выделить металлообрабатывающий центр. Пока не вполне ясно, является ли такой дисбаланс следствием неравномерных усилий по изучению археологических памятников в междуречье Кии и Урюпа или же он объективно отражает специфику территориального распределения технологических процессов цветного металлопроизводства в бронзовом веке. На фоне затруднений в ответе на эти вопросы совершенно иной представляется картина «металлоносности» памятников долины р. Кии в **раннем железном веке**.

Наиболее многочисленны изготовленные из сплавов на медной основе предметы сопроводительного погребального инвентаря. В музейных фондах наличествует не менее 600 *бронзовых украшений, орудий и предметов вооружения* из курганных могильников Шестаково I, Шестаково II, Шестаково III, Михайловского, Арчекас I, а также из одиночного кургана Алчедат I [6, 14–20]. Упоминается *медная* литая полая *подвеска* с отверстиями и ушками, найденная на кургане Колеул III [6. С. 76; 21].

С поселений Среднекийского археологического микрорайона происходят *фрагменты рукояти ножа* (городище Арчекас I), *котла и проколки* (городище Шестаково I), *ножа / кинжала* (поселение Шестаково II) [22. С. 79, 80. Рис. 5, 8; 23. С. 103, 110, 111]. Предметы, связанные с металлопроизводством, известны на городище Шестаково I и на поселении Шестаково II. Они включают по меньшей мере *шлак, каменные орудия, глиняный сердечник для литья* втульчатых изделий [23. С. 101; 24. Рис. 3, 1].

Вне пределов долины р. Кии в предметном комплексе также преобладают *вещи* из курганных могильников. Только по приблизительным подсчетам в погребениях Большого Барандата III, Кондрашки, Тисуля I, Тисуля III, Серебряково I, Ягуни, Утинки, Некрасово II и Большого Берчикуля при раскопках было обнаружено не менее 2,6 тысяч предметов из медно-бронзовых сплавов [6, 17, 18, 25–30]. С поселений происходят единичные экземпляры предметов из бронзы – *нож* (Третьяково I), *наконечник стрелы* (Утинка I) и *котел* (Шумилка) [6. С. 109, 110; 23. С. 20, 21; 31. С. 90. Рис. 11, 1. С. 96; 32].

Обзор материалов по бронзолитейному производству в долине р. Кии в эпоху палеометалла показал незначительное число археологических объектов со следами бронзолитейного дела, единичность медно-бронзовых находок на поселениях и, без преувеличения, тысячи предметов сопроводительного инвентаря в погребальных комплексах. Сделанный ранее вывод о перспективах поисков объектов горного дела в Мариинской тайге – в верховьях Кии [33] – дополняет эти представления. В целом неравномерность хронологического и территориального распределения археологических источников по цветной металлургии на северо-востоке Кемеровской области оставляет актуальными реконструкции локальной цветной металлургии почти исключительно по данным типолого-морфологических характеристик бронзовых предметов и элементного состава их сплавов.

Элементный состав металла некоторых категорий инвентаря из погребений кургана 4 могильника Шестаково I

На фоне того, что медно-бронзовые изделия остаются основным источником представлений о металлургии бронзы на данном участке долины р. Кии в эпоху бронзы и раннего железа, следует отметить важность проводимых работ по исследованию состава бронз тагарской культуры из курганного могильника Шестаково I – одного из самых западных тагарских памятников, сплавы на медной основе которого изучаются.

Могильник Шестаково I на правом берегу р. Кии исследован полностью в 1968 г. А.И. Мартыновым, А.М. Кулемзиным, Г.С. Мартыновой. Десять курганов отнесены авторами раскопок к различным периодам позднетагарского и переходного тагарско-таштыкского времени. Результаты раскопок опубликованы [14]. Материалы хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» КеМГУ в составе Коллекции 12 Основного фонда [17. С. 34–36].

В западной части могильника, отличаясь от прочих курганов наибольшим числом могил (под насыпью их четыре, в насыпи имеется одно безинвентарное погребение), находился курган 4, высотой 1,6 м и диаметром 32 м [14. С. 49]. Коллективные захоронения в нем совершенны по обряду трупоположения. Все могилы перекрыты бревенчатым накатом и корой. В монографии 1979 г. курган 4 датирован назаровским этапом позднетагарского времени тагарской лесостепной культуры – III в. до н.э. [7. С. 82. Рис. 20]. В издании 2017 г. он отнесен к числу самых древних тагарских курганов в могильнике и датирован V–III вв. до н.э. [34. С. 99]. В первой публикации материалов раскопок курган 4 объединяется в одну группу с курганами 8 и 10. Их склепы отнесены к «сарагашенскому этапу тагарской культуры, очевидно, к самому концу данного периода, т.е. к концу III в. до н.э. или даже к III–II вв. до н.э.» [14. С. 148, 149. Табл. 1]. Время возведения этих курганов определено периодом длительностью не более чем в 50 лет. При этом самым ранним погребальным сооружением назван курган 8, который «без оговорок полностью относится к сарагашенскому периоду тагарской культуры», тогда как курганы 4 и 10 – «следующие за ним» [14. С. 150].

Материалы

Ниже публикуются первые результаты анализа элементного состава металла некоторых категорий сопроводительного инвентаря из четырех могил кургана 4 могильника Шестаково I. Образцы анализировались в Центре коллективного пользования ФИЦ угля и углехимии СО РАН (Кемерово) методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой. Анализ проведен с.н.с., канд. хим. наук Р.П. Колмыковым на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO.

Все исследованные предметы уменьшенных форм и представлены чеканами (19 экз.), втоками (13 экз.), ножами (7 экз.). При описании признаков используется терминология А.В. Субботина [35. С. 48–51].

По морфологии *втулок* выделяются **чеканы** № 68 (рис. 1, 9), № 86 (рис. 1, 12), № 308 (рис. 2, 17) и № 278 (рис. 2, 20). У первых втулка простая, *сильно выступающая*. У № 308 обушок уплощенный, расширяющийся к овальному краю; боек круглый в сечении,

с утолщением острия; у № 68 обушок плоский рубчатый; боек четырехгранный; у № 86 обушок плоский узкий в сечении, боек круглый. У чекана № 278 верх втулки *не выступающий* (обушок плоский, прямой; боек уплощен, овальный в сечении).

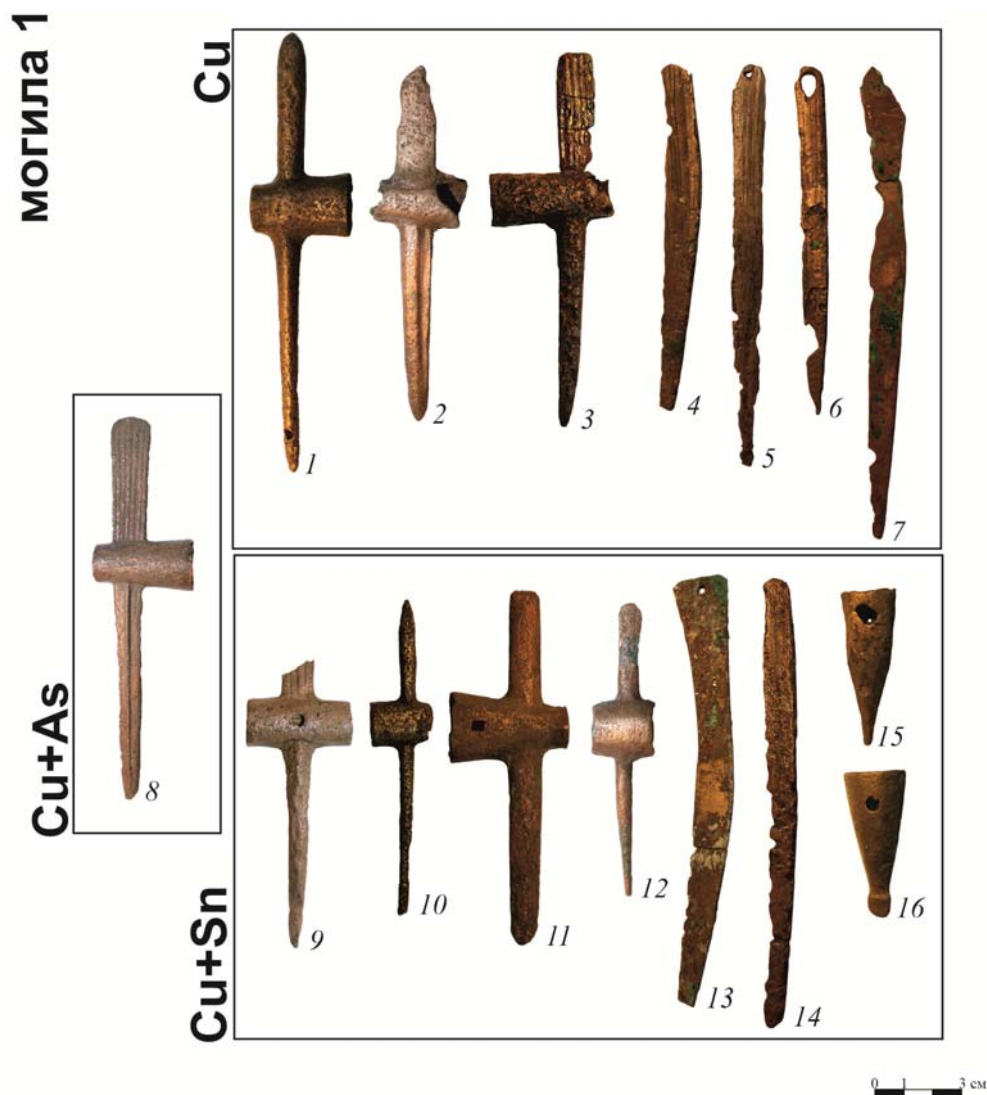

Рис. 1. Орудия и оружие из меди, мышьяковистой и оловянистой бронзы (могила 1, курган 4, могильник Шестаково I): 1–3, 8–12 – чеканы; 4–7, 13, 14 – ножи; 15, 16 – втулки (1 – № 125, 2 – № 79, 3 – № 48, 4 – № 136, 5 – № 156, 6 – № 131, 7 – № 169, 8 – № 72, 9 – № 68, 10 – № 144, 11 – № 140, 12 – № 86, 13 – № 168, 14 – № 137, 15 – № 53, 16 – № 141)

Остальные экземпляры имеют простые, в том числе суживающиеся, втулки с прямым выступающим верхом. Их *обушки* различных форм:

– *плоский в сечении прямой рубчатый или каннелированный*: № 48 (рис. 1, 3) с овальным в сечении бойком; № 72 (рис. 1, 8) с ребром жесткости на бойке; № 96 (рис. 2, 7), № 100 (рис. 2, 1), № 123 (рис. 2, 2) – с четырехгранными бойками;

– *круглый в сечении*: № 125 (рис. 1, 1) с четырехугольным в сечении бойком; № 144 (рис. 1, 10) с круглым в сечении тонким бойком;

– *плоский в сечении прямой*: № 217 (рис. 2, 6) с овальным в сечении бойком; № 263 (рис. 2, 18) и № 307 (рис. 2, 19) с четырехгранными в сечении бой-

ками. Уплощен обушок и у чекана № 140 (рис. 1, 11) – с уплощенным овальным в сечении бойком.

Примечателен чекан № 212 (рис. 2, 4) – с плоским почти прямым обушком, украшенным *двумя рядами насечек*, и с круглым в сечении бойком.

Чеканы № 79 (рис. 1, 2) и № 245 (рис. 2, 14) отлиты очень небрежно, с овальными в сечении бойками. У чекана № 290 (рис. 2, 21) обушок утрачен, по всей видимости, в сечении он был овальным; боек четырехгранный.

Втулки различных типов по оформлению основания. Незначительно преобладают экземпляры с *расширяющимся основанием*: каплевидным узким – № 141 (рис. 1, 16); № 26 (рис. 2, 8); № 29 (рис. 2, 10); № 31 (рис. 2, 9); № 117 (рис. 2, 12); каплевидным ши-

роким – № 226 (рис. 2, 5); секировидным простым основанием – № 203 (рис. 2, 11).

Втоки с сужающимся основанием представлены вариантами с сосцевидным, узким и длинным оформлением основания – № 53 (рис. 1, 15), с сосцевидным, широким – № 255 (рис. 2, 16), коническим острым – № 188 (рис. 2, 13), коническим заovalенным – № 264 (рис. 2, 22), № 272 (рис. 2, 23) и с лопаточковидным основанием – № 254 (рис. 2, 15).

Ножи с прямой спинкой представлены экземплярами с овальным навершием, с едва сходящимися гранями, образующими петельчатое отверстие – № 156

(рис. 1, 5), и № 131 (рис. 1, 6) – с собственно петельчатым навершием.

Дугообразнообушковый нож № 137 (рис. 1, 14) – с прямым треугольным навершием. Навершие ножа № 136 (рис. 1, 4) утрачено, однако он с дугообразной простой спинкой.

Змейчатообушковые ножи представлены экземплярами с трапециевидным навершием и отверстием в нем: № 168 (рис. 1, 13); № 118 (рис. 2, 3). Нож № 169 (рис. 1, 7) отлит небрежно, с многочисленными утратами, однако также относится к типу змейчатообушковых.

Рис. 2. Орудия и оружие из оловянистой (1–16, 18–23) и оловянисто-свинцовой (17) бронзы (могилы 2, 3, 4, курган 4, могильник Шестаково I): 1, 2, 4, 6, 7, 14, 17–21 – чеканы; 3 – нож; 5, 8–13, 15, 16, 22, 23 – втоки (1 – № 100, 2 – № 123, 3 – № 118, 4 – № 212, 5 – № 226, 6 – № 217, 7 – № 96, 8 – № 26, 9 – № 31, 10 – № 29, 11 – № 203, 12 – № 117, 13 – № 188, 14 – № 245, 15 – № 254, 16 – № 255, 17 – № 308, 18 – № 263, 19 – № 307, 20 – № 278, 21 – № 290, 22 – № 264, 23 – № 272)

Два втока, шесть ножей и восемь чеканов происходят из **могилы 1**. Втоки № 141 и № 53 оформлены разными основаниями – расширяющимся и сужающимся соответственно. Ножи имеют разные способы оформления не только наверший, но и спинки – дугообразные (№ 136, № 137); прямые (№ 156, № 131); змейчатообушковые (№ 169, № 168). Чеканы различны по облику втулок: № 68, № 86 – с одинаково выступающими частями

втулок вверх и вниз; прочие имеют простые выступающие сужающиеся в верхней части втулки, но оформление их обушков (равно как и бойков) различны – у № 48 он прямой рубчатый, у № 125 и № 144 – круглый, у № 72 – с ребром жесткости, у № 140 – плоский прямой.

Из **могилы 2** проанализировано 13 предметов – семь втоков, один нож, пять чеканов. Из втоков один – с сужающимся основанием (№ 188), остальные – с рас-

ширяющимся основанием разных форм: секировидным простым (№ 203), каплевидным узким (№ 26, 31, 117, 29) и каплевидным широким (№ 226). Нож № 118 – змейчатообушковый, с трапециевидным навершием с отверстием. Чеканы с простой выступающей втулкой – № 96, 100, 123 – с прямым рубчатым обушком и четырехгранным бойком; с плоским прямым обушком и овальным бойком (№ 217); с плоским прямым обушком с насечками и круглым бойком (№ 212).

Из **могилы 3** происходит три предмета, металл которых проанализирован, – чекан и два втока. Чекан – отлитый небрежно, с овальным бойком (№ 245). Втоки – с сужающимся основанием разных форм: с сосцевидным широким (№ 255) и лопаточковидным (№ 254).

Из **могилы 4** проанализировано семь предметов – два втока, пять чеканов. Втоки с сужающимся основанием, коническим заovalенным (№ 264, № 272). Чеканы с разным оформлением втулки: с сильно выступающей втулкой (№ 308); без выступа (№ 278); с простой выступающей втулкой – с плоским прямым обушком и четырехгранным бойком (№ 263 и № 307), с овальным в сечении обушком и четырехгранным бойком (№ 290).

Результаты

Обратимся к результатам анализа элементного состава металла (табл. 1).

Таблица 1

Результаты анализа элементного состава ножей, чеканов и втоков из кургана 4 могильника Шестаково I

№	Предмет	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
79	чекан (1)	0,490	0,0586	0,916	0,1846	0,0595	0,0562	0,0003	0,0759	0,00614	0,00256	0,1578
136	нож (1)	0,062	0,1728	0,865	0,0764	0,2667	0,1107	0,0014	0,0860	0,02974	0,00179	0,0638
48	чекан (1)	0,037	0,0605	0,762	0,0804	0,1498	0,0255	0,0022	0,0577	0,00174	0,00195	0,0698
156	нож (1)	0,601	0,1206	1,128	0,2500	0,1981	0,0280	0,0038	0,0655	0,00838	0,00251	0,0860
131	нож (1)	0,159	0,2107	0,692	0,0642	0,2001	0,1689	0,0131	0,0846	0,01357	0,00098	0,0418
125	чекан (1)	0,888	0,0543	1,034	0,0908	0,0612	0,0263	0,0009	0,1831	0,00336	0,00208	0,0613
169	нож (1)	1,05	0,1447	1,009	0,1800	0,0264	0,0310	0,0018	0,0689	0,00867	0,00193	0,0756
72	чекан (1)	0,698	0,0768	2,313	0,1632	0,0789	0,3788	0,0052	0,0806	0,00811	0,00265	0,0797
68	чекан (1)	3,01	0,2914	0,465	0,3277	0,0214	0,0282	0,0003	0,0778	0,00955	0,00145	0,0836
168	нож (1)	7,70	0,3878	0,541	0,4262	0,0102	0,0581	0,0008	0,0540	0,00462	0,0000	0,0571
141	вток (1)	5,33	0,1692	0,373	0,3468	0,0134	0,0442	0,0016	0,0672	0,00937	0,00076	0,0425
144	чекан (1)	12,1	0,0696	0,445	0,690	0,0444	0,0708	0,0018	0,1048	0,00998	0,00264	0,0716
140	чекан (1)	1,45	0,0353	0,422	0,1217	0,0082	0,0592	0,0037	0,0288	0,00304	0,0000	0,0198
137	нож (1)	1,66	0,3175	1,640	0,3789	0,0877	0,0216	0,0020	0,0803	0,01244	0,00177	0,1266
53	вток (1)	3,29	0,8547	0,693	0,2871	0,0094	0,0952	0,0020	0,0677	0,01036	0,00063	0,0681
86	чекан (1)	1,86	0,6652	0,583	0,3044	0,0744	0,0209	0,0037	0,1226	0,00569	0,00127	0,0750
100	чекан (2)	3,83	0,3374	0,498	0,2910	0,0085	0,0275	0,0002	0,0683	0,00856	0,00084	0,0722
203	вток (2)	4,57	0,3183	0,528	0,3601	0,0097	0,0341	0,0004	0,0554	0,00817	0,0000	0,0782
188	вток (2)	9,08	0,0309	0,019	0,2716	0,0000	0,0479	0,0009	0,0151	0,00292	0,0000	0,0021
123	чекан (2)	8,57	0,3507	0,347	0,3048	0,0080	0,1045	0,0010	0,0712	0,01179	0,00101	0,0437
26	вток (2)	9,74	0,2581	0,201	0,4019	0,0059	0,0790	0,0016	0,0561	0,00946	0,00112	0,0362
226	вток (2)	7,30	0,1688	0,712	0,3263	0,0418	0,4876	0,0018	0,0865	0,03930	0,00076	0,0575
31	вток (2)	5,68	0,0863	0,443	0,2665	0,0137	0,0934	0,0024	0,0843	0,02147	0,00066	0,0582
117	вток (2)	8,41	0,2887	0,198	0,3958	0,0122	0,0509	0,0028	0,0408	0,00395	0,00055	0,0247
212	чекан (2)	2,63	0,0868	0,839	0,2882	0,0224	0,0178	0,0069	0,0626	0,00614	0,00171	0,0767
217	чекан (2)	2,73	0,7275	0,662	0,2142	0,0083	0,0870	0,0008	0,0679	0,01192	0,00057	0,0552
96	чекан (2)	7,09	0,6415	0,570	0,5485	0,0122	0,0159	0,0009	0,1316	0,00743	0,00146	0,0979
29	вток (2)	9,22	0,9694	0,372	0,4112	0,0067	0,0584	0,0059	0,0698	0,01152	0,00052	0,0608
118	нож (2)	6,01	0,3242	0,265	0,3865	0,0071	0,0162	0,0009	0,0745	0,00685	0,00073	0,0648
245	чекан (3)	5,09	0,2503	0,572	0,2827	0,0090	0,0615	0,0028	0,0384	0,00244	0,0000	0,0254
255	вток (3)	4,13	0,0679	0,063	0,1868	0,0028	0,2060	0,0162	0,0651	0,02347	0,00052	0,0140
254	вток (3)	11,6	1,011	0,369	0,0000	0,0478	0,1120	0,0037	0,0647	0,0138	0,00038	0,0457
263	чекан (4)	3,04	0,0404	0,182	0,1678	0,0041	0,0268	0,0004	0,0629	0,00414	0,00087	0,0245
278	чекан (4)	9,72	0,0389	0,072	0,0000	0,0028	0,0662	0,0008	0,0408	0,00173	0,00036	0,0446
264	вток (4)	2,43	0,0665	0,635	0,1507	0,0042	0,0063	0,0017	0,0193	0,00083	0,0000	0,0206
307	чекан (4)	4,45	0,0510	0,360	0,3115	0,0000	0,1559	0,0019	0,0601	0,00952	0,0000	0,0312
272	вток (4)	3,71	0,0693	0,180	0,1762	0,0043	0,0252	0,0084	0,0439	0,00203	0,00030	0,0211
290	чекан (4)	7,61	0,6005	0,533	0,0184	0,0700	0,0409	0,0170	0,0386	0,00325	0,00147	0,0540
308	чекан (4)	4,08	2,879	0,660	0,4043	0,0703	0,1083	0,0141	0,0829	0,01739	0,00162	0,0792

Примечание. Концентрации приводятся в мас. %; во всех случаях медь – основа; после наименования предмета в скобках указан номер могилы.

В проанализированной коллекции выделяются следующие химико-металлургические группы сплавов:

1. «Чистая» медь: семь предметов, в том числе чекан № 125 и нож № 169, в металле которых концентрации олова указывают на возможное происхождение

сплава в результате переплавки лома оловянистых бронз (олова 0,888 и 1,05% соответственно).

2. Мышьяковистая бронза: чекан № 72 (мышьяка 2,313%).

3. Оловянистая бронза: 30 предметов, в том числе нож № 137 на основе мышьяковой меди и семь пред-

метов с повышенными концентрациями свинца в металле (от 0,6 до 1,011%).

4. Оловянисто-свинцовистая бронза: чекан № 308 (олова 4,08%, свинца 2,879%).

77% орудий и оружия из четырех могил кургана 4 могильника Шестаково I изготовлены из оловянистой бронзы, единичные экземпляры чеканов – из мышьяковистой и оловянисто-свинцовистой бронзы; доля медных вещей составляет 18%. Информативными представляются наблюдения в отношении распределения химико-металлургических групп сплавов в зависимости от происхождения вещей из соответствующих могил (табл. 2).

Таблица 2

Основные типы сплавов ножей, чеканов и втоков в могилах кургана 4 могильника Шестаково I

Тип сплава	Могила 1	Могила 2	Могила 3	Могила 4
Cu	44%	–	–	–
Cu + As	6%	–	–	–
Cu + Sn	50%	100%	100%	86%
Cu + Sn + As	–	–	–	14%

Все медные предметы и чекан из мышьяковистой бронзы происходят из могилы 1. В сравнении с другими могилами кургана, в коллекции вещей из погребального склепа 1 наименьшая доля предметов, металл которых легирован оловом – всего половина. Такое соотношение типов медно-бронзовых сплавов, с учетом имеющихся представлений о различиях в рецептурах бронз на разных этапах тагарской культуры, может объясняться более поздней относительной датировкой могилы 1. Традиция легировать медь оловом, фиксируемая в металле могил 2, 3 и 4, присуща металлу сарагашенского этапа тагарской культуры. Металл могилы 1 позволяет «улавливать» зарождение тенденции изготовления предметов сопроводительного инвентаря из мышьяковистой бронзы и меди, характерной, по материалам Мариинской лесостепи, для металла заключительного (лепешкинского) этапа (III–II вв. до н.э.) [36] и закрепившейся здесь окончательно в дальнейшем – на это указывает состав металла из тесинских погребальных комплексов (переходного тагаро-таштыкского времени) (конец II в. до н.э. – II в. н.э.) [37].

Таким образом, при отсутствии устойчивых закономерностей в распределении типолого-морфологических групп изученных бронзовых предметов по четырем могилам кургана 4 могильника Шестаково I, элементный состав металла позволяет проследивать фрагментарность визуально единого металлокомплекса позднета-

гарского облика. С учетом накопленных данных о применимости результатов анализа элементного состава бронз тагарской культуры для уточнения датировок анализируемых выборок внутренняя хронология могильника Шестаково I может быть дополнена наличием по меньшей мере одного склепа лепешкинского этапа тагарской культуры. Этому не противоречат погребальный обряд и инвентарь могилы 1 кургана 4, содержащей останки не менее 30 погребенных, керамические сосуды со сливом и с вертикальной ручкой [14. С. 52. Рис. 38, 14; рис. 39, 3, 10].

Заключение

Анализ материалов по бронзолитейному производству позволяет сделать вывод о различной степени вовлеченности западной периферии Мариинско-Ачинской лесостепи в процессы цветного металлопроизводства в бронзовом и раннем железном веках. Единичность бронзовых изделий и следов металлургии в Среднекийском и Колеульском археологических микрорайонах указывает на меньшую вовлеченность этих участков долины Кии в производственные процессы цветной металлургии по материалам эпохи бронзы. Для данной территории вообще характерна невысокая доля памятников бронзового века – 14 из 104 известных [38]. Это не противоречит закреплению в историографии транзитному статусу региона.

На исследуемой территории пока не открыты погребальные памятники бронзового века, тогда как курганный могильник Шестаково I на правом берегу р. Кии – один из 17 могильников эпохи раннего железа на данном участке ее течения. Анализ соотношения химико-металлургических групп сплавов на медной основе металла орудий и оружия из кургана 4 могильника Шестаково I позволил сделать вывод – погребения под одной курганной насыпью принадлежат к разным этапам тагарской археологической культуры – сарагашенскому (могилы 2, 3, 4) и лепешкинскому (могила 1). Зафиксированная смена оловянистых бронз медно-мышьяковыми сплавами является одной из отличительных особенностей лепешкинского этапа тагарской культуры по сравнению с предшествующим сарагашенским. Таким образом, на данном участке бассейна р. Кии на рубеже III–II вв. до н.э. проходил тот же процесс, что и на всем пространстве обитания тагарских племен как в степном, так и в лесостепном районах ареала, – снижение доли бронз, легированных оловом.

Список источников

1. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы : дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Новосибирск, 1992. 41 с.
2. Бобров В.В. Ачинско-Мариинская лесостепь как транзитная территория в эпоху бронзы (историко-археологический аспект) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем : материалы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археол.-этнограф. конф. молодых ученых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 150–152.
3. Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири : материалы Всерос. науч. конф. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 72–75.

4. Ковтун И.В., Баштанник С.В., Жаронкин В.Н., Фрибус А.В. Самусьское время Устья-Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальматолитовый» путь // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 104–113.
5. Баухник И.И. Археологические находки с горы Арчекас // Известия лаборатории археологических исследований. 1970. Вып. 2. С. 49–53.
6. Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области: материалы к своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово : Кемер. книж. изд-во, 1989. Вып. 1. 158 с.
7. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 208 с.
8. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М. : Наука, 1989. 320 с.
9. Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 69–76.
10. Марочкин А.Г., Баштанник С.В., Жаронкин В.Н., Фрибус А.В., Конончук К.В., Соколов П.Г., Ковтун И.В. Полевые исследования Северо-восточного и Нижнетомского отрядов Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Кемерово : Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2011. Вып. 3. С. 132–135.
11. Бобров В.В. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1975 г. в Тисульском районе Кемеровской области. Кемерово, 1976 // Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Без номера.
12. Бобров В.В. Отчет о полевых исследованиях Берчикульского отряда Кузбасской археологической экспедиции в 1976 году. Кемерово, 1977 // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1. Ед. хр. № 6873.
13. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
14. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 249 с.
15. Мартынов А.И. Алчедатский курган // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово : Кем. кн. изд-во, 1974. Вып. 5. С. 52–67.
16. Кулемзин А.М. Арчекаские курганы // Археология Южной Сибири : межвуз. сб. науч. тр. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1979. С. 87–99.
17. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири». Кемерово : СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.
18. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири». Кемерово : СКИФ, 2006. Вып. 2. 124 с.
19. Герман П.В., Савельева А.С., Баштанник С.В., Зимин А.А. Начало исследований на курганном могильнике Шестаково-3 // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2014 года. Кемерово : Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2014. Вып. 6. С. 135–140.
20. Герман П.В. Раскопки тагтского погребально-поминального комплекса Шестаково III в Мариинской лесостепи в 2014 и 2015 гг. // Археологические открытия. 2015 год. М. : Ин-т археологии РАН, 2017. С. 438–440.
21. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–317.
22. Циркин А.В. Раскопки городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1977. Вып. 9. С. 68–86.
23. Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 136 с.
24. Герман П.В., Савельева А.С., Онищенко С.С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 21–42.
25. Мартынов А.И. Тисульские курганы тагарской культуры. Кемерово, 1972. 150 с. (Известия Лаборатории археологических исследований; вып. 3а).
26. Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник. Кемерово, 1971. 251 с. (Известия Лаборатории археологических исследований; вып. 3).
27. Мартынов А.И. Материалы раскопок тагарских курганов у с. Некрасово // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1973. Вып. VI. С. 161–291.
28. Бобров В.В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск : Наука, 1979. С. 170–181.
29. Мартынова Г.С. Результаты раскопок Третьего Тисульского могильника в 1977 году // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1980. С. 54–68.
30. Бобров В.В. Курган на озере Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири : сб. науч. тр. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 1980. С. 86–94.
31. Циркин А.В. Утинское поселение по раскопкам 1970–1975 гг. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху : сб. ст. Кемерово, 1976. С. 73–97. (Известия Лаборатории археологических исследований; вып. 8).
32. Кулемзин А.М. Новые памятники в Кемеровской области // Археологические открытия 1976 года. М. : Наука, 1977. С. 212–213.
33. Савельева А.С. Перспективы поиска объектов горного дела древности на севере Кузнецкого Алатау // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 3. С. 644–651.
34. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Тайны Шестаковских курганов. Кемерово : Лазурь-К, 2017. 118 с.
35. Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб. : ИИМК РАН, 2014. 154 с.
36. Савельева А.С. Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23, № 2. С. 405–414.
37. Савельева А.С., Герман П.В., Боброва Л.Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Вып. 1 (65). С. 43–52.
38. Плац И.А., Герман П.В., Савельева А.С. Археологические памятники северо-востока Кузбасса : (база данных № 2021621568 от 20.07.2021).

References

1. Bobrov, V.V. (1992) *Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' v epokhu bronzy* [Kuznetsk-Salair mountain region in the Bronze Age]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
2. Bobrov, V.V. (2003). [Achinsk-Mariinsk forest-steppe as a transit territory in the Bronze Age (historical and archaeological aspect)]. *Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territoriy v proshlom i nastoyashchem* [Culture of Siberia and adjacent territories in the past and present]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State University. pp. 150–152. (In Russian).
3. Bobrov, V.V. (1997) [Bronze foundry production in the economic system of the Late Bronze Age societies of the Kuznetsk Basin]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Conference Proceedings. Barnaul: Altai State University. pp. 72–75.
4. Kovtun, I.V. et al. (2011) Samus'skoe vremya Ust'ya-Kozhukha-1, yugo-vostochnyy faktor i "granito-agal'matolitovyy" put' [The Samus time of Ustye-Kozhukha-1, the southeastern factor and the "granite-agalmatolite" path]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov arkheologii)* [Historical and cultural heritage of Kuzbass (Topical issues of studying and protecting archaeological monuments)]. Vol. 3. Кемерово: Kuzbassvuzizdat. pp. 104–113.

5. Baukhnik, I.I. (1970) Arkheologicheskie nakhodki s gory Arhekas [Archaeological finds from Mount Arhekas]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 2. pp. 49–53.
6. Kulemzin, A.M. & Borodkin, Yu.M. (1989) *Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti: materialy k svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of Kemerovo Oblast: materials for the collection of monuments of history and culture of the USSR]. Vol. 1. Kemerovo: Kemer. knizh. izd-vo.
7. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie.
8. Chernykh, E.N. & Kuz'minykh, S.V. (1989) *Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen)* [Ancient metallurgy of Northern Eurasia (the Seima-Turbino phenomenon)]. Moscow: Nauka.
9. Kovtun, I.V. & Marochkin, A.G. (2011) Arhekas'skiy kel't i problema seyminsko-turbinskoy epokhi Kuznetskoy kotloviny i Achinsko-Mariinskoy lesostepi [The Arhekasian Celt and the Problem of the Seima-Turbino Epoch of the Kuznetsk Basin and the Achinsk-Mariinsk Forest-Steppe]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (45). pp. 69–76.
10. Marochkin, A.G. et al. (2011) Polevye issledovaniya Severo-vostochnogo i Nizhnetomskogo otryadov Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IECh SO RAN [Field studies of the North-Eastern and Lower Tomsk detachments of the Kuzbass archaeological expedition of the Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In: *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2011 goda* [Proceedings of the scientific session of the Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011]. Vol. 3. Kemerovo: Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 132–135.
11. Scientific Archive of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum of Kemerovo State University. Bobrov, V.V. (1976) *Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v 1975 g. v Tisul'skom rayone Kemerovskoy oblasti* [Report on the Field Archaeological Research in 1975 in Tisul District of Kemerovo Oblast]. Kemerovo.
12. Scientific Industry-based Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1. Item 6873. Bobrov, V.V. (1977) *Otchet o polevykh issledovaniyakh Berchikul'skogo otryada Kuzbasskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1976 godu* [Report on the Field Research of the Berchikul Detachment of the Kuzbass Archaeological Expedition in 1976]. Kemerovo.
13. Bobrov, V.V., Kuz'minykh, S.V. & Teneyshvili, T.O. (1997) *Drevnyaya metallurgiya Srednego Eniseya (lugavskaya kul'tura)* [Ancient metallurgy of the Middle Yenisei (Lugavian culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
14. Martynov, A.I., Martynova, G.S. & Kulemzin, A.M. (1971) *Shestakovskie kurgany* [Shestakovo mounds]. Kemerovo.
15. Martynov, A.I. (1974) Alchedatskiy kurgan [Arhekas mound]. *Izvestiya Laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 5. pp. 52–67.
16. Kulemzin, A.M. (1979) Arhekas'skie kurgany [Arhekas mounds]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 87–99.
17. SKIF. (2004) *Katalog kollektsey muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri"* [Catalog of the Collections of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum]. Vol. 1. Kemerovo: SKIF.
18. SKIF. (2006) *Katalog kollektsey muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri"* [Catalog of the Collections of the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia Museum]. Vol. 2. Kemerovo: SKIF.
19. German, P.V., et al. (2014) Nachalo issledovaniy na kurganном могил'нике Shestakovo-3 [Start of research at the Shestakovo-3 burial mound]. In: *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2014 goda* [Proceedings of the scientific session of the Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014] Vol. 6. Kemerovo: Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 135–140.
20. German, P.V. (2017) Raskopki tashtytskogo pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Shestakovo III v Mariinskoy lesostepi v 2014 i 2015 gg. [Excavations of the Tashtyk Burial-Memorial Complex Shestakovo III in the Mariinsk Forest-Steppe in 2014 and 2015]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya. 2015 god* [Archaeological Discoveries. 2015]. Moscow: Institute of Archaeology RAS. pp. 438–440.
21. Dul'zon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of Tomsk Oblast (materials for the archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. V. pp. 89–317.
22. Tsirkin, A.V. (1977). Mariinskoe gorodishche i ego mesto v material'noy kul'ture Ob'-Chulymskogo mezhdurech'ya In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Vol. 9. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 68–86.
23. Martynov, A.I. & Absalyamov, M.B. (1988) *Tagarskie poseleniya* [Tagar settlements]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
24. German, P.V., Savel'eva, A.S. & Onishchenko, S.S. (2019) Shestakovo II – poselenie rannego zheleznogo veka v Mariinskoy lesostepi [Shestakovo II – an Early Iron Age settlement in the Mariinsk forest-steppe]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisnitsa"*. 10. pp. 21–42.
25. Martynov, A.I. (1972) *Tisul'skie kurgany tagarskoy kul'tury* [Tisul mounds of the Tagar culture]. Kemerovo: Kemerovo State University.
26. Martynov, A.I. & Bobrov, V.V. (1971) *Serebryakovskiy mogil'nik* [Serebryakovo burial ground]. Kemerovo: Kemerovo State University.
27. Martynov, A.I. (1973) Materialy raskopok tagarskikh kurganov u s. Nekrasovo [Materials of excavations of the Tagar mounds near the village. Nekrasovo]. *Izvestiya Laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. VI. pp. 161–291.
28. Bobrov, V.V. (1979) Tagarskiy kurgan na oz. Utinka [Tagar mound on Lake Utinka]. In: *Drevnie kul'tury Sibiri i Tikhookeanskogo basseyna* [Ancient cultures of Siberia and the Pacific basin]. Novosibirsk: Nauka. pp. 170–181.
29. Martynova, G.S. (1980) Rezul'taty raskopok Tret'ego Tisul'skogo mogil'nika v 1977 godu [The results of excavations of the Third Tisul burial ground in 1977]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 54–68.
30. Bobrov, V.V. (1980) Kurgan na ozere Bol'shoy Berchikul' [Mound on Lake Bolshoy Berchikul]. In: *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 86–94.
31. Tsirkin, A.V. (1976) Utinskoe poselenie po raskopkam 1970–1975 gg. [Uta settlement according to excavations in 1970–1975]. In: *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu: sb. st.* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era: Articles]. Kemerovo. pp. 73–97.
32. Kulemzin, A.M. (1977) Novye pamyatniki v Kemerovskoy oblasti [New monuments in Kemerovo Oblast]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1976 goda* [Archaeological discoveries of 1976]. Moscow: Nauka. pp. 212–213.
33. Savel'eva, A.S. (2019) The Search Possibilities of the Ancient Ore Mining Sites in the North of the Kuznetsky Alatau. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 21 (3). pp. 644–651. (In Russian).
34. Martynov, A.I., Kulemzin, A.M. & Martynova, G.S. (2017) *Tayny Shestakovskikh kurganov* [Secrets of the Shestakovo mounds]. Kemerovo: Lazur'-K.
35. Subbotin, A.V. (2014) *Nelineyny kharakter razvitiya tagarskoy kul'tury (po materialam monograficheskikh raskopannykh mogil'nikov)* [Non-linear nature of the development of the Tagar culture (based on the materials of monographically excavated cemeteries)]. Saint Petersburg: IIMK RAN.
36. Savel'eva, A.S. (2021) Lepeshkinskiy Complex of Bronzes From Tagar Burial Site Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe: The Elemental Composition of the Metal. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23 (2). pp. 405–414. (In Russian).
37. Savel'eva, A.S., German, P.V. & Bobrova, L.Yu. (2016) Bronzy kurgana Alchedat I v kontekste metallurgii tesinskogo etapa tagarskoy kul'tury v Mariinskoy lesostepi [Bronze of the mound Alchedat I in the context of metallurgy of the Tesinsky stage of the Tagar culture in the Mariinsk forest-steppe]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (65). pp. 43–52.
38. Plats, I.A., German, P.V. & Savel'eva, A.S. (2021) *Arkheologicheskie pamyatniki severo-vostoka Kuzbassa: (baza dannykh № 2021621568 ot 20.07.2021)* [Archaeological sites of the northeast of Kuzbass: (Database No. 2021621568 of 20.07.2021)].

Информация об авторе:

Савельева А.С. – канд. ист. наук, научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: antverpen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Savelieva, Cand. Sci. (History), researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 05.04.2022;
approved after reviewing 22.04.2022; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 929
doi: 10.17223/15617793/480/17

Чекист, фронтовик, публицист: к биографии Бориса Антоновича Янковского

Алексей Владимирович Сушко¹, Дмитрий Игоревич Петин²

¹ Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

^{1, 2} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ alexsushko_1974@mail.ru

² dimario86@rambler.ru

Аннотация. На основе комплекса неопубликованных источников, выявленных авторами статьи в фондах Исторического архива Омской области и архива Управления ФСБ России по Омской области, реконструируется жизненный путь советского творческого деятеля, участника Гражданской и Великой Отечественной войн. Проанализированы особенности адаптации героя статьи к социальным катаклизмам. Аргументированно подчеркивается степень влияния прохождения военной службы на судьбу Б.А. Янковского.

Ключевые слова: социальная адаптация, военная антропология, российские спецслужбы, советские писатели, Русская революция, Гражданская война, Великая Отечественная война, практическая генеалогия

Для цитирования: Сушко А.В., Петин Д.И. Чекист, фронтовик, публицист: к биографии Бориса Антоновича Янковского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 142–148. doi: 10.17223/15617793/480/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/17

Chehist, participant in hostilities, publicist: To the biography of Boris Antonovich Yankovsky

Alexey V. Sushko¹, Dmitriy I. Petin²

¹ Omsk Auto-Armored Engineering Institute, Omsk, Russian Federation

^{1, 2} Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

¹ alexsushko_1974@mail.ru

² dimario86@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the possibilities of personal and professional adaptation of a “man of the revolution” to the dynamic and changing conditions of the Soviet society during the first half of the 20th century. The authors reconstruct the biography of a resident of the province — Boris Antonovich Yankovsky (1903–1964), whose life path incorporated the features both typical of the era and unique. The methodological basis of the study was the anthropological approach and the synthesis of macro- and micro-history; historical-biographical and comparative-historical methods were also used in the work. The sources for the research were unpublished ego-documents (questionnaire, autobiographies and memoirs) permanently stored in the Historical Archive of Omsk Oblast and in the Archive of the Federal Security Service of Russia in Omsk Oblast. The presence of such a significant and informative array of sources about a former employee of the Soviet special services is infrequent. This circumstance, as a result, made it possible to reconstruct Yankovsky’s biography in as much detail as possible and to characterize his inner world. A feature of Yankovsky’s biography is that in the conditions of social cataclysms he showed professional mobility, skillfully found himself and his vocation realizing his creative writer and publicist talents, he also served in the army, in state security agencies, and worked as a journalist. Yankovsky did not hold high positions, apparently burdened by the manager post, and preferred individual activities. Wars had an undoubted influence on Yankovsky. As evidenced by the study, he was an ideological person, devoted to the Soviet system, persistent, fearless, enterprising, emotional, direct and ready for sacrifice. At the same time, even though he was twice oppressed along the party line, he was able to safely avoid repression. In conclusion, the authors emphasize that the fate of Boris Yankovsky can be called a typical example of a “grassroots” person who was able to successfully take advantage of the conditions of the Russian Revolution, which created social elevators for talented people.

Keywords: social adaptation, military anthropology, Russian special services, Soviet writers, Russian Revolution, Civil War, Great Patriotic War, practical genealogy

For citation: Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2022) Chekist, participant in hostilities, publicist: To the biography of Boris Antonovich Yankovsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 142–148. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/17

Постановка проблемы

Наполненная динамичными и драматическими событиями первая половина XX в. для российского государства и общества стала временем формирования человека с новым мировоззрением. Современное академическое осмысление этих процессов активно ведется сквозь историографическую призму личностно-человеческого видения (см., напр.: [1, 2]). В число факторов, определявших политические и социальные процессы указанного периода, вошли войны. В связи с этим изучению эпохи во многом способствует военная антропология – активно развивающееся в наши дни актуальное междисциплинарное направление, ориентированное на всестороннюю репрезентацию феномена человека на войне или в армейском социуме. Причем исследователи обращаются не только к выдающимся личностям, все чаще уделяя внимание не менее показательным фигурам рядовых участников событий (см. об этом: [3, 4]).

В текущую четверть века остро обнажился связанный с национальной безопасностью вопрос сохранения исторической правды. Наиболее популярными, «традиционными» темами для фальсификаций, информационных спекуляций стали Русская революция, Великая Отечественная война, а также российские спецслужбы. Необходимость введения в научный оборот и грамотной академической интерпретации источников по этим вопросам для противодействия указанным негативным явлениям отмечают ведущие отечественные историки, в их числе – А.М. Плеханов, А.А. Зданович, Ю.З. Кантор (подробнее см.: [5–7]).

Вниманию читателя предлагается биография Бориса Антоновича Янковского, чье личностное и профессиональное становление состоялось в условиях политических катаклизмов и сталинской модернизации общества. Круг выявленных по вопросу источников не слишком широк (неопубликованные эго-документы – анкета, автобиографии 1925, 1938 и 1958 гг. и мемуары), но он позволяет проанализировать судьбу и аспекты социальной адаптации советского человека, связавшего свою жизнь с армией и спецслужбами. Подчеркнем, что подобные исследования сопряжены с рядом сложностей, связанных с подчас негласным характером работы героя, труднодоступностью источников, их неполнотой и субъективностью содержания. Но, как показывает практика работы, обращение именно к документам ведомственного хранения позволяет существенно обогатить представления историков об эпохе (см., напр.: [8. С. 714–715]).

Поскольку советские автобиографии 1920–1950-х гг. часто содержат намеренно искаженные сведения и неточности, следует подчеркнуть, что использованные в исследовании эго-документы заслуживают доверия. Во-первых, социальное происхождение нашего героя, его раннее сиротство, добровольное вступление

в Красную гвардию для той эпохи были идеальными условиями продвижения пассионарного человека в советском социуме. Во-вторых, Янковский длительное время находился на чекистской и партийной работе на должностях, где за кадрами осуществлялся строгий надзор. На протяжении всей жизни к нашему герою у власти не возникло «неудобных вопросов», которые в условиях эпохи сталинизма могли бы прервать карьеру или даже жизнь. Это свидетельствовало о «чистой биографии» человека. В-третьих, в исследовании использованы эго-документы 1920-х и 1950-х гг. В их содержании нет значимых расхождений, что также свидетельствует в пользу достоверности сведений из использованных в исследовании документов.

Солдат революции

Борис Антонович Янковский – второй ребенок в семье столяра – родился 30 ноября / 13 декабря 1903 г. в Тифлисе (с 1936 г. Тбилиси). У мальчика были брат Сергей (1901 г.р.) и сестра Мария (1906 г.р.). Около 10 лет Янковские жили, скитаясь, и в 1913 г. обосновались в Калуге. В 1914 г. для Бориса начались суровые жизненные испытания. В действующую армию был мобилизован его отец, который с фронта домой не вернулся. Мать, вынужденно пойдя работать в прачечную и отдав дочь в ученицы портнихе, настояла на том, чтобы ее второй сын учился в высшем начальном училище в Москве. Но череда трагедий продолжилась: в августе 1917 г. Сергей, Борис и Мария Янковские остались полными сиротами. К тому времени брат нашего героя жил самостоятельно, сестра осталась у швеи. Борис же первое время воспитывался у соседей, но вскоре они заставили его искать себе заработок. Подросток стал чистильщиком обуви, затем занялся уличной продажей газет, мыл крылья автомашин на заводе «Рено», являясь вместе с тем учеником электромонтера [9. Л. 36; 10. Л. 10].

В условиях начинавшейся Гражданской войны для бойкого юноши социальным лифтом стала военная служба. В январе 1918 г. он вместе с одним из своих товарищей добровольно вступил в красногвардейский отряд тульских железнодорожников, который летом 1918 г. влился во 2-й Советский ударный полк РККА. Стоит сказать, что служа в те годы на должностях рядового и младшего комсостава, он получил богатый боевой опыт, который, несомненно, помог выжить и тогда, и спустя четверть века. Борис поочередно являлся ординарцем штаба отдельной пластунской бригады при Всеукраинской ЧК, пешим разведчиком 2-го Советского ударного полка, 180-й бригады, пулеметчиком пулеметной команды 1-го батальона, командиром отделения ружейно-пулеметного парка, затем пулеметной команды 3-го батальона 540-го пехотного полка 60-й стрелковой дивизии (впоследствии переименован в 210-й полк 24-й Самаро-Сибирской стрелковой дивизии).

Он воевал с 15 лет: против немецких войск, отрядов Махно, Ангела, Григорьева, войск УНР (в районах Киева, Фастова, Казатина, Жмеринки, Балты), против частей ВСЮР (близ Чернигова, Нежина, Черкасс, Бобринской), участвовал в советско-польской войне (близ Тернополя, Зборов и Перемышля), боролся с бандитизмом в Подольской губернии. Борис Янковский почти всегда находился на передовой, что подчас было крайне рискованно. Так, в июне 1918 г. южнее Кременчуга он попал в плен к «зеленым» повстанцам, но смог бежать вместе с тремя бойцами. В июле 1919 г. в бою под с. Московцы близ Жмеринки в составе батальона его пленили петлюровцы, но в составе большой группы красноармейцев он вновь бежал. Выйдя к своим в Чернигове, был зачислен в 180-ю бригаду РККА. В апреле 1920 г., после контузии под Дунаевцами, Борис лечился в Одессе и вновь вернулся в строй. В 1920–1921 гг. он перенес сыпной и возвратный тиф [9. Л. 34]. Во время Гражданской войны в России обычной практикой в случае попадания в плен был переход на сторону захватившей стороны, поэтому побеги из плена свидетельствовали об идейной стойкости Бориса Антоновича, убежденно вставшего на сторону красных.

В августе–ноябре 1921 г. наш герой учился на 92-х Уманских пехотных курсах РККА. 18-летний курсант Янковский участвовал в операции по разгрому отрядов Махно. На завершающем этапе Гражданской войны в западных приграничных районах РСФСР шло переформирование войск и сил для организации охраны государственной границы. Поэтому вполне логично, что молодой, но проверенный в боях краском в июне 1922 г. был переведен в погранвойска и до 1930 г. служил по линии ОГПУ. Его должности и обязанности на границах с Польшей и Румынией были разнообразны, сочетая оперативную и административную работу: групповод заставы, начальник заставы 2-го взвода 20-го отдельного пограничного батальона, сотрудник пограничного надзора Сатановского погранотделения, сотрудник секретно-оперативной части, переписчик строевой части 20-го Волочискского погранотряда. Здесь же он подал заявление о вступлении в комсомол, но прошение рассмотреть не успели. Пограничник Янковский проявил и свои творческие навыки, участвуя в художественном оформлении клуба и ленинского уголка [9. Л. 34]. В 1923 г. в ознаменование 5-летия РККА Бориса Антоновича наградили серебряным портсигаром, а к 10-летию ОГПУ в 1927 г. – письменным прибором [10. Л. 12 об.].

Однако молодой человек, желая продолжить образование, 9 мая 1925 г. уволился с военной службы и отправился в Москву. Вынужденно жил месяц в ночлежном доме, готовясь к поступлению на рабфак одного из вузов. Голодая, не найдя своего места в гражданской жизни, в июне 1925 г. Янковский вернулся на службу, будучи направлен в Тобольский политизолятор на должность младшего надзирателя, с 1926 г. продолжил службу старшим делопроизводителем; в 1929 г. был переведен в Верхне-Уральский политизолятор; в том же году стал кандидатом в члены ВКП(б). Чекистскую службу Борис Антонович сов-

мещал с заочным обучением на рабфаке. В этот период в личной жизни нашего героя произошли важные события: в 1926 г. он женился на Стефании Антоновне Большаковой; девушка была младше своего избранника на 5 лет. В 1927 г. Янковский вступил в ВКП(б), а в 1928–1929 гг. прошел обучение в вечерней совпартшколе 2-й ступени [9. Л. 34; 10. Л. 11].

Очевидно, фронтовая бытность, контузия, перенесенный дважды тиф, а также общие условия жизни существенно повлияли на здоровье молодого человека. Уже в 1926 г. врачи диагностировали у него миокардит, невроз сердца, туберкулез и общую неврастению [9. Л. 34]. Как отмечает историк А.Г. Тепляков, расстройства нервной системы и психики наряду с алкоголизмом входили тогда в число профессиональных заболеваний сотрудников ОГПУ, являясь прямым следствием посттравматического синдрома и подчас весьма напряженной службы [11. С. 266]. Мы допускаем, что именно состояние здоровья могло стать причиной недопущения нашего героя на должности оперативного состава и назначения в пенитенциарную систему ОГПУ.

Из чекистов в рыцари пера

В июне 1930 г. Янковский из-за расстроенного здоровья (врачи диагностировали потерю 25% трудоспособности) оставил службу в ОГПУ, был зачислен на учет запаса РККА по должности начальника пулемета и направлен на биржу труда [9. Л. 35]. В течение последующих 13 лет наш герой активно посвящал себя исключительно мирной работе, найдя применение творческим талантам. Со 2 августа по 26 октября 1930 г. он заведовал городским и культурно-бытовым отделами редакции Тобольской окружной газеты «Советский Север». С 30 октября 1930 г. по 1 июля 1931 г. возглавлял магазин культтоваров Тобольского городского районного потребительского общества (с 6 апреля 1931 г. – Тобольского межрайонного потребительского союза). Как отмечал сам Борис Антонович, мотивом к переходу в структуру МРПС стало опубликование «Шести условий Сталина» (комплекса мер по хозяйственно-политическому развитию советского государства). Он тогда был рекомендован на должность директора культобъединения и с 16 октября 1931 г. заведовал оргмассовым сектором местного МРПС [10. Л. 11 об.].

В тот период в судьбе нашего героя произошло неприятное событие, которое в условиях ужесточавшейся общественно-политической обстановки могло стоить ему не только карьеры: «за антикоммунистическое поведение и несдержанность» (хулиганство во время нервного припадка в кабинете секретаря Тобольского райкома) 6 августа 1931 г. он был исключен из партии [10. Л. 10 об.]. Вполне очевидно, что одной из причин инцидента могли стать последствия фронтовой контузии. Сам Янковский сожалел о проступке. Он пытался восстановиться в партии, подавал апелляции, но дело осталось без решения.

После ликвидации системы МРПС наш герой с 17 апреля 1932 г. поступил личным секретарем

начальника вновь организованного Нижне-Иртышского управления речного транспорта с центром в Тобольске, а в ноябре того же года ушел работать в газету парохозяйства «Обь-Иртышский водник» (позднее «Советский Иртыш»). Занимал различные должности, поднимаясь по ступеням карьерной лестницы: журналист, литературный сотрудник, собственный корреспондент, заведующий отделом, заместитель редактора и ответственный редактор. С 5 февраля по 1 июня 1936 г. заведовал приемной радиостанцией редакции окружной газеты «Тобольская правда». Затем вновь трудился в редакции «Советского Иртыша». В связи сокращением штата 13 октября 1937 г. потерял работу [10. Л. 11 об.].

Еще с осени 1936 г. супруги Янковские проживали в Омске, где наш герой получил жилье по адресу: ул. Каинская (с 1959 г. ул. Успенского), д. 14, кв. 5. До 16 октября 1938 г. Борис Антонович – уже опытный журналист – являлся консультантом сектора печати Омского облисполкома, откуда ушел по собственному желанию [10. Л. 4 об., 5 об., 8, 9]. Истинная причина данного решения по источникам не прослеживается.

Надо сказать, что еще в чекистскую бытность Янковский проявлял общественную активность: в 1925–1929 гг. являлся членом Тобольского городского совета депутатов трудящихся, членом бюро Окружного комитета МОПР, состоял во Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Отсюда становится очевидным его стремление к интеллектуальной деятельности. При этом молодой человек не оставлял и мысли об учебе, а работа в редакции и рост в должностях благоволили тому, что в 1939–1941 гг. Борис Антонович успел пройти неполный курс заочного обучения в Ленинградском государственном институте журналистики им. В.В. Воровского [12. Л. 1]. Однако 28 августа 1941 г. вуз упразднили – причиной тому стали Великая Отечественная война и надвигавшаяся блокада города на Неве.

Эта эпохальная военная драма XX в. стала рубежным событием для миллионов советских граждан. Но еще в течение года Борис Янковский продолжал свою мирную деятельность. Как работник, задействованный в сфере транспорта и вместе с тем отвечавший за идеологическую часть, с началом войны он получил освобождение от призыва в армию.

Сталинский доброволец

О последующих событиях своей жизни наш герой в автобиографии 1958 г. лаконично укажет: «В июле 1942 г., отказавшись от брони, добровольцем вступил в организуемую тогда в Омске 75-ю Сталинскую добровольческую бригаду сибиряков-омичей. <...> На фронте было присвоено звание лейтенанта. С первого же наступательного удара участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками» [12. Л. 3 об.]. В другом фрагменте мемуаров читаем: «Части бригады формировались и сосредоточивались в лагере Черемушки, в 12 км южнее города <...> Я считал своим долгом вступить в 75-ю бригаду. Вначале мне было отказано, но <...> заведовавший тогда отделом кадров [Омского] обкома [ВКП(б)] Л.И. Кузик дал свое согласие, и меня направ-

лили в распоряжение политотдела формировавшейся 75-й бригады <...> За два неполных месяца пребывания в Черемушках 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада сибиряков-омичей <...> прошла известную военно-политическую подготовку, вплоть до маневровых учений, близких к боевой обстановке» [12. Л. 9–11].

Как и в годы Гражданской войны, фронтовая бытность нашего героя оказалась динамичной и полной опасностей. В составе своего соединения (с апреля 1943 г. бригада вошла в 65-ю гвардейскую стрелковую дивизию) он воевал на Калининском, Западном, 3-м Белорусском, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах. Получил три ранения и три контузии. Занимал строевые должности: комиссара отдельного стрелкового батальона, командира артиллерийской батареи, заместителя командира артиллерийского дивизиона по политической части. Рискуя жизнью на передовой наравне с бойцами и командирами, политработники бригады обеспечивали стойкость подразделений в бою. Вспоминая о первых сражениях бригады в конце 1942 г., Борис Антонович описал следующий случай из своей богатой фронтовой биографии: «Ранним утром наша пехота, оседлав северную коммуникацию врага, стала занимать по радиусу закругления его ближайшую линию второго пояса обороны, т.е. начала заходить в тыл. На противоположной окраине города другим частям нашего корпуса не удалось выполнить точно такой же маневр для того, чтобы взять город в кольцо. Отбив их наступление, противник сосредоточил весь огонь своей обороны по батальонам 75-й бригады. Этот огонь был настолько сильным, что наши подразделения начали отходить, сдавая занятые позиции.

В 200–300 м находились политотдельцы. Надо было восстановить порядок, дисциплину и вернуть взятое. По приказу начальника политотдела пом[ощник] начальника политотдела по комсомолу т.[оварищ] Магицкий был брошен от имени командования и политотдела в 1-й отдельный стрелковый батальон. Я – в 3-й отдельный батальон, инструктор политотдела т.[оварищ] Степанков (точно не помню) – во 2-й или 4-й батальон. Под артиллерийским и минометным огнем и шрапнелью мы пошли в боевые порядки, навели революционный порядок и дисциплину, вторично заняв северную дорогу. Приказ был выполнен, и мы оставались в частях для выполнения последующих приказов» [12. Л. 13–14].

Следует подчеркнуть, что в условиях войны наш герой сумел с пользой для дела реализовать свой творческий потенциал. После формирования 56-й гвардейской стрелковой дивизии встал вопрос об издании дивизионной газеты. Командование заметило талант Янковского, и порядка 1,5 лет он являлся заместителем редактора, ответственным редактором дивизионной газеты «Защитник Родины», успешно справляясь со своими обязанностями. Помимо литературного таланта на фронте Борис Антонович проявил склонность к историописанию. Уже в 1943 г. ему пришла идея начать работу над историей бригады / дивизии. Сохранилась рукописная тетрадь, озагла-

ленная «Боевой путь 65-й Гвардейской Сталинской стрелковой дивизии сибиряков 19-го Гвардейского Сталинского стрелкового корпуса сибиряков». В декабре 1943 г. она была передана на рассмотрение командованию. К тетради приклеен обрывок бумаги с рукописной резолюцией начальника политотдела 65-й дивизии гвардии полковника Ф.Я. Макарова: «т.[оварищу] Янковскому. Начало хорошее. Желательно отдельные тексты сократить. Продолжайте в том же духе» [13. Обложка]. В написанной на фронте тетради содержатся основные структурные элементы будущей машинописной 157-страничной рукописи «Опыт партийно-политической работы в годы Отечественной войны (1942–1945 гг.)», которую подготовил политотдел 65-й гвардейской стрелковой дивизии в марте–мае 1946 г. [12].

Победной весной 1945 г. мундир гвардии капитана Янковского украшали заслуженные фронтовые награды: 3 ордена Красной Звезды, 2 медали «За боевые заслуги», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [13. Л. 3 об.]. Личность Бориса Антоновича как офицера ярко характеризуют орденские наградные листы: «<...> постоянно выполняет боевые задания редакции непосредственно на огневых позициях, на наблюдательных пунктах. Недавно <...> в момент боя <...> вместе с другими офицерами батареи принимал активное участие в отражении вражеской контратаки, личным примером воодушевлял бойцов. При обстреле и бомбежке авиации <...> будучи сам раненым, организовал под бомбежкой вынос и отправку тяжелораненых в санчасть; отказавшись сам от лечения в медсанроте, продолжал <...>, выполняя задания редакции» [14. Л. 48]. В другом документе читаем: «<...> находясь на огневых позициях, принимал участие в отражении нескольких танковых и пехотных атак противника; будучи на прямой наводке, давал указания целей оружейным расчетам и лично из автомата истреблял немцев» [15. Л. 97].

С весны 1945 г. гвардии капитан Янковский состоял в резерве Политуправления Ленинградского фронта (с 24 июля 1945 г. – военного округа). Военные годы тяжело сказались на здоровье нашего героя. По причине двустороннего туберкулеза легких и последствий контузий Бориса Антоновича в августе 1946 г. демобилизовали, сняв по инвалидности и с военного учета [13. Л. 3 об.].

Мирная нива советского публициста

Фронтовик-орденоносец получил направление на должность заместителя директора Омского судостроительного завода. Но, видимо, административный пост его тяготил. Янковского по его просьбе Омский обком ВКП(б) перевел на довоенное место работы – ответственным секретарем в редакцию газеты «Советский Иртыш». Однако не все в мирной жизни Бориса Антоновича тогда складывалось гладко. В 1949 г. по провокационному доносу его ненадолго исключили из партии, коллегия партийного контроля при ЦК ВКП(б) перевела его в кандидаты за невыдержанность. В 1953 г.

Янковского восстановили в правах члена партии с ноября 1941 г. С июня по октябрь 1949 г. он являлся инструктором Омского городского союза кооперативных артелей инвалидов, числясь штатно контролером артели «Трудовик». Около года не работал по болезни. С сентября 1950 г. недолгое время был выпускающим редактором, затем заведующим отделом рабочей молодежи областной газеты «Молодой сталинец». С марта по сентябрь 1952 г. являлся выпускающим редактором основного периодического издания региона – газеты «Омская правда» [13. Л. 3 об.].

Уйдя из газеты, до мая 1955 г. Янковский работал на заводе п/я № 2 (затем завод № 373, ныне ПАО «Сатурн»): контролером, старшим техником, помощником начальника цеха. Но как сам в мемуарах искренне заявлял наш герой, «потянуло вновь к литературной деятельности». Несмотря на неурядицы судьбы, он не оставлял творческих идей, что в непростых жизненных условиях, вероятно, становилось спасением для души. Одним из крупных его достижений стала книга «На Иртышской магистрали», посвященная истории парохозяйства [16].

При оценке литературного дарования Бориса Янковского необходимо принять во внимание контекст событий культурной революции в СССР. В результате успешной реализации политики ликвидации безграмотности в определенной социальной среде популярными были «почины» «быть призванными в литературу», но часто это не означало наличия больших литературных дарований у энтузиастов писательского фронта, и люди без дарований, как правило, в этой деятельности надолго не задерживались, уходили и реализовывались в чем-то другом. Наш герой потратил на агитационно-пропагандистскую и литературную работу большую часть своей яркой жизни, по сути, сознательно посвятив ее этому. Очевидно, что на данном поприще Янковский находился на «своем месте» и занимался «своим делом». Его послевоенные публикации, востребованные в обществе, являются наглядным тому подтверждением.

С мая 1955 г. Борис Антонович вновь вернулся на привычную стезю: стал литературным сотрудником в редакции «Омской правды», а уже с июня был назначен заместителем ответственного секретаря. Но в силу расстроенного здоровья и возраста большая нагрузка сильно утомляла уже немолодого мужчину. Он не раз требовал перевода на изначальную должность, но ходатайства оставались без внимания, что, несомненно, тяготило просителя. Дело закончилось скандальным уходом. В марте 1956 г. Янковскому Центральный райком КПСС Омска объявил строгий выговор («за выпивку») [13. Л. 2 об.]. Очевидно, сказывались болезни и последствия ранений ветерана двух войн, его вредные привычки, а также стресс, снимавшийся типичным «фронтовым методом». Здесь стоит помнить и о том, что для клинической картины туберкулеза характерна эмоциональная неустойчивость больного, которая усиливается на фоне приема алкоголя; схожим образом на поведении пациента могут отражаться и контузии [17. Контузия, Туберкулез], каковых у Янковского было три.

В мае–августе 1956 г. Борис Антонович заменял ушедших в отпуск работников газеты «Молодой сталинец». С сентября он вновь поступил литературным сотрудником в редакцию «Советского Иртыша». На 1958 г. наш герой проживал в Омске вместе с женой по прежнему адресу [13. Л. 2 об.]. Б.А. Янковский умер в Омске 21 ноября 1964 г.

Заключение

В условиях Русской революции 15-летний сирота, который, несомненно, являлся пассионарной личностью, вступил добровольцем в РККА и сделал свою жизнь достаточно успешной и интересной. Следует подчеркнуть, что благодаря своему происхождению Борису Янковскому не нужно было делать в Гражданской войне для многих сложного выбора стороны конфликта. У него была очевидная жизненная перспектива с большевиками, и, несмотря на юный возраст, он сделал для себя правильный выбор. Военная служба в РККА, советских органах безопасности стала для него социальным лифтом и повлияла на формирование взглядов. Пребывание в плену в годы Гражданской войны не надломило, а, скорее, с азартом закалило нрав. Янковский стойко переносил все тяготы службы и, как следствие, жизненные неурядицы. Участие в войнах, несмотря на общий благоприятный и героический исход, наложило на характер и психику героя повествования особый посттравматический отпечаток, приводя к личностным расстройствам, а также весьма серьезным служебным и бытовым проблемам.

Десятилетняя успешная служба в органах ВЧК–ОГПУ, уход из них, благополучная адаптация к гражданской жизни в 1930-х гг. опровергают тиражированный миф о том, что в 1937–1938 гг. были уничтожены в значительном большинстве «старые чекисты» (см., напр.: [18. С. 198]. В числе других экс-сотрудников советских спецслужб Борис Янковский успешно пережил массовые политические репрессии в СССР. На протяжении всей своей жизни он был полезным для государства человеком, опытным и нужным специалистом печатного слова и защитником

Родины. В историографии описаны примеры подобных незаурядных современников Янковского (в том числе омичей), служивших в органах безопасности, избежавших политического преследования и нашедших себя в гражданской сфере (см., напр.: [19–21]).

Следует подчеркнуть, что наш герой был интровертом. Его служба в органах ВЧК–ОГПУ выработала привычку давать о себе минимум информации, поэтому во многих случаях трудно оценить, как Б.А. Янковский воспринимал изменения в своей карьере и современные ему события. Часто ответом на проблемы в его жизни было злоупотребление спиртным. В 1920-х гг. пьянство было широко распространено среди чекистов, с его помощью «загонявших внутрь» имевшиеся проблемы и «молча» отвечавших на неудобные вопросы (подробнее см.: [22]).

Борис Антонович был разносторонней личностью, творческой и вместе с тем боевой натурой. Он умел воевать, имел навыки выживания, но не являлся «человеком войны». Военный социум не повлиял на гражданскую профессию, но гражданская профессия и творческие задатки влияли на военную службу: неслучайно наш герой успешно занялся на фронте творческой работой, играя ведущую роль в издании дивизионной газеты, и инициировал написание политотделом истории своей воинской части. Примечательно, что в силу творческих способностей и открытости характера Борис Янковский стал участником формирования коллективной исторической памяти о Великой Отечественной войне, не только поучаствовав в написании истории своей воинской части, но и подготовив о ней содержательные воспоминания. Однако, даже будучи убежденным сторонником советского строя, он не оставил мемуаров о братоубийственном противостоянии Гражданской войны в России. Как многие бывшие фронтовики, наш герой тяжело встраивался в послевоенное общество, испытывая очевидные сложности при «выходе из войны»; плохое состояние здоровья отрицательно влияло на возможности поствоенной социальной адаптации. И здесь Бориса Антоновича спасала его творческая натура. Литературный талант обеспечил интересной и любимой работой, давая смысл жизни и, вне всяких сомнений, продлив ее нашему герою.

Список источников

1. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень : ТюмГУ, 2003. 208 с.
2. Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / В.М. Амиров, А.В. Антошин, В.И. Бортников [и др.]; под общ. ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной. Екатеринбург : УрФУ, 2021. 412 с.
3. Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
4. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
5. Плеханов А.М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
6. Зданович А.А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4. С. 55–61.
7. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, ее можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.
8. Сушко А.В. Украинские националисты в Омске: осуждены и реабилитированы // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 705–722.
9. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 7. Д. 181638.
10. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р–437. Оп. 9А. Д. 695.
11. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М. : АИРО-XXI, 2007. 288 с.
12. ИАОО. Ф. П–9688. Оп. 1. Д. 6.
13. ИАОО. Ф. П–9688. Оп. 1. Д. 197.
14. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1037.
15. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 3649.

16. Янковский Б. На иртышской магистрали. Омск : Омск. кн. изд-во, 1957. 180 с.
17. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Б.В. Петровский. 3-е изд. : онлайн версия. URL: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/> (дата обращения: 26.04.2022).
18. Зданович А.А. К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3. С. 196–205.
19. Василевский В.П., Сушко А.В. Николай Васильевич Иванов: штрихи к биографии чекиста-транспортника // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 88–94.
20. Капчинский О.И. По образованию художник, по опыту работы чекист // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 76–79.
21. Сушко А.В., Петин Д.И. Чекист, железнодорожник, архитектор Петр Петрович Зутис // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 923–938.
22. Сушко А.В. Борьба с пьянством в органах ОГПУ в Сибири в 1920-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 160–167.

References

1. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the conditions of the Civil War in the Urals: the historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Matveeva, Yu.V. & Rusina, Yu.A. (eds) (2021) *Chelovek sovetskii: za i protiv = Homo soveticus: pro et contra* [Soviet man: for and against = Homo soveticus: pro et contra]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
3. Gladyshev, A.V. (2017) Antropologicheskii povорот v voennoy istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem*. 59. pp. 136–150.
4. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na voyne, ili ternistyy put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [A man at war, or a thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskiy vestnik*. 24. pp. 10–43.
5. Plekhanov, A.M. (2018) "It Seems That We Grow Younger Generation 'Oblivious of Gens' ...". *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 1. pp. 7–11. (In Russian).
6. Zdanovich, A.A. (2021) "Conceptually, we should write not about how we won, but about how we fought on a long journey and through losses came to the Great Victory ...". *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 6 (4). pp. 55–61. (In Russian).
7. Kantor, Yu.Z. (2019) "The history cannot be rewritten, it can be added ...". *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 4 (1). pp. 9–15. (In Russian).
8. Sushko, A.V. (2021) Ukrainskie natsionalisty v Omske: osuzhdeny i reabilitirovany [Ukrainian nationalists in Omsk: convicted and rehabilitated]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 11 [3]. pp. 705–722.
9. Archive of the Federal Security Service of Russia for Omsk Oblast. Fund 7. File 181638.
10. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund R-437. List 9A. File 695.
11. Teplyakov, A.G. (2007) "Nepronitsaemye nedra": VChK–OGPU v Sibiri. 1918–1929 gg. ["Impenetrable Depths": VChK–OGPU in Siberia. 1918–1929]. Moscow: AIRO-XXI.
12. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9688. List 1. File 6.
13. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund P-9688. List 1. File 197.
14. Central Archive of the Ministry of Defense. Fund 33. List 686196. File 1037.
15. Central Archive of the Ministry of Defense. Fund 33. List 686196. File 3649.
16. Yankovskiy, B. (1957) *Na irtyskoy magistrali* [On the Irtysh highway]. Omsk: Omsk. kn. izd-vo.
17. Petrovskiy, B.V. (ed.) *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* [Large medical encyclopedia]. 3rd ed. [Online] Available from: <https://xn--90aw5c.xn--c1avg/> (Accessed: 26.04.2022).
18. Zdanovich, A.A. (2018) K voprosu izucheniya istorii VChK–NKVD na sovremennoy etape: polemicheskie zametki [On the issue of studying the history of the Cheka–NKVD at the present stage: polemical notes]. *Klio*. 3. pp. 196–205.
19. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2020) Nikolay Vasil'evich Ivanov: shtrikhi k biografii chekista-transportnika [Nikolai Vasilyevich Ivanov: strokes to the biography of the Chekist-transport worker]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 5 (1). pp. 88–94.
20. Kapchinskiy, O.I. (2013) Po obrazovaniyu khudozhnik, po opytu raboty chekist [An artist by education, a Chekist by work experience]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 8. pp. 76–79.
21. Sushko, A.V. & Petin, D.I. (2019) Chekist, zheleznodorozhnik, arkhitekt Petr Petrovich Zutis [Chekist, railway worker, architect Pyotr Petrovich Zutis]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 923–938.
22. Sushko, A.V. (2020) The Struggle Against Drunkenness in the Joint State Political Directorate Departments in Siberia in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 160–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/452/19

Информация об авторах:

Сушко А.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры военно-политической работы Омского автобронетанкового инженерного института (Омск, Россия); профессор кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Sushko, Dr. Sci. (History), professor, Omsk Auto-Armored Engineering Institute (Omsk, Russian Federation); professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alexsushko_1974@mail.ru

D.I. Petin, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 378.4(571.16)"1960/1970"
doi: 10.17223/15617793/480/18

Томский институт радиоэлектроники и электронной техники: научный вклад в развитие профильных отраслей

Виктор Владимирович Расколец^{1, 2}, Антон Геннадьевич Костерев³, Максим Юрьевич Ким⁴

^{1, 3, 4} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1, 2} predator-101@mail.ru

³ antonkosterev@rambler.ru

⁴ maksim.i.kim@tusur.ru

Аннотация. На основе материалов периодической печати, делопроизводственной документации, воспоминаний современников с применением системного, историко-генетического подходов, диахронного исторического анализа интерпретируется научный вклад Томского института радиоэлектроники и электронной техники (ТИРЕТ) в достижения профильных отраслей в 1960-х – начале 1970-х гг. Формулируется вывод, что в первое десятилетие институт столкнулся с комплексом проблем материально-технического и кадрового характера, однако именно в это время был заложен фундамент для последующего успешного научного развития.

Ключевые слова: ТИРЕТ, Томск, советская радиоэлектроника, советская электронная техника, наука в высшей школе

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-00082.

Для цитирования: Расколец В.В., Костерев А.Г., Ким М.Ю. Томский институт радиоэлектроники и электронной техники: научный вклад в развитие профильных отраслей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 149–161. doi: 10.17223/15617793/480/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/18

Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering: Scientific contribution to the development of specialized industries

Victor V. Raskolets^{1, 2}, Anton G. Kosterev³, Maksim Yu. Kim⁴

^{1, 3, 4} Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} predator-101@mail.ru

³ antonkosterev@rambler.ru

⁴ maksim.i.kim@tusur.ru

Abstract. Based on the materials of the periodical press, office documentation, memoirs of contemporaries using systematic, historical and genetic approaches, diachronous historical analysis, the article interprets the scientific contribution of Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering to the achievements of specialized industries in the 1960s – early 1970s. The fact is emphasized that the scientific development of the Institute in the 1960s and early 1970s took place against the backdrop of a number of contradictory processes that encouraged and hindered scientific work. There was a favorable regulatory, legal and institutional climate for the development of the Institute, however, the very nature of the institution in the form of a higher school and its peripheral position in the scientific and educational space of the USSR did not favor active scientific research. This was reflected in problems related to personnel, logistics and maintenance, which the Institute had to solve until the end of the first decade of its existence. Success here was ensured thanks to the help of the leaders of the region in the second half of the 1960s (Yegor Ligachyov), due to the competent policy of the Institute's leaders and the enthusiasm of the younger generation of the Institute's employees. Almost immediately the Institute began to position itself as an educational and research institution that, developing specialized industries, incorporates at the level of state and economic contractual relations with institutions located both in the center and on the periphery. Setting up R&D was successful, which, among other things, shows at the level of the Institute's quantitative indicators. As a result, by the beginning of the 1970s, the Institute became an integral part of the scientific and educational space of the region, which, in turn, provided it with additional opportunities to contribute to the development of the USSR's core industries. The conclusion is formulated that in the first decade the Institute faced logistics- and personnel-related problems;

however, it was at this time that the foundation was laid for subsequent successful scientific development. Further research on this issue in two directions is desirable: (1) a comparative historical study of higher schools in the field of electronics and radioelectronics to analyze indicators and identify efficiency; (2) biographical and prosopographic studies of the graduates of Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering to determine their contribution to the achievements of Soviet science and technology in the 1960s and subsequent decades.

Keywords: Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering, Tomsk, Soviet radioelectronics, Soviet electronic engineering, science in higher school

Financial support: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 20-78-00082.

For citation: Raskolets, V.V., Kosterev, A.G. & Kim, M.Yu. (2022) Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering: Scientific contribution to the development of specialized industries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 149–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/18

Введение

Постановка проблемы. Актуальность. Цель работы. Взлет и падение советской электроники представляют собой одну из животрепещущих проблем в истории науки. Быстрая утрата советских достижений в этой области в 1990-е гг. и современное состояние Российской Федерации создали иллюзию изначальной отсталости советской электроники и электронной техники. Пессимизм в отношении возможностей этих направлений у советских партийных функционеров возник еще в начале перестройки и был доведен до своего логического завершения с началом экономических реформ в 1992 г., в результате чего электроника фактически выпала из сферы государственных приоритетов [1. С. 63–64]. Ученые, организаторы, руководители предприятий электронной промышленности, активно развивавшие данные направления, обвиняли советских, а затем и российских чиновников в развале отечественной электронной промышленности. Неоднократно они заявляли о том, что электронная техника СССР занимала второе место (после США) по уровню изделий военного назначения и третье (после США и Японии) по уровню изделий промышленного и бытового назначения [2. С. 443]. В их числе был и нобелевский лауреат Ж.И. Алферов, утверждавший, что советская электроника в 1970–1980-е гг. по многим направлениям занимала передовые позиции на мировой арене [3. С. 9].

Вместе с тем ученые и промышленники признавали и определенные слабые стороны советской электроники, предопределившие утрату ее позиций уже к началу 1980-х гг., т.е. еще до начала горбачевской перестройки: межведомственные барьеры и разрозненность исследований, заикленность на оборонных проблемах в ущерб гражданской продукции, ориентацию на копирование западных образцов («метод обратной инженерии») и др. [4. С. 37–41]. Оригинальную идею высказал видный физик и историк советской электроники Ю.Р. Носов, отметивший «слабость» электронного сообщества СССР, не сумевшего найти баланс между административной и научной составляющими, в результате чего научный компонент подвергся «вымыванию» и гомогенизации, а административный, получив власть, воспользовался ею прагматичным и недалёковидным образом [3. С. 180–184].

Таким образом, советские чиновники хоть и изображались в качестве близоруких и некомпетентных руководителей (и даже в качестве предателей!), но очевидно, что не только они были «гробовщиками» советской электронной промышленности.

Приведенный выше контекст развития проблемы актуализирует дискуссию о степени развития, движущих силах и недостатках советской электроники и ее субдисциплин. И если мы понимаем советскую электронику как целое, развитие которого зависело от усилий аппарата власти, промышленности, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и, наконец, университетов и высших технических учебных заведений в центре и на местах, мы должны признать заслуживающими рассмотрения все эти элементы.

В данном исследовании речь пойдет о научном вкладе Томского института радиоэлектроники и электронной техники в развитие советской электроники, и в частности радиоэлектроники. **Целью исследования** стала попытка корректной интерпретации этого вклада с учетом всех ограничений и возможностей, с которыми сталкивался вуз. Актуальность исследования усиливается контекстом становления вуза в 1960-е гг. – на волне процессов обострения международной обстановки, форсированного развития советской электроники (в том числе в военной области, в космической программе и др.), в условиях завершения складывания центр-периферийных отношений в образовательном и научно-технологическом пространстве. Наконец, исследование актуально и с точки зрения изучения локального / периферийного исторического опыта развития профильного высшего учебного заведения, успешного на современном этапе развития.

Историография и источники, подходы и методы исследования. История советской электроники представляется достаточно проработанной на сегодняшний день. Опубликованы десятки исследований, посвященных отдельным историческим личностям, конструкторским бюро, научно-исследовательским учреждениям, промышленным предприятиям, суботраслям (вакуумная электроника, полупроводниковая электроника и др.). Имеются и исследования обобщающего, комплексного характера. Отличительной чертой историографии советской электроники является

ся то, что ее создатели зачастую становились и ее историками. Работы А.И. Шокина, Ю.Р. Носова, В.М. Пролейко, Б.М. Малашевича, В.П. Борисова и многих других авторов характеризуют высокая информативность и точность в деталях, а их знание «внутренней кухни» изучаемых событий дает их наблюдениям и выводам высокую ценность. Отсюда вытекает и еще одна характеристика состояния проблемного поля – сплоченность его авторов, высокая степень координации исследований. На практике это выразилось в совместных публикациях цикла очерков по истории советской и российской электроники [3, 5–9].

Не уступают по качеству исследований и работы профессиональных историков, которые характеризуются большой степенью концептуализации [10].

Схожим образом можно охарактеризовать публикации, посвященные истории ТИРиЭТа, – это труды обобщающего или юбилейного характера, написанные современниками событий. Сказанное не отменяет положительных моментов этих работ: в них содержатся биографии ряда ученых института, краткие, но важные с точки зрения оценок исторические зарисовки (на уровне факультет / кафедра / научная школа / научное направление), количественные показатели развития ТИРиЭТа: численность профессорско-преподавательского состава и его «остепенность», выпуск из очной и заочной аспирантуры, число защит кандидатских и докторских диссертаций, объем научно-исследовательских разработок (НИР), выпуск научной продукции (монографии / сборники статей / статьи / патенты) и др. [11, 12].

Отдельно стоит отметить биографические исследования. В 2009 и 2017 гг. вышли две работы, посвященные биографическому аспекту истории становления и развития ТИРиЭТа [13, 14], которые включают в себя ценную информацию, позволяющую скорректировать и насытить исторический нарратив статьи.

Несмотря на все вышесказанное, специального и независимого исследования по истории развития науки в ТИРиЭТе и определению научного вклада этого учреждения в развитие профильных отраслей до сих пор не проводилось.

Основной источниковой базой статьи стали материалы газеты «Радиоэлектроник» – органа периодической печати партийного бюро, комитета ВЛКСМ, профкома и ректората ТИРиЭТа. На основе анализа материалов за 1963–1972 гг. была сделана тематическая выборка (около ста публикаций), посвященная различным аспектам материально-технического, кадрового, педагогического, организационного характера развития науки в институте. Солидная часть из них относится к постановке студенческой науки в стенах вуза.

Вторую по значению группу составляют материалы делопроизводственной документации. Местом их хранения стал фонд ГУСУРа (Р-1913. Оп. 1) Государственного архива Томской области (ГАТО). В своей основе документация представлена в виде планов и отчетов о научно-исследовательской работе факультетов и кафедр института. Выборка составила 60 ар-

хивных дел за 1963–1972 гг.¹ Материалы данной группы представляют собой достаточно «сухие» количественные показатели, однако ряд отчетов сопровождается комментариями их авторов, анализирующих успехи, трудности и перспективы того или иного подразделения института.

Третья группа источников представлена воспоминаниями современников событий. Нас интересуют две группы деятелей того времени: «деятели центра» и «деятели периферии». Воспоминания первых сосредоточены в ряде очерков о советской электронике и содержат воспоминания о становлении электроники в СССР как всесоюзной отрасли [3, 5–9]. Вторая группа представлена воспоминаниями сотрудников самого ТИРиЭТа, которые размещены в историческом очерке, приуроченном к 40-летию юбилею учреждения [15]. Написанные много лет спустя, эти воспоминания не только позволяют насытить и скорректировать исторический нарратив, но и содержат ценные оценки событий с позиции специалистов.

При написании работы применялись системный, историко-генетический подходы, а также элементы диахронного исторического анализа. В соответствии с ним научная работа в ТИРиЭТе понимается как часть системы, окруженная внешней средой и имеющая внутренние условия развития, организационные формы и практики, ресурсы и акторов действия. Эта система имеет как пространственное, так и хронологическое воплощение, разделенное на определенные временные периоды в контексте развития более сложных систем (советской электроники, советской высшей школы, томской радиотехники и радиофизики и др.).

Работа с материалами периодической печати и делопроизводственной документации осуществлялась путем фронтального сплошного просмотра с последующим анализом, затем синтезом материала по ряду проблемных сюжетов и, наконец, выработкой концептов. Таким образом, индуктивные обобщения материала соприкасались с теоретическими конструктами, выявленными авторами на основе анализа исследовательской литературы.

Исследование

Внешние факторы в контексте развития науки ТИРиЭТа. Несмотря на то, что В.И. Ленин (мнение которого было авторитетным в СССР и много десятилетий спустя после его смерти) давал радио высокую оценку (в плане, например, пропагандистских возможностей), радиотехническая и радиоэлектронная промышленность СССР отставала от таковой в некоторых странах Западной Европы (Англия, Германия) и Соединенных Штатах Америки на протяжении всей первой половины XX в. Показательно: в 1940 г. в СССР было произведено 140 тыс. радиоприемников, а в США – около 8 млн. В то время как в США в период Второй мировой войны на нужды радиолокации было израсходовано около 2,5 млрд долл. (больше чем на «Проект Манхэттен»), в СССР разработки в области радиолокации практически отсутствовали до июля 1943 г., ввиду чего войскам приходилось ис-

пользовать на начальном этапе войны английские радиолокационные станции [7. С. 38–39, 41]. Научные разработки в области радиотехники и радиоэлектроники существовали до войны, например, в НИИ-9 (рук. М.А. Бонч-Буревич), НИИ-20 (рук. К.Л. Куракин) и др. По ряду параметров они не уступали зарубежным, однако кардинально повлиять на состояние отрасли были не в состоянии.

Во второй половине 1940-х гг. исследования в области электроники становятся приоритетными для органов власти, однако еще не финансируются в должной степени. Исчерпывающую характеристику развития полупроводниковой отрасли в СССР в послевоенные годы дал Ю.Р. Носов: «“Социальный заказ” был очевиден, он сразу же стал госзаказом, – стремительно раскручивалась “холодная война”, и отсутствие ядерно-ракетно-радиоэлектронного щита было для страны смерти подобно. “Необходимых ресурсов” под электронику – финансов, материалов, институтов, специалистов – не было даже по минимуму, зато духовного подъема – хоть отбавляй. Победители, выигравшие войну и не боявшиеся “ни Бога, ни черта”, готовы были решать любые новые проблемы, хотя и не имели специальных знаний... Именно из них, родившихся в 1928–1938 гг., сформировалось первое поколение разработчиков полупроводниковых приборов» [3. С. 166]. Отметим, что сказанное справедливо и для других подотраслей и дисциплин советской электроники.

Институционализация электроники на протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1960-х гг. прошла ряд последовательных этапов – учреждение министерств промышленности и средств связи (1946), радиотехники (1954), затем радиоэлектроники (1957). В 1965 г. было образовано Министерство электронной промышленности (МЭП) СССР, которое возглавил авторитетный организатор А.И. Шокин, названный впоследствии ее отцом-основателем. Образование МЭП позволило создать в стране единую отрасль – электронную промышленность СССР, объединившую 324 предприятия – НИИ, заводы, КБ, расположенные на территории всего Советского Союза.

Если в начале формирования в структурах МЭП работали около 460 тыс. человек, то к началу 1970 г. – уже 778 тыс. человек. Фактически в МЭП трудились 10% всех научных работников СССР [3. С. 51]. Стремительный рост отрасли требовал большого числа квалифицированных кадров. Эту проблему А.И. Шокин актуализировал в работе 1963 г.: «В сравнении с химической, авиационной, текстильной, пищевой промышленностью, – писал он, – электронная промышленность по числу специализированных вузов стоит на последнем месте. В вузах, где электронная техника представлена в виде отдельных специальностей и кафедр, учебный процесс зачастую ведется по устаревшим учебным планам и программам, нередко на допотопном лабораторном, технологическом и измерительном оборудовании. Молодые специалисты, приходящие в электронную промышленность, часто оказываются слабо подготовленными к самостоятельной работе» [7. С. 28].

Справедливо будет отметить, что к моменту публикации работы А.И. Шокина кадры для электронной и радиоэлектронной отрасли готовила целая сеть вузов СССР. Решительный шаг к ее укреплению был сделан 21 апреля 1962 г., когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по дальнейшему увеличению подготовки специалистов по радиоэлектронике и электронной технике с высшим и средним специальным образованием». В соответствии с ним были образованы новые факультеты, реорганизован ряд старых вузов (Московский горный институт, Московский институт стали и сплавов) и учреждены новые: Московский институт электронного машиностроения, Воронежский политехнический институт, а также Томский институт радиоэлектроники и электронной техники [16]. На периферии вузы схожего профиля имелись в Казани, Горьком, Рязани, Тамбове, Саратове, Самаре и других городах.

Насколько благоприятны были условия для развития науки в вузе в 1960-е гг.? Авторы статьи разделяют мнение исследователей, считающих, что вузовская наука в советской модели развития четко отделялась от задач обучения и занимала второстепенное положение [17. С. 14]. Главной задачей высшей школы являлась подготовка кадров, в том числе для научных учреждений: академических и отраслевых научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и др. Разделение образования и науки между высшей школой и научными учреждениями не было целенаправленным, более того, на протяжении десятилетий предпринимались попытки по укреплению научной составляющей в вузах, а также в области интеграции усилий науки и образования. Однако на протяжении этого времени вузовская наука во многом финансировалась по остаточному принципу. Что касается ТИРиЭТа, то, используя классификацию О.В. Лешукова и И.Д. Фрумина, его стоит отнести к типу специализированного отраслевого высшего учебного заведения, ориентированного на специфическую отрасль промышленности и имеющего национальное значение [18. С. 23]. Следовательно, его материально-технические условия должны были быть лучшими, нежели у других вузов. Дальнейшее исследование продемонстрирует лишь частичное соответствие этому прогнозу.

Таким образом, в СССР с начала 1950-х гг. существовал благоприятный институциональный и нормативно-правовой климат в отношении электроники вообще и радиоэлектроники в частности. Отрасль являлась одной из самых быстроразвивающихся в стране и щедро спонсировалась партийным руководством, особенно в части разработок, имеющих применение в военной области. Были созданы десятки НИИ, КБ и заводов будущей электронной промышленности, учреждались факультеты и вузы электронного и радиоэлектронного профилей. Вместе с тем вузовская наука рассматривалась как второстепенная и финансировалась ниже, чем отраслевая или академическая.

Проблемы развития науки в ТИРиЭТе в контексте становления института и их решение. Воспоминания современников событий свидетельствуют о том, что первые годы работы ТИРиЭТа выдались для его руководства и профессорско-преподавательского состава достаточно непростыми. В первую очередь не хватало площадей для постановки учебного и научно-го процессов, во-вторых, не доставало оборудования и материалов для проведения научных исследований², в-третьих, отсутствовали приемлемые условия для проживания сотрудников и студентов, проведения досуга (культурные и спортивные мероприятия и др.). В условиях постоянно расширяющегося (постановлениями «свыше») набора студентов решить эти проблемы представлялось чрезвычайно сложным. Первый ректор института Г.С. Зубарев ярко проиллюстрировал положение молодого учреждения: институту не были переданы все здания ТЭМИИТа (Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта). Главный корпус (проспект Ленина, 40) находился на стадии реконструкции. Помещения физического корпуса, располагавшегося на Московском тракте, не были пригодны к эксплуатации. На всех студентов имелось всего одно, пусть и довольно вместительное, общежитие (пр. Кирова, 22). Из 25 домов, предоставленных сотрудникам молодого института, 20 представляли собой старые здания, находящиеся в аварийном, непригодном для проживания людей состоянии [15. С. 15–16]. В результате первое десятилетие ТИРиЭТа стало временем бесконечного строительства и реконструкции учебных, научных и жилых площадей. Впрочем, как показало исследование историков ТГУ, эта проблема в 1960-е гг. была актуальна для всех вузов г. Томска [19. С. 475].

Такое положение во многом было обусловлено характером создания института, движущей силой которого были местные интеллектуальные силы, в первую очередь преподаватели и сотрудники Томского политехнического института (ТПИ). Г.С. Зубарев писал о том, что первый секретарь Томского обкома КПСС И.Т. Марченко и его коллеги не были заинтересованы в создании ТИРиЭТа и всячески откладывали дискуссии, связанные с ним [15. С. 20]. Лишь спустя два с половиной года, когда И.Т. Марченко на посту первого секретаря Томского обкома КПСС заменил Е.К. Лигачев, к ТИРиЭТу наметилось более благоприятное отношение.

Несмотря на это, проблемы материально-технического характера не были исчерпаны. «Красной нитью» они пронизывали страницы «Радиоэлектроника», а также научные отчеты подразделений [20. Д. 32. Л. 5; Д. 70. Л. 18; Д. 73. Л. 8; Д. 131. Л. 2 об.; Д. 178. Л. 4; Д. 183. Л. 23–24]. Приведем характеристику условий работы, опираясь на выдержку из отчета о работе радиотехнического факультета за 1964–1965 гг.: «В помещениях во время занятий получается большая скученность, лабораторные помещения используются по 12–14 часов в сутки. На одно рабочее место приходится по 3–4 студента, так как количество рабочих мест недостаточно. Это же не позволяет раз-

вораживать большое количество лабораторных работ... Кафедры могут привлечь к НИР всего 10–15 студентов, так как большое количество разместить негде. Часть помещений полуподвальные. Оборудование лучше, чем в прошлом учебном году. Однако все еще значительно не хватает измерительных приборов, что не позволяет оборудовать новые лаборатории, например радиолокационных приемников, и улучшить уже действующие. На кафедре КТПРА нет технологического оборудования. Очень плохое снабжение материалами и комплектующими деталями. Поданные заявки в отдел снабжения не выполняются» [20. Д. 110. Л. 2].

Отметим, что такая ситуация царила в институте повсеместно и в течение длительного времени. В 1970 г. отчете кафедры ТОР находим следующую характеристику оснащения приборами: «Заказы кафедры на наиболее ценные приборы часто не выполняются. Приборы приобретаем в основном случайным образом» [20. Д. 484. Л. 9]. В результате кафедры периодически были вынуждены ограничивать заказы на выполнение НИР. Кафедра радиопередающих устройств, например, в 1965 г. была вынуждена отказаться от договора с предприятием № 1036 (Москва), Институтом Океанографии АН СССР и др. [20. Д. 178. Л. 3]. Дефицит материалов приводил к тому, что некоторые руководители кафедр заказывали материалы с запасом на будущее. За это они подвергались критике как расточители государственных средств [21. 1966. 20 мая]. Только в 1970-е гг. в составе научного управления были созданы подразделения, предназначенные для централизованного обеспечения научных исследований и разработок.

Проблемы материально-технического и кадрового характера во многом решались за счет упомянутого Ю.Р. Носовым энтузиазма. Это относилось и к ученым ТИРиЭТа, первое поколение которых пришло из ТПИ и уже имело опыт постановки научных исследований в сложных условиях. Инициативность, работоспособность, предприимчивость молодого поколения лозунгом отразились спустя много лет в воспоминаниях В.П. Денисова: «Бывало, радиодетали из-под земли мы доставали. Теперь космическая эра, доставим и из-под Венеры» [15. С. 83].

Не последней проблемой для организации научных исследований была первоначальная квалификация профессорско-преподавательского состава ТИРиЭТа. В год образования института на кафедрах работали всего 58 преподавателей, на которых приходилось 2 014 студентов (т.е. на 35 студентов – один преподаватель). Из 58 преподавателей лишь 18 являлись кандидатами наук, и не было ни одного доктора наук [11. С. 10]. Наблюдался резкий дефицит квалифицированных кадров, осложнявший постановку учебной и научной работы в институте, практически отсутствовали крупные специалисты из промышленности, что объяснялось недостатком жилья. В связи с нехваткой преподавательских кадров факультетам приходилось привлекать совместителей и почасовиков для проведения занятий в учебных мастерских, чтения лекций и т.д. [20. Д. 110. Л. 3].

Руководство вуза и профессорско-преподавательский состав совместными усилиями выправили кадровое положение института к концу первого десятилетия его существования. В 1972 г. в ТИРиЭТе работали уже 295 преподавателей, включая 105 кандидатов и 4 доктора наук. Соотношение количества преподавателей и студентов стало составлять 1 к 10. Доля преподавателей, имеющих ученые степени, достигла в 1973 г. 38,6% [11. С. 168]. Во многом этого удалось добиться за счет повышения эффективности аспирантуры. Процент аспирантов, успешно окончивших аспирантуру, увеличился с менее чем 30% в 1966 г. до 75% в 1972 г. и приблизился к средним по Министерству высшего и среднего специального образования (МВССО).

Общая характеристика развития НИР. Формы организации, научные направления и результаты исследований. Количественные показатели НИР.

В соответствии с принятым уставом научно-исследовательская работа в ТИРиЭТе велась в области разработки теоретических проблем, решения актуальных задач народного хозяйства, изучения и обобщения опыта коммунистического строительства, создания учебников и учебных пособий, выполнения исследовательских работ научно-методического характера, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по тематике министерств, ведомств, предприятий, НИИ в хозяйственно-договорном порядке по следующим направлениям: радиоприборостроение, радиолокационная астрономия, телевизионная техника и телевизионная автоматика, радиотехника и электроника, бионика и биоэлектроника, новая техника, полупроводниковая техника и микроэлектроника [20. Д. 99. Л. 10]. Институт был обязан участвовать во внедрении в народное хозяйство результатов своих исследований, пропагандировать достижений науки, техники и культуры. Проведение научных исследований, участие во внедрении результатов этих исследований в народное хозяйство, руководство научно-исследовательской работой студентов и аспирантов считалось обязанностью каждого преподавателя.

НИР ТИРиЭТа осуществлялась по плану, рассматриваемому Советом института, и утверждалась ректором, который заключал договоры на выполнение различных научных работ и контролировал их выполнение. Однако основная часть руководства возлагалась на проректора по научной работе. В ТИРиЭТе этой работой руководил доцент В.С. Мелихов (1962–1969),

затем профессор А.В. Астафуров (1969–1972) [22. С. 12].

ТИРиЭТ был учрежден в составе четырех факультетов: радиотехнического (РТФ), электронной техники и автоматики (ФЭТиА), радиоуправления (РУФ), который в 1966 г. был переименован в конструкторско-технологический (КТФ), факультет вечернего и заочного обучения. Они были образованы преимущественно на базе бывшего радиотехнического факультета Томского политехнического института. Соответственно, в институт были полностью или частично переведены кафедры: теоретических основ радиотехники (ТОР; зав. каф. доцент К.М. Шульженко), конструирования и технологии производства радиоаппаратуры (КТПРА; зав. каф. доцент П.П. Болтрукевич), радиоприемных устройств (РПУ; зав. каф. доцент Г.С. Шарыгин), радиопередающих устройств (РУ; зав. каф. доцент И.Н. Пустынский), радиоуправления (РУП; зав. каф. доцент Х.С. Бакшт), промышленной электроники (ПЭ; зав. каф. доцент И.В. Шипунов), диэлектриков и полупроводников (ДИП; зав. каф. доцент А.М. Трубицын). В течение первого года в соответствии с профилем молодого института были образованы кафедры: сверхвысоких частот (СВЧ; зав. каф. доцент Е.С. Коваленко), электрорадиоизмерений (ЭРИ; зав. каф. старший преподаватель Е.Н. Силов), теоретических основ электротехники (ТОЭ; зав. каф. старший преподаватель А.П. Левдикова) и другие кафедры общего характера.

В первые годы развития института его кафедры столкнулись с различными трудностями в области НИР, описанными выше. В основном старые кафедры, переселившись на новое, не приспособленное для работы место, вынуждены были заниматься организацией учебных и научных лабораторий, различными хозяйственными вопросами. В результате итоги 1963 г. были более чем скромным (таблица) [21. 1965. 31 дек.]. Новые кафедры, в свою очередь, не сумели определить и развернуть свое научное направление [20. Д. 79. Л. 33]. В результате им не удавалось, как правило, заключать хоздоговора, столь важные для материальной подпитки исследовательской деятельности. Это, в частности, относилось к кафедрам РУ, СВЧ, ЭРИ, ТОЭ [21. 1964. 10 янв.]. Тем не менее именно в 1963 г. были заложены основы будущего развития научно-исследовательской работы института. В 1965 г. в ТИРиЭТе проводились уже 23 работы по госбюджетной тематике, а в НИР участвовали 80% преподавателей технических кафедр.

Некоторые показатели научно-исследовательской работы в ТИРиЭТе

Показатель	1962–1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	Всего
Объем НИР, тыс. руб.: общий / хоздоговорных	255 / 135	341 / 230	516 / 380	640 / 496	938 / 780	1 166 / 831	2 017 / 1610	1 561 / 1218	2 016 / 1610	2 524 / 2161	11 974 / 9451
Монографии / сборники статей / патенты	2 / 2 / –	1 / 2 / 2	1 / 1 / –	1 / 3 / 2	2 / 2 / 8	2 / 1 / 20	2 / 2 / 39	2 / 4 / 38	2 / 1 / 73	3 / 5 / 79	18 / 23 / 261

Политику руководства вуза в области организации НИР можно частично реконструировать по тем рекомендациям, которые оно предложило МВССО для разработки пятилетнего плана развития высшей шко-

лы в 1964 г. В частности, руководство ТИРиЭТа предложило реорганизовать учебные вузы радиотехнического профиля в учебно-исследовательские, усилив внимание к НИР и НИРС. Далее оно предложило

устранить многотемность научной работы и распыление сил вузов на решение второстепенных и мелких вопросов. По важнейшим проблемам предполагалось определить головные вузы, установив их тесную связь с другими вузами соответствующего профиля, создать КБ, способные доводить крупные научные разработки до внедрения в народное хозяйство. «В целях лучшего использования сил огромной армии вузовских ученых при решении важнейших научных проблем нашего времени и повышения качества подготовляемых вузами специалистов» необходимо было ввести практику создания при них крупных научно-исследовательских учреждений, работающих по комплексной тематике центральных координирующих органов или головных вузов [21. 1964. 24 янв.]. В контексте этого планировалось создание лабораторий и конструкторских бюро при институте, выдвигались предложения об организации при ТИРиЭТе научно-исследовательских институтов.

В 1966 г. ТИРиЭТ включился в программу пятилетнего плана развития СССР. К 1970 г. было запланировано подготовить и защитить 6–8 докторов наук и 60–70 кандидатов наук, удвоить объем научно-исследовательских работ (с 500 тыс. до 1 млн руб.), развить ключевые направления научной работы института, укрепить научные связи института с промышленными предприятиями Сибири, а также с рядом центральных научно-исследовательских организаций и предприятий [21. 1966. 25 марта]. Этот план был выполнен по числу защит кандидатских диссертаций (73), на 50% перевыполнен по объемам НИР (1 млн 561 тыс. руб.) и практически не выполнен по числу защит докторских диссертаций (1). Высокие объемы НИР можно объяснить стремительным развитием электроники и радиоэлектроники в СССР. Низкое число докторских диссертаций, скорее всего, объясняется, с одной стороны, сложностью защит по профилирующим направлениям исследований вуза (с 1962 по 1980 г. в ТИРиЭТе было защищено всего 11 докторских диссертаций), с другой – загруженностью преподавателей учебной и общественной работой.

К концу 1960-х гг. ТИРиЭТ, преодолев первоначально имевшиеся проблемы, вышел на высокие темпы развития. Об этом говорит тот факт, что в 1970 г. институт удержал первое место среди группы энергетических, электротехнических и радиотехнических вузов по выполнению качественных показателей, разработанных МВССО РСФСР по основным видам деятельности. К ним относились кадровое положение, постановка НИР и учебного процесса, работа кафедр общественных наук, а также внеучебная работа [21. 1971. 25 марта]. По итогам 1970 г. институт был награжден дипломом 1-й степени ВДНХ за развитие научных исследований и разработку образцов радиоаппаратуры (в 1969–1971 гг. ТИРиЭТ получил 16 медалей ВДНХ). За успешное выполнение социальных обязательств в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина ТИРиЭТ также наградили Почетной Ленинской грамотой Томского обкома КПСС, облисполкома и облсовпросфа. По итогам 1971 г. ТИРиЭТ занял третье место среди всех вузов Главного управ-

ления и вышел в число лучших вузов МВССО РСФСР [21. 1972. 27 апр.].

В рекомендациях к МВССО, направленных в 1964 г., были обозначены основные направления НИР ТИРиЭТа: использование эффектов в твердом теле для микроминиатюризации радиоэлектронной аппаратуры и новых методов связи; решение вопросов использования электронно-лучевой и телевизионной техники для нужд народного хозяйства и др. В дальнейшем тематика института значительно расширилась. В первое десятилетие в ТИРиЭТе сформировались следующие основные научные направления, оформившиеся впоследствии в виде научных школ:

– Радиолокационная астрономия. Данная тематика пришла в институт из ТПИ и должна была разрабатываться профессором Е.И. Фиалко (он же должен был стать первым ректором ТИРиЭТа). Однако после отъезда Е.И. Фиалко в Киев работа в данном направлении была продолжена Г.С. Зубаревым и др., а сама тематика разрабатывалась на кафедре РУ. После окончания работ по Международному году спокойного Солнца (1964–1965) работы в этом направлении практически остановились, а усилия коллектива сосредоточились вокруг тематики распространения радиоволн.

– Исследования специальных вопросов распространения радиоволн с целью оптимального построения радиосистем (руководитель – доцент Г.С. Шарыгин). В этом направлении был выполнен ряд теоретических и экспериментальных исследований статистической структуры электромагнитного поля при различных механизмах распространения. В дальнейшем направление разделилось на две ветви: 1) изучение тропосферного распространения радиоволн УКВ-диапазона на морских и наземных трассах; влияние условий распространения на характеристики радиолиний систем связи, радиолокации и радионавигации наземного, морского и воздушного космического базирования (Г.С. Шарыгин); 2) оптимизация обработки сигналов, разработка приборов и оборудования для улучшения тактических характеристик систем радиолокации и радионавигации, в том числе систем дистанционного зондирования атмосферы, поверхности земли и моря, включая технические средства и программные продукты (В.П. Денисов).

– Телевизионно-вычислительная автоматика (руководитель – доцент И.Н. Пустынский). Сотрудники кафедры создавали телевизионные центры и телевизионные установки для промышленных предприятий и научных организаций, устройства и системы в области телевизионно-вычислительной автоматики различного назначения, в том числе для астроориентации космических кораблей типа «Союз». Ряд разработок был введен в серийное промышленное производство. В 1969 г. под руководством И.Н. Пустынского была разработана и сдана в эксплуатацию первая в стране замкнутая система учебного телевидения с обратной связью, опыт по созданию которой использовался во многих вузах страны. Также велись работы по созданию нового варианта системы цветного телевидения, выгодно отличающегося от существующих в СССР систем своей простотой [20. Д. 178. Л. 1–4].

– Разработка микрорадиоэлектроники. В этом направлении велись комплексные исследования физических основ и методов конструирования микроэлектронных элементов узлов и блоков, что позволило в десятки раз снизить вес и габариты аппаратуры при одновременном повышении надежности. Работы велись в объединенной лаборатории микрорадиоэлектроники, где работали сотрудники кафедр ДИП, КТПРА, СВЧ, физической электроники, химии и физики [21. 1966. 13 мая]. Например, в лаборатории профессора Г.А. Воробьева и на кафедре физической электроники, организованной им, исследовались физические процессы, происходящие в очень тонких слоях диэлектрика при наложении электрического поля.

– Разработка широкополосных усилителей (руководители – доцент К.М. Шульженко и доцент И.А. Суслов). В первое десятилетие была выполнена серия научно-исследовательских работ, в рамках которых разработаны и внедрены в производство уникальные широкополосные усилители и приемные тракты СВЧ-диапазона, разработаны вопросы теории анализа и синтеза широкополосных пассивных и активных СВЧ-цепей.

– Разработка широкополосных приемно-усилительных трактов. К семидесятым годам на кафедре сложилось два направления разработок: наносекундные усилители с большим уровнем выходного сигнала (Б.И. Авдоченко, Л.П. Донских, А.Н. Дьячко, В.Н. Ильющенко и др.) и широкополосные усилители и преобразователи частоты малой и средней мощности (В.А. Кологривов, А.С. Красько, С.В. Мелихов и др.).

– Исследования по разработке фазометровых радиочастот (руководители – доцент К.М. Шульженко и доцент В. Сурьян). Разработка методов и аппаратуры позволяла проводить исследования фазовых соотношений в различных радиотехнических цепях, в связи с этим приобретала важное значение. Фазометры, изготавливаемые здесь, впоследствии вышли на серийное производство.

– Корпускулярно-лучевые устройства (руководители – доцент Д.А. Носков и доцент Ю.Е. Крейндель). В этом направлении создан ряд технологических установок, в том числе для изготовления алмазных фильер, а также импульсное газоразрядное устройство, созданное по заказу института электросварки им. Е.О. Патона Академии наук УССР. Эти исследования впоследствии вылились в новое научное направление – плазменную эмиссионную электронику. Были разработаны уникальные по параметрам источники интенсивных электронных пучков, использующихся для лучевых технологий, а также для накачки мощных газовых лазеров и решения различных специальных задач.

– Исследования спектральных характеристик монокристаллов и методов построения оптических квантовых генераторов с малой шириной спектра (руководитель – старший научный сотрудник Е.С. Коваленко). В 1965 г. в этом направлении начались многолетние исследования методов генерации лазерного излучения с характеристиками, пригодными для практического использования в системах обработки информа-

ции, а с 1967 г. – работы по исследованию акустооптических взаимодействий для целей скоростной обработки радиосигналов в широкой полосе частот. Одновременно с этим велись исследования магнитоупругих и магнитностатических волн в монокристаллах редкоземельных гранатов и принципов построения на их основе СВЧ-линий задержки и фильтров сжатия. Впервые в стране были получены монокристаллы иттрий-железного граната, выращенные из раствора в расплаве и пригодные для технических применений.

Кафедры института выполняли НИР по актуальной тематике, которая совпадала с профилем подготовки инженерных и научных кадров. Наиболее крупные коллективы были оформлены в лаборатории и проблемные лаборатории, управляемые на общественных началах. К 1967 г. в ТИРиЭТе уже имелось 60 лабораторий, а к 1972 г. – 156 учебных лабораторий.

Представленная динамика позволяет говорить о стремительном росте объема научно-исследовательских разработок в ТИРиЭТе в 1962–1972 гг.: почти в 10 раз относительно общего объема НИР, а по хоздоговорам – в 16 раз. Такой рост, разумеется, был обусловлен не только уровнем разработок в институте, – он стал показателем востребованности отрасли в СССР в рассматриваемый период. Об этом говорит и тот факт, что заказы институту обеспечивались иногда сразу на несколько лет вперед.

Умеренными в плане роста были показатели выпуска монографий и сборников статей, оптимистичными – показатели полученных учеными института патентов³. К сожалению, нам не удалось отразить динамику статей, опубликованных учеными ТИРиЭТа. Отметим лишь на то, что всего с 1962 по 1972 гг. учеными института было опубликовано около 1 200 научных статей [21. 1972. 27 апр.].

Всего за первые 10 лет ТИРиЭТ выполнил НИР на сумму почти в 12 млн руб. Подавляющая часть научных разработок ученых института и студентов впоследствии внедрялась в серийное промышленное производство. Сложнее обстоит ситуация, если мы попытаемся подсчитать экономический эффект от такого внедрения, поскольку эти подсчеты долгое время не велись даже в самом институте, несмотря на неоднократные замечания его руководства. Экономический эффект от разработок стал подсчитываться только с 1971 г. и составил за тот год почти 3,5 млн руб.

Первое место по количественным и качественным показателям НИР на протяжении всего периода занимал радиотехнический факультет – преемник радиотехнического факультета ТПИ. Уже в 1962 г. на факультете разрабатывались 11 хоздоговорных и 13 госбюджетных тем, больше половины из которых было начато в ТПИ. Общая сумма НИР составила более 250 тыс. руб., т.е. фактически весь объем НИР института в 1962 г. [20. Д. 22. Л. 3]. Из полумиллиона рублей, полученных институтом в ходе хоздоговорных работ в 1966 г., половину выполнили научные коллективы РТФ – кафедры РПУ, РУ и ТОР [21. 1966. 3 нояб.]. С апреля 1968 г. по апрель 1969 г. кафедры РТФ выполнили НИР на сумму 530 тыс. руб. (при общем объеме НИР института около 1 166 тыс. руб.). В 1970 г. из 1 561 тыс. руб. НИР ТИ-

РиЭТа РТФ выполнил работы на 777 тыс. руб., т.е. около 50% работ всего института [20. Д. 492. Л. 80]. В решении ректората по отчету РТФ 1970 г. подчеркивалось, что его работа имеет важное народнохозяйственное значение: 11 НИР факультета выполнялись по заданиям Правительства СССР.

Сложнее всего в первые годы пришлось факультету радиоуправления, кафедры которого (за исключением кафедры радиоуправления) пришлось создавать с нуля. «Каждая из кафедр, — отмечалось в отчете факультета за 1962–1963 гг. — располагала единственной аудиторией, которая одновременно выполняла функции лаборатории, помещения кафедры, склада, монтажной мастерской и т.д.» [20. Д. 35. Л. 3]. Ввиду недостатка площадей для НИР и научного оборудования факультету пришлось в первые годы работать в помещениях ТПИ. Отсутствовало единое научное руководство. Научная работа в таких условиях велась разобщено, в основном в виде поисковых работ, либо на кафедрах других факультетов.

Ситуация улучшилась с развертыванием работ кафедры СВЧ и образованием в 1964 г. кафедры технической кибернетики, которую возглавил пришедший из ТГУ Б.С. Рябышкин — ученик В.Н. Кессениха и П.П. Бирюлина, представитель «золотого поколения» кибернетиков ТГУ. Он возглавил госбюджетные работы в ТИРиЭТе по теме «Стержень» (совместно с коллективом СФТИ предполагалось создание действующего макета автономной системы управления и проведение ее полевых испытаний применительно к условиям речного транспорта) и по теме «Клетка» (создание аппаратуры, позволяющей качественно и широко поставить эксперименты по улавливанию слабых излучений, а также аппаратуры по обработке полученных результатов). Кафедра СВЧ (Е.С. Коваленко, Б.Н. Морозов, Е.В. Падусова), в свою очередь, развернула работы в области антенных устройств (заказчик — п/я 54, Новосибирск), по госбюджетной теме «Электронный парамагнитный резонанс в скрещенных электрических и магнитных полях» [20. Д. 79. Л. 1]. Лидировали указанные кафедры и по показателям НИРС. Остальные кафедры или совсем не занимались научно-исследовательской работой, или занимались совместно с кафедрами других факультетов [20. Д. 79. Л. 6]. Слабо участвовали в НИР общетехнические кафедры факультета: ТОЭ, высшей математики, инженерной графики, технической механики.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. факультет радиоуправления (конструкторско-технологический факультет) проделал значительную работу по улучшению показателей НИР. В 1967 г. объем НИР составил 181 тыс. руб., в 1968 г. — 248 тыс. руб., в 1971 г. — около 400 тыс. руб. (т.е. около 20% от институтского) [20. Д. 312. Л. 46, 89]. Эти показатели были достигнуты, несмотря на значительные «потери»: в 1966 г. кафедра технической кибернетики была переведена на ФЭТ, а в 1967 г. кафедра СВЧ была переведена в структуру РТФ. Отмечая успехи в постановке НИР на факультете, ректорат тем не менее указывал на необходимость улучшения качества НИР с широким привлечением к ним студентов факультета [20. Д. 492. Л. 3].

Реконструировать положение ФЭТа сложнее ввиду слабости источников базы. Практически отсутствуют документы аналитического характера, позволяющие судить о проблемах, с которыми столкнулся факультет в первое десятилетие. В нашем распоряжении есть материалы 1967–1969 и 1971 г. В соответствии с ними объем НИР на факультете выглядит следующим образом: 1967 г. — 156 тыс. руб., 1968 г. — 156 тыс. руб., 1971 г. — 444 тыс. руб. [20. Д. 317. Л. 2; Д. 375. Л. 1; Д. 567. Л. 3]. В целом решения ректората по отчетам факультета на протяжении ряда лет содержали призывы к объединению усилий коллективов для решения комплексных тем, повышения показателей вовлеченности студентов в НИР и повышения качества НИРС.

Сотрудничество ТИРиЭТа с научными и промышленными организациями. Достаточно плодотворно ТИРиЭТ сотрудничал с промышленностью г. Томска и других городов. Одной из форм такого сотрудничества являлось участие вуза в Днях науки (с 1971 г.). Цель этих мероприятий заключалась в ознакомлении руководителей и работников промышленности города с исследованиями в области радиоэлектроники и приборостроения, которые вели ученые томских вузов. Происходило это в традиционной докладной форме с последующим обсуждением, выдвижением и фиксацией рекомендаций и корректировкой последующей научной работы вузов. Например, на Дне науки 10 апреля 1971 г. было заслушано шесть докладов, выполненных в ТИРиЭТе, Сибирском физико-техническом институте (СФТИ), НИИ ядерной физики, электроники и автоматики (ТПИ), НИИ электронной интроскопии (ТПИ). В работе совещания приняли участие около 100 человек, в том числе сотрудники четырех вузов города, 8 предприятий, гости из Нальчика, Свердловска, Ташкента и Новосибирска, секретарь горкома КПСС А.Г. Блинов и работник отдела науки и учебных заведений обкома КПСС В.Н. Угорелов [21. 1971. 15 апр.].

Тематика выступлений была посвящена исследованиям в области телевизионной автоматики и тонкопленочной технологии (ТИРиЭТ), создания новых типов электрических двигателей возвратно-поступательного движения, автоматизации систем управления и создания приборов и устройств неразрушающих методов контроля (НИИ при ТПИ), автоматизации проектирования вычислительных и управляющих устройств (СФТИ). От ТИРиЭТа доклады представили Г.А. Воробьев («Комплексные исследования в области тонкопленочной технологии, ведущиеся на конструкторско-технологическом факультете») и И.Н. Пустынский («Использование телевизионной автоматики в управлении техническими процессами»). По итогам проведенного мероприятия вузы Томска составили перечень НИР, включающий около 100 наименований, которые ученые могли выполнить для предприятий. Дни науки способствовали установлению деловых контактов промышленников с учеными в целях дальнейшего совершенствования технологии производства, улучшения качества продукции и повышения производительности труда [21. 1971. 8 апр.].

Спустя два года после основания ТИРиЭТ уже выполнял НИР для предприятий и организаций Москвы, Ленинграда, Омска, Новосибирска, Кемеров, Томска, Красноярска [21. 1964. 8 мая]. Прочные научные связи были установлены с рядом научно-исследовательских учреждений и предприятий Москвы, Ленинграда, Киева, Таганрога, Омска, Новосибирска, Кемеров и др. [21. 1965. 31 дек.]. Например, кафедра РПУ сотрудничала с Госкомитетом по радиоэлектронике, Министерством черной металлургии, Госкомитетом по автоматике и машиностроению, Министерством радиопромышленности, Институтом физики земли АН СССР, Физическим институтом АН СССР [20. Д. 545. Л. 8]. Производимые телевизионные установки поставлялись на предприятия Кузнецкого металлургического комбината. Выполнялись работы для СКБ математических машин, предприятий г. Бийска, НИИ электроаппаратуры (Ленинград), ВИОГЕМа (Белгород; «Разработка и изготовление опытного образца ПТУ для исследования скважин в горных породах») [20. Д. 22. Л. 9–10; Д. 549. Л. 2]. Сотрудники РПУ работали на выполнение заказов СФТИ, НИИ ядерной физики ТПИ, комбината «Томлес» (обнаружение металлических тел в древесине), Томского радиотехнического завода и др. Стоит отметить, что указанный нами перечень далеко не полон, так как не учитывает большую часть работ института по закрытой военной тематике [20. Д. 549. Л. 11].

Координировалась и научная работа, в ходе которой вузы делились полученными результатами и обменивались опытом. Так, 15 декабря 1966 г. в ТИРиЭТе прошло заседание Западно-Сибирского совета по координации научной работы вузов Сибири. На заседании присутствовали ученые вузов Сибири, работающие в области радиоэлектроники и электронной техники, в том числе заместитель председателя координационного совета С.С. Гутин, директор НИИ полупроводниковых приборов В.А. Преснов, профессор Томского университета А.Б. Сапожников, профессор Омского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта П.М. Пахомов, проректор по научной работе ТГУ В.А. Пегель, проректор по научной работе Омского политехнического института П.В. Сергеев, заведующий кафедрой приемно-передающих устройств Новосибирского электротехнического института Е.И. Машарский и др.

На заседании был заслушан доклад проректора по научной работе ТИРиЭТа В.С. Мелихова. Мы не будем касаться весьма солидных показателей ТИРиЭТа, зачитанных проректором. Для нас важнее конструктивная критика, полученная институтом со стороны своих коллег: концентрация НИР на нескольких кафедрах (РПУ, РУ, ТОР, ПЭ) при мелкотемье остальных кафедр, исследования которых были плохо связаны с основной тематикой или имели недостаточно высокий уровень. Здесь же была отмечена пассивность деканов ТИРиЭТа при организации и контроле научных исследований, а также слабая подготовка научных кадров и на уровне кандидатских, и на уровне докторских диссертаций [21. 1966. 15 дек.].

Важной формой координации исследований, а также демонстрации и апробации полученных результатов НИР были конференции, выставки и конкурсы. Они проводились на всех возможных уровнях: внутри института, между вузами Томска, Западной Сибири, РСФСР и СССР. При этом проведение какого-либо мероприятия в Томске совершенно не означало, что оно ограничивалось лишь масштабами города или области – в этот период опыт томских вузов в организации НИР и НИРС активно заимствовался советской высшей школой. Например, признанием заслуг томского научно-образовательного комплекса в постановке научной работы студентов стал факт организации в Томске в феврале 1967 г. всесоюзной межвузовской научно-методической конференции по НИРС, в которой приняли участие более 700 человек из 197 вузов СССР [21. 1967. 16 февр.]. В 1972 г. прошла вторая межвузовская конференция по НИРС, задачей которой стало подведение итогов первого этапа Всесоюзного смотра-конкурса высших учебных заведений на лучшую организацию НИРС. В ней приняли участие около 400 представителей крупнейших вузов страны [21. 1972. 18 мая].

Обе конференции были созданы по инициативе Межвузовского научного совета, целью которого была координация научной, учебной и хозяйственной деятельности вузов г. Томска. Постоянным членом совета являлся и ТИРиЭТ, участвовавший в рамках его деятельности в ряде ключевых проектов. К примеру, институт наряду с ТГУ и ТПИ участвовал в комплексной исследовательской программе по изучению полупроводников, в которой были заняты 4 доктора наук, профессора, 25 кандидатов наук, около 100 научных сотрудников, ассистентов, инженеров и свыше 300 аспирантов. В результате были разработаны новые микропленочные генераторы и триггеры, созданы установки для реактивного и микропленочного напыления, получены результаты в области электролюминесценции и кандалюминесценции [19. С. 474].

Сотрудники и студенты института активно участвовали в разного рода конференциях. За первые десять лет существования института его сотрудниками было сделано около 500 докладов на всесоюзных и республиканских конференциях. Не отставали и студенты: с 1964 по 1969 г. они подготовили 186 докладов, из которых 42 на городских, зональных и других смотрах были отмечены грамотами и денежными премиями.

Заключение

Научное развитие ТИРиЭТа в 1960-е – начале 1970-х гг. проходило на фоне ряда противоречивых процессов, располагающих и препятствующих ведению научной работы в вузе. Для развития института существовал благоприятный нормативно-правовой и институциональный климат, однако сам характер учреждения в виде вуза и его положение в научно-образовательном пространстве СССР на периферии не располагали к широкому развертыванию научных исследований. Это выразилось в проблемах кадрового, материально-технического и бытового характера, преодолевать которые

институту приходилось вплоть до окончания первого десятилетия своего существования. Успех здесь был обеспечен благодаря помощи руководства области во второй половине 1960-х гг. (Е.К. Лигачев), за счет грамотной политики руководства вуза, а также энтузиазма молодого поколения сотрудников ТИРиЭТа.

Практически сразу институт стал позиционировать себя в качестве учебно-исследовательского, инкорпорируя в процессе развития профильных отраслей на уровне государственных и хозяйственных отношений с учреждениями, располагавшимися как в центре страны, так и на периферии. Несмотря на многочисленные трудности, первое десятилетие института стало периодом, когда был заложен фундамент последующего успешного научного развития. Речь идет прежде всего о формировании научных направлений и школ, развитии кадровой базы вуза, грамотной постановке научно-исследовательской работы студентов, зарождении и укреплении связей с учебными, научными и производственными учреждениями Томска, Западной Сибири,

Москвы, Ленинграда, а также других крупнейших центров развития электроники. Успех в деле постановки НИР демонстрируется в том числе и на уровне количественных показателей института. В результате к началу 1970-х гг. ТИРиЭТ стал неотъемлемой частью научно-образовательного пространства региона, что, в свою очередь, обеспечивало ему дополнительные возможности для вклада в развитие профильных отраслей СССР.

Данное исследование представляется предварительным и не претендует на исчерпание заявленной темы. Дальнейшие исследования в этой области видятся в двух направлениях: сравнительно-историческое исследование вузов в области электроники и радиоэлектроники с целью осуществления широкого компаративного анализа показателей и выявления эффективности; биографические и просопографические исследования выпускников ТИРиЭТа с целью точечного выявления вклада выпускников вуза в достижения советской науки и техники в 1960-е гг. и последующие десятилетия.

Примечания

¹ Публикации за 1962 г. обнаружить не удалось.

² Согласно одной из заметок в «Радиоэлектронике», посвященных истории кафедры радиоприемных устройств, некоторые шасси для приборов «гнулись вручную с помощью табуреток».

³ Большое значение для повышения эффективности научных исследований имела организация в 1971 г. патентно-информационной службы, создание которой обеспечило значительный рост числа заявок на изобретения и авторских свидетельств, полученных коллективом института.

Список источников

1. Крутогин Д.С. История электроники в России. Часть первая: Истоки // Материалы электронной техники. 2010. № 2. С. 63–69.
2. Шокин А.А. Электронная промышленность СССР в 60–80-е годы XX века // REDS: телекоммуникационные устройства и системы. 2014. Т. 4, № 4. С. 443–447.
3. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник / отв. ред. В.М. Пролейко. М. : Техносфера, 2009. Вып. 2: Электронная промышленность СССР, 1961–1985 : к 100-летию А.И. Шокина. 416 с.
4. Веселова Э.Ш. Российская микроэлектроника: ренессанс или реанимация? // ЭКО. 2015. № 4. С. 36–49.
5. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник / отв. ред. В.М. Пролейко. М. : Техносфера, 2009. Вып. 1: 60 лет отечественному транзистору. 335 с.
6. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник / отв. ред. В.М. Пролейко. М. : Техносфера, 2009. Вып. 3: Истоки российской электроники : к 120-летию ОАО «Светлана». 296 с.
7. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник / сост. В.М. Пролейко ; под ред. Б.М. Малашевича. М. : Техносфера, 2011. Вып. 4: К 50-летию электронной промышленности СССР. М. : Техносфера, 2011. 623 с.
8. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник / под ред. Б.М. Малашевича. М. : Техносфера, 2009. Вып. 5: 50 лет отечественной микроэлектронике. Краткие основы и история развития. М. : Техносфера, 2013. 799 с.
9. Очерки истории российской электроники : периодический научно-технический и исторический сборник. М. : Техносфера, 2009. Вып. 6: Александр Иванович Шокин. Портрет на фоне эпохи. М. : Техносфера, 2014. 694 с.
10. Симонов Н.С. Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. Ч. 1: 1940–1960-е годы. 460 с.
11. Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 1962–2002 годы : исторический очерк / отв. ред. В.Т. Петрова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2002. 175 с.
12. 50 лет Томскому государственному университету систем управления и радиоэлектроники / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Том : Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2012. 520 с.
13. Профессора Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2017. 200 с.
14. Кто есть кто в истории ТУСУРа / сост. В.В. Подлипенский, Г.С. Шарыгин; под общ. ред. Ю.А. Шурыгина. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2009. 216 с.
15. Из прошлого – в будущее : воспоминания и размышления выпускников и ветеранов университета / отв. ред. Н.Н. Чернышева. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2002. 238 с.
16. О мерах по дальнейшему увеличению подготовки специалистов по радиоэлектронике и электронной технике с высшим и средним специальным образованием : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 21.04.1962 № 374. URL: <https://base.garant.ru/58050384/> (дата обращения: 07.04.2022).
17. Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.
18. Лешуков О.В., Фрумин И.Д. Флагианские университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4. С. 22–29.
19. Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н., Некрылов С.А. The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972) // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 472–478.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1913 (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники). Оп. 1.

21. Радиоэлектроник : орган партийного бюро, комитета ВЛКСМ, профкома и ректората Томского института радиоэлектроники и электронной техники.
22. ТУСУР в цифрах и фактах (1962–2006 гг.): учеб. пособие / под ред. М.Т. Решетникова. Томск : ТУСУР, 2007. 85 с.

References

1. Krutogin, D.S. (2010) Istoriya elektroniki v Rossii. Chast' pervaya: Istoki [History of electronics in Russia. Part one: Origins]. *Materialy elektronnoy tekhniki*. 2. pp. 63–69.
2. Shokin, A.A. (2014) Elektronnaya promyshlennost' SSSR v 60–80-e gody XX veka [Electronic industry of the USSR in the 1960s–1980s]. *REDS: telekommunikatsionnye ustroystva i sistemy*. 4 (4). pp. 443–447.
3. Proleyko, V.M. (ed.) (2009) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 2. Moscow: Tekhnosfera.
4. Veselova, E.Sh. (2015) Rossiyskaya mikroelektronika: renessans ili reanimatsiya? [Russian microelectronics: renaissance or resuscitation?]. *EKO*. 4. pp. 36–49.
5. Proleyko, V.M. (ed.) (2009) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 1. Moscow: Tekhnosfera.
6. Proleyko, V.M. (ed.) (2009) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 3. Moscow: Tekhnosfera.
7. Proleyko, V.M. (ed.) (2011) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 4. Moscow: Tekhnosfera.
8. Proleyko, V.M. (ed.) (2013) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 5. Moscow: Tekhnosfera.
9. Proleyko, V.M. (ed.) (2014) *Ocherki istorii rossiyskoy elektroniki: periodicheskiy nauchno-tekhnicheskiy i istoricheskiy sbornik* [Essays on the history of Russian electronics: periodical scientific, technical and historical collection]. Vol. 6. Moscow: Tekhnosfera.
10. Simonov, N.S. (2013) *Nesostoyavshayasya informatsionnaya revolyutsiya. Usloviya i tendentsii razvitiya v SSSR elektronnoy promyshlennosti i sredstv massovoy kommunikatsii* [The failed information revolution. Conditions and trends in the development of the electronics industry and mass media in the USSR]. Part 1. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
11. Petrova, V.T. (ed.) (2002) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet sistem upravleniya i radioelektroniki. 1962–2002 gody: istoricheskiy ocherk* [Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 1962–2002: historical essay]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
12. Shurygin, Yu.A. (ed.) (2012) *50 let Tomskomu gosudarstvennomu universitetu sistem upravleniya i radioelektroniki* [50 years of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
13. Podlipenskiy, V.V. & Sharygin, G.S. (2017) *Professora Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki* [Professor of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
14. Sharygin, Yu.A. (ed.) (2009) *Kto est' kto v istorii TUSURa* [Who is who in the history of TUSUR]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
15. Chernysheva, N.N. (ed.) (2002) *Iz proshlogo – v budushchee: vospominaniya i razmyshleniya vypusnikov i veteranov universiteta* [From the past to the future: memories and reflections of graduates and veterans of the university]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
16. Garant. (2022) *On measures to further increase the training of specialists in radioelectronics and electronic engineering with higher and secondary specialized education: Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR No. 374 of April 21, 1962*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/58050384/> (Accessed: 07.04.2022). (In Russian).
17. Kuz'minov, Ya.I., Semenov, D.S. & Frumin, I.D. (2013) Struktura vuzovskoy seti: ot sovetskogo k rossiyskomu "master-planu" [The structure of the university network: from the Soviet to the Russian "master plan"]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 8–69.
18. Leshukov, O.V. & Frumin, I.D. (2017) Flaggmanskie universitety [Flagship universities]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 21 (4). pp. 22–29.
19. Fominykh, S.F., Sorokin, A.N. & Nekrylov, S.A. (2014) The History of Social and Public Forms of Science Management in the USSR (Tomsk Interuniversity Scientific Council in 1963–1972). *Bylye gody*. 33 (3). pp. 472–478.
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1913 *Tomskiy gosudarstvennyy universitet sistem upravleniya i radioelektroniki* [Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics]. List 1.
21. *Radioelektronik*: Body of the Party Bureau, Committee of the Komsomol, Trade Union Committee and Administration of Tomsk Institute of Radioelectronics and Electronic Engineering.
22. Reshetnikov, M.T. (ed.) (2007) *TUSUR v tsifrakh i faktakh (1962–2006 gg.): ucheb. posobie* [TUSUR in figures and facts (1962–2006): textbook]. Tomsk: TUSUR.

Информация об авторах:

Расколец В.В. – канд. ист. наук, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра “Истории и социальной работы” Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия); ассистент кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Костерев А.Г. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

Ким М.Ю. – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Raskolets, Cand. Sci. (History), junior researcher, History and Social Work REC of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation); assistant of the Department of History of Russia, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

A.G. Kosterev, Cand. Sci. (History), junior researcher, associate professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

M.Yu. Kim, Cand. Sci. (History), head of the Department of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maksim.i.kim@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2022;
одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.*

*The article was submitted 24.04.2022;
approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.*

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/480/19

Практики адаптивного поведения чиновников Переселенческого управления МВД в контексте экспедиционной повседневности конца XIX – начала XX в.

Михаил Константинович Чуркин^{1, 2}

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

² Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия
^{1, 2} proffchurkin@yandex.ru

Аннотация. На материалах воспоминаний А.А. Татищева раскрываются условия и содержание экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления. Мемуары служащего переселенческого ведомства позиционируются в исследовании как символическая лингвистическая структура, дешифровка которой позволяет реконструировать способы восприятия и интерпретации сообществом реальностей переселенческого процесса. Выявлены структуры повседневности чиновников учреждения как пространство формирования практик их адаптивного поведения и профессиональной идентичности.

Ключевые слова: экспедиционная повседневность, чиновники, Переселенческое управление МВД, практики адаптивного поведения, профессиональная идентичность

Для цитирования: Чуркин М.К. Практики адаптивного поведения чиновников Переселенческого управления МВД в контексте экспедиционной повседневности конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 162–168. doi: 10.17223/15617793/480/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/19

Practices of adaptive behavior of officials of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs in the context of expeditionary everyday life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

Mikhail K. Churkin^{1, 2}

¹ Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

² Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation
^{1, 2} proffchurkin@yandex.ru

Abstract. The article reconstructs the conditions and content of the expeditionary regulations of the employees of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs. The study is based on the memoirs of Aleksei Tatishchev, an employee of the Department. The author of the article argues that these memoirs can be viewed as a symbolic linguistic structure, whose decoding makes it possible to recreate the way the local community perceived and interpreted the realities of the resettlement process. The aim of the work is to identify the structures of the daily life of officials of the institution as a space for the formation of practices of their adaptive behavior and professional identity. To reach the aim, the author employs the research experience of the “history of everyday life” and new research approaches and directions (“new imperial history”, “new cultural and intellectual history”), which opens up prospects for the discovery of new meanings and going beyond the narrow framework of “legislation-office-work-implementation” when discussing a wide range of issues of “internal” colonization of Russia during the imperial period. In the course of the study, the author identified the sphere of the public everyday life of the Department’s employees where the practices of their adaptation to the outside world were implemented. He has established that comprehending the pointless life of government officials involved in the solving of important problems of empire building opens up prospects for a further study of everyday practices of the Russian bureaucracy. The author shows that within the limits of the expeditionary everyday life of the bureaucracy of the Resettlement Department, an important property of the noble-bureaucratic ethos was reproduced: the awareness of the enduring importance of service and responsibility to the state. This feature, reflected in the recollections of employees of the Resettlement Department about the practices of everyday behavior during the periods of expeditions, served as a basic characteristic of the officials’ socio-cultural identity, ensuring high productivity of resettlement activities in the east of the country in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: expeditional everyday life, officials, Resettlement Department, practices of adaptive behavior, professional identity

For citation: Churkin, M.K. (2022) Practices of adaptive behavior of officials of the Resettlement Department of the Ministry of Internal Affairs in the context of expeditionary everyday life at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 162–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/19

Н.Л. Пушкарева, определяя предметную область «истории повседневности», характеризует данное направление как сферу человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [1]. Современные исследователи, принимающие такой вариант интерпретации, повседневное формулируют как привычное, упорядоченное, близкое, фиксируя в качестве основных функций повседневности сохранение, выживание и воспроизводство человека и общества.

В настоящей работе, в теоретико-методологическом плане, весьма важным будет являться признание того факта, что в изучении истории повседневности приоритетное внимание должно уделяться рефлексии символических систем, прежде всего лингвистических структур, посредством которых люди прошлого воспринимали, познавали и интерпретировали окружающую их действительность. Расшифровка текстов, таким образом, может предоставить более релевантную картину примет времени и историко-культурных форм жизни «обыденного порядка», в которой повседневные события выступают как отражение субъективной ориентации людей, их социокультурной идентичности. В результате в «оптике» исследователя сюжетов повседневности оказываются именно те профанные явления, работа с которыми открывает видимые перспективы реконструкции структур повседневности индивидов, социальных групп или локальных сообществ, выявления стратегий и практик адаптивного поведения субъектов исторического процесса.

Необходимо отметить, что тема повседневной жизни сословно-профессиональных групп, в частности чиновничества России имперского периода, только в последние годы стала попадать в поле зрения исследователей, что во многом оказалось обусловленным ситуацией «антропологического поворота», повлекшего за собой изменения в исследовательской «оптике», неизбежный «дрейф» от изучения событий к изучению состояний, расширение источниковой базы и переформатирование подходов к выбору, анализу и интерпретации источников, отражающих культурные смыслы эпохи.

Существенным является и то, что обращение к новым исследовательским подходам и направлениям («новая имперская история», «новая культурно-интеллектуальная история») в осмыслении таких, казалось бы, полностью освоенных и исчерпанных тем, как история переселений, открывает перспективы перепрочтения и обнаружения новых смыслов, а также выхода за границы узких рамок «законодательство–делопроизводство–реализация» в обсуждении широкого круга вопросов «внутренней» колонизации России периода империи.

В этой связи особую актуальность представляет вскрытие обстоятельств экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления, выполнявших на рубеже XIX–XX вв. важные функции «обслуживания» переселенческого процесса, ставшего знаковым явлением экономической, социально-политической и социокультурной жизни Российской империи.

Деятельность Переселенческого управления (1896–1917 гг.), функционировавшего первоначально при земском отделе МВД, а с 1905 г. под эгидой Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), имеет весьма обширную историографию в контексте осмысления исторического опыта организации народных миграций во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи разных периодов, независимо от господствовавших идеологических конвенций и установок, констатировали, что в этом учреждении на рубеже столетий были сосредоточены основные усилия и средства по освоению окраин, функции организационного и финансового характера, упорядочения переселенческого движения и обеспечения благоприятных условий для водворения и обустройства мигрантов на новых местах [2–4].

Вместе с тем в оценке значения данного учреждения как инструмента формирования имперских стратегий и практик колонизации долгое время доминировал акцент на технократических характеристиках его работы, а чиновники Переселенческого управления позиционировались в качестве системных исполнителей и проводников государственной политики в сферах решений аграрного и переселенческого вопросов. Однако в современной постановке проблемы о назначении и характере деятельности Переселенческого управления исследователи вполне справедливо указывают, что это ведомство по своей организации и целям было максимально приближено к европейскому образцу Министерства колоний. В. Сандерленд лаконично охарактеризовал представления имперских экспертов конца XIX столетия о статусе окраин в составе России, которые, по сути, определяли содержание работы учреждения: «Миграция означала заселение, а заселение – колонизацию в самом полном смысле этого слова, так что управление очень быстро стало государством в государстве для колонистов и переселенческих районов» [5. С. 129]. Таким образом, становится очевидным, что простого описания и анализа делопроизводственных элементов функционирования аппарата государственных чиновников в решении задач, связанных с миграционными процессами аграрного характера, явно недостаточно для реконструкции всех обстоятельств «переселенческого дела» в России в конце XIX – начале XX в., в числе которых: формирование института колониальных экспертов, дискурс власти и общества по

вопросам колонизации и переселения, выстраивание системных практик управления переселенческим процессом в контексте задач «внутренней» колонизации».

Перед исследователем встает сложная задача воссоздания пространства частной жизни непосредственных участников «переселенческого дела» как акторов исторического процесса и встраивания ее значимых эпизодов в социокультурный контекст эпохи. Это невозможно без обращения к автобиографическим текстам, отражающим беспрецедентно личное, наиболее рельефно проявляющееся в условиях повседневной жизни как явления повторяющегося, нормального, привычного, конструирующего стиль, стратегии и практики поведения человека и социальных групп.

В качестве источника, открывающего возможности совершения обозначенных выше операций, использованы воспоминания имперского чиновника А.А. Татищева, основные вехи профессиональной биографии которого были связаны со службой в Переселенческом управлении МВД. А.А. Татищев, двигаясь по карьерной лестнице, прошел путь от помощника делопроизводителя (1906 г.) до помощника начальника Переселенческого управления (1914–1917 гг.), был свидетелем организации переселенческих мероприятий в Амурском, Приморском районах, Туркестане, Степном крае и на Кавказе, неоднократно выезжал в служебные командировки, находясь, по его собственному определению, в гуще переселенческого дела [6].

Выскажем предположение, что обращение к мемуарно-автобиографическому контенту позволит выйти за пределы механистического понимания истории российского колонизационного процесса и переселенческих практик, актуализировать посредством реконструкции повседневности акторов переселенческого дела беспрецедентно личное, что в дальнейшем будет способствовать утверждению и продвижению антропологического подхода в рефлексии важных сюжетов отечественной истории.

Опираясь на положение Ф. Броделя о существовании в любом обществе двух уровней структур (структуры жизни материальной (предметной) и жизни нематериальной (непредметной) [7]), при работе с воспоминаниями А.А. Татищева нами делается акцент на детальной проработке именно сферы непредметной, не затрагивающей область принятия ответственных государственных решений, а охватывающей каждодневные практики человека, определяемой в качестве структуры повседневности.

Включившись в деятельность правительственного учреждения в 1906 г., А.А. Татищев, выполняя функции государственного чиновника, в том числе участвуя в экспедиционной работе, волею обстоятельств регулярно оказывался в обстановке неформальных контактов и ситуаций, имеющих косвенное отношение к исполнению им профессиональных обязанностей и формирующих представление о повседневном быте, а также стандартах обыденной коммуникации

локального сообщества служащих Переселенческого управления.

Вспоминая о своем первом экспедиционном опыте – сопровождении начальника Переселенческого управления Г.В. Глинка в служебной поездке в Сибирь и степные области, А.А. Татищев особое внимание уделяет непредметной обстановке, сопровождавшей начало его служебной карьеры. При этом репрезентации автором мемуаров чиновничьей повседневности конструируют живой, человеческий образ окружающих его персонажей, зачастую игнорируемый в тематических исследованиях. Характерно, например, что в описании топографических характеристик ведомства, первого контакта с его служащими, модели общения начальников с подчиненными, Татищев делает акцент на обыденности и «легкости» восприятия коммуникативной ситуации, в которой оказался тогда еще совсем молодой человек: «Переселенческое управление помещалось тогда на Морской, 36, в небольшой квартире частного дома...»; «Встретили меня очень ласково»; «Глинка должен был ехать в большую служебную поездку в Сибирь. В такие поездки начальники... брали с собой кого-либо из младших служащих»; «...Глинке пришла в голову счастливая для меня мысль взять с собой в путешествие меня» [6. С. 34]. В дальнейшем, описывая акт путешествия из Петербурга в Сибирь и Степной край, А.А. Татищев сознательно выделяет сюжеты профанного характера, усиливающие эффект позитивного восприятия своей коммуникативной среды, что позволяет существенно скорректировать представления об облике, стиле жизни и поведенческих практиках российского чиновничества. Конструируя образ своего непосредственного начальника и попутчика в служебной командировке, Татищев особо подчеркивает «нормальное» в его манере и стиле поведения, что позволяет зафиксировать чиновника-человека, а не чиновника-функцию: «...перед поездкой Глинка собирался заехать в свое смоленское имение...»; «Глинку я застал в мрачном настроении» [6. С. 35]. Важное значение в моделировании позитивного образа чиновника у А.А. Татищева выполняет воссоздаваемый им повседневный фон путешествия: описание «сибирского» поезда, фиксация скорости движения, станций с переселенческими пунктами, природного колорита местности, вокзальной торговли и стоимости товаров и т.д. [6. С. 35]. Заданный мемуаристом контекст повседневности путешествия позволил автору вписать в эту неформальную атмосферу и своего паттерна – крупного правительственного чиновника Г.В. Глинка, с которым А.А. Татищев «успел забежать на переселенческий пункт и познакомиться с заведующей, типичной представительницей старого переселенческого чиновничества, идеалиста-народника, работающего не считая часов за скудное вознаграждение и не мечтающего ни о какой карьере» [6. С. 35]; «ехали... в маленьком вагоне, но товарно-пассажирским поездом вместе с переселенцами, с которыми Глинка и провел все время в дороге, переходя на станциях из вагона в вагон» [6. С. 36].

В аспекте реализации экспедиционерами производственных задач, спектр непредметного, обыденного, представленный в мемуарах А.А. Татищева, также является значимым, поскольку воспроизводит не только действия служащих, как правило детально фиксируемых в материалах официального делопроизводства, но и их мысли, рассуждения, эмоциональные реакции. В этом случае мемуарист также прибегает к апробированному приему фонового описания, в то же время подготавливая читателя к восприятию главного: «Был чудный день раннего лета. Свежий ветерок умерял жару. Дорога шла степью, и ехали быстро. Кругом ковыль – признак, что земля никогда не видела плуга... Хохол на облучке и Глинка в тарантасе – все восторгались земельным простором» [6. С. 38]. В эту идиллию автор постепенно вплетает проникновенный эпизод из личной биографии Г.В. Глинки, обстоятельствами которой начальник поделился с подчиненным: «Глинка в молодости хозяйничал в Черниговской губернии и сохранил с тех пор нежную любовь к земле. Впоследствии ему пришлось по службе много ездить по России, и, как он мне сказал раз: “Знаете А.А., там, кто где был предводителем дворянства, совсем не помню, а вот какая где земля, это запоминаю твердо и никогда не забываю”» [6. С. 38]. Далее, описывая неформальное общение Глинки с переселенцами, А.А. Татищев, вспоминая свой разговор с начальником, резюмирует: «Глинка по природе как-то всегда более доверял мужику, чем чиновнику» [6. С. 37].

В контексте исследования экспедиционной повседневности чиновников Переселенческого управления актуальным представляется вопрос, связанный с принятием решений об участии в экспедициях, поскольку обращение к данной проблеме адресует исследователя к малоосвоенным эпизодам частной жизни служащих ведомства в межэкспедиционный период. В результате – в эпицентре исследовательской «оптики» работающего с мемуарно-автобиографическим материалом чиновников Переселенческого управления оказываются сюжеты их жизни и быта в условиях стационарных фаз: бюрократической работы в Петербургских «офисах» учреждения и условных «вакаций» в производственном цикле. Так, А.А. Татищев, предваряя повествование об очередном участии в экспедиции по обследованию незаселенных пространств Азиатской России (Амурская область), часть воспоминаний посвятил описанию своей городской (петербургской) повседневности, особо подчеркнув изъяны светского образа жизни. Так жил волею обстоятельств в столичном городе среднестатистический чиновник, принадлежавший к его поколению. Татищев отмечал в мемуарах запредельную степень интенсивности ординарных событий, располагавшихся вне сферы профессиональной деятельности: поездку в родовое имение и встречу там Рождества, «выезды», танцевальные вечера и беспрерывные общения с дамами, вечерние игры на квартирах, песни под гитару, ужины, изнурительные флирты и серьезные любовные увлечения [6. С. 51–53]. Татищев с горечью писал: «Все это разрешилось на масленице каким-то

паратифом, уложившим меня в постель и, несмотря на кратковременность, страшно меня ослабившим, так что я уехал в Беляницы отдыхать» [6. С. 53]. В итоге чиновник пришел к единственно верному, с его точки зрения, выводу: «...Во мне сложилось твердое намерение переменить обстановку и на время уехать из Петербурга» [6. С. 53].

Показательно, что, принимая решение об участии в экспедиции, чиновник Переселенческого управления обсуждал его с коллегами, в том числе и с теми, кто располагался выше в бюрократической иерархии, в обстоятельствах неслужебного, частного характера. А.А. Татищев в частных беседах с А.В. Успенским, П.Н. Яхонтовым, Г.В. Глинкой в конечном счете склонился к поездке на Амур и получил по этому поводу следующее, столь же неслужебного характера, напутствие: «Знаете, Алексей Алексеевич, поезжайте просто, не мудрствуя лукаво, и посмотрите, действительно ли там сплошь одно болото или нет. И возвращайтесь честно рассказать, что там увидите» [6. С. 55].

Живая и непосредственная внутрислужебная коммуникация и ее демократичный формат задавали алгоритм и являлись эмоциональным фоном экспедиционного процесса. Совершенно не случайно, что память мемуариста (А.А. Татищева) выстраивается именно вокруг непредметной сферы служебной деятельности, как бы раздваиваясь между перечислением и характеристикой попутчиков-коллег (Н.П. Рахманов, Д.Е. Розалион-Сошальский, Р.Р. Голике), безымянных пунктовых чиновников (Челябинск), сибирских представителей переселенческого ведомства (С.В. Резниченко, С.П. Каффка, С.П. Шликевич) и описанием путевых условий, впечатлений от природы, местной городской жизни и населения Амура [6. С. 56–60].

Включенность чиновников переселенческого ведомства в экспедиционную повседневность непроизвольно активировала выбор ими адекватных обстоятельствам службы практик адаптивного поведения, что предстает как проявление различных горизонтов идентичности группы: сословной, социокультурной, профессиональной.

Опираясь на материалы воспоминаний А.А. Татищева, следует отметить, с одной стороны, уникальность, с другой – универсальность биографической ситуации людей, включенных в профессиональное сообщество, что связано с обстоятельствами рождения, воспитания, образования, социального окружения и, как следствие, задает рамки социокультурной идентичности и общий вектор понимания внешнего мира.

Выбор практик адаптивного поведения в условиях реализации проектов переселенческого дела являлся неотъемлемой частью повседневности чиновников, активно включенных в процесс производственных отношений, выполняющих важные стабилизирующие функции в организации переселений и их имперском регулировании.

Основываясь на воспоминаниях А.А. Татищева, можно предположить, что базовая практика поведения служащих Переселенческого управления, которая реализовывалась в повседневных условиях и определяла высокий средовой адаптивный потенциал сообщ-

щества, являлась производной этоса чиновничества, как системы нравственных ценностей, генерируемых условиями воспитания и образования российского дворянства. А.А. Татищев, детство и отрочество которого прошло в условиях «дворянского гнезда» конца XIX – начала XX в., в своих воспоминаниях детализованно описывает усадьбную повседневность, включая взаимоотношения детей со взрослыми, организацию домашнего образования и сложной системы коммуникативных контактов семейного быта.

Мир детства А.А. Татищева, отец которого занимал пост уездного предводителя дворянства, став впоследствии екатеринославским вице-губернатором и далее – губернатором Полтавы, в коммуникативном отношении был весьма разнообразным. Основные воспитательные функции выполнял гувернер-швейцарец, который, по воспоминаниям Татищева, развил его физические и умственные способности [6. С. 13]. Высокий статус отца предполагал тесное и часто неформальное общение с сослуживцами, к которому оказывались причастны все члены семьи: «Большим событием для нас бывали царские дни... когда чиновничий мир в Полтаве, во главе с архиереем, начальником дивизии и вице-губернатором... собирался у нас на парадный завтрак» [6. С. 14]. Тем не менее самые яркие воспоминания о детстве А.А. Татищева связывались с жизнью в поместьях (Бежецкий, Полтавский уезды), куда семья регулярно возвращалась, проводя там летний и частично осенний сезоны года. К «усадьбному» периоду биографии А.А. Татищева относятся его первые опыты взаимоотношений с народом и знакомство с организацией помещичьего хозяйства. А.А. Татищевым в воспоминаниях представлена галерея персонажей из народных низов: от безымянных «скотниц» (мойщиц полов в усадьбе) до камердинера Василия Евграфовича. Мемуарист неизменно подчеркивал свое почтительное отношение к ним, что являлось характерным признаком дворянского этоса пореформенного времени: «их работа далеко не из легких», «честности был абсолютной», «много ездил, бывал за границей, и я всегда с интересом слушал его рассказы про старину» [6. С. 21–22]. Факт принадлежности А.А. Татищева в юношеские годы к лицейскому сообществу также является весьма информативным в контексте выбора практик адаптивного поведения в условиях будущей профессиональной повседневности. Специфика лицейской образовательной системы, помимо ориентации на подготовку кадров для государственной службы, заключалась в цельности программ обучения периодов средней и высшей школы, их гуманитарно-юридической направленности, а также в обеспечении образовательного процесса высококвалифицированными преподавателями. Немаловажное значение в формировании особой атмосферы Александровского лицея имело стремление администрации к сохранению традиций, заложенных в первой половине XIX столетия, к числу которых относилось крайне негативное отношение к любым видам радикализма и революционной деятельности. Татищев, повествуя в мемуарах о заключительном акте торжеств по поводу окончания лицея, включав-

шем представление лицеистов Государю, сообщает, что данное действие являлось новшеством, но рассматривалось как необходимое мероприятие с целью публично продемонстрировать выпускников высшего учебного заведения, прошедших через смуту Первой русской революции без перерыва в занятиях [6. С. 32].

Существенным является и то, что идентичность переселенческого чиновничества в исследуемый период формировалась под влиянием социал-дарвинистских идей XIX в., ставших питательной средой для переселенческого дела. Имперские программы крестьянских переселений, реализуемые в контексте задач по решению аграрного вопроса в России, конструировались в поле эволюционистских и ориенталистских теорий, во многом являясь продуктом общественно-политической атмосферы второй половины XIX в., когда в фазу зрелости и интеллектуальной активности вступило поколение пореформенного времени. В этот период значимо изменились ценностные ориентации образованной части российского социума, центральное место в которых занимали представления о власти и народе. Если в начале XIX в. именно власть позиционировала себя в качестве главного «европейца», выступавшего паттерном по отношению ко всем общественным группам, то во второй половине столетия эти функции присвоила себе интеллигенция, видевшая свою основную задачу в осуществлении самовластного культуртрегерства. В 1880-х гг. на смену неудавшемуся опыту «хождения» в народ пришла «теория малых дел», ставшая деполизированным вариантом культуртрегерской деятельности, направленной на поддержку народных низов в новых экономических условиях пореформенной России. В 1890-х гг. мессианское подвижничество интеллигенции, как эманация чувства вины и «неоплатного долга» перед народом, являлось неотъемлемым социокультурным фоном при решении текущих общегосударственных задач, к числу которых относился широкий спектр вопросов переселенческого движения, требующих от нового чиновничества активных контактов с народными низами, в том числе и внедрения в повседневные отношения населения.

В практиках адаптивного поведения чиновников в условиях экспедиционной повседневности воспроизводился и такой элемент дворянского этоса, как осознание сообществом важности честной и беззаветной службы, ответственности перед государством. Опираясь на фрагменты воспоминания А.А. Татищева о периоде личностного становления в лицейские и университетские годы, происходившего в условиях экономической, политической, культурной модернизации второй половины XIX в., можно с достаточной долей уверенности говорить о справедливости выводов исследователей, считающих, что российское дворянство в новых обстоятельствах жизни имело широкий выбор для устройства своей профессиональной карьеры. Разрыв с традиционным дворянско-землевладельческим укладом и образом жизни вытеснял представителей первого сословия в города, втягивал в сферу свободных профессий, вовлекал в общественно-политическую деятельность, в том числе леворадикального толка. Вместе с тем, по заклю-

чению С. Беккера, за четыре десятилетия с начала эпохи Великих реформ примерно 50% дворян-землевладельцев связывали себя с государственной службой, и, несмотря на падение удельного веса дворян среди государственных чиновников по сравнению с началом 1860-х гг., дворяне не отказались от своей исторической роли – служения государству [8. С. 188].

В исследуемый период в Российской империи происходило становление новых хозяйственных отраслей, бурно развивались рыночные отношения, соответственно задачи государственного управления усложнялись, возрастала потребность в высокопрофессиональных чиновничьих кадрах. С точки зрения имперских властей, дворянство являлось основным источником мобилизации высшей и средней бюрократии, и не только в качестве сервильных носителей идеи беззаветного государственного служения, но и как категория лиц, обладающих высоким образовательным уровнем, который позволял принимать нестандартные и эффективные меры при решении важнейших хозяйственно-экономических и политических задач.

На страницах мемуаров А.А. Татищева весьма рельефно отражена значимость для новой генерации чиновничества мотива государственной службы, зафиксированного в стационарной и экспедиционной повседневности служащих Переселенческого управления. Автор, комментируя первые месяцы своей служебной карьеры, писал о готовности и способности принимать ответственные решения, несмотря на несовершеннолетний (20 лет) возраст: «...Совершая какой-то акт у нотариуса, я подписывался так: “несовершеннолетний титулярный советник”, а внизу Мама писала: “на выдачу этой доверенности несовершеннолетним сыном моим согласна”» [6. С. 43–44]. Мотив беззаветной службы определял и практики повседневного поведения в сложных условиях экспедиционных реалий. А.А. Татищев, описывая процесс перемещения к месту выполнения экспедиционных задач, неоднократно упоминает о трудностях, с которыми ему приходилось сталкиваться, и принятии решений практического характера, позволявших до конца исполнить возложенную на него миссию. Так, занимаясь в 1908 г. подготовкой к нарезке переселенческих участков в Приамурье, Татищеву пришлось практически в одиночку (с проводником), в течение двух дней двигаться к намеченной цели, исправляя ошибки не знающего местности сопровождающего, ночуя в лесу, но все-таки выйти к искомому поселку [6. С. 66]. Мемуарист писал, что, двигаясь по почтовым трактам, ему приходилось регулярно сталкиваться с огромными трудностями (отсутствием годных лошадей, раз-

мытыми дорогами и т.д.), но всегда, так или иначе, добираться до нужной ему местности, прибегая к различным средствам: «часто за на чай» ямщикам [6. С. 66]. Более того, выполнение служебного долга для чиновника-дворянина являлось делом чести, что не только отвлекало от ситуации повседневного бытового дискомфорта, но и настраивало на принятие самостоятельных решений, не входящих в круг обязанностей экспедиционера. Так, в период путешествия А.А. Татищева по Приамурью закончился срок его командировки и пришлось время возвращаться в Петербург. Тем не менее он посчитал нужным продолжить движение и ехать за собственный счет в направлении Хабаровска и Владивостока [6. С. 70], получив при этом разрешение и поддержку руководства.

Подводя общие итоги, отметим, что обращение к мемуарному дискурсу чиновников Переселенческого управления, в частности к воспоминаниям А.А. Татищева, позволяет вычленивать событийную область публичной повседневной жизни служащих учреждения, частные события, в пространстве которых реализуются практики их адаптации к внешнему миру.

Пласт непредметной жизни государственных чиновников, включенных в процесс решения важных задач империостроительства на востоке страны, открывает широкие перспективы осмысления повседневных практик российской бюрократии за пределами традиционных исследовательских приемов, ориентированных исключительно на делопроизводственные характеристики функционирования имперского чиновничества.

Подвижность служащих Переселенческого управления, чувство долга по отношению к народу, реализуемое посредством повседневных практик адаптивного поведения чиновников ведомства, усиливали эффективность действий представителей империи на колонизируемых окраинах, способствовали росту престижа Российского государства в зауральских областях.

В параметрах экспедиционной повседневности чиновничества переселенческого ведомства воспроизводилось и такое свойство дворянско-чиновничьего этоса, как осознание непреходящей значимости службы и ответственности перед государством. Данная черта, репрезентируемая в воспоминаниях служащих Переселенческого управления о практиках повседневного поведения в периоды экспедиций, являлась базовой чертой социокультурной идентичности общества, обеспечивая высокую продуктивность переселенческих мероприятий на восточных окраинах во второй половине XIX – начале XX в.

Список источников

1. Пушкарёва Н.Л. История повседневности как направление исторических исследований // Перспективы. Фонд исторической памяти. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.
3. Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: НГУ, 1984. 318 с.
4. Белянин Д.Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 4 (44). С. 16–22.
5. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.
6. Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.

7. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. : в 3 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 621 с.
8. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.

References

1. Pushkareva, N.L. (2020) *Istoriya povsednevnosti kak napravlenie istoricheskikh issledovaniy* [The history of everyday life as a direction of historical research]. [Online] Available from: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (Accessed: 12.10.2020).
2. Lyubavskiy, M.K. (1996) *Obzor istorii russkoy kolonizatsii s drevneyshikh vremen i do XX veka* [Review of the history of Russian colonization from ancient times to the twentieth century]. Moscow: Moscow State University.
3. Goryushkin, L.M. & Minenko, N.A. (1984) *Istoriografiya Sibiri dooktyabr'skogo perioda (konets XVI – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia in the pre-October period (late 16th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: NSU.
4. Belyanin, D.N. (2010) Organizatsiya krest'yanskikh pereseleniy na kazennye zemli Sibiri v XIX – nachale XX v. [Organization of peasant migrations to the state lands of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (44). pp. 16–22.
5. Sunderlend, W. (2010) Ministerstvo Aziatskoy Rossii: nikogda ne sushchestvovalsya, no imevsya dlya etogo vse shansy kolonial'noye vedomstvo [The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been]. Translated from English. In: *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917): sb. st.* [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 105–150.
6. Tatishchev, A.A. (2001) *Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people. In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. Moscow: Russkiy put'.
7. Braudel, F. (1986) Структуры повседневности: Возможное и невозможное [The structures of everyday life: The limits of the possible]. Translated from English. In: *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII v.: v 3 t.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress.
8. Bekker, S. (2004) *Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy* [The myth of the Russian nobility: The nobility and privileges of the last period of Imperial Russia] Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе:

Чуркин М.К. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия); ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.K. Churkin, Dr. Sci. (History), professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation); leading researcher, Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.10.2021;
одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 13.10.2021;
approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 94(470+571) «1918/1919»
doi: 10.17223/15617793/480/20

Интервью премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского как исторический источник (30 июня 1918 – 22 ноября 1919 г.)

*Дарья Леонидовна Шереметьева*¹

¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, dalas83@yandex.ru*

Аннотация. В прессе востока России выявлен комплекс интервью председателя Совета министров Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства П.В. Вологодского, изучены обстоятельства их публикации и основное содержание. Установлено, что он лично взаимодействовал с влиятельными общественно-политическими изданиями широкого идейно-политического спектра – от эсеров до правых кадетов. В режиме открытого диалога он отвечал оппонентам и пользовался поддержкой сторонников.

Ключевые слова: П.В. Вологодский, Совет министров, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, периодическая печать, интервью, Гражданская война

Для цитирования: Шереметьева Д.Л. Интервью премьер-министра антибольшевистских правительств П.В. Вологодского как исторический источник (30 июня 1918 – 22 ноября 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 169–179. doi: 10.17223/15617793/480/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/20

Interviews with Pyotr Vologodsky, prime minister of the anti-Bolshevik governments, as a historical source (30 June 1918 – 22 November 1919)

*Daria L. Sheremeteva*¹

¹ *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, dalas83@yandex.ru*

Abstract. The key political figure in the East of Russia during the Civil War was Pyotr Vasilyevich Vologodsky (1863–1925), the chairman of the Council of Ministers of the Provisional Siberian Government, then the Provisional All-Russian Government and the Russian Government. He left an abundance of sources of information, diverse in form and content, about his activities as the prime minister. Among them, a special place is occupied by interviews published in numerous and diverse periodicals of that time. A study of the periodical press published on the territory controlled by the Provisional Siberian Government, the Provisional All-Russian Government and the Russian Government of Admiral Kolchak revealed a complex of interviews with Prime Minister Vologodsky. The author examined the circumstances of their publication and analyzed the subject matter and the main content of the texts. During the eighteen months in the position of the Chairman of the Council of Ministers, from 30 June 1918 to 22 November 1919, Vologodsky gave detailed political interviews to the Russian-language press at least 13 times and had at least five conversations with foreign correspondents. In addition, three political documents drawn up in the government and sanctioned by the Prime Minister were published in the form of an “interview with Pyotr Vologodsky”, as well as a series of socio-political articles by Andrei Adrianov. The author has established that the prime minister, mainly personally, without intermediaries, interacted with major influential socio-political periodicals that represented a wide ideological and political spectrum of the counter-revolution – from Social Revolutionaries to right-wing Cadets. At the same time, Vologodsky communicated more frequently and meaningfully with the editor of *Sibirskaya zhizn'* [Siberian Life] and the staff of *Zarya* [Dawn], who represented the so-called political “center” of the counter-revolution in Eastern Russia and personally supported the prime minister. Vologodsky gave key interviews in difficult political conditions, experiencing real or imaginary threats of resignation and the collapse of the Council of Ministers. In the mode of impulsive dialogue, he “responded” to the challenges of political opponents and “requested” the support of his proponents. Most of Vologodsky’s interviews should be viewed primarily as a struggle for preserving the power of the Council of Ministers. In this context, publications in the press represent a complex of informative sources about the activities of the head of the anti-Bolshevik governments, including his opinions, political assessments and emotions relevant to that time, the level of understanding the situation, communication style and ways of using information.

Keywords: Pyotr Vologodsky, Council of Ministers, Provisional Siberian Government, Provisional All-Russian Government, Russian Government, Civil War, periodicals, interviews

For citation: Sheremeteva, D.L. (2022) Interviews with Pyotr Vologodsky, prime minister of the anti-Bolshevik governments, as a historical source (30 June 1918 – 22 November 1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 169–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/20

Ключевой политической фигурой на востоке России на протяжении Гражданской войны был председатель Совета министров Временного Сибирского правительства, затем Временного Всероссийского правительства и Российского правительства Петр Васильевич Вологодский (1863–1925). Он оставил изобилие разнообразных по форме и содержанию источников о своей деятельности на посту премьер-министра. Среди них особое место занимают интервью, опубликованные в многочисленной и разнообразной периодической печати того времени. Именно к этому газетному жанру, чаще именуемому «беседа», предпочитал обращаться П.В. Вологодский. Около десятка «бесед» премьер-министра уже введены в научный оборот в качестве достоверных источников, содержащих уникальные факты и оценки событий [1; 2. С. 301–303; 3. С. 94–95].

Задачи данного исследования ограничиваются выявлением всего комплекса интервью П.В. Вологодского за время его премьерства, изучением обстоятельств их публикации, анализом основного содержания и определением решаемых с помощью данных текстов задач. Можно надеяться, что это будет способствовать глубокому изучению политических процессов в лагере контрреволюции и объективной характеристике политической роли Петра Васильевича, менявшейся под влиянием стремительно развивавшихся событий Гражданской войны.

Основные вехи биографии П.В. Вологодского известны достаточно подробно [1, 4–9]. Он был коренным сибиряком, имел высшее юридическое образование, на протяжении жизни получил опыт государственной службы, затем работал в судебной системе и, наконец, самореализовался на поприще частной юридической практики. Много внимания Петр Васильевич уделял общественно-политической деятельности. В начале революции 1905 г. он был близок к эсерам, затем избирался депутатом Государственной думы второго созыва от прогрессистов города Томска, в дальнейшем являлся беспартийным сибирским областником. Периодическую печать П.В. Вологодский всегда считал важной составляющей жизни общества и даже сам периодически работал корреспондентом, публицистом и редактором ряда повременных изданий. Поэтому он хорошо знал прессу изнутри и имел связи с известными и авторитетными журналистами в Сибири.

Полномасштабная Гражданская война, начавшаяся в конце мая 1918 г., застала П.В. Вологодского на скромной должности редактора омского кооперативного журнала. Тем не менее как избранник Сибирской областной думы и фигура, обладавшая известностью и пользовавшаяся уважением в различных обще-

ственно-политических кругах, он был выдвинут на ведущую роль в антибольшевистском движении. Вступление П.В. Вологодского в должность председателя Совета министров Временного Сибирского правительства 30 июня 1918 г. вызвало позитивную реакцию в обществе [1. С. 152].

Первые два месяца работы Временного Сибирского правительства, когда на подконтрольной ему территории антибольшевистские силы сохраняли консенсус, Петр Васильевич публично выступал только с устными речами от имени правительства.

Первые интервью П.В. Вологодского в печати появились в условиях политического кризиса. В сентябре 1918 г. внутрисполитическая борьба в лагере контрреволюции между эсерами, либерально-центристскими кругами и военными, начавшаяся еще в период их подпольного существования, достигла наивысшего накала [10]. Вскоре после первого раунда политической конфликта, закончившегося 5 сентября увольнением управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства и командующего Сибирской армией генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, Петр Васильевич уехал из эпицентра событий, разворачивавшихся в Омске, Томске и Уфе, на Дальний Восток с запланированной ранее дипломатической миссией.

По пути из Омска 10 сентября 1918 г. П.В. Вологодский сделал большую остановку в Красноярске. Там находился подавший в отставку министр внутренних дел, беспартийный областник В.М. Крутовский. Петр Васильевич уговорил его вернуться в «столицу» и занять пост заместителя председателя Совета министров для обеспечения устойчивости действовавшей власти на время отсутствия самого председателя. В свою очередь, В.М. Крутовский спровоцировал или по крайней мере способствовал выступлению П.В. Вологодского в прессе с объяснением политической ситуации. Такое выступление явно назрело. Правительство лихорадило, а сам премьер-министр подвергался открытым нападкам в прессе. С одной стороны, «правая» печать заочно отправляла «переутомившегося» председателя Совета министров на «заслуженный отдых» [3. С. 85; 11]. С другой стороны, «левая» пресса писала о необходимости пересмотра персонального состава Временного Сибирского правительства [12].

В тот же день П.В. Вологодский дал интервью сотруднику официальной газеты Енисейского губернского комиссариата «Воля Сибири» [13. С. 84]. Это издание являлось, по существу, большой общественно-политической проэсеровской газетой. Редактором был соратник В.М. Крутовского, профессиональный историк и публицист, сочувствовавший сибирским областникам, А.М. Гневушев. Интервью председателя Совета министров было опубликовано анонимно

13 сентября 1918 г. под заголовком «Беседа с П.В. Вологодским». Оно помещалось на месте передовой статьи, было набрано крупным шрифтом и занимало почти половину газетной полосы большого формата. Текст был составлен от лица журналиста, содержал многочисленные отсылки к имени интервьюируемого, громоздкие лексические конструкции, неточности в словоупотреблении, ошибки в написании фамилий и инициалов военных. Работа журналиста была низкого качества, изобиловала огрехами конспектирования устной речи. Отсутствие режиссуры и редактирования дает основания рассматривать этот текст как наиболее приближенный к живой речи, манере поведения и политическому стилю Петра Васильевича.

В «Беседе» были освещены четыре сюжета: увольнение генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова, задачи делегации Временного Сибирского правительства на Государственном совещании в Уфе, план работы сентябрьской сессии Сибирской областной думы и, наконец, поездка П.В. Вологодского на Дальний Восток. На тот момент это были животрепещущие политические темы.

В интервью П.В. Вологодский утверждал, что поводом для отстранения А.Н. Гришина-Алмазова с высших военных постов были резкие суждения генерала по отношению к союзникам на «банкете с вином». Кроме этого обстоятельства, премьер-министр сообщил, что существовали причины более глубокого характера, обсуждать которые в открытой печати он счел «неудобным». При этом Петр Васильевич все-таки описал самый болезненный лично для него момент в этой истории. После состоявшегося решения Совета министров об увольнении он предложил генералу самому подать заявление об отставке и выбрать род деятельности. Однако А.Н. Гришин-Алмазов отказался. Видимо, этот отказ должен был иллюстрировать конфликтное поведение генерала и твердость правительственной власти. В общем, слова премьер-министра звучали уклончиво, малоубедительно и демонстрировали значимость роли иностранных союзников во внутренней политике.

По поводу Уфимского государственного совещания П.В. Вологодский рассказал о причинах задержки прибытия сибирской делегации в Уфу, только затем о ее составе и своем разговоре по прямому проводу с Н.Д. Авксентьевым с просьбой не начинать деловую часть совещания. Наконец, премьер-министр озвучил уже известный пункт декларации Совета министров об организации всероссийской власти в форме директории, ответственной перед будущим Учредительным собранием, и задачами назвал «воссоздание великой России» и «возобновление в единении с союзниками войны с австро-германской коалицией».

О Сибирской областной думе П.В. Вологодский сообщил, что «созыв думы состоится в назначенный срок», но программа думских заседаний будет урезана. При этом премьер-министр подчеркнул, что «нельзя ожидать рассмотрения сколько-нибудь ответственных законопроектов и предположений» думой, и причиной тому служит его собственный отъезд «по

неотложным делам на Дальний Восток». Это должно было урезонить «левых» политиков, использовавших думу для давления на правительство.

В качестве целей поездки на Дальний Восток П.В. Вологодский озвучил «необходимость свидания с представителями союзных держав для создания общего боевого фронта на Волге против действующих там германских сил» и «выяснение обстоятельств образования там различных групп, претендующих на власть».

После публикации интервью на премьер-министра посыпались обвинения в предательстве национальных интересов [3. С. 94]. Развитие событий в Сибирской областной думе пошло не по тому сценарию, который озвучил П.В. Вологодский. Невнятно прозвучавшие задачи поездки на Дальний Восток вызвали подозрение, что премьер-министр просто уехал от решения ключевых политических проблем на востоке России. То есть первый опыт политического интервью премьер-министра был неудачным.

В окружении П.В. Вологодского его промах стал понятен сразу. Поэтому на ближайшей остановке делегации в Иркутске 12 сентября, т.е. еще до выхода в свет красноярской «Беседы» и реакции на нее в обществе, была организована публикация другого «Интервью с П.В. Вологодским». На этот раз составителем текста являлся управляющий делами Совета министров Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс. Он в числе прочих обязанностей занимался написанием законодательных актов, правительственных заявлений, речей и деклараций, заботился о престиже премьер-министра и называл себя архитектором «государственной внешности Сибирского правительства» [14. С. 153, 163].

Авторство Г.К. Гинса не афишировалось, но подтверждается косвенными свидетельствами. Во-первых, ни в репортажах о пребывании П.В. Вологодского в Иркутске, ни в «дневниковых записках» не было сведений об общении премьер-министра с местными журналистами. Зато в мемуарах Г.К. Гинса упомянуто про подготовку интервью для иркутских газет [14. С. 153, 163]. Во-вторых, текст целиком был обезличен, хорошо структурирован, насыщен теоретическими политическими суждениями, украшен латинизмами и тщательно отредактирован. Мысли в «Интервью» излагались четко, прямо и ясно. Это было характерно для стиля Г.К. Гинса и не соответствовало нестройной, уклончивой, лексически избыточной, насыщенной деталями речи П.В. Вологодского. В-третьих, текст был опубликован 14 сентября 1918 г. в широко известной социалистической газете «Сибирь» и в большой общественно-политической либеральной газете «Свободный край» одновременно. Можно предположить, что конкурировавшие издания получили его уже готовым. К тому же редакции обошлись с «Интервью» довольно ядовито. В «Сибири» публикации было отведено скромное место в ряду других авторских статей, а редакция «Свободного края» и вовсе поместила «Интервью» мелким шрифтом в разделе заметок «Иркутский день», что противоречило статусу «выступавшего» и содержанию текста.

В иркутском «Интервью» были подняты те же темы, что и в красноярской «Беседе». На первое место переместился сюжет о Сибирской областной думе. Суть предыдущего резкого высказывания П.В. Вологодского в ее адрес и объем фактической информации были сохранены, но форма смягчена рефреном о согласии и лояльности между думой и правительством. Затем в «Интервью» шла речь об увольнении А.Н. Гришина-Алмазова. На этот раз вся вина за случившееся оказалась возложена персонально на генерала, якобы испортившего отношения с членами Совета министров и давшего повод для недовольства его «деловой работой». При этом доказательств не приводилось. Союзники же были решительно выведены за скобки внутренней политики: «Никто не должен и мысли допускать, будто Временное Сибирское правительство в этом своем акте действовало под давлением представителей иностранных держав».

При изложении программы Временного Сибирского правительства на Государственном совещании в Уфе в «Интервью» известная ее часть о необходимости создания директории была дополнена так называемыми «секретными инструкциями», направленными на затягивание образования всероссийской власти. В том числе подробно было прописано, что Временное Сибирское правительство обсудит на совещании все возможные формы государственного устройства и такие вещи, как предварительные границы областных автономий и субординация между министрами. Совещанию также настоятельно рекомендовалось сделать длительный перерыв перед избранием всероссийской власти.

Последний сюжет – о поездке на Дальний Восток – на это раз не содержал обтекаемых беспредметных формулировок о «налаживании отношений с союзниками» и «контактах с дальневосточными политиками». Цель поездки была сформулирована как «скорейшее и безболезненное объединение в руках Временного Сибирского правительства всей территории Сибири».

Главный посыл иркутского «Интервью с П.В. Вологодским» заключался в утверждении престижа правительства – «демократического», «правомочного определять свой состав» самостоятельно и «решающего задачи столь грандиозные, что перед ними временно отступают на задний план другие вопросы». Текст был насыщен государственно-патриотической лексикой вроде «блага страны», «возрождения государства» и «интересов России». То есть «Интервью» являлось программным политическим документом, значительно корректировавшим красноярскую «Беседу» П.В. Вологодского.

С 17 по 19 сентября 1918 г. П.В. Вологодский находился в Харбине. Здесь он давал интервью корреспондентам английского телеграфного агентства Рейтер, американской, китайской и двух токийских газет. Петр Васильевич отвечал на вопросы о происхождении и политической программе «сибирской власти», ее отношении к союзникам и причинах борьбы с большевиками [2. С. 171; 13. С. 88].

Дальнейшее развитие политических событий на востоке России – образование 23 сентября 1918 г.

Временного Всероссийского правительства на Уфимском государственном совещании и громкое политическое убийство А.Е. Новоселова – П.В. Вологодский не комментировал.

В следующий раз в печати Петр Васильевич выступил только в середине октября 1918 г., после завершения переговоров на Дальнем Востоке. На обратном пути из Владивостока в Омск делегация Временного Сибирского правительства снова задержалась на один день в Иркутске. Здесь 14 октября 1918 г. состоялось экстренное заседание Совета министров с обменом информацией о положении дел в Восточной и Западной Сибири. Помимо этого, П.В. Вологодский присутствовал на военном параде, выступал на торжественном обеде с представителями союзников, принимал делегацию от Иркутского губернского земского собрания и встретился с сотрудником местной газеты.

Результатом встречи Петра Васильевича с журналистом стала пространная «Беседа с П.В. Вологодским», опубликованная двумя частями в иркутской «Сибири» 16 и 17 октября. Текст имел подпись «И. Р-ский», был составлен аккуратно, не содержал грубых ошибок. Язык публикации отличался лексической избыточностью, характерной для речи П.В. Вологодского, и отдельными сбоями в связности текста, похожими на трудности фиксации живого разговора на бумаге.

В интервью было поднято сразу несколько политических тем: результаты поездки П.В. Вологодского на Дальний Восток, участие Временного Сибирского правительства в организации всероссийской власти, политика в отношении свободы слова и самоуправство командира V Приамурского армейского корпуса атамана Г.М. Семенова.

В «Беседе» П.В. Вологодский рекламировал результаты своей дипломатической миссии. Он уверенно говорил, что благодаря проделанной им работе «положен конец многовластию на Дальнем Востоке» и «Сибирь объединена теперь Сибирским правительством». Затем премьер-министр многословно и несколько сумбурно повествовал о том, что в ходе переговоров смог доказать иностранным союзникам, особенно скептически настроенным американцам, демократичность и дееспособность Временного Сибирского правительства. Якобы именно после этого союзники начали оказывать правительству существенную помощь в борьбе против большевиков и Германии.

Вторая часть «Беседы» была посвящена нежелательным для П.В. Вологодского вопросам журналиста. Острый политический кризис конца сентября премьер-министр изобразил как «результат недоразумений», «неприятный конфликт с отдельными группами», который возможно разрешить безболезненно. Прогнозируя развитие событий, П.В. Вологодский высказался о том, что Совету министров Временного Сибирского правительства, быть может, придется на время принять на себя функции делового кабинета всероссийского правительства. Он оправдывал намерения «твердо принятым решением отстоять деловой кабинет Временного Сибирского правительства» в

целях гарантии дальнейшего существования сибирской автономии.

На вопрос журналиста о репрессиях в отношении прессы П.В. Вологодский ответил в духе политической прагматики: «В условиях ненормальной жизни, какую мы ведем сейчас, одностороннее освещение печатью отдельных событий причиняет такой существенный вред государству, что без цензуры, к сожалению, обходиться нельзя». При этом он оговорился, что ограничения свободы слова не должны быть системой и допустимы только тогда, когда государство находится в тяжелых условиях.

В конце разговора Петр Васильевич ответил на вопрос о незаконном аресте Забайкальского областного комиссара эсера А.М. Флегонтова по приказу командира V Приамурского армейского корпуса Г.М. Семенова. Премьер-министр отверг подозрения в «сепаратистских выступлениях Г.М. Семенова» и уверил, что шаги к мирному разбирательству «столкновения» между гражданской властью и военными уже приняты.

Таким образом, иркутское интервью преследовало цель продемонстрировать политический успех П.В. Вологодского, доказать, что ситуация находится под контролем. Премьер-министр учел неудачи сентябрьского медийного опыта и выступил самостоятельно и обдуманно. При этом он не только использовал прессу как площадку для репрезентации, но и коммуницировал с авторитетным независимым социалистическим изданием, отвечая на острые вопросы, интересовавшие журналиста.

17 октября 1918 г. П.В. Вологодский проезжал через Новониколаевск. Здесь он дал короткое интервью сотруднику новой частной общественно-политической газеты национально-патриотической направленности «Русская речь», в издании которой принимали участие правые кадеты. Премьер-министр продолжил рекламировать результаты своей дальневосточной поездки. Он повторил сказанное ранее и добавил ремарку, касавшуюся произошедшего почти месяц назад апофеоза политического кризиса: «Ведение переговоров с союзниками в значительной мере было осложнено выступлением Сибирской областной думы, но принятые Административным советом меры вновь наладили отношения с союзниками» [15].

Итак, октябрьские «Беседы с П.В. Вологодским» 1918 г. были результатом личного общения председателя Совета министров Временного Сибирского правительства с журналистами крупных общественно-политических изданий. Выступления представляли его как успешного политика, открытого для общения и с «левой», и с «правой» прессой.

В начале ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство передало свои полномочия Временному Всероссийскому правительству (Уфимской директории). Председателем нового Совета министров стал П.В. Вологодский. Во втором номере официального «Вестника Временного Всероссийского правительства» 7 ноября 1918 г. за подписью журналиста Г.Н. Шипкова появилась «Беседа с П.В. Вологодским». Это был большой по объему, хорошо отредак-

тированный, преимущественно обезличенный текст. Он состоял из высказываний самого П.В. Вологодского и фрагментов докладов министра земледелия Н.И. Петрова, министра юстиции С.С. Старынкевича и управляющего министерством труда Л.И. Шумиловского [14. С. 230].

Начиналась «Беседа» с подведения итогов работы Совета министров Временного Сибирского правительства и декларации о преемственности власти. Причем Совмину была дана характеристика как «вполне организованному, налаженному и все время дружно работавшему аппарату», но два месяца из четырех не занимавшемуся «серьезными вопросами». Затем были сформулированы основные задачи правительства: организация волостных земств, реформа волостного судопроизводства, развитие кустарных комитетов для самоснабжения деревни хозяйственными товарами, сохранение профсоюзов и восьмичасового рабочего дня. Каждая из этих задач была проблематизирована: описаны анархия деревенского управления и судопроизводства, разруха в экономике, дефицит финансов и малочисленность интеллигенции в Сибири. Завершалась «Беседа», однако, торжественным заявлением в контексте международной политики: «Я глубоко верю, что Россия возродится и займет в будущем даже более почетное место, чем то, которое до сих пор занимала». Так своеобразно от имени премьер-министра была озвучена примерная политическая программа Совета министров Временного Всероссийского правительства.

Почти одновременно с подготовкой официального текста П.В. Вологодский дал интервью сотруднику самой широко распространяемой в Сибири и информативной общественно-политической газеты «Заря». Осенью 1918 г. направление издания определял его редактор, член Союза возрождения России энес И.В. Галецкий. Он имел собственные политические интересы, тонко улавливал конъюнктуру и стремился влиять на решения высшего государственного уровня. В целом он поддерживал председателя Совета министров. Интервью было опубликовано 9 ноября 1918 г. под названием «Организация всероссийской власти. Наша беседа с главою Всероссийского Временного правительства П.В. Вологодским» и широко растиражировано в сибирской печати.

Тематически этот текст был близок к официальному, но выражение мнений и эмоций самого П.В. Вологодского превалировало над сообщением политической повестки правительства. Петр Васильевич педалировал тему персональной и политической преемственности между советами министров Временного Сибирского правительства и Временного Всероссийского правительства. «Как ни больно было нам, творцам и носителям идеи сибирской автономии, расстаться с реальными формами осуществления этой идеи, мы в интересах общегосударственных решили пожертвовать этими реальными формами, будучи, однако, вполне уверенными, что всероссийская Директория впоследствии позаботится о том, чтобы жизненные государственные учреждения автономной Сибири были восстановлены», — объяснял он произошедшую смену власти.

На вопрос корреспондента о ближайших задачах Совета министров П.В. Вологодский ответил лаконично. Из всего, что было написано в официальной «Беседе», он воспроизвел только одно – необходимость организации волостных земств. Но при этом добавил внешнеполитическую повестку, заключавшуюся в ожидании признания правительства иностранными союзниками. В конце интервью премьер-министр заявил о сохранении Сибирской армии, ее трехцветного флага и поручении командования «сибирскому патриоту генералу П.П. Иванову-Ринову».

Таким образом, в первой декаде ноября 1918 г. П.В. Вологодский выступил в прессе в двух ипостасях: как «говорящая голова» Совета министров с официальным изложением внутривластных задач нового правительства и как рефлексирующий по поводу смены власти политик, открытый для диалога с обществом.

Вскоре Временное Всероссийское правительство было свергнуто. 18 ноября 1918 г. в результате государственного переворота на востоке России сформировалось Российское правительство во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. П.В. Вологодский остался на посту председателя Совета министров. Публично объяснять случившееся он не спешил.

В начале декабря 1918 г. П.В. Вологодский уехал из Омска в Томск – в десятидневный отпуск. В числе многочисленных посетителей и делегаций, мешавших отдыхать премьер-министру, были два журналиста – от органа Сибирского краевого комитета партии эсеров «Голоса народа» и земской, меньшевистской «Народной газеты» [13. С. 121]. Петр Васильевич согласился дать интервью социалистической прессе, враждебно относившейся к установившемуся режиму военной диктатуры. В результате 8 декабря в «Голосе народа» и «Народной газете» были одновременно опубликованы два варианта изложения беседы премьер-министра с социалистами [16, 17]. В официальном органе Сибкрайкома интервью с П.В. Вологодским было обезличено. Сотрудник «Народной газеты» – профессиональный томский журналист В. Сомов, напротив, сделал интервью я-высказыванием премьер-министра. В меньшевистской газете текст немного больше по объему и содержит некоторые детали, выпущенные эсерами. Видимо, В. Сомов точнее воспроизвел слова и манеру речи председателя Совета министров.

Интервью начинались с простодушного подробного изложения частных мотивов поездки П.В. Вологодского в Томск, рассказа о состоянии здоровья и участии в местной благотворительности. Премьер-министр миролюбиво беседовал в образе старого доброго соседа.

Затем П.В. Вологодский ответил на вопросы о причинах установления власти Российского правительства во главе с Верховным правителем А.В. Колчаком, характере нового политического режима и его перспективах. Отдельное внимание он уделил комплементарному политическому портрету адмирала А.В. Колчака. Премьер-министр много говорил о

внешней политике и подробно рассказал о внутривластных задачах Российского правительства. Также П.В. Вологодскому пришлось реагировать на претензии социалистов: почему не продвигается дело созыва Учредительного собрания, что будет с эсеровским законом о земле от 6 января 1918 г., продолжится ли ограничение прав органов местного самоуправления, как долго сохранится военная цензура печати, введенная в результате государственного переворота 18 ноября 1918 г.

С представителями социалистической прессы Петр Васильевич много и подробно говорил о политических и экономических проблемах, в том числе признал, что «в настоящее время страна управляется эксцессами, которые не могут быть терпимы далее». Общий тон интервью был направлен на успокоение демократии, ее примирение с авторитарным политическим режимом, вплоть до заявления о том, что, по мнению П.В. Вологодского, переворот произошел в интересах сохранения демократии и адмирал А.В. Колчак «сохранит завоевания революции» [16] / «возможно, завоевания революции сохранит» [17].

Это интервью вызвало бурную негативную реакцию «левых». Эсеры посчитали высказывания П.В. Вологодского лицемерием и обвинили премьер-министра в политическом ренегатстве, предательстве, оппортунизме и нарушении обязательств, данных им при вступлении во Временное Всероссийское правительство [18, 19]. Почти одновременно к этому добавилось выступление бывших членов Уфимской дирекции эсеров Н.Д. Авксентьева и В.М. Зензинова, высланных из России после государственного переворота. Они осудили П.В. Вологодского за то, что тот не только не ушел от власти вместе с ними, но стал главой нового правительства [20. С. 161]. Обвинения «левых» дискредитировали П.В. Вологодского как политика. В то же время «правые» активно распространяли слухи о готовящейся отставке премьер-министра [13. С. 121].

Вологодский был вынужден оправдываться и выступил с инициативой серии интервью для различных изданий. Его поддержали четыре газеты: омская «Заря», «Правительственный вестник», томская «Сибирская жизнь» и новониколаевская «Русская речь». В каждой из них работали знакомые Петра Васильевича. Трое из четырех интервьюеров пожелали остаться неизвестными для читателей, но, несомненно, каждый провел индивидуальную работу с премьер-министром и по-разному реализовал его предложение.

Первое в 1919 г. «Интервью с председателем Совета министров П.В. Вологодским» было опубликовано в омской «Заре» 11 января. Затем две «Беседы с председателем Совета министров П.В. Вологодским» появились в «Правительственном вестнике» и «Сибирской жизни» 14 января. Наконец, четвертое интервью напечатала новониколаевская «Русская речь» 17 января. Все тексты были выполнены качественно, с характерными для жанра элементами диалога и выражением эмоций. Лексические повторы в публикациях были минимальны, тематика и набор предьявля-

емых фактов варьировали. При этом названные интервью решали один набор задач.

Во всех газетах отмечалась открытость П.В. Вологодского для общения с прессой, подчеркивались его приветливость и искренность. Более того, «Сибирская жизнь» навязчиво рекламировала «простоту» и демократичность председателя Совета министров. Премьер-министр стремился вызвать расположение и доверие.

Основным лейтмотивом январских интервью было утверждение незыблемости власти и политического курса Совета министров Временного Сибирского, Временного Всероссийского и Российского правительств. П.В. Вологодский доказывал преемственность делового аппарата, делая экскурс в ближайшее прошлое, характеризуя настоящее и формулируя задачи на будущее. Премьер-министр опровергал слухи о собственной отставке и принципиальных изменениях в составе кабинета. Решительно и однозначно он рисовал картину «делового» Совета министров, уверенно реализующего умеренный политический курс и сохраняющего демократические основы управления. При этом в интервью омской «Заре» П.В. Вологодский углублялся в прошлое Временного Сибирского правительства и Уфимской директории. В интервью «Правительственному вестнику» акцент был сделан на кадровых проблемах верховной государственной власти и повторении озвученных в ноябре 1918 г. задач Совета министров.

В контексте создания позитивного образа Совета министров П.В. Вологодский отвергал полученные в свой адрес обвинения в предательстве демократии и ренегатстве. В «Заре», «Правительственном вестнике» и «Сибирской жизни» он в похожих выражениях рисовал такой автопортрет: «Вы знаете, что я когда-то принадлежал к партии [э]с[е]ров. Теперь, конечно, нельзя говорить, чтобы я всецело остался сторонником этой партии, но в душе я остался таким же демократом, как и прочие русские интеллигенты. Я чувствую отвращение ко всякому насилию и в этом отношении, быть может, не создан для власти, но я никогда не был демагогом и никогда не был слишком партийен. Для меня несомненно то, что спасти страну от жестокой и грубой реакции можно только умеренностью и деловитостью. Это мое искреннее убеждение и заставило меня согласиться на просьбы Совета министров остаться у власти и после переворота 18 ноября. Это убеждение и позволяет мне, несмотря на тяжелые для меня упреки в измене демократии, сохранить бодрость духа и работать по-прежнему» [20]. Только в «Русской речи» не было фрагмента об эсеровском прошлом премьер-министра и его самоопределении как демократа.

Приверженность П.В. Вологодского демократическим ценностям подкреплялась его заявлениями о жажде созыва представительного собрания учредительного характера и осуждением политических убийств, произошедших в Омске осенью и зимой 1918 г. При этом декларация демократичности тесно переплеталась во всех интервью премьер-министра с национальным лозунгом «воссоздания великой России».

Словом, серия январских интервью П.В. Вологодского являлась в первую очередь презентацией Совета министров Российского правительства. Премьер-министр стремился показать, что «престиж нашего правительства <...> все поднимается и поднимается» [21]. Такой оптимизм казался уместен в условиях успехов антибольшевистских вооруженных сил на фронте борьбы с большевиками и ожидания скорого международного признания Российского правительства. Что касается самопрезентации П.В. Вологодского, то он транслировал образ себя как демократа, приносящего личную жертву для России.

В конце марта 1919 г. председатель Совета министров Российского правительства дал небольшой комментарий по земельному вопросу омской газете «Заря» [22]. В связи с подготовкой декларации Российского правительства в Омске ходили толки о будущем захваченных земель, и газета обратилась за разъяснениями к премьер-министру. Эта тема впервые прозвучала в выступлениях П.В. Вологодского. Он подтвердил, что земельный вопрос будоражит общественность, и Совет министров подвергается политическому давлению. Общую же ситуацию описал уклончиво: «Я не считаю вправе излагать общие положения проектируемой декларации и закона о земле, пока Совет [министров] не договорился окончательно об этих основных положениях. Могу только сказать, что все согласилось на том, что крестьяне, засеявшие хотя бы и чужие поля, сохраняют право на сбор урожая с этих земель, что им же должно быть предоставлено право посеять и яровые весной 1919 г.» [22].

В 20-х числах апреля 1919 г. П.В. Вологодский снова уехал в отпуск в Томск. На этот раз он в частном порядке много беседовал с человеком яркого общественного темперамента, членом «потанинского кружка», единомышленником и другом, редактором старейшей и одной из крупнейших в крае частных общественно-политических газет «Сибирская жизнь» А.В. Адриановым [13. С. 160]. Результатом общения стала публикация с 29 апреля по 1 мая 1919 г. в «Сибирской жизни» серии статей под общим заголовком «Беседы с председателем Совета министров П.В. Вологодским». Повествование в них велось от третьего лица. Тексты были фундированы конкретными фактами, цифрами и именами. Статьи отличались грамотной структурой, логичностью изложения материала и хорошим литературным языком. То есть «Беседы» воспроизводили публицистический стиль редактора «Сибирской жизни» и не являлись интервью в смысле журналистского жанра.

Начинались «Беседы» небольшой преамбулой о том, что премьер-министр «настроен оптимистически и твердо верит в успех работы возглавляемого им правительства». Далее А.В. Адрианов изложил мнение П.В. Вологодского по таким острым вопросам, как разруха железнодорожного транспорта, трудности политического управления Дальним Востоком, проблемы снабжения фронта, причины и обстоятельства военного поражения Оренбургской армии генерал-лейтенанта А.И. Дутова в январе 1919 г.

Только один из этих вопросов находился в сфере прямой компетенции П.В. Вологодского – организа-

ция власти на Дальнем Востоке. О проблемах фронта и армии премьер-министр знал довольно много, но явно рисковал, поднимая в прессе эту блокируемую военной цензурой тему.

В статьях рисовался позитивный образ Российского правительства в целом и премьер-министра в частности. Лейтмотивы «изживания прошлых несчастий» и «скорого успеха» пронизывали все тексты. Более того, были озвучены невероятно оптимистические прогнозы полного налаживания сибирского транспорта к августу и окончательной военной победы к началу осени 1919 г.

На этом фоне контрастом было изображено военное поражение Оренбургской армии в январе 1919 г. Главной причиной потери Оренбурга называлось совмещение А.И. Дутовым высших постов в Оренбургской армии, Оренбургском казачьем войске, Войсковом правительстве и Оренбургском комитете уполномоченных Всероссийского Учредительного собрания. Тем самым П.В. Вологодский с А.В. Адриановым выступали против концентрации власти в руках военных и дискредитировали крупную политическую фигуру, располагавшую реальной вооруженной силой и претендовавшую на вхождение в высший эшелон государственной власти на востоке России.

Статья, роняющая авторитет А.И. Дутова, была перепечатана в большой частной общественно-политической омской газете «Наша заря» 15 мая 1919 г. Вероятно, сам П.В. Вологодский предпринимал усилия для републикации в надежде на особый эффект от этого текста. Редактором «Нашей зари» был уже упомянутый Н.С. Галецкий, который продолжал публично поддерживать премьера, но не стал бы по собственному почину перепечатывать острую статью из газеты-конкурента.

После републикации разгорелся политический скандал. Сам А.И. Дутов и Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска апеллировали к Совету министров и Верховному правителю, заявляя, что сообщения в прессе не соответствуют действительности, демонстрируют враждебное отношение П.В. Вологодского к армейскому командованию и подрывают авторитет военных [23. С. 405–409]. Особая канцелярия Верховного Главнокомандующего не допустила распространения на фронте номера «Нашей зари» от 15 мая, но давать публичный ответ на критику премьер-министра казаки не решились. В итоге А.И. Дутову был нанесен серьезный репутационный ущерб, и развитие его карьеры оказалось под вопросом.

Следующее интервью П.В. Вологодский дал «Правительственному вестнику» в конце июня 1919 г. в связи с подготовкой к празднованию годовщины антибольшевистского переворота на востоке России. В официальной газете 1 июля 1919 г. была опубликована «Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским». Она представляла собой размеренное повествование от лица Петра Васильевича об участии в выборах в Государственную думу в 1907 г., революционных событиях 1917 г., антибольшевистском движении и образовании Временного Сибирско-

го правительства в 1918 г. Последний сюжет изобилует фактами, именами и деталями. При этом автор избегал оценочных суждений и яркого выражения эмоций. Отдельный крупный фрагмент «Беседы» был посвящен первой политической встрече П.В. Вологодского с «правыми» общественно-политическими деятелями в Омске. Он показал ее как попытку последних оказать давление на власть и подчеркнул успех в отстаивании собственной политической независимости. П.В. Вологодский представлял себя как опытного, последовательного, самодостаточного, рационального и осторожного политика, который обременен высокими полномочиями, а не упоен жадой власти.

Следующий текст председателя Совета министров Российского правительства появился в печати только в сентябре 1919 г., в связи с вопросом организации народного представительства [24]. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак 16 сентября подписал специальную грамоту о намерении «создать умудренных жизнью людей земли и образовать Государственное земское совещание». Совет министров единодушно «приветствовал этот мудрый акт», а разработка положения о Государственном земском совещании была торжественно поручена председателю Совета министров П.В. Вологодскому [25].

В это время премьер-министр тяжело болел и физически не мог заниматься делами [13. С. 195–196]. Тем не менее 19 сентября в центральных официальных газетах «Правительственный вестник» и «Русская армия» была опубликована «Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским», якобы состоявшаяся между ним и сотрудником Российского телеграфного агентства [26]. В небольшом тексте от первого лица рассказывалось об обсуждении идеи Государственного земского совещания в Совете министров. Судя по содержанию, стилю и даже небольшому объему, автором публикации был Г.К. Гинс. В то время он занимался этим вопросом [13. С. 195–196; 14. С. 468–470; 27. С. 439] и мог использовать имя П.В. Вологодского для убедительности сообщения.

Настоящее выступление П.В. Вологодского в печати появилось в конце октября 1919 г., когда Омск оказался под угрозой наступления Красной Армии. В большой ежедневной общественно-политической национально-демократической газете «Русь», учрежденной влиятельными кооперативными кругами, была опубликована заметка о необходимости изменения состава правительства, назывались имена претендентов на пост премьер-министра и формулировались задачи власти в угрожающих ее существованию военно-политических условиях [28].

Ответ на политический вызов П.В. Вологодский дал незамедлительно. На следующий день после скандальной заметки он общался с корреспондентом той же «Руси», так как к тому времени в Омске не осталось сопоставимых с ней общественно-политических газет. «Беседу с П.В. Вологодским» редакция опубликовала уже 30 октября 1919 г., однако сделала это в принижающем контексте. На третьей полосе был размещен блок текстов, включавший речь

С.Н. Третьякова о необходимости решительных действий для организации обороны Омска (именно его газета прочила на пост председателя Совета министров), затем сообщение о частном совещании министров Российского правительства и лишь в последнюю очередь – заявление П.В. Вологодского.

Главный посыл выступления П.В. Вологодского был характерным: «Я не держусь за власть, но уходить с поста в такую тяжелую минуту сам не собираюсь». Для доказательства политической дееспособности премьер-министр выбрал самый горячий вопрос того времени – военно-политическое положение Омска. Он рассказал о состоянии армии, положении противника и вероятности эвакуации городского населения. В его изображении главной проблемой вооруженных сил А.В. Колчака являлись заразные болезни, а армия большевиков страдала гораздо сильнее и не только от заразных болезней, но и от расстройства транспорта, морального разложения, отсутствия продовольствия, боеприпасов и военных резервов. Из этого премьер-министр делал вывод, что «непосредственной угрозы Омску ждать не приходится». Более того, он выражал надежду, что жители города отнесутся к ситуации «без всякой тревоги» и «излишней нервностью не затруднят правительство в его работе».

При этом премьер-министр понимал, что на самом деле ситуация складывалась обратная. Перспектива сдачи столицы вырисовывалась вполне определенно. В связи с этим из Омска уже вывозили министерства, и были утверждены планы эвакуации центральных правительственных учреждений [27. С. 586]. Про эвакуацию горожан в октябре 1919 г. речи не шло. Судя по дневниковым записям, П.В. Вологодский знал, что «частное население некуда эвакуировать, все города забиты, и, как это ни печально, им придется пожертвовать» [13. С. 208]. Своим выступлением в газете председатель правительства успокаивал горожан и пытался предотвратить панику. Октябрьская «Беседа П.В. Вологодского» в качестве председателя Совета министров с представителями периодической печати была последней. Он выступал в интересах сохранения целостности и дееспособности правительства. Для этого в чрезвычайных военно-политических обстоятельствах премьер-министр прибегнул к искажению информации.

Таким образом, за полтора года на посту председателя Совета министров П.В. Вологодский давал развернутые политические интервью русскоязычной прессе не менее 13 раз и провел не менее пяти бесед с иностранными корреспондентами. Кроме того, в виде «интервью П.В. Вологодского» были опубликованы три политических документа, составленных в аппарате правительств и санкционированных премьер-министром, и серия общественно-политических

статей А.В. Адрианова. Большинство интервью П.В. Вологодский дал с октября 1918 г. по январь 1919 г., в условиях напряженной борьбы за власть в лагере контрреволюции.

Почти все «живые» интервью П.В. Вологодского являлись результатом его общения с сотрудниками влиятельных частных общественно-политических газет: иркутской «Сибири», новониколаевской «Русской речи», томских «Голоса народа», «Народной газеты» и «Сибирской жизни», омских «Зари» и «Руси». Названные газеты были влиятельными, популярными изданиями и обнимали основной спектр направлений антибольшевистской прессы востока России – от органа Сибирского крайкома эсеров издания «Голос народа» до праволиберальной национал-патриотической «Русской речи». При этом чаще и содержательнее П.В. Вологодский общался с редактором «Сибирской жизни» и сотрудниками «Зари», представлявшими так называемый политический «центр» и персонально поддерживавшими премьер-министра. Для официальных газет «Вестник Временного Всероссийского правительства» и «Правительственный вестник» было сделано четыре публикации от имени П.В. Вологодского, но только одна из них являлась интервью в настоящем смысле этого слова.

Инициаторами бесед в равной степени активно выступали как журналисты, так и сам премьер-министр. Запрос на общение возникал с обеих сторон. Ключевые интервью П.В. Вологодский дал в трудных политических условиях, испытывая реальные или мнимые угрозы отставки и распада Совета министров.

Магистральной тематикой интервью П.В. Вологодского был Совет министров, его история, состав, задачи и результаты работы. Премьер-министр последовательно защищал этот институт и отстаивал его интересы. О себе П.В. Вологодский говорил преимущественно в контексте деятельности правительства, для объяснения, оправдания или рекламы политики верховной государственной власти.

Таким образом, коммуникация с прессой составляла важную часть политической деятельности П.В. Вологодского на посту председателя антибольшевистских правительств. Лишь в исключительных случаях он выступал в качестве «говорящей головы» Совета министров или, напротив, его имя использовалось для внутривластной критики. Общение премьер-министра с прессой зачастую происходило в режиме импульсивного диалога. Процесс не был согласованным и тем более режиссированным. П.В. Вологодский «отвечал» на запросы политических оппонентов и «запрашивал» поддержку сторонников. Поэтому интервью премьер-министра являются насыщенным информацией историческим источником о деятельности главы антибольшевистских правительств и о политических процессах в лагере контрреволюции.

Список источников

1. Казакова Е.А. П.В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.

2. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН : Новосибирский гос. ун-т, 2010. 362 с.
3. Шишкин В.И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 1. С. 79–99.
4. Вологодский Петр Васильевич // Деятели революционного движения в России : биобиблиогр. словарь. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. Т. 3, вып. 1. С. 643.
5. Вибе П.П. Вологодский Петр Васильевич // Омский историко-краеведческий словарь. М. : Альманах «Отечество», 1994. С. 48–49.
6. Шиловский М.В. Вологодский Петр Васильевич // История «белой» Сибири в лицах : биограф. справочник. СПб. : Нестор, 1996. С. 7–10.
7. Шиловский М.В. Первый премьер-министр Сибири. П.В. Вологодский (1863–1925) // Судьбы, связанные с Сибирью : биограф. очерки. Новосибирск : Сова, 2007. С. 67–83.
8. Вулф Д.Г., Ларьков Н.С., Ляндрес С.М. П.В. Вологодский и его дневник // Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вулфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань : П.А. Трибунский, 2006. С. 7–55.
9. Шишкин В.И. Вологодский Петр Васильевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1. С. 331.
10. Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный» бой 1918 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 48–66.
11. Необходимое соединение // Сибирская речь (Омск). 1918. 4 сент.
12. Дальневосточная встреча // Голос народа (Томск). 1918. 5 сент.
13. Во власти и в изгнании. Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вулфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань : П.А. Трибунский, 2006. 619 с.
14. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак : поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М. : Айрис-пресс, 2007. 704 с.
15. В. Беседа с П.В. Вологодским // Русская речь (Новониколаевск). 1918. 18 окт.
16. Беседа П.В. Вологодского с представителями местной печати // Голос народа (Томск). 1918. 8 дек.
17. Сомов В. Представители томской прессы у П.В. Вологодского // Народная газета (Томск). 1918. 8 дек.
18. Обзор печати // Голос народа (Томск). 1918. 14 дек.
19. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года : сб. док. / сост. В.М. Зензинов. Париж : Тип. Рихаровского, 1919. 194 с.
20. N.N. Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским (от нашего корреспондента) // Сибирская жизнь (Томск). 1919. 14 янв.
21. Зинин. Интервью с председателем Совета министров П.В. Вологодским // Русская речь (Новониколаевск). 1919. 17 янв.
22. Интервью с председателем Совета министров П.В. Вологодским // Заря (Омск). 1919. 1 апр.
23. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 623 с.
24. Журавлев В.В. Идея народного представительства в период колчаковской диктатуры // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 148–152.
25. Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 сент.
26. Беседа с председателем Совета министров П.В. Вологодским // Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 сент.; Русская армия (Омск). 1919. 19 сент.; Сибирская речь (Омск). 1919. 19 сент.
27. Совет министров Российского правительства: журналы заседаний (18 ноября 1918 – 3 января 1920 г.) : сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2016. Т. 2. 734 с.
28. Накануне перемен в составе правительства // Русь (Омск). 1919. 28 окт.

References

1. Kazakova, E.A. (2008) *P.V. Vologodskiy: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1863–1920 gg.)* [P.V. Vologodsky: personality and socio-political activity (1863–1920)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
2. Shishkin, V.I. (ed.) (2010) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.): sb. dok. i materialov* [Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918): Documents and materials]. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Novosibirsk State University.
3. Shishkin, V.I. (2011) General A.N. Grishin-Almazov: krushenie kar'ery (konets avgusta – sentyabr' 1918 goda) [General A.N. Grishin-Almazov: the collapse of a career (end of August – September 1918)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 10 (1). pp. 79–99.
4. Anon. (1933) Vologodskiy Petr Vasil'evich [Pyotr Vasilyevich Vologodsky]. In: *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: biobibliogr. slovar'* [Figures of the revolutionary movement in Russia: a biobibliographic dictionary]. Vol. 3 (1). Moscow: Izd-vo Vsesoyuz. o-va politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. p. 643.
5. Vibe, P.P. (1994) Vologodskiy Petr Vasil'evich [Pyotr Vasilyevich Vologodsky]. In: *Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar'* [Omsk Dictionary of Local History and Local Lore]. Moscow: Al'manakh "Otechestvo". pp. 48–49.
6. Shilovskiy, M.V. (1996) Vologodskiy Petr Vasil'evich [Pyotr Vasilyevich Vologodsky]. In: *Istoriya "beloy" Sibiri v litsakh: biogr. spravochnik* [History of the "White" Siberia in faces: a biographical reference book]. Saint Petersburg: Nestor. pp. 7–10.
7. Shilovskiy, M.V. (2007) Pervyy prem'er-ministr Sibiri. P.V. Vologodskiy (1863–1925) [The first prime minister of Siberia. P.V. Vologodsky (1863–1925)]. In: *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: biogr. ocherki* [Fates associated with Siberia: biographical essays]. Novosibirsk: Sov. pp. 67–83.
8. Vulf, D.G., Lar'kov, N.S. & Lyanders, S.M. (2006) P.V. Vologodskiy i ego dnevnik [P.V. Vologodsky and his diary]. In: *Vo vlasti i v izgnanii. Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile. Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy. pp. 7–55.
9. Shishkin, V.I. (2009) Vologodskiy Petr Vasil'evich [Pyotr Vasilyevich Vologodsky]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri. p. 331.
10. Lar'kov, N.S. (2001) Bor'ba za vlast' na territorii "beloy" Sibiri: sentyabr'skiy "vstrechnyy" boy 1918 g. [The struggle for power on the territory of the "White" Siberia: the September "oncoming" battle of 1918]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii. Problemy istorii. Bakhrushinskiye chteniya 2001 g.* [War in the east of Russia. Problems of history. Bakhruhin Readings 2001]. Novosibirsk. pp. 48–66.
11. *Sibirskaya rech'* (Omsk). (1918) Neobkhodimoe soedinenie [Necessary connection]. 4 September.
12. *Golos naroda* (Tomsk). (1918) Dal'nevostochnaya vstrecha [Far Eastern meeting]. 5 September.
13. Vulf, D.G., Lar'kov, N.S. & Lyanders, S.M. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii. Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile. Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

14. Gins, G.K. (2007) *Sibir', soyuzniki i Kolchak: povorotnyy moment russkoy istorii, 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, the Allies, and Kolchak: A Turning Point in Russian History, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Moscow: Ayris-press.
15. V. (1918) Beseda s P.V. Vologodskim [Conversation with P.V. Vologodsky]. *Russkaya rech'* (Novonikolaevsk). 18 October.
16. *Golos naroda* (Tomsk). (1918) Beseda P.V. Vologodskogo s predstaviteleyami mestnoy pechati [Conversation of P.V. Vologodsky with representatives of the local press]. 8 December.
17. Somov, V. (1918) Predstaviteli tomskoy pressy u P.V. Vologodskogo [Representatives of the Tomsk press visiting P.V. Vologodsky]. *Narodnaya gazeta* (Tomsk). 8 December.
18. *Golos naroda* (Tomsk). (1918) Obzor pechati [Review of the press]. 14 December.
19. Zenzinov, V.M. (1919) *Gosudarstvennyy perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 goda: sb. dok.* [The coup d'état of Admiral Kolchak in Omsk on November 18, 1918: Documents]. Paris: Tip. Rirakhovskogo.
20. N.N. (1919) Beseda s predsedelem Soveta ministrov P.V. Vologodskim (ot nashego korrespondenta) [Conversation with Chairman of the Council of Ministers P.V. Vologodsky (from our correspondent)]. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). 14 January.
21. Zinin. (1919) Interv'yu s predsedelem Soveta ministrov P.V. Vologodskim [Interview with Chairman of the Council of Ministers P.V. Vologodsky]. *Russkaya rech'* (Novonikolaevsk). 17 January.
22. *Zarya* (Omsk). (1919) Interv'yu s predsedelem Soveta ministrov P.V. Vologodskim [Interview with Chairman of the Council of Ministers P.V. Vologodsky]. 1 April.
23. Ganin, A.V. (2006) *Ataman A.I. Dutov*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
24. Zhuravlev, V.V. (1998) [The idea of popular representation during the Kolchak dictatorship]. *Regional'nye protsessy v Sibiri v kontekste Rossiyskoy i mirovoy istorii* [Regional processes in Siberia in the context of Russian and world history]. Conference Proceedings. Novosibirsk. pp. 148–152. (In Russian).
25. *Pravitel'stvennyy vestnik* (Omsk). (1919) 17 September.
26. *Pravitel'stvennyy vestnik* (Omsk), *Russkaya armiya* (Omsk). *Sibirskaya rech'* (Omsk). (1919) Beseda s predsedelem Soveta ministrov P.V. Vologodskim [Conversation with Chairman of the Council of Ministers P.V. Vologodsky]. 19 September.
27. Shishkin, V.I. (ed.) (2016) *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva: zhurnaly zasedaniy (18 noyabrya 1918 – 3 yanvarya 1920 g.): sb. dok.* [Council of Ministers of the Russian government: journals of meetings (18 November 1918 – 3 January 1920): Documents]. Vol. 2. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
28. *Rus'* (Omsk). (1919) Nakanune peremen v sostave pravitel'stva [On the eve of changes in the composition of the government]. 28 okt.

Информация об авторе:

Шереметьева Д.Л. – канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: dalas83@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.L. Sheremeteva, Cand. Sci. (History), junior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dalas83@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022;
одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 08.06.2022;
approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 29.07.2022.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796.92.093.642
doi: 10.17223/15617793/480/21

Обучение биатлонистов различной спортивной квалификации правилам стрельбы и умениям их применять: мнение экспертов

Николай Вениаминович Астафьев¹, Галина Алексеевна Куклева²

¹ Тюменский институт повышения квалификации МВД России, Тюмень, Россия, astnic@mail.ru

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, galchonok171@mail.ru

Аннотация. Исследования подтвердили целесообразность использования кумулятивного способа при обучении биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять. При помощи экспертной оценки определена последовательность освоения правил стрельбы биатлонистами различной спортивной квалификации. Отмечается, что обучение биатлонистов «отметке» выстрела целесообразно начинать с I юношеского разряда, обучение определению средней точки попадания – со II спортивного разряда, обучение внесению поправок в прицел – с I спортивного разряда; обучение стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания рекомендуется начинать со спортивной квалификации «кандидат в мастера спорта».

Ключевые слова: биатлон, правила стрельбы, обучение, последовательность обучения.

Для цитирования: Астафьев Н.В., Куклева Г.А. Обучение биатлонистов различной спортивной квалификации знаниям правил стрельбы и умениям их применять: мнение экспертов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 180–186. doi: 10.17223/15617793/480/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/21

Training of biathletes of different sports qualifications in the knowledge and application of shooting rules: Expert opinion

Nikolay V. Astafiev¹, Galina A. Kukleva²

¹ Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russian Federation, astnic@mail.ru

² University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, galchonok171@mail.ru

Abstract. Knowledge of the rules of shooting and the ability to apply them allow biathletes to perform well in sports competitions. Biathlon competitions are often held under conditions of changing wind forces and direction. The wind displaces the bullet relative to the center of the target, which results in an inaccurate shot. Therefore, in order to ensure accurate shooting in wind conditions, biathletes should know and be able to apply such rules of shooting as making adjustments to the sights and aim-off shooting. The aim of this study is to determine at what point in the long-term biathlon training athletes should know and be able to apply certain shooting rules. The study examines shooting rules – shot mark; determination of the mean point of impact; amendments to the sight; aim-off shooting in wind conditions – that biathletes should learn at various stages of athletic training. The results of the research can be used in the development of biathlon sports training programmes, namely, normative and methodological parts, credit requirements for general and special shooting training. Expert interviews were used as the research method. The experts were distinguished coaches of Russia, coaches of the highest qualification in biathlon who work with athletes of national teams of the Russian Federation, with athletes of sports training centers and schools of the Olympic reserve of the constituent entities of the Russian Federation. The experts' opinions were checked for consistency by calculating the concordance coefficient and assessing the statistical reliability of the estimates. The consensus opinion of the experts on the methodology of training biathletes in shooting rules and in the application of these rules is that training should be carried out in a cumulative manner, taking into account the athletes' qualifications, and in the following sequence: biathletes should be trained shot mark starting from the youth category, determination of the mean point of impact starting from the sports category, amendments to the sight starting from the sports category; aim-off shooting starting with the "candidate in the master of sports" qualification.

Keywords: biathlon, shooting rules, training, training sequence

For citation: Astafiev, N.V. & Kukleva, G.A. (2022) Training of biathletes of different sports qualifications in the knowledge and application of shooting rules: Expert opinion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 180–186. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/21

Введение

Совершенствование стрелковой подготовки биатлонистов многие исследователи видят в повышении устойчивости системы «стрелок–оружие» [1, 2]. Так, в частности, был разработан и проведен комплексный тест для оценки интегральной подготовленности биатлонистов, который показал, что устойчивость системы «стрелок–оружие» является одним из лимитирующих факторов, предопределяющих качество выстрела [3]. Показана зависимость устойчивости оружия от способов его удержания при стрельбе «стоя» [4, 5], от физиологической интенсивности нагрузки, выраженной в показателе «частота сердечных сокращений» [6, 7].

Методике обучения стрельбе в биатлоне посвящен ряд исследований. Определены основные принципы пристрелки [8], показаны приоритеты в концентрации внимания [9], разработаны основные положения обучения и совершенствования техники стрельбы [10], разработана методика использования технических средств срочной информации для совершенствования стрелковой подготовки биатлонистов [11–13], предложена методика обучения стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания [14, 15].

Для различных этапов многолетнего тренировочного процесса в биатлоне Федеральным стандартом спортивной подготовки по виду спорта «биатлон» предусмотрено различное количество патронов. Так, Федеральный стандарт предусматривает следующие нормы обеспеченности учебно-тренировочного процесса патронами для спортивного огнестрельного оружия с нарезным стволом калибра 5,6 мм: для тренировочного этапа (этапа спортивной специализации) – 4 000 штук в год, для этапа совершенствования спортивного мастерства – 6 000 штук в год, для этапа высшего спортивного мастерства – 8 000 штук в год¹.

Н.С. Загурский и Я.С. Романов, проанализировали содержание Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «биатлон» и предложили увеличить количество выстрелов в комплексных тренировках с учетом средств передвижения (бег, лыжероллеры, лыжи) и зон интенсивности от 3 200 выстрелов в год (для спортсменов первого года обучения на тренировочном этапе) до 9 200 выстрелов в год – для спортсменов высшего спортивного мастерства [16].

Обратившись к истории, можно отметить, что до 1978 г. в биатлоне использовались винтовки калибра 7,62 и 6,5 мм (вначале использовали армейскую винтовку Мосина калибра 7,62 мм, потом на ее базе конструктор А.С. Шестряков разработал винтовку «Биатлон-59», а в 1960 г. – винтовки БИ-7,62 и БИ-6,5). Упражнения в стрельбе выполнялись на четырех стрельбищах с дистанциями стрельбы 250, 200, 150 и 100 м [17]. Отдача при стрельбе из боевого оружия значительно больше, чем отдача при стрельбе из современных биатлонных винтовок калибра 5,6 мм. В этой связи количество выстрелов, которое делали биатлонисты тех лет в

стрелковых и комплексных тренировках, было существенно меньше во избежание серьезных травм плечевого сустава. Тем не менее результаты стрельбы биатлонистов 1960-х гг. были не хуже нынешних. Например, в 1964 г. в Ленинграде на Кавголовских играх, в которых участвовали спортсмены СССР и скандинавских стран, у одного из советских спортсменов (им был мой научный руководитель – мастер спорта СССР (лыжные гонки и биатлон, 1963), кандидат педагогических наук (1973), профессор (1993), выпускник Омского государственного института физической культуры (1963) – Николай Григорьевич Безмельницын) было всего 25 патронов, 20 из которых он оставил на соревнование в индивидуальной гонке, а 5 патронов использовал для пристрелки на четырех стрельбищах (250, 200, 150 и 100 м), т.е. на каждом стрельбище на пристрелку он потратил по одному патрону. Однако это обстоятельство не мешало ему занять 8-е место в данных международных соревнованиях.

Современные подходы к методикам тренировки в биатлоне характеризуются тенденцией к увеличению количества выстрелов в стрелковых и комплексных тренировках, что, на наш взгляд, представляет собой экстенсивный путь развития методики спортивной тренировки, может привести к ослаблению контроля техники стрельбы со стороны тренера и сформировать неправильную технику, а незнание правил стрельбы и неумение их применять снизит не только результат стрельбы, но и спортивно-технический результат в целом. Возможно, что перечисленные выше обстоятельства инициировали проведение исследования по разработке новых средств обучения прицеливанию с помощью обучающих игровых программ [18, 19].

Проведенные ранее исследования показали, что юные биатлонисты в недостаточной мере знают правила стрельбы [20]. Показано полное отсутствие знаний правил стрельбы в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания. Возникает вопрос: какой смысл в обучении биатлонистов правилам стрельбы, когда используются только стрелковые и комплексные тренировки, зачем тратить время (спортсменов и тренеров), материальные средства (патроны, оружие, стрельбище), если это не приносит положительного результата, т.е. уровень стрелковой подготовленности от большого количества слабо контролируемых выстрелов не повышается. Очевидно, что для обучения целесообразно использовать какой-либо симулятор. На необходимость разработки симулятора для обучения биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять (в виде носимых электронных устройств – девайсов – со специальным программным обеспечением) нами было показано ранее [21, 22].

В целях оптимизации учебно-тренировочного процесса, направленного на обучение юных биатлонистов правилам стрельбы и умениям их применять, перед проведением соответствующих стрелковых и комплексных тренировок *считаем целесообразным* при помощи си-

Таблица 1

Сводная матрица рангов спортивных квалификаций, при которых, как считают тренеры-эксперты, биатлонисты должны знать и уметь «отмечать» выстрел

Спортивная квалификация биатлонистов		Эксперты					Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3	4	5			
I юношеский разряд	x ₁	1	1	1	1	2,5	6,5	-11	121
III разряд	x ₂	2	2	2	2	1	9	-8,5	72,25
II разряд	x ₃	3	3	3	3	2,5	14,5	-3	9
I разряд	x ₄	4	4	4	4	4	20	2,5	6,25
КМС	x ₅	5	5	5	5	5	25	7,5	56,25
МС	x ₆	6	6	6	6	6	30	12,5	156,25
	Σ	21	21	21	21	21	105		421

муляторов обучить спортсменов тем правилам стрельбы, которые предстоит освоить на предстоящих стрелковых и комплексных тренировках.

Цель исследования – определить, какие правила стрельбы должны знать и уметь применять биатлонисты той или иной спортивной квалификации («отметка» выстрела; определение средней точки попадания; внесение поправок в прицел; правила «выноса» точки прицеливания при стрельбе в условиях ветра).

Методы и организация исследования

В качестве основного метода исследования нами использовался опрос экспертов. Экспертами выступили пять тренеров по биатлону – четыре заслуженных тренера России и один тренер высшей квалификации. Тренеры-эксперты в настоящее время работают со спортсменами основной и юношеской сборной команды Российской Федерации, а также со спортсменами центра спортивной подготовки и юными спортсменами школы олимпийского резерва одного из субъектов Российской Федерации. Сбор мнений специалистов осуществлен посредством анкетного опроса. Эксперты присваивали ранговый номер «один» биатлонистам той спортивной квалификации, при которой спортсмен должен знать данное правило стрельбы. Остальные спортивные квалификации в биатлоне ранжировались по степени значимости для них правила стрельбы. Если для освоения какого-либо правила стрельбы, эксперт признает равнозначными две или несколько спортивных квалификаций, то им присваивается одинаковый ранговый номер. Расчеты коэффициента конкордации Кендалла (средняя степень согласованности мнений экспертов), оценки статистической достоверности коэффициента и показателей уровня значимости правил стрельбы были проведены с использованием программного обеспечения Statistica.

Значение коэффициента конкордации (W) может находиться в диапазоне от 0 до 1. Если W = 0, то мнения экспертов считаются несогласованными. Если W = 1, то оценки экспертов полностью согласованы. Если значение коэффициента конкордации превышает 0,40–0,50, то согласованность считается удовлетворительной, если W > 0,70–0,80 – высокой. Использование коэффициента конкордации Кендалла в исследованиях имеет два ограничения: первое – невозможность рассчитать согласованность мнений экспертов по каждой переменной в отдельности, второе – коэффициент измеряет согласованность мнений в смысле их коррелированности, но не совпадения.

Результаты исследования и их обсуждение

Спортивная квалификация, при которой биатлонисты должны знать и уметь «отмечать» выстрел. Тренеры-эксперты (m = 5) оценили, при какой спортивной квалификации (n = 6; I юношеский разряд, III разряд, II разряд, I разряд, КМС, МС) биатлонист должен знать и уметь «отмечать» выстрел (табл. 1).

Оценка средней степени согласованности мнений всех тренеров-экспертов выполнена посредством расчета коэффициента конкордации для случая, когда имеются связанные ранги (одинаковые значения рангов в оценках одного эксперта):

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12}m^2(n^3 - n) - m \sum T_i},$$

где S = 421; n = 6, m = 5.

$$T_i = \frac{1}{12} \sum (t_i^3 - t_i),$$

где T_i – число связей (видов повторяющихся элементов) в оценках i-го эксперта, t_i – количество элементов в l-й связке для i-го эксперта (количество повторяющихся элементов).

$$T_5 = [(23-2)]/12 = 0,5.$$

$$\sum T_i = 0,5 = 0,5.$$

$$W = \frac{421}{\frac{1}{12}5^2(6^3 - 6) - 5 \cdot 0,5} = 0,97.$$

Величина коэффициента конкордации W = 0,97 указывает на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов.

Оценка значимости коэффициента конкордации выполнена посредством расчета критерия согласованности Пирсона:

$$\chi^2 = \frac{S}{\frac{1}{12}mn(n+1) + \frac{1}{n-1} \sum T_i},$$

$$\chi^2 = \frac{421}{\frac{1}{12}5 \cdot 6(6+1) + \frac{1}{6-1}0,5} = 24,2.$$

Расчетный критерий согласованности Пирсона $\chi^2 = 24,2 \geq$ табличного значения (11,07050) для числа степеней свободы K = n-1 = 6-1 = 5 и при уровне значимости α = 0,05. Это означает, что коэффициент конкордации W = 0,97 – величина статистически достоверная и полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях.

На основе расчета суммы рангов вычислены показатели весомости рассмотренных параметров – матрица опроса преобразована в матрицу преобразованных рангов по формуле $s_{ij} = x_{\max} - x_{ij}$, где $x_{\max} = 6$. Показатели значимости (ранги) спортивных квалификаций, при которых биатлонист должен знать и уметь «отмечать» выстрел, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Ранги спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь «отмечать» выстрел

Спортивная квалификация биатлонистов	Эксперты					Σ	Вес λ
	1	2	3	4	5		
I юношеский разряд	5	5	5	5	3,5	23,5	0,3133
III разряд	4	4	4	4	5	21	0,28
II разряд	3	3	3	3	3,5	15,5	0,2067
I разряд	2	2	2	2	2	10	0,1333
КМС	1	1	1	1	1	5	0,06667
МС	0	0	0	0	0	0	0
Итого						75	1

По результатам опроса тренеров-экспертов установлено, что уметь «отмечать» выстрел должны биатлонисты I юношеского разряда (31%).

Спортивная квалификация, при которой биатлонисты должны знать и уметь определять среднюю точку попадания. Результаты опроса тренеров-экспертов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сводная матрица рангов спортивных квалификаций, при которых, как считают тренеры-эксперты, биатлонисты должны знать и уметь определять среднюю точку попадания

Спортивная квалификация биатлонистов		Эксперты					Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3	4	5			
I юношеский разряд	x ₁	6	6	6	6	6	30	12,5	156,25
III разряд	x ₂	2,5	2,5	2,5	2,5	5	15	-2,5	6,25
II разряд	x ₃	1	1	1	1	2,5	6,5	-11	121
I разряд	x ₄	2,5	2,5	2,5	2,5	1	11	-6,5	42,25
КМС	x ₅	4	4	4	4	2,5	18,5	1	1
МС	x ₆	5	5	5	5	4	24	6,5	42,25
	Σ	21	21	21	21	21	105		369

Оценка средней степени согласованности мнений всех тренеров-экспертов выполнена посредством расчета коэффициента конкордации и составляет $W = 0,87$. Величина коэффициента конкордации $W = 0,87$ указывает на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов.

Расчетный критерий согласованности Пирсона $\chi^2 = 21,7 \geq$ табличного значения (11,07050) для числа степеней свободы $K = n-1 = 6-1 = 5$ и при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Это означает, что коэффициент конкордации $W = 0,87$ – величина статистически достоверная и полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях.

Показатели значимости (ранги) спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь определять среднюю точку попадания, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Ранги спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь определять среднюю точку попадания

Спортивная квалификация биатлонистов	Эксперты					Σ	Вес λ
	1	2	3	4	5		
I юношеский разряд	0	0	0	0	0	0	0
III разряд	3,5	3,5	3,5	3,5	1	15	0,2
II разряд	5	5	5	5	3,5	23,5	0,3133
I разряд	3,5	3,5	3,5	3,5	5	19	0,2533
КМС	2	2	2	2	3,5	11,5	0,1533
МС	1	1	1	1	2	6	0,08
Итого						75	1

По результатам опроса тренеров-экспертов установлено, что знать и уметь определять среднюю точку попадания должны биатлонисты II разряда (31%).

Спортивная квалификация, при которой биатлонисты должны знать и уметь вносить поправки в прицел. Результаты опроса тренеров-экспертов представлены в табл. 5.

Таблица 5

Сводная матрица рангов спортивных квалификаций, при которых, как считают тренеры-эксперты, биатлонисты должны знать и уметь вносить поправки в прицел

Спортивная квалификация биатлонистов		Эксперты					Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3	4	5			
I юношеский разряд	x ₁	6	6	6	6	6	30	12,5	156,25
III разряд	x ₂	5	5	5	5	5	25	7,5	56,25
II разряд	x ₃	2,5	2,5	2,5	2,5	4	14	-3,5	12,25
I разряд	x ₄	1	1	1	1	2,5	6,5	-11	121
КМС	x ₅	2,5	2,5	2,5	2,5	1	11	-6,5	42,25
МС	x ₆	4	4	4	4	2,5	18,5	1	1
	Σ	21	21	21	21	21	105		389

Оценка средней степени согласованности мнений всех тренеров-экспертов выполнена посредством расчета коэффициента конкордации и составляет $W = 0,92$. Величина коэффициента конкордации $W = 0,92$ указывает на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов.

Расчетный критерий согласованности Пирсона $\chi^2 = 22,88 \geq$ табличного значения (11,07050) для числа степеней свободы $K = n-1 = 6-1 = 5$ и при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Это означает, что коэффициент конкордации $W = 0,92$ – величина статистически достоверная и полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях.

Показатели значимости (ранги) спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь вносить поправки в прицел, представлены в табл. 6.

По результатам опроса тренеров-экспертов установлено, что знать и уметь вносить поправки в прицел должны биатлонисты I разряда (31%).

Таблица 6

Ранги спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь вносить поправки в прицел

Спортивная квалификация биатлонистов	Эксперты					Σ	Вес λ
	1	2	3	4	5		
I юношеский разряд	0	0	0	0	0	0	0
III разряд	1	1	1	1	1	5	0,06667
II разряд	3,5	3,5	3,5	3,5	2	16	0,2133
I разряд	5	5	5	5	3,5	23,5	0,3133
КМС	3,5	3,5	3,5	3,5	5	19	0,2533
МС	2	2	2	2	3,5	11,5	0,1533
Итого						75	1

Спортивная квалификация, при которой биатлонисты должны знать и уметь стрелять в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания. Результаты опроса тренеров-экспертов представлены в табл. 7.

Таблица 7

Сводная матрица рангов спортивных квалификаций, при которых, как считают тренеры-эксперты, биатлонисты должны знать и уметь стрелять в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания

Спортивная квалификация биатлонистов		Эксперты					Сумма рангов	d	d ²
		1	2	3	4	5			
I юношеский разряд	x ₁	6	6	6	6	6	30	12,5	156,25
III разряд	x ₂	5	5	5	5	5	25	7,5	56,25
II разряд	x ₃	2,5	2,5	2,5	2,5	4	14	-3,5	12,25
I разряд	x ₄	1	1	1	1	2,5	6,5	-11	121
КМС	x ₅	2,5	2,5	2,5	2,5	1	11	-6,5	42,25
МС	x ₆	4	4	4	4	2,5	18,5	1	1
Σ		21	21	21	21	21	105		389

Оценка средней степени согласованности мнений всех тренеров-экспертов выполнена посредством расчета коэффициента конкордации и составляет $W = 0,97$. Величина коэффициента конкордации $W = 0,97$ указывает на наличие высокой степени согласованности мнений экспертов.

Расчетный критерий согласованности Пирсона $\chi^2 = 21,18 \geq$ табличного значения (11,07050) для числа степеней свободы $K = n - 1 = 6 - 1 = 5$ и при уровне значимости $\alpha = 0,05$. Это означает, что коэффициент конкордации $W = 0,97$ – величина статистически достоверная и полученные результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях.

Показатели значимости (ранги) спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь применять правила стрельбы в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания, представлены в табл. 8.

По результатам опроса тренеров-экспертов установлено, что знать и уметь стрелять в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания должны биатлонисты квалификации КМС (32%).

Единой всероссийской спортивной классификацией (ЕВСК) по виду спорта «Биатлон», который включен в программу Олимпийских зимних игр, определены минимальные границы возраста для присвоения спортивного разряда «кандидат в мастера спорта» – 15 лет, для присвоения спортивного звания «Мастер спорта России» – 17 лет, для присвоения спортивного звания «Мастер спорта России международного класса» (МСМК) – 20 лет². Таким образом, в соответствии с требованиями ЕВСК по виду спорта «Биатлон» к выполнению спортивных разрядов и званий с 15 лет целесообразно обучать биатлонистов стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания, с 14 лет – внесению поправок в прицел, с 13 лет – определению средней точки попадания, с 12 лет – «отмет-

ке» выстрела, что вполне согласуется с результатами проведенного нами исследования.

Таблица 8

Ранги спортивных квалификаций, при которых биатлонисты должны знать и уметь стрелять в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания

Спортивная квалификация биатлонистов	Эксперты					Σ	Вес λ
	1	2	3	4	5		
I юношеский разряд	0	0	0	0	0	0	0
III разряд	1	1	1	1	1	5	0,06667
II разряд	2	2	2	2	2	10	0,1333
I разряд	3,5	3,5	3,5	3,5	3	17	0,2267
КМС	5	5	5	5	4	24	0,32
МС	3,5	3,5	3,5	3,5	5	19	0,2533
Итого						75	1

Федеральный стандарт спортивной подготовки (ФССП) по виду спорта «Биатлон» предусматривает нормативы общей физической и специальной физической подготовки для зачисления в группы на этапе начальной подготовки, на тренировочном этапе (этапе спортивной специализации), на этапе совершенствования спортивного мастерства, на этапе высшего спортивного мастерства³. Нормативов по общей стрелковой и специальной стрелковой подготовке в ФССП по виду спорта «Биатлон», в отличие от ФССП «Пулевая стрельба»⁴, нет. ФССП по виду спорта «Биатлон» определяет требования к структуре и содержанию программ спортивной подготовки, в том числе к освоению их теоретических и практических разделов применительно к каждому этапу спортивной подготовки. Необходимость в разработке нормативной и методической частей, а также зачетных требований по общей стрелковой и специальной стрелковой подготовке для программ спортивной подготовки в биатлоне определяет целесообразность использования результатов данного исследования.

Выводы

Обучение биатлонистов правилам стрельбы и умениям применять эти правила следует осуществлять кумулятивным (накопительным) способом с учетом спортивной квалификации и в следующей последовательности: «отметке» выстрела необходимо обучать биатлонистов I юношеского разряда, определению средней точки попадания – биатлонистов II спортивного разряда; внесению поправок в прицел – биатлонистов I спортивного разряда, стрельбе в условиях ветра способом «вынос» точки прицеливания – биатлонистов квалификации КМС.

Примечания

¹ Приказ Министерства спорта РФ от 20 августа 2019 г. № 670 «Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Биатлон»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201909230015> (дата обращения 05.02.2022).

² Об утверждении Единой всероссийской спортивной классификации (виды спорта, включенные в программу Олимпийских зимних игр): приказ Министерства спорта Российской Федерации от 13.11.2017 № 989. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712120043> (дата обращения 07.02.2022).

³ Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Биатлон»: приказ Министерства спорта РФ от 20 августа 2019 г. № 670. URL: http://base.garant.ru/72757976/#block_11000 (дата обращения 07.02.2022).

⁴ Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта «Пулевая стрельба»: приказ Министерства спорта РФ от 19 января 2018 г. № 35. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71835526/>

Список источников

1. Загурский Н.С., Романова Я.С. Оценка параметров стрелковой подготовленности и показателей постральной устойчивости у биатлонистов, проходящих подготовку на этапе совершенствования спортивного мастерства в биатлоне // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 10 (176). С. 137–142.
2. Романова Я.С., Загурский Н.С. Анализ показателей стрелковой подготовленности у биатлонистов на этапе высшего спортивного мастерства // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 252–255.
3. Загурский Н.С., Романова Я.С. Комплексный тест для оценки интегральной подготовленности биатлонистов // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 10 (152). С. 64–71.
4. Романова Я.С., Михалев В.И., Загурский Н.С. Основные варианты удержания оружия при стрельбе из положения «стоя» и их влияние на результат стрельбы в биатлоне // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 12 (154). С. 233–236.
5. Круковский Н.А., Сошников Н.Н. Определение взаимосвязей между координационными способностями и параметрами стрельбы из положения стоя у биатлонистов на этапе спортивной специализации // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2019. №3. С. 30–35.
6. Загурский Н.С., Романова Я.С. ЧСС у биатлонисток высшей квалификации при прохождении соревновательных дистанций и огневых рубежей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 8 (150). С. 32–39.
7. Загурский Н.С., Романова Я.С. Влияние частоты сердечных сокращений на качество стрельбы биатлонистов // Научные труды Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. 2017. Т. 20, № 1. С. 9–17.
8. Куделин А.И., Загурский Н.С. Основные принципы пристрелки в биатлоне // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 108–125.
9. Куделин А.И., Загурский Н.С. Приоритеты в концентрации внимания при стрельбе // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы V Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 124–142.
10. Куделин А.И., Загурский Н.С., Хайтович Ф. Стрелковые навыки в биатлоне: обучение и совершенствование техники стрельбы // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 87–104.
11. Загурский Н.С., Ростовцев П.А., Гуца С.Ю. Совершенствование стрелковой подготовки биатлонистов высокой квалификации на основе средств срочной информации // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 2013. С. 275–288.
12. Астафьев Н.В. Совершенствование техники стрельбы биатлонистов на основе использования срочной информации о процессе прицеливания, получаемой при помощи тренажеров SCATT. М. : Колос-с, 2020. 144 с.
13. Дунаев К.С., Алексашин Д.Я., Савицкий Я.И., Загурский Н.С. Совершенствование стрелковой подготовки биатлонистов с использованием стрелкового компьютерного тренажера «СКАТТ» и контроль за ней // Теория и практика физической культуры. 2007. № 9. С. 49–52.
14. Ростовцев П.А., Куделин А.И., Загурский Н.С., Романова Я.С. К вопросу о стрелковой подготовке биатлонистов в условиях ветра // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2012. С. 164–173.
15. Зубрилов Р.А., Астафьев Н.В. Алгоритм обучения биатлонистов стрельбе способом «вынос точки прицеливания» на стрелковом тренажере «SCATT» // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2015. № 3 (36). С. 7–16.
16. Загурский Н.С., Романова Я.С. Анализ стрелковой подготовки по виду спорта биатлон в ДЮСШ, СДЮШОР, УОР, ЦСП // Проблемы и перспективы развития физической культуры и спорта. 2019. № 1. С. 153–162.
17. Дунаев К.С., Сергеев Г.А., Сивкова Ю.Н. К вопросу об истории развития биатлона // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 9 (139). С. 37–42.
18. Романова Я.С., Загурский Н.С. Некоторые аспекты обучения и совершенствования стрельбы юных биатлонистов // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2019. С. 107–115.
19. Романова Я.С., Загурский Н.С. Новый подход к обучению стрельбе в биатлоне // Современная система спортивной подготовки в биатлоне : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2018. С. 132–143.
20. Астафьев Н.В., Куклева Г.А., Панков Е.А. Оценка у юных биатлонистов знаний правил стрельбы и умений их применять: методы и результаты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 473. С. 161–169. DOI: 10.17223/15617793/473/20
21. Астафьев Н.В., Куклева Г.А. Обучение биатлонистов правилам стрельбы с использованием электронных устройств // BIO Web of Conferences. 2020. Vol. 26. First International Scientific-Practical Conference «Actual Issues of Physical Education and Innovation in Sports» (PES 2020). Art. № 00005. DOI: 10.1051/bioconf/20202600005
22. Астафьев Н.В., Колунин Е.Т. Научно-образовательный проект «Дистанционное обучение правилам стрельбы в биатлоне с использованием специального программного обеспечения» // Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: актуальные вызовы и ответы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.Н. Зуева. Тюмень : Вектор Бук, 2020. С. 116–119.

References

1. Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2019) Evaluation of Shooting Preparation Parameters and Indicators of Postural Stability of Biathletes Training at the Stage of Sports Improvement in Biathlon. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 10 (176). pp. 137–142. (In Russian).
2. Romanova, Ya.S. & Zagurskiy, N.S. (2020) Analysis of the Indicators of Shooting Preparation of Biathletes at the Stage of Higher Sports Skills. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 8 (186). pp. 252–255. (In Russian).
3. Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2017) Complex Test for Assessing Integral Preparedness of Biathletes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 10 (152). pp. 64–71. (In Russian).
4. Romanova, Ya.S., Mikhalev, V.I. & Zagurskiy, N.S. (2017) Main Options of Retaining Weapons When Firing From the Standing Position and Their Influence on the Result of Shooting in Biathlon. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (154). pp. 233–236. (In Russian).
5. Krukovskiy, N.A. & Soshnikov, N.N. (2019) Opredelenie vzaimosvyazey mezhdu koordinatsionnymi sposobnostyami i parametrami strel'by iz polozheniya stoya u biatlonistov na etape sportivnoy spetsializatsii [Determining the relationship between coordination abilities and parameters of shooting from a standing position in biathletes at the stage of sports specialization]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 3. pp. 30–35.
6. Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2017) Heart Rate of the Biathletes With Highest Qualification on the Competitive Distances and Shooting Ranges. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 8 (150). pp. 32–39. (In Russian).

7. Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2017) The Effect of Heart Rate the Quality of Shooting, Biathlon. *Nauchnye trudy Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta fizicheskoy kul'tury i sporta*. 20 (1). pp. 9–17. (In Russian).
8. Kudelin A.I. & Zagurskiy, N.S. (2015) [Basic principles of aiming in biathlon]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 108–125. (In Russian).
9. Kudelin, A.I. & Zagurskiy, N.S. (2016) [Priorities in concentration of attention during shooting]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 124–142. (In Russian).
10. Kudelin, A.I., Zagurskiy, N.S. & Khaytovich, F. (2018) [Shooting skills in biathlon: training and improvement of shooting technique]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 87–104.
11. Zagurskiy, N.S., Rostovtsev, P.A. & Gushcha, S.Yu. (2013) [Improving the shooting training of highly qualified biathletes based on urgent information]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 275–288. (In Russian).
12. Astaf'ev, N.V. (2020) *Sovershenstvovanie tekhniki strel'by biatlonistov na osnove ispol'zovaniya srochnoy informatsii o protsesse pritselivaniya, poluchaemoy pri pomoshchi trenazherov SCATT* [Improvement of biathletes' shooting technique based on the use of urgent information about the aiming process obtained with the help of SCATT simulators]. Moscow: Kolos-s.
13. Dunaev, K.S. et al. (2007) *Sovershenstvovanie strelkovoy podgotovki biatlonistov s ispol'zovaniem strelkovogo komp'yuternogo trenazhera "SKATT" i kontrol' za ney* [Improving the shooting training of biathletes using the SCATT shooting computer simulator and monitoring it]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 9. pp. 49–52.
14. Rostovtsev, P.A. et al. (2012) [On shooting training of biathletes in wind conditions]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 164–173. (In Russian).
15. Zubrilov, R.A. & Astaf'ev, N.V. (2015) *Algoritm obucheniya biatlonistov strel'be sposobom "vynos tochki pritselivaniya" na strelkovom trenazhere "SCATT"* [Algorithm for training biathletes in shooting by aiming off on the SCATT shooting simulator]. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kul'tury i sporta*. 3 (36). pp. 7–16.
16. Zagurskiy, N.S. & Romanova, Ya.S. (2019) *Analiz strelkovoy podgotovki po vidu sporta biatlon v DYuSSh, SDYuShOR, UOR, TsSP* [Analysis of shooting training in biathlon in children's and youth sports schools, specialized children and youth sports schools of the Olympic reserve, Olympic reserve academies, sports training centers]. *Problemy i perspektivy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta*. 1. pp. 153–162.
17. Dunaev, K.S., Sergeev, G.A. & Sivkova, Yu.N. (2016) To the Issue of History of Biathlon Development. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 9 (139). pp. 37–42. (In Russian).
18. Romanova, Ya.S. & Zagurskiy, N.S. (2019) [Some aspects of training and mastering of shooting in young biathletes]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 107–115. (In Russian).
19. Romanova, Ya.S. & Zagurskiy, N.S. (2018) [A new approach to teaching shooting in biathlon]. *Sovremennaya sistema sportivnoy podgotovki v biatlone* [Modern system of sports training in biathlon]. Conference Proceedings. Omsk. pp. 132–143. (In Russian).
20. Astaf'ev, N.V., Kukleva, G.A. & Pankov, E.A. (2022) Assessment of young biathletes' knowledge of shooting rules and their application: methods and results. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 473. pp. 161–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/473/20
21. Astaf'ev, N.V. & Kukleva, G.A. (2020) Teaching biathletes the rules of shooting using electronic devices. *BIO Web of Conferences*. Vol. 26. First International Scientific-Practical Conference "Actual Issues of Physical Education and Innovation in Sports" (PES 2020). Art. 00005. doi: 10.1051/bioconf/20202600005
22. Astaf'ev, N.V. & Kolunin, E.T. (2020) [Scientific and educational project "Distance learning of the shooting rules in biathlon using special software"]. *Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta: aktual'nye vyzovy i otvety* [Strategy for the formation of a healthy lifestyle of the population by means of physical culture and sports: relevant challenges and answers]. Proceedings of the International Conference. Tyumen: Vektor Buk. pp. 116–119. (In Russian).

Информация об авторах:

Астафьев Н.В. – д-р пед. наук, начальник кафедры огневой подготовки Тюменского института повышения квалификации МВД России (Тюмень, Россия). E-mail: astnic@mail.ru

Куклева Г.А. – олимпийская чемпионка по биатлону, профессор кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: galchonok171@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Astafiev, Dr. Sci. (Pedagogics), Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Tyumen, Russian Federation). E-mail: astnic@mail.ru

G.A. Kukleva, Olympic biathlon champion, professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: galchonok171@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.02.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 05.02.2022;
approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 378.4
doi: 10.17223/15617793/480/22

Опытно-экспериментальная работа по реализации методической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования

Ольга Васильевна Володина¹

¹ Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, volodina@petrsu.ru

Представлен анализ результатов опытно-экспериментальной работы по практической реализации модели методической системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования. Выявлена положительная динамика показателей критериев когнитивного, речемыслительного, коммуникативного, регулятивного, рефлексивного, аксиологического и творческого аспектов интеллектуального и личностного развития у студентов экспериментальной группы.

Ключевые слова: интеллектуальная культура личности, иноязычное образование в вузе, студенты – будущие учителя, экспериментальное обучение, диагностический инструментарий, критерии и показатели

Для цитирования: Володина О.В. Опытно-экспериментальная работа по реализации методической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 187–206. doi: 10.17223/15617793/480/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/22

Experimental work on the implementation of the methodological model of fostering personal intellectual culture in undergraduate pedagogical students by means of foreign-language education

Olga V. Volodina¹

¹ Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, volodina@petrsu.ru

Abstract. The article deals with the problem of education intellectualization at higher education institutions. The aim of the article is to present the analysis of the results of the experimental work on the practical implementation of the model of the methodical system for fostering personal intellectual culture in undergraduate pedagogical students by means of foreign-language education. The main process of the experimental teaching of foreign languages was focused on the integrated fostering of the components of the personal intellectual culture of future teachers: (a) *cognitive culture* (skills, abilities and experience associated with the understanding of meaning, systematization, transformation of foreign-language information); (b) *communicative culture* (detailed, logical and meaningful verbal communication in a foreign language); (c) *the culture of reflective thinking* (goal-setting, self-motivation, self-determination, introspection, self-regulation, self-organization, self-esteem and self-control of one's activities in the process of learning a foreign language); (d) *the culture of creativity* (the disclosure and development of creative abilities and readiness for innovation); (e) *the worldview culture* (the formation of a wide range of manifestations of education; the gained knowledge, mastered skills and abilities allow one to think, to reason, to strive for the best, to comprehend the phenomena of one's own spiritual life and to form the integral picture of the world, to be responsible, to evaluate the consequences of one's actions in accordance with the socio-ethical norms and spiritual values. The diagnostic tools such as surveys, questionnaires, diagnostic techniques, the method of participant observation in practical classes, analysis of the products of the educational, cognitive, creative and research activities performed by students during the practical classes and the extracurricular events, test papers, test tasks, creative projects, presentation of project and research work, self-assessment and mutual assessment, external expert assessment of university teachers and representatives of the employer (secondary schools teachers), etc. were used. At the transformative and control-evaluative stages of the experimental work, the positive dynamics of the development of indicators of cognitive, analytical, speech-thinking, communicative, regulatory, reflexive, axiological and creative aspects of intellectual and personal improvement in the students of the experimental group was revealed. The author concludes that the process and the result of the carried out activities reveal the effectiveness of the designed conceptual and methodological model of foreign-language education that presupposes the systemic development of a

complex of abilities and personal qualities of the cognitive-semantic, motivational-value, organizational-active and creative spheres in pedagogical students' personalities.

Keywords: personal intellectual culture, foreign-language education at university, pedagogical students, experimental teaching, diagnostic tools, criteria and indicators

For citation: Volodina, O.V. (2022) Experimental work on the implementation of the methodological model of fostering personal intellectual culture in undergraduate pedagogical students by means of foreign-language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 187–206. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/22

Введение

Актуальность исследования факторов развития интеллектуальной культуры личности будущих специалистов в условиях высшей школы, в частности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата, определена общественной потребностью и государственным заказом (Е.М. Бабосов [1], Э.А. Манушин [2], А.В. Воронин [3], Г.И. Герасимов [4], Г.И. Письменский [5], И.М. Реморенко [6], В.М. Филиппов [7], А.Д. Урсул [8], Н.К. Сергеев [9] и др.). В условиях повышения общемировой конкуренции усиливается *запрос* на высококвалифицированных специалистов – профессионалов, отвечающих на глобальные запросы современности социальной, финансовой, ресурсной, техногенной, экологической направленности и владеющих *иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией* на высоком уровне, способных планировать и реализовывать речеповеденческие стратегии коммуникации и общения посредством *иностранный язык* (ИЯ) для решения личных и профессиональных задач в контексте трансграничного перемещения информации, инновационных процессов социально-экономического и образовательного пространства, международного партнерства и взаимодействия.

Современное техногенное общество, сменившее индустриальное, сопровождается ценностными трансформациями в экономике, политике и других областях социальной жизни; происходят активные модернизационные процессы в науке, образовании, социальных институтах, структурах управления. Управление знаниями становится движущим стимулом развития экономики и социально-культурного пространства в целом. Ключевыми факторами динамичного развития экономики знаний являются *человек* и его *интеллектуальный ресурс*.

Современное глобальное конкурентное и часто антагонистически настроенное мировое сообщество выдвигает новые запросы фундаментальной науке и высокие требования к качеству *высшего профессионального образования* по подготовке высококвалифицированных специалистов для научно-технологических областей знания, в частности для сферы нанотехнологий, энергетики, биотехнологий, здравоохранения, информационно-коммуникационных систем, новых поколений материалов и др. В сфере обучения и воспитания подрастающего поколения социальный заказ связан с широкой общекультурной и психолого-педагогической подготовкой креативных деятельных педагогов с устойчивыми нравственными принципами и активной жизненной позицией, готовых и спо-

собных в своей профессиональной деятельности обучить и воспитать своих учеников как личностей с богатым духовным миром, умеющих мыслить самостоятельно, с развитым критическим мышлением и творческим подходом к различным аспектам своей жизнедеятельности.

Целевые установки *интеллектуализации иноязычного образования* в вузе на *развитие интеллектуальной культуры личности* обучающихся с учетом положений фундаментализации, универсализации, гуманизации, креативизации, информатизации, интеллектуализации образования через культуру, соединение образовательных и исследовательских процедур (А.И. Субетто) [10] как важных принципов целостного образовательного процесса направлены на преодоление *противоречий*, обусловленных: а) интеграционным взаимодействием и вхождением высших учебных заведений России в единое европейское пространство высшего образования и недостаточно высоким уровнем иноязычной подготовки у значительного количества российских студентов; б) государственным социальным заказом на высококвалифицированных специалистов со знанием ИЯ для практического использования в профессиональной сфере и сложившейся традиционной практикой преподавания ИЯ на неязыковых факультетах, неспособной в полной мере подготовить требуемых специалистов; в) пониманием важности и эффективности применения новых информационных технологий в учебном процессе для профессионального становления специалистов и ограниченным их использованием в процессе иноязычного образования; г) необходимостью увеличения активной практики межкультурного и профессионального общения на ИЯ с учетом специфики национальных культур партнеров по взаимодействию для обеспечения овладения иноязычной профессиональной коммуникативной компетенцией и сокращением количества академических часов на преподавание ИЯ в вузе. Наблюдается *дефундаментализация высшего образования*, в том числе иноязычного, проявляющаяся в прагматической и технологической установке процесса обучения: вместо формирования осмысленных и усвоенных знаний, позволяющих создавать индивидуальные картины мира, в учебном процессе транслируются в большей мере информационные сведения. Недостаточно разработаны методологические и теоретические положения, а также методическое и технологическое обеспечение формирования академических, профессиональных и соответствующих личностных и социальных компетенций обучающихся в логике интеллектуализации образования в вузе для успешного осуществления всех видов предстоящей

трудовой деятельности, в том числе преподавательской, организационно-управленческой, учебно-методической и др. Организация процесса обучения ИЯ в неязыковых подразделениях вуза по причине ограниченного количества академических часов осуществляется на основе *принципов рационализации и интенсификации* при использовании внутренних резервов обучающихся для повышения эффективности образования, что требует соответствующей корректировки учебного процесса и непрерывного стремления к повышению качества преподавания. Процесс обучения ИЯ в условиях современной реальности высшей школы не обеспечивает формирования целостного опыта профессиональной и языковой деятельности; иноязычные стратегии и тактики не соотносятся в должной мере с содержанием предметной области профессии будущих специалистов, что снижает возможности расширения образовательных потенциалов вуза средствами иноязычного образования. Решение указанных проблем крайне актуально, в том числе в связи с активизацией мобильности специалистов: расширение и укрепление международной деловой коммуникации предполагает взаимопонимание и гуманные отношения, уважение к личной и национальной исключительности, учет культурного разнообразия, формируемых в процессе обучения ИЯ в контексте диалога культур.

Для практической реализации стратегий интеллектуализации образования в вузе была разработана *модель методической системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования* [11. С. 226–228], которая включает следующие составляющие:

1) *целевой компонент* – установка на развитие *речемыслительной деятельности* обучающихся посредством актуализации и проявления когнитивных, умственных, коммуникативных, регулятивных, творческих, рефлексивных способностей в процессе обучения ИЯ в вузе [12];

2) *содержательный компонент*: а) *предметный аспект* (когнитивный, гносеологический, аксиологический, интерсоциальный); б) *процессуальный аспект* (коммуникативный, эмоционально-оценочный, рефлексивный, профессиональный) [13];

3) *организационный компонент* (мотивационный, интеллектуально-информационный, личностно-деятельностный, творческий, рефлексивно-оценочный этапы) – построение и управление системным, непрерывным, личностно ориентированным процессом обучения ИЯ в высшей школе;

4) *диагностический компонент* – организация контроля, выявление критериев и показателей для оценки развития таких компонентов интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата, как: 1) *когнитивная культура* (информационно-смысловой компонент) – интеллектуальные умения, когнитивный стиль, ментальный опыт; 2) *коммуникативная культура* (вербально-содержательный компонент) – правильность речи, коммуникативная целесообразность,

коммуникативное партнерство; 3) *культура рефлексивного мышления* (мотивационно-регулятивный компонент) – самомотивация, саморегуляция, самоанализ; 4) *культура творчества* (креативно-деятельностный компонент) – творческая активность, самостоятельная творческая позиция, творческое самосовершенствование; 5) *мировоззренческая культура* (познавательный и ценностно-этический аспект) – целостность знаний, ценностные ориентации, социальная активность.

С целью подтверждения или опровержения эффективности спроектированной модели методической системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования и выявления педагогических условий, обеспечивающих успешность реализации стратегических задач интеллектуализации иноязычного образования в системе высшего профессионального образования, были проведены опытно-экспериментальная работа, детальный анализ хода и результатов экспериментального обучения.

Цель статьи – представить анализ и интерпретацию результатов опытно-экспериментальной работы по практической реализации модели методической системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования.

Материалы и методы

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе Петрозаводского государственного университета в течение 6 лет (2014–2020). В диагностирующих мероприятиях для установления *исходного состояния* и потенциала развития интеллектуальной культуры личности субъектов учебно-воспитательного процесса были задействованы 687 студентов педагогических, гуманитарных, социальных, технических, физико-математических, естественнонаучных направлений подготовки бакалавриата и магистратуры ПетрГУ дневной и заочной форм обучения Института математики и информационных технологий (ИМИТ), Физико-технического института (ФТИ), Института лесных, горных и строительных наук (ИЛГСН), Института физической культуры, спорта и туризма (ИФКСТ), Института истории, политических и социальных наук (ИИПСН), Института экономики и права (ИЭП), Института педагогики и психологии (ИПП), Медицинского института (МИ): 2014–2015 уч. год – 147 студентов; 2015–2016 уч. год – 111; 2016–2017 уч. год – 79; 2017–2018 уч. год – 103; 2018–2019 уч. год – 92; 2019–2020 уч. год – 155 студентов.

В рамках опытно-экспериментального процесса обучения ИЯ студентов педагогических направлений подготовки бакалавриата, нацеленного на личностный, общекультурный, интеллектуальный, социально-культурный, творческий рост обучающихся, качественное расширение лингвистического, коммуникативного и личностного опыта, преобразующегося в

личностную культуру и проявления интеллектуальной культуры будущих специалистов в сфере образования, была проведена обширная исследовательская работа с использованием совокупности разнообразных *методов*. Для *обобщенного анализа* различных проявлений *личностной культуры*, включающей когнитивно-смысловой, мотивационно-регулятивный, организационно-деятельностный, познавательно-творческий, ценностно-мировоззренческий компоненты *интеллектуальной культуры личности*, студентам бакалавриата и магистратуры ПетрГУ гуманитарных, технических, естественнонаучных, педагогических, социальных, физико-математических направлений подготовки были предложены диагностические методики, позволяющие выявить степень проявления и значимости отдельных составляющих целостного процесса профессионального образования, в том числе иноязычного образования в вузе, обуславливающих эффективность и успешность развития интеллектуальной культуры личности будущих специалистов: а) ценностные ориентации студентов, выступающие смысловыми регуляторами и ориентирами учебно-познавательной деятельности – методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич) [14]; тест личностных ценностей (А.В. Капцов, Л.В. Карпушина) [15]; морфологический тест жизненных ценностей (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) [16]; б) роль мотивационного компонента в повышении качества и продуктивности образования в вузе – диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман) [17]; опросник «Мотивация успеха и боязнь неудач» (А.А. Реан) [18]; в) важность эмоциональной составляющей в образовательном процессе, в том числе в процессе обучения ИЯ в высшей школе – диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл) [19]; методика для измерения эмоционального интеллекта (Д.В. Люсин) [20]; г) проявление уникальных творческих характеристик, креативного потенциала, умственных способностей личности для раскрытия феноменологических способностей дивергентного (творческого) мышления – опросник «Самооценка творческих характеристик личности» (Е.Е. Туник) [21]; опросник креативности Дж. Рензулли (в адаптации Е.Е. Туник) [22]; опросник имплицитных теорий и целей обучения (К. Двек) [23]; д) аспекты психологической культуры личности обучающихся высшей школы, связанные с коммуникативными умениями, регулятивными и рефлексивными детерминантами поведения, включая самопонимание и самопринятие, самооценку и саморегуляцию – методика «Самооценка личности» (О.И. Мотков) [24]; методика «Психологическая культура личности» (О.И. Мотков) [25]; тест «Коммуникативные и организаторские склонности» (В.В. Синявский, В.А. Федорошин) [26]; опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [27]; е) вовлеченность студентов в мировоззренческие, философско-этические вопросы общественной жизни, стремление к миропониманию и осознание назначения и обязанностей человека в условиях глобализации мирового сообщества – анкета о глобальных проблемах, взаимосвязи актуальных социально-при-

родных проблем с социальным прогрессом и сохранением цивилизации, образе человека и роли образования в современном глобальном мироустройстве и творении будущего; анкета о возможности реализации положений философской концепции развивающейся гармонии, нацеленной на духовную целостность мира, гармоничное соразвитие и сотворчество природы, личности и общества (В.Н. Сагатовский) [28–30].

С целью определения *потенциала образовательной среды* вуза для развития интеллектуальной культуры личности будущих специалистов были проведены: анализ образовательных условий и инфраструктуры ПетрГУ для интеллектуального, общекультурного, личностного развития и совершенствования студентов, профессионального становления высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов для различных областей экономики и социальной сферы региона и страны; анализ рабочих программ преподавателей кафедры английского языка ПетрГУ и кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей ПетрГУ; анкетирование преподавателей кафедры английского языка ПетрГУ и кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей ПетрГУ.

Диагностический инструментарий включал опросы, анкетирование, диагностические методики, метод включенного наблюдения на практических занятиях, анализ продуктов учебно-познавательной, творческой и научно-исследовательской деятельности, выполненных студентами во время практических занятий и внеурочных мероприятий, контрольные работы, тестовые задания, творческие проекты, представление результатов проектной и исследовательской работы, самооценивание и взаимооценивание, внешнюю экспертную оценку преподавателей вуза и представителей работодателя (учителей общеобразовательных школ) и др.

Основной процесс экспериментального обучения ИЯ студентов педагогических направлений подготовки бакалавриата длился один учебный год (сентябрь 2017 г. – июнь 2018 г.) и был направлен на комплексное развитие *составляющих интеллектуальной культуры личности будущих учителей*: а) *когнитивной культуры* – навыков, умений и опыта, связанных с пониманием смысла, систематизацией, преобразованием иноязычной информации; б) *коммуникативной культуры* – развернутого, аргументированного и содержательного речевого общения на ИЯ; в) *культуры рефлексивного мышления* – целеполагания, самомотивации, самоопределения, самоанализа, саморегуляции, самоорганизации, самооценки и самоконтроля своей деятельности в процессе обучения ИЯ; г) *культуры творчества* – творческих способностей и готовности к инновационной деятельности; д) *мировоззренческой культуры* – широкого спектра проявлений образованности, позволяющей благодаря освоенным знаниям, навыкам и умениям думать, рассуждать, стремиться к лучшему и благому, осмысливать явления собственной духовной жизни и формировать цельную картину мира, быть ответственным, оценивать последствия своих действий в соответствии с социально-этическими нормами и духовными ценностями.

В основном процессе экспериментального обучения принимали участие 18 студентов 5-го курса направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (уровень бакалавриата) Института математики и информационных технологий (ИМИТ) ПетрГУ, Института лесных, горных и строительных наук (ИЛГСН) ПетрГУ, Физико-технического института (ФТИ) ПетрГУ. В качестве экспериментальной группы (ЭГ) выступали 7 студентов профиля «Информатика и английский язык» ИМИТ ПетрГУ; в качестве контрольной группы (КГ) – 11 студентов учебной группы, объединяющей обучающихся профиля «Физика и английский язык» ФТИ ПетрГУ (3 студента) и обучающихся профиля «География и английский язык» ИЛГСН ПетрГУ (8 студентов).

Основной процесс экспериментального обучения ИЯ студентов педагогических направлений подготовки бакалавриата, направленный на комплексное развитие составляющих интеллектуальной культуры личности будущих учителей, включал три этапа (диагностический, преобразующий, контрольно-оценочный), каждый из которых характеризовался определенной целевой направленностью, содержанием деятельности субъектов процесса иноязычного образования в вузе, используемым технологическим и методическим инструментарием, организационными приемами и формами учебно-познавательной деятельности, диагностическими средствами определения достижения целей и результатов.

Первая серия исследования (диагностическая, констатирующая) была направлена на выявление: 1) проявлений личностной культуры студентов экспериментальной группы (ЭГ) и контрольной группы (КГ) в рамках предэкспериментальной стадии исследования; 2) проявлений вербального, счетно-арифметического, пространственного и мнемического компонентов интеллекта обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата в контексте многофакторной теории упорядоченной системы умственных способностей как подструктуры целостной структуры личности (Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра) [31]; 3) интегральных интеллектуальных способностей студентов ЭГ и КГ анализировать предложенные условия социальной среды, проявлять социальную чувствительность, социальную перцепцию, способностей к социальной адаптации и успешной коммуникации (тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда) [32]; 4) степени проявления показателей компонентов интеллектуальной культуры личности студентов – будущих учителей, связанных с речемыслительной и коммуникативной деятельностью на ИЯ (тестовые задания на ИЯ на определение уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции); 5) типов мышления и уровня креативности студентов ЭГ и ИК, показателей когнитивной культуры и культуры творчества (методика Дж. Брунера) [33]; 6) понимания студентами онтологической значимости своего существования, осмысленности, направленности и временной перспективы целевых стратегий будущего в соответствии с индивидуаль-

ными стремлениями и ценностями (тест «Смысловые ориентации» Д.А. Леонтьева) [34].

Вторая серия исследования (преобразующая, формирующая) заключалась в следующем: 1) аудиторная и внеаудиторная (самостоятельная) работа студентов экспериментальной группы в рамках преподаваемых согласно учебному плану дисциплин с использованием технологий, способов, приемов обучения ИЯ разработанной модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования; 2) работа студентов экспериментальной и контрольной групп с англоязычными текстами и учебными материалами учебников и учебных пособий широкого профиля и специализированного профиля обучения, авторскими учебно-методическими пособиями на практических занятиях по ИЯ; 3) выполнение студентами экспериментальной и контрольной групп теста-задания на ИЯ на комплексное выявление изменений показателей информационно-смыслового, вербально-содержательного, мотивационно-регулятивного, креативно-деятельностного, познавательного и ценностно-этического аспектов личностного и интеллектуального развития, т.е. определение динамики проявлений интеллектуальной культуры личности будущих учителей в процессе иноязычного образования в вузе (на основе материалов по теме “Ecology. Protecting the environment”).

Третья серия исследования (контрольно-оценочная) была направлена на выявление степени эффективности предлагаемой методической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования и включала выполнение следующих мероприятий: 1) тест-задание на английском языке по теме “Jobs and Professions”; 2) тест-опрос о миссии современного высшего образования, реализации в образовательном процессе основополагающих принципов подготовки специалистов высшей квалификации, представлении обучающимися образа выпускника вуза, в том числе педагогических направлений подготовки, соответствующего запросам и условиям современной социально-экономической реальности; 3) представление студентами экспериментальной группы результатов научно-исследовательской работы в области методики обучения ИЯ на секции «Актуальные вопросы иноязычного образования в школе» в рамках 70-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых ученых (апрель 2018 г.); 4) презентация студентами экспериментальной группы индивидуальных портфолио («портфелей» образовательных достижений), отражающих результаты обучения за весь учебный год, в рамках которого проходило внедрение модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, по учебным дисциплинам «Практика устной и письменной речи (английский язык)», «Английский язык в сфере ин-

форматики», «Академическое письмо», «Интерактивное обучение английскому языку»; 5) прохождение студентами экспериментальной группы государственной итоговой аттестации (ГИА) по второму совмещенному профилю (английский язык) по профессионально-образовательной программе направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки); 6) представление студентами ЭГ и КГ результатов индивидуальной работы с аутентичными научными статьями на ИЯ по темам выпускных квалификационных работ (ВКР) (лексико-грамматический и содержательно-смысловой анализ статей, реферирование статей, составление комплексов лексико-грамматических упражнений, речевых и творческих заданий, индивидуальные результаты выполнения упражнений и заданий) в Приложении к ВРК.

Проведение эксперимента обуславливалось следующими факторами:

– *Неварьируемые условия* – один преподаватель по дисциплинам, связанным с обучением иностранному (английскому) языку и методике обучения иностранному языку; одинаковая трудоемкость дисциплин, в рамках которых проводилась основная часть экспериментальной работы; выполнение одинаковых видов учебной деятельности в процессе контактных форм работы во взаимодействии с преподавателем (практические и лекционные занятия), а также самостоятельной работы обучающихся; приблизительно одинаковый уровень успеваемости студентов в экспериментальной и контрольной группах.

– *Варьируемые условия*. В контрольной группе занятия проводились с использованием традиционных упражнений, заданий и приемов обучения ИЯ, предлагаемых в отечественных и зарубежных учебниках и учебных пособиях по обучению ИЯ, в том числе по отдельным профилям подготовки (Т.В. Евсюкова, С.И. Устименко «English. Практический курс для студентов вуза», 2001; С.Н. Степанова «Английский язык для педагогических специальностей», 2008; Н.Г. Киткова, Т.Ю. Сафьянникова “What is the Earth made of?”, 2004; Н.П. Сикорская «Английский язык для физиков», 1981; Е. Kozharskaya, K. McNicholas, A. Bandis, N. Konstantinova, J. Hodson, J. Stournara “Macmillan Guide to Science”, 2008; S. Kay, V. Jones “New Inside Out, Pre-Intermediate”, 2008; L. Soars, J. Soars, P. Hancock “New Headway, Advanced”, 2009 и др.), такие как чтение учебных текстов на ИЯ, перевод, вопросно-ответные упражнения на проверку понимания, пересказ, составление плана текста, согласие или несогласие с утверждениями и т.п. В экспериментальной группе: 1) аудиторная и внеаудиторная работа проводилась с использованием как традиционных приемов обучения ИЯ, упражнений и заданий из учебников и учебных пособий, рекомендованных для студентов высших учебных заведений широкого профиля обучения и специализированного профиля подготовки будущих учителей информатики (Esteras Santiago Remacha. “Infotech English for Computer Users” (4th ed.), Cambridge, Professional English, 2008; С.В. Бобылева «Английский язык для сферы инфор-

мационных технологий и сервиса», 2009), так и педагогических технологий разработанной модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, стимулирующих когнитивную, аналитическую, мыслительную, речевую, коммуникативную, творческую, регулятивную, рефлексивную деятельность обучающихся в процессе обучения ИЯ в вузе; 2) активное использование материалов авторских учебных пособий (“Healthy Lifestyle Today and Forever”. Ч. 1, 2014; Ч. 2, 2016; “Reading and Thinking”, 2004; 2nd ed., 2008; “Culture and Art: Read Learn Discuss”, 2013; “Culture of the United Kingdom”, 2013; “Culture of the United States”, 2013; “The Truest Wisdom”, 2009), помимо учебников и учебных пособий, предлагаемых обучающимся КГ.

В ходе экспериментального обучения ИЯ, нацеленного на практическую реализацию и выявление эффективности разработанной концептуально-теоретической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, студенты ИМИТ (экспериментальная группа) в процессе контактной работы (практические занятия и лекции) и самостоятельной работы осваивали содержание и выполняли задания фонда оценочных средств следующих дисциплин: 1) «Практика устной и письменной речи (английский язык)» (темы: Globalization. Human migration. Ecology: protecting the environment. Volunteering. Jobs and professions); 2) «Английский язык в сфере информатики» (темы: The digital age. Digital connections. What is a computer? Computer hardware. Technical specifications. What is inside a PC system? In a computer shop. Interacting with the computer. Assistive technology. Computers for the disabled. Programming. Computer languages. Multiple forms of media); 3) «Академическое письмо» (темы: What is academic writing? Abstract. Academic literacy. Article. Essay. Report. Summary. Reflective letter); 4) «Интерактивное обучение английскому языку» (темы: Проблемное обучение. Case-технология. Ролевые игры. Дебаты. Информационно коммуникационные технологии. Проектное обучение. Телекоммуникационный проект. Арт-технологии).

Студенты выполняли различные виды и формы учебно-познавательной, проектной, творческой, поисково-исследовательской и научно-исследовательской деятельности в рамках постепенно сменяемых этапов обучения ИЯ: 1) *мотивационный этап* – технологии символично-моделирующего типа деятельности, опирающиеся на аффективные (эмпатические) качества личности обучающихся, для стимулирования и упрощения познавательных, социальных, смыслообразующих мотивов к речемыслительной деятельности в моделируемом имитативном (сценарном) контексте устного и письменного общения на ИЯ в условиях аудиторной учебной деятельности (метод сюжетно-ролевой игры, метод сценариев, психогимнастические игры и упражнения, арт-технологии, технология познавательного путешествия и др.) [11]; 2) *интеллек-*

туально-информационный этап – технологии и приемы обучения ИЯ, моделирующие аутентичный или близкий к аутентичному контекст речевого общения на ИЯ при изучении нового материала и обеспечивающие освоение предметного знания, формирование лексического и грамматического навыков для дальнейшего активного использования в речи (проблемно-поисковая технология, технология контекстного обучения, технология использования контекстной наглядности и графических организаторов осваиваемой лексики, технология активизации ассоциативных связей, лингвострановедческая карта, организация работы «по кругу» и в «парах сменного состава», когнитивные лексические и грамматические игры и др.); 3) *личностно-деятельностный этап* – технологии обучения ИЯ, обусловленные целевой направленностью на развитие учебно-познавательной деятельности обучающихся как активных субъектов учебно-воспитательного процесса, возможностью переноса технологий на разное предметное содержание при использовании разнообразных приемов и средств обучения ИЯ, обеспечением естественности применения технологий на практических языковых занятиях в вузе при моделировании реального контекста жизнедеятельности и речевого общения на ИЯ (кейс-технология, дискуссии, технология командного обучения, технология «Интеллект-карт», технология проблемного обучения, технология дистанционного обучения, Дальтон-технология, дебаты, технология «Мастерские» и др.) [35]; 4) *творческий этап* – технологии и приемы обучения ИЯ, ориентированные на самостоятельное добывание студентами знаний и развитие умений с целью решения конкретных проблем и обогащения опыта их применения в практической деятельности, на обеспечение свободы выбора способов решения проблем, в которых происходит самовыражение и самореализация студентов – будущих учителей, на создание личностно значимого образовательного продукта в процессе и результате взаимодействия и совместного творчества студентов при выполнении познавательных задач в ходе изучения ИЯ (проектная технология в различных вариантах, в том числе телекоммуникационные проекты, тандем-проекты, творческие задания, эссе, виртуальная экскурсия, письменный круглый стол и др.) [36]; 5) *рефлексивно-оценочный этап* – технологии, позволяющие студентам самостоятельно фиксировать и оценивать личные учебные достижения, наблюдать и анализировать развитие своих интеллектуальных способностей и обогащения культурного опыта в процессе обучения ИЯ (дневник в «свободном стиле», рефлексивный диалог, портфель достижений, творческие задания), а также альтернативные формы контроля (дискуссия, письменный круглый стол, сюжетно-ролевая игра, дебаты, презентация, телекоммуникационный проект, эссе, экспертная и групповая оценка и др.) [37]. Следует отметить, что в процессе организации учебно-познавательной деятельности для обеспечения комплексного развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата в процессе

обучения ИЯ в вузе на мотивационном, интеллектуально-информационном, личностно-деятельностном и творческом этапах экспериментального обучения допускалось целесообразное и рациональное сочетание различных организационных форм исходя из содержания и сложности осваиваемых тем изучаемых дисциплин при преобладающей роли технологий, приемов и средств конкретного этапа разработанной концептуально-методической модели обучения ИЯ.

Результаты исследования

Проведенные диагностические мероприятия для выявления и анализа *исходного состояния* и *потенциала* развития интеллектуальной культуры личности субъектов учебно-воспитательного процесса и особенностей образовательного пространства вуза выявили потенциальную перспективность практической реализации концептуально-теоретической модели методической системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования [38–43].

В рамках *основного процесса экспериментального обучения* оценка динамики и уровней когнитивного, речемыслительного, коммуникативного, мотивационного, регулятивного, творческого, культурно-социального, мировоззренческого развития студентов – будущих учителей – в процессе обучения ИЯ в вузе осуществлялась на основе разработанных критериев и показателей, составленного комплекса диагностических методик, используемых в рамках констатирующего, преобразующего и контрольно-оценочного этапов педагогического эксперимента по внедрению разработанной научной концепции развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования как результата целостного процесса интеллектуализации иноязычного образования в высшей школе, реализующегося через методические принципы познавательной (когнитивной), речемыслительной и коммуникативной направленности обучения ИЯ, информатизации, амплификации, деятельностного подхода, обеспечения мотивации и успеха, а также комплекса методических и технологических инструментариев осуществления методологических принципов гуманизации, культуросообразности, профессиональной и инновационно-творческой направленности иноязычного образования в вузе.

Выделенные структурные компоненты интеллектуальной культуры личности (*когнитивная культура, коммуникативная культура, культура рефлексивного мышления, культура творчества, мировоззренческая культура*) сложны по своему составу, поэтому с целью диагностики выделены наиболее значимые аспекты каждого из указанных компонентов интеллектуальной культуры будущих учителей. Представим *показатели* каждого из выделенных критериев результата процесса интеллектуализации иноязычного образования в вузе, нацеленного на личностное, про-

фессиональное, интеллектуальное, социально-культурное, творческое развитие и совершенствование будущих специалистов в сфере образования. Данные показатели критериев развития структурных компонентов интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования можно наблюдать в устных и письменных иноязычных высказываниях студентов, эссе, при чтении и обсуждении аутентичных иноязычных текстов; инструментами контроля являются наблюдение в ходе практических занятий, диагностические методы, тестирование, анкетирование, анализ продуктов самостоятельной творческой, проектной, научно-исследовательской деятельности, представленных в портфелях индивидуальных достижений студентов, внешняя экспертная оценка и др.

1. *Когнитивная культура*: 1) *интеллектуальные умения* – в ходе и результате работы с аутентичным иноязычным материалом в письменной или устной форме обучающийся демонстрирует понимание смысла информации вследствие изучения, анализа, переработки, упорядочивания, преобразования и запоминания сведений, проявляет глубину осмысления информации (полнота, разносторонность, существенные связи и отношения между явлениями), выявляет причинно-следственные связи и взаимообусловленность явлений и фактов, обозначает проблему в ситуации и предлагает разнообразные способы ее решения, проводит поиск дополнительной информации в разнообразных источниках, делает обоснованные выводы; 2) *когнитивный стиль* – проявляет сформированность индивидуальных способов переработки информации, «мобильность» когнитивного стиля как способность переходить от одного стиля познания к другому; демонстрирует ясность, логическую непротиворечивость, системность, верифицируемость освоенных знаний; прагматичен, проявляет здравомыслие и рациональность мышления; осуществляет широкий сканирующий контроль, а также гибкий познавательный контроль; умело использует экспертное знание в своей деятельности; 3) *ментальный опыт* – восприятие, интерпретация и оценивание информации, явлений действительности происходят на основе определенным образом организованного субъективного опыта; успешно осуществляет положительный перенос ранее приобретенного релевантного опыта для оперативного и продуктивного решения новых проблемных задач; проявляет «мгновенный инсайт», гибкость и адаптивность в сложных ситуациях; способен преодолевать рамки линейности и упорядоченности, выходить на уровень семантических и смысловых толкований.

2. *Коммуникативная культура*: 1) *правильность речи* – не допускает лексических и грамматических ошибок; в случае совершения ошибки исправляет незамедлительно; использует лексические единицы адекватно ситуациям и функционально правильно; в речевых высказываниях использует как простые, так и сложные предложения; соблюдает нормы стилистического оформления речи; 2) *коммуникативная целе-*

сообразность – высказывается устно или письменно адекватно речевой ситуации; предлагает развернутые, убедительные аргументы; точно и ясно выражает мысли; избегает необоснованных, малосодержательных, бессмысленных высказываний; подтверждает свое мнение, в том числе посредством высказываний, цитат, ссылаясь на авторитетные мнения, достоверные, неопровержимые, убедительные факты; предлагает выводы не столько описательного, сколько обоснованного, доказательного характера; 3) *коммуникативное партнерство* – готов к сотрудничеству, гибкому конструктивному ведению диалога; проявляет инициативу в разговоре; интересуется отношением собеседника к предмету общения; задает уточняющие вопросы в процессе общения; соблюдает принятые в языке нормы вежливости; способен преодолевать межличностные конфликты в ходе обсуждения, понять и принять идеи и взгляды другого, несмотря на несоответствие собственным.

3. *Культура рефлексивного мышления* демонстрирует самостоятельность в обучении ИЯ через следующие комплексные личностные состояния: 1) *самомотивация* – проявляет познавательные мотивы, активно-деятельностный интерес и постоянное устойчивое стремление к пополнению знаний, расширению опыта применения освоенных навыков и умений; стремится выйти за пределы заданного и освоенного материала; активен и мотивирован на постоянное культурное, профессиональное и личностное развитие и самосовершенствование; имеет высокий уровень *самоэффективности* (вера в себя, самопонимание, самоорганизованность, самокритичность, рефлексивность); 2) *саморегуляция* – проявляет самостоятельность в управлении своей деятельностью; активизирует различные аспекты личностного опыта; предлагает собственное видение ситуации и различные варианты решения проблемы; способен к *самоорганизации* (планирует свою деятельность, согласует свои действия с поведением других людей, активен в выборе методов самообразовательной деятельности); осуществляет *самоопределение* (самостоятельно выполняет выбор модели конструктивных и рациональных действий, инициативен и активен в командном взаимодействии); выполняет осознанное *целесолагание* (осмысливает свою деятельность с практической точки зрения, расставляет приоритеты, держит цель в фокусе); 3) *самоанализ* – старается осознать свои мотивы, взгляды, ощущения, свои реакции на различные события; выполняет всесторонний разбор своих пробелов в знаниях и умениях; осуществляет *самоконтроль* (оценивает свою деятельность с позиций правильности, полноты, последовательности, прочности, понятности); проводит *самооценку* (оценивает себя, собственные качества и чувства, достоинства и недостатки, место среди других людей в соответствии с системой личностных смыслов).

4. *Культура творчества*: 1) *творческая активность* – демонстрирует эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность в творческий процесс; проявляет автономность и креативность в изучении ИЯ и

культуры стран изучаемого языка; применяет творческий подход к решению проблемно-поисковых задач; готов к инновационной деятельности; 2) *самостоятельная творческая позиция* – проявляет творчество (новизну, эвристичность); демонстрирует оригинальность мышления и воображения; создает новые идеи; деятельно и успешно проявляется в нетиповых и критических ситуациях; выражает собственную позицию, отличную от мнений других (от стереотипной общественной, авторов текстов и др.); предлагает самостоятельные суждения, не допускает цитирования вместо рефлексии; 3) *творческое самосовершенствование* – стремится к самосовершенствованию через творческие виды деятельности в обучении ИЯ; способен быть субъектом собственной жизни; ориентирован на жизнетворчество; осознает высокую ответственность за результаты своей творческой деятельности.

5. *Мировоззренческая культура*: 1) *целостность знаний – образованность* (широкая эрудиция, энциклопедичность, начитанность); совокупность усвоенных знаний о традициях, социокультурных нормах, идеалах, общечеловеческих и гуманистических ценностей, различных способах постижения окружающего мира и социального опыта, представленных в текстах культуры; наличие фоновых знаний, обеспечивающих успешное взаимопонимание и взаимодействие представителей разных культур; сформированность точных и полных представлений о концептуальной картине мира; умение извлекать, объяснять, интерпретировать смыслы текстов культуры; 2) *ценностные ориентации* – осознает и признает универсальность и фундаментальность гуманистических идей, ценностей, идеалов и традиций, выступающих основой человеческого бытия, предопределяющих отношения человека с самим собой и окружающим миром; проявляет сформированность эстетических и нравственных идеалов; ориентирован на духовное и нравственное самосовершенствование, раскрытие и развитие самобытного внутреннего мира, достижение Я-идеального; 3) *социальная активность* – стремится утверждать и отстаивать собственную точку зрения на основе сформированных мировоззренческих установок и ценностных ориентаций; выполняет различные виды социальной деятельности (познавательную, исследовательскую, педагогическую, социально-культурную и др.); демонстрирует переход внутренней мировоззренческой позиции в личное поведение и организацию своей жизнедеятельности.

Указанные критериально-индикаторные характеристики эффективности разработанной системы развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования являются показателями устойчивого самовыражения на ИЯ, самоопределения, культуры общения, способности к различным видам мышления, в том числе критическому мышлению, способности к саморегуляции, а также выявляют уровень сформированности таких личностных и профессиональных качеств будущих учителей, как *интеллектуальная компетентность* (совокупность индивидуальных интеллектуальных

ресурсов, обеспечивающих усвоение и интегрирование знаний в течение всей жизни, рефлексия, понимание своих умственных способностей для эффективности жизнедеятельности, в том числе в профессиональной сфере), *интеллектуальная мобильность* (способность к адаптации и реадaptации в динамично развивающемся, интенсивно меняющемся мире благодаря умению ориентироваться в информационных потоках и пространствах, гибкости мышления при решении нестандартных задач, творческой инициативе), *интеллектуальная ответственность* (необходимость, обязанность отвечать за свои действия; волевое личностное качество, проявляющееся в контроле деятельности в большей мере благодаря внутренней форме саморегуляции), *интеллектуальная активность* (усиление творческой составляющей личного интеллектуального потенциала, включающего знания, способность к восприятию знаний и креативность, для создания и преумножения интеллектуальных активов и обеспечения эффективности инновационной деятельности), *интеллектуальная интуиция* (основа дедуктивной методологии, созерцание, непосредственное знание, мысленное установление связей между явлениями и процессами).

Для перевода полученных *качественных результатов* мониторинга (организованного наблюдения за исследуемым процессом) и развивающей диагностики (использования методик для выявления перспектив развития и создания условий для самореализации и самосовершенствования обучающихся на основе диагностики) на констатирующем, преобразующем и контрольно-оценочном этапах опытно-экспериментального обучения в *количественные* (суммарные) итоги и достижения процесса интеллектуализации иноязычного образования в высшей школе, нацеленного на развитие интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, использовалась балльная система оценки выделенных показателей и критериев: а) *оценка показателей*: 2 балла соответствуют высокому уровню развития показателя, 1 балл – среднему уровню, 0 баллов – низкому уровню; б) *оценка критериев*: два показателя анализируемого критерия на низком уровне – результат самого критерия расценивается как низкий; два показателя анализируемого критерия на среднем уровне или показатели в разных комбинациях соответствуют низкому, среднему и высокому уровням – результат самого критерия расценивается как средний; два показателя анализируемого критерия на высоком уровне, а один показатель на среднем уровне – результат самого критерия расценивается как высокий (С.А. Корнилов) [44].

Количественные результаты *проявления показателей* критериев интеллектуальной культуры личности студентов экспериментальной группы на диагностическом, преобразующем и контрольно-оценочном этапах экспериментального обучения, а также количество обучающихся контрольной и экспериментальной групп по уровням компонентов интеллектуальной культуры личности на начальном и конечном этапах эксперименталь-

ного обучения представлены в табл. 1–3. В таблицах используются следующие группы сокращений – а) *показатели критериев*: I. ИУ – интеллектуальные умения, КС – когнитивный стиль, МО – ментальный опыт; II. ПР – правильность речи, КЦ – коммуникативная целенаправленность, КП – коммуникативное партнерство; III. СМ – самомотивация, СР – саморегуляция, СА –

самоанализ; IV. ТА – творческая активность, СТП – самостоятельная творческая позиция, ТС – творческое самосовершенствование; V. ЦЗ – целостность знаний, ЦО – ценностные ориентации, СА – социальная активность; *этапы*: Д – диагностический, Пр – преобразующий, КО – контрольно-оценочный; В – высокий уровень, С – средний уровень, Н – низкий уровень.

Таблица 1

Результаты фиксации проявлений показателей критериев интеллектуальной культуры личности студентов экспериментальной группы на диагностическом, преобразующем и контрольно-оценочном этапах экспериментального обучения

ФИО студента	Показатели	Этапы	Ангелина Г.	Юлия Л.	Полина В.	Валерия Н.	Юлия К.	Оксана Ю.	Ксения В.
I. Когнитивная культура	ИУ	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	0	0	0	1
		КО	2	2	1	1	1	1	2
	КС	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	1	1	0	0	0	0	1
		КО	2	2	1	1	1	0	2
	МО	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	1	1	0	0	0	1
		КО	2	2	2	1	1	0	2
II. Коммуникативная культура	ПР	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	0	0	1
		КО	2	2	1	1	1	0	2
	КЦ	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	0	0	1
		КО	2	2	1	1	1	1	2
	КП	Д	2	1	1	1	1	0	1
		Пр	2	2	1	1	0	0	2
		КО	2	2	2	1	1	1	2
III. Культура рефлексивного мышления	СМ	Д	2	1	1	1	0	0	1
		Пр	2	2	1	2	1	0	2
		КО	2	2	2	2	2	1	2
	СР	Д	2	1	0	1	1	0	1
		Пр	2	2	1	2	1	0	1
		КО	2	2	2	2	2	1	2
	СА	Д	2	2	0	1	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	1	0	1
		КО	2	2	1	2	2	1	1
IV. Культура творчества	ТА	Д	2	1	1	1	0	0	2
		Пр	2	1	1	2	1	0	2
		КО	2	2	2	2	2	1	2
	СТП	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	0	0	1
		КО	2	2	1	1	1	1	2
	ТС	Д	1	1	1	1	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	1	0	2
		КО	2	2	2	2	2	1	2
V. Мировоззренческая культура	ЦЗ	Д	1	1	1	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	1	0	2
		КО	2	2	2	2	2	1	2
	ЦО	Д	2	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	2	1	1	0	0	2
		КО	2	2	1	1	1	1	2
	СА	Д	1	1	0	0	0	0	1
		Пр	2	1	1	1	0	0	2
		КО	2	1	1	2	1	0	2

Таблица 2

Количество обучающихся экспериментальной группы по уровням компонентов интеллектуальной культуры личности на начальном и конечном этапах экспериментального обучения

Критерии	Когнитивная культура		Коммуникативная культура		Культура рефлексивного мышления		Культура творчества		Мировоззренческая культура	
	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец
Ангелина Г.	С	В	С	В	В	В	С	В	С	В
Юлия Л.	С	В	С	В	С	В	С	В	С	В
Полина В.	Н	С	Н	С	Н	В	С	В	Н	С
Валерия Н.	Н	С	Н	С	С	В	С	В	Н	В

Критерии	Когнитивная культура		Коммуникативная культура		Культура рефлексивного мышления		Культура творчества		Мировоззренческая культура	
Юлия К.	Н	С	Н	С	Н	В	Н	В	Н	С
Оксана Ю.	Н	Н	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С
Ксения В.	С	В	С	В	С	В	С	В	С	В
Итого кол-во человек по уровням	В – 0 С – 3 Н – 4	В – 3 С – 3 Н – 1	В – 0 С – 3 Н – 4	В – 3 С – 4 Н – 0	В – 1 С – 3 Н – 3	В – 6 С – 1 Н – 0	В – 0 С – 5 Н – 2	В – 6 С – 1 Н – 0	В – 0 С – 3 Н – 4	В – 4 С – 3 Н – 0

В – высокий уровень С – средний уровень Н – низкий уровень

Таблица 3

Количество обучающихся контрольной группы по уровням компонентов интеллектуальной культуры личности на начальном и конечном этапах экспериментального обучения

Критерии	Когнитивная культура		Коммуникативная культура		Культура рефлексивного мышления		Культура творчества		Мировоззренческая культура	
Этапы	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец	Начало	Конец
Лиза П.	С	С	С	В	В	В	С	С	С	В
Яна Ф.	С	С	С	В	С	С	С	С	С	В
Екатерина Л.	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С	С	С
Арина Х.	С	С	С	С	Н	С	С	С	С	С
Людмила Г.	С	С	Н	С	Н	С	В	В	С	С
Юлия К.	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С	С	С
Зинаида З.	Н	С	Н	С	С	С	Н	С	С	С
Юлия Г.	Н	Н	Н	С	Н	С	Н	Н	Н	С
Виктория С.	Н	С	Н	С	С	С	Н	С	С	С
Надежда Т.	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С
Белла М.	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С	Н	С
Итого кол-во человек по уровням	В – 0 С – 4 Н – 7	В – 0 С – 10 Н – 1	В – 0 С – 3 Н – 8	В – 2 С – 9 Н – 0	В – 1 С – 3 Н – 7	В – 1 С – 10 Н – 0	В – 1 С – 3 Н – 7	В – 1 С – 9 Н – 1	В – 0 С – 8 Н – 3	В – 2 С – 9 Н – 0

В – высокий уровень С – средний уровень Н – низкий уровень

Процентное соотношение количества баллов, набранных студентами экспериментальной и контрольной групп при определении степени проявления показателей когнитивной культуры, коммуникативной культуры, культуры рефлексивного мышления, культуры твор-

чества, мировоззренческой культуры, определенных на основе обобщенных критериев развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, представлено в табл. 4.

Таблица 4

Результаты фиксации уровней развития компонентов интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования в экспериментальной и контрольной группах

Компоненты интеллектуально-личностного развития	Этапы исследования	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
		Диагностический срез, %	Преобразующий срез, %	Контрольно-оценочный срез %	Контрольно-оценочный срез %
	Критерии	Высокий / средний / низкий	Высокий / средний / низкий	Высокий / средний / низкий	Высокий / средний / низкий
Когнитивная культура (информационно-смысловой компонент)	Интеллектуальные умения	0 / 42,86 / 57,14	28,57 / 28,57 / 42,86	42,86 / 57,14 / 0	27,25 / 54,55 / 18,20
	Когнитивный стиль	0 / 42,86 / 57,14	0 / 42,86 / 57,14	42,86 / 42,86 / 14,28	0 / 63,64 / 36,36
	Ментальный опыт	0 / 42,86 / 57,14	14,28 / 42,86 / 42,86	57,14 / 28,58 / 14,28	0 / 90,91 / 9,09
Коммуникативная культура (вербально-содержательный компонент)	Правильность речи	0 / 42,86 / 57,14	28,57 / 42,86 / 28,57	42,86 / 42,86 / 14,28	9,09 / 63,64 / 27,27
	Коммуникативная целесообразность	0 / 42,86 / 57,14	28,57 / 42,86 / 28,57	42,86 / 57,14 / 0	18,18 / 81,82 / 0
	Коммуникативное партнерство	14,28 / 71,44 / 14,28	42,86 / 28,57 / 28,57	57,14 / 42,86 / 0	27,27 / 72,73 / 0
Культура рефлексивного мышления (мотивационно-регулятивный компонент)	Самомотивация	14,28 / 57,15 / 28,57	57,14 / 28,58 / 14,28	85,72 / 14,28 / 0	18,18 / 81,82 / 0
	Саморегуляция	14,28 / 57,15 / 28,57	42,86 / 42,86 / 14,28	85,72 / 14,28 / 0	9,09 / 90,91 / 0
	Самоанализ	28,57 / 28,57 / 42,86	28,58 / 57,14 / 14,28	57,14 / 42,86 / 0	9,09 / 63,64 / 27,27
Культура творчества (креативно-деятельностный компонент)	Творческая активность	28,57 / 42,86 / 28,57	42,86 / 42,86 / 14,28	85,72 / 14,28 / 0	9,09 / 72,73 / 18,18
	Самостоятельная творческая позиция	0 / 42,86 / 57,14	28,57 / 42,86 / 28,57	42,86 / 57,14 / 0	9,09 / 63,64 / 27,27
	Творческое самосовершенствование	0 / 71,42 / 28,28	42,86 / 42,86 / 14,28	85,72 / 14,28 / 0	36,36 / 63,64 / 0
Мировоззренческая культура (познавательный и ценностно-этический компоненты)	Целостность знаний	0 / 57,14 / 42,86	42,86 / 42,86 / 14,28	85,72 / 14,28 / 0	18,18 / 72,73 / 9,09
	Ценностные ориентации	14,28 / 28,58 / 57,14	42,86 / 28,57 / 28,57	42,86 / 57,14 / 0	27,28 / 54,54 / 18,18
	Социальная активность	0 / 42,86 / 57,14	28,57 / 42,86 / 28,57	42,86 / 42,86 / 14,28	36,36 / 54,55 / 9,09

Используя выделенную совокупность критериев и показателей развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, а также эмпирические данные, было выявлено, что на *диагностирующем (констатирующем) этапе* эксперимента значительных различий между студентами экспериментальной и контрольной групп по всем параметрам диагностики в целом не наблюдается; выявлены преимущественно низкие и средние оценки по исходному уровню развития информационно-смыслового, вербально-содержательного, мотивационно-регулятивного, креативно-деятельностного, познавательного и ценностно-этического компонентов интеллектуальной культуры.

Студенты проявляют неустойчивый и непостоянный интерес к проблемно-поисковым заданиям; вовлеченность в учебно-познавательный процесс, активность и энтузиазм стимулируются в большей мере преподавателем и внешними стимулами, а не внутренней мотивацией; обучающиеся испытывают затруднения в процессе практической работы с информацией: наблюдаются узость и односторонность понимания, раскрытие и толкование лишь явных и бесспорных аспектов без должной детализации и уточнений на основе критического анализа; отмечается тенденция думать по аналогии, ориентируясь на общепринятые суждения; интерпретация материала упрощенная, предлагаются стереотипные оценочные суждения и выводы по поводу предложенных тем; студенты имеют склонность к «черно-белому» мышлению, т.е. позитивному или негативному восприятию информации; объяснения носят поверхностный и малосодержательный характер без должных убедительных аргументов, сопоставлений, обобщений и умозаключений; предлагаются выводы констатирующего и описательного характера; используются упрощенные *лексико-грамматические* конструкции в преимущественно односложных и однотипных речевых высказываниях, допускаются лексические и грамматические ошибки; *критичность мышления* при восприятии и анализе учебного материала не проявляется; темы и задания, требующие рассуждений абстрактного содержания, вызывают непонимание и затруднения; примеры из личного опыта предлагаются редко и не всегда уместно; интеллектуально-поисковые, рефлексивные и творческие *качества личности* проявляются ограниченно.

Анализ *итоговых срезов* в экспериментальной группе и контрольной группе выявил следующие результаты развития информационно-смыслового, вербально-содержательного, мотивационно-регулятивного, креативно-деятельностного, познавательного и ценностно-этического компонентов интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования в процессе реализации разработанной концептуально-методической модели обучения ИЯ, ориентированной на обеспечение интеллектуализации иноязычного образования в вузе.

I. Когнитивная культура. 42,86% студентов экспериментальной группы проявляют высокий уровень развития *интеллектуальных умений*: умственная активность, сформированность навыков и умений эффективного восприятия и обработки информации (полное понимание и осмысление в результате приобретения, анализа, переработки, упорядочивания, систематизации, преобразования и запоминания); активное и деятельное проявление интеллектуально-поисковых качеств личности (инициативность, гибкость мышления, вариативность, рефлексивность, самостоятельность). В контрольной группе высокий уровень интеллектуальных умений выявлен у 27,25% студентов. В контрольной группе никто из обучающихся не проявил высокий уровень по показателям *когнитивного стиля и ментального опыта*, в то время как в экспериментальной группе более половины студентов (57,14%) демонстрируют сформированность ментального опыта при восприятии, интерпретации и оценивании информации, умение управлять процессами обработки информации, тенденцию к формированию индивидуальных способов переработки информации.

Среди технологий и приемов обучения ИЯ, обеспечивших положительную динамику развития компонентов когнитивной культуры у студентов экспериментальной группы, следует отметить *формы работы с текстовым материалом*, при выполнении которых обучающиеся самостоятельно выделяли важные лексические единицы по смысловому и тематическому признаку для последующей отработки и усвоения в условно-речевых и речевых упражнениях.

1) Для работы с текстом как «*механизмом, который управляет процессом понимания*» [45], выполняет информативную, креативную функции и функцию памяти [46], использовалась *технология INSERT* – интерактивная система фиксации записей в ходе чтения текстов на ИЯ и размышлений над прочитанным посредством маркировки текстов и точного критерияльного ранжирования информации на известную, противоречивую, увлекательную и неожиданную, непонятную и, следовательно, требующую дальнейшего изучения. Систематизация сведений и фактов в иноязычных текстах научно-популярного характера посредством применения данной технологии способствовала лучшему пониманию материала, развитию аналитического мышления обучающихся, которое происходило в соответствии со стадиями вызова, осмысления и рефлексии.

2) В ходе ведения *двухчастных дневников* студенты выписывали различные выдержки из текстов, которые вызвали определенную реакцию – согласие или несогласие, удивление, воспоминания, смысловые ассоциации и т.п., а затем объясняли, почему они выбрали конкретные цитаты, о чем они думали в связи с данными фразами, какие возникали вопросы.

3) Чтение текстов с помощью *приема TASK (тезис–анализ–синтез–ключ)* происходило с установкой дать ответы на заранее представленные вопросы для дальнейшего группового обсуждения материала. Вопросы были связаны с темами текстов, основными

утверждениями и соответствующими доводами по темам, контрутверждениями и обоснованиями в защиту противоположной точки зрения, выявлением сложных непонятных слов и выражений, спорных заключений, ошибочных заявлений, определением ценности, значимости и идеологического воздействия на читателя и др. Анализируя тексты с позиции как читателя, так и автора, обучающиеся намечали утверждения для дальнейших дискуссий, в которых благодаря индуктивной, дедуктивной и аналоговой модели доказательств предлагали убедительные обоснования своих размышлений по текстам. Работа проводилась в малых группах с целью развития умений чтения, независимого анализа как текстов в целом, так и отдельных фрагментов, оценивания содержания прочитанного, развития критического мышления; ответы на вопросы заносились в таблицы.

4) Для работы с информационно-содержательными текстами на ИЯ студентам экспериментальной группы был предложен модифицированный вариант приема «ключевые слова», в котором дополнительным аспектом являлась заведомо нарушенная логическая последовательность ключевых слов, хронологии событий, причинно-следственных связей, которую сначала нужно было восстановить до прочтения конкретного текста, а затем проверить правильность предположений, прочитав исходный текст.

5) Организация работы с новыми, ранее неизвестными текстами на ИЯ с динамичными событийными сюжетами и неожиданными проблемными финалами проходила также посредством приема «чтение с остановками и вопросами Блума», направленного на развитие различных мыслительных навыков, стимулирование критического мышления. Тексты заранее были разделены на смысловые части, обучающимся были предложены задания (вопросы) для *интерпретации* (перевода информации в иную форму, разъяснения взаимообусловленности и взаимосвязи идей, фактов, событий), *узнавания* и субъективно-личностной *оценки* информации для последующего обсуждения, *синтеза* (выявления причинно-следственной подчиненности, логического обоснования), *анализа* (рассмотрения отдельных явлений, индуктивных умозаключений), *применения* информации для решения проблем, как связанных с сюжетами в конкретных ситуациях, так и вне представленных контекстов.

6) Одним из эффективных приемов комплексного ознакомления и освоения содержания изучаемых тем в рамках работы с учебными текстами, способом логико-смысловой организации и графического структурирования материала была работа по заполнению таблицы «знаю–хочу узнать–узнал», в которой разделы «знаю» и «хочу узнать» студенты заполняли до прочтения текстов; информация в раздел «узнал» вносилась в ходе чтения и обсуждения прочитанных текстов. Коллективное рассмотрение и сопоставление информации в заполненных таблицах в парах и группах позволила студентам совместно повторить материал текстов для лучшего усвоения. Таблицы пополнялись графами об информационных источниках,

сведениях и данных, которые остались неясными и нераскрытыми.

7) Действенным инструментом развития концентрации внимания и мыслительной деятельности обучающихся в процессе обдумывания проблем оказалась стратегия «плюсы–минусы–интересно»: сначала обучающиеся делали акцент только на положительных аспектах рассматриваемого предмета, затем исключительно на отрицательных; к интересным аспектам относились идеи для дальнейшего изучения, развернутого анализа, расширения знаний.

8) *Карты памяти*, или ментальные карты (техника установления ассоциативной, причинно-следственной, смысловой и других связей между различными идеями, мыслями, событиями в систематизированной, комплексной, наглядной графической форме), составленные студентами экспериментальной группы при изучении нового материала в процессе обучения ИЯ, способствовали запоминанию и воспроизведению информации, углублению понимания, генерированию оригинальных идей в процессе припоминания, оцениванию информации с разных точек зрения. Карты памяти использовались как в начале работы над темами, так и на стадии проведения обобщений и выводов по темам, контроле понимания и усвоения материала.

Теоретические аспекты курсов обучения ИЯ с целью стимулирования научно-познавательного интереса участников экспериментального обучения, проблематизации процесса приобретения и освоения знаний были представлены не столько в форме устного систематизированного и последовательного изложения материала по определенным темам, сколько посредством постановки вопросов или задач, вовлечения обучающихся в диалогические (полилогические) формы коммуникации для активизации познавательной деятельности в ходе проведения *проблемных лекций*, «*продвинутых лекций*» на основе модели «вызов–осмысление–рефлексия», серий *мини-лекций* для обдумывания и активного обсуждения рассматриваемых вопросов.

Применение приема *перевернутого класса* (англ. flipped classroom) со студентами экспериментальной группы позволило не только внести разнообразие в организацию учебного процесса, но и обеспечить эффективность и продуктивность самостоятельной работы: студенты знакомились с новым материалом вне учебной аудитории до проведения практических занятий по конкретным темам в удобном для них режиме, а затем на очном занятии проходили практическое закрепление уже изученного материала, его обработка и осмысление. В условиях сокращения аудиторных часов на преподавание ИЯ в высшем учебном заведении данный метод позволил организовать работу студентов с информацией таким образом, что развитие умений и навыков низшего порядка (запоминание, понимание, применение) происходило в большей мере самостоятельно, без прямого участия преподавателя, освобождая аудиторное время для развития умений и навыков высшего порядка (анализ, оценка, творчество) при сопроводительной роли преподавателя.

ля в качестве фасилитатора, обеспечивавшего успешную групповую коммуникацию на ИЯ.

II. Коммуникативная культура. Активная динамика развития показателей коммуникативной культуры у студентов экспериментальной группы проявлялась в ходе проведения следующих форм учебной деятельности: 1) *взаимоопросов* в парах в ходе чтения текстов (остановка после каждого абзаца, вопросы и ответы по содержанию прочитанного); 2) *дискуссий* как формы сотрудничества с целью установления истинно верной точки зрения; важными условиями ведения дискуссий как формы обмена знаниями, мыслями, доводами, видения обсуждаемых вопросов являлось общее взаимное уважение к мнению всех участников, совместное стремление конструктивно решить возможные разногласия; 3) *дебатов*, во время которых студенты представляли доказательные аргументы, задавали уточняющие и провокационные вопросы оппонентам, продумывали завершающие выводы. Дебаты способствовали развитию: умений формулировать и представлять подготовленные и неподготовленные монологические и диалогические высказывания, сообщать информацию в различных видах речевых высказываний, делать уточнения, убедительно излагать точку зрения, опровергать суждения; умений продуктивного восприятия речи на ИЯ, понимания общего смысла полученной информации, детального анализа и осмысления сведений для дальнейшего развития дискуссий, формулирования вопросов и контраргументов для оппонентов, тезисного конспектирования речи представителей противоположной команды для отражения в своих высказываниях, написания опорных заметок, аннотаций, текстов собственного выступления; перекодирования информации из текстов в схемы и таблицы и т.п.; данный вид деятельности был направлен на развитие способности обучающихся строить целостные, связанные и логичные высказывания в устной и письменной речи как показателей сформированности *дискурсивной компетенции* [47]; 4) *решения кейс-задач*, охватывавшего применение комплексной системы методов обучения (системный анализ, моделирование, групповая дискуссия, метод проблемного обучения, «мозговой штурм», мыслительный эксперимент, ролевая игра и др.) для осознания причин и сути проблем, глубокого анализа и оценки сложившихся обстоятельств, поиска вариантов выхода и условий благополучного разрешения, предвидения возможных последствий. Решение ситуативных проблем осуществлялось посредством выполнения: а) *информационных задач* (обеспечение обучающихся необходимой информацией для осуществления совместной деятельности с целью решения поставленных вопросов, поиск имплицитной информации); б) *когнитивных задач* (развитие навыков и умений работы с информацией – анализ, синтез, определение целей и стратегий и др., развитие критического мышления); в) *воспитательных задач* (установление эмоциональных контактов между обучающимися, воспитание готовности и способности работать в команде, открытости и толерантности к другому мнению).

В ходе экспериментального обучения ИЯ выявлены улучшение качества речи на ИЯ, точность и *правильность речи* у 85,72% студентов экспериментальной группы: студенты не допускают грубых лексических и грамматических ошибок, затрудняющих понимание смысла высказываний и нарушающих процесс общения, языковые ошибки не являются коммуникативно значимыми; соблюдают стилистические нормы языка; большинство высказываний студентов характеризуются *коммуникативной целесообразностью* – адекватностью речевым ситуациям, точностью и ясностью выражения мысли, убедительностью и обоснованностью аргументов и выводов. Студенты экспериментальной группы более открыты и готовы к *коммуникативному партнерству*: демонстрируют устойчивость владения навыками и умениями ведения беседы (техникой расспроса, информирования, активного слушания, аргументации), гибко корректируют свое речевое поведение в соответствии с коммуникативными сигналами партнера по общению, обращаются с уточняющими вопросами и комментариями, реагируют на содержание речи собеседника адекватными репликами; культура общения в ходе беседы проявляется в умении слушать друг друга, соблюдать речевой этикет. Показатели коммуникативной культуры у студентов контрольной группы преимущественно на среднем уровне, что также соответствует когнитивно и коммуникативно приемлемому речевому поведению и вполне адекватному решению коммуникативных задач, однако высказывания студентов экспериментальной группы в ходе речевого общения на ИЯ более развернутые, аргументированные и содержательные.

III. Культура рефлексивного мышления. Рефлексивный анализ пронизывал все этапы работы в процессе реализации методической модели развития интеллектуальной культуры студентов – будущих учителей – средствами иноязычного образования. Применение рефлексивных методов обучения ИЯ (письменные круглые столы, ведение индивидуальных дневников и др.) как на стадии вызова и осмысления содержания, так и на завершающем этапе, когда рефлексия становится основной целью деятельности, было направлено на прояснение смысла нового материала при активизации речемыслительной деятельности, представлении размышлений в устной и письменной формах на ИЯ [11, 48]. 85,72% студентов экспериментальной группы проявили высокий уровень *самомотивации* и *саморегуляции*, выражающихся в активно-деятельном познавательном интересе, стремлении к интеллектуальному и личностному саморазвитию и самосовершенствованию, ориентации на достижение высоких результатов в познавательной деятельности, увлеченности и творческом отношении к предмету обучения, высокому уровне самоэффективности, соотношении выполняемых действий с системой личностных смыслов, сопровождаемых способностью и готовностью намечать цели самообучения, управлять и эффективно использовать временные и информационные ресурсы, осуществлять самостоятельный выбор эффективных форм обучения с учетом

личных познавательных мотивов и индивидуальных потребностей. Вдвое повысились результаты по показателю *самоанализа*: 57,14% студентов экспериментальной группы склонны проявлять самокритичность и объективность в оценке собственных достоинств и недостатков, что способствует общему развитию и упорядочиванию собственного поведения; они стойко принимают критические замечания в свой адрес и проявляют правильную реакцию на экспертную оценку со стороны, адекватно оценивают свои возможности и потенциал, проявляют самонаблюдение, интроспекцию, анализируют свои эмоции, переживания, взгляды, реакции на различные явления и события. От 63,64 до 90,91% студентов контрольной группы по отдельным проявлениям культуры рефлексивного мышления (целеполагание, самомотивация, самоопределение, самоанализ, саморегуляция, самоорганизация, самооценка и самоконтроль в процессе обучения ИЯ) имеют средний уровень; высокие показатели по разным аспектам данного критерия выявлены лишь у 9,09–18,18% студентов.

IV. Культура творчества. *Творческая активность* и стремление к *творческому самосовершенствованию* свойственны 85,72% студентов экспериментальной группы: обучающиеся проявляют эмоциональную и интеллектуальную вовлеченность в творческий процесс, стремятся к творческой самореализации, раскрытию потенциала личностного развития в разнообразных формах и видах созидательной деятельности [36], демонстрируют творческий подход к решению проблемно-поисковых задач при способности умело оптимизировать творческий процесс посредством самодисциплины, гибкого ситуативно обусловленного выбора способов, приемов и средств деятельности. По показателю *самостоятельной творческой позиции* более половины студентов экспериментальной группы (57,14%) имеют средний уровень, что указывает на необходимость ориентации процесса обучения ИЯ в вузе на формирование полной самостоятельности обучающихся в процессе выполнения творческих заданий, использование форм и приемов учебной деятельности, способствующих проявлению оригинальности и нешаблонности мышления, воображения и фантазии, выражения личной позиции, возможно, отличной от общепринятой и разделяемой многими людьми.

Творческая активность, стремление к творческому самосовершенствованию и самостоятельная творческая позиция в полной мере раскрылись у студентов экспериментальной группы при выполнении следующих видов творческих заданий:

1. *Эссе* как одна из творческих форм самостоятельной письменной работы на ИЯ позволило обучающимся проявить умение письменно излагать свои размышления и убеждения, личные впечатления по конкретным темам в свободном, индивидуально-авторском стиле. В практике обучения ИЯ в рамках экспериментального обучения применялись 5-минутное эссе (в конце занятий для подведения итогов, рефлексии по изученному материалу в качестве обратной связи для преподавателя), 10-минутное эссе (из-

ложение мыслей по предложенным темам в свободной форме после прочтения / прослушивания текстов), а также сочинения, более продолжительные по времени, большего объема и трудоемкости. Эссе литературно-критического, философского, научно-популярного, историко-биографического и другого характера представляли собой самостоятельный анализ заявленных тем как с учетом концептуальных положений и аналитического инструментария интегрированных знаний (синтезированных в познавательной практике продуктов восприятия, рационального и иррационального мышления, сознательной и бессознательной активности) так и, в большей мере, индивидуальных суждений, собственного отношения и понимания рассматриваемых тем.

2. Обучение с применением *технологии проектного обучения*, изначально разработанной на основе идей гуманистического направления в образовании и свободного воспитания, строилось с опорой на активность и заинтересованность обучающихся в приобретении знаний для применения в жизни, понимание целесообразности выполняемой деятельности. Основными *требованиями* к реализации проектной технологии по конкретным изучаемым темам являлись: актуальность исследовательских и творческих задач, решение которых требовало интегрированных знаний и исследовательского поиска; значимость поставленных проблем (познавательная, практическая, теоретическая), связанная с необходимостью получения конкретного результата; самостоятельность деятельности (индивидуальная, парная, групповая); структурированность содержания и поэтапность достижения результатов; применение исследовательских методов. Проектная технология в рамках экспериментального обучения создавала оптимальные условия для формирования ИКК и ряда ключевых компетенций студентов, а также комплексного развития интеллектуальной культуры личности будущих учителей средствами иноязычного образования.

V. Мировоззренческая культура. Анализ материалов индивидуальных «*портфелей достижений*» (*портфолио*) в бумажной и электронной формах как средства рефлексивного обучения, отражающего результаты деятельности студентов по изученным темам (презентации, телекоммуникационные проекты, записи дневника «в свободном стиле», творческие задания – изложение мыслей на предложенные темы в форме эссе, сценарии виртуальных экскурсий, личные записи в ходе письменных круглых столов, вопросы и доказательные аргументы для представления в ходе дебатов и тематических дискуссий), выявили значительный прирост по показателю *целостности знаний* у студентов экспериментальной группы (85,72%). Положительная динамика целостности знаний проявляется в постоянном познавательном интересе студентов – будущих учителей, повышении уровня образованности (широкая эрудиция, осведомленность, гибкость ума, полнота и системность усвоенных знаний), наличии осознанных знаний о языковой картине стран изучаемого языка для успешного взаимопонимания и взаимодействия в контекстах моно- и кросс-культурного общения, спо-

способности оперативно извлекать из памяти и гибко использовать усвоенные знания адекватно ситуации, устойчивости профессионально-педагогического мировоззрения и педагогической позиции, открытости к мировосприятию и миропониманию, сформированности осмысленных знаний мировоззренческого характера о явлениях природы и общества, осознании самого себя в качестве субъекта познания и стремлении к самоанализу на основе самопонимания.

Приемы тестирования (множественный выбор, вопрос–ответ, сопоставление, целевые высказывания, дополнение и др.), выполняющие не только контрольно-оценочное, но и развивающее и воспитательное назначение, выявили следующее: 42,86% студентов экспериментальной группы и 27,28% обучающихся контрольной группы проявляют высокий уровень по показателю *ценностных ориентаций* (ориентированность на гуманистические ценности и идеалы; стремление к духовному и нравственному самосовершенствованию; вера в себя и свои возможности и др.)

Для определения динамики *социальной активности* у студентов экспериментальной группы применялись *альтернативные формы контроля*, позволившие оценить не только языковую и когнитивную, но и личностную, социальную динамику обучающихся в процессе профессионального обучения средствами ИЯ. Убедительность, точность, обоснованность, рациональность были параметрами оценивания речемыслительной деятельности, умений монологической и диалогической речи на ИЯ при проведении круглых столов, деловых и сюжетно-ролевых игр, дебатов и других форм публичного обсуждения и освещения дискуссионных вопросов. Кроме того, рефлексивный диалог (преподаватель–студент, студент–студент), реализующий стратегии субъект-субъектного подхода к образовательному процессу, позволил обменяться мнениями, мыслями и предложениями, преодолевая и обогащая единичный опыт каждого участника беседы. Степень проявления социальной активности у студентов экспериментальной группы, раскрывающаяся в восприимчивости и активной вовлеченности в социальную жизнь общества, потребности и стремлении утверждать и отстаивать собственную точку зрения на основе сформированных мировоззренческих установок и ценностных ориентаций, умении использовать усвоенные знания для решения практических социально значимых задач, переносе внутренней мировоззренческой позиции во внешний план действий, личное поведение и профес-

сиональную деятельности, возрастает на 42,86%; однако 14,28% будущих учителей свойствен пассивный уровень по данному показателю, что является проявлением низкой мотивации к коллективно-общественным формам работы, инертности и несамостоятельности в социально обусловленных контекстах, недостаточной социальной ответственности, неготовности и неспособности сотрудничать, поддерживать и развивать продуктивные взаимоотношения, низкой удовлетворенности профессиональным выбором.

Для проверки достоверности полученных в ходе опытно-экспериментального обучения качественных результатов, преобразованных в количественные экспериментальные показатели мониторинга и развивающей диагностики проявлений компонентов интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, была произведена математико-статистическая обработка данных. В частности, проверена корреляционная зависимость *результатов государственной итоговой аттестации* студентов экспериментальной группы (оценки, поставленные государственной экзаменационной комиссией) и *уровней когнитивной культуры и коммуникативной культуры* студентов данной группы на контрольно-оценочном этапе практической реализации разработанной научной концептуально-теоретической модели обеспечения интеллектуализации иноязычного образования в вузе. Выбранные для корреляционного анализа компоненты интегральной системы интеллектуальной культуры личности наиболее точно соответствуют параметрам целевого контроля и объективного оценивания в рамках ГИА: уровня развития речемыслительной деятельности и сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будущих учителей, отражающих интеллектуальные способности студентов к информационно-смысловой и вербально-содержательной переработке информации (когнитивные навыки, умственная активность, аналитические способности, целостность восприятия информации, интеллектуальный опыт, правильность речи на ИЯ, коммуникативная целесообразность и др.). Выявленный коэффициент корреляции Пирсона (г-Пирсона) указывает на высокий уровень связи между результатами экспериментального обучения в рамках данного исследования и объективной оценкой знаний, навыков и умений студентов выпускного курса, поставленной представителями экспертной комиссии ГИА (табл. 5).

Таблица 5

Корреляционный анализ результатов опытно-экспериментального обучения ИЯ и государственной итоговой аттестации студентов ЭГ

	Когнитивная культура		Коммуникативная культура	
	ГИА (оценка)	Экспериментальное обучение (уровень)	ГИА (оценка)	Экспериментальное обучение (уровень)
Ангелина Г.	5	3 (высокий)	5	3 (высокий)
Юлия Л.	4	3 (высокий)	4	3 (высокий)
Полина В.	4	2 (средний)	4	2 (средний)
Валерия Н.	3	2 (средний)	3	2 (средний)
Юлия К.	3	2 (средний)	3	2 (средний)
Оксана Ю.	3	1 (низкий)	3	2 (средний)

	Когнитивная культура		Коммуникативная культура	
	ГИА (оценка)	Экспериментальное обучение (уровень)	ГИА (оценка)	Экспериментальное обучение (уровень)
Ксения В.	5	3 (высокий)	5	3 (высокий)
Коэффициент корреляции Пирсона	0,805161		0,841625	

Заключение

В ходе экспериментального обучения ИЯ, проведенного с целью практической реализации и проверки эффективности разработанной методической модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования, при проведении диагностических срезов на преобразующем и контрольно-оценочном этапах опытно-экспериментальной работы была выявлена положительная динамика развития показателей когнитивного и аналитического, речемыслительного и коммуникативного, регулятивного и рефлексивного, аксиологического и творческого аспектов интеллектуального и личностного развития у студентов экспериментальной группы.

В процессе и результате проведенных мероприятий выявлена эффективность разработанной концептуально-методической модели иноязычного образования, предполагающей системное развитие комплекса способностей и личностных качеств когнитивно-смысловой, мотивационно-ценностной, организационно-деятельностной и творческой сфер личности обучающихся, проявляющихся, в частности, в понимании смысла, систематизации, преобразовании информации, развернутом, аргументированном и содержательном речевом общении, целеполагании, самомотивации, самоопределении, самоанализе, саморегуляции, самоорганизации, самооценке и самоконтроле в процессе обучения ИЯ, проявлении и развитии творческих способностей и готовности к инновационной деятельности, формировании широкого спектра проявлений образованности. Успешность реализации образовательной, развивающей, информационной, побудительной, воспитывающей, профориентационной, организационной функций процесса обучения ИЯ обеспечивается в рамках последовательно сменяемых этапов развития интеллектуальной культуры личности обучающихся и соответствующего технологического инструментария: 1) актуализации мотивационного потенциала и развитии мотивационных качеств обучающихся, стимулирования и укрепления смыслообразующей мотивации будущих учителей в процессе обучения ИЯ в высшей школе для обеспечения успешной профессионализации, интеллектуального и личностного роста средствами иноязычного образования; 2) формирования и совершенствования иноязычной лингвистической компетенции для активной самостоятельной работы с информацией на ИЯ и формирования иноязычной профессиональной ком-

муникативной компетенции будущих учителей; 3) овладения обучающимися интеллектуальными навыками и умениями в процессе развития иноязычной коммуникативной компетенции; комплексного формирования иноязычной профессиональной компетенции специалиста, владеющего ИЯ на продуктивном уровне; развития эмоционально-творческого и инновационного потенциала обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата в различных продуктивных видах интеллектуальной и креативной деятельности на основе и в связи с изучаемым иноязычным материалом; 4) развития творческого (созидающего) мышления, самовыражения обучающихся через креативность; развития восприимчивости и готовности к новациям, инновационным преобразованиям в учебной и будущей профессиональной деятельности; 5) развития и совершенствования интеллектуального и общекультурного уровня студентов – будущих учителей – посредством анализа, оценки и интерпретации полученных знаний, рефлексии приобретенных умений и навыков; направления результатов обучения в мотив для дальнейшей интеллектуальной деятельности; осознания важности гуманистических ценностей; выявления и осмысления значимости междисциплинарных связей обучения ИЯ и специализированных дисциплин для будущей профессиональной деятельности.

В современных постоянно изменяющихся условиях требуются нестандартные подходы к проблеме интеллектуализации как части стратегии развития государственной и образовательной политики. Развитие интеллектуальной культуры личности обучающихся в условиях высшей школы как качественного проявления интеллекта, отражающего культуру мышления и рационального познания, культуру устной и письменной коммуникации, мировоззренческую культуру, нравственно-эстетические убеждения и установки, эмоционально-чувствительные аспекты, интеллектуальную свободу и творчество, происходит в самых разнообразных обстоятельствах и под воздействием всех академических дисциплин, в том числе средствами изучаемого иностранного языка. Из всего многообразия задач, проблем современного образования особым вызовом существующей системе является переориентация методов и способов образования, в том числе обучения ИЯ, для поколения будущего, требующая особого взгляда и изучения ментальной составляющей, поскольку именно интеллектуальное развитие выступает гарантом успешности современной цивилизации.

Список источников

1. Бабосов Е.М. Интеллектуальная культура – альфа и омега инновационной системы // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры : сб. ст. Минск : Право и экономика, 2011. С. 132–139.

2. Манушин Э.А. Высшее образование: инновационное или поддерживающее // Профессиональное образование. Столица. 2013. № 4. С. 10–13.
3. Воронин А.В. Формирование и реализация инновационного потенциала – инструмент стратегического развития университета // Инновации. 2012. № 11 (169). С. 80–86.
4. Герасимов Г.И., Илюхина Л.В. Инновации в образовании : сущность и социальные механизмы. Ростов н/Д : Логос, 1999. 136 с.
5. Письменский Г.И. Проблемы и перспективы развития инновационного образования в России // Человеческий капитал. 2014. № 6 (66). С. 18–24.
6. Реморенко И.М. Переход к инновационной экономике: возможности и ограничения для системы образования // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 54–72.
7. Филиппов В.М. Актуальные проблемы и направления инновационной деятельности в российском образовании // Инновации в образовании. 2001. № 1. С. 5–16.
8. Урсул А.Д. На пути к опережающему образованию // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3 (31). С. 130–133; № 4 (32). С. 132–139.
9. Сергеев Н.К. Педагогическое образование: поиск инновационной модели // Педагогика. 2010. № 5. С. 66–73.
10. Субетто А.И. Интеллектуализация образования как проблема XXI века // Академия тринитаризма. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120061.htm> (дата обращения: 01.09.2021).
11. Volodina O.V. Formation of meaning-making motivation of undergraduate students in the process of foreign language education // Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education. 2021. № 52 (4). P. 220–237. DOI: 10.32744/pse.2021.4.14
12. Володина О.В. Модель целевого компонента формирования интеллектуальной культуры бакалавра средствами иноязычного образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 8 (151). С. 20–25.
13. Володина О.В. Содержание иноязычного образования в вузе как средство развития интеллектуальной культуры личности будущих учителей // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. № 2. С. 279–290.
14. Методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич). URL: https://mosmetod.ru/Методика_Рокича.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
15. Капцов А.В., Карпушина Л.В. Тест личностных ценностей : руководство по применению. 3-е изд., доп. Самара : Сдружество, 2010. 40 с.
16. Сопов В.Ф., Карпушина Л.В. Морфологический тест жизненных ценностей // Прикладная психология. 2001. № 4. С. 9–30.
17. Диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман). URL: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/017.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
18. Опросник «Мотивация успеха и боязнь неудач» (А.А. Реан). URL: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/103.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
19. Диагностика «эмоционального интеллекта» (Н. Холл). URL: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/034.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
20. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
21. Диагностика личностной креативности (Е.Е. Туник) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 42–45.
22. Туник Е.Е. Опросник креативности Рензулли // Школьный психолог. 2004. № 4. URL: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200400406> (дата обращения: 01.09.2021).
23. Опросник имплицитных теорий и целей обучения (К. Двек). URL: https://psylab.info/Опросник_имплицитных_теорий_и_целей_обучения_Двек
24. Методика «Самооценка личности» (О.И. Мотков). URL: <https://refdb.ru/look/1658973-pall.html> (дата обращения: 01.09.2021).
25. Методика «Психологическая культура личности» (О.И. Мотков). URL: http://www.ucheba.com/met_rus/k_psihologiya/k_psihollichnost/m_kyltura_4.htm
26. Тест «Коммуникативные и организаторские склонности» (В.В. Синявский, В.А. Федорошин). URL: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/17.html> (дата обращения: 01.09.2021).
27. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова). URL: http://kbmk.org/uploads/kolledj/vosp_rabota/20170830_izuch_lich_osob.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
28. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. Ч. 1: Философия и жизнь. 224 с.
29. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. СПб. : Петрополис, 1999. Ч. 3: Антропология. 288 с.
30. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. Ч. 2: Онтология. 272 с.
31. Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра. URL: <https://impsti.ru/testy/test-struktury-intellekta-r-amthauera-ist/> (дата обращения: 01.09.2021).
32. Тест «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда. URL: <https://psytests.org/iq/guilford/guilford.html> (дата обращения: 01.09.2021).
33. Тест на определение типов мышления и уровня креативности (по методике Дж. Брунера). URL: https://studopedia.net/17_38065_opredelenie-tipov-mishleniya-i-urovnya-kreativnosti-po-metodike-dzh-brunera.html (дата обращения: 01.09.2021).
34. Тест смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев). URL: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (дата обращения: 01.09.2021).
35. Володина О.В. Технологии личностно-деятельностного этапа модели развития интеллектуальной культуры личности обучающихся педагогических направлений подготовки бакалавриата средствами иноязычного образования // Иностранные языки в экосистеме современного университета : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 25–26 ноября 2021 г.). Архангельск : САФУ, 2022. С. 84–90.
36. Володина О.В. Творческий компонент развития интеллектуальной культуры личности будущих учителей средствами иноязычного образования // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 238–246.
37. Володина О.В. Рефлексивные методы обучения иностранному языку // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2019. Вып. 6. С. 30–32.
38. Володина О.В. Об эмоциональной составляющей иноязычного образования в вузе // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2019. Вып. 8. С. 16–18.
39. Володина О.В. О роли социального интеллекта в формировании иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся высшей школы // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2019. Вып. 8. С. 18–20.
40. Володина О.В. Важность мотивационного компонента в повышении качества и продуктивности иноязычного образования в вузе // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2019. Вып. 8. С. 20–23.
41. Володина О.В. Ценностные ориентации студентов как смысловые регуляторы и ориентиры учебно-познавательной деятельности в процессе обучения иностранному языку в вузе // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2019. Вып. 8. С. 23–26.
42. Володина О.В. Определение потенциала проявления креативных характеристик и способностей студентов – будущих учителей для развития культуры творчества средствами иноязычного образования // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2020. Вып. 9. С. 33–35.
43. Володина О.В. Анализ РПД и анкетирование преподавателей с целью определения потенциала образовательной среды вуза для развития интеллектуальной культуры личности обучающихся // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2020. Вып. 10. С. 22–25.

44. Корнилов С.А., Смирнов С.Д., Григоренко Е.Л. Современные средства диагностики интеллектуального потенциала: кросс-культурная адаптация зарубежных методических комплексов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 55–66.
45. Брудный А.А. Понимание как компонент психологии чтения // Проблема социологии и психологии чтения. М. : Книга, 1975. С. 162–172.
46. Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 165–173.
47. Володина О.В. Дебаты на уроке иностранного языка как продуктивная технология комплексного формирования дискурсивной компетенции и коммуникативной культуры будущего специалиста // Педагогические мастерские : сб. науч. тр. Киров : МЦИТО, 2020. Вып. 10. С. 20–22.
48. Володина О.В. Интеллектуальная рефлексия как целевой ориентир личностного развития и профессионального становления будущих учителей // Гуманитаристика как школа мысли. СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 98–104.

References

1. Babosov, E.M. (2011) Intellektual'naya kul'tura – al'fa i omega innovatsionnoy sistemy [Intellectual culture is the alpha and omega of the innovation system]. In: *Filosofiya v Belarusi i perspektivy mirovoy intellektual'noy kul'tury* [Philosophy in Belarus and the prospects of world intellectual culture]. Minsk: Pravo i ekonomika. pp. 132–139.
2. Manushin, E.A. (2013) Vyshee obrazovanie: innovatsionnoe ili podderzhivayushchee [Higher education: innovative or supporting]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*. 4. pp. 10–13.
3. Voronin, A.V. (2012) Formirovaniye i realizatsiya innovatsionnogo potentsiala – instrument strategicheskogo razvitiya universiteta [Formation and implementation of innovative potential – a tool for the strategic development of the university]. *Innovatsii*. 11 (169). pp. 80–86.
4. Gerasimov, G.I. & Ilyukhina, L.V. (1999) *Innovatsii v obrazovanii: sushchnost' i sotsial'nye mekhanizmy* [Innovations in education: essence and social mechanisms]. Rostov-on-Don: Logos.
5. Pis'menskiy, G.I. (2014) Problemy i perspektivy razvitiya innovatsionnogo obrazovaniya v Rossii [Problems and prospects for the development of innovative education in Russia]. *Chelovecheskiy kapital*. 6 (66). pp. 18–24.
6. Remorenko, I.M. (2011) Perekhod k innovatsionnoy ekonomike: vozmozhnosti i ogranicheniya dlya sistemy obrazovaniya [Transition to an innovative economy: opportunities and limitations for the education system]. *Voprosy obrazovaniya*. 3. pp. 54–72.
7. Filippov, V.M. (2001) Aktual'nye problemy i napravleniya innovatsionnoy deyatel'nosti v rossiyskom obrazovanii [Topical issues and directions of innovative activity in Russian education]. *Innovatsii v obrazovanii*. 1. pp. 5–16.
8. Ursul, A.D. (2012) Na puti k operazhayushchemu obrazovaniyu [On the way to advanced education]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 3 (31). pp. 130–133; 4 (32). pp. 132–139.
9. Sergeev, N.K. (2010) Pedagogicheskoe obrazovanie: poisk innovatsionnoy modeli [Pedagogical education: the search for an innovative model]. *Pedagogika*. 5. pp. 66–73.
10. Subetto, A.I. (2021) *Intellektualizatsiya obrazovaniya kak problema XXI veka* [Intellectualization of Education as a Problem of the 21st Century]. [Online] Available from: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001a/00120061.htm> (Accessed: 01.09.2021).
11. Volodina, O.V. (2021) Formation of meaning-making motivation of undergraduate students in the process of foreign language education. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 52 (4). pp. 220–237. doi: 10.32744/pse.2021.4.14
12. Volodina, O.V. (2020) Model' tselevogo komponenta formirovaniya intellektual'noy kul'tury bakalavra sredstvami inoyazychnogo obrazovaniya [Model of the target component of the formation of the bachelor's intellectual culture by means of foreign language education]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8 (151). pp. 20–25.
13. Volodina, O.V. (2021) Soderzhanie inoyazychnogo obrazovaniya v vuze kak sredstvo razvitiya intellektual'noy kul'tury lichnosti budushchikh uchiteley [The content of foreign language education at the university as a means of developing the intellectual culture of the personality of future teachers]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 2. pp. 279–290.
14. Rokeach, M. (2021) *Metodika "Tsennostnye orientatsii"* [Value Survey]. [Online] Available from: https://mosmetod.ru/Metodika_Rokicha.pdf (Accessed: 01.09.2021).
15. Kapsov, A.V. & Karpushina, L.V. (2010) *Test lichnostnykh tsennostey: rukovodstvo po primeneniyu* [Personal Values Test: Application Guide]. 3rd ed. Samara: Soderzhestvo.
16. Sopov, V.F. & Karpushina, L.V. (2001) Morfologicheskii test zhiznennykh tsennostey [Morphological test of life values]. *Prikladnaya psikhologiya*. 4. pp. 9–30.
17. Mil'man, V.E. (2021) *Diagnostika motivatsionnoy struktury lichnosti* [Diagnosis of the motivational structure of personality]. [Online] Available from: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/017.pdf (Accessed: 01.09.2021).
18. Rean, A.A. (2021) *Oprosnik "Motivatsiya uspekha i boyazn' neudach"* [Motivation for success and fear of failure questionnaire]. [Online] Available from: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/103.pdf (Accessed: 01.09.2021).
19. Hall, N. (2021) *Diagnostika "emotsional'nogo intelekta"* [The Emotional Intelligence Test]. [Online] Available from: http://www.miu.by/kaf_new/mpp/034.pdf (Accessed: 01.09.2021).
20. Lyusin, D.V. (2006) Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intelekta: oprosnik EmIn [A new technique for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire]. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 4. pp. 3–22.
21. Tunik, E.E. (2002) Diagnostika lichnostnoy kreativnosti [Diagnostics of personal creativity]. In: Fetiskin, N.P., Kozlov, V.V. & Manuylov, G.M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo In-ta psikhoterapii. pp. 42–45.
22. Tunik, E.E. (2004) Oprosnik kreativnosti Renzulli [Renzulli's test of creativity]. *Shkol'nyy psikholog*. 4. [Online] Available from: <https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200400406> (Accessed: 01.09.2021).
23. Dweck, C. (n.d.) *Oprosnik implitsitnykh teoriy i tseley obucheniya* [Implicit Theories of Intelligence Questionnaire]. [Online] Available from: https://psylab.info/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%82%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%B8_%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B9_%D0%BE%D0%B1%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%94%D0%B2%D0%B5%D0%BA
24. Motkov, O.I. (2021) *Metodika "Samootsenka lichnosti"* [Self-assessment of the individual methodology]. [Online] Available from: <https://refdb.ru/look/1658973-pall.html> (Accessed: 01.09.2021).
25. Metodika "Psikhologicheskaya kul'tura lichnosti" (O.I. Motkov). [Online] Available from: http://www.ucheba.com/met_rus/k_psihologiya/k_psiholichnost/m_kultura_4.htm
26. Sinyavskiy, V.V. & Fedoroshin, V.A. (2021) *Test "Kommunikativnye i organizatorskie sklonnosti"* [Communicative and Organizational Inclinations Test]. [Online] Available from: <http://testoteka.narod.ru/lichn/1/17.html> (Accessed: 01.09.2021).
27. Morosanova, V.I. (2021) *Oprosnik "Stil' samoregulyatsii povedeniya"* [Behavior Self-Regulation Style Questionnaire]. [Online] Available from: http://kbnk.org/uploads/kolledj/vosp_rabota/20170830_izuch_lich_osob.pdf (Accessed: 01.09.2021).
28. Sagatovskiy, V.N. (1999) *Filosofiya razvivayushcheyssa garmonii* [Philosophy of the developing harmony]. Part 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

29. Sagatovskiy, V.N. (1999) *Filosofiya razvivayushcheyssya garmonii* [Philosophy of the developing harmony]. Part 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
30. Sagatovskiy, V.N. (1999) *Filosofiya razvivayushcheyssya garmonii* [Philosophy of the developing harmony]. Part 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
31. Amthauer, R. (2021) *Test struktury intellekta* [The Intelligence Structure Test]. [Online] Available from: <https://impis.ru/testy/test-struktury-intellekta-r-amthauera-ist/> (Accessed: 01.09.2021).
32. Guilford, J. (2021) *Test "Sotsial'nyy intellekt"* [Social Intelligence Test]. [Online] Available from: <https://psytests.org/iq/guilford/guilford.html> (Accessed: 01.09.2021).
33. Bruner, J. (2021) *Test na opredelenie tipov myshleniya i urovnya kreativnosti* [Thinking and Creativity Test]. [Online] Available from: https://studopedia.net/17_38065_opredelenie-tipov-mishleniya-i-urovnya-kreativnosti-po-metodike-dzh-brunera.html (Accessed: 01.09.2021).
34. Leont'ev, D.A. (2021) *Test smyslozhiznennykh orientatsiy* [Test of life orientations]. [Online] Available from: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennyye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev> (Accessed: 01.09.2021).
35. Volodina, O.V. (2022) [Technologies of the personal-activity stage of the model for the development of students' intellectual culture in pedagogical areas of undergraduate training by means of foreign language education]. *Inostrannyye yazyki v ekosisteme sovremennogo universiteta* [Foreign languages in the ecosystem of a modern university]. Proceedings of the International Conference. Arkhangelsk. 25–26 November 2021. Arkhangelsk: SAFU. pp. 84–90.
36. Volodina, O.V. (2021) *Tvorcheskiy komponent razvitiya intellektual'noy kul'tury lichnosti budushchikh uchiteley sredstvami inoyazychnogo obrazovaniya* [Creative component of the development of the intellectual culture of the personality of future teachers by means of foreign language education]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 10 (2). pp. 238–246.
37. Volodina, O.V. (2019) *Refleksivnye metody obucheniya inostrannomu yazyku* [Reflexive methods of teaching a foreign language]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 6. Kirov: MTsITO. pp. 30–32.
38. Volodina, O.V. (2019) *Ob emotsional'noy sostavlyayushchey inoyazychnogo obrazovaniya v vuze* [On the emotional component of foreign language education at the university]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 8. Kirov: MTsITO. pp. 16–18.
39. Volodina, O.V. (2019) *O roli sotsial'nogo intellekta v formirovani inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii obuchayushchikhsya vysshey shkoly* [On the role of social intelligence in the formation of foreign language communicative competence of higher school students]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 8. Kirov: MTsITO. pp. 18–20.
40. Volodina, O.V. (2019) *Vazhnost' motivatsionnogo komponenta v povyshenii kachestva i produktivnosti inoyazychnogo obrazovaniya v vuze* [The importance of the motivational component in improving the quality and productivity of foreign language education at the university]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 8. Kirov: MTsITO. pp. 20–23.
41. Volodina, O.V. (2019) *Tsennostnye orientatsii studentov kak smyslozhiznennyye regulatory i orientiry uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v vuze* [Value Orientations of Students as Meaningful Regulators and Landmarks of Educational and Cognitive Activity in Teaching a Foreign Language at a Higher School]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 8. Kirov: MTsITO. pp. 23–26.
42. Volodina, O.V. (2020) *Opredelenie potentsiala proyavleniya kreativnykh kharakteristik i sposobnostey studentov – budushchikh uchiteley dlya razvitiya kul'tury tvorchestva sredstvami inoyazychnogo obrazovaniya* [Determining the potential for the manifestation of creative characteristics and abilities of students – future teachers – for the development of a culture of creativity by means of foreign language education]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 9. Kirov: MTsITO. pp. 33–35.
43. Volodina, O.V. (2020) *Analiz RPD i anketirovanie prepodavateley s tsel'yu opredeleniya potentsiala obrazovatel'noy sredy vuza dlya razvitiya intellektual'noy kul'tury lichnosti obuchayushchikhsya* [Analysis of the discipline's work program and questioning of teachers in order to determine the potential of the university's educational environment for the development of students' intellectual culture]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 10. Kirov: MTsITO. pp. 22–25.
44. Kornilov, S.A., Smirnov, S.D. & Grigorenko, E.L. (2009) *Sovremennyye sredstva diagnostiki intellektual'nogo potentsiala: kross-kul'turnaya adaptatsiya zarubezhnykh metodicheskikh kompleksov* [Modern means of diagnosing intellectual potential: cross-cultural adaptation of foreign methodological complexes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 4. pp. 55–66.
45. Brudnyy, A.A. (1975) *Ponimanie kak komponent psikhologii chteniya* [Understanding as a component of the psychology of reading]. In: *Problema sotsiologii i psikhologii chteniya* [The problem of sociology and psychology of reading]. Moscow: Kniga. pp. 162–172.
46. Leuta, O.N. (2002) *Yu.M. Lotman o trekh funktsiyakh teksta* [Yu.M. Lotman on the three functions of the text]. *Voprosy filosofii*. 11. pp. 165–173.
47. Volodina, O.V. (2020) *Debaty na uroke inostrannogo yazyka kak produktivnaya tekhnologiya kompleksnogo formirovaniya diskursivnoy kompetentsii i kommunikativnoy kul'tury budushchego spetsialista* [Debate in a foreign language lesson as a productive technology for the complex formation of discursive competence and communicative culture of a future specialist]. In: *Pedagogicheskie masterskie* [Pedagogical workshops]. Vol. 10. Kirov: MTsITO. pp. 20–22.
48. Volodina, O.V. (2020) *Intellektual'naya refleksiya kak tselevoy orientir lichnostnogo razvitiya i professional'nogo stanovleniya budushchikh uchiteley* [Intellectual reflection as a target for personal and professional development of future teachers]. In: *Gumanitaristika kak shkola mysli* [The Humanities as a school of thought]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 98–104.

Информация об авторе:

Володина О.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: volodina@petsru.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Volodina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: volodina@petsru.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.09.2021;
одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.*

*The article was submitted 08.09.2021;
approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.*

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/480/23

Повышение межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний переводчика в процессе обучения иностранным языкам

Яна Борисовна Емельянова¹

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия
yemelyanova2007@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость целенаправленного формирования межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний переводчика. Предложен комплекс упражнений, апробированный на занятиях по практике иностранного языка со студентами-переводчиками. В качестве положительных результатов отмечается развитие умственных и психологических механизмов, обеспечивающих межъязыковую мобильность. Выделяются проблемные моменты, такие как снижение темпа речи. Обозначены аспекты, создающие трудности для практической реализации предложенного комплекса.

Ключевые слова: межъязыковая мобильность, лингвокультурные знания, иноязычная подготовка переводчика, профессионально-ориентированное обучение, переключение кодов

Для цитирования: Емельянова Я.Б. Повышение межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний переводчика в процессе обучения иностранным языкам // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 207–216. doi: 10.17223/15617793/480/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/23

Increasing interlingual mobility of the translator's linguacultural knowledge in the teaching of foreign languages to trainee translators

Yana B. Emelyanova¹

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, yemelyanova2007@yandex.ru

Abstract. The article examines the importance of interlingual mobility of the translator's linguacultural knowledge. We define it as the effectiveness of the functioning of connections between the translator's two languages and the speed of retrieval of lexical resources in one language in response to their equivalents in the other one. It is hypothesized that the interlingual mobility of the translator's linguacultural knowledge involves mapping of two linguistic systems onto each other and creation of interlingual connections, and effective functioning of these connections when the two languages are used in translation. Based on the psycholinguistic studies of the bilingual lexicon and code switching a number of factors influencing the effectiveness of the mobility of language knowledge were identified. They include: (i) the type and strength of connections between L1/L2 and between L1/L2 and the conceptual store; (ii) thematic dependence; (iii) "pointedness" of linguistic knowledge which is determined by the level of activation of language and the way language knowledge is stored in the mental lexicon. Research has shown that mobility is a characteristic feature of any active knowledge and requires focused effort and regular practice. Thus, it has been established that steps should be taken to develop interlingual mobility as part of teaching foreign languages to trainee translators. To achieve this aim, a complex of exercises was developed and tested as part of the English language course for third-year trainee translators. It was important to create the conditions similar to those in which translator's language knowledge functions and which are characterised by increased psychological and cognitive load. They include: (I) pre-determined linguistic means and direction of translation; (II) time constraints; (III) code switching. To this end, pushed output and information-gap tasks were included in the complex of exercises as they proved to be well suited for creating such conditions. The complex was aimed at: (1) strengthening the connections from L1 (Russian) to L2 (English) and between L2 and the conceptual store; (2) creating and practising interlingual connections within certain subject areas and between them; (3) developing students' ability to find communicatively equal correspondences in two languages; (4) developing students' ability to work under pressure and time constraints; (5) raising students' linguistic awareness. The results show: (A) an increase in the speed of retrieval of relevant lexical correspondences in L1/L2 within the topics studied; (B) more effective switching between L1 and L2; (C) students' psychological readiness for prompt retrieval of lexical resources in one language in response to their equivalents in the other one; (D) the decrease in the pace of speech. Students also reported: (a) reduced levels of stress; (b) better orientation in the tasks; (c) more conscious choice and use of linguistics resources; (d) higher

awareness of gaps in their linguistic knowledge; (e) better understanding of their future profession. Overall, the obtained results testify to the effectiveness of the proposed approach.

Keywords: interlingual mobility, linguacultural knowledge, translator language training, professionally-oriented training, code switching

For citation: Emelyanova, Ya.B. (2022) Increasing interlingual mobility of the translator's linguacultural knowledge in the teaching of foreign languages to trainee translators. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 207–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/23

Введение

Лингвокультурные знания переводчика являются основой осуществления переводческой деятельности и функционируют в условиях, отличных от условий использования иностранного языка обычными непрофессиональными пользователями. Применение языковых знаний в переводе предполагает профессиональное использование языка и речевых умений [1] и требует особых профессионально ориентированных знаний, навыков и умений пользования языком [2].

В отличие от крупных зарубежных школ перевода (Высшая школа устных и письменных переводчиков в Париже (ESIT), факультет письменного и устного перевода в Университете Женевы (FTI) и др.), куда принимаются студенты, уже владеющие двумя иностранными языками на достаточном для переводческой деятельности уровне, в России, в частности рамках подготовки переводчиков в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, обучение языку осуществляется одновременно с обучением переводу. В этом контексте остро стоит проблема обеспечения профессиональной направленности получаемых студентами языковых знаний, необходимой для их оптимального функционирования в процессе осуществления перевода. Мы исходим из того, что иноязычная подготовка переводчиков должна способствовать формированию базы для дальнейшего овладения собственно переводческими навыками и умениями.

Одной из ключевых характеристик лингвокультурных знаний переводчика мы считаем их мобильность. На наш взгляд, необходимо выделять два вида мобильности языковых знаний переводчика – внутриязыковую и межъязыковую. *Внутриязыковая мобильность* представляет собой мобильность языковых знаний в рамках одного языка и предполагает оперативное извлечение и комбинирование языковых средств в ответ на появление стимула или коммуникативной потребности. *Межъязыковая мобильность* распространяется на пару языков и отражает эффективность функционирования межъязыковых связей и оперативность извлечения языковых средств в ответ на коммуникативно-равноценные им в другом языке.

Важность межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний в контексте переводческой деятельности обусловлена тем, что они:

1) являются инструментом для осуществления профессиональной деятельности и решения переводческих задач с целью создания адекватного текста перевода;

2) функционируют в условиях повышенной психологической и когнитивной нагрузки, обусловленной следующими факторами:

а) заданностью параметров переводческой ситуации (языковое оформление, содержание, тип переводимого текста, направление перевода, объем воспринимаемого фрагмента оригинала (в устном переводе));

б) ограниченностью временных рамок;

в) переключением кодов.

Мы считаем, что межъязыковая мобильность предполагает: спроецированность двух языковых систем друг на друга, т.е. установление связей между ними; оперативное функционирование этих связей в контексте переводческого использования двух языков.

О важности для переводчика соотнесенности знаний в двух языках неоднократно говорили многие переводоведы, отмечавшие:

а) решающее значение характера владения языками, предполагающего проецированность языков друг на друга, соотнесенность на уровне узуса и нормы [3];

б) необходимость «упорядоченного билингвизма», т.е. владения языками «во взаимосвязи» [4];

в) необходимость взаимосвязанности, независимости и соотнесенности языковых систем в голове переводчика [5].

Оперативное функционирование межъязыковых связей является необходимым элементом, поскольку обеспечивает скорость активации и извлечения языковых средств, снижение объема требуемого контроля и усилий со стороны говорящего, более высокий темп переключения, психологическую готовность к переключению.

Отдельное овладение способами описания действительности на двух языках совершенно не означает, что в переводческой деятельности они станут функционировать как пара. Вызов необходимых языковых средств может не состояться несмотря на то, что сами они могут быть хорошо известны переводчику. В качестве примера можно привести распространенную ситуацию, когда на занятиях по иностранному языку изучается определенный блок лексики, активно используемой при выполнении различных тренировочных упражнений и составлении рассказов. Однако, несмотря на свою известность студентам, эта лексика не всегда активируется в ответ на стимул в виде полученного текста оригинала на родном языке.

Эффективность функционирования межъязыковых связей зависит от ряда факторов.

1. *Характер и сила связей между языками и концептуальным блоком.* Они могут различаться в зависимости от уровня владения языками, возраста и порядка их усвоения. При изучении Я2 в достаточно взрослом возрасте, а также в условиях отсутствия языковой среды наблюдаются:

а) прямая более сильная связь от Я2 к Я1 и между Я1 и концептуальным блоком;

б) непрямая / косвенная и более слабая связь от Я1 к Я2 и между Я2 и концептуальным блоком, – эти связи основаны на знании и не являются автоматическими [6].

Такая функциональная организация языков в мозге оказывает негативное влияние:

а) на процесс лексикализации концептов, т.е. подбор соответствующих языковых средств для их выражения;

б) на характер репрезентаций в ментальном лексиконе, когда доминируют репрезентации по модели связи слов (word association) [7];

в) на процесс переключения кодов в силу слабости связей Я1/Я2 и от концептуального блока к Я2 [8. Р. 1649].

2. Тематическая обусловленность. Формирование межъязыковых связей происходит в пределах определенной тематики, но также предполагает целенаправленное подключение языковых средств из разных тематических областей [9]. Это объясняется тем, что изменение тематического или ситуативного контекста может ослабить [10] или полностью блокировать сигналы для извлечения и закрепившиеся за словом ассоциации [11].

3. Заостренность языковых знаний. Успешное извлечение языковых средств определяется наличием «ярлычков» (cues), закрепленных за словом и определяющих его местонахождение в лексиконе [12]. Недостаточно прочное хранение информации может быть причиной невозможности своевременного извлечения нужной информации [13]. Однако для обеспечения функционирования межъязыковых связей в реальном контексте коммуникации необходимо формирование не только сети связей в нейтральном состоянии, но и способности каждой связи к ситуативно-заостренному возбуждению.

Мобильность лингвокультурных знаний не появляется сама по себе. Она отличает активное знание языка от пассивного и предполагает наличие более эффективных и отработанных следов памяти и усилий для ее формирования [14. Р. 711]. Это требует систематической работы по формированию, тренировке и поддержанию межъязыковых связей. Исследования показывают, что частота использования языковых средств влияет на скорость их активации [15, 16], изменение характера хранения информации в ментальном лексиконе и доступа к ней [7], прочность запоминания [17], скорость забывания [15, 16].

Как любое активное знание, мобильность требует целенаправленной работы, которая должна осуществляться не только на занятиях по переводу, но и в процессе иноязычной подготовки переводчиков. Это предполагает «создание новых связей между отдельными участками лингвокультур, где ранее связей не наблюдалось» [18. Р. 136], и их воспроизведение в процессе тренировки и выполнения упражнений, а также накопление багажа «контекстных соответствий параллельно на двух языках» благодаря практике установления коммуникативно равноценных соответствий [19. С. 54]. Несмотря на значимость данной проблемы, нами не было обнаружено исследований, посвященных формированию мобильности языковых

знаний в процессе обучения переводчиков иностранному языку.

Цель данной работы – описание разработанного автором комплекса упражнений, предназначенных для использования на занятиях по практике иностранного языка в процессе подготовки переводчиков и направленных на повышение мобильности межъязыковых связей, а также процесса и результатов его апробации. Мы предполагаем, что использование подобного комплекса упражнений позволит обеспечить:

а) укрепление и тренировку связей от Я1 к Я2 и между Я2 и концептуальным блоком;

б) формирование и тренировку межъязыковых связей в пределах определенной тематики;

в) формирование и тренировку межъязыковых связей между разными тематическими областями;

г) большую заостренность знаний в двух языках;

д) формирование более осознанного и профессионального подхода студентов к выполнению двуязычных заданий.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования комплекса упражнений для повышения мобильности межъязыковых знаний студентов-переводчиков в процессе обучения иностранным языкам как одного из элементов профессиональной ориентированности такого обучения.

Теоретическое значение работы состоит в уточнении и описании подходов к организации иноязычной подготовки переводчиков, обеспечении ее профессиональной направленности и преемственности с переводческими дисциплинами.

Методология исследования

В эксперименте принимали участие 38 студентов 3-го курса ВШП НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. На данном этапе обучения студенты начинают изучать собственно переводческие дисциплины, в частности теорию перевода и введение в перевод, но значительного опыта перевода пока не имеют. В таких условиях представляется интересным установить, насколько успешно лингвокультурные знания в иностранном языке, получаемые студентами, функционируют в паре с родным языком. В качестве материалов использовался разработанный автором комплекс упражнений, который будет подробно описан ниже.

Первый этап эксперимента не был запланирован и состоялся спонтанно. По окончании изучения темы студенты должны были подготовить рассказы / доклады с использованием активной лексики. Им также были предложены предложения на перевод с русского языка на английский, содержащие изученную лексику по теме и грамматику, известную студентам по предыдущим годам обучения. При этом на фоне успешных рассказов с грамотным и адекватным использованием активной лексики студенты показали гораздо более низкие результаты при переводе предложений. Они сами также отметили возникшие трудности и дискомфорт. Среди трудностей они выделили:

а) сложность и медленность подбора англоязычных соответствий русским словам и выражениям;

б) сложность узнавания и соотнесения формулировок на русском языке с изученными английскими в конкретном контексте, особенно если они не совпадают по языковому оформлению;

в) ощущение стресса и непривычности задания.

В дополнение к этому преподавателем также были отмечены:

а) неумение «видеть» в предложении на русском языке выражения, коммуникативно равноценные тематической иноязычной лексике, если только они не идентичны по составу;

б) как следствие предыдущей проблемы – склонность к пословному переводу и в результате потеря определенного количества тематических выражений;

в) склонность к уходу от формулировок оригинала к более удобным для студентов словам и выражениям в английском языке, которые в большинстве случаев можно было рассматривать не как коммуникативно равноценные соответствия, а как необоснованный отход от оригинала;

г) выражения часто запоминаются и функционируют в речи только в конкретных предложениях из текста, за пределами которых они не всегда вспоминаются. Иными словами, языковые средства «спаяны» с текстовым материалом и при необходимости использовать их в другом контексте не всегда оперативно активируются и извлекаются;

д) неуверенность студентов в правильности своего перевода, неумение оценить свою работу либо, наоборот, полная уверенность в правильности перевода на фоне отсутствия таковой в реальности.

На основе данных наблюдений был сделан вывод о недостаточности традиционно используемых видов работы для обеспечения мобильности языковых знаний и о необходимости специальных упражнений, направленных на достижение данного результата.

С целью решения выявленной проблемы был разработан и апробирован комплекс упражнений, направленных на повышение мобильности связей между изучаемой тематической лексикой на иностранном языке и соответствующими языковыми средствами родного языка. Его апробация проходила на *втором этапе* эксперимента в рамках изучения двух тем (3,5 мес.).

При разработке упражнений мы исходили из того, что для формирования и тренировки межъязыковых связей, а также для создания условий, характерных для переводческого контекста использования языков, могут быть эффективны задания, предполагающие использование определенных языковых средств в заданных условиях (pushed output tasks). Использование подобных заданий имеет следующие преимущества:

1) осознанное понимание студентами своих пробелов в знаниях. Исследователи подчеркивают, что необходимость употребления определенных языковых средств помогает обучающимся видеть пробел между тем, что им необходимо сказать, и тем, что они могут сказать, т.е. какими языковыми средствами располагают [20];

2) более эффективное усвоение языковых средств. Осознание вышеупомянутого пробела способствует процессу обучения и лучшего запоминания новых языковых средств [21], повышает восприимчивость сту-

дентов к соответствующим структурам в Я2, которые, в свою очередь, становятся более «выпуклыми» [22];

3) более осознанный выбор обучающимися языковых средств, поскольку они узнают, каким образом определенный смысл может быть выражен в Я2 и в дальнейшем более осознанно выбирают языковые средства [21, 23];

4) повышение беглости правильности речи [23] за счет:

а) автоматизации обработки языковой информации, так как регулярное успешное соотнесение знаний с конкретными коммуникативными целями способствует автоматической обработке [24];

б) формирования процедурных знаний в Я2 за счет создания речевых высказываний с акцентом на их языковое оформление. Этому же, в частности преобразованию декларативных знаний в процедурные, способствует и большой объем речевой практики [25].

Примером упражнений, предполагающих целенаправленное использование определенных языковых средств в заданных условиях, являются упражнения на перевод [14]. Разработанный комплекс включал следующие упражнения:

1. Предъявление русских соответствий перед чтением текста / прослушиванием аудио / просмотром видео и поиск англоязычных соответствий в изученном материале.

2. Упражнения на подстановку с переводом. Предложения на английском языке содержат пропуски, в скобках даны русские соответствия пропущенных слов / выражений. Все они относятся к лексике по изучаемой / ранее изученной теме или по просмотренному видео / прослушанному аудио.

3. Повторение пройденной лексики в виде устного опроса:

а) по словам / словосочетаниям по изучаемой теме (Я1–Я2, Я2–Я1);

б) по словам / словосочетаниям по изучаемой и ранее изученной теме / темам (Я1–Я2, Я2–Я1);

в) по словам и выражениям из просмотренного видео / прослушанного аудио (проводится на одном из последующих занятий с целью возвращения к пройденной лексике) (Я1–Я2, Я2–Я1).

4. Повторение пройденной лексики в виде устного перевода:

а) коротких предложений с лексикой по изучаемой теме (Я1–Я2, Я2–Я1);

б) коротких предложений с лексикой по изучаемой и ранее изученной теме / темам (Я1–Я2, Я2–Я1);

в) коротких предложений с лексикой из просмотренного видео / прослушанного аудио (проводится на одном из последующих занятий с целью возвращения к пройденной лексике) (Я1–Я2, Я2–Я1).

5. Письменный перевод предложений с лексикой по изучаемой теме / по изучаемой и ранее изученной теме / темам (Я1–Я2).

6. Описание картинок, изображающих определенные ситуации по теме, или последовательности картинок, объединенных сюжетной линией.

7. Создание англоязычного сопровождения к «немому» фильму по теме.

8. Пересказ прочитанного на Я1 текста на английском языке.

9. Ролевая игра «Выступите в роли переводчика». Студенты готовят двуязычные диалоги по изучаемой теме, один из студентов группы, не знакомый с текстом диалога, выступает в качестве переводчика (Я1–Я2, Я2–Я1).

Следует отметить, что данные упражнения не являются принципиально новыми, многие их используют на занятиях по практике языка. В контексте решения проблемы повышения мобильности языковых знаний и оперативности их функционирования имеет значение их целенаправленное и систематическое использование в комплексе. Данные упражнения не замещают традиционных форм работы, а дополняют их.

На *третьем этапе* осуществлялся контроль полученных результатов. Для этого студентам было предложено выполнить два упражнения, уже знакомых им по второму этапу:

1) пересказ прочитанного на Я1 текста на английском языке. Студентам был предложен аутентичный текст на русском языке по изученной теме объемом около 3 000 знаков. Студентам давалось 30 минут для ознакомления с текстом и подготовки ответа. Студенты могли делать записи для опоры во время ответа, однако написания полного текста на английском языке не предполагалось. Использование словарей также не предполагалось. Если в тексте содержались новые слова и выражения, то их иноязычные соответствия давались после текста.

2) ролевая игра «Выступите в роли переводчика». В отличие от второго этапа в этом упражнении текст двуязычного диалога был составлен не студентами, а преподавателем, что позволило гарантировать наличие необходимого количества тематической лексики. Предполагалось, что студент устно переводит реплики в обоих направлениях. Студенты не могли пользоваться словарями, так как диалог не содержал незнакомой студентам лексики.

Оба задания предполагают элемент заданности содержания и языкового оформления. Пересказ оставляет студентам несколько больше свободы в выборе формулировок и организации информации. Перевод

задает более жесткие рамки и требует умения узнавать и соотносить языковые средства в двух языках не только и не столько по формальному сходству, сколько по их коммуникативной равноценности и выражаемому смыслу.

Упражнения выполнялись по итогам изучения темы и оценивались преподавателем по следующим критериям:

а) адекватность и достаточность использования тематической лексики на фоне сохранения смысла текста (пересказ);

б) адекватность и полнота передачи тематической лексики на фоне передачи смысла высказывания (перевод);

в) темп речи; наличие данного критерия обусловлено тем, что успешность функционирования межъязыковых связей выражается не только в нахождении адекватных соответствий в другом языке, но и в скорости этого поиска, что имеет принципиальное значение для переводческой деятельности.

По каждому критерию студент мог получить от 1 до 5 баллов.

Студентам было предложено в свободной форме прокомментировать следующие аспекты:

1) скорость соотнесения формулировок на русском языке с возможными иноязычными тематическими выражениями, с помощью которых их можно передать на английский язык;

2) уровень собственной уверенности и комфорта при выполнении упражнения.

Результаты исследования

Поскольку апробация проходила в рамках изучения двух тем, результаты представлены по итогам каждой темы отдельно, с тем чтобы проследить возможные изменения, предложить их объяснения и сделать соответствующие выводы.

При оценивании *пересказа* на английском языке текста, прочитанного на русском языке, критерием, имеющим непосредственное отношение к апробации упражнений, был критерий адекватности и полноты передачи тематической лексики. Баллы, полученные студентами, представлены на рис. 1.

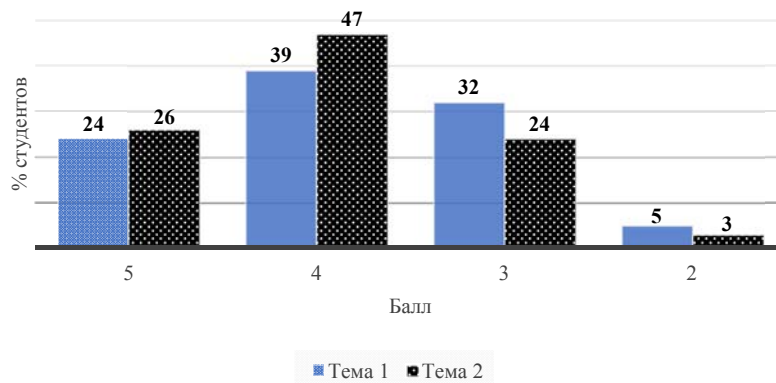

Рис. 1. Баллы, полученные студентами за пересказ

Сравнение результатов по темам 1 и 2 показывает увеличение количества баллов «5» и «4» и уменьше-

ние удовлетворительных и неудовлетворительных оценок, что свидетельствует о положительной дина-

мике. Очевидно, что формат и суть заданий становятся более привычными для студентов, у них вырабатываются соответствующий подход и психологическая готовность к их выполнению.

При оценивании *перевода* основным был критерий адекватности и полноты передачи тематической лексики, поскольку он позволял отследить результаты нашей работы (рис. 2).

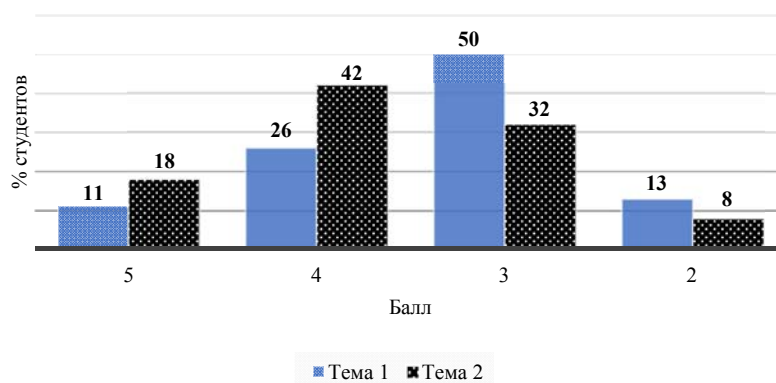

Рис. 2. Баллы, полученные студентами за перевод

В целом результаты за перевод ниже результатов за пересказ по причинам, связанным со спецификой задания, которую мы обсуждали выше. Однако по теме 2 результаты за перевод улучшились, что можно считать положительной тенденцией. Это может быть интерпретировано как то, что студенты:

а) более успешно ориентируются в известной им лексике в условиях заданности материала;

б) приобретают навык оперативного соотнесения формулировок из предложений на русском языке с иноязычными языковыми средствами, которые могут быть использованы для адекватной передачи смысла на английском языке;

в) вырабатывают привычку подавления первого импульса к пословному переводу;

г) лучше ориентируются в задании, так как понимают его суть, задачи, критерии оценивания и механизм выполнения.

Тем не менее можно было наблюдать попытки ряда студентов использовать стратегии избегания, т.е. ухода

от формулировки оригинала к формулировкам, более удобным студентам, что во многих случаях приводило к искажению смысла или добавлению / опущению его элементов. Это может свидетельствовать:

а) о незнании студентами точных соответствий;

б) «некомфортности» для студентов жестких рамок данного задания;

в) привычке к самостоятельному выбору языковых средств.

Баллы, полученные студентами за оценку *темпа речи* при выполнении пересказа и перевода представлены на рис. 3, 4. На диаграмме отражены результаты по каждому заданию для тем 1 и 2.

Данные показывают, положительные изменения между результатами для двух тем. В частности, за тему 2 отсутствуют ответы, получившие оценку «1», увеличилось количество ответов, получивших оценки «4» и «5».

Представляется интересным проследить изменения в темпе речи для каждого отдельного задания в рамках тем 1 и 2 (рис. 5, 6).

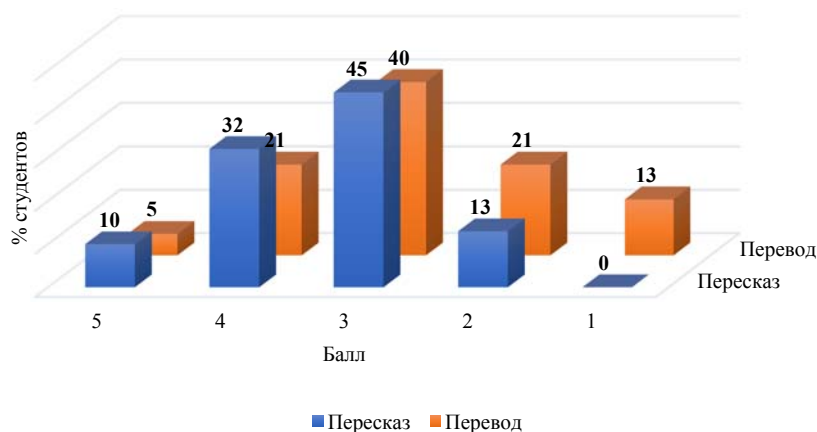

Рис. 3. Результаты оценивания темпа речи студентов (тема 1)

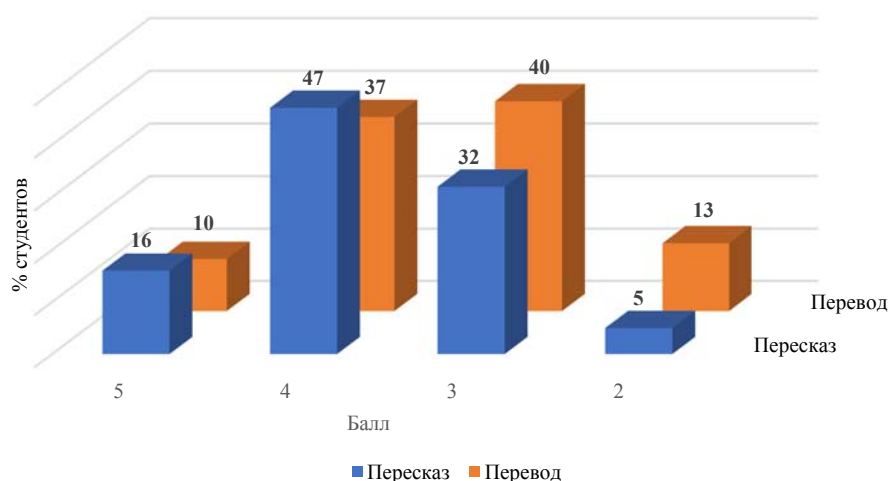

Рис. 4. Результаты оценивания темпа речи студентов (тема 2)

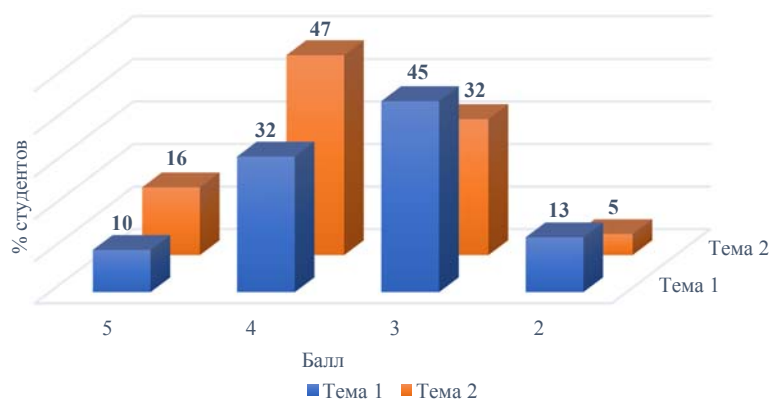

Рис. 5. Результаты оценивания пересказа (темы 1, 2)

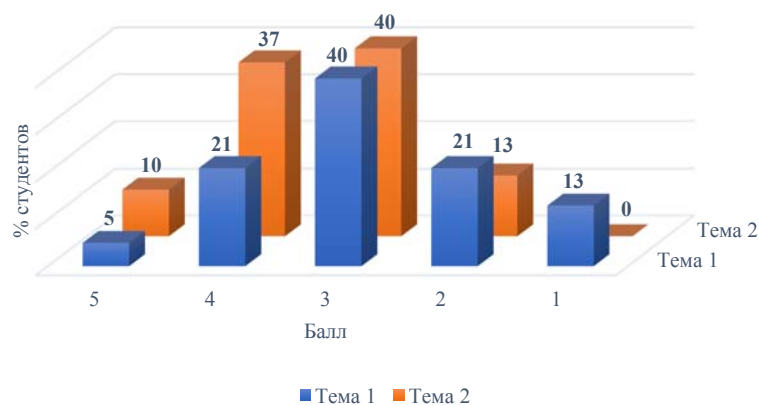

Рис. 6. Результаты оценивания перевода (темы 1, 2)

В целом следует отметить положительные изменения в рамках каждого отдельного задания между темами 1 и 2. Однако можно утверждать, что темп речи является проблемным аспектом, требующим дополнительного внимания.

Очевидно, что пересказ и перевод также оценивались на предмет *грамматической правильности*. Поскольку

данный параметр не связан с межъязыковой мобильностью знаний в рамках определенной тематики, мы не рассматривали подробно данные результаты. Тем не менее следует отметить, что при выполнении перевода в определенной степени повышалось количество грамматических ошибок, неточностей, самоисправлений, более долгого выбора нужной грамматической кон-

струкции, что, в свою очередь, также вызвало снижение темпа речи, о котором шла речь выше.

Представляют интерес и результаты опроса студентов по итогам проведенного обучения. В комментариях к *пункту 1*, касающемуся скорости соотношения формулировок на русском языке с возможными иноязычными тематическими выражениями, с помощью которых их можно передать на английский язык, можно выделить следующие мнения:

а) повышение скорости извлечения слов и выражений по изученным темам;

б) более внимательное отношение к изучаемой лексике, приобретение привычки выявлять в языковом материале потенциально полезные языковые средства, подбирать им соответствия в русском языке путем не пословного перевода, а установления коммуникативной равноценности, т.е. исходя из того, «как в русском языке об этом принято говорить»;

в) повышение осознанности при выборе иноязычных соответствий и формулировок, более четкое понимание важности подбора адекватных способов выражения смысла в другом языке. Особо отмечалась полезность задания «Выступите в роли переводчика», поскольку, по словам студентов, это позволило им ощутить зависимость взаимопонимания собеседников и полноты получаемой ими информации от качества их перевода;

г) сохранение тенденции «первого импульса» к пословному переводу и необходимость осознанного усилия для его преодоления и выбора более оптимальной стратегии подбора иноязычных соответствий и формулировок.

В комментариях к *пункту 2* относительно уровня собственной уверенности и комфорта при выполнении упражнений были обнаружены различающиеся точки зрения. С одной стороны, многие студенты отметили, что стали чувствовать себя комфортнее при выполнении таких заданий, они стали для них более привычными, что способствовало большей сосредоточенности на задании и повышению качества его выполнения.

С другой стороны, не всем студентам нравятся усложнение форм работы, повышение уровня стресса, непредсказуемости и, как следствие, снижение демонстрируемых результатов и оценок. Для многих предпочтительным было бы сохранение прежнего привычного им формата работы. Несколько студентов высказали мнение, что подобные задания должны выполняться на занятиях по практике перевода, а на практике языка следует изучать новую лексику, пересказывать тексты, составлять свои рассказы.

Заключение

Целью нашего исследования были разработка и апробация комплекса упражнений, направленного на повышение мобильности межъязыковых связей в процессе иноязычной подготовки студентов-переводчиков. Ожидалось, что использование данного комплекса будет способствовать формированию и более оперативному функционированию связей меж-

ду знаниями в двух языках, формированию более осознанного и профессионального подхода студентов к выполнению двуязычных заданий и приобретению навыков оценки их выполнения.

Полученные результаты и наблюдения позволяют сделать вывод об эффективности предложенного комплекса и актуальности работы по целенаправленному повышению мобильности межъязыковых связей на занятиях по иностранному языку, которая создает предпосылки для формирования профессионального характера знаний и навыков студентов переводчиков. Регулярное выполнение заданий способствует:

1) более успешной ориентировке в задании за счет понимания его сути, цели, критериев оценивания;

2) повышению психологической готовности студентов к данным видам деятельности;

3) приобретению профессионально ориентированных навыков работы с языковыми средствами, в частности:

а) оперативной ориентировки в своих языковых знаниях и поиска коммуникативно равноценных соответствий в иностранном языке;

б) соотношения коммуникативно равноценных соответствий в двух языках;

в) переключения между двумя языками;

г) понимания своих задач в контексте взаимодействия двух языков;

д) оценки качества своего выполнения задания.

Результаты реализации комплекса упражнений позволяют выдвинуть предположение о том, что происходит развитие и закрепление умственных и психологических механизмов, обеспечивающих межъязыковую мобильность в целом независимо от темы. Данный вывод в определенной степени перекликается с выводами исследователей, которые обращают внимание на универсальный характер механизмов, обеспечивающих переключение кодов, и самой способности к переключению и предлагают рассматривать переключение кодов не как сугубо языковой процесс, а как аналог металингвистического задания [26], т.е. деятельности, связанной с переключением между различными когнитивными заданиями.

Были выявлены некоторые проблемные аспекты, заслуживающие дополнительного внимания. С точки зрения результатов студентов такими аспектами являются снижение темпа речи и сопутствующее ему повышение количества самоисправлений, снижение внимания к грамматической правильности высказывания. В качестве возможных причин можно отметить:

а) неготовность к выполнению двуязычных заданий, особенно в условиях ограниченности времени и заданности языковых средств;

б) недостаточно сформированную привычку подавления первого импульса к пословному переводу и значительные временные затраты на ее преодоление.

С организационной точки зрения проблемными аспектами могут быть дополнительные требования к преподавателю: во-первых, необходимость разработки соответствующих упражнений, а также встраивания их в учебный процесс; во-вторых, от преподавателя иностранного языка требуются понимание су-

ти переводческой деятельности, ее целей и задач, владение переводческими умениями, умение грамотно организовать выполнение двуязычных упражнений, умение оценить качество перевода, прокомментировать и пояснить ошибки. Не все преподаватели иностранного языка обладают подобными знаниями и умениями, поскольку не обязательно являются квалифицированными переводчиками.

Еще одним вопросом, заслуживающим внимания, является отношение студентов к введению новых профессионально-ориентированных форм работы на

занятиях по практике иностранного языка. Вполне предсказуемо у некоторых студентов наблюдаются консерватизм и нежелание выходить за рамки привычной зоны комфорта.

В качестве направления для дальнейших исследований в данной области нам кажется целесообразным решение обозначенных выше проблемных аспектов с целью совершенствования и оптимизации работы по формированию межъязыковой мобильности лингвокультурных знаний переводчика в процессе обучения иностранным языкам.

Список источников

1. Liendo P. English for translation purposes: straddling the challenge // *Translation Journal*. 2015. January. URL: <http://translationjournal.net/January-2015/english-for-translation-purposes-straddling-the-challenge.html> (accessed: 08.08.2016).
2. Пассов Е.И. 40 лет в методике, или Решение 101 методической задачи. М.: Просвещение, 2006. 240 с.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
5. Malmkjær K. What is translation competence? // *Revue française de linguistique appliquée*. 2009. Vol. XIV. P. 121–134.
6. Kroll J.F., Tokowicz N. The development of conceptual representation for words in a second language // *One mind, two languages: bilingual language processing* / J. Nicol (ed.). Malden, MA: Blackwell, 2001. P. 49–71.
7. De Groot A. Lexical representation and lexical processing in the L2 user // *Portraits of the L2 user* / V. Cook (ed.). Clevedon: Multilingual matters, 2002. P. 29–64. (Second Language Acquisition).
8. Proverbio A.M., Leoni G., Zani A. Language switching mechanisms in simultaneous interpreters: an ERP study // *Neuropsychologia*. 2004. Vol. 42. P. 1636–1656.
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
10. Spear N.E., Riccio D.C. *Memory: Phenomena and principles*. Boston: Allyn and Bacon, 1994. 416 p.
11. Shanon B. Faulty language selection in polyglots // *Language and Cognitive Processes*. 1991. Vol. 6. P. 339–350.
12. Higbee K.L. *Your memory: How it works and how to improve it*. 2nd ed. New York: Marlowe & Company, 2001. 265 p.
13. Saville-Troike M. *Introducing Second Language Acquisition*. Cambridge: CUP, 2006. 217 p.
14. Laufer B., Girsai N. Form-focused Instruction in Second Language Vocabulary Learning: a Case for Contrastive Analysis and Translation // *Applied Linguistics*. 2008. Vol. 29 (4). P. 694–716.
15. Ecker P. Language attrition and theories of forgetting: a cross-disciplinary review // *International Journal of Bilingualism*. 2004. Vol. 8 (3). P. 321–354.
16. Köpcke B. Language attrition at the crossroads of brain, mind, and society // *Language attrition: theoretical perspectives* / B. Köpcke, M.S. Schmid, M. Keijzer, S. Dostert (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 9–37.
17. Folse K.S. The effect of type of written exercise on L2 vocabulary retention // *TESOL Quarterly*. 2006. Vol. 40 (2). P. 273–293.
18. Hewson L., Martin J. *Redefining translation: the variational approach*. London: Routledge, 1991. 236 p.
19. Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // *Язык и культура*. 2010. № 4 (12). С. 44–56.
20. Cognitive linguistics, second language acquisition, and foreign language teaching / M. Achard, S. Niemeier (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. 292 p.
21. English B.J. Reading for Writing as Reciprocal Reinforcement in Vocabulary Acquisition // *International Arab Journal of English for Specific Purposes (IAJESP)*. 2018. Vol. 1 (2). P. 73–85.
22. Mackey A. Input, interaction and corrective feedback in L2 classrooms. Oxford: Oxford University Press, 2012. 288 p.
23. Swain M. The output hypothesis: Theory and research // *Handbook on research in second language teaching and learning* / E. Hinkel (ed.). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. P. 471–484.
24. Gass S. Input, interaction, and the Second Language Learner. Mahwah, NJ: L. Erlbaum, 1997. 189 p.
25. Anderson J.R. *Rules of the mind*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1993. 320 p.
26. Abutalebi J., Brambati S.M., Annoni J.-M., Moro A., Cappa S.F., Perani D. The neural cost of the auditory perception of language switches: an event-related functional magnetic resonance imaging study in bilinguals // *The Journal of Neuroscience*. 2007. № 27 (50). P. 13762–13769.

References

1. Liendo, P. (2015) English for translation purposes: straddling the challenge. *Translation Journal*. January. [Online] Available from: <http://translationjournal.net/January-2015/english-for-translation-purposes-straddling-the-challenge.html> (Accessed: 08.08.2016).
2. Passov, E.I. (2006) *40 let v metodike, ili Reshenie 101 metodicheskoy zadachi* [40 years in methodology, or the solution of 101 methodological problems]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Shveytser, A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow: Nauka.
4. Komissarov, V.N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie* [Modern translation studies: a textbook]. Moscow: ETS.
5. Malmkjær, K. (2009) What is translation competence?. *Revue française de linguistique appliquée*. XIV. pp. 121–134.
6. Kroll, J.F. & Tokowicz, N. (2001) The development of conceptual representation for words in a second language. In: Nicol, J. (ed.) *One mind, two languages: bilingual language processing*. Malden, MA: Blackwell. pp. 49–71.
7. De Groot, A. (2002) Lexical representation and lexical processing in the L2 user. In: Cook, V. (ed.) *Portraits of the L2 user*. Clevedon: Multilingual matters. pp. 29–64. (Second Language Acquisition).
8. Proverbio, A.M., Leoni, G. & Zani, A. (2004) Language switching mechanisms in simultaneous interpreters: an ERP study. *Neuropsychologia*. 42. pp. 1636–1656.
9. Min'yar-Beloruchev, R.K. (1980) *Obshchaya teoriya perevoda i ustnyy perevod* [General theory of translation and interpretation]. Moscow: Voenizdat.
10. Spear, N.E. & Riccio, D.C. (1994) *Memory: Phenomena and principles*. Boston: Allyn and Bacon.
11. Shanon, B. (1991) Faulty language selection in polyglots. *Language and Cognitive Processes*. 6. pp. 339–350.
12. Higbee, K.L. (2001) *Your memory: How it works and how to improve it*. 2nd ed. New York: Marlowe & Company.

13. Saville-Troike, M. (2006) *Introducing Second Language Acquisition*. Cambridge: CUP.
14. Laufer, B. & Girsai, N. (2008) Form-focused Instruction in Second Language Vocabulary Learning: a Case for Contrastive Analysis and Translation. *Applied Linguistics*. 29 (4). pp. 694–716.
15. Ecke, P. (2004) Language attrition and theories of forgetting: a cross-disciplinary review. *International Journal of Bilingualism*. 8 (3). pp. 321–354.
16. Köpke, B. (2007) Language attrition at the crossroads of brain, mind, and society. In: Köpke, B. et al. (eds) *Language attrition: theoretical perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. pp. 9–37.
17. Folse, K.S. (2006) The effect of type of written exercise on L2 vocabulary retention. *TESOL Quarterly*. 40 (2). pp. 273–293.
18. Hewson, L. & Martin, J. (1991) *Redefining translation: the variational approach*. London: Routledge.
19. Serova, T.S. (2010) Sbalansirovanny bilingvizm i mekhanizm yazykovogo pereklyucheniya v ustnoy perevodcheskoy deyatel'nosti v usloviyakh dialoga yazykov i kul'tur [Balanced Bilingualism and the Mechanism of Language Switching in Interpreting in a Dialogue of Languages and Cultures]. *Yazyk i kul'tura*. 4 (12). pp. 44–56.
20. Achard, M. & Niemeier, S. (eds) (2004) *Cognitive linguistics, second language acquisition, and foreign language teaching*. Berlin: Mount de Gruyter.
21. English, B.J. (2018) Reading for Writing as Reciprocal Reinforcement in Vocabulary Acquisition. *International Arab Journal of English for Specific Purposes (IAJESP)*. 1 (2). pp. 73–85.
22. Mackey, A. (2012) *Input, interaction and corrective feedback in L2 classrooms*. Oxford: Oxford University Press.
23. Swain, M. (2005) The output hypothesis: Theory and research. In: Hinkel, E. (ed.) *Handbook on research in second language teaching and learning*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. pp. 471–484.
24. Gass, S. (1997) *Input, Interaction, and the Second Language Learner*. Mahwah, NJ: L. Erlbaum.
25. Anderson, J.R. (1993) *Rules of the mind*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.
26. Abutalebi, J. et al. (2007) The neural cost of the auditory perception of language switches: an event-related functional magnetic resonance imaging study in bilinguals. *The Journal of Neuroscience*. 27 (50). pp. 13762–13769.

Информация об авторе:

Емельянова Я.Б. — канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: yemelyanova2007@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.B. Emelyanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: yemelyanova2007@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2021;
одобрена после рецензирования 05.06.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 29.11.2021;
approved after reviewing 05.06.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1'243'271.1
doi: 10.17223/15617793/480/24

Жанроориентированная методика обучения письменной речи на русском языке как иностранном (на примере жанра «рекомендательное письмо»)

Ольга Анатольевна Казакова^{1, 2}, Татьяна Борисовна Фрик^{1, 3}

¹ Томский политехнический университет, Томск, Россия

² kazakova@tpu.ru

³ tfrik@tpu.ru

Аннотация. Исследование направлено на решение актуальной педагогической проблемы формирования жанрового мышления как компонента иноязычной коммуникативной компетенции. На примере жанра рекомендательного письма представлена разработанная и апробированная авторами жанроориентированная методика обучения письменной речи на русском языке как иностранном. Описаны этапы жанроориентированной работы, предложен комплекс жанроориентированных заданий и жанроориентированная система оценивания результатов продуктивной речевой деятельности учащихся в письменной форме.

Ключевые слова: иностранный язык, речевой жанр, жанроориентированный подход, жанровая педагогика, письмо, обучение письменной речи, русский язык как иностранный, рекомендательное письмо

Источник финансирования: Исследование выполнено в Томском политехническом университете в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского политехнического университета.

Для цитирования: Казакова О.А., Фрик Т.Б. Жанроориентированная методика обучения письменной речи на русском языке как иностранном (на примере жанра «рекомендательное письмо») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 217–226. doi: 10.17223/15617793/480/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/24

The genre-based approach to teaching writing in Russian as a foreign language (on the example of the recommendation letter genre)

Olga A. Kazakova^{1, 2}, Tatiana B. Frik^{1, 3}

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² kazakova@tpu.ru

³ tfrik@tpu.ru

Abstract. The research focuses on the relevant pedagogical problem of the formation of genre thinking as a foreign language communicative competence component. The article is part of the authors' project aimed at creating a genre-based approach to teaching Russian as a foreign language. It presents a genre-based approach to teaching writing in Russian as a foreign language on the example of the recommendation letter genre. The authors not only developed but also tested this teaching format. The authors substantiated the research methodology using Russian and foreign scholars' modern research. They consider concepts "genre-based approach", "genre literacy", "genre competence" as important for the study; define the concept of speech genre by characterizing the content of genre-forming parameters. As an example of applying the genre-based approach to teaching writing, the authors give the system of working with a recommendation letter with its genre varieties such as (1) informal, friendly letter of recommendation; (2) private official letter of recommendation; (3) business letter of recommendation. The authors note that the application of the presented approach involves compliance with two principles: (1) the teacher should know the genre features of the genre students study; (2) all language means of the text should be selected and explained taking into account their focus on the implementation of genre parameters of the studied speech genre. The genre features of the recommendation letter are clarified, the stages of the implementation of the genre-oriented methodology are characterized and justified, a set of genre-oriented tasks and a genre-oriented system for evaluating the results of students' productive speech activity in writing are proposed. The authors conclude that the methodology of teaching written speech focused on the implementation of genre parameters in the text, allows students to form stable skills of productive speech activity, providing the ability to produce texts of the studied genres in real situations of written communication. At the same time, this approach can be used when teaching the writing of not only scientific and business texts, but also genres of private official correspondence, as well as friendly correspondence, which is less codified, but still has certain features. The next advantage of the proposed approach is the importance of

stable genre skills formation in the field of foreign language writing, since students in the future, if necessary, will be able to transfer them to their native language.

Keywords: foreign language, speech genre, genre-based approach, genre pedagogy, writing, teaching writing, Russian as foreign language, recommendation letter

Financial support: The study was carried out at Tomsk Polytechnic University within the framework of the Competitiveness Improvement Program of Tomsk Polytechnic University.

For citation: Kazakova, O.A. & Frik, T.B. (2022) The genre-based approach to teaching writing in Russian as a foreign language (on the example of the recommendation letter genre). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 217–226. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/24

Введение

Проблема повышения эффективности языковой подготовки иностранных граждан, изучающих русский язык в различных целях не теряет своей актуальности в связи с очевидным ростом интереса к русскому языку и культуре, расширением деловых контактов и все большей интернационализацией российского образования. В настоящее время особое внимание исследователи уделяют осмыслению подходов к формированию такого компонента коммуникативной компетенции инофона, как дискурсивная компетенция, под которой подразумевается умение на основе определенных стратегий и тактик речевого поведения создавать и понимать иноязычные тексты (высказывания) [1. С. 20; 2. С. 163]. В связи с этим подчеркивается значимость работы, направленной на формирование жанрового мышления на иностранном языке, поскольку жанр как речевая модель первым актуализируется в сознании при продуцировании и восприятии сообщения и в дальнейшем определяет выбор языковых средств для достижения целей коммуникации [3. С. 428]. Процесс овладения любым иностранным языком напрямую связан с освоением жанровых форм, посредством которых создается собственная речь и воспринимается чужая. Жанр – это типичная форма речевого общения и социального взаимодействия, которая имеет этнокультурную специфику, и с этой точки зрения он также требует к себе особого внимания в процессе обучения языку: «Речевые жанры составляют неотъемлемый компонент содержания языкового образования, а богатство жанрового репертуара может рассматриваться как один из базовых показателей социально-культурного развития языковой личности» как носителя языка, так и инофона [3. С. 429].

Вполне закономерно, что все чаще жанры исследуются с методической точки зрения, и в рамках лингводидактики, как отечественной, так и зарубежной, обосновывается необходимость применения в обучении жанроориентированного подхода (жанроориентированного, genre-based), который позволяет более глубоко, в том числе с культурной точки зрения, а также более системно реализовывать цели обучения иностранному языку [4. Р. 321]. По мнению исследователей, данный подход дает возможность сформировать навыки и умения, отвечающие социальным, политическим и культурным потребностям учащихся за пределами аудитории, поскольку обучение в этом случае направлено на достижение социальных целей коммуникации в конкретных ситуациях

использования языка [5. Р. 162]. Жанровая педагогика (genre pedagogy) обеспечивает систематичность в обучении, удовлетворение реальных потребностей общения, расширение возможностей, понимание учащимися принципов функционирования языковой системы [5. Р. 150].

Начиная с 1990-х гг. жанроориентированный подход активно развивается в зарубежной методике обучения английскому языку. Понимая речевой жанр как структурированное, конвенциально ограниченное коммуникативное событие, характеризующееся определенным набором языковых средств, стилем и типичной формой [6. Р. 3], ученые разрабатывают систему обучения продуктивной речевой деятельности на английском языке: обучение языку в специальных целях (English for Special Purposes), для академических целей (English for Academic Purposes), и в первую очередь академическому письму (Academic writing) [7–9 и др.]. В современных исследованиях в области жанроориентированного подхода к преподаванию иностранного языка поднимаются вопросы выбора речевых жанров для обучения иностранному языку и, соответственно, говорится о необходимости изменения учебных программ; предлагаются различные методики обучения тому или иному жанру; ставится проблема взаимосвязанного обучения несколькими речевым жанрам в системе; поднимаются вопросы обучения преподавателей английского языка приемам жанровой педагогики [10–13 и др.].

В отечественной лингводидактике подчеркивается актуальность жанроориентированного подхода в обучении как иностранному языку, так и родному (см.: [3. С. 429–430]), особое внимание исследователей и преподавателей-практиков по понятным причинам привлекают профессиональная и научная сферы общения и относящиеся к ним профессионально значимые речевые жанры. Проблемы обучения таким жанрам рассматриваются в том числе в контексте преподавания русского языка как иностранного [14–16]. Аспектом, требующим, по мнению исследователей, особого внимания, является обоснование жанроориентированного подхода к обучению отдельным видам речевой деятельности, прежде всего письму, поскольку именно «письмо вносит наибольший вклад <...> в формирование комплексного умения человека общаться» [16. С. 200]. Кроме того, сами студенты нередко отмечают, что письмо является для них более сложным видом иноязычной речевой деятельности [17].

Несмотря на то что в настоящее время в рамках теории и методики обучения иностранному языку

накоплен внушительный объем материала, касающийся доказательства необходимости применения жанроориентированного подхода, до сих пор недостаточно представлены обоснования методики его реализации, описания системы заданий, направленных на формирование жанрового мышления, жанровой компетенции на иностранном языке (в частности русском как иностранном). Данное исследование является частью проекта авторов, нацеленного на создание жанроориентированной методики преподавания русского языка как иностранного. В рамках этого проекта разработана система жанроориентированных заданий для работы с публицистическими текстами [18] и для обучения чтению [19].

Цель данной статьи – на примере жанра рекомендательного письма представить разработанную и апробированную авторами жанроориентированную методику обучения письменной речи на русском языке как иностранном, основанную на представлении о жанре как о типе текста, освоение которого является абсолютным условием овладения межкультурной компетенцией, поскольку жанр, сложившийся в определенной культуре, имеющий определенный набор жанрообразующих признаков, объединяет в себе язык, речь и коммуникацию, культурную картину мира, риторiku и грамматику.

Методология

Ключевыми для методологии предпринятого исследования являются понятия «жанроориентированный подход», «жанровая грамотность», «жанровая компетентность». Авторам близко понимание данных терминов, предложенное И.А. Сотовой, которая жанроориентированный (жанрово-ориентированный) подход определяет как «направленность языкового образования на овладение речевой деятельностью в жанровом аспекте путем целенаправленного освоения жанровых форм повседневной, публичной и/или профессиональной речи с опорой на модели жанров речи, актуальных для того или иного контингента учащихся» [3. С. 433]. Жанровая грамотность и жанровая компетентность представляют собой своеобразные этапы освоения речевых жанров: жанровая грамотность – это «способность языковой личности воспринимать и правильно использовать тексты/высказывания определенного круга жанров, осознание норм, правил и сценариев речевого поведения в типичных ситуациях общения» [3. С. 433]; жанровая компетентность связана с переходом на более глубокий уровень осознания жанрового аспекта речевой деятельности и представляет собой «способность языковой личности сознательно прогнозировать жанровую организацию речи, понимать и порождать тексты/высказывания разной жанровой природы в зависимости от ситуации общения, управлять ситуацией общения» [3. С. 434]. Соответственно, задача жанроориентированного подхода – обеспечить формирование жанровой грамотности и ее переход в жанровую компетентность.

При разработке жанроориентированной методики был учтен опыт зарубежных исследователей. Жанро-

ориентированный подход (genre-based approach, GBA) в преподавании иностранного языка основан на представлении о том, что учащиеся должны быть осведомлены о правилах, законах построения жанра на изучаемом языке, поэтому в задачи преподавателя входит деконструкция способов, с помощью которых создается аутентичный текст определенного жанра [12], в результате чего учащиеся должны получить подробную инструкцию по работе с жанром [20]. Такой принцип работы позволяет студентам самим стать исследователями языка, благодаря чему они приобретают большую самостоятельность и готовы в дальнейшем анализировать разные тексты и творчески подходить к их написанию [5, 21]. Зная, что для каждого жанра характерны особые содержание, структура, стиль, отношения между автором и адресатом, риторические стратегии и умея вычленять текстовые модели, студенты могут быть более самостоятельными в создании текстов разных жанров [22].

В жанроориентированной педагогике наиболее развито направление обучения академическому письму. Письмо при этом рассматривается как социальное действие, главными компонентами которого являются три переменные: цель, аудитория и языковой выбор (purpose, audience, and linguistic choice) – любой письменный текст создается для реализации определенных социальных целей для конкретного типа читателей с помощью соответствующих языковых средств [13], поэтому работу по обучению письму при данном подходе необходимо направлять таким образом, чтобы учащиеся осознали эту особенность письма и умели применять полученные знания при написании текстов на иностранном языке.

Специалисты Сиднейской школы жанровой педагогики (Sydney school's genre-based pedagogy) предлагают три этапа работы с жанром при обучении иностранному языку: 1) деконструкция (Deconstruction); 2) совместное продуцирование (Joint Construction); 3) самостоятельное продуцирование (Independent Construction) [23, 24]. На первом этапе осуществляется анализ образцов: с помощью задаваемых преподавателем вопросов «Какова цель данного текста?», «Кто является возможным читателем данного текста?» учащиеся выявляют особенности структуры текстов данного жанра, языковые средства (лексика, грамматика, языковые конструкции), характерные для таких текстов. Также предлагается исправление жанровых ошибок в примерах; восстановление фрагментов текста в примерах; расстановка фрагментов текста в правильном порядке в соответствии с нормами жанра; знакомство с возможными вариантами жанровой риторической структуры [20. Р. 181].

Для разработки жанроориентированной методики обучения принципиальное значение имеет определение сущности понятия «речевой жанр» и выбор подхода к описанию речевых жанров. В широком понимании речевой жанр представляет собой «риторический паттерн» («the rhetorical patterning») со своими ключевыми особенностями [5. Р. 154]. От конкретного понимания исследователем того, в чем проявляется специфика жанра, зависит выбор тех особенностей

жанра, на которые в дальнейшем необходимо обращать внимание при обучении иностранному языку.

Так, например, Ф. Троян (Francis J. Troyan) вслед за представителями Сиднейской школы жанровой педагогики выделяет следующие компоненты речевого жанра: field (предмет общения), tenor (участники общения), mode (режим, канал коммуникации). Основываясь на данной модели, исследователь выстраивает методику работы с жанром «туристическое описание» («the touristic landmark description») через последовательное рассмотрение его элементов: общая интерпретация текста (General Interpretation of the Text) → режим (Mode) → атрибуты (Attributes) и обстоятельства (Circumstances), которые формируют предмет общения (Field), → оценка (Appraisal). На каждом из этапов работы учащиеся наблюдают подготовленный преподавателем-исследователем шаблон жанра (a genre template) и изучают языковые модели, характерные для него [4. Р. 323–326].

С. Ясуда (Sachiko Yasuda), исходя из той же концепции жанра, считает необходимым обращать внимание учащихся на следующие жанровые компоненты: 1) ideational (причина и цель письма, информация, содержащаяся в письме); 2) interpersonal (статус и роли автора и адресата); 3) textual (структура письма, используемые конструкции) [13]. При этом концептуально важно, что исследователь считает необходимым не изучать со студентами один жанр, а с самого начала сопоставлять близкие жанры по данным параметрам, чтобы жанровая компетенция студентов была более развитой. Дж. Флауэрдью (John Flowerdew)

также ставит целью жанрового подхода развитие у учащихся чувствительности к тонкому взаимодействию между жанровыми параметрами [25. Р. 309] и на первый план выводит жанровый анализ, предлагая разные способы активной деятельности по работе с жанром: использование готовых результатов жанрового анализа, выполнение учащимися собственного жанрового анализа, сопоставление разных жанров, анализ жанра на родном языке и др.

Для российского языкознания ключевым является определение речевого жанра как первичной единицы речи, данное М.М. Бахтиным. Исследователь называл речевые жанры типами высказывания, объединенными стилистическим, композиционным и тематическим единством [26]. Главными признаками высказывания, по Бахтину, являются цель (речевой замысел, речевая воля говорящего), эмоционально-оценивающее отношение говорящего к содержанию своего высказывания, место высказывания в цепочке речевого общения. В 1990-х гг. активное изучение речевых жанров в различных аспектах продолжилось после статей Т.В. Шмелевой, которая назвала главными признаками жанра его коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, диктум, образ прошлого, образ будущего и формальную организацию [27]. Эта же работа рассматривается большинством исследователей как основание для разработки жанроориентированной методики.

В данном исследовании под речевым жанром понимается модель текста, для которой характерен набор признаков, жанрообразующих критериев/параметров, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Параметры речевого жанра

Жанрообразующий параметр	Компоненты жанрообразующего параметра
Коммуникативная цель	По каким причинам и с какой целью создается высказывание/текст? Чего хочет добиться автор, какие мотивы им движут? Из каких конкретных коммуникативных намерений складывается общий замысел высказывания/текста?
Взаимоотношения субъектов речи	В какой роли выступают автор и адресат высказывания? В каких отношениях находится автор и адресат с точки зрения социального статуса, степени формальности/неформальности, отношения друг к другу, степени знакомства, информированности, заинтересованности и т.п.?
Диктум (событийная основа жанра)	Тема речи (о чем текст?), включенность/невключенность описываемых событий в личную сферу автора или адресата, оценочность события, временная перспектива события (речь идет о событиях прошлого/настоящего/будущего?), количество описываемых в тексте событий, участники описываемых событий (объекты речи) и т.п.
Эмоциональная тональность высказывания	Нейтральный или эмоциональный текст? Наличие/отсутствие оценочности. Полюс эмоции/оценки (положительный/отрицательный)
Параметры референтной ситуации	Коммуникативное (ситуативное) время: в какой ситуации происходит общение – в какое время, как долго, в каком месте? Как связано общение с предметной деятельностью? Какие события предшествовали общению? Какие события предполагаются/ожидаются после реализации жанра? (Данный параметр более актуален для устного общения)
Структура текста	Общая структура текста, внутренняя структура элементов текста, риторические ходы
Языковое воплощение	Стилистические характеристики текста. Лексическое наполнение текста: лексические маркеры жанра, тематические группы лексики, стилистические характеристики лексики. Грамматические особенности текстов. Типичные языковые конструкции и фразы, характерные для данного жанра

Описание речевого жанра по данным параметрам представляет собой «паспорт» жанра, с которым необходимо ознакомить студентов, используя различные методические приемы. При этом, работая с первыми шестью параметрами жанра, на занятиях по иностранному языку необходимо говорить не только об их особенностях, но и

о языковых средствах реализации каждого жанрового параметра (лексических и грамматических).

При подготовке занятий на основе вышеуказанных параметров речевого жанра авторами был осуществлен жанровый анализ образцов рекомендательных писем, представленных в различных учебниках по

русскому языку как иностранному (РКИ) [28–31]. В результате были составлены подробные «паспорта» данных жанров, к которым в дальнейшем была разработана система жанроориентированных заданий.

Жанровые особенности рекомендательного письма

В качестве примера реализации жанроориентированной методики обучения письменной речи выбрана система работы с рекомендательным письмом. Письмо рекомендательного характера о человеке входит в структуру теста по русскому языку как иностранному (второй уровень, общее владение) Российской государственной системы тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку [32]. В различных вариантах тестов, в учебниках по РКИ, а также в реальной коммуникации такое письмо может быть реализовано в трех видах (жанровых разновидностях) в зависимости от взаимоотношений автора и адресата: 1) письмо другу, родственнику: неформальное, дружеское, рекомендательное; 2) письмо знакомому, коллеге: частное, официальное, рекомендательное; 3) письмо представителю организации: деловое, рекомендательное.

Коммуникативной целью любой разновидности рекомендательного письма является выражение «добровольного положительного мнения» о человеке «на основе личной просьбы или официального запроса» [33. С. 15]. Для реализации данной цели в письме используется перформативный глагол «рекомендовать» (или его синоним «советовать» – в неофициальном письме). Автор рекомендательного письма стремится к тому, чтобы его мнение было обоснованным и убедительным, поэтому он включает в содержание письма подтверждение своей компетентности (характеристика степени знакомства с рекомендуемым: *Я давно его знаю; Мы вместе учились в университете; ФИО работал в компании 10 лет*) и факты, подтверждающие положительные характеристики объекта рекомендации. Причиной написания рекомендательного письма является просьба адресата или рекомендуемого лица. Рекомендательное письмо, являющееся реакцией на просьбу адресата, содержит указание на его запрос (*Получил твое письмо, в котором ты просишь меня рекомендовать тебе...; Отвечаю на вашу просьбу рекомендовать вам...; В ответ на Ваш запрос... и т.п.*).

Важной характеристикой **автора** рекомендательного письма является его личное знакомство с рекомендуемым, что дает ему право писать такое письмо. Основу текста рекомендательного письма составляют личное положительное мнение автора о рекомендуемом человеке и события, свидетелем которых он был. Текст пишется от первого лица. **Адресат** рекомендательного письма – человек, заинтересованный в получении информации о рекомендуемом лице и доверяющий мнению автора. Текст рекомендательного письма содержит принятые для соответствующих типов письма обращения к адресату.

Диктум рекомендательного письма сконцентрирован на объекте речи – рекомендуемом лице. Обяза-

тельными элементами содержания являются положительные личные и профессиональные (деловые) качества рекомендуемого человека; факты, подтверждающие его положительные качества (события, результаты деятельности, достижения). В зависимости от типа письма рекомендательное письмо содержит необходимую фактическую информацию об объекте речи: фамилия, имя, отчество; образование; опыт работы; должность. Временная перспектива событий связана преимущественно с недавним прошлым.

С точки зрения **эмоциональной тональности высказывания** рекомендательное письмо относится к оценочным текстам, содержащим только положительную оценку. Деловое рекомендательное письмо, в соответствии с особенностями делового стиля, не содержит средств выражения эмоций. Дружеское и частное официальное письма могут быть эмоционально окрашены (например: *Его мастерство и тактичность всегда вызывали у меня восхищение*).

В качестве **языковых особенностей** рекомендательного письма, которые необходимо освоить студентам, можно выделить следующие:

- конструкции рекомендации;
- конструкции для характеристики человека;
- лексические единицы, обозначающие положительные личные и профессиональные (деловые) качества;
- средства выражения положительной оценки.

Этапы реализации жанроориентированной методики обучения письменной речи

Предлагаемая методика обучения письменной речи, основанная на жанроориентированном подходе, включает три традиционных этапа при работе с каждым жанром: анализ образца, работа по образцу и создание собственного текста. Логика работы с жанром обусловлена в первую очередь структурой текста. Рассмотрев на первом занятии образец текста, поняв его общую структуру, в дальнейшем студенты под руководством преподавателя осваивают отдельные элементы структуры текста. Все этапы работы с жанром концентрируются на его жанрообразующих параметрах (см. табл. 1) и способах их языкового воплощения. При изучении нескольких близких жанров (или жанровых разновидностей) сначала проводится работа с одним жанром, чтобы студенты не испытывали затруднений. В дальнейшем знакомство с жанровыми разновидностями происходит уже в сравнении с первым освоенным жанром: сопоставляются жанровые параметры и их языковая репрезентация. При такой работе в дальнейшем студенты могут более легко осваивать любые другие жанры, поняв общие закономерности влияния жанровых параметров на текст.

Так, цикл занятий, посвященный изучению рекомендательного письма, сконцентрирован на такой его разновидности, как частное официальное рекомендательное письмо – письмо знакомому, коллеге; поскольку данный тип письма представляется наиболее простым для освоения, он является стилистически

нейтральным, в нем преобладает общеупотребительная лексика. Далее в сопоставлении с письмом знакомому предлагается работа с письмом другу, которое может содержать элементы разговорной речи, затем – знакомство с деловым рекомендательным письмом как самым сложным из рассматриваемых видов.

Первое занятие посвящено общей характеристике жанра «рекомендательное письмо» посредством анализа образца. Студенты совместно с преподавателем анализируют, почему и зачем написано письмо, в каких отношениях находятся автор и адресат, о чем пишет автор. В процессе анализа письмо требуется разделить на смысловые части, чтобы в дальнейшем работать с каждой частью последовательно, постоянно обращая внимание на языковые конструкции, используемые в каждой смысловой части текста, и на особенности проявления в этой части жанрообразующих параметров. Так, типичное рекомендательное письмо знакомому состоит из следующих элементов:

- 1) приветствие, обращение;
- 2) указание на причину письма, выражение согласия помочь;
- 3) основная часть письма: а) подтверждение своей компетенции для характеристики человека; б) характеристика личных качеств рекомендуемого лица; в) характеристика профессиональных (деловых) качеств рекомендуемого лица; г) факты, подтверждающие положительные качества человека;
- 4) оценка степени соответствия рекомендуемого человека требованиям;
- 5) завершение по цели письма (выражение надежды на достижение цели письма);
- 6) этикетное прощание, подпись.

На следующем этапе работы к каждой смысловой части письма студенты записывают варианты соответствующих языковых конструкций. При этом необходимо обращать внимание на важность выбора нейтральной лексики при написании частного официального письма, а также на грамматические особенности конструкций, характерных для каждого элемента текста и жанрового параметра. Например, по одному из аспектов параметра «диктум» – участники описываемых событий (объекты речи) – следует обратить внимание на типичную ошибку студентов в выборе категории рода: если студенты выбирают в качестве описываемого объекта мужчину, то они должны использовать глаголы и прилагательные в форме мужского рода, если описывают женщину, то, соответственно, необходимо использовать женский род.

Работа со структурой рекомендательного письма начинается с повторения известных студентам фраз, характерных для начала и завершения письма, предназначенного для разных типов адресатов (друг/знакомый/представитель организации). На данном этапе важно акцентировать различия в традициях оформления официальной и неофициальной переписки. Например: *Привет, Игорь!; Пока* (дружеское письмо); *Здравствуйте, Игорь!; Всего доброго!* (частное официальное письмо); *Уважаемый Игорь Петрович!; С уважением...* (деловое письмо).

Осваивая второй пункт структуры письма, студенты записывают соответствующие конструкции (*Отвечаю на вашу просьбу; С радостью вам помогу* и т.п.) или вспоминают их, если раньше были изучены близкие письма, например письмо-рекомендация на основе рекламы.

При работе с разделом письма «подтверждение своей компетенции для характеристики человека» студенты обсуждают, какого человека в действительности возможно рекомендовать, какие отношения могут связывать автора и рекомендуемого: совместная работа, обучение, стажировка, дружба и т.п. Также путем совместного обсуждения студенты предлагают возможные примеры для пункта плана «факты, подтверждающие положительные качества человека».

Отдельное занятие посвящается средствам характеристики личных и профессиональных (деловых) качеств человека: рассматриваются различные конструкции характеристики (*(Кто?) обладает такими качествами характера, как (что?), (что?) и (что?); Я могу охарактеризовать его как (какого?) человека; Как личность он (какой?)* и т.п.) и необходимые лексические единицы. Слова, характеризующие качества личности, могут быть распределены по группам профессий, как это предлагают авторы пособия «Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному» [31].

Также студенты знакомятся с типовыми фразами для выражения оценки степени соответствия рекомендуемого человека требованиям и для завершения письма, они записывают типовые фразы: *Думаю, что он хорошо подходит для этой работы; Уверен, что он справится с этой задачей; Надеюсь, что я смог Вам помочь* и т.п.

Далее для отработки изученного материала студенты выполняют различные задания на закрепление слов, словосочетаний и конструкций, характерных для структурных элементов рекомендательного письма и отражающих его жанровые особенности: подстановочные упражнения, упражнения на трансформацию, тестовые задания. После того как все элементы письма освоены, выполняются упражнения по всему тексту: восстановление пропущенных слов, элементов конструкций и целых конструкций, расстановка элементов текста в правильном порядке, исправление жанровых ошибок (когда в тексте нарушен какой-либо жанровый параметр).

Итоговый этап работы с жанром предполагает самостоятельное написание студентами текста определенного жанра в соответствии с конкретно заданной ситуацией. Сначала студенты выполняют такое задание, опираясь на образец и на свои записи, затем самостоятельно без опоры на справочный материал. В качестве источника информации о личности в итоговом задании по написанию рекомендательного письма может быть использован письменный текст о человеке (например, портретный очерк, биография) или фрагмент фильма, передачи. Также объектом письма могут стать представители различных профессий, известные личности, друг/одноклассник.

После того как жанр рекомендательного письма знакомому освоен, студентам предлагается образец неофициального (дружеского) письма. На этом этапе студенты уже могут сами увидеть и назвать основные различия в данных жанрах. Далее происходит расширение лексического запаса студентов: знакомство с конструкциями письма-характеристики, типичными для разговорной речи (маркерами разговорной речи). По тому же принципу организуется работа с деловым письмом: студенты осваивают конструкции рекомендательного письма, характерные для официально-делового стиля.

В целом описанная работа по изучению трех близких жанров письменной речи рассчитана на восемь учебных занятий, при этом на каждый следующий жанр требуется все меньше времени, так как студенты уже знают общую структуру жанра и могут ориентироваться в жанровых параметрах. На завершающем занятии проводится работа со всеми тремя жанровыми разновидностями с использованием следующих типов заданий:

- заполнение сводной таблицы, включающей «паспорт» каждого жанра;
- распределение конструкций по жанрам,
- исправление ошибок, обусловленных смешением жанров;
- составление текстов трех жанров из фрагментов.

Методически обоснованным представляется задание на жанрово-стилистическую трансформацию, когда студентам необходимо изменить текст, трансформировав, например, дружеское письмо в письмо знакомому.

Итоговым этапом работы является выполнение контрольного задания, связанного с подготовкой собственных рекомендательных писем: частного официального, дружеского, делового. Для оценивания работ предлагается использовать жанроориентированную систему критериев (табл. 2), содержание которых определено жанрообразующими параметрами письменных текстов.

Таблица 2

Таблица жанроориентированного оценивания письменных работ

Параметр оценивания	Балл			
	5	4	3	2
Коммуникативная цель	Цель реализована полностью	Неверно реализован 1 компонент жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 2 компонента жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 3 компонента жанрообразующего параметра
Взаимоотношения субъектов речи, эмоциональная тональность высказывания	Взаимоотношения субъектов речи полностью соответствуют ситуации общения	Неверно реализован 1 компонент жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 2 компонента жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 3 компонента жанрообразующего параметра
Диктум (событийная основа жанра)	Событийная основа текста полностью соответствует ситуации общения	Неверно реализован 1 компонент жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 2 компонента жанрообразующего параметра	Неверно реализованы 3 компонента жанрообразующего параметра
Полнота содержания	В тексте представлены все аспекты содержания в соответствии с ситуацией общения	Пропущен 1 аспект содержания	Пропущены 2 аспекта содержания	Пропущены 3 аспекта содержания
Структура текста	Текст полностью соответствует особенностям структуры текстов заданного жанра	Допущена 1 ошибка в структуре текста	Допущены 2 ошибки в структуре текста	Допущены 3 ошибки в структуре текста
Лексические нормы	В тексте допущено 1. не более 1 лексической ошибки	Допущены 2 лексические ошибки	Допущены 3 лексические ошибки	Допущены 4 лексические ошибки
Морфологические нормы	В тексте допущено не более 1 морфологической ошибки	Допущены 2 морфологические ошибки	Допущены 3 морфологические ошибки	Допущены 4 морфологические ошибки
Синтаксические нормы	В тексте допущено не более 1 синтаксической ошибки	Допущены 2 синтаксические ошибки	Допущены 3 синтаксические ошибки	Допущены 4 синтаксические ошибки

Предлагаемая жанроориентированная методика обучения письменной речи помогает сформировать у студентов устойчивые жанровые навыки, позволяющие учащимся свободно ориентироваться в ситуации общения, выбирать соответствующие коммуникативной ситуации (или заданию – в учебной аудитории, на экзамене) варианты параметров речевого жанра и использовать адекватные языковые средства. Несмотря на то что жанроориентированную педагогику в последнее время подвергают критике за

то, что при таком подходе студенты учатся конкретным моделям и получают только формализованные навыки, не привыкая к творчеству [34], применение данного подхода к обучению письменной речи представляется оправданным и эффективным, так как письменные тексты отличаются более строгой структурой и требуют знания формальных требований к тексту. Представленные в нашем исследовании приемы, способы работы при обучении иностранному языку в достаточной степени обеспечивают само-

стоятельность и творческий подход студентов к созданию текстов. Сторонники жанровой педагогики отмечают, что данный подход стимулирует студентов к учебной автономии, повышает их ответственность за образовательный процесс [35]. По наблюдениям исследователей, сами учащиеся положительно относятся к обучению, построенному на осознанном освоении речевых жанров [36].

Заключение

Итак, в статье в рамках жанроориентированного подхода к обучению иностранному языку предложена жанроориентированная система работы по формированию навыков письменной речи на примере жанра «рекомендательное письмо». Реализация представленной методики предполагает соблюдение двух принципов: 1) преподаватель должен знать жанровые особенности изучаемого студентами жанра (вычленив их самостоятельно, как исследователь, с помощью анализа текстов или работая, опираясь на учебник, ориентированный на жанровый подход); 2) все языковые средства текста (лексика, грамматика, типичные конструкции и фразы) необходимо отбирать и объяснять с учетом их направленности на реализацию жанровых параметров изучаемого речевого жанра. Предложенные в работе модель анализа речевого жанра и таблица жанроориентированного оценивания письменных работ представляют собой инструмент для успешного обучения навыкам письменной речи с учетом указанных выше принципов.

Методика обучения письменной речи, ориентированная на реализацию в тексте жанровых параметров, позволяет сформировать у учащихся устойчивые

навыки продуктивной речевой деятельности, обеспечивающие способность продуцирования текстов изученных жанров в реальных ситуациях письменной коммуникации. При этом важно, что методика может эффективно применяться при обучении написанию не только научных и деловых текстов, но и жанров частной официальной переписки, а также дружеской переписки, которая менее кодифицирована, но все же имеет определенные, характерные только для нее особенности.

Следует отметить, что специфика обучения иноязычной письменной речи заключается также в том, что нередко студенты еще не владеют некоторыми письменными жанрами на родном языке, так как не сталкивались с необходимостью их написания. С одной стороны, данная ситуация затрудняет формирование письменных навыков на иностранном языке, в связи с тем что учащиеся не могут перенести их из родного языка. С другой стороны, это повышает роль формирования устойчивых жанровых навыков в области иноязычной письменной речи, поскольку учащиеся в дальнейшем, при необходимости, смогут перенести их на родной язык (ср. выводы С. Ясуда о возможности переноса жанровых навыков с иностранного языка на родной [13]).

Жанроориентированный подход в преподавании иностранного языка требует от преподавателя знания законов жанра, умения его описывать, что вызывает необходимость жанроориентированного обучения самих преподавателей иностранного языка, а также создания жанроориентированных учебников, включающих образцы (шаблоны) основных жанров учебной программы, описание их модели и вариативные языковые конструкции, характерные для жанра.

Список источников

1. Васильева Т.В., Левина Г.М., Ускокова О.А. Еще раз о коммуникативной компетенции: возвращение к истокам // Русский язык за рубежом. 2012. № 4 (233). С. 17–23.
2. Гриценко Л.М., Демидова Т.А., Салосина И.В. Мотивационные педагогические условия формирования иноязычной дискурсивной компетенции будущих инженеров // Science for Education Today. 2019. № 4. С. 162–181. doi: 10.15293/2658-6762.1904.10
3. Сотова И.А. Жанрово-ориентированный подход, жанровая грамотность и жанровая компетентность как категории лингводидактики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 4. С. 427–446. doi: 10.22363/2313-2264-2017-15-4-427-446
4. Troyan F.J. Learning to Mean in Spanish Writing: A Case Study of a Genre-Based Pedagogy for Standards-Based Writing Instruction // American Council on the Teaching of Foreign Languages. 2016. № 49. P. 317–335.
5. Hyland K. Genre pedagogy: Language, literacy and L2 writing instruction // Journal of Second Language Writing. 2007. № 16. P. 148–164.
6. Bhatia V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993. 246 p.
7. Lu X., Elliott Casal J., Liu Y. Towards the Synergy of Genre- and Corpus-Based Approaches to Academic Writing Research and Pedagogy // International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching. 2021. № 11-1. P. 59–71. doi: 10.4018/IJCALLT.2021010104
8. Hyland K. Genre-based pedagogies: A social response to process // Journal of Second Language Writing. 2003. № 12. P. 17–29.
9. Cai J. How do Chinese novice academic writers approach tasks in a genre-based classroom? A case study of genre knowledge uptake // Asian ESP Journal. 2020. № 16. P. 250–276.
10. Molle D., Prior P. Multimodal Genre Systems in EAP Writing Pedagogy: Reflecting on a Needs Analysis // TESOL Quarterly. 2008. № 42. P. 541–566.
11. Nurlaelawati I., Novianti, N. The practice of genre-based pedagogy in Indonesian schools: A case of preservice teachers in Bandung, West Java Province // Indonesian Journal of Applied Linguistics. 2017. № 7. P. 160–166.
12. Troyan F.J. Investigating a genre-based approach to writing in an elementary Spanish program. Doctoral Dissertation. University of Pittsburgh, 2013. 223 p.
13. Yasuda S. Genre-based tasks in foreign language writing: Developing writers' genre awareness, linguistic knowledge, and writing competence // Journal of Second Language Writing. 2011. № 20. P. 111–133.
14. Sotova I.A., Kolesova N.N. Teaching Foreign Medical Students Professional Russian Speech on Base of Genre-Oriented Approach // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 3. С. 58–63.
15. Попова Т.И. Грамматика жанра как основа лингводидактического описания русского языка как иностранного // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. 1999–2003.
16. Колесникова Н.И., Ридная Ю.В. Формирование жанровой компетенции иностранных учащихся в научной сфере общения // Язык и культура. 2018. № 44. С. 198–217. doi: 10.17223/19996.195/44/13

17. Ariyanfar S., Mitchell R. Teaching Writing Skills through Genre: Applying the Genre-based Approach in Iran // *International Research Journal of Management, IT & Social Sciences*. 2020. № 7-1. P. 242–257. doi: <https://doi.org/10.21744/irjmis.v7n1.843>
18. Vorobyova L.V., Kazakova O.A., Frik T.B. Journalistic Texts in Training Russian as Foreign Language: Genre-Oriented Approach // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 215. P. 112–117.
19. Vorobyova L.V., Kazakova O.A., Frik T.B. Genre Orientation Approach in Reading Training of Foreign Students // 3rd Global Conference on Linguistics and Foreign Language Teaching, LINELT-2015: Abstract Book. Istanbul: Istanbul University, 2015. P. 75.
20. Nguyen T.T.L. TESOL Master's Dissertation Writing in Vietnam: Problems and Genre-based Remedial Recommendations // *The European Journal of Applied Linguistics and TEFL*. 2017. № 6. P. 173–192.
21. Herman, Purba R., Thao N.V., Purba A. Using genre-based approach to overcome students' difficulties in writing // *Journal of Education and e-Learning Research*. 2020. № 7-4. P. 464–470. doi: 10.20448/journal.509.2020.74.464.470
22. Charney D.H., Carlson R.A. Learning to Write in a Genre: What Student Writers Take from Model Texts // *Research in the Teaching of English*. 1995. № 29. P. 88–125.
23. Martin J.R., Rose D. Genre relations: Mapping culture. London: Equinox, 2008. 299 p.
24. Rose D., Martin J.R. Learning to write, reading to learn: Genre, knowledge and pedagogy in the Sydney school. Sheffield: Equinox, 2012. 299 p.
25. Flowerdew J. An educational, or process, approach to the teaching of professional genres // *ELT Journal*. 1993. № 47. P. 305–316.
26. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 249–299.
27. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
28. Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Пишем и читаем по-русски: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 136 с.
29. Демидова Т.А., Гриценко Л.М., Волкова Т.Ф., Шерина Е.А. Письмо на отлично. Пособие по русскому языку: учеб. пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2019. 135 с.
30. Парещкая М.Э., Шестак О.В. Современный учебник русского языка для иностранцев. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 472 с.
31. Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Вып. 3. Письмо: учеб. пособие / под общ. ред. М.Э. Парещкой. СПб.: Златоуст; Ростов-н/Д.: Южный федеральный университет, 2009. 96 с.
32. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Г.Н. Аверьянова и др. М.: СПб.: Златоуст, 1999. 112 с.
33. Канеева Т.Р. Рекомендательное письмо в различных типах дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 5 (59). С. 15–18.
34. Tribble C. ELFA vs. Genre: A new paradigm war in EAP writing instruction? // *Journal of English for Academic Purposes*. 2017. № 25. P. 30–44.
35. Duran-Bautista D.C. Fostering Written Production of Review Texts among EFL University Students Through a Genre-Based Approach // *Ikala*. 2021. № 26-1. P. 117–138. doi: 10.17533/udea.ikala.v26n01a10
36. Thongchalerms S., Jarunthawatchai W. The impact of genre based instruction on EFL learners' writing development // *International Journal of Instruction*. 2020. № 13-1. P. 1–16. doi: 10.29333/iji.2020.1311a

References

1. Vasil'eva, T.V., Levina, G.M. & Uskokova, O.A. (2012) Eshche raz o kommunikativnoy kompetentsii: vozvrashchenie k istokam [Once again about communicative competence: a return to the origins]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 4 (233). pp. 17–23.
2. Gritsenko, L.M., Demidova, T.A. & Salosina, I.V. (2019) Motivatsionnye pedagogicheskie usloviya formirovaniya inoyazychnoy diskursivnoy kompetentsii buduschikh inzhenerov [Motivational pedagogical conditions for the formation of foreign language discursive competence of future engineers]. *Science for Education Today*. 4. pp. 162–181. doi: 10.15293/2658-6762.1904.10
3. Sotova, I.A. (2017) Zhanrovo-orientirovanny podkhod, zhanrovaya gramotnost' i zhanrovaya kompetentnost' kak kategorii lingvodidaktiki [Genre-oriented approach, genre literacy and genre competence as categories of linguodidactics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 15 (4). pp. 427–446. doi: 10.22363/2313-2264-2017-15-4-427-446
4. Troyan, F.J. (2016) Learning to Mean in Spanish Writing: A Case Study of a Genre-Based Pedagogy for Standards-Based Writing Instruction. *American Council on the Teaching of Foreign Languages*. 49. pp. 317–335.
5. Hyland, K. (2007) Genre pedagogy: Language, literacy and L2 writing instruction. *Journal of Second Language Writing*. 16. pp. 148–164.
6. Bhatia, V.K. (1993) *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman.
7. Lu, X., Elliott Casal, J. & Liu, Y. (2021) Towards the Synergy of Genre- and Corpus-Based Approaches to Academic Writing Research and Pedagogy. *International Journal of Computer-Assisted Language Learning and Teaching*. 11-1. pp. 59–71. doi: 10.4018/IJCALLT.2021010104
8. Hyland, K. (2003) Genre-based pedagogies: A social response to process. *Journal of Second Language Writing*. 12. pp. 17–29.
9. Cai, J. (2020) How do Chinese novice academic writers approach tasks in a genre-based classroom? A case study of genre knowledge uptake. *Asian ESP Journal*. 16. pp. 250–276.
10. Molle, D. & Prior, P. (2008) Multimodal Genre Systems in EAP Writing Pedagogy: Reflecting on a Needs Analysis. *TESOL Quarterly*. 42. pp. 541–566.
11. Nurlaelawati, I. & Novianti, N. (2017) The practice of genre-based pedagogy in Indonesian schools: A case of preservice teachers in Bandung, West Java Province. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 7. pp. 160–166.
12. Troyan, F.J. (2013) *Investigating a genre-based approach to writing in an elementary Spanish program*. Doctoral Dissertation. University of Pittsburgh.
13. Yasuda, S. (2011) Genre-based tasks in foreign language writing: Developing writers' genre awareness, linguistic knowledge, and writing competence. *Journal of Second Language Writing*. 20. pp. 111–133.
14. Sotova, I.A. & Kolesova, N.N. (2016) Teaching Foreign Medical Students Professional Russian Speech on Base of Genre-Oriented Approach. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 3. pp. 58–63.
15. Popova, T.I. (2016) Grammatika zhanra kak osnova lingvodidakticheskogo opisaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Grammar of the genre as the basis for a linguodidactic description of Russian as a foreign language]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 5. pp. 1999–2003.
16. Kolesnikova, N.I. & Ridnaya, Yu.V. (2018) Forming Foreign Students' Genre Competence in Scientific Sphere of Communication. *Yazyk i kul'tura*. 44. pp. 198–217. (In Russian). doi: 10.17223/19996.195/44/13
17. Ariyanfar, S. & Mitchell, R. (2020) Teaching Writing Skills through Genre: Applying the Genre-based Approach in Iran. *International Research Journal of Management, IT & Social Sciences*. 7-1. pp. 242–257. doi: <https://doi.org/10.21744/irjmis.v7n1.843>
18. Vorobyova, L.V., Kazakova, O.A. & Frik, T.B. (2015) Journalistic Texts in Training Russian as Foreign Language: Genre-Oriented Approach. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 112–117.
19. Vorobyova L.V., Kazakova, O.A. & Frik, T.B. (2015) Genre Orientation Approach in Reading Training of Foreign Students. *3rd Global Conference on Linguistics and Foreign Language Teaching, LINELT-2015: Abstract Book*. Istanbul: Istanbul University. pp. 75.
20. Nguyen, T.T.L. (2017) TESOL Master's Dissertation Writing in Vietnam: Problems and Genre-based Remedial Recommendations. *The European Journal of Applied Linguistics and TEFL*. 6. pp. 173–192.

21. Herman, Purba, R., Thao, N.V. & Purba, A. Using genre-based approach to overcome students' difficulties in writing. *Journal of Education and e-Learning Research*. 7-4. pp. 464–470. doi: 10.20448/journal.509.2020.74.464.470
22. Charney, D.H. & Carlson, R.A. (1995) Learning to Write in a Genre: What Student Writers Take from Model Texts. *Research in the Teaching of English*. 29. pp. 88–125.
23. Martin, J.R. & Rose, D. (2008) *Genre relations: Mapping culture*. London: Equinox.
24. Rose, D. & Martin, J.R. (2012) *Learning to write, reading to learn: Genre, knowledge and pedagogy in the Sydney school*. Sheffield: Equinox.
25. Flowerdew, J. (1993) An educational, or process, approach to the teaching of professional genres. *ELT Journal*. 47. pp. 305–316.
26. Bakhtin, M.M. (2000) Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka. pp. 249–299.
27. Shmeleva, T.V. (1997) Model' rechevogo zhanra [Model of speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 1. Saratov: Izd-vo GosUNTs "Kolledzh". pp. 88–99.
28. Gritsenko, L.M. & Demidova, T.A. (2012) *Pishem i chitaem po-russki: ucheb. posobie* [Writing and reading in Russian: a textbook]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
29. Demidova, T.A., Gritsenko, L.M., Volkova, T.F. & Sherina, E.A. (2019) *Pis'mo na otlichno. Posobie po russkomu yazyku: ucheb. posobie* [Writing excellently. Manual on the Russian language: a textbook]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
30. Paretskaya, M.E. & Shestak, O.V. (2014) *Sovremennyy uchebnyk russkogo yazyka dlya inostrantsev* [Modern textbook of the Russian language for foreigners]. Moscow: FLINTA; Nauka.
31. Paretskaya, M.E. (ed.) (2009) *Uchebno-trenirovochnye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Training tests in Russian as a foreign language]. Vol. 3. Saint Petersburg: Zlatoust; Rostov-on-Don: Southern Federal University.
32. Aver'yanova, G.N. et al. (1999) *Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Vtoroy sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie* [Model tests in Russian as a foreign language. Second certification level. General proficiency]. Saint Petersburg: Zlatoust.
33. Kaneeva, T.R. (2011) Rekomendatel'noe pis'mo v razlichnykh tipakh diskursa [Letter of recommendation in various types of discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (59). pp. 15–18.
34. Tribble, S. (2017) ELFA vs. Genre: A new paradigm war in EAP writing instruction? *Journal of English for Academic Purposes*. 25. pp. 30–44.
35. Duran-Bautista, D.C. (2021) Fostering Written Production of Review Texts among EFL University Students Through a Genre-Based Approach. *Ikala*. 26-1. pp. 117–138. doi: 10.17533/udea.ikala.v26n01a10
36. Thongchalerms, S. & Jarunthawatchai, W. (2020) The impact of genre based instruction on EFL learners' writing development. *International Journal of Instruction*. 13-1. pp. 1–16. doi: 10.29333/iji.2020.1311a

Информация об авторах:

КазакOVA О.А. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: kazakovaoa@tpu.ru.

Фрик Т.Б. – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: tfrik@tpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.A. Kazakova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

T.B. Frik, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.*

*The article was submitted 24.01.2022;
approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.*

Научная статья
УДК 796.035-053.9- 055.1
doi: 10.17223/15617793/480/25

Пролонгированное действие методики физкультурно-оздоровительных занятий на развитие физических качеств у мужчин пожилого возраста

Владимир Федорович Пешков¹

¹ Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, peshkov@sibmail.com

Аннотация. Представлены результаты пролонгированного действия двух вариантов методики физкультурно-оздоровительных занятий, разработанных автором и направленных на развитие физических качеств и физической работоспособности у мужчин в возрасте 60–64 и 65–69 лет после первого и второго этапов восьмимесячных циклов в течение десяти лет занятий с применением первого варианта методики. Второй вариант методики построен на базе первого в комплексе с методикой применения средств восстановления.

Ключевые слова: пролонгированное действие, методика физкультурно-оздоровительных занятий, мужчины пожилого возраста

Для цитирования: Пешков В.Ф. Пролонгированное действие методик физкультурно-оздоровительных занятий на мужчин пожилого возраста // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 227–235. doi: 10.17223/15617793/480/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/25

Prolonged effect of methods of physical culture and health classes on elderly men

Vladimir F. Peshkov¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, peshkov@sibmail.com

Abstract. The relevance of the topic is justified by the lack of studies on the prolonged effect of long-term recreational physical training of elderly men on the development of their physical qualities and physical performance as integral indicators of the assessment of morpho-functional systems of the body, long-term adaptation of the body to graduated (primarily strength) exercise. The aim of the study is to identify and evaluate the prolonged effect of the developed first and second variants of the methods of physical culture and wellness classes that were tested during the first and second stages of eight-month-long cycles and the ten years of pedagogical experiments on the dynamics of the manifestation of physical qualities, physical performance of one contingent of men aged 60 to 65 and 64 to 69. Experimental work was carried out in the Tomsk-Klub wellness center in Tomsk for ten years, from 2010 to 2019. Men aged 60–69 took part in the experiment. The research methods are: analysis of scientific and methodological literature, materials of own research; methods of interpretation of research results, pedagogical observation; testing of physical qualities; assessment of physical performance; pedagogical experiment; methods of mathematical statistics. The specificity of prolonged action has been proved, two variants of methods of physical culture and wellness classes have been developed to adapt the body of elderly men to long-term targeted and graduated (primarily strength) exercise. Adaptation is characterized by the specificity of the manifestation of types of strength qualities when performing exercises that differ in biomechanical structure. 10 years of systematic classes of health-improving physical culture of men aged 60 to 69, according to the first variant of the technique, slow down the involutional aging processes: the preservation of functional reserves of the cardiovascular, respiratory and neuromuscular systems, economical adaptation of the body to long-term physical loads are observed. The second variant of the methodology of physical culture and wellness classes (based on the first variant, but supplemented with a developed methodology for the use of restorative means) proved to be more effective during the first and second stages of eight-month-long pedagogical experiments than the first variant of the methodology for it provides a prolonged effect on the stabilization of the functional capabilities of physiological systems, mechanisms of long-term adaptation of the body to graduated (primarily strength) exercise, which is manifested in the stable dynamics of the development of strength, strength endurance, statistical strength endurance, physical performance in men aged 65 to 69 in the parameters they had when they were 60 to 64.

Keywords: prolonged action, methods of physical culture and health classes, elderly men

For citation: Peshkov, V.F. (2022) Prolonged effect of methods of physical culture and health classes on elderly men. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 227–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/25

В настоящее время актуализируются исследования медико-биологического, социального, педагогического характера, посвященные замедлению процессов старения мужчин пожилого возраста, продлению их жизненного активного и профессионального долголетия, социальной адаптации [1–13]. Пожилой возраст – сложный период жизни мужчин, характеризующийся инволюционными изменениями в морфофизиологических системах, снижением проявления физических качеств, физической и умственной работоспособности [1–8].

Общепринятой научной позицией считаются важными систематические занятия оздоровительной физической культурой в решении задач замедления процессов старения, психофизиологической, ментальной, физической адаптации мужчин к развивающимся инволюционным процессам в организме [1–12].

Однако по-прежнему недостаточно исследований, посвященных теоретическому обоснованию и разработке методик физкультурно-оздоровительных занятий, экспериментальной доказательности эффективности конкретных средств, содержания, параметров объема и интенсивности нагрузок, планирования средств, нагрузок различной направленности в системе многолетних занятий. Единичны исследования по проблеме применения научно обоснованных и разработанных методик средств восстановления в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 60–69 лет [5, 6]. Также отсутствуют исследования, посвященные изучению пролонгированного влияния многолетних занятий оздоровительной физической культурой мужчин пожилого возраста на развитие их физических качеств как интегральных показателей оценки функционирования всех морфофункциональных систем организма, долговременной адаптации организма к направленным, дозированным физическим нагрузкам.

В течение десяти лет (с 2010 по 2019 г.) автором выполнено исследование по определению эффективности разработанных двух вариантов методик физкультурно-оздоровительных занятий у мужчин в возрасте от 60 до 69 лет. В рамках этого исследования в 2014 г. и 2019 г. было проведено два этапа педагогического эксперимента, каждый по восемь месячных циклов, в ходе которых оценивалась эффективность первого варианта разработанной методики физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности и второго варианта методики, включающей первый вариант методики в комплексе с разработанной методикой восстановительных средств [5, 6].

Актуальным является выполнение сравнительного исследования результатов пролонгированного влияния этих двух вариантов методик физкультурно-оздоровительных занятий в периоды первого и второго этапов педагогических экспериментов на одном контингенте мужчин в возрасте от 60 до 69 лет и в целом в течение десяти лет занятий в основном по методике первого варианта.

Необходимым является включение этих результатов в содержание учебного процесса студентов и магистрантов факультетов физической культуры, которые в своей профессиональной деятельности будут внедрять разработанные методики физкультурно-оздоровительных занятий в широкую практику занятий пожилых мужчин 60–69-летнего возраста.

Одним из важных видов профессиональной подготовки студентов и магистрантов, обучающихся на факультетах физической культуры и спорта педагогических и классических университетов, является восстановительно-профилактическая подготовка. Она направлена на формирование у студентов и магистрантов знаний и практических умений применения методик восстановительных средств в системе спорта и оздоровительной физической культуры. В учебных дисциплинах «Теория и методика физической культуры и спорта», «Фармакология спорта», «Спортивная медицина», «Гигиена физической культуры» представлен учебный материал по значению и механизмам влияния на организм восстановительных средств, параметры ряда методик медико-биологического характера.

В структуру учебных дисциплин факультета физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета внедрены дисциплины восстановительно-профилактической направленности: «Теория и методика восстановительно-профилактических средств», «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре» и «Восстановительные средства в спорте». В данных дисциплинах изучаются учебные темы по проблемам теории и методики применения восстановительных средств в системах, а именно: спортивные тренировки на этапах многолетней спортивной подготовки; физическое воспитание (школьное, в средних и высших профессиональных учреждениях); оздоровительная физическая культура людей различного возраста [14, 15]. Важной темой в названных инновационных специализированных дисциплинах является тема «Методика применения восстановительных средств в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин пожилого возраста». В ней представлено содержание элементов разработанного первого варианта авторской методики физкультурно-оздоровительных занятий преимущественной направленности на развитие силы и силовой выносливости для мужчин 60–64 года и 65–69-летнего возраста и второго варианта авторской методики физкультурно-оздоровительных занятий, включающей первый вариант методики в комплексе с разработанной методикой применения восстановительных средств педагогического и медико-биологического характера. Апробация данных двух вариантов методик выявила статистически достоверный прирост показателей собственно силы, проявляемой в зоне максимальной анаэробной мощности, силовой выносливости в зоне околомаксимальной анаэ-

робной мощности, общей физической работоспособности, а также формирование мотивации к систематическим физкультурно-оздоровительным занятиям [5, 6].

Анализ результатов, полученных в ходе первого [5] и второго этапов [6, 7] пролонгированных педагогических экспериментов, послужил основанием для исследования динамики проявления силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости, общей физической работоспособности в различные возрастные периоды мужчин пожилого возраста в процессе систематических физкультурно-оздоровительных занятий, организованных по первому и второму вариантам методик.

Цель исследования. Выявить и оценить пролонгированное действие первого и второго вариантов методик физкультурно-оздоровительных занятий и апробированных в ходе первого, второго этапов восьмимесячных циклов и в течение десяти лет педагогического эксперимента занятий на развитие динамики проявления физических качеств, общую физическую работоспособность мужчин в возрасте 60–64 и 65–69 лет.

Организация исследования. Пролонгированное исследование выполнялось в оздоровительном центре «Томск-клуб» города Томска с 2010 по 2019 г. Участниками исследования был один контингент мужчин в возрасте от 60 до 69 лет. В 2014 и 2019 гг. были проведены первый и второй циклы педагогического эксперимента, каждый по восемь месяцев. При проведении первого этапа эксперимента в 2014 г. возраст участников исследования был 60–64 года; при проведении второго этапа эксперимента в 2019 г. возраст участников был 65–69 лет. На втором этапе были сформированы контрольная и экспериментальная группы, численность каждой – 10 чел. Контрольная группа занималась по первому варианту методики физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности, а экспериментальная – по второму варианту (методика, основанная на первом варианте в сочетании с разработанной автором методикой применения восстановительных средств).

По первому варианту методики занятия в двух группах проводились с 2009 по 2013 г. (до начала первого этапа педагогического эксперимента в 2014 г.) и с 2015 по 2018 г. (до начала второго этапа педагогического эксперимента в 2019 г.)

За период исследования произошли незначительные изменения в составе участников: в экспериментальной группе выбыл и прибыл один занимающийся, в контрольной группе выбыло и прибыло трое занимающихся.

Тестирование проводилось до и после первого и второго этапов педагогического эксперимента. Оценивалось проявление собственно силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости, общей физической работоспособности для выявления эффективности двух вариантов методик в ходе двух этапов педагогического эксперимента и в целом для установления эффективности физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности.

Методы исследования. Применялся комплекс методов исследования: изучение и анализ научно-методической литературы, материалов ранее выполненных собственных исследований; методы интерпретации результатов исследования; педагогическое наблюдение; метод контрольных упражнений, оценивающих проявления силы, силовой выносливости и статической силовой выносливости; проба Руфье, определяющая общую физическую работоспособность и эффективность восстановительных реакций организма после дозированной физической нагрузки.

Для определения статистической достоверности различий результатов тестирования в экспериментальной и контрольной группах применялся критерий Стьюдента. Нормальность распределения вариационных рядов определялась W-критерием Шапиро и Уилкоксона.

Во всех тестах, оценивающих проявления физических качеств у мужчин экспериментальной и контрольной групп, выявлено достоверное нормальное распределение ($p < 0,05$).

С учетом инволюционных процессов, характерных для мужчин пожилого возраста [8–13], таких как повышенный вес, наличие жира в абдоминальной области, хронические заболевания, а также с учетом физиологических эффектов физических упражнений различной направленности и личных пожеланий участников эксперимента, касающихся повышения физической подготовленности, был разработан первый вариант методики физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности [5].

Методика физкультурно-оздоровительных занятий включает в себя следующие элементы: средства и направленность физических упражнений; параметры нагрузки; планирование физических упражнений в структуре занятий; методы, направленные на развитие физических качеств.

Физкультурно-оздоровительные занятия преимущественно силовой направленности проводились 2/3 раза в недельном цикле в течение восьмимесячных циклов, в июне преимущественно включали бег, в июле – плавание в открытом водоеме развивающего и поддерживающего характера.

Планирование основных средств и направленность физических упражнений в первом и втором этапах педагогического эксперимента представлены в табл. 1.

Преимущественная направленность физкультурно-оздоровительных занятий на развитие собственно силы, силовой и статической силовой выносливости, гибкости определяется важностью замедления негативных инволюционных процессов у мужчин пожилого возраста (уменьшение мышечной массы и, следовательно, снижение силовых качеств, развитие дегенеративно-дистрофических процессов в суставах, лимитирующих проявления силы и гибкости; снижение аэробных и анаэробных возможностей сердечно-сосудистой и дыхательной систем, ограничивающее развитие силовой и статической силовой выносливости) [1–3, 7].

Планирование средств и направленности физических упражнений на первом и втором этапах педагогического эксперимента

№ п/п	Виды и направленность физических упражнений	Планирование физических упражнений							
		Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
1	Комплексы упражнений собственно силовой направленности, выполняемые в фитнес-зале	+	+	+		+	+	+	+
2	Комплексы упражнений на силовую выносливость, статическую силовую выносливость, выполняемые в фитнес-зале	+	+		+	+	+	+	+
3	Комплексы упражнений релаксационного характера, выполняемые в фитнес-зале	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Бег на выносливость поддерживающей и развивающей направленности на стадионе			+					
5	Плавание на развитие силы и силовой выносливости в открытом водоеме				+				

Структура занятий, средства, базовое содержание, методы развития физических качеств, параметры нагрузки методики физкультурно-оздоровительных занятий даны ниже.

Подготовительная часть занятия составляла 15–20 мин, интенсивность нагрузки – 100–130 уд/мин. Виды физических упражнений: виды ходьбы, бега, прыжковых, общеразвивающих упражнений без предметов и с предметами – гимнастической палкой, мини-гантелями.

Основная часть занятия занимала 60–65 мин, интенсивность нагрузки – от 140 до 160 уд/мин.

Приведем используемые виды физических упражнений и последовательность их выполнения.

1. Упражнения для прямых и косых мышц брюшного пресса из исходных положений: лежа на спине, руки вверх; лежа на спине, ноги согнуты в коленях, руки за голову; лежа на правом, левом боку; упор сидя; из виса на перекладине; из упора на брусках. Количество повторений – 10–15; 2-3 подхода.

2. Упражнения для мышц шеи, спины, позвоночника из исходных положений: лежа лицом вниз, на матах, гимнастической скамейке, руки вверх, за головой; лежа прогнувшись, руки вверх, в стороны; лежа на подушке тренажера, лицом вниз, голеностопы зафиксированы; упор присев на коленях и руках. Количество повторений – 10–15; 2-3 подхода.

3. Упражнения для мышц таза, промежности, внутренней поверхности бедра из исходных положений: лежа на спине, ноги согнуты в коленях, руки на коленях; на тренажере leg Magig – основная стойка, руки за спину, ноги врозь. Количество повторений – 15–20; 2-3 подхода.

4. Упражнения релаксационно-вибрационного характера для нормализации тонуса мышц рук, ног, спины из исходных положений: основная стойка, ноги врозь; стойка на лопатках; лежа на спине. Время выполнения – 20–30 с; 1-2 подхода.

5. Упражнения в подтягивании разными хватами из виса на высокой перекладине и виса лежа на низ-

кой перекладине. Количество повторений – 1–12; 3–6 подходов.

6. Упражнения для сгибателей и разгибателей рук, плечевого пояса. Исходное положение – упор лежа на полу; упор на брусках. Количество повторений – 5–20; 2-3 подхода.

7. Упражнения для разгибателей спины на тренажере. Количество повторений – 10–20; 2-3 подхода.

8. Упражнения для разгибателей и сгибателей бедра и голени на тренажере. Количество повторений – 10–20; 2-3 подхода.

Продолжительность *заключительной части* занятия составляла 10–15 мин, интенсивность нагрузки – 80–120 уд/мин.

Виды физических упражнений: упражнения восстановительной направленности (релаксационные, на увеличение подвижности в суставах).

Методы стандартно-непрерывного, стандартно-интервального и переменного-интервального упражнений. В связи с замедлением у мужчин пожилого возраста восстановительных процессов был разработан второй вариант методики физкультурно-оздоровительных занятий, построенный на основе первого варианта с включением методики применения комплекса восстановительных средств педагогического и медико-биологического характера.

Методика применения восстановительных средств включает комплексы упражнений восстановительной и профилактической направленности: на развитие гибкости в суставах в конце подготовительной части занятия, упражнения релаксационного и волнообразного характера, на развитие гибкости для увеличения эластичности мышц и связочно-суставного аппарата перед выполнением силовых упражнений – в основной части занятия; упражнения на гравитационном тренажере, суставной гимнастики, релаксационные упражнения – в заключительной части занятия; сбалансированное питание; гидратация до, во время и после оздоровительных занятий; механический массаж на столе-массажере Нуга-Бест

и инфракрасная сауна – после занятий в дни недельного микроцикла [5, 6].

В таблице 2 представлена динамика показателей, оценивающих проявления физических качеств до первого и второго этапов педагогического экс-

перимента у мужчин в возрасте 60–64 и 65–69 лет экспериментальной и контрольной групп. В эти временные периоды занятия велись в экспериментальной и контрольной группах по первому варианту методики.

Таблица 2

Динамика показателей проявления физических качеств до первого и второго этапов педагогического эксперимента у мужчин в возрасте 60–64 и 65–69-лет экспериментальной и контрольной групп

№п/п	Контрольные тесты, кол-во раз	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Возраст, лет			Возраст, лет		
		60–64	<i>t</i>	65–69	60–64	<i>t</i>	65–69
		$M \pm m$	<i>p</i>	$M \pm m$	$M \pm m$	<i>p</i>	$M \pm m$
1	Подтягивание на высокой перекладине (оценка силы)	$6 \pm 0,75$	$3,03 < 0,01$	$3 \pm 0,65$	$7 \pm 0,84$	$2,48 < 0,05$	$4 \pm 0,87$
2	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (оценка силы)	$9 \pm 0,97$	$1,60 > 0,05$	$7 \pm 0,79$	$10 \pm 0,87$	$2,72 < 0,05$	$7 \pm 0,68$
3	Поднимание туловища и ног из положения лежа на спине (оценка силовой выносливости)	$15 \pm 1,36$	$1,12 > 0,05$	$13 \pm 1,17$	$13 \pm 1,22$	$1,12 > 0,05$	$11 \pm 1,29$
4	Приседание в основной стойке (оценка силовой выносливости)	$39 \pm 1,61$	$1,49 > 0,05$	$36 \pm 1,20$	$40 \pm 1,49$	$2,96 < 0,01$	$34 \pm 1,38$
5	Упор углом на полу (оценка статической силовой выносливости), с	$6 \pm 0,54$	$1,19 > 0,05$	$5 \pm 0,65$	$5 \pm 0,43$	$1,85 > 0,05$	$4 \pm 0,32$

Анализ данных табл. 2 показывает, что до начала второго этапа педагогического эксперимента у мужчин 65–69 лет экспериментальной группы показатель, характеризующий проявление собственной силы мышц плечевого пояса и рук в подтягивании из виса на высокой перекладине, достоверно ниже, чем у них же в возрасте 60–64 года. Значения показателей собственно силы в сгибании и разгибании рук в упоре лежа, силовой выносливости в поднимании туловища из положения лежа на полу, приседании из основной стойки и статической силовой выносливости в упоре углом на полу практически одинаковы, незначительные различия статистически недостоверны.

Приведенные данные позволяют констатировать, что у мужчин 65–69-летнего возраста экспериментальной группы до начала второго этапа эксперимента снизились значения показателей собственно силы плечевого пояса и рук в одном силовом упражнении – в подтягивании из виса на высокой перекладине; однако снижение данного показателя при сгибании и разгибании рук в упоре упроявляется незначительно и статистически недостоверно.

До второго этапа педагогического эксперимента в контрольной группе у мужчин 65–69 лет, как и в экспериментальной группе у мужчин данной возрастной группы, значения показателей собственно силы в подтягивании уменьшились статистически достоверно. Статистически достоверно снизилось и проявление собственно силы в тесте «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа» и в тесте «Приседание из основной стойки». Как и в экспериментальной группе, у мужчин 65–69 лет контрольной группы проявление силовой выносливости в тесте «Поднимание туловища и ног из положения лежа» и проявление статической силовой выносливости в тесте «Упор углом на полу» – на одном уровне с аналогичными показателями в возрастной группе в 60–64 года. Имеющиеся различия статистически недостоверны.

В табл. 3 представлена динамика показателей, оценивающих проявление физических качеств после первого и второго этапов педагогического эксперимента у мужчин 60–64 и 65–69 лет экспериментальной и контрольной групп.

Сравнение показателей экспериментальной группы после первого и второго этапов педагогического эксперимента показывает разнонаправленные проявления физических качеств во всех пяти тестах. В тестах «Подтягивание из виса на перекладине» и «Приседание из основной стойки» результаты статистически достоверно выше у испытуемых в возрасте 60–64 года, чем в возрасте 65–69 лет.

В тестах «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа», «Поднимание туловища и ног из положения лежа на спине», «Упор углом на полу» результаты различаются незначительно и статистически недостоверно.

В контрольной группе проявление собственно силы в подтягивании из виса на высокой перекладине и силовой выносливости в приседании из основной стойки у мужчин в возрасте 60–64 лет достоверно выше, чем в возрасте 65–69 лет. Кроме того, в контрольной группе в тесте «Упор углом на полу» значения статической силовой выносливости у мужчин 60–64 лет достоверно выше их показателей в более старшем возрасте.

В тестах «Сгибание и разгибание рук в упоре лежа» и «Поднимание туловища и ног из положения лежа» результаты различаются статистически недостоверно.

Сравнение показателей после окончания первого и второго этапов педагогического эксперимента в экспериментальной и контрольной группах указывает на то, что у мужчин в возрасте 65–69 лет результаты достоверно ниже, чем в возрастной группе 60–64 года.

Подтягивание из виса на высокой перекладине и сгибание и разгибание рук в упоре на руках выполняются преимущественно мышцами рук, плечевого поя-

са: двуглавыми и трехглавыми мышцами плеча, широчайшими мышцами спины, но энерготраты разные, так

как вес перемещаемых частей тела и величина вертикальных перемещений различна.

Таблица 3

Динамика показателей проявления физических качеств после первого и второго этапов педагогического эксперимента у мужчин 60–64 и 65–69 лет в экспериментальной и контрольной группах

№ п/п	Контрольные тесты, кол-во раз	Экспериментальная группа			Контрольная группа		
		Возраст, лет			Возраст, лет		
		60–64	t	65–69	60–64	t	65–69
		M ± m	p	M ± m	M ± m	p	M ± m
1	Подтягивание на высокой перекладине (оценка силы)	11 ± 1,10	5,07 < 0,01	6 ± 0,76	9 ± 0,71	4,40 < 0,01	5 ± 0,57
2	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа (оценка силы)	15 ± 1,08	1,18 > 0,05	13 ± 1,30	13 ± 0,76	1,97 > 0,05	10 ± 1,32
3	Поднимание туловища и ног из положения лежа на спине (оценка силовой выносливости)	26 ± 1,84	1,49 > 0,05	22 ± 1,95	18 ± 1,52	0,96 > 0,05	16 ± 1,44
4	Приседание в основной стойке (оценка силовой выносливости)	48 ± 1,67	2,83 < 0,05	42 ± 1,31	43 ± 1,27	2,56 < 0,05	38 ± 1,48
5	Упор углом на полу (оценка статической силовой выносливости), с	15 ± 1,95	1,15 > 0,05	12 ± 1,30	9 ± 0,97	2,44 < 0,05	6 ± 0,76

При выполнении подтягивания из виса на перекладине вес перемещения и высота вертикального подъема тела больше, чем при выполнении сгибания и разгибания рук в упоре лежа. Энергетическая стоимость одного подтягивания в среднем равна 3,0 кДж, а сгибания и разгибания рук в упоре лежа на полу – 1,4 кДж.

В экспериментальной группе проявление статической силовой выносливости у мужчин 65–69 лет не снизилось в сравнении с их проявлением в возрасте 60–64 лет. В контрольной группе у мужчин 65–69 лет значения данного показателя достоверно снизились.

В экспериментальной и контрольной группах произошло достоверное снижение силовой выносливости мышц ног в приседании из основной стойки. Данное упражнение является энергозатратным и требует оптимального состояния голеностопных, коленных и тазобедренных суставов. Одной из причин снижения проявления силовой выносливости при выполнении приседаний у мужчин 65–69 лет может быть хроническое течение возрастных заболеваний суставов.

Таким образом, у мужчин экспериментальной группы до и после первого и второго этапов педагогического

эксперимента произошло достоверное уменьшение показателей проявления собственно силы в подтягивании в зоне максимальной анаэробной мощности, силовой выносливости в приседании в зоне околосредней мощности в трех тестовых замерах из десяти. А в контрольной группе у мужчин 65–69 лет в сравнении с их показателями в более раннем возрасте произошло достоверное уменьшение значений проявления собственно силы в подтягивании и в сгибании и разгибании рук в упоре лежа в зоне максимальной анаэробной мощности, силовой выносливости в приседании в зоне околосредней анаэробной мощности и статической силовой выносливости в зоне максимальной анаэробной мощности в шести тестовых замерах из десяти.

Важными показателями, оценивающими влияние методики физкультурно-оздоровительных занятий на мужчин 60–64 и 65–69 лет, являются общая физическая работоспособность и восстановительные реакции организма на повторную нагрузку. Для выявления их динамики в ходе первого и второго этапов эксперимента использовалась проба Руфье (табл. 4).

Таблица 4

Динамика показателей пробы Руфье до и после первого и второго этапов педагогического эксперимента у мужчин 60–64 и 65–69 лет

До первого и второго этапов педагогического эксперимента					
Экспериментальная группа			Контрольная группа		
Возраст, лет					
60–64	t, p	65–69	60–64	t, p	65–69
6,2 ± 0,48	2,13 < 0,05	7,9 ± 0,65	5,9 ± 0,30	3,49 < 0,01	8,2 ± 0,58
После первого и второго этапов педагогического эксперимента					
Экспериментальная группа			Контрольная группа		
Возраст, лет					
60–64	t, p	65–69	60–64	t, p	65–69
4,4 ± 0,43	1,11 p > 0,05	5,1 ± 0,46	5,3 ± 0,46	3,10 p < 0,01	7,5 ± 0,54

Сравнение показателей табл. 4 до первого и второго этапов экспериментальной и контрольной групп показывает, что у мужчин 65–69 лет статистически

достоверно ($p < 0,05$; $p < 0,01$) снизилась общая физическая работоспособность и эффективность восстановительных реакций по сравнению с их результатами в

более раннем возрасте. Эти показатели соответствуют посредственному уровню по шкале оценок индекса Руфье [7].

Показатели, полученные после первого и второго этапов эксперимента, свидетельствуют о том, что у мужчин 65–69 лет экспериментальной группы общая физическая работоспособность и эффективность восстановительных реакций соответствуют хорошему уровню по шкале оценок индекса Руфье, как и в возрасте 60–64 лет. Это дает основания констатировать, что второй вариант методики физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности в комплексе с методикой применения восстановительных средств, реализуемой в течение восьмимесячных циклов, обеспечивает сохранение общей физической работоспособности и эффективность восстановительных реакций на уровне 60–64-летнего возраста.

Сравнение показателей в контрольной группе после первого и второго этапов эксперимента свидетельствует, что по шкале оценок индекса Руфье произошло статистически достоверное ($p < 0,01$) снижение общей физической работоспособности и эффективности восстановительных реакций у мужчин 65–69 лет по сравнению с их результатами в более раннем возрасте.

Параметры объема и интенсивности нагрузки на физкультурно-оздоровительных занятиях в течение десяти лет в экспериментальной и контрольной группах выполнялись на одном уровне, так как процессы старения, возрастные хронические заболевания вызвали снижение функциональных возможностей и физических качеств, а также ухудшали переносимость нагрузок. Поэтому минимизировалось влияние данных факторов на состояние здоровья пожилых мужчин стабильностью параметров объема и интенсивности нагрузок, к которым организм адаптирован. Выбранный методический подход является важным условием получения положительных результатов многолетнего исследования. Второй этап педагогического эксперимента показал сформированность мотивационных побуждений у мужчин пожилого возраста к систематическим физкультурно-оздоровительным занятиям, что подтверждается сохранностью состава экспериментальной и контрольной групп в течение десяти лет занятий [6]. Мы считаем сформированность устойчивой мотивацией к физкультурно-оздоровительным занятиям и практической ее реализации в течение многих лет важнейшим показателем эффективности двух разработанных и применяемых методик оздоровления мужчин пожилого возраста.

Есть основания пересмотреть подход при систематических многолетних занятиях оздоровительной физической культурой с пожилыми мужчинами 60–69 лет к таким вариантам планирования нагрузок, реализуемых в спорте и оздоровительной физической культуре, как скачкообразный, прямолинейно-восходящий и волнообразный варианты нагрузок.

Полученные автором устойчивые эффекты проявления физических качеств общей физической работоспособности, мотивационных побуждений к многолетним физкультурно-оздоровительным занятиям у

мужчин 60–69-летнего возраста формируются в процессе выполнения стабильных параметров объема и интенсивности нагрузок. Фрагментарные варианты увеличения параметров нагрузки в процессе 1–3 занятий приводили к увеличению количества пропущенных занятий в экспериментальной и контрольной группах, поскольку снижали мотивационные побуждения у занимающихся [5, 6].

Выводы:

1. Доказана специфичность пролонгированного действия разработанных первого и второго вариантов методик физкультурно-оздоровительных занятий преимущественно силовой направленности на адаптацию организма пожилых мужчин к многолетним целенаправленным и дозированным физическим нагрузкам. Адаптация характеризуется специфичностью проявлений видов силовых качеств при выполнении различных по биомеханической структуре упражнений. Систематические занятия оздоровительной физической культурой в течение десяти лет у мужчин в возрасте от 60 до 69 лет по первому варианту методики обеспечивают замедление инволюционных процессов старения, характеризующихся сохранением функциональных резервов сердечно-сосудистой, дыхательной и нервно-мышечной систем, стабильностью механизмов анаэробного алактатного и лактатного механизмов энергообеспечения, экономной адаптацией организма к многолетним физическим нагрузкам.

Второй вариант методики физкультурно-оздоровительных занятий, включающий методику применения восстановительных средств, на первом и втором этапах восьмимесячных циклов более эффективно обеспечивает результат, чем первый вариант, а именно: пролонгированное действие на стабилизацию функциональных возможностей систем организма, на устойчивость долговременной адаптации организма к физическим нагрузкам преимущественно силовой направленности в проявлении собственно силы, силовой выносливости, статической силовой выносливости и общей физической работоспособности у мужчин 65–69 лет в параметрах их 60–64-летнего возраста.

2. В периоды до начала первого и второго этапов педагогического эксперимента у мужчин 65–69 лет экспериментальной группы в сравнении с их возрастом в 60–64 лет менее выражено снижение показателей изучаемых физических качеств, чем у мужчин контрольной группы. Эти результаты объясняются использованием в экспериментальной группе опыта по применению восстановительных средств, сформированного в процессе первого этапа эксперимента и обеспечившего ускорение восстановительных процессов в организме, повышение их функциональных возможностей.

3. Физкультурно-оздоровительные занятия по второму варианту методики, проводимые в течение восьми месячных циклов, обеспечивают мужчинам 65–69-летнего возраста оздоровительные эффекты на уровне их возраста в 60–64 года в развитии собственно силы в сгибании и разгибании рук в упоре лежа, силовой выносливости в поднимании туловища и ног

из положения лежа, статической силовой выносливости в выполнении теста «Упор углом на полу», общей физической работоспособности.

Физкультурно-оздоровительные занятия по первому варианту методики, проведенные в контрольной группе в течение восьми месячных циклов, статистически достоверно обеспечивают мужчинам 65–69-летнего возраста проявление на уровне их возраста в 60–64 года собственно силы в сгибании и разгибании рук в упоре лежа, поднимание туловища и ног из положения лежа на спине, но статистически недостоверно обеспечивают мужчинам 65–69-летнего возраста проявление на уровне их возраста в 60–64 года статической силовой выносливости при выполнении теста «Упор углом на руках».

4. Физкультурно-оздоровительные занятия по первому и второму вариантам методики не обеспечивают статистически достоверно у мужчин 65–69-летнего возраста проявления на уровне их возраста 60–64 лет собственно силы в подтягивании на перекладине из виса, силовой выносливости в приседании из основной стойки. Непроявленность в экспериментальной и контрольной группах у мужчин 65–69-летнего возраста на уровне их возраста в 60–64 лет собственно силы в подтягивании из виса на перекладине объясняется значительной энергозатратной стоимостью их выполнения, большими значениями веса перемещаемых частей тела, недостаточной синхронизацией сокращения мышечных волокон работающих мышц, характеризующей внутримышечную координацию, недостаточной согласованностью работы мышц синергистов

и антагонистов, характеризующей мышечную координацию выполняющих подтягивание мышц, снижением эффективности доставки источников энергии анаэробными алактатными и лактатными механизмами работающих мышц.

5. Физкультурно-оздоровительные занятия по второму варианту методики достоверно обеспечивают у мужчин в возрасте 65–69 лет проявление статической силовой выносливости в тесте «Упор углом на полу» на уровне их показателей в возрасте в 60–64 года. Это объясняется пролонгированным действием разработанной методики применения восстановительных средств, обеспечивающей сохранение эффективности механизмов регуляции тонуса сосудов работающих мышц, должной величиной сердечного выброса крови, доставляемой к мышцам, возможностью включения в статическую работу большого количества мышечных волокон, стабильностью анаэробного алактатного и лактатного механизмов энергообеспечения работающих в изометрическом режиме мышц.

6. Результаты исследования пролонгированного действия разработанных автором первого и второго вариантов методики физкультурно-оздоровительных занятий на мужчин 60–69-летнего возраста, полученные в течение десятилетнего педагогического эксперимента, внедрены в содержание учебных дисциплин, преподаваемых на факультете физической культуры и спорта Томского государственного педагогического университета «Теория и методика восстановительно-профилактических средств», «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре».

Список источников

1. Москалев А.В. Как победить свой возраст? 8 уникальных способов, которые помогут достичь долголетия. 2-е изд. М. : Эксмо, 2019. 288 с.
2. Москалев А.А. Энциклопедия долгой и здоровой жизни. М. : ЭКСМО, 2019. 464 с.
3. Амосов Н.М. Энциклопедия Амосова. Алгоритм здоровья. Москва : АСТ; Донецк : Сталкел, 2005. 287 с.
4. Мильнер Е. Ходьба вместо лекарств. М. : Астрель : АСТ : Полиграфиздат, 2012. 247 с.
5. Пешков В.Ф. Разработка учебной темы «Восстановительные средства в процессе занятий физической культурой мужчин пожилого возраста» // Научно-педагогическое обозрение. 2020. Вып. 3 (31). С. 172–182.
6. Пешков В.Ф. Методика применения восстановительные средства в системе физкультурно-оздоровительных занятий мужчин 65–69-летнего возраста // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 205–213.
7. Пирогова Е.А., Иващенко Л.Я., Страпко Н.П. Влияние физических упражнений на работоспособность и здоровье человека. Киев : Здоровье, 1986. 152 с.
8. Галямов Г.Я., Мендот Э.Э., Мендот Э.В. Влияние занятий физической культуры на функциональное состояние лиц пожилого возраста // Вестник Тульского государственного университета. Педагогические науки. 2015. № 4 (27). С. 188–192.
9. Царик А.В. Некоторые аспекты стратегий активного долголетия // Теория и практика физической культуры. 2002. № 4. С. 40–43.
10. Кузьмин С.В. Содержание и методика оздоровительных занятий силовой направленности для мужчин пожилого возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1991. 23 с.
11. Петров В.К. Атлетическая гимнастика для пожилых: методические рекомендации. М. : Советский спорт, 2001. 40 с.
12. Бэйлор Дж. Умные калории. Как больше есть, меньше тренироваться, похудеть и жить лучше / пер. с англ. И.В. Майгуровой. М. : АСТ, 2019. 432 с.
13. Бубновский С.М. Здоровые сосуды или зачем человеку мышцы? 2-е изд. М. : ЭКСМО, 2019. 192 с.
14. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Теория и методика восстановительно-профилактических средств» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2016. 10 с.
15. Пешков В.Ф. Рабочая программа учебной дисциплины «Восстановительно-профилактическая деятельность в физической культуре» по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование». Томск : ТГПУ, 2018. 12 с.

References

1. Moskalev, A.V. (2019) *Kak pobedit' svoj vozrast? 8 unikal'nykh sposobov, kotorye pomogut dostich' dolgoletiya* [How to beat your age? 8 unique ways to help achieve longevity]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
2. Moskalev, A.A. (2019) *Entsiklopediya dolgoy i zdorovoy zhizni* [Encyclopedia of a long and healthy life]. Moscow: EKSMO.
3. Amosov, N.M. (2005) *Entsiklopediya Amosova. Algoritm zdorov'ya* [Amosov Encyclopedia. Health algorithm]. Moscow: AST; Donetsk: Stalkel.
4. Mil'ner, E. (2012) *Khod'ba vmesto lekarstv* [Walking instead of drugs]. Moscow: Astrel': AST: Poligrafizdat.

5. Peshkov, V.F. (2020) Razrabotka uchebnoy temy "Vosstanovitel'nye sredstva v protsesse zanyatiy fizicheskoy kul'turoy muzhchin pozhilogo vozrasta" [Development of the educational topic "Restorative means in physical training for elderly men"]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. 3 (31). pp. 172–182.
6. Peshkov, V.F. (2020) A Methodology for the Use of Recovery Exercises in the System of Health-Improving Physical Training Sessions for Men Aged 65 to 69. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 457. pp. 205–213. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/457/24
7. Pirogova, E.A., Ivashchenko, L.Ya. & Strapko, N.P. (1986) *Vliyanie fizicheskikh uprazhneniy na rabotosposobnost' i zdorov'e cheloveka* [Influence of physical exercises on working capacity and human health]. Kyiv: Zdorov'e.
8. Galyamov, G.Ya., Mendot, E.E. & Mendod, E.V. (2015) Vliyanie zanyatiy fizicheskoy kul'tury na funktsional'noe sostoyanie lits pozhilogo vozrasta [Influence of physical culture lessons on the functional state of the elderly]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 4 (27). pp. 188–192.
9. Tsarik, A.V. (2002) Nekotorye aspekty strategiy aktivnogo dolgoletiya [Some aspects of active longevity strategies]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 40–43.
10. Kuz'min, S.V. (1991) *Soderzhanie i metodika ozdorovitel'nykh zanyatiy silovoy napravlenosti dlya muzhchin pozhilogo vozrasta* [The content and methodology of health-improving strength exercises for elderly men]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
11. Petrov, V.K. (2001) *Atleticheskaya gimnastika dlya pozhilykh: metodicheskie rekomendatsii* [Athletic gymnastics for the elderly: guidelines]. Moscow: Sovetskiy sport.
12. Bailor, J. (2019) *Umnye kalorii. Kak bol'she est', men'she trenirovat'sya, pokhudet' i zhit' luchshe* [The Calorie Myth: How to Eat More, Exercise Less, Lose Weight, and Live Better]. Translated from English by I.V. Maygurova. Moscow: AST.
13. Bubnovskiy S.M. (2019) *Zdorovye sosudy ili zachem cheloveku myshtsy?* [Healthy blood vessels or why does a person need muscles?]. 2nd ed. Moscow: EKSMO.
14. Peshkov, V.F. (2016) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Teoriya i metodika vosstanovitel'no-profilakticheskikh sredstv" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The work program of the discipline "Theory and methods of restorative and preventive means" in the direction of training 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: TSPU.
15. Peshkov, V.F. (2018) *Rabochaya programma uchebnoy distsipliny "Vosstanovitel'no-profilakticheskaya deyatel'nost' v fizicheskoy kul'ture" po napravleniyu podgotovki 44.03.05 "Pedagogicheskoe obrazovanie"* [The work program of the discipline "Restorative and preventive activities in physical culture" in the direction of training 44.03.05 "Pedagogical education"]. Tomsk: TSPU.

Информация об авторе:

Пешков В.Ф. – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: peshkov@sibmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.F. Peshkov, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Theory and Methods of Teaching Physical Culture and Sports, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: peshkov@sibmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 14.04.2022;
approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 29.07.2022.

Научная статья
УДК 378:37.034
doi: 10.17223/15617793/480/26

Development of professional tolerance in medical students through professionally-oriented foreign language training

Olga Yu. Makarova^{1, 3}, Ulyana A. Kazakova^{2, 4}, Daria V. Gorbunova^{1, 5}

¹ Kazan Medical University, Kazan, Russian Federation

² Kazan National Research Technical University, Kazan, Russian Federation

³ mrs.makarova@yandex.ru

⁴ kazakova-ulyana@mail.ru

⁵ darya.gorda@yandex.ru

Abstract. Global sociocultural transformations in the modern world are associated with expansive digitalisation and its impact on human life. Given the advantages of digital technology development, a number of significant problems arise, in particular, social differentiation, commercialisation of socioeconomic professions, information consumerism, emotional estrangement due to the virtualisation of communication, a shift in value orientations, replacement of traditional moral norms with their destructive simulacra. There is a clear need for intensification of educational activities in higher education focused on the humanisation of public consciousness, the promotion of social cohesion and the development of the moral backbone of an individual. Hence, it is necessary to refer to the theoretical and methodological foundations of tolerance development in students. The aim of this article is to clarify the concept of professional tolerance of a doctor and describe the strategy of its development in students in the process of foreign language training. Considering the issue of professional education of future doctors, the authors note that the vector of students' spiritual and moral development is determined by the values, attitudes, and norms of medical ethics and deontology. Herewith, the principle of tolerance is of the basic ones since professional medical practice is based on regular interpersonal interaction. The authors define the concept of a doctor's professional tolerance as the willingness to provide patients with high-quality medical care regardless of the heterogeneity of socio-cultural factors and subjective personal aspects. This concept assumes the doctor's tact, empathy, psychological flexibility and poise. The proposed strategy for the development of professional medical tolerance in students via professionally-oriented foreign language training involves the holistic formation of its cognitive, affective and conative components through the educational content and the parity in subject-subject interaction. In the development of the cognitive component, considerable importance is ascribed to supplementing the basic educational materials by authentic content of social and professional orientation. The connecting link of the development of cognitive and affective components is the identification and levelling of stereotypes and prejudices regarding socially significant diseases. The basis for the development of the affective component is pedagogical tolerance, a favourable educational environment, interactive activities at classes, and the facilitation of students' reflection. The development of the conative component of tolerance is directly tied to the development of professional communicative competence of future doctors: the study and development of various speech clichés in the format of interaction with patients; revision of politeness formulas; practicing non-verbal communication means in playing out quasi-professional situations; mastering the speech norms "plain language" and "people-first language".

Keywords: vocational education, medical education, professional tolerance of a doctor, professionally-oriented foreign language training, communicative aspects of professional tolerance

For citation: Makarova, O.Yu., Kazakova, U.A. & Gorbunova, D.V. (2022) Development of professional tolerance in medical students through professionally-oriented foreign language training. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 236–243. doi: 10.17223/15617793/480/26

Introduction: The challenges to society and education in modern era

Modern society is experiencing a moral crisis on a global scale. The rapid commercialisation of all spheres of social and cultural life and onomania cultivated by the media and social networks determine the prevalence of material values over spiritual ones, selfishness over altruism. The information overload and its uncritical acceptance lead to superficiality and shallow-mindedness making an individual unable to assess the enveloping realities objectively. Falsification of the facts and demagoguery contribute to the implantation of the misconceptions into public consciousness. The tendency to replace traditional morality with pseudo-tolerant ideas

and attitudes triggers the distortion of social code and limits. The uncontrolled distribution of materials illustrating deviant, socially unjust, morally condemnable behaviours on social networks serves as a mechanism of demoralisation. Thus, we are witnessing the desacralisation of socio-cultural reality.

Alongside, rapid digital transformations, carrying certain socio-economic benefits and being the inherent factor of the development of information-and-technology society, nevertheless contribute to social distancing, social differentiation, and exclusion. The global addiction to communication technologies and social networks becomes increasingly obvious. The psychological load on the personality is intensified by the scarcity of direct

socialisation and constructive recreational and cultural activities. Scholars note the negative impact of digitalisation on the personal and intellectual development of students: decrease in creative activities, insufficiency in systemic and critical thinking, escalating illiteracy, limited communication skills, distortion in emotional development and psychological wellbeing [1–3].

Thus it makes contingent that modern social sciences can no longer be limited only to explaining social reality but must participate in its construction [4]. In the current context, educational methodology and practice require high-quality modernisation with the focus to develop humanistic potential and adaptability of the personality and strengthen the moral backbone of society. Achieving these goals, the pedagogic strategies need to be devised to provide favourable conditions for personality development and the establishment of positive self-conception, unleashing the intellectual potential of the younger generation, building psychological and socio-cultural awareness in various aspects, promoting social cohesion.

Therefore, taking into account modern realities, the relevance and prospects of psychological and pedagogical research into the modernisation of the methodology of vocational education, enculturation and self-identification of student youth, formation of socially and professionally significant personality traits, communication skills, rising the esprit de corps in educational environment is beyond doubt.

Vocational education in medical higher school

Doctor is a socionomic profession (helping, humanistic). The professional activities of a doctor involve constant subject-subject interaction directly addressing terminal values, e.g. mental and physical health, well-being and human rights. Therefore, medical practice leans on the set of moral and ethical principles that have evolved in the course of the historical development and formation of professional medical deontology.

It is well known that the doctor-patient relationship is the cornerstone of medical practice, having a direct impact on the diagnostic and therapeutic process. The establishment of mutual respect and trust-based relationship in this dyad contributes to the accuracy in history taking, diagnostics and devising a treatment plan, as well as to the formation of a positive attitude of the patient towards recovery, decrease in the likelihood of relapse, increase in adherence to treatment, and the development of effective strategies of coping behaviours [5, 6]. Such trustworthiness and affinity in the doctor-patient relationship is not an inherent element, but one which should be attained, carefully developed and nurtured. This, besides the profound professional knowledge and skills, sets the requirements for the doctor's personality and moral rectitude.

However, the above-mentioned challenges of modern era cannot but cause general concern about the state of the moral ground in socionomic (helping) professions. As an example, some clinicians, analysing the problem from within, note dehumanisation and a crisis of patient

confidence in the doctor, blaming the imperfections in motivation for consistent self-education and self-actualisation among some of their colleagues [7. P. 33]. Another scholar regrets that “Medicine-commercialising mindset compromises and defeats its professional principles and purpose, which hold well-founded humanistic values” [8. P. 480]. Indeed, even in the linguistic dimension, we observe the proliferation of the word “client” rather than “patient”, and “medical service” rather than “medical care”.

At present, the profession of a doctor is in the limelight due to the pandemic, which pushed society to rethink and appraise the importance of the role of doctors and medical personnel. Modern realities only emphasise the need for a new generation of humane, altruistic and caring doctors who will be ready to cope with the emerging challenges of the modern world and provide high-quality medical care to any individual.

Consequently, the framework of vocational education in a medical higher school should be guided by the humanistic ideals of medicine and implemented by the complex and consistent formation of worldview, spiritual, moral and ideological attitudes, values and value orientations, communicative competence, social awareness and skills, psychological literacy, along with levelling negative attitudes in the student environment [9, 10].

In the light of the above, we argue that the formation of tolerance, which is one of the key social values, professionally significant personality traits, and an integral competence of a doctor, is of paramount importance in medical education.

Professional tolerance of a doctor

The general concept of tolerance is construed as the recognition of the equal rights and worth of each member of society, rejection of stereotypes, prejudice and bias, readiness for constructive parity interpersonal interaction. It is a multidimensional phenomenon representing an adaptive and regulatory mechanism of society, in general, and personality, in particular. [11] Tolerance harmonises interpersonal relations given the differences in cultural and socio-demographic variables. It determines the success of communication and interaction in case of divergence in views, ideals, values, subjective acceptability or unacceptability of behaviour models, etc. (Figure 1). Thus, tolerance is an immanent cross-cultural value.

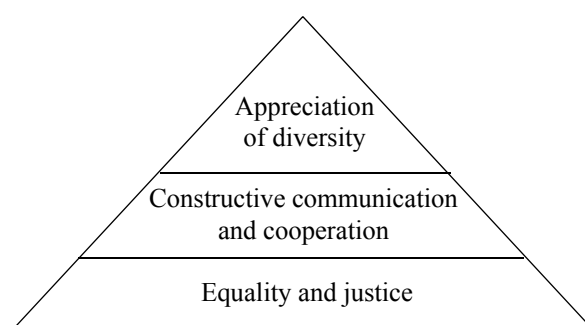

Figure 1. The pyramid of tolerance

The limits of tolerance are determined by legal and moral norms that exclude connivance and indulgence at illegal, immoral, destructive activities and practices, and a fortiori their normalisation.

Considering the issue of professional tolerance of a doctor, let us mention that medical practice in the framework of the doctor-patient relationship implies high linguistic activity, heterogeneity of the patient contingent, the prevailing negative psychological context of tension, emerging situations of uncertainty and ambiguity. Thus, tolerance internalised into the structure of a doctor's personality is a predictor of

effective interpersonal interaction and a factor of a doctor's emotional defence.

We construe the *professional tolerance of a doctor* as a willingness to provide patients with high-quality medical care regardless of the heterogeneity of socio-cultural and personal factors, founded on the altruistic and humanistic personality orientation of the doctor, tact, forbearance to undesirable personal qualities and objectively or subjectively condemned behaviour of the others, emotional generosity concerning both psychological, and physical state of the patient, rejection of destructive stereotypes and prejudices (Figure 2).

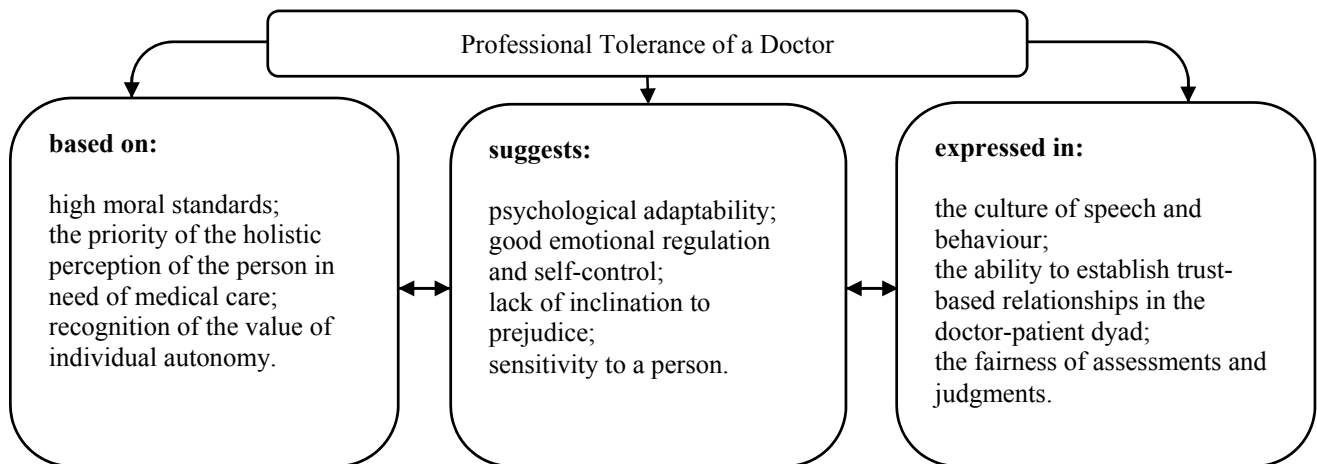

Figure 2. Professional tolerance of a doctor

Establishing a trust-based relationship in the doctor-patient dyad involves a focus on dialogue, the objectivity of a specialist, and the psychological stability of a doctor to various factors of the communicative situation. Given the psychological stress that accompanies patients due to their worrying for their health and wellbeing, the communicative context presupposes the doctor's patience to patients' emotional lability, ability to hear out, calm down and encourage, express understanding and empathy, readiness to resolve a conflict if required, and ability to cope with emotional overload. Thus, the development of professional tolerance in students is of high priority in vocational medical education.

It should be noted that tolerance, without awareness and sufficient knowledge and skills in social sciences and the humanities, may occur as indifference, which can easily erupt into its destructive form – connivance at any phenomenon, without critical thinking and forming own judgement. The latter, in turn, can lead to the discrediting of traditional moral grounds and values and entail social atomisation, and in the context of medical activities – indifferent and neglectful attitudes towards the patient.

Consequently, the priority in the professional tolerance development in students is in the disciplines of social sciences and the humanities, and this process requires the complex formation of the cognitive, affective and conative components of professional tolerance:

- introduction to and in the ethic-deontological principles in medicine, nature and functions of tolerance in healthcare;

- building of awareness and promotion of critical reflection on the importance of tolerance in everyday and professional spheres of activity, as well as the dangers and unworthiness of the opposite phenomena (such as stigmatisation and discrimination);

- development of internal readiness and the need to follow the principle of tolerance in interpersonal and intercultural interaction;

- formation of a communicative culture and readiness to follow the rules of etiquette.

Theoretical and methodological foundations of foreign language training arise directly from an integral and comprehensive component of the socio-cultural dimension of life – communication, and develop within the anthropocentric paradigm. Learning and mastering a foreign language entail studying and appreciating the foundations and values of other cultures, broadening the horizons, accustoming to and recognising pluralism. Scholars note the correlation between bilingualism (proficiency in two languages), psychological flexibility and tolerance [12].

The discipline “A Foreign Language” belongs to the social sciences and the humanities cycle, and, in a medical university, has a professional orientation.

One of the most important goals of professionally oriented foreign language training is the formation of

communicative foreign language competence in students, which will allow them:

- to use a foreign language in various situations of intercultural interaction in professional, scientific, social contexts;
- to perceive and express various communicative intentions inherent to both a professional and business field of activities, and to sociocultural and interpersonal interaction;
- to practise self-education and self-development, to master additional knowledge and skills and improve their qualifications.

The professional orientation of foreign language training in a medical university contributes to addressing the problems of motivation and the development of interest in learning a foreign language. Therewith, it bears great potential in the development of socially and professionally significant personality traits and competencies in students in parallel with the formation of communicative foreign language competence through the educational content.

Professional tolerance development in students via professionally oriented foreign language training

Since the very beginning of the first year of study, students seem to feel uplifted by the entrance in the medical university and demonstrate their eagerness to master the knowledge and art of medicine, explore a new way of self-development, making their efforts in becoming doctors. Consequently, the main purpose of educators and lecturers at this stage is to ensure the

favourable conditions for sustaining the students' motivation and developing a sense of belonging to the medical community. These are the first steps in introducing them to the humanistic ideals and moral standards of the professional culture.

Pursuing the goal to develop professional tolerance in future doctors it is important to emphasise that tolerance is a multifaceted construct, which cannot be acquired or embedded at once. While the core of the tolerance of a physician is a non-judgmental attitude towards the personality of their patients, whose physical, mental and /or emotional state requires medical attention and care, it is not enough to ply students with the knowledge of norms and requirements of medical deontology and bioethics. To be effective and to ensure the development of positive attitudes towards others, this process requires a favourable socio-educational environment, a positive personal experience of interpersonal interaction in different contexts, understanding and management of one's emotions and behaviour.

Consequently, tolerance development is a complex process driven by equal involvement of the contributing factors (Figure 3). Therewith, the contextual approach, which factually is the framework for teaching a foreign language for special purposes, provides psychological and pedagogical conditions for the formation and development of a professional culture of a person, as well as a relevant knowledge component based on a professional interdisciplinary context.

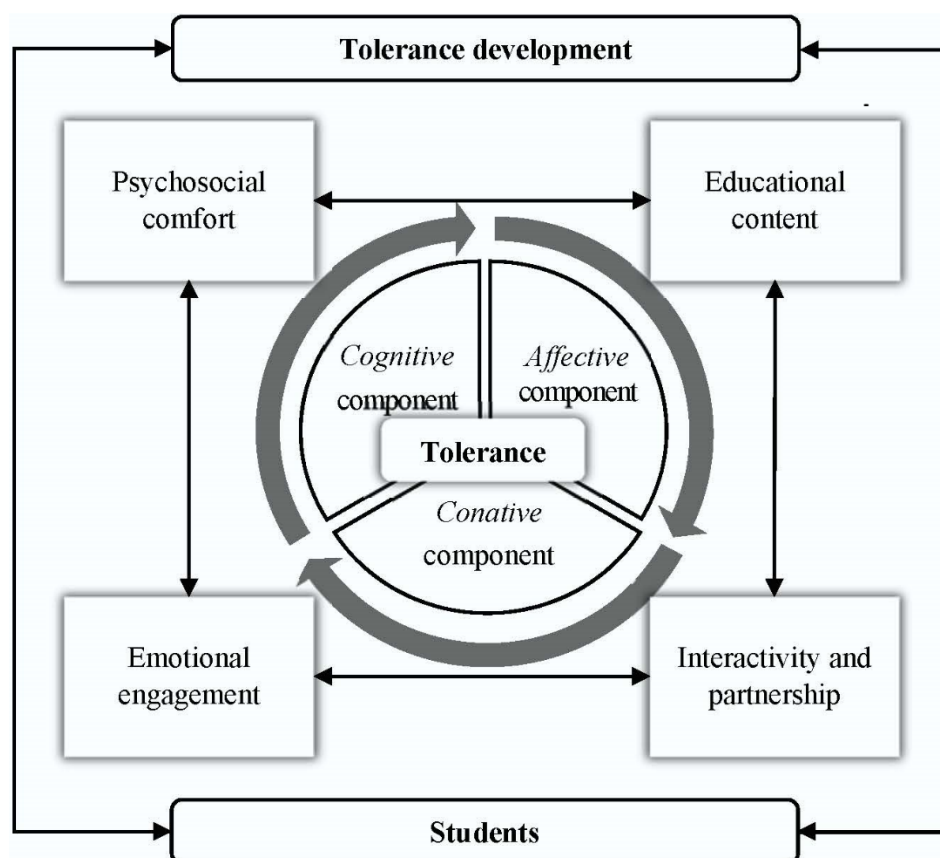

Figure 3. The basic requirements to the process of tolerance development in students

Cognitive component. The basis of the integration of professionally-oriented foreign language training into the development of students' professional tolerance is a careful selection of educational content, proceeding by the principles of authenticity, professional and value orientation of the educational material, its availability and accessibility, redundancy, situational and thematic focus. The implementation of the educational process implies the synergy of contextual, cultural, personality-oriented and activity-based approaches, focus on problematic, active and interactive teaching methods.

Considering the social focus in medical education, there is a number of topics which need to be covered: ideals and key values of medicine; the social role of the doctor; ethical, psychological and communicative peculiarities of the doctor-patient interaction; medical discourse and body language; effective communication strategies; socially significant diseases and associated stereotypes and prejudices; social determinants of health; obstacles in obtaining medical care in the modern world. The study and analysis of the proposed topics contribute to the development of the cognitive component of tolerance.

It should be noted that identification and levelling the existing stereotypes regarding socially significant diseases contribute to the prevention of stigmatisation in healthcare [13]. As follows, it is an inherent and salient part of professional tolerance development in students. When introducing such a content, it is relevant to reveal the awareness level; this can be done in a form of mini-tests "Fact or Myth", for example:

- A person can contract HIV by touching someone who is diagnosed with it. – Fact / Myth;
- AIDS can neither be transmitted from person to person nor contracted. – Fact / Myth;
- People infected with HIV cannot have healthy children. – Fact / Myth.

Having the test done, the teacher provides the correct answers and organises the review of the topics covered, drawing on the prearranged authentic materials from credible sources (websites of WHO, CDC, etc.).

Affective component. Undoubtedly, the prerequisite for the formation of any personal quality in students is its presence in the teacher, since a personality can only be brought up by another personality. Consequently, the principal defining factor in the development of students' tolerance is pedagogical tolerance – the priority of respect for the person and recognition of the individuality of each student; tact and restraint; sensitivity and responsiveness in interpersonal interaction; emotional stability; objectivity and fairness.

In turn, the personal qualities of the teacher and his / her desire to self-actualise and master social and pedagogical skills contribute to the creation of a favourable educational environment and a comfortable atmosphere in the classroom. This helps to relieve psychological stress and break the language barrier, foster students' self-confidence and sense of self-worth, and the formation of friendly ties and the *esprit de corps*.

Nowadays, it is especially important to show students that you do not just provide them with "educational

services", but teach and educate them being ready to provide the psychological and pedagogical support they require. Therefore, the fundamental principles of teacher-students interaction are dialogue and feedback – orientation towards cooperation and open and trust-based communication, taking into account the psychological state, educational needs and personal interest of students.

Since the development of the affective component of tolerance is most comprehensively formed in the process of socialisation (development of emotional intelligence, self-control skills, assertive behaviour, and empathy) and introspection (deepening of knowledge of oneself as a person, development of the desire for self-improvement, psychological stability), it is necessary to fulfil two basic conditions:

- utmost involvement of students in interaction with each other, variety of communicative activities in a foreign language in the classroom;
- promotion of students' self-knowledge (for example, analysis of professionally significant qualities of a doctor's personality with subsequent introspection: "What personality qualities would you like to develop? Which would you like to get rid of? What can help you to achieve this goal?"); provision of assignments that facilitate (re-)comprehending value-based information and develop the ability to reason their own opinions correctly (for example, discussing aphorisms and statements on medical topics).

Conative component. Regarding the manifestation of tolerance in professional activities, it is known that communication between a doctor and a patient should be established "on the basis of humanism and mercy and in compliance with three conditions: acceptance, optimism and enhancement of self-esteem" [14. P.120]. In professionally-oriented foreign language training in a medical higher school, it is extremely important to introduce communicative clichés of greetings and encouragement to talk, expressions of approval, sympathy and empathy, regret, gratitude and response to gratitude, direct and leading questions, the technique of active listening, etc. It is important to emphasise that in spite of the limited time allotted for an appointment, politeness and culture of speech must not be neglected.

Since the first meeting of the doctor and the patient is critical to the formation of the first impression and, therefore, the success and effectiveness of communication, the establishment of a therapeutic alliance, a polite, respectful greeting and correct self-presentation are of paramount importance.

Since the main task in learning a foreign language is not just the development of passive vocabulary, but readiness for its active use in real communicative situations, along with practising these clichés, it is necessary to emphasise the importance of the non-verbal dimension of communication – to highlight the way one can express interest and care to an interlocutor. Consequently, when practising phrases in the form of a dialogue or a role-playing game, it is important to avoid the monotonous reading of lines, master the intonation skills, and stimulate the use of body language.

As an example, consider the communicative clichés offered for making the first acquaintance at the appointment and their subsequent practice:

– *Greeting*: Good morning / afternoon / evening, Mr / Ms / Mrs + surname (in an English-speaking environment) / name and patronymic (in a Russian-speaking environment); *body language* – a benevolent countenance, a slight nod of the head, a smile, an outstretched hand for a handshake (if appropriate);

– Please come (on) in and do sit down; *body language* – pointing to a chair / examination couch hand gesture;

– How can I help you today? / *What would you like me to help you with today?* – In the second version of the phrase, the focus shifts from “I” to “you” – from the doctor to the patient, emphasising his / her worth and encouraging him/her to feel more comfortable and confident; *body language* – a direct look at the patient, turning the body toward him / her, diversion from objects (computer,

documents, pen, etc.) when talking to the patient, lack of signs of superiority or hierarchy in the posture (for example, looking over glasses may demonstrate criticism or condemnation and hurt self-esteem).

Such an analysis of communicative clichés together with the body language contributes to a deeper understanding and perception of the peculiarities of the communicative dimension of interpersonal interaction and the gradual internalisation of speech etiquette provided if such analysis is systematically carried out.

As the lexical-grammatical and thematic material becomes more complex, it is important to introduce relevant phrases expressing empathy, attention and understanding, encouragement, consolation, regret, condolence. The studied speech clichés can be organised in the form of a mind map, e.g. on the topic “Bedside Manner”, for better clarity and accessibility, so that a student can quickly refer to it if necessary (Figure 4).

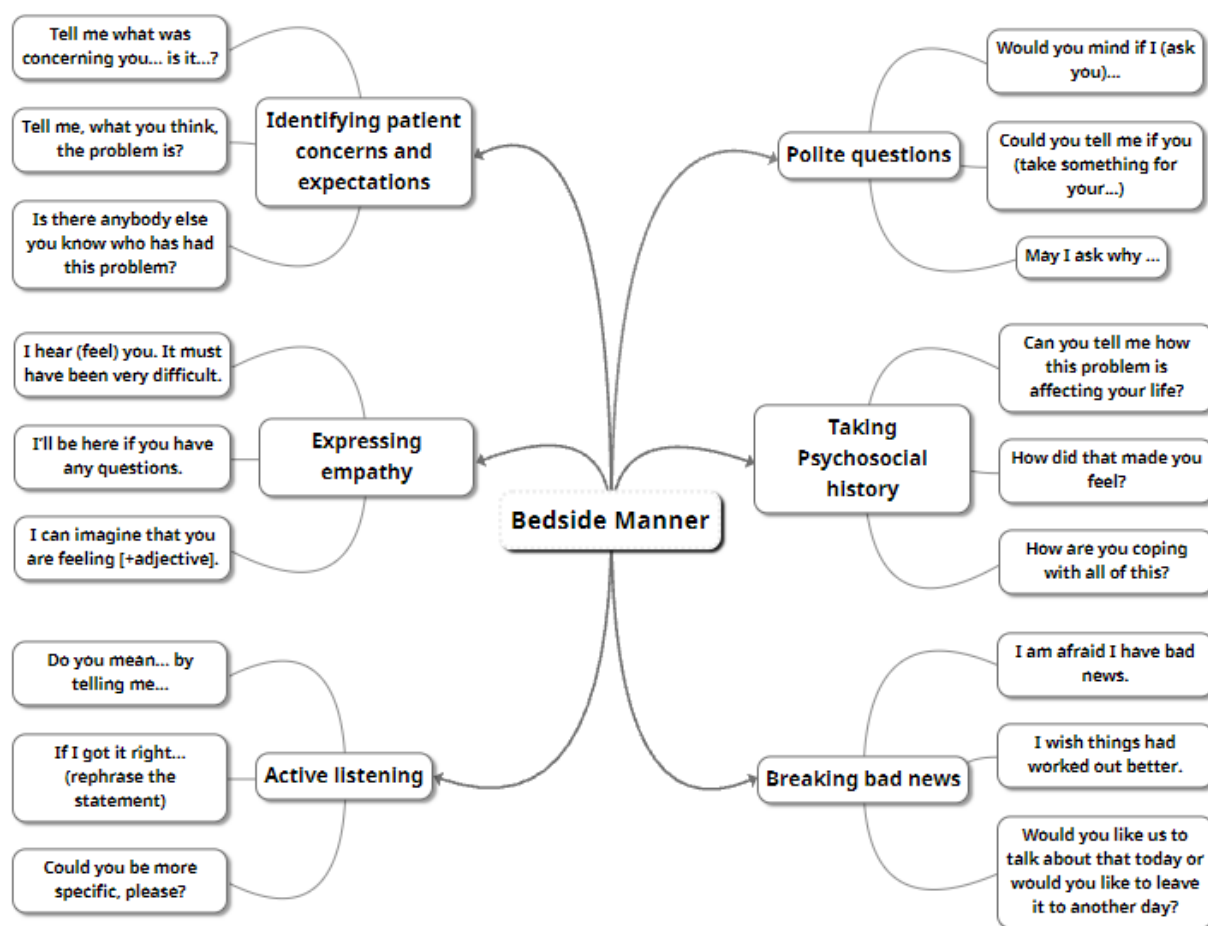

Figure 4. Mind map “Bedside Manner” (created by the authors using web site: <https://app.mindmup.com/map/new/>)

Analysis of authentic video films also contributes to a more effective emotional and sensory involvement in comprehending and mastering the nuances of communication. For example, the training video “Say this, not that: Patient Experience” by East Idaho Regional Medical Center [15], illustrates and compares two opposing ways of communicating in different communicative situations in a hospital: (1) indifferent,

neglectful, tactless and (2) respectful, empathic, tolerant. These examples are very illustrative and convincing, contributing to the understanding of the psychological and ethical aspects of communication. Moreover, authentic speech is an effective resource for training listening skills, the colloquial phrases and medical terminology are significant in expanding the vocabulary of students.

An important aspect in the development of the conative component of professional tolerance is studying *the people-first language*. The people-first language refers to an individual first rather than to a disability or a disorder and then the person, e.g. *a person with disability vs a disabled person, wheelchair-bound person vs a person using the wheelchair*. It is the prescriptive norm of both written and spoken medical discourse aimed at minimising stereotypes and biases, emphasising the priority of the personality and separating the physical factor from it [16].

Regardless of the use of a native or foreign language, an integral part of the communicative competence of a doctor is the ability to express thoughts clearly and plainly, avoiding the use of complex professional terminology or jargon that sounds to most patients as gobbledygook and thus forms “a barrier to effective medical communication, especially when health literacy is limited or the topic is complicated” [17]. Therefore, when studying anatomical and physiological terminology, vocabulary related to diseases and symptoms, etc. it is important to introduce *plain-language* equivalents, e.g. aneurysm – a swelling in an artery, clavicle – collarbone, perspire – sweat, etc. Plain language communication refers to the clear, succinct and accurate manner of delivering information, enhancing the interaction between doctors and patients, and promoting health literacy. When teaching medical vocabulary, it might be useful to refer to “Plain Language Thesaurus for Health Communications” [18] and to assign students adding such equivalents in their personal dictionaries.

The presented examples are not limiting but intended to show the strategy for the formation of the conative component of tolerance primarily manifested in the professional conduct, manners and communicative culture of the doctor, the style of speech, attentiveness and care for the interlocutor, constructive behaviour in the divergence of views preventing the emergence of conflicts.

Conclusion

Summing up, we emphasise that, in modern socio-cultural reality, the urgent tasks of the vocational education in higher medical schools is to provide conditions for the development of a competent specialist, a mature personality and a person of good morals that is ready for creative social performance, capable of adapting to changes in surrounding realities and resisting the emerging asocial and deviant phenomena. To achieve this goal, it is vital to leverage the educational potential of all disciplines studied and to turn to traditional professional and social moral norms and values.

Since the profession of a doctor presupposes regular interpersonal interaction, tolerance is one of the key professionally significant personality traits. The content and means of professionally-oriented foreign language training in a medical university ensure embodying the development of professional tolerance in the educational process.

The core in the organisation and implementation of the educational process are the following aspects: pedagogical tolerance; favourable educational environment; psychological and pedagogical support; raising of awareness in socially and professionally significant themes; psychological education; promotion of the knowledge of the self by introspection and reflective tasks; organisation of situations of interpersonal interaction and cooperation; development of the speech and behaviour culture; mastering of the etiquette rules of everyday and professional discourse.

Thus, the motto of professionally-oriented foreign language training, recalling one of the key principles in medicine “Treat a person, not a disease”, can be formulated as “Teach communication, not just terminology”.

References

- Osipov, P.N. (2020) [On the obvious and uncertain consequences of digitalisation]. *Professional and personal development of future specialists in the environment of a scientific and educational cluster*. Proceedings of the 14th International Conference. Kazan: “School” Editorial and Publishing Center. pp.43–46. (In Russian).
- Fortova, L.K. & Yudina, A.M. (2020) Prevention of the negative influence of information and communication technologies on the spiritual development of student personality. *Science Prospects*. 7 (130). pp.177–179. (In Russian).
- Dumitriu, C. (2016) The Impact of the New Information and Communication Technologies on Personality Development. Theoretical and Methodological Approach. In: Jazayer, M., Pautasso, C., Furdu, I. & Cojocariu, V. (eds) *Informatics: Innovative Teaching Approaches*. Cluj-Napoca: Casa Cărtii de Știință. pp.113–123.
- Osipov, G.V. & Klimovitskiy, S.V. (2018) Digitization of social life and new tasks of social sciences. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 7. pp. 52–57. (In Russian). DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.15791
- Goold, S., Lipkin, M. (1999) The doctor-patient relationship – Challenges, opportunities, and strategies. *Journal of General Internal Medicine*. 14 Suppl 1. pp. 26–33. DOI: 10.1046/j.1525-1497.1999.00267.x.
- Fritzsche, K., Abbo, C., Frahm, G. & Monsalve, S.D. (2014) The Doctor-Patient Relationship. In: Fritzsche, K., McDaniel, S.H. & Wirsching, M. (eds) *Psychosomatic Medicine: An international guide for the primary care setting*. New York: Springer Science&Business Media. pp. 25–31.
- Yakovlev, V.M. & Yagoda, A.V. (2013) The Clinician’s View of the Dehumanization of the Doctor-Patient Relationship. *The Russian Archives of Internal Medicine*. 5 (13). pp. 32–34. (In Russian).
- Coutinho Baldoto Gava Chakr, V. (2021) Building up trust in the doctor-patient relationship. *Andes Pediatrica*. 92 (3). pp. 480–482. DOI: 10.32641/andespediatr.v92i3.3817
- Makarova, O.Y. & Gorbunova, D.V. (2020) On the Roles of Socio-Educational Work in Higher Medical Education in the Development of Social Competence. In: Anikina, Z. (ed.) *Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives*. IEEEHGIP 2020. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 131. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-47415-7_58
- Khasanova, G.B. et al. (2018) Anthropological Training As A Means Of Formation Of Professional Competence Of A Social Worker. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 8 (10). pp. 129–135.
- Gorbunova, D.V., Makarova, O.Yu. & Kazakova, U.A. (2020). The theoretical aspect of the problem of the formation of interpersonal tolerance of students of a medical university in the classroom in a foreign language. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 1 (8). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN120.pdf> (In Russian).
- Huff, S.T., Lee, F. & Hong, Y.Y. (2017) Bicultural and Generalized Identity Integration Predicts Interpersonal Tolerance. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 48 (5). pp. 644–666. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1177/0022022117701193>

13. Gorbunova, D.V. (2020) Tolerance formation in students of medical specialties learning the topic “HIV and AIDS” in foreign language classes. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 6 (8). [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/59PDMN620.pdf> (In Russian).
14. Matveeva, T.F. (2014) The ethical dimension of verbal communication “doctor–patient” as a key theme of the course “The Culture of Speech of the Doctor”. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 4. pp. 118–123. (In Russian).
15. EIRMC. (2013) *Say This, Not That: Patient Experience Video* [Video]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=r842Ylpa-nQ>
16. West, E.A. et al. (2015) People-First and Competence-Oriented Language. *International Journal of Whole Schooling*. 11 (2). pp. 16–28.
17. van der Giessen, J.A.M. et al. (2021) Development of a plain-language guide for discussing breast cancer genetic counseling and testing with patients with limited health literacy. *Support Care Cancer*. 29. pp. 2895–2905. DOI: 10.1007/s00520-020-05800-7
18. Stacks.cdc.gov. (2021) *Plain language thesaurus for health communications*. [Online] Available from: <https://stacks.cdc.gov/view/cdc/11500> (Accessed: 18.10.2021).

Информация об авторах:

Макарова О.Ю. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: mrs.makarova@yandex.ru

Казакова У.А. – д-р пед. наук, канд. психол. наук, доцент кафедры методологии инженерной деятельности Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия). E-mail: kazakova-ulyana@mail.ru

Горбунова Д.В. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: darya.gorda@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.Yu. Makarova, Kazan Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: mrs.makarova@yandex.ru

U.A. Kazakova, Kazan National Research Technical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: kazakova-ulyana@mail.ru

D.V. Gorbunova, Kazan Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: darya.gorda@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.10.2021;
одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.*

*The article was submitted 27.10.2021;
approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 342.7
doi: 10.17223/15617793/480/27

Трансформация конституционно-правовых отношений в условиях внедрения современных технологий

Станислав Александрович Васильев¹

¹ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, mnogoslov@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка показать влияние современных технологий на трансформацию общественных отношений и правового статуса субъектов, которые в них участвуют. Для этого выбраны три наиболее актуальные для большинства читателей сферы – образование, информационная безопасность и цифровые финансовые возможности. Сделан вывод о том, что набор прав и обязанностей зависит не только от субъектного состава, но и от условий, в которых осуществляются конституционно-правовые отношения.

Ключевые слова: субъект права, конституционно-правовые отношения, теория соотношения субъектов, современные технологии, цифровизация

Для цитирования: Васильев С.А. Трансформация конституционно-правовых отношений в условиях внедрения современных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 244–249. doi: 10.17223/15617793/480/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/27

Transformation of constitutional and legal relations in the context of the introduction of modern technologies

Stanislav A. Vasiliev¹

¹ Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation, mnogoslov@mail.ru

Abstract. The relevance of this study lies in the growing role of modern technologies in the daily life of a person, society and the state. The transformation of our life inevitably entails the need to revise the methods and ways of legal regulation. To solve such a conceptual problem, it is necessary to analyze how the practice of its application is changing within the framework of the current legal regulation. Law-abiding behavior implies, among other things, the observance of established regulations in the course of carrying out one's activities. In other words, we must meet certain standards, not go beyond certain limits, but the way in which this happens remains unnoticed. At the same time, a change in the formats of legal relations changes them and, accordingly, the subjects that participate in them. The dynamics of society should be taken into account by the state, including in the process of lawmaking. The aim of this study is to demonstrate the actual change in the essence of individual legal relations implemented within the legal framework, but in a modified format using modern technologies. To reach the aim, the following tasks were solved: (1) The features of the implementation of individual legal relations using modern technologies were considered. (2) The legal statuses of individual entities operating in classical conditions and of those using modern technologies were compared. (3) The author's theory of correlations of subjects of law, as well as the separation of the subject of law from the subject of legal relations established in the doctrine, was applied to confirm the thesis about the need to identify the relevant subjects. For the preparation of this work, methods of expert assessments were used to analyze the state of the market for modern technologies and their capabilities in areas of interest to the author. To obtain the final result, the modeling method was used. The comparative legal method was used to compare the legal regulation of different states. In addition, general scientific methods of deduction, induction, analysis and synthesis were applied. The result of the work is the conclusion about the need for a subjective distinction depending on the specifics and format of the implementation of legal relations with the use of modern technologies or without it. Some options for legal action to overcome this problem are proposed. The specificity of the implementation of social relations involves the actual transformation of the legal status of the subjects that participate in them. This situation can potentially have a negative impact on a number of social institutions, and this problem must and can be solved by legal means, the concept of which is proposed as a result.

Keywords: subject of law, constitutional and legal relations, theory of correlation of subjects, modern technologies, digitalization

For citation: Vasiliev, S.A. (2022) Transformation of constitutional and legal relations in the context of the introduction of modern technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 244–249. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/27

Введение

Современные реалии показывают стремительное развитие технологий, которое затронуло практически все сферы жизни общества. При этом вполне привычные классические процессы переходят в электронную среду. Это же обстоятельство коснулось и конституционно-правовых отношений. Безусловно, необходимо констатировать факт появления новых субъектов, обусловленный функционированием самих технологий [1], однако в большей степени имеет место трансформация существующих.

При этом интеграция инновационных разработок далеко не всегда упрощает реализацию правоотношений. В некоторых случаях взаимодействия сторон только усложняются [2], однако делается это во имя других благ. Например, дополнительных возможностей, получения более подробной информации, истории субъекта, с которым планируется развитие общественных отношений и т.д.

В результате возникает большое число цифровых и иных, непривычных для классического юриста объектов правоотношений [3], в соответствии с этим формируются новые общественные отношения, участниками которых выступают новые субъекты.

Трансформация конституционно-правовых отношений в образовательной сфере

Современная юридическая доктрина, основываясь на ст. 43 Конституции Российской Федерации, нередко относит данную сферу общественных отношений к концептуальной точке зрения к тем, которые урегулированы нормами конституционного права. Сам образовательный процесс в настоящее время претерпевает существенную цифровую трансформацию. Как и многие другие области общественной жизни, данная система общественных отношений была вынуждена активно использовать современные технологии из-за ограничительных мер, связанных с пандемией новой коронавирусной инфекции [4]. Некоторые наработки по данному вопросу уже имели место, однако карантин послужил серьезным стимулирующим фактором [5]. Некоторые специалисты утверждают, что в отдельных случаях дистанционное образование эффективнее классического [6], хотя, конечно, основная масса педагогов и руководителей в образовательных организациях разного уровня придерживаются обратной точки зрения. Даже после преодоления любых эпидемиологических трудностей задел на все большую интеграцию современных технологий в образование сделан.

Проблема в данном случае кроется еще и в том, что сравнительно резкое введение режима повышенной готовности застал врасплох преподавателей, которые не просто не имели собственных онлайн-курсов, но и слабо себе представляли сущность их

организации и факт существования таковых в принципе, в том числе в своем или других вузах. Кроме того, большое число специалистов сферы просвещения достаточно солидного возраста, в связи с чем они достаточно далеки от технической составляющей данного процесса. Этими и рядом других причин обусловлен скепсис, с которым учебное сообщество встретило дистанционное образование. Тем не менее здоровье нации и каждого отдельного человека в частности представляется большим приоритетом, поэтому, очевидно, в описанных условиях придется продолжить дальнейшую работу, при этом прилагая максимум усилий для повышения качества усвоенных знаний, умений и навыков обучающимися. Даже в периоды спада темпов роста заболеваемости общество должно быть готово к новым вызовам подобного рода. К тому же накопленный опыт активно проявляет себя и показывает эффективность в части реализации программ дополнительного образования, развития сетевых магистерских программ, реализации научно-образовательных мероприятий и т.д.

Разработчики инструментов реализации образовательных программ в дистанционном формате и педагоги не стоят на месте – выдвигают инициативы по принятию разного рода программных документов по дальнейшей цифровизации образовательной среды, повышению грамотности педагогов для организации этой работы, предлагаются даже самостоятельные платформы с целью установления общих условий ведения обучения разных категорий лиц [7. С. 306], активно применяются игровые симуляторы для обретения тех или иных навыков у обучающегося [8].

Если с преподаванием в средней и высшей школе все более или менее определено, то гораздо сложнее ситуация с дошкольным образованием. Тем не менее технологические, организационные и правовые предложения имеют место в сфере не только передачи знаний, но и воспитания [9], которое, в свою очередь, актуализируется в процессе становления зрелого российского и мирового общества.

Таким образом, классический субъект конституционных правоотношений, представлявшийся реальным только в очном формате, частично переходит в цифровую среду. Преподаватель постепенно превращается из субъекта передачи знаний в создателя определенного контента, блогера. Если он занимается научной деятельностью, то его работы в большинстве своем находятся в сети Интернет с теми или иными условиями доступа, что также меняет его авторский правовой статус [10].

С точки зрения правового регулирования также необходимо развести педагога, присутствующего в аудитории, на которого распространяются нормы, касающиеся его поведения, взаимоотношений с обучающимися, в интерактивном режиме действуют другие правила. Поэтому преподаватель в дистанционном формате и очном – это два различных субъекта

конституционных правоотношений, так как фактически они обладают разным правовым статусом. Кроме того, каждый из них по-своему справляется с цифровой средой [11].

Отличаются по своему статусу и обучающиеся. Так, согласно ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» применение технологий дистанционного образования недопустимо в отношении отдельных категорий, определяемых компетентными органами государственной власти¹. В данном случае выделяются педагоги, которые осуществляют образовательный процесс только в очном формате, и все остальные. Соответственно, и обучающиеся разделяются по такому принципу. Данная ситуация обуславливает определенную трансформацию субъектного состава тех отношений, которые, казалось бы, считаются устоявшимися, однако эпидемиологическая ситуация в меньшей степени, а развитие современных технологий – в большей, внесли свои коррективы.

Модернизация общественных отношений в сфере информационной безопасности

Ряд статей Конституции Российской Федерации защищает различную информацию, являющуюся частью правового статуса личности. Все большее значение в современных условиях приобретают базы данных, которые концентрируют огромное количество информации о каждом человеке, что влечет за собой определенные угрозы и риски [12]. При этом лицо, о котором ничего не известно, не дававшее согласия на обработку своих персональных данных, в настоящее время существенным образом отличается от того, информация о котором широко распространена по различным базам данных. Даже если как субъекты права они могут быть признаны одинаковыми, то как объекты правового воздействия со стороны других субъектов, ожидающих ответной реакции, – отличаются. Такого рода конституционно-правовые отношения могут возникать по инициативе операторов данных или иных правомочных субъектов. Указанное обстоятельство вводит большое количество различий как в сам правовой статус субъектов, так и в порядок его реализации.

Важными акторами в рассматриваемых правоотношениях выступают те, кто управляет базами данных. При этом таких субъектов значительное количество хотя бы по той причине, что на практике имеет место большое число разного рода миграций баз данных, приложений и других технических инструментов управления ими [13]. В результате люди становятся заложниками IT-технологий и организационных процессов с их использованием. Алгоритмы и другие технические средства принятия разного рода решений неодушевленными субъектами ставят большое количество вопросов об истинном субъекте правоотношений. В Европейском парламенте уже обсуждаются инициативы, связанные с необходимостью придания роботу «человеческого лица», а в зарубежной доктрине ведется спор о том, считать ли его физическим

или юридическим лицом [14]. При этом отдельные аспекты ставят в тупик противников определения искусственного интеллекта в качестве субъекта права, например, в случаях, когда последний самостоятельно создает объекты охраны авторского права².

Современные технологии более рациональны при выборе того или иного варианта поведения, человек же может учесть иные факторы, воздействующие на его психологическое состояние, индивидуальные аспекты и пр. [15]. В настоящее время необходимо делать выбор между эмоционально нестабильным человеком или роботом, основывающимся на сухих фактах в процессе принятия решения. При этом необязательно впадать в крайности, говоря о том, что роботы вскоре полностью заменят человека, так как вполне допустимо гибридное участие. Так, развивающиеся технологии электронных судей в реальной практике воспринимаются, скорее, как помощники, а не альтернатива судьям. Последние исследования показывают, что люди в большей степени доверяют человеческому решению [16], несмотря на коррупционную составляющую, ошибочные действия и пр.

Не прекращается процесс создания новых баз данных [17], а существующие постоянно пополняются самой различной информацией, концентрируя сведения не только о людях, но и о погоде, состоянии экологии, логистике и пр. В результате такие объемы делают базы данных объектом преступной деятельности. Поэтому важным субъектом в данном случае выступает не только тот, кто управляет системами, но и тот, кто их защищает [18]. И здесь опять же можно наблюдать нового субъекта – защитника [19], обладающего совершенно другими функциями и свойствами, нежели привычный для всех охранник материальных ценностей или общественного порядка. При этом государство постоянно стремится создавать максимальное число условий для сохранности информации, находящейся в банках данных, но, так как она с течением времени обретает все большую ценность, а технологии развиваются гораздо стремительнее, чем под него адаптируется законодательство, то злоумышленники все больше и больше находят необходимые средства для реализации своих злодеяний. Таким образом, меняется не просто субъектный состав правоотношений, но и образ тех, кто сохранил свое место в привычной системе. Борьба с преступностью постепенно перебирается с улиц в помещения, оборудованные компьютерной техникой с доступом к информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Влияние цифровых финансовых активов на субъектный состав правоотношений

Наиболее прогрессивные изменения правоотношений с использованием современных технологий наблюдаются в сфере финансовых операций и соответствующего обслуживания населения – это и бесконтактные способы оплаты, электронные банкинг, цифровые финансовые платформы и т.д. Даже сами деньги ученые-цивилисты делят на стандартные и электронные, а относительно последних имеет место спор –

выступают ли они объектом или обязательством. В последнем случае однозначно необходимо говорить о новом самостоятельном субъекте права [20].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определил понятие и порядок оборота цифровой валюты³. Однако практика реализации данных норм пока представляется далекой перспективой, так как подзаконное правовое регулирование еще не выработано, естественно, отсутствует и правоприменительная практика. Да и действующие положения законодательного акта, по мнению А.В. Шамраева, требуют определенной корректировки для их последующего действенного применения [21].

Введение криптовалюты, цифрового рубля и пр. не влечет за собой единообразия в общественных отношениях, связанных с оборотом денежных средств [22]. Но тем не менее продавец и покупатель онлайн или в физическом своем выражении будут отличаться по набору прав и обязанностей, а первые, вероятнее всего, станут все активнее развиваться, увеличивая объем своих обязательств.

Получить кредит сегодня можно не выходя из дома, не отрываясь от своего мобильного телефона и тут же потратить заемные средства [23], даже не переписываясь или иным образом общаясь с человеком, несмотря на весьма стремительное изменение нормативного регулирования данной сферы общественных отношений, вводящего разного рода правила, ограничения [24] и т.д. Все это меняет и субъектов, участвующих в соответствующих отношениях. Данное обстоятельство меняет, например, собственное позиционирование людей в социальных сетях, претендующих на получение кредита [25] или для устройства на более престижную и/или высокооплачиваемую работу [26–28]. При этом организации все больше используют такого рода инструменты [16], анализируют цифровые следы людей для получения максимально объективного представления о человеке.

Администраторы или владельцы интернет-ресурсов, на которых можно оставлять какую-либо социальную активность, в некоторых случаях несут серьезную юридическую ответственность за тот контент, который соответствующим образом формируется [29]. Ряд описанных обстоятельств не позволяет в

полном объеме реализовать волю субъектов и обеспечить их правовой статус, что также трансформирует субъекта правоотношений как такового.

Кредитные договоры, заключенные в обычном и электронном формате [30], также отличаются [31], наделяя субъектов правовых отношений разными правовыми статусами в процессе их заключения.

Заключение

Современные технологии продемонстрировали свою актуальность и востребованность. Существует большое количество публикаций даже в такой, казалось бы, противоречивой сфере, как их использование в сельском хозяйстве [32]. Охват самих общественных отношений, подвергшихся трансформации из-за развития тех или иных технологий, на сегодняшний день весьма обширный. В данной работе была осуществлена попытка показать трансформацию субъектов правоотношений в связи с этим, а показать это удалось на примере лишь немногих сфер жизни общества.

Главный вывод, к которому пришел автор, – это то, что имеет место большая зависимость определения субъекта права от тех отношений, в которые он вступает, с какими субъектами он соотносится и при каких условиях это происходит. Субъект права – это тот, кто обладает правами, но пока активно ими не пользуется. Когда происходит правореализация, он становится субъектом правоотношений, и здесь будет иметь огромное значение то, какой набор полномочий находится в распоряжении такого актора. По данному критерию субъектов права, похожих друг на друга, большое количество, а субъектов правоотношений – нет, так как в каждом отдельном правоотношении будут различаться наборы прав и обязанностей, формирующих собой правовой статус. Трансформация общественных отношений в отдельных сферах это ярко демонстрирует.

В результате существенным образом меняется субъектный состав конституционно-правовых отношений, привычные акторы, реализуя свой функционал в другом формате, с использованием современных технологий, фактически становятся другими субъектами, возникают новые элементы правового статуса и условия его реализации. Поэтому правоприменителю, да и законодателю необходимо учитывать указанные обстоятельства в процессе управления обществом.

Примечания

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. 31 декабря. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; Перечень профессий и специальностей среднего профессионального образования, реализация образовательных программ по которым не допускается с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, утвержденный Приказом Минобрнауки России от 20 января 2014 г. № 22 (ред. от 10 декабря 2014 г.) // Российская газета. 2014. 28 февраля (№ 48).

² Филиппова М. Онлайн-курс «Правовое регулирование искусственного интеллекта». URL: <https://mooc.unn.ru/course/view.php?id=346> (дата обращения: 16.11.2021).

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5018.

Список источников

1. Usman Aijaz N., Mustafa A.S., Misbahuddin M. TDANE: Mechanism for validation of domain certificates for trusted browsing // Proceedings - 5th International Conference on Intelligent Computing and Control Systems, ICICCS 2021. 2021. № 9432284. P. 1–8.

2. Zavyalova E.B., Shumskaia E.I., Kuzmin M.D. Smart Contracts in the Russian Transaction Regulation // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. LNNS. № 129. P. 205–212.
3. Kirillova E.A., Bogdan V.V., Surkov A.N. Digital rights and digital objects: Features of control and regulation // *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 2019. № 11(10 Special Issue). P. 567–573.
4. Петрунева Р.М., Авдейук О.А., Петрунева Ю.В., Авдейук Д.Н. Проблемы дистанционного образования глазами преподавателей: уроки коронавируса // *Primo Aspectu*. 2020. № 2 (42). С. 65–71.
5. Gundu Terese M., Oluwakayode olumide E. Analyzing the effect of coronavirus on Nigeria's education system // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. Т. 11, № 2 (71). С. 640–648.
6. Орусова О.В. Как коронавирус изменил систему высшего образования: анализ перехода вузов на дистанционное обучение // *Научное обозрение*. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 184–195.
7. Demchenko M.V., Gulieva M.E., Larina T.V., Simaeva E.P. Digital Transformation of Legal Education: Problems, Risks and Prospects // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. № 10 (2). P. 297–307.
8. Veziridis S., Karampelas P., Lekea I. Learn by playing: A serious war game simulation for teaching military ethics // *IEEE Global Engineering Education Conference, EDUCON*. 2017. № 7942958. P. 920–925.
9. Ulzutyeva A., Vinogradova N., Ulzutyeva O. The main directions of education development in the conditions of digitalization // *E3S Web of Conferences*. 2021. № 273. P. 12056.
10. Shuman J.M. Copyright and open access in the life sciences: A researcher's guide to sharing and publishing scientific information // *Emerging Topics in Life Sciences*. 2018. № 2 (6). P. 779–784.
11. Ramírez Llerena E., Chico Ruiz M., Blanco Jiménez Y. The challenges of socio-legal research in law schools in Colombia and the use of new information and communication technologies // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 2020. № 844(1). P. 12071.
12. Русинова В. Легализация «массовой слежки» европейским судом по правам человека: что стоит за постановлением по делу Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства? // *Международное правосудие*. 2018. № 4 (28). С. 3–20.
13. Trisnawaty N.W., Hidayanto A.N., Ruldeviyani Y. Database and Application Migration in the Financial Services Industry Sector in the Acquisition Environment and Environmental Science // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. № 700 (1). P. 12022.
14. Nowik P. Electronic personhood for artificial intelligence in the workplace // *Computer Law and Security Review*. 2021. № 42. P. 105584.
15. Cepni E. The Science and Art of Decision Making // *Proceedings of 2019 IEEE 18th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing, ICCI*CC 2019*. 2019. № 9146085. P. 272–277.
16. Morishita S., Takano M., Takeda H. Social acceptability of personal data utilization business according to data controllers and purposes // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2021. С. 262–271.
17. Chen L., Zhou J., Chen Y. PADP: Efficient Privacy-Preserving Data Aggregation and Dynamic Pricing for Vehicle-to-Grid Networks // *IEEE Internet of Things Journal*. 2021. № 8 (10). P. 7863–7873.
18. Feng X., Zhao Y. Digital forensics challenges to big data in the cloud // *Proceedings – 2017 IEEE International Conference on Internet of Things, IEEE Green Computing and Communications, IEEE Cyber, Physical and Social Computing, IEEE Smart Data, iThings-GreenCom-CPSCom-SmartData 2017*. 2018. January. P. 858–862.
19. Pratama B., Bamatraf M. Tallinn manual: Cyber warfare in Indonesian regulation // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. № 729 (1). P. 012033.
20. Kuzmina I.D., Bogdanova I.S. Some problems of digital environment influence on the content of civil law object and subject categories // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 12 (3). С. 393–409.
21. Шамраев А.В. Вопросы коллизионного регулирования трансграничных переводов денежных средств, ценных бумаг и цифровых финансовых активов // *Международное публичное и частное право*. 2021. № 4. С. 20–24.
22. Турбанов А.В. Понятие денег в эпоху цифровизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 6. С. 58–76.
23. Singh J., Pasquier T., Bacon J. Big ideas paper: Policy-driven middleware for a legally-compliant Internet of Things // *Proceedings of the 17th International Middleware Conference, Middleware 2016*. 2016. P. a13.
24. Kong Y., Wang Y., Cai J. Exploring the Internetization of Private Finance // *E3S Web of Conferences*. 2021. № 275. P. 1044.
25. Milian E.Z., Spinola M.D.M., Carvalho M.M.D. Fintechs: A literature review and research agenda // *Electronic Commerce Research and Applications*. 2019. № 34. P. 100833.
26. Лысова М.А. Влияние социальных сетей на трудоустройство и карьеру // *ВУЗ и реальный бизнес*. 2018. Т. 1. С. 53–61.
27. Пузикова А.А. Социальные сети – как средство самопрезентации при трудоустройстве // *Специалисты АПК нового поколения : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Е.Б. Дудниковой. Саратов : ЦесАин, 2019. С. 403–405.*
28. Зинчак Е.В., Сахаров А.С. Исследование зависимости между активностью соискателей в социальных сетях и их трудоустройством и карьерным ростом // *Экономика и предпринимательство*. 2014. № 12-3 (53). С. 457–463.
29. Jurkevičius V., Šidlauskienė J. Civil liability of companies for anonymous comments posted on their sites: A criterion of potential consequences of liability // *Business, Management and Economics Engineering*. 2021. № 19 (1). P. 1–11.
30. Шайдулина В.К. Смарт-контракты на финансовом рынке: результаты исследования // *Судья*. 2019. № 2. С. 21–23.
31. Ефимова Л.Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 7. С. 84–90.
32. Vázquez-López A., Barrasa-Rioja M., Marey-Perez M. ICT in rural areas from the perspective of dairy farming: A systematic review // *Future Internet*. 2021. № 13 (4). P. 99.

References

1. Usman Aijaz, N., Mustafa, A.S. & Misbahuddin, M. (2021) TDANE: Mechanism for validation of domain certificates for trusted browsing. *Proceedings of the 5th International Conference on Intelligent Computing and Control Systems, ICICCS 2021*. 9432284. pp. 1–8.
2. Zavyalova, E.B., Shumskaia, E.I. & Kuzmin, M.D. (2020) Smart Contracts in the Russian Transaction Regulation. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 129. pp. 205–212.
3. Kirillova, E.A., Bogdan, V.V. & Surkov, A.N. (2019) Digital rights and digital objects: Features of control and regulation. *Journal of Advanced Research in Dynamical and Control Systems*. 11 (10 Special Issue). pp. 567–573.
4. Petrunova, R.M., Avdeyuk, O.A., Petrunova, Yu.V., Avdeyuk, D.N. (2020) Problemy distantsionnogo obrazovaniya glazami prepodavateley: uroki koronavirusa [Problems of distance education through the eyes of teachers: lessons from the coronavirus]. *Primo Aspectu*. 2 (42). pp. 65–71.
5. Gundu Terese, M. & Oluwakayode olumide, E. (2021) Analyzing the effect of coronavirus on Nigeria's education system. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 11:2 (71). pp. 640–648.
6. Orusova, O.V. (2020) Kak koronavirus izmenil sistemu vysshego obrazovaniya: analiz perekhoda vuzov na distantsionnoe obuchenie [How coronavirus has changed the system of higher education: analysis of the transition of universities to distance learning]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 3. pp. 184–195.
7. Demchenko, M.V., Gulieva, M.E., Larina, T.V. & Simaeva, E.P. (2021) Digital Transformation of Legal Education: Problems, Risks and Prospects. *European Journal of Contemporary Education*. 10 (2). pp. 297–307.

8. Veziridis, S., Karampelas, P. & Lekea, I. (2017) Learn by playing: A serious war game simulation for teaching military ethics. *IEEE Global Engineering Education Conference, EDUCON*. 7942958. pp. 920–925.
9. Ulzutyeva, A., Vinogradova, N. & Ulzutueva, O. (2021) The main directions of education development in the conditions of digitalization. *E3S Web of Conferences*. 273. p. 12056.
10. Shuman, J.M. (2018) Copyright and open access in the life sciences: A researcher's guide to sharing and publishing scientific information. *Emerging Topics in Life Sciences*. 2 (6). pp. 779–784.
11. Ramírez Llerena, E., Chico Ruiz, M. & Blanco Jiménez, Y. (2020) The challenges of socio-legal research in law schools in Colombia and the use of new information and communication technologies. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. 844(1). pp. 12071.
12. Rusinova, V. (2018) Legalizatsiya "massovoy slezhki" evropeyskim sudom po pravam cheloveka: chto stoit za postanovleniem po delu Big Brother Votch i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva? [Legalization of "Mass Surveillance" by the European Court of Human Rights: What is Behind the Ruling in the Case of Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom?]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 4 (28). pp. 3–20.
13. Trisnawaty, N.W., Hidayanto, A.N. & Ruldeviyani, Y. (2021) Database and Application Migration in the Financial Services Industry Sector in the Acquisition Environment and Environmental Science. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 700 (1). p. 12022.
14. Nowik, P. (2021) Electronic personhood for artificial intelligence in the workplace. *Computer Law and Security Review*. 42. p. 105584.
15. Cepni, E. (2019) The Science and Art of Decision Making. *Proceedings of 2019 IEEE 18th International Conference on Cognitive Informatics and Cognitive Computing, ICCI*CC 2019*. 9146085. pp. 272–277.
16. Morishita, S., Takano, M. & Takeda, H. (2021) Social acceptability of personal data utilization business according to data controllers and purposes. *ACM International Conference Proceeding Series*. pp. 262–271.
17. Chen, L., Zhou, J. & Chen, Y. (2021) PADP: Efficient Privacy-Preserving Data Aggregation and Dynamic Pricing for Vehicle-to-Grid Networks. *IEEE Internet of Things Journal*. 8 (10). pp. 7863–7873.
18. Feng, X. & Zhao, Y. (2018) Digital forensics challenges to big data in the cloud. *Proceedings of the 2017 IEEE International Conference on Internet of Things, IEEE Green Computing and Communications, IEEE Cyber, Physical and Social Computing, IEEE Smart Data, iThings-GreenCom-CPSSCom-SmartData 2017*. January. pp. 858–862.
19. Pratama, B. & Bamatraf, M. (2021) Tallinn manual: Cyber warfare in Indonesian regulation. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 729 (1). p. 012033.
20. Kuzmina, I.D. & Bogdanova, I.S. (2019) Some problems of digital environment influence on the content of civil law object and subject categories. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 12 (3). pp. 393–409.
21. Shamraev, A.V. (2021) Voprosy kollizionnogo regulirovaniya transgranichnykh perevodov denezhnykh sredstv, tsennykh bumag i tsifrovyykh finansovykh aktivov [Issues of conflict regulation of cross-border transfers of funds, securities and digital financial assets]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 4. pp. 20–24.
22. Turbanov, A.V. (2021) Ponyatie deneg v epokhu tsifrovizatsii [The concept of money in the era of digitalization]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6. pp. 58–76.
23. Singh, J., Pasquier, T. & Bacon, J. (2016) Big ideas paper: Policy-driven middleware for a legally-compliant Internet of Things. *Proceedings of the 17th International Middleware Conference. Middleware 2016*. p. a13.
24. Kong, Y., Wang, Y. & Cai, J. (2021) Exploring the Internetization of Private Finance. *E3S Web of Conferences*. 275. p. 1044.
25. Milian, E.Z., Spinola, M.D.M. & Carvalho, M.M.D. (2019) Fintechs: A literature review and research agenda. *Electronic Commerce Research and Applications*. 34. p. 100833.
26. Lysova, M.A. (2018) Vliyaniye sotsial'nykh setey na trudoustroystvo i kar'eru [The impact of social networks on employment and career]. *VUZ i real'nyy biznes*. 1. pp. 53–61.
27. Puzikova, A.A. (2019) [Social networks as a means of self-presentation in employment]. *Spetsialisty APK novogo pokoleniya* [Specialists of the new generation of agro-industrial complex]. Conference Proceedings. Saratov: TseSAin. pp. 403–405. (In Russian).
28. Zinchak, E.V. & Sakharov, A.S. (2014) Issledovanie zavisimosti mezhdu aktivnost'yu soiskateley v sotsial'nykh setyakh i ikh trudoustroystvom i kar'ernym rostom [Study of the relationship between the activity of applicants in social networks and their employment and career growth]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 12-3 (53). pp. 457–463.
29. Jurkevičius, V. & Šidlauskienė, J. (2021) Civil liability of companies for anonymous comments posted on their sites: A criterion of potential consequences of liability. *Business, Management and Economics Engineering*. 19 (1). pp. 1–11.
30. Shaydullina, V.K. (2019) Smart-kontrakty na finansovom rynke: rezul'taty issledovaniya [Smart contracts in the financial market: research results]. *Sud'ya*. 2. pp. 21–23.
31. Efimova, L.G. (2019) Ponyatie i pravovye osobennosti elektronnoogo dogovora [The concept and legal features of an electronic contract]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 7. pp. 84–90.
32. Vázquez-López, A., Barrasa-Rioja, M. & Marey-Perez, M. (2021) ICT in rural areas from the perspective of dairy farming: A systematic review. *Future Internet*. 13 (4).

Информация об авторе:

Васильев С.А. – канд. юрид. наук, ведущий научный сотрудник Научно-экспертного центра “Международное и отечественное право” Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: mnogoslav@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), leading researcher, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: mnogoslav@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 16.05.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 28.07.2022.

Научная статья
УДК 343.985.7
doi: 10.17223/15617793/480/28

Проблемы криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом

Алексей Степанович Князьков^{1, 2}, Светлана Васильевна Ведренцева^{1, 3}

¹Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

²ask011050@yandex.ru

³Svetlana-19952011@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются понятие и содержание криминалистической характеристики преступления, анализируется ее место в системе криминалистического знания. Авторы подвергают критике научную позицию, состоящую в отрицании криминалистической характеристики преступления как категории; дается ее соотношение с категориями «механизм преступления» и «информационная модель преступления». Исследуются проблемные положения криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом, предлагается ее определение.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическая характеристика преступления, элементы криминалистической характеристики преступления, механизм преступления, информационная модель преступления, убийство, совершенное общеопасным способом

Для цитирования: Князьков А.С., Ведренцева С.В. Проблемы криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 250–261. doi: 10.17223/15617793/480/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/28

Problems of criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method

Aleksey S. Knyazkov^{1, 2}, Svetlana V. Vedrentseva^{1, 3}

¹National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

²ask011050@yandex.ru

³Svetlana-19952011@mail.ru

Abstract. In this article, the authors consider the problem statements of criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method. The study uses the modern methodology of scientific research represented by historical, systems and comparative modeling methods. The aim of this study is the substantiation of elemental constituents of modern criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method, which is given in the context of understanding a criminalistic characteristic of a crime as a category of criminalistics. The authors note that the absence of special research of criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method cannot be balanced for the purposes of theory and practice by research dedicated to the criminalistic characteristics of domestic murder, assassination, ritualistic murder and other types of murder, and this should be taken into account when selecting the techniques for investigating murders committed by a generally dangerous method. Such murders constitute a small proportion in the general number of annually committed murders in Russia; nevertheless, they have a special criminological importance in view of the potentially high threat of infliction of harm to a considerable or even indefinite range of persons. In the authors' opinion, this is the reason why investigation of these cases is always under special control of heads of law enforcement departments and is always accompanied with external difficulties caused by the character of this act, and this fact foregrounds the elaboration of problem statements intermediating the creation of the corresponding specific criminalistic methodology. The authors note the difference between the approach of the concept of criminalistic characteristics of a crime and the approach of the concept of the mechanism of a crime, which lies in the fact that supporters of the former approach come to the mechanism of a crime as a dynamic system through investigation of interacting subjects, and supporters of the latter to the investigation of elements participating in one or another form of interaction through investigation of the system of interaction process. The scientific approach consisting in the denial of the necessity of the notion "criminalistic characteristics of a crime" as a category is criticized. As a result, a suggestion is made of typical criminalistic characteristics given in extremely methodological terms indicating general features of the mentioned category. The elements of criminalistic characteristics of murders committed by a generally

dangerous method considered in this article allow the authors to define the characteristics as a system of scientifically grounded statements on the settings of committing a crime, method of its preparation, committing and concealing, mechanism of a crime, identity of the criminal and identity of the victim. These can give information about each of the elements and about the crime as a whole for a successful detection, investigation and prevention of this crime.

Keywords: crime investigation, criminalistic characteristics of crime, elements of criminalistic characteristic of crime, mechanism of crime, information model of crime, murder committed by generally dangerous method

For citation: Knyazkov, A.S. & Vedrentseva, S.V. (2022) Problems of criminalistic characteristics of murders committed by a generally dangerous method. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 250–261. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/28

Отечественный законодатель, как известно, выделяет несколько видов и разновидностей преступных посягательств на жизнь, к числу которых отнесено убийство, совершенное общеопасным способом, предусмотренное п. «е» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Занимая малую долю в общем числе ежегодно совершаемых убийств в России, названные деяния, тем не менее, имеют особую криминологическую значимость в силу потенциально высокой угрозы причинения вреда значительному кругу подчас случайных лиц. По этой причине их расследование всегда находится на особом контроле руководителей правоохранительных органов и сопровождается объективными трудностями, обусловленными характером данного деяния.

Как правило, преступления данной категории вызывают значительный общественный резонанс, и это не случайно. Во-многом именно он ставит перед следствием и органами дознания задачу оперативного установления и привлечения к уголовной ответственности виновных в убийстве лиц, что требует наличия высокого уровня готовности соответствующих должностных лиц, получившей название криминалистического обеспечения расследования преступлений [1. С. 52–71; 2. С. 15–20; 3], элементом которого выступает необходимый комплекс криминалистических рекомендаций. К сожалению, как свидетельствует практика, по-прежнему существует необходимость в научно разработанных методиках предварительного расследования убийства, совершенного общеопасным способом; о некоем «научном забвении» проблемы расследования убийства этого вида свидетельствует отсутствие соответствующих монографических работ, выполненных на эту тему в последние 30 лет. Вряд ли, несмотря на достаточно высокий уровень выполненных диссертационных работ, посвященных проблемам расследования бытовых убийств [4], серийных убийств [5, 6], убийств по найму [7–9], убийств, совершенных организованными группами [10, 11], ритуальных убийств [12], корыстных убийств [13], убийств, совершенных с особой жестокостью [14], убийств, совершенных по религиозным мотивам [15], можно получить, даже при условии тщательного анализа, необходимое представление о закономерностях совершения убийства общеопасным способом и об обусловленных ими закономерностях расследования отмеченных преступлений.

Не позволяют получить надлежащего представления и весьма редкие монографические исследования, в которых такой общеопасный способ, как поджог

применительно к преступному деянию против жизни выступает в качестве обстоятельства сокрытия бытового убийства, убийства из корыстных побуждений, убийства из мести [16], но не способа убийства, совершенного общеопасным способом, что подтверждает актуальность задачи формирования частной методики расследования убийств, совершенных общеопасным способом.

Концептуализация методических положений расследования данного вида убийства предполагает, прежде всего, обращение к категории, в которой бы раскрывались криминалистически значимые для расследования сведения, получившие одно из своих наименований как криминалистическая характеристика преступления (КХП).

Заметим, что сложность самого преступления как явления обусловила широкий круг суждений о содержании КХП, ее назначении, месте в системе криминалистических знаний и других вопросов. Исходя из того что именно раскрытие содержания данной характеристики во многом обуславливает взгляд на иные перечисленные ее аспекты, представляется исключительно важным рассмотреть, прежде всего, предметное выражение КХП, задействуя возможности системно-структурного подхода и оставив обращение к системно-функциональному подходу для раскрытия положений о ее функционировании в поисково-познавательной деятельности следователя.

Так, указывая на абстрактный характер КХП ввиду того, что она является результатом научных изысканий, Р.С. Белкин ее содержанием видел совокупность сведений о способах совершения и сокрытия преступления, его мотивах и целях, последствиях деяния, личности преступника, личности потерпевшего и иных обстоятельствах. Абстрактный характер КХП получает свое проявление в подчеркивании автором тезиса о том, что каждый из названных элементов снабжается определением «типичный» [17. С. 39].

Еще более детально определял содержание криминалистической характеристики преступлений И.Ф. Пантелеев, указывая, что она есть «характеристика наиболее распространенных способов их совершения, применяемых преступниками технических средств, источников получения этих средств, характеристика типичных материальных следов преступления, могущих иметь значение вещественных доказательств по уголовному делу, наиболее вероятных мест их обнаружения, тайников, способов сокрытия следов преступления и других средств маскировки преступников, характеристика их “профессиональных” преступных навыков,

преступных связей и т.д.» [18. С. 9–10]. И хотя названный автор исключал возможность говорить об общем понятии криминалистической характеристики преступления как явления, называние в данном им определении обстоятельств безотносительно к конкретному виду преступления есть именно общая, собирательная криминалистическая характеристика преступления.

Заметим, что при такого рода всеохватности обстоятельств, в большей или меньшей мере характеризующих криминалистические свойства преступного деяния, они, прежде всего, не структурированы необходимым образом, что проявляется в придании значения однопорядковости отдельным их подэлементам, например способу совершения преступления и техническим средствам, придающим качественное выражение этому способу и входящим по этой причине в содержание самого способа. Кроме того, при задействовании метода перечисления признаков в целях формулирования какого-либо определения всегда существует риск «забыть» про отдельные признаки: в приведенном определении, как видно, «забытым» оказался такой признак (элемент), как личность потерпевшего. Позволим одновременно высказать суждение о том, что под именем «типичных ситуаций данного вида преступлений» указанный автор понимал элемент, получивший в криминалистической литературе название механизма преступления.

Нельзя не назвать причину включения в КХП весьма и весьма большого числа обстоятельств, выдаваемых за ее элементы и таковыми не являющихся. Эта причина состоит в необходимости следования тезису, высказанному в самом начале концептуализации криминалистической характеристики, о том, что она должна максимально полно включать обстоятельства, способствующие успешной работе по уголовному делу [19. С. 56]. Заметим, что именно это положение было воспринято в качестве принципиального направления дальнейшего развития категории КХП, именно оно привело к большому перечню не согласующихся системно обстоятельств, предлагаемых в качестве элементов данной характеристики, более того, не обладающих свойством способствовать поисково-познавательной деятельности, именно оно вызвало научный скептицизм относительно всей рассматриваемой теоретической конструкции [20. С. 222–223] и определенную критику в отношении чрезмерного числа ее элементов [21. С. 44–45].

И с методологической, и с теоретической позиций, учитывающих характер и результат научной деятельности, взвешенным является суждение о том, что КХП, «подобно любой информационной модели... предполагает понижение уровня информационной насыщенности, сосредотачивает внимание на существенных и типичных признаках, отвлекаясь от частных» [22. С. 26]. Именно существенный характер обстоятельств, выступающих элементами КХП, «позволяет говорить и устанавливать совокупность устойчивых отношений между ее элементами, связь и взаимодействие которых образуют структуру преступления, отражающуюся в реальной действительности в виде материальных и идеальных следов» [23. С. 230].

Основываясь на факте видоизменения того или иного вида преступной деятельности, «развертывания» ее в конкретном пространственно-временном континууме, Н.П. Яблоков полагал, что КХП есть «динамическая система (совокупность) соответствующих взаимосвязанных общих и индивидуальных признаков преступления, ярче всего проявляющихся в способе и механизме преступного деяния, обстановке его совершения и в отдельных чертах личности его субъекта, данные которой имеют важное значение для разработки методов расследования» [24. С. 116]. Как видим, в этом случае при раскрытии содержания дается не исчерпывающий перечень элементов, а акцентируется внимание лишь на трех элементах, очевидно, понимаемых указанным автором в качестве системообразующих обстоятельств.

Однако главное состоит в том, что в приведенных выше определениях, как и в определениях, данных другими авторами, КХП рассматривается в виде системного образования, что позволяет исследовать ее путем задействования методологии системного подхода [25. С. 168; 26. С. 23–35; 27. С. 30; 28. С. 35].

Говоря о роли КХП в практической деятельности, отдельные авторы отмечают, что она «позволяет контролировать полноту собираемой по делу информации путем сопоставления имеющейся в распоряжении следователя со стандартной, помогает определить пути и направления поиска необходимой для следствия криминалистически значимой информации, а также дополняет уже собранные по делу сведения входящими в ее содержание обобщенными данными» [29. С. 70].

Появление категории «типовая информационная модель преступления» явилось результатом обращения внимания на более широкие возможности использования системно-деятельностного подхода применительно к анализу преступной деятельности и криминалистической деятельности по ее расследованию. По мнению сторонников этой доктрины, именно модельное представление «дает возможность отображать преступную деятельность и ее отдельные стороны, а изучение информационной модели позволяет получить новые сведения о расследуемом преступлении» [30. С. 129]. Однако нельзя не видеть, что модельная характеристика в полной мере применима и к КХП как результату научной деятельности: представители системного подхода подчеркивают, что «моделирование не является таким действием, которое можно делать или не делать: моделирование есть неизбежная, обязательная часть любой деятельности человека» [31. С. 56–57].

Довольно спорной, на наш взгляд, является аргументация методологического и методического якобы преимущества перед КХП еще одной категории, а именно криминалистической модели преступления. Сторонники названной концепции подчеркивают, что «эта категория, в отличие от криминалистической характеристики преступления, используется не только как статическая система взаимосвязанных типичных криминалистических признаков, а как динамическая система и метод их познания» [32. С. 37]. Заметим в этой связи, что равным образом КХП используется и

как динамическая система, и как метод познания, в частности, в качестве тактико-криминалистического средства [33. С. 85–99].

Однако нельзя не отметить значимость информационно-модельного понимания преступной деятельности для теории и практики. Она позволяет более продуктивно увязывать положения КХП, представленной информацией о криминалистически значимых признаках, и следственной ситуации, которая, в конечном счете также получает свое поисково-познавательное выражение в криминалистически значимой информации. Кроме того, называние в числе информационной модели преступления тех же элементов [34. С. 480–481], что и элементы, которые перечисляют авторы, оперирующие понятием «криминалистическая характеристика преступления», указание на то, что они представляют типичные криминалистические признаки, свидетельствуют об отсутствии стремления противопоставить друг другу отмеченные понятия. Более того, сторонники концепции информационной модели нередко сами говорят о синонимичности этого понятия понятию КХП. Так, например, Е.П. Ищенко замечает, что «привычной формой научного обобщения передового следственного опыта стало создание криминалистических характеристик (информационных моделей) преступной деятельности» [35. С. 38]. Нельзя не сказать, что еще примерно пятьдесят лет назад подчеркивалось, что по своей природе КХП является информационной моделью криминального события определенного вида [22. С. 26; 36. С. 66]. Равно так же В.А. Образцов ранее оперировал понятием криминалистического состава преступления, видя в нем своего рода информационную модель [37. С. 80], по своему содержанию аналогичную понятию КХП. В настоящее время взгляд на КХП как специфическую информационную модель получил свое развитие в указании на ее непреходящее значение для формирования системы криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений [38. С. 229; 39. С. 28].

Завершая анализ развернутых по своему содержанию понятий КХП и однопорядковых с ней понятий (информационная модель преступления и другие), заметим, что попытка вместить в предельно категориальное определение данной характеристики конкретных элементов (обстановки совершения преступления, личности преступника и т.д.) будет вызывать определенные трудности при разработке на основе такого содержания рассматриваемой категории криминалистической характеристики методик расследования преступлений того или иного вида. Эти трудности обусловлены возможным отсутствием в видовой КХП, положенной в основу методических рекомендаций по его расследованию, отдельных элементов, которые названы при определении рассматриваемых категорий. Так, например, нет никакого смысла выделять личность потерпевшего как элемент криминалистической характеристики налоговых преступлений в силу обезличенности граждан, чьи интересы страдают при отступлении от фискальных правил. На наш взгляд, по этой причине, а также с учетом методоло-

гической значимости любой категории при определении понятия КХП (как и при определении синонимических однопорядковых с ним понятий «информационная модель преступления», «механизм преступления») должен быть показан, как правильно считает С.И. Коновалов, прежде всего, представительский массив «теоретических представлений о сущности и содержании криминалистической характеристики преступления» [40. С. 90–91].

В специальной литературе можно встретить близкое к рекомендуемому названным автором формату определение КХП, правда, методологическое обоснование именно такого, а не иного, формата при этом отсутствует. Так, А.В. Шмонин пишет, что КХП представляет собой «систему научных положений о модели криминалистически значимых признаков отдельных общностей преступлений, а также закономерных связей между ними и разработанных на их основе общих принципов решения задач досудебного производства» [41. С. 733]. Нетрудно увидеть, что само по себе акцентирование внимания на научность положений о криминалистически значимых признаках не говорит о том, что указанный автор дает определение КХП как категории криминалистики, поскольку речь у него идет не о преступлении как явлении, изучаемой криминалистикой, а лишь об «отдельных общностях преступлений». Рассматриваемое определение, помимо прочего, свидетельствует об условности категории «криминалистическая модель преступления», предлагаемого взамен категории «криминалистическая характеристика преступления». Кроме того, нельзя не сказать, что научный взгляд на включение в систему КХП такого обстоятельства, как закономерные связи между отдельными признаками, которому следует А.В. Шмонин, является спорным, на что обращали внимание отдельные авторы [40. С. 103].

Таким образом представляется возможным говорить о том, что существующая в криминалистической науке дискуссия относительно природы КХП во многом вызвана включением в содержание этой категории различных по числу и значению элементов видовых криминалистических характеристик.

Одной из значимых научных доктрин в современной российской криминалистике является концепция механизма преступления, призванная, по мнению ее создателей, более четко, чем криминалистическая характеристика преступления, отобразить накопившиеся сведения о системе признаков преступления, имеющих криминалистическое значение. Результатом этого явилось предложение А.М. Кустовым частного криминалистического учения о механизме преступления, одним из положений которого является рассмотрение КХП и механизма преступления как самостоятельных научных категорий [42. С. 21].

Названным автором дано новое понимание механизма преступления, который в уточненном виде рассматривается как «последовательный ряд процессов взаимодействия, в результате которых проявляются следы-отображения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении и его участниках. Каждый отдельный процесс предполагает

наличие других процессов или является их побудителем, придавая всей системе стройный, устойчивый и динамический характер» [43. С. 139].

Совпадение многих аспектов категорий КХП и механизма преступления служит основой непрерывающейся научной полемики, содержащей критику также со стороны сторонников концепции криминалистической характеристики преступления. Так, например, А.Ю. Головин отмечает, что «механизм преступления должен выступать объектом научного исследования, результатом которого явится формирование криминалистической характеристики преступления» [25. С. 166]: другими словами, речь идет о признании механизма преступления в качестве элемента КХП, но не взамен ее.

Также представляется правильным суждение о том, что категории КХП и механизма преступления следует рассматривать как тождественные понятия; при этом КХП используется как теоретическая модель в криминалистической методике, в то время как понятие механизма преступления включено в систему теоретико-методологических положений, раскрывающих суть предмета криминалистики [44. С. 211]. На наш взгляд, отличие подходов сторонников концепции КХП и сторонников концепции механизма преступления состоит в том, что если первые идут к вопросу о механизме преступления как динамической системы от выяснения взаимодействующих объектов, то вторые – от вопроса выяснения системы процессов взаимодействия к выяснению элементов, участвующих в том или ином виде взаимодействия.

Несомненно, КХП выступает в качестве некой информационной модели, совокупности определенных данных, которые получены в результате научных исследований. При этом КХП, по нашему мнению, является совокупностью не всяких обстоятельств, которые способствуют успешному раскрытию и расследованию преступления – таких обстоятельств, в том числе организационного характера, может быть весьма много, – а тех, которые способны отразиться на других элементах при подготовке (при умышленном деянии), совершении и сокрытии преступления в силу особого характера соответствующей преступной деятельности [45. С. 28]. С позиции системного подхода КХП, как и механизм преступления, есть модельное описание преступления, получающее применительно к тому или иному деянию (группе деяний) свое конкретное информационное выражение. Данное обстоятельство делает спорным научную позицию об отказе от категории КХП, о ее доктринальной замене. Нельзя забывать об известном методологическом правиле, состоящем в том, что необходимость отказа от того или иного понятия возникает тогда, когда существующее понятие уже не отражает всего богатства внутренних и внешних связей определяемого явления, которые дополнительно выявлены в результате поступательного развития науки.

Определенное методологическое значение для целей настоящей работы имеет анализ научных подходов к понятию, элементам и структуре криминалистической характеристики убийств. Существуют моногра-

фии, посвященные пониманию криминалистической характеристики убийств и ее методико-криминалистической значимости, в которых презюмируется, что развернутый анализ доктринальных положений о КХП как категории делает лишним суждение о понимании криминалистической характеристики преступления конкретного вида, в данном случае убийства [46]. Кроме того, имеются специальные работы, в которых, как представляется, отсутствие понятия криминалистической характеристики убийства предопределено взглядом на то, что она имеет второстепенное значение по отношению к обстоятельствам, подлежащим доказыванию [47. С. 13].

Ограничившись констатацией того факта, что криминалистическая характеристика убийства есть системное образование, С.А. Афанасьев говорит о способах подготовки, совершения и сокрытия убийств, личности преступника, иных обстоятельств [48. С. 11]. Не прибегая к предметно-видовому описанию элементов криминалистической характеристики убийств для целей ее определения, Е.Г. Килессо раскрывает понятие криминалистической характеристики убийства путем указания на то, что она есть описание (другими словами, совокупность) «криминалистически значимых элементов, связей и закономерностей этого преступления, которая может использоваться в криминалистической науке и судебно-следственной практике в качестве информационной модели преступного посягательства» [49. С. 7]. Нетрудно увидеть, что здесь мы имеем дело с научной позицией, строящейся на переносе отрицания подхода к определению понятия криминалистической характеристики преступления как категории через включение в нее отдельных элементов, на описании КХП определенного вида. Результатом этого явилось то, что видовая криминалистическая характеристика дана в терминах предельно методологического характера.

Неучет этого правила нередко приводит к суждениям, в которых очевидно имеются логические противоречия, примером которого может служить исследование, выполненное А.А. Малышевым. С одной стороны, названный автор обращает внимание на то, что, «составляя криминалистическую характеристику, необходимо включать в нее только те элементы, которые **имеют значение** (выделено нами. – А.К., С.В.) для раскрытия преступления» [50. С. 43], и, продолжая эту мысль, делает неожиданный вывод: «...поэтому определить точное количество необходимых структурных элементов невозможно» [50. С. 43]. Выход из этого положения им видится в том, чтобы в общие и видовые криминалистические характеристики включать наиболее общие элементы, рассчитывая на то, что при расследовании того или иного преступления следователь будет добавлять те или недостающие его элементы [50. С. 43]. Здесь одновременно звучит сетование на невозможность объективно сформировать системную характеристику преступления и своеобразный «упрек» науке, не способной дать практике необходимый перечень элементов видовой криминалистической характеристики, что влечет призывание к своеобразной методологической «помощи»

со стороны практических работников. Очевидно, исходить нужно из такого способа определения, в котором используются как общекатегориальные признаки, присущие криминалистической характеристике любого вида преступления, так и элементный состав видовой КХП, который позволяет составить предметное представление о системно взаимодействующих обстоятельствах, направлениях переноса вещества, энергии и информации как результата взаимодействия, возможных причинах обнаружения потенциально существующих сведений-отображений.

Таким образом, можно говорить об актуальности разработки теоретических и практических положений, касающихся как расследования, так и выявления преступления, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также его криминалистической профилактики. Для успешного обнаружения типичных следов убийства, в том числе следов преступника, требуется прежде всего изучить механизм данного преступления. Совершение каждого из них сопровождается появлением материальных и идеальных следов. Их формирование происходит в результате осуществления процессов взаимодействия материальных объектов и явлений, изучение которых способствует получению доказательственной и ориентирующей информации по делу.

Механизм убийства, совершенного общеопасным способом, представляет собой пространственно-временное развитие деяния: от начала преступных действий, направленных на лишение жизни общеопасным способом, до наступления преступного результата. Представляется обоснованным включение в механизм преступления защитных действий потерпевшего, действий иных лиц, направленных на пресечение посягательства.

В контексте криминалистической характеристики преступления механизм убийства отличается от другого элемента КХП – способа его совершения. Способ убийства отражает, прежде всего, предметно-операционную часть действия, направленного на достижение преступного результата, а механизм – динамическую картину происшествия в целом, как результат взаимодействия причины и условий. Благодаря анализу причинно-следственных и иных связей становится возможным объективное познание расследуемого события. По большей части механизм убийства в обстановке совершения преступления получает свое отображение в форме материальной «следовой картины» [51. С. 831–832], что не мешает его идеальному отображению. Разумеется, как материальное, так и идеальное отображение механизма убийства получает на преступнике, что позволяет назначать определенные судебные экспертизы, в том числе идентификационного характера.

Подробного рассмотрения требуют такие элементы криминалистической характеристики рассматриваемого вида убийства, как способы (учитывая, что квалифицирующим их признаком являются общеопасные способы), а также обстановка совершения преступления. Следует сказать, что значительная несхожесть взглядов на обстоятельства, характеристику которых

дают через признаки способов, получает свое отражение и в методических положениях, касающихся расследования убийств. Так, Г.Г. Зуйков, предлагая концепцию полноструктурного способа совершения преступления, определял его как «систему взаимосвязанных и взаимообусловленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, условиями места и времени и зачастую связанных с использованием соответствующих орудий и средств» [52. С. 16–17]. Нетрудно увидеть, что автор оперирует термином «действия», ничем не отличающимся по своему содержанию от термина «способ»; аналогичным образом поступают и другие авторы [53. С. 165; 54. С. 14]. Имеется подход, в определенной мере критикующий взгляд на полноструктурный способ преступления: например, В.П. Колмаков рассматривал способ совершения преступления как совокупность действий, которые напрямую направлены лишь на совершение преступных деяний: действия по сокрытию, по его мнению, должны оставаться за рамками способа совершения [55. С. 56].

На наш взгляд, в качестве элементов криминалистической характеристики конкретного преступления или группы преступлений необходимо включать три самостоятельных элемента: способ подготовки (для умышленных деяний), способ совершения и способ сокрытия преступления. Это позволит, прежде всего, учитывать принципиальное отсутствие подготовительных действий к совершению неосторожных преступлений, а также возможность совершения умышленных деяний без подготовки, а кроме того, учитывать случаи, когда сокрытие как умышленных, так и неосторожных посягательств не происходит. Разумеется, можно говорить о том, что в формулировке полноструктурного способа совершения преступления имеется допущение, которое нужно будет называть, обращаясь к криминалистической характеристике неосторожного преступления. Однако научная ценность любого понятия состоит в том, что оно отражает определяемое явление (в нашем случае КХП) исчерпывающе полно, как не требующее оговорок, чего нельзя увидеть в определении Г.Г. Зуйкова.

Подготовка к убийству, совершенному общеопасным способом, определяется во-многом намеченным путем для его совершения. Например, различными будут способ подготовки к убийству путем поджога и способ подготовки к убийству путем взрыва. Как правило, подготовительные действия к такому квалифицированному убийству включают в себя изучение места постоянного или временного пребывания жертвы, расположения жилища и места работы, режима дня потерпевшего и членов его семьи, в некоторых случаях – наличия и характера охраны, маршрута следования на работу и обратно, а также путей подхода и отхода с места планируемого преступления.

Способы совершения рассматриваемого убийства являются такими же разнообразными, как и подготовительные к нему действия. Они определяются присущими преступнику психологическими и физическими свойствами, нередко специальными знаниями,

умениями, навыками, например, касающимися взрывчатых веществ и взрывных устройств. Исследования практики показывают, что наиболее часто названные убийства совершаются путем поджога, выстрела, взрыва; орудиями и средствами их являются горючие вещества и материалы, огнестрельное оружие, взрывные устройства, в то время как доля случаев применения отравляющего вещества является крайне незначительной. Исследования показывают, что наиболее часто рассматриваемые убийства совершаются путем поджога (более половины – 55,6%); путем выстрела совершаются чуть более трети деяний (33,3%); путем отравления – 11, 1%, путем взрыва – лишь 5,6%.

Способы сокрытия преступления состоят в уничтожении следов, указывающих на способ подготовки и способ совершения преступления, а также материальных следов, которые так или иначе характеризуют лицо, причастное к совершению преступления. Криминалистическое значение способа сокрытия убийства, как и способа сокрытия иного преступления, состоит в том, что в способах их сокрытия находит отражение способ совершения преступления, поскольку действия по сокрытию преступления предопределяются спецификой преступного деяния [56. С. 55]. Рассматривая вопрос об убийстве, совершенном общеопасным способом, необходимо обратить особое внимание именно на способ совершения преступления. С принятием УК РФ квалифицирующий способ убийства, который до этого в УК РСФСР 1960 г. именовался «способ, опасный для жизни многих людей», получил название «общеопасный». Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняет, что под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления пищи и воды, которыми, помимо потерпевшего, пользуются другие люди).

Важность такого элемента криминалистической характеристики убийства, совершенного общеопасным способом, как обстановка совершения преступления, определяется тем, что в ней находят свое отражение многие криминалистически значимые обстоятельства: возраст, анатомо-физиологические, социальные, психологические личностные особенности преступника; следы способа подготовки, совершения и сокрытия убийства; поведение жертвы, в первую очередь проявляющееся в защитных действиях от посягательства. Необходимо учитывать, что в некоторых случаях обстановка совершения преступления может свидетельствовать об инсценировке самоубийства, несчастного случая, иного, чем фактически совершенного, преступления, имеющей целью затруднить расследование убийства.

Обстановка преступления в немалой степени отражает механизм убийства. Зачастую в обстановке совершения рассматриваемого преступления получает

материальное выражение информация о том, что преступные действия нашли отображение в виде идеальных следов у присутствующих лиц, не причастных к совершению преступления (свидетелей). Примером, указывающим на это, могут выступать обнаруженные на месте происшествия следы рук или ног, не принадлежащие ни преступнику, ни потерпевшему: следовательно, они могут принадлежать свидетелям, в том числе очевидцам. Обстановка совершения рассматриваемого убийства характеризуется совокупностью таких взаимосвязанных обстоятельств, как место и время совершения убийства, иные условия окружающей среды, присутствие свидетелей-очевидцев и их поведение. Результаты проведенного исследования показывают, что чаще всего убийства общеопасным способом совершаются в городской среде. При этом место обнаружения трупа в изученных ситуациях полностью совпадает с местом совершения преступления. Так, полученные данные свидетельствуют о том, что преимущественно они совершаются в жилище потерпевшего, а кроме того, на улице и в ином общественном месте, например в кафе; наименьшая доля приходится на частный жилой сектор.

В числе элементов криминалистической характеристики убийств, совершенных общеопасным способом, значимую роль играет личность преступника. С целью установления лица, совершившего преступление, предусмотренного п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также производства в дальнейшем следственных действий с его участием, участием иных лиц широко используются обнаруживаемые на месте преступления следы пальцев рук, следы биологического происхождения (слюна, кровь и т.д.), а также информация о его внешности, физических данных, профессиональных навыках и прочих признаках, отразившихся в объектах материальной обстановки. Большую практическую и теоретическую значимость для КХП имеют социально-демографические, социально-психологические свойства личности преступника, которые указывают на личность, индивидуализируя и характеризую ее одновременно. Исследование личности преступника отражает возможности выявления определенных закономерностей в поведении обвиняемого на следствии и в суде, что может быть использовано в методике расследования на разных этапах отдельных категорий преступлений [21. С. 413; 57. С. 148–152; 58. С. 135–138].

Результаты анализа образа жизни подозреваемого позволяют устанавливать мотив преступления и наоборот: по предполагаемому мотиву совершения преступления представляется возможным определять круг подозреваемых в совершении преступлений [7. С. 51]. Обоснованным является выделение следующих обстоятельств, характеризующих личность преступника: обстоятельства, нашедшие свое выражение в поведении преступника, предшествующем совершению преступления; обстоятельства, непосредственно связанные с моментом совершения преступления и его сокрытием как продолжением преступной деятельности на месте совершения деяния. С учетом существования нередко значительного периода времени

между совершением анализируемого убийства и задержанием преступника в анализ личностных свойств посягавшего может быть вовлечено его постпреступное поведение, в котором, как свидетельствуют отдельные исследования, в главных чертах присутствуют свойства, проявившиеся в ходе преступной деятельности [59. С. 15].

В процессе расследования, когда становится известен подозреваемый в совершении убийства общественно опасным способом, более чем в половине случаев проявляются его личностные социальные и психологические качества, обуславливающие отказ от коммуникации с представителями правоохранительных органов, в том числе со следователем. Во-многом этому способствуют гендерные свойства преступников-мужчин, которые гораздо чаще по сравнению с женщинами совершают рассматриваемые преступления, причем большая часть из них не являются женатыми. Практика позволяет говорить о таких чертах личности обвиняемых в убийстве, совершенном общественно опасным способом, как неприятие чужого мнения, высокий уровень притязания, стремление доминировать, эксцентричность, изобретательность, низкий эмоциональный уровень развития.

Другим важным элементом криминалистической характеристики указанного преступления является личность потерпевшего, положения о котором рассматриваются в неразрывном единстве с личностью преступника [60]. Следует заметить, что, несмотря на потенциальную угрозу жизни для неопределенного круга лиц, убийство общественно опасным способом всегда направлено против лица, находящегося в определенной взаимосвязи с преступником и в силу этого побудившего последнего совершить деяние в конкретном месте и в конкретное время. Сведения о личности потерпевшего имеют важнейшее значение для оценки следственной ситуации и выдвижения следственных версий, касающихся преступника, так как в некоторых случаях существуют связи личного характера, проявляющиеся в соответствующих мотивах убийства: хулиганство, месть, вражда или национальная ненависть и т.д.

Кроме того, личность потерпевшего получает свое отображение на таком элементе криминалистической характеристики преступления, как обстановка его совершения. Причем «следовая картина» отображения признаков личности потерпевшего может быть самой обширной: начиная от следов обстановки его проживания (пребывания) и заканчивая фрагментами тканей различных органов его тела. Изучение уголовных дел данной категории преступлений по такому критерию, как место обнаружения трупа, свидетельствует о том, что зачастую местом совершения деяния является квартира потерпевшего, в которой, с учетом его постоянного в ней пребывания, системно и наиболее полно проявляются личностные свойства данного субъекта.

Рассмотренные элементы криминалистической характеристики убийств, совершенных общественно опасным способом, позволяют определить ее как систему научных положений об обстановке совершения преступления, о его способах подготовки, совершения и сокрытия, механизме преступления, личности преступника и личности потерпевшего, которые в силу

системных проявлений их отображения способны предоставить информацию о каждом из них и о преступлении в целом для целей успешного раскрытия, расследования и предупреждения данного преступления. Именно они позволяют в ходе формирования соответствующей частной криминалистической методики и на практике продуктивно увязывать криминалистическую характеристику убийства, совершенного общественно опасным способом, с иными элементами этой методики, такими как типичные следственные ситуации, типичные следственные версии, первоначальные и последующие следственные действия и др.

Обобщая полученные в данной работе результаты, необходимо сделать следующие выводы:

1. Отсутствие специальных исследований криминалистической характеристики убийств, совершенных общественно опасным способом, не может быть компенсировано для целей теории и практики исследованиями, посвященными криминалистической характеристике бытовых убийств, убийств по найму, ритуальных убийств и т.д., что имеет важное значение для формирования соответствующей частной криминалистической методики.

2. Отличие подходов сторонников концепции КХП и сторонников концепции механизма преступления состоит в том, что первые идут к вопросу о механизме преступления как динамической системы от вопроса о выяснении взаимодействующих объектов, в то время как вторые – от вопроса выяснения системы процессов взаимодействия к вопросу о выяснении элементов, участвующих в том или ином виде взаимодействия.

3. Понятие КХП как категории криминалистики должно быть дано в предельно общих признаках, а именно путем указания на то, что она является описанием криминалистически значимых элементов преступного деяния, между которыми возникают связи в процессе подготовки преступления (исключительно для криминалистической характеристики неосторожных преступлений), его совершения и сокрытия.

4. При описании криминалистической характеристики преступления определенного вида (группы преступлений) нужно оперировать как общими признаками, раскрывающим суть рассматриваемой категории, так и элементным составом соответствующего вида преступления (группы преступлений), что позволит составить предметное представление о системно взаимодействующих обстоятельствах, направлениях переноса вещества, энергии и информации как результата взаимодействия, возможных причинах необнаружения потенциально существующих сведений-отображений.

5. Криминалистическая характеристика убийств, совершенных общественно опасным способом, представляет собой систему научных положений об обстановке совершения преступления, о его способах подготовки, совершения и сокрытия, механизме преступления, личности преступника и личности потерпевшего, которые в силу системных проявлений их отображения способны предоставить определенную информацию о каждом из них и о деянии в целом для целей успешного раскрытия, расследования и предупреждения данного вида убийств.

Список источников

1. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волинского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2009. С. 52–71.
2. Яблоков Н.П. Криминалистические средства и методы обеспечения и надлежащего применения правовых норм в сфере уголовного судопроизводства // Криминалистика: учебник для магистратуры / под общ. ред. И.В. Александрова. М. : Юрайт, 2014. С. 15–20.
3. Попова И.А., Полстовалов О.В. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2013. 168 с.
4. Шошин С.В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 187 с.
5. Исаенко В.Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 422 с.
6. Тихонова Е.В. Расследование и предупреждение серийных сексуальных убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 225 с.
7. Логинов Е.А. Научные основы борьбы с убийствами, совершенными по найму : дис. ... д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2000. 429 с.
8. Звягин А.И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 195 с.
9. Нечепай В.В. Особенности раскрытия и расследования убийств, совершенных по найму, с учетом пространственно-временных факторов : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. 215 с.
10. Белокобыльская О.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 187 с.
11. Бессонов А.А. Особенности методики расследования убийств, совершенных организованными преступными группами : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 233 с.
12. Холопов А.В. Методика расследования ритуальных убийств : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 224 с.
13. Тройнин В.И. Расследование и предупреждение корыстных убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1997. 194 с.
14. Тимошенко И.И. Теоретические и практические проблемы расследования убийств, совершенных с особой жестокостью : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 245 с.
15. Рябинин Д.А. Методика расследования убийств, совершенных по религиозным мотивам : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 284 с.
16. Лантух Э.В. Методика расследования убийств, сопряженных с поджогом : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. 153 с.
17. Белкин Р.С. Криминалистика: краткая энциклопедия. М. : Большая российская энциклопедия, 1993. 111 с.
18. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М. : ВЮЗИ, 1975. 46 с.
19. Селиванов Н. Криминалистическая характеристика преступления и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56–58.
20. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА, 2001. 240 с.
21. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.
22. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 25–30.
23. Ведерников Н.Т., Хоменко А.Н. К вопросу о криминалистической характеристике преступления // Актуальные вопросы правоправедения в период совершенствования социалистического общества : сб. ст. Томск, 1988. С. 230–231.
24. Яблоков Н.П. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 112–141.
25. Головин А.Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. Тула, 2002. 463 с.
26. Варданян А.В., Грибунов О.П. Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 23–35.
27. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. А.А. Хмырова, В.Д. Зеленского. Краснодар : Советская Кубань, 1998. 576 с.
28. Куклин В.И., Куклин В.В. Криминалистическая методика : учеб. пособие. Тверь, 1992. 84 с.
29. Александров И.В. Налоговое расследование: основы криминалистической методики. М. : Юрлитинформ, 2012. 384 с.
30. Ищенко Е.П., Волянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности / под ред. Е.П. Ищенко. М. : Юрлитинформ, 2010. 304 с.
31. Тарасенко Ф.П. Прикладной системный анализ : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2010. 224 с.
32. Антонов А.Ю. Теория и практика выявления и расследования избирательных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 500 с.
33. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
34. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика : учебник. М., 2010. 784 с.
35. Ищенко Е.П. Криминалистика : курс лекций. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; КОНТРАКТ, 2008. 411 с.
36. Артамонов И.И. Методологические аспекты криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. М., 1984. С. 63–69.
37. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 176 с.
38. Комаров И.М. Проблемы теории и практики криминалистических операций в досудебном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2003. 437 с.
39. Варданян А.В., Айвазова О.В. Теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях системы здравоохранения // Юрист-Правовед. 2012. № 4 (53). С. 28–31.
40. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2001. 272 с.
41. Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 730–749.
42. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 21 с.
43. Кустов А.М. Научные основы криминалистического учения о механизме преступления // Варенич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая теория механизма преступления / под ред. А.М. Кустова. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 137–183.
44. Коновалов С.И., Бондаренко Ю.А. Соотношение криминалистической характеристики и механизма преступления по делам о преступных нарушениях требований пожарной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 210–214.
45. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 50 с.
46. Александрова О.Е. Криминалистическая характеристика убийств по найму и организационно-тактические особенности их расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 22 с.
47. Кошелева И.С. Организация первоначального этапа расследования убийств, совершенных несовершеннолетними : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 28 с.
48. Афанасьев С.А. Криминалистическая характеристика и типовая программа расследования сексуально-садистских убийств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992. 22 с.

49. Килессо Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 25 с.
50. Малышев А.А. Методика расследования убийств в отдаленных районах Восточной Сибири : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 140 с.
51. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
52. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Социалистическая законность. 1971. № 11. С. 14–19.
53. Куранова Э.Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. 1962. № 6–7. С. 152–166.
54. Коврижных Б.Н. Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969. 22 с.
55. Колмаков В.П. Следственный осмотр. М. : Юрид. лит., 1969. 196 с.
56. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 1. С. 51–64.
57. Ведерников Н.Т. Личность преступника в криминалистике и криминологии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 148–152.
58. Ведерников Н.Т. О проблеме предела изучения личности преступника в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 135–138.
59. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 53 с.
60. Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 160 с.

References

1. Volynskiy, A.F. (2009) Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Forensic support for the disclosure and investigation of crimes]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (eds) *Kriminalistika: uchebnik dlya studentov vuzov* [Criminalistics: a textbook for university students]. 2nd ed. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo. pp. 52–71.
2. Yablokov, N.P. (2014) Kriminalisticheskie sredstva i metody obespecheniya i nadležashchego primeneniya pravovykh norm v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva [Forensic means and methods of ensuring and proper application of legal norms in the field of criminal justice]. In: Aleksandrov, I.V. (ed.) *Kriminalistika: uchebnik dlya magistratury* [Criminalistics: a textbook for master's students]. Moscow: Yurayt. pp. 15–20.
3. Popova, I.A. & Polstovalov, O.V. (2013) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie kompromissnykh protsedur v ugolovnom sudoproizvodstve* [Tactical and forensic support of compromise procedures in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
4. Shoshin, S.V. (2000) *Rassledovanie umyshlennykh ubiystv, sovershennykh na bytovoy pochve* [Investigation of premeditated murders committed on domestic grounds]. Law Cand. Diss. Saratov.
5. Isaenko, V.N. (2005) *Problemy teorii i praktiki rassledovaniya seriynykh ubiystv* [Problems of the theory and practice of investigating serial murders]. Law Dr. Diss. Moscow.
6. Tikhonova, E.V. (2002) *Rassledovanie i preduprezhdenie seriynykh seksual'nykh ubiystv* [Investigation and prevention of serial sexual murders]. Law Cand. Diss. Volgograd.
7. Loginov, E.A. (2000) *Nauchnye osnovy bor'by s ubiystvami, sovershennymi po naymu* [Scientific foundations of the fight against contract killings]. Law Dr. Diss. Syktyvkar.
8. Zvyagin, A.I. (2004) *Protivodeystvie rassledovaniyu ubiystv po naymu i kriminalisticheskie metody ego preodoleniya* [Opposition to the investigation of contract killings and forensic methods of overcoming it]. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Nechepaev, V.V. (2008) *Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya ubiystv, sovershennykh po naymu, s uchetom prostranstvenno-vremennykh faktorov* [Features of the disclosure and investigation of contract killings taking into account spatio-temporal factors]. Law Cand. Diss. Voronezh.
10. Belokobyl'skaya, O.I. (2005) *Osobennosti rassledovaniya ubiystv, sovershennykh organizovannymi gruppami* [Features of the investigation of murders committed by organized groups]. Law Cand. Diss. Volgograd.
11. Bessonov, A.A. (2003) *Osobennosti metodiki rassledovaniya ubiystv, sovershennykh organizovannymi prestupnymi gruppami* [Features of the methodology for investigating murders committed by organized criminal groups]. Law Cand. Diss. Volgograd.
12. Kholopov, A.V. (2004) *Metodika rassledovaniya ritual'nykh ubiystv* [Methods of investigation of ritual murders]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
13. Troynin, V.I. (1997) *Rassledovanie i preduprezhdenie korystnykh ubiystv* [Investigation and prevention of lucrative killings]. Law Cand. Diss. Voronezh.
14. Timoshenko, I.I. (2003) *Teoreticheskie i prakticheskie problemy rassledovaniya ubiystv, sovershennykh s osoboy zhestokost'yu* [Theoretical and practical problems of investigating murders committed with particular cruelty]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
15. Ryabinin, D.A. (2020) *Metodika rassledovaniya ubiystv, sovershennykh po religioznym motivam* [Methods of investigating murders committed for religious reasons]. Law Cand. Diss. Moscow.
16. Lantukh, E.V. (1998) *Metodika rassledovaniya ubiystv, sopryazhennykh s podzhogom* [Methods of investigating murders associated with arson]. Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
17. Belkin, R.S. (1993) *Kriminalistika: kratkaya entsiklopediya* [Criminalistics: a concise encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.
18. Panteleev, I.F. (1975) *Metodika rassledovaniya prestupleniy* [Crime Investigation Methodology]. Moscow: VYuZI.
19. Selivanov, N. (1977) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya i sledstvennye situatsii v metodike rassledovaniya [Forensic characteristics of the crime and investigative situations in the methodology of investigation]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 2. pp. 56–58.
20. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminalistics]. Moscow: NORMA.
21. Akhmedshin, R.L. (2006) *Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika* [Criminalistic characteristics of the offender's personality]. Law Dr. Diss. Tomsk.
22. Luzgin, I.M. (1984) Nekotorye aspekty kriminalisticheskoy kharakteristiki i mesto v ney dannykh o sokrytii prestupleniy [Some aspects of forensic characteristics and the place in it of data on concealment of crimes]. In: *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic characteristics of crimes]. Moscow. pp. 25–30.
23. Vedernikov, N.T. & Khomenko, A.N. (1988) K voprosu o kriminalisticheskoy kharakteristike prestupleniya [On the forensic characterization of the crime]. In: *Aktual'nye voprosy pravovedeniya v period sovershenstvovaniya sotsialisticheskogo obshchestva* [Topical issues of jurisprudence in the period of improving the socialist society]. Tomsk. pp. 230–231.
24. Yablokov, N.P. (1984) Kriminalisticheskie kharakteristiki prestupleniy i sledstvennye situatsii v metodike rassledovaniya [Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in the methodology of investigation]. In: Vasil'ev, A.N. & Yablokov, N.P. *Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki* [Subject, system and theoretical foundations of criminalistics]. Moscow: Moscow State University. pp. 112–141.
25. Golovin, A.Yu. (2002) *Teoreticheskie osnovy i aktual'nye problemy kriminalisticheskoy sistematiki na sovremennom etape razvitiya kriminalistiki* [Theoretical foundations and topical problems of forensic systematics at the present stage of development of forensic science]. Law Dr. Diss. Tula.

26. Vardanyan, A.V. & Gribunov, O.P. (2017) Sovremennaya doktrina metodiko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy [Modern doctrine of methodological and forensic support for the investigation of certain types of crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2. pp. 23–35.
27. Khmyrov, A.A. & Zelenskiy, V.D. (eds) (1998) *Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov* [Criminalistics: a textbook for universities]. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
28. Kuklin, V.I. & Kuklin, V.V. (1992) *Kriminalisticheskaya metodika: ucheb. posobie* [Forensic methodology: a textbook]. Tver.
29. Aleksandrov, I.V. (2012) *Nalogovoe rassledovanie: osnovy kriminalisticheskoy metodiki* [Tax investigation: fundamentals of forensic methodology]. Moscow: YurLitinform.
30. Ishchenko, E.P. & Vodyanova, N.B. (2010) *Algoritmizatsiya sledstvennoy deyatel'nosti* [Algorithmization of investigative activities]. Moscow: YurLitinform.
31. Tarasenko, F.P. (2010) *Prikladnoy sistemnyy analiz: ucheb. posobie* [Applied system analysis: a textbook]. Moscow: KNORUS.
32. Antonov, A.Yu. (2008) *Teoriya i praktika vyyavleniya i rassledovaniya elektoral'nykh prestupleniy* [Theory and practice of identifying and investigating electoral crimes]. Law Dr. Diss. Moscow.
33. Knyaz'kov, A.S. (2013) *Analiticheskie taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Analytical tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Ishchenko, E.P. & Toporkov, A.A. (2010) *Kriminalistika: uchebnik* [Criminalistics: a textbook]. Moscow: INFRA-M.
35. Ishchenko, E.P. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Criminalistics: a course of lectures]. Moscow: AST; AST MOSKVA; KONTRAKT.
36. Artamonov, I.I. (1984) Metodologicheskie aspekty kriminalisticheskoy kharakteristiki [Methodological aspects of forensic characteristics]. In: *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic characteristics of crimes]. Moscow. pp. 63–69.
37. Obraztsov, V.A. (1988) *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestupleniy* [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
38. Komarov, I.M. (2003) *Problemy teorii i praktiki kriminalisticheskikh operatsiy v dosudebnom proizvodstve* [Problems of the theory and practice of forensic operations in pre-trial proceedings]. Law Dr. Diss. Barnaul.
39. Vardanyan, A.V. & Ayvazova, O.V. (2012) *Teoreticheskie osnovy kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, svyazannykh s oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v uchrezhdeniyakh sistemy zdoravookhraneniya* [Theoretical foundations of the forensic characterization of crimes related to the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances in healthcare institutions]. *Yurist'-Pravoved*. 4 (53). pp. 28–31.
40. Kononov, S.I. (2001) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki* [Theoretical and methodological foundations of criminalistics]. Law Dr. Diss. Volgograd.
41. Shmonin, A.V. (2018) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic characteristics of crimes]. In: Bertovskiy, L.V. (ed.) *Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov* [Criminalistics: a textbook for bachelor students]. Moscow: RG-Press. pp. 730–749.
42. Kustov, A.M. (1997) *Kriminalisticheskoe uchenie o mekhanizme prestupleniya* [Forensic doctrine on the mechanism of crime]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
43. Kustov, A.M. (2014) *Nauchnye osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o mekhanizme prestupleniya* [Scientific foundations of the forensic theory of the mechanism of crime]. In: Kustov, A.M. (ed.) *Kriminalisticheskaya teoriya mekhanizma prestupleniya* [Forensic theory of the mechanism of crime]. Moscow: YurLitinform. pp. 137–183.
44. Kononov, S.I. & Bondarenko, Yu.A. (2011) *Sootnoshenie kriminalisticheskoy kharakteristiki i mekhanizma prestupleniya po delam o prestupnykh narusheniyakh trebovaniy pozharnoy bezopasnosti* [Correlation between forensic characteristics and the mechanism of crime in cases of criminal violations of fire safety requirements]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 8. pp. 210–214.
45. Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
46. Aleksandrova, O.E. (2005) *Kriminalisticheskaya kharakteristika ubiystv po naymu i organizatsionno-takticheskie osobennosti ikh rassledovaniya* [Forensic characteristics of contract killings and organizational and tactical features of their investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. N. Novgorod.
47. Kosheleva, I.S. (2006) *Organizatsiya pervonachal'nogo etapa rassledovaniya ubiystv, sovershennykh nesovershennoletnimi* [Organization of the initial stage of the investigation of murders committed by minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
48. Afanas'ev, S.A. (1992) *Kriminalisticheskaya kharakteristika i tipovaya programma rassledovaniya seksual'no-sadistskikh ubiystv* [Forensic characteristics and a typical program for the investigation of sexually sadistic murders]. Abstract of Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
49. Kileso, E.G. (2004) *Metodika rassledovaniya ubiystv, sopryazhennykh s bezvestnym ischeznoeniem potepvshogo: pervonachal'nyy etap rassledovaniya* [Methods of investigating murders associated with the disappearance of the victim: the initial stage of the investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Saint Petersburg.
50. Malyshev, A.A. (2008) *Metodika rassledovaniya ubiystv v otdalennykh rayonakh Vostochnoy Sibiri* [Methods of investigating murders in remote areas of Eastern Siberia]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
51. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Criminalistics: a course of lectures]. Tomsk: TML-Press.
52. Zuykov, G.G. (1971) *Kriminalisticheskoe uchenie o sposobe soversheniya prestupleniya* [Forensic doctrine on the method of committing a crime]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 11. pp. 14–19.
53. Kuranova, E.D. (1962) *Ob osnovnykh polozheniyakh metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [On the main provisions of the methodology for investigating certain types of crimes]. *Voprosy kriminalistiki*. 6–7. pp. 152–166.
54. Kovrizhnykh, B.N. (1969) *Deyatel'nost' organov prokuratury po delam o neraskrytykh ubiystvakh* [The activities of the prosecutor's office in cases of unsolved murders]. Abstract of Law Cand. Diss. Kharkiv.
55. Kolmakov, V.P. (1969) *Sledstvennyy osmotr* [Investigative inspection]. Moscow: Yurid. lit.
56. Knyaz'kov, A.S. (2011) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kontekste ego sposoba i mekhanizma* [Forensic characteristics of a crime in the context of its method and mechanism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 1. pp. 51–64.
57. Vedernikov, N.T. (2014) The Identity of the Offender in Criminalistics and Criminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 384. pp. 148–152. (In Russian).
58. Vedernikov, N.T. (2014) On the Problem of the Limit of Studying the Personality of the Offender in Forensics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 135–138. (In Russian).
59. Andreev, A.S. (2020) *Postkriminal'naya deyatel'nost' kak ob'ekt poznaniya v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy* [Post-criminal activity as an object of knowledge in forensic science and the practice of investigating crimes]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
60. Tsentrov, E.E. (1998) *Kriminalisticheskoe uchenie o poterpevshe* [Forensic doctrine of the victim]. Moscow: Moscow State University.

Информация об авторе:

Князьков А.С. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: ask011050@yandex.ru

Ведрентцева С.В. – аспирант кафедры криминалистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Knyazkov, Dr. Sci. (Law), head of the Criminalistics Department, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru

S.V. Vedrentseva, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-19952011@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.05.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.*

*The article was submitted 19.05.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.*

Научная статья
УДК 343.122
doi: 10.17223/15617793/480/29

О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации

Ольга Анатольевна Малышева¹

¹ *Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия, moa_0510@mail.ru*

Аннотация. Уточняется перечень новых задач, возникающих перед следователем в условиях цифровизации общественных отношений. Обосновывается целесообразность овладения следователем знаниями, умениями применения современных технических средств, IT-технологий в процессе расследования преступлений. Аргументируется потребность в изменении образовательных программ подготовки следователей, усилив в них акцент на дисциплины цифрового блока.

Ключевые слова: электронное доказательство, профессиональная компетенция следователя, IT-технологии в расследовании уголовного дела, профессиональный стандарт профессиональной деятельности

Для цитирования: Малышева О.А. О новом векторе профессиональной подготовки следователя в условиях цифровой трансформации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 480. С. 262–269. doi: 10.17223/15617793/480/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/480/29

On a new vector of professional training of an investigator in the conditions of digital transformation

Olga A. Malysheva¹

¹ *Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, moa_0510@mail.ru*

Abstract. The subject of the research was the compliance of the investigator's professional competence with the requirements of modern criminal procedural practice against the background of the annual rapid growth of committed cybercrimes. It is established that the intensification of scientific and technological progress has led to the emergence of new tasks for the investigator, the solution of which requires him to be able to apply modern technical means, IT technologies in the process of proving. Possession of only legal knowledge in the conditions of digitalization of public relations becomes insufficient for investigators, since it does not allow them to fully, comprehensively, objectively, in compliance with a reasonable time, amply ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings to investigate criminal cases of these crimes. Modern educational programs are not aimed at forming the necessary professional competence of an investigator in the context of digital transformation and require adjustments. In the article, the author actualizes the interrelation between the content of the investigator's professional training and the quality and timeliness of the investigation of criminal cases of cybercrime, proves the need for the investigator to acquire special knowledge in IT, clarifies the current state and determines prospects for the professional training of investigators in the conditions of digitalization, reasons the need for changing educational programs for the training of investigators with an emphasis on the disciplines of the digital block in them. The research uses general scientific methods of cognition: formal logical, comparative legal, synthesis, content analysis of scientific literature, conversation, method of expert assessments. The conclusions of the research are based on the results of studying the opinions of investigators during their questionnaires and interviews with them, analyzing the materials of criminal cases on crimes investigated by investigators, summarizing the data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, research on this problem by other authors. Modern conditions of social development dictate the need to abandon the traditional idea of what knowledge investigators should possess. It should be enough for them to possess such knowledge, skills, competencies that would allow them to confidently work with digital information regardless of its forms of existence, apply IT in pre-trial proceedings. The change in the vector of professional training of an investigator should be perceived not only by departmental educational organizations of higher education aimed at training investigators, but also by other educational organizations training future lawyers in order to ensure the demand for their graduates in the labor market in the conditions of digital transformation.

Keywords: electronic evidence, professional competence of investigator, IT in criminal case investigation, professional standard of professional activity

For citation: Malysheva, O.A. (2022) On a new vector of professional training of an investigator in the conditions of digital transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 480. pp. 262–269. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/480/29

Современные общественные отношения характеризуются активным развитием технического прогресса, что обусловлено потребностью преодоления кризисных явлений в экономической, социальной, медицинской и иных сферах. Вместе с тем технический прогресс негативно сказывается на сфере противодействия преступности, поскольку отмечается устойчивая динамика роста преступлений, совершенных с использованием инфор-

мационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, именуемых также киберпреступлениями. Так, если в 2018 г. доля указанных преступлений от общего числа зарегистрированных преступлений составляла 8,8%, то в 2019 г. она увеличилась до 14,5%, в 2020 г. – до 25,0%, за 6 месяцев 2021 г. аналогичный показатель составил 26,5% [1] (рис. 1).

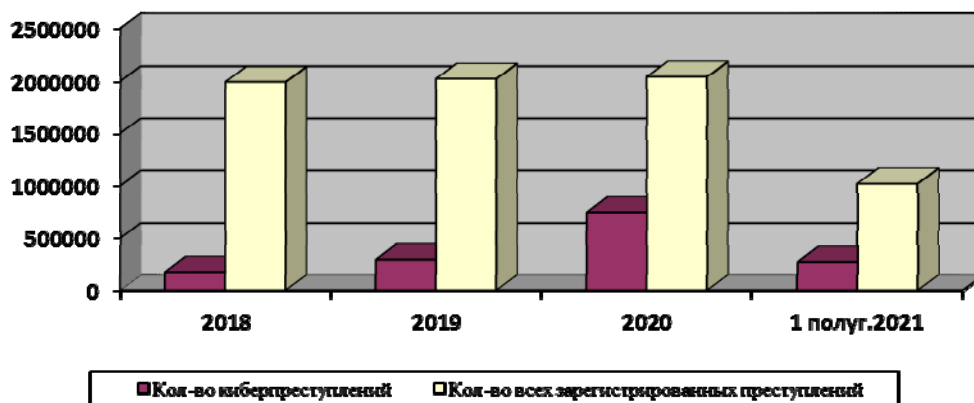

Рис. 1. Динамика совершения преступлений с использованием ИК-технологий или в сфере компьютерной информации

Киберпреступления характеризуются особым способом совершения, специфическими криминалистическими следами. Субъекты указанных преступлений отличаются достаточно высоким уровнем знаний (в сравнении с населением) в области компьютерных технологий. Указанные черты определяют новый подход властных субъектов уголовного судопроизводства к расследованию и разрешению уголовных дел о рассматриваемых преступлениях, в основе которого – нетрадиционный процесс доказывания, предусматривающий собирание электронных следов, проверку и оценку не только самой электронной информации, но и ее носителей.

Поскольку решение суда первой инстанции, как свидетельствуют результаты изучения судебной практики, основывается на доказательственной базе, сформированной следователем в ходе досудебного производства, и учитывает специфику обозначенных выше преступлений, то следует констатировать, что именно следователь в настоящее время должен уметь решать сложные задачи, прежде не возникавшие перед ним:

- 1) достоверно устанавливать механизм преступления, совершенного с применением ИТ-технологии;
- 2) своевременно устанавливать лиц, причастных к совершению преступлений, уверенно владеющих навыками обращения с информационными, телекоммуникационными технологиями;
- 3) формировать добротную доказательственную базу по уголовному делу, основу которой составляют электронные доказательства;

4) обеспечить соблюдение прав, законных интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, осложняющееся спецификой производимых по уголовному делу следственных (осмотр устройства флеш-памяти и др.) и иных процессуальных действий (изъятие мобильного телефона, копирование электронной информации с ее носителя и др.).

Сложность решения указанных задач дополнительно подтверждается существующими в научной литературе различными классификациями носителей электронных следов преступления. В частности, выделяются следующие носители электронных следов: 1) жесткий диск (венчестер), оптический диск; 2) оперативное запоминающее устройство (ОЗУ) ЭВМ; 3) ОЗУ периферийного устройства – принтера; 4) ОЗУ компьютерных устройств связи, сетевых устройств; 5) проводные, радиооптические и иные электромагнитные системы [2. С. 159–160]. Отдельные авторы предлагают иной перечень носителей электронной информации: 1) кэш-данные приложений; 2) MAC-адрес; 3) IP-адрес; 4) история создания файла; 5) физический адрес файла; 6) детализация соединений и др. [3. С. 64].

Наряду с указанным необходимо акцентировать внимание на тот факт, что научно-технический прогресс способствует более широкому применению современных технических средств, ИТ-технологий в уголовно-процессуальной практике. Так, в целях установления места нахождения трупа по уголовным делам об убийствах, уточнения места совершения преступления (геолокации) в следственной практике все чаще используют глобальные навигационные

спутниковые системы, которые предполагают у пользователей опыт работы с техническими средствами, устройствами, создающими навигационные сигналы, и умения визуализировать полученную таким образом информацию [4. С. 45].

Кроме того, при расследовании краж мобильных телефонов, гаджетов, а также в случае необходимости установления (подтверждения) факта знакомства, общения и т.п. соучастников по уголовному делу, обвиняемого и потерпевшего (свидетеля) следователь, как правило, добывает электронное доказательство, источником которого выступает IMEI телефона. Допустимость использования указанного доказательства для идентификации абонентов признает Верховный Суд РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», п. 12). Последнее обстоятельство не только уточняет правовую основу использования IMEI телефона в процессе доказывания, но и способствует формированию единообразной практики при использовании в ходе расследования преступлений сведений об IMEI-коде телефона, используемого практически каждым человеком.

Отдельными авторами высказывается мысль о целесообразности применения системы радиочастотной идентификации объектов при осуществлении противодействия расследованию таких преступлений, как незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывчатых устройств [5. С. 37]. Представляется, что знание следователем особенностей функционирования указанной системы позволит ему тактически грамотно построить ход расследования уголовного дела, верно определить направления поиска причастных к преступлению лиц и т.д.

В условиях цифровой трансформации, собирая, проверяя и оценивая электронные доказательства, следователь должен учитывать особенности процессуального порядка производимых в указанных целях следственных действий. В наибольшей степени это характерно для производства следственного осмотра, детально исследованного А.Н. Колычевой [4. С. 40]. Определенной спецификой обладает и производство такого следственного действия, как выемка в ходе осмотра носителей электронной информации. Главное в ходе выемки – исключить возможность бесконтактного доступа к данному носителю, который может привести к искажению или утрате содержащейся на нем информации. Обеспечению сохранности (достоверности) информации будет способствовать владение следователем сведениями о существовании и правилах применения «Мешка Фарадея» – электронного устройства, ограждающего рассматриваемый носитель от случайного доступа к нему [6. С. 33].

Проверка и оценка собранных следователем электронных доказательств предполагает установление указанным субъектом допустимости этих доказательств. В основе такого установления в условиях цифровой трансформации выступают не столько предписания, закрепленные нормами уголовно-

процессуального закона, сколько критерии технического характера, определяющие надежность, неизменность собранной электронной информации, не получившие нормативного закрепления. Указанное свидетельствует о том, что в современных условиях развития информационного общества следователю уже недостаточно владеть знаниями отраслей права (правовыми знаниями).

Известный ученый В.Н. Махов ранее писал, что следователь при расследовании преступлений использует профессиональные знания, исключая применение им специальных знаний [7. С. 84]. Отдавая дань уважения научным взглядам В.Н. Махова, позволим себе уточнить, что в настоящее время с приведенным утверждением сложно согласиться. Все чаще в следственной практике возникают процессуальные ситуации, когда при принятии процессуальных решений и производстве процессуальных действий следователю уже недостаточно знания права, социологии, психологии, поскольку IT-технологии все активнее применяются не только при совершении преступлений, но и при организации противодействия их расследованию. Все отчетливее проявляется потребность в овладении следователем знаниями программирования, информационного, телекоммуникационного профилей.

Осознание этого властными субъектами, как показывает опрос следователей, происходит без особого интереса с их стороны, поскольку, во-первых, требуемое в современных условиях новое содержание профессиональной подготовки непривычно для следователя; во-вторых, овладение иной структуры профессиональных знаний – сочетание правовой и информационно-технической составляющей – сложный когнитивный процесс. Указанное подтверждается результатами эмпирического исследования, проведенного другими учеными.

Так, по данным Ф.К. Зиннурова, Э.Т. Хайрулловой, 78% опрошенных ими следователей либо не учитывают в ходе производства по уголовному делу особенности полученной компьютерной информации, либо недооценивают возможности такой информации для полного установления фактических обстоятельств уголовного дела, 22% указанных респондентов в своих действиях и решениях в рассматриваемых ситуациях полагаются на специалистов [8. С. 275].

Представляется, что полученным данным отчасти корреспондируют предписания уголовно-процессуального закона об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей информации, копировании носителей информации следователем (ст. 164.1 УПК РФ). Однако следует признать, что такое законодательное установление неоднозначно оценивается следователями. Как показывает изучение следственной практики, значительная часть следователей считает, что способны самостоятельно не только копировать электронную информацию, но и произвести изъятие ее носителей. Схожие данные получили С.В. Зуев, В.С. Черкасов. Так, по мнению 84% опрошенных ими следователей, необходимо исключить из уголовно-процессуального закона правило об обязательном участии специалиста в следственном действии, требую-

щем изъятие электронных носителей информации. Только 16% респондентов считают целесообразным анализируемое участие специалиста [9. С. 194].

Отметим, что следственная практика разнородна в рассматриваемых процессуальных ситуациях. Ее формированию способствует отсутствие единой позиции судов по вопросу признания полученных в отсутствие специалиста электронных доказательств допустимыми. На данный факт обращается внимание и другими авторами при анализе решений, вынесенных рядом судов в порядке ст. 125 УПК РФ: Севастопольским городским судом, Приморским краевым судом, Омским областным судом и др. [10. С. 161–162].

С учетом изложенного верной представляется позиция С.В. Зуева о том, что предписания об обязательном участии специалиста, предусмотренные ст. 164.1 УПК РФ, необоснованно сужают процессуальную самостоятельность следователя. Ввиду указанного они подлежат исключению из уголовно-процессуального закона [11. С. 58–60]. Необходимо учитывать и тот факт, что специалист, в качестве которого, как правило, выступает судебный эксперт, отвлекается от производства сложных, длительных по времени компьютерных, программно-технических и иных судебных экспертиз, что трудно признать обоснованным с точки зрения обеспечения разумного срока досудебного производства.

Кроме того, следователь, при отсутствии у него глубоких знаний из сферы IT-технологий, способен изъять технически несложные носители электронной информации без ущерба для содержащейся на них информации – флеш-карты. СД-диск и т.п. Поэтому отдельные авторы предлагают вопрос привлечения специалиста к участию в следственном действии разрешать следователем по собственному усмотрению в целях обеспечения обоснованного и целесообразного участия специалиста [12. С. 166]. Такое предложение требует дополнительной проработки, чтобы исключить возможности злоупотребления правом следователем [13. С. 914–924], влекущего признания электронного доказательства ничтожным.

Наряду с указанным следует акцентировать внимание и на иную проблему, возникающую в следственной практике вследствие реализации предписаний, закрепленных ст. 164.1 УПК РФ. В частности, следователь, прежде чем допустить специалиста к участию в производстве следственного действия, обязан проверить его компетенцию. Такая проверка сводится к представлению специалистом документа о соответствующем профессиональном образовании и сведений, подтверждающих стаж его профессиональной деятельности. Но в научной литературе обоснованно ставится вопрос о том, какого уровня должно быть образование: среднего специального (уровень бакалавриата) или высшего (уровень магистратуры). Также высказываются сомнения, что наличие диплома о профессиональном образовании во всех случаях обеспечивает качественное проведение следственного действия с участием специалиста. Кроме того, нормативно не установлен размер минимального стажа, при наличии которого допустимо привлекать специалиста

к производству следственного действия. На отсутствие необходимой подготовки у привлекаемых специалистов указывают нередко и следователи [14. С. 180]. Между тем в условиях цифровой трансформации все чаще электронные доказательства имеют решающее значение по уголовному делу.

Заслуживает внимания и утверждение П.С. Пастухова о том, что в настоящий период отсутствуют стандарты для аккредитации, сертификации, образования таких специалистов [15. С. 480]. Одновременно дискуссионным представляется предложение отдельных авторов об определении именно следователем в различных процессуальных ситуациях уровня квалификации указанных специалистов, их навыков по изъятию, фиксации, исследованию электронных носителей информации [14. С. 180]. Мотивируют свое предложение указанные авторы возложением на следователя уголовно-процессуальным законом личной ответственности за полноту и качество расследования уголовного дела. Но чтобы следователь полноценно мог удостовериться в компетенции привлекаемого специалиста, он должен сам владеть знаниями из сферы IT-технологий.

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание, что назначением уголовно-процессуальной деятельности следователя выступает ограждение лица, заподозренного в совершении преступления, от произвола государства, которому оно с большей долей вероятности может быть подвергнуто при разрешении уголовно-правового конфликта [16. С. 70], следует заключить, что в условиях цифровизации общественных отношений необходимой становится смена вектора профессиональной подготовки следователя, которая базируется на федеральных государственных образовательных стандартах (далее – ФГОС). Последние сменили парадигму знаний, умений, навыков, прежде присущую системе высшего образования. Основу указанных стандартов составляет компетентностный подход, нацеленный на овладение знаниями, навыками, компетенциями, соответствующими требованиям современного общества. Рассматриваемый подход предполагает наличие у выпускника образовательной организации определенного опыта в решении профессиональных задач. Ретроспективный анализ образовательной сферы свидетельствует о постоянном изменении требований к подготовке выпускника. Изложенные выше проблемы следственной практики обосновывают необходимость в корректировке профессиональных компетенций, формируемых ФГОС у юристов уровней бакалавриата, специалитета.

Для решения обозначенной проблемы первоначально следует обратиться к приказу Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция». Согласно п. 1.13 данного приказа образовательная организация наделена правом конкретизировать содержание программы бакалавриата в рамках направления подготовки, ориентируя ее на область и сферу про-

фессиональной деятельности выпускника, а также на задачи указанной деятельности. При этом она должна руководствоваться содержанием ФГОС, устанавливающим перечень обязательных к освоению обучающимся дисциплин (27 наименований). Большинство из таких дисциплин представляют самостоятельную отрасль материального или процессуального права. Данным приказом (п. 2.2) для изучения также включена дисциплина «Информационные технологии в юридической деятельности», поскольку рассматриваемый ФГОС предусматривает формирование такой общепрофессиональной компетенции, как информационные технологии (ОПК-8). Согласно данной компетенции выпускник должен быть способен решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий.

Между тем применение информационных технологий – достаточно обширное понятие и, как представляется, в системе компетенций, подлежащих овладению – не нацеливает выпускника-юриста на необходимость глубокого освоения современных информационно-коммуникационных технологий, правил компьютерного программирования и т.п. Приведенная выше компетенция выполняет вспомогательную функцию и является недостаточной в контексте реализации национальной программы «Цифровая экономика», утвержденной Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204, и не ограничивается в своей юрисдикции пределами функционирования экономических отношений. Очевидно, что в современных условиях жизнедеятельности государства迫切ностью становится определение приоритета инфор-

мационно-технической подготовленности выпускника-юриста, особенно если его профессиональная деятельность связана с обеспечением законности и правопорядка, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Анализируемый ФГОС создает условия для решения указанной проблемы. В частности, в ведении образовательной организации находится определение содержания профессиональных компетенций. При этом ей надлежит опираться на профессиональные стандарты соответствующей профессиональной деятельности. Но профессионального стандарта подготовки следователя на сегодняшний момент не существует. В такой ситуации образовательная организация обязана в соответствии с приведенным приказом Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (п. 3.5) проанализировать требования к профессиональным компетенциям, предъявляемым к работникам на рынке труда, обобщить отечественный и зарубежный опыт в рассматриваемом направлении, проанализировать иные источники. Указанное требование распространяется и на образовательные организации, осуществляющие подготовку юристов по программам бакалавриата, специалитета.

Анализ учебных планов ряда образовательных организаций, учет экспертных оценок по данному вопросу позволяет заключить, что в указанных планах с учетом современных требований, предъявляемых к профессиональной подготовке юристов, недостаточно предусмотрено средств (модулей, количества зачетных единиц (часов)) для овладения будущими юристами информационно-цифровых технологий (табл. 1, 2).

Таблица 1

Анализ учебного плана по ООП 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности – Специалитет

Курс обучения	Кол-во часов на изучение дисциплин Блока Б1	Кол-во часов на изучение дисциплин, формирующих профессиональную компетенцию – «информационно-коммуникационную» ¹
1	1 152	166 (Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности)
2	1 032	–
3	1 024	48 (Кибербезопасность и правовое регулирование информационной безопасности)
4	1 060	56 (Информационное право; Информационно-правовые системы)
5	742	–
Всего за период обучения	5 010	270 (5,4%)

Таблица 2

Анализ учебного плана по ООП 40.03.01 Юриспруденция - Бакалавриат

Курс обучения	Кол-во часов на изучение дисциплин Блока Б1	Кол-во часов на изучение дисциплин, формирующих профессиональную компетенцию – «информационно-коммуникационную»
1	1 046	42 (Информационные технологии в юридической деятельности)
2	922	–
3	1 016	–
4	107	28 (Избирательное право; электронный документооборот и электронные доказательства в уголовном, гражданском, арбитражном судопроизводстве; энергетическое право (особенная часть))
Всего за период обучения	3 091	52 (1,7%)

Исходя из содержания учебного плана по ООП 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности – Специалитет, следует заключить, что схожее соотношение объемов изучаемых дисциплин характерно для основных образовательных программ (далее – ООП), осваиваемых в ведомственных образовательных организациях высшего образования, находящихся в ве-

дении МВД России, Следственного комитета России. Принципиальное отличие состоит в уточнении названия специализации, узкой специализации подготовки выпускников. С учетом темы научной работы для нас представляет интерес соответственно специализация уголовно-правовая и специализация узкая – предварительное следствие в органах внутренних дел.

Следует отметить, что в Московском университете МВД России (далее – МосУ МВД России) реализуются основные образовательные программы высшего образования, наполненные в достаточной степени информационно-телекоммуникационной составляющей, результаты освоения которых приобретают повышенную значимость для уголовно-процессуальной деятельности: «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере» (специализация – компьютерная экспертиза при расследовании преступлений; информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности, узкая специализация – оперативно-техническое обеспечение раскрытия и расследования киберпреступлений; технологии защиты информации в правоохранительной сфере) [17].

Анализ представленных данных позволяет заключить, что и в ведомственных вузах при подготовке следователей акцент делается на гуманитарные дисциплины. Освоение дисциплин информационно-цифрового профиля предусмотрено иными участниками уголовного судопроизводства – главным образом специалистом, судебным экспертом. Привлечение последних следователем, как ранее было аргументировано, для производства следственных действий во многих случаях является нецелесообразным. Поэтому вопрос об изменении содержания профессиональной подготовки следователя продолжает оставаться актуальным и для ведомственных вузов.

Существование проблемы недостаточности владения следователями знаниями информационно-цифрового характера признает и Е.Р. Россинская. Она предлагает ее решить не только путем расширения обозначенной составляющей в основной образовательной программе при подготовке будущих следователей, но и посредством переподготовки или повышения их квалификации [18. С. 33]. Представляется, что реализация последнего в образовательной деятельности не позволит достичь необходимого качества подготовки следователя, которое требуется в условиях повсеместной цифровизации общества. Будущему следователю необходимо в значительно большем объеме, чем сейчас, изучать и вырабатывать навыки уверенного применения знаний из сферы IT-технологий. Необходимость последнего усиливается ввиду введения в экономику электронных денег, криптовалюты, что требует владения иными профессиональными компетенциями.

Наполнение ООП образовательных организаций, готовящих выпускников для сферы обеспечения законности и правопорядка, должно происходить за счет включения в нее в качестве обязательных к изучению таких дисциплин, как программирование, алгоритм обработки данных, системы управления базами данных, криминалистическое исследование виртуальных следов и т.п. Очевидно, что без изменения содержания ФГОС высшего образования невозможна обозначенная корректировка ООП.

В рассматриваемом аспекте положительным следует признать опыт Национального исследователь-

ского университета «Московский институт электронной техники», в учебном плане которого по программе 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация – уголовно-правовая) из 269 зачетных единиц (дисциплины Блока 1) 60 зачетных единиц (почти четверть) приходится на освоение дисциплин электронно-цифрового характера [19]. Представляется, что оптимальным количеством таких зачетных единиц должно быть не менее трети от объема всех обязательных для изучения учебных дисциплин будущими юристами, специалистами в сфере обеспечения законности и правопорядка.

Настало время отказа от традиционного представления о том, какими знаниями должен владеть следователь, чтобы качественно, в разумный срок, соблюдая права, законные интересы участников уголовного судопроизводства, расследовать уголовные дела о преступлениях, среди которых стабильно растет число киберпреступлений. Следователю необходимы знания и умения, компетенции, которые позволили бы ему:

1) уверенно работать с цифровой информацией независимо от форм ее существования, одновременно принимая во внимание особенности работы с ней, обусловленные конкретной формой существования;

2) верно оценивать сведения, закрепленные на электронном носителе с помощью цифровых знаков, на предмет относимости их к расследуемому уголовному делу;

3) без искажения преобразовывать цифровую информацию в аналоговую (при необходимости) посредством специальных устройств и программных средств;

4) правильно изымать и упаковывать носители электронной информации, исключая возможность искажения, уничтожения последней;

5) верно определять вид судебной экспертизы, подлежащей назначению по уголовному делу, исходя из конкретных его обстоятельств: а) экспертизу данных программного обеспечения, б) компьютерно-техническую (информационно-компьютерную, компьютерно-сетевую, программно-компьютерную, аппаратно-компьютерную) и др.;

6) создавать и уверенно работать с виртуальной копией хранения виртуальных следов IT-преступлений;

7) обеспечивать сохранность электронной информации (виртуальных следов преступлений), имеющейся в уголовном деле, на протяжении всего периода досудебного производства;

8) владеть методикой выявления и фиксации электронных доказательств;

9) уверенно владеть технологией внедренного автоматического рабочего места следователя;

10) уверенно эксплуатировать сетевое оборудование;

11) определять факты и средства фальсификации (искажения) электронной информации лицами, оказывающими противодействие расследованию преступлений.

В заключение отметим, что изменение вектора профессиональной подготовки следователя должно быть воспринято в первую очередь ведомственными образовательными организациями высшего об-

разования, нацеленными на подготовку следователей. Вне решения обозначенной проблемы не должны оставаться и образовательные организации, обучающие по программе высшего образования

«Правовое обеспечение национальной безопасности», чтобы обеспечить востребованность своих выпускников на рынке труда в условиях цифровой трансформации.

Примечание

¹ Автором указано условное название профессиональной компетенции ввиду ее отсутствия в ФГОС и исходя из ее сущности.

Список источников

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 18.02.2022).
2. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям. М., 2002.
3. Головчанский А.В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник ВИ МВД России. 2015. № 2.
4. Колычева А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
5. Желудков М.А. Вопросы повышения эффективности информационно-технического обеспечения безопасности собственности от корыстных преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 11.
6. Скобелин С.Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. 2014. № 20.
7. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000.
8. Зиннуров Ф.К., Хайруллова Э.Т. Особенности работы с электронными носителями как источниками доказательств при проведении следственных действий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32).
9. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации (статья 1641 УПК РФ): преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2.
10. Головин А.А. Процессуальные аспекты изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: X Ежегодная Всероссийская конф., 26 ноября 2020 г. : сб. науч. трудов / [сост. О. В. Химичева]. М., 2021.
11. Зуев С.В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4.
12. Маламагамедова А.Р. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации // Актуальные проблемы совершенствования производства предварительного следствия в современных условиях развития уголовно-процессуального законодательства : Всерос. науч.-практ. конф. : сб. науч. трудов. М., 2020.
13. Андреева О.И., Григорьев В.Н., Зайцев О.А., Трубникова Т.В. Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6.
14. Семикаленова А.И., Рядовский И.А. Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).
15. Пастухов П.С. О необходимости развития компьютерной криминалистики // Пермский юридический альманах. 2018. № 1.
16. Малышева О.А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469.
17. Официальный сайт Московского университета МВД России. URL: <http://мосу.мвд.рф/obrazovatelnye-programy> (дата обращения: 17.02.2022).
18. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57).
19. Официальный сайт НИУ МИЭТ. URL: <http://miet.ru/structure/s/265> (дата обращения: 17.02.2022).

References

1. *Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal.* [Online] Available from: <http://crimestat.ru/analytics> (Accessed: 18.02.2022). (In Russian).
2. Volevodz, A.G. (2002) *Protivodeystvie komp'yuternym prestupleniyam* [Counteraction to computer crimes]. Moscow.
3. Golovchanskiy, A.V. (2015) Ob ispol'zovanii sredstv sputnikovoy navigatsii v tselyakh ustanovleniya i fiksatsii koordinat mesta proisshestiya [On the use of satellite navigation tools in order to establish and fix the coordinates of the scene]. *Vestnik VI MVD Rossii*. 2.
4. Kolycheva, A.N. (2018) *Fiksatsiya dokazatel'svennoy informatsii, khranyashcheyasya na resursakh seti Internet* [Fixation of evidentiary information stored on the resources of the Internet]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Zheludkov, M.A. (2013) Voprosy povysheniya effektivnosti informatsionno-tekhnicheskogo obespecheniya bezopasnosti sobstvennosti ot korystnykh prestupleniy [Issues of improving the efficiency of information and technical security of property from mercenary crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 11.
6. Skobelin, S.Yu. (2014) Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri rabote s elektronnyimi sledami [The use of special knowledge when working with electronic footprints]. *Rossiyskiy sledovatel*. 20.
7. Makhov, V.N. (2000) *Ispol'zovanie znaniy svedushchikh lits pri rassledovanii prestupleniy* [Using the knowledge of educated persons in the investigation of crimes]. Moscow.
8. Zinnurov, F.K. & Khayrullova, E.T. (2018) Osobennosti raboty s elektronnyimi nositelyami kak istochnikami dokazatel'stv pri provedenii sledstvennykh deystviy [Features of working with electronic media as sources of evidence during investigative actions]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2 (32).
9. Zuev, S.V. & Cherkasov, V.S. (2019) Novye pravila iz'yatiya elektronnykh nositeley i kopirovaniya informatsii (stat'ya 1641 UPK RF): preimushchestva i nedostatki novelly [New rules for the seizure of electronic media and copying of information (Article 1641 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): advantages and disadvantages of the novel]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. 2.
10. Golovin, A.A. (2021) [Procedural aspects of the seizure of electronic media and copying information from them]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: sovremennoe sostoyaniye i strategiya razvitiya* [Criminal proceedings: current state and development strategy]. Conference Proceedings. 26 November 2020. Moscow. (In Russian).

11. Zuev, S.V. (2018) Osmotr i iz'yatie elektronnykh nositeley informatsii pri provedenii sledstvennykh deystviy i operativno-rozysknykh meropriyatiy [Inspection and seizure of electronic media during the conduct of investigative actions and operational-search activities]. *Zakonnost'*. 4.
12. Malamagamedova, A.R. (2020) [Expert's participation in the seizure of electronic media]. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya v sovremennykh usloviyakh razvitiya ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Topical issues of improving the production of preliminary investigation in modern conditions for the development of criminal procedural legislation]. Conference Proceedings. Moscow. (In Russian).
13. Andreeva, O.I. et al. (2018) Zloupotrebleniye pravom, ego preduprezhdeniye i presecheniye v ugovolnom protsesse Rossii: nekotorye itogi issledovaniya [Abuse of the right, its prevention and suppression in the criminal procedure of Russia: some results of the study]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 12 (6).
14. Semikalenova, A.I. & Ryadovskiy, I.A. (2019) Ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy pri obnaruzhenii i fiksatsii tsifrovyykh sledov: analiz sovremennoy praktiki [The use of special knowledge in the detection and fixation of digital traces: an analysis of modern practice]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6 (103).
15. Pastukhov, P.S. (2018) O neobkhodimosti razvitiya komp'yuternoy kriminalistiki [On the need for the development of computer criminalistics]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*. 1.
16. Malysheva, O.A. (2021) The Investigator as a Subject of Proving and Making Procedural Decisions in Criminal Proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 469. pp. 69–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/469/9
17. *Official website of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. [Online] Available from: <http://mosu.mvd.rf/obrazovatelnye-programy> (Accessed: 17.02.2022). (In Russian).
18. Rossinskaya, E.R. (2019) Problemy ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v sudebnom issledovanii komp'yuternykh prestupleniy v usloviyakh tsifrovizatsii [Problems of the use of special knowledge in the forensic study of computer crimes in the context of digitalization]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 5 (57).
19. *Official website of NRU MIET*. [Online] Available from: <http://miet.ru/structure/s/265> (Accessed: 17.02.2022). (In Russian).

Информация об авторе:

Мальшева О.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия). E-mail: moa_0510@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Malysheva, Dr. Sci. (Law), professor, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: moa_0510@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 28.07.2022.

The article was submitted 01.03.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 28.07.2022.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 480. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.07.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33,7. Усл. печ. л. 31. Тираж 50 экз.
Заказ № 5269. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14....2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru